15
115

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

ФЕВРАЛЬ.

БИБЛІОТЕКА ЮЛОМЕНСКАГО ЗЕМСТВА

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ—ФЕВРАЛЬ.

СТРАН.

I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО.—[Письма къ кн. Л. Д. Урусову (1885 г.)].—(Продолженіе) 5

II. ЗАМѢТКИ О ТОЛСТОМЪ.—(„Безъ заминки“).—**Д. Овсянико-Куликовскаго** 24

III. ДВА БРАТА.—Стихотвореніе.—**Анатолія Доброхотова** 31

IV. ТОЛЬКО РОДИНА.—(Изъ книги „Печаль Франціи“).—Разсказъ.—**К. и О. Ковальскихъ** 33

V. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**А. Рославлева** 63

VI. МАРІЯ.—(Nocturne).—**Е. Ганейзера** 65

VII. КАПЕЛИ.—Стихотвореніе.—**Алексѣя Липецкаго** 85

VIII. ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ.—(Этюдъ).—**З. Канановой** 86

IX. ФЛИГЕЛЕКЪ.—Стихотвореніе.—**Вас. Смирнова** 102

X. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ АНГЛІИ.—**В. Керженцева** 103

XI. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИДЕИ ОБЪЕДИНЕНІЯ ЕВРОПЫ ПОДЪ ГЕГЕМОНІЕЙ ГЕРМАНІИ.—(Историческая справка).—**С. Загорскаго** 130

XII. РИЧАРДЪ ФЕРЛОНГЪ.—Темпля Сёрстона.—Съ англ. пер. **М. Славинской** 151

XIII. МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.—(Farfui).—Романъ Лучіано Цукколи.—(Продолженіе).—Переводъ съ итальянскаго **З. Журавской** 200

XIV. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ БЕСѢДЫ.—Идеализмъ Н. В. Станкевича.—**П. Сакулина** 246

XV. ХРОНИКА.—ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.—**Діонео** 265

XVI. ИЗЪ АМЕРИКИ.—(Война и американскіе рабочіе.—Война и соціалисты.—Отношеніе американской прессы къ войнѣ.—Съ кѣмъ общественное мнѣніе Америки?—Обращеніе Вильсона къ конгрессу.—Нѣмцы объ американской точкѣ зрѣнія.—Война и промышленная жизнь въ Америкѣ.—Уроки войны: агитація милитаризма въ Соединенныхъ Штатахъ).—**А. І. Закъ** 281

XVII. ИЗЪ БОЛГАРІИ.—(Болгарскій нейтралитетъ).—**И. Калина** 293

XVIII. ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ **К. Арсеньева** 302

XIX. СЛѢДСТВІЕ О БАЛКАНСКИХЪ ВОЙНАХЪ.—**Л. Слонимскаго** 318

XX. СПЕКТАКЛЬ ВЪ ПАМЯТЬ ЛЕРМОНТОВА.—**Е. Колтоновской** 325

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Австрійская дипломатія и графъ Берхтольдъ.—Политика нейтралитета въ Италіи и Румыніи.—Отношеніе Болгаріи къ Россіи.—Англо-американскіе споры.—Германскіе способы борьбы противъ Англіи 328

СТРАН

XXII. НА ТЕМЫ ДНЯ.—Засѣданія думской бюджетной комиссіи.—Выступленія крайнихъ правыхъ.—Общеземскій союзъ и курское земство.—Характерный финалъ.—А. М. Колюбакинъ †.—**К. Арсеньева** 340

XXIII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Война и поступленія въ сберегательныя кассы.—Наслѣдство, принятое новымъ министромъ народнаго просвѣщенія.—„Холодное" отношеніе къ интересамъ провинціи.—За кулисами вѣдомства.—Вопросы адвокатуры.—Помощники присяжныхъ повѣренныхъ.—Не лишенные правъ безправные граждане.—Освобожденіе Петрограда отъ освѣтителей-концессіонеровъ.—Усердіе сверхъ разума и мѣры.—**В. Кузьмина-Караваева** 350

XXIV. ПАМЯТИ Н. А. УМОВА—**О. Д. Хвольсона** 366

XXV. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—(Шестой мѣсяцъ войны).- **А. Оглина** . 373

XXVI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—„Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову". Юбилейный сборникъ. — Александръ Закржевскій. Лермонтовъ и современность.—**Ч. В—скаго.**—Алкей и Сафо. (Собраніе пѣсенъ и лирическихъ отрывковъ въ переводѣ Вячеслава Иванова). — **В. Вересаева.** — В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ.—**Ч. В—скаго.**—Земля. Сборникъ пятнадцатый.—**Е. Колтоновской.** 387

XXVII. ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ"—**Сергѣя Недолина** . 398

XXVIII. ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ 401

XXIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 438

XXX. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 440

XXXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 443

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе) [1]).

II.

Письма къ кн. Л. Д. Урусову (1885 г.).

Кн. Леонидъ Дмитріевичъ Урусовъ былъ вице-губернаторомъ въ Тулѣ (съ 1876 г.), умеръ отъ грудной болѣзни въ октябрѣ 1885 г. По общимъ отзывамъ, это былъ человѣкъ привлекательный, мягкій, сердечный, способный на высокій нравственный строй души. Когда служба привела его въ Тулу, онъ быстро сошелся съ Л. Н. (упоминаніе о знакомствѣ есть въ 1879 г. См. переписку съ А. А. Толстой, 322) и одинъ изъ первыхъ глубоко проникся новымъ міровоззрѣніемъ Толстого. Какъ только появилась «Въ чемъ моя вѣра», кн. Урусовъ перевелъ ее на французскій яз. и напечаталъ въ Парижѣ (изд. Фишбахера). Въ послѣдніе годы жизни онъ перевелъ (съ французскаго) и издалъ «Мысли» Марка Аврелія, извлеченіе изъ которыхъ было затѣмъ издано «Посредникомъ».

Въ 80-хъ годахъ Л. Д. Урусовъ былъ частымъ гостемъ Ясной Поляны лѣтомъ и въ другую пору, навѣщая Л. Н., который тогда сталъ по нѣскольку разъ въ зиму ѣздить въ деревню отдыхать отъ московской жизни. По частымъ личнымъ сношеніямъ переписка Толстого съ Урусовымъ не могла быть обильна; общій характеръ душевной близости ясенъ изъ всѣхъ печатающихся нынѣ писемъ. Всѣ они относятся къ 1885 г. Въ январѣ этого года Л. Н. узналъ отъ проф. Захарьина о без-

---

[1]) См. январь, стр. 5.

надежномъ положеніи Урусова, и это придало его симпатіи къ нему особый, трогательный характеръ. Урусовъ ранней весной долженъ былъ ѣхать въ Крымъ, но скоро выяснилось, что провожать больного собственно некому: жена съ дѣтьми жила въ Парижѣ, а родные Урусова не могли ѣхать. Едва Л. Н. узналъ объ этомъ, какъ рѣшилъ везти его самъ—не взирая на свою нелюбовь къ отлучкамъ, передвиженіямъ и къ связаннымъ съ ними перерывамъ въ серьезной работѣ. Въ Крыму онъ писалъ народные разсказы, но этого ему было мало, и онъ упрекалъ себя за праздность въ письмахъ къ С. А. «Здѣсь хорошо, но хорошо съ людьми своими и съ дѣломъ. Дѣло-то, положимъ, есть мнѣ всегда, но какое-то слишкомъ уже легкое. А я привыкъ, особенно послѣдніе годы, къ очень напряженному». Тѣмъ не менѣе, онъ вызвался и поѣхалъ охотно и съ дороги писалъ С. А.: «Моя поѣздка съ Урусовымъ будетъ ему радостна и, надѣюсь, полезна, потому что, если бы не я, онъ поѣхалъ бы одинъ». Всѣ письма проникнуты большой заботливостью и вниманіемъ; любовь и сочувствіе сказываются тутъ во всѣхъ деталяхъ при свойственной Толстому мужественной и серьезной формѣ. Онъ дѣлится съ нимъ свѣдѣніями о своихъ работахъ, присылаетъ все новое въ спискахъ (см. ниже); словомъ, просто и широко затрагиваетъ всѣ духовные интересы умирающаго друга, побуждая его жить всей полнотой души, не сосредоточиваясь на своемъ положеніи, хотя вовсе не стремится заслонить тѣмъ отъ больного вопросъ смерти; такое закрываніе глазъ Толстой всегда считалъ малодушіемъ. Онъ пишетъ разъ женѣ изъ Крыма: «Урусовъ въ духѣ слабомъ, и мнѣ не нравится то, что онъ не видитъ своего положенія, какъ будто боится узнать о немъ». И тѣмъ не менѣе, въ письмахъ видна мягкая заботливость, вниманіе къ простой человѣческой слабости; онъ сильно щадитъ Урусова при передачѣ Захарьинскаго діагноза и далѣе кое-гдѣ смягчаетъ, обращаясь къ нему, свой обычный опредѣленный и яркій тонъ сильнаго человѣка.

А. Г.

№ 1. Почтовый штемпель: Москва 19 января 1885 г.

Дорогой Леонидъ Дмитріевичъ. Нынче утромъ получилъ ваше прекрасное письмо, въ которомъ все глубокая правда и которое должно быть программой нашей практической дѣятель-

ности; но объ этомъ послѣ. Вчера я былъ у Захарьина [1]). Онъ сказалъ, что его діагноза остается та же: катарръ бронхъ, энфизема и ослабленіе голосовыхъ связокъ. Онъ говоритъ, что, строго слѣдуя его лѣченію, особенно осторожности и воздержности въ порывахъ, вы можете быть здоровы.—Какъ я не вѣрилъ медицинѣ, такъ и не вѣрю. Знаю, что вы больны, знаю, что вамъ надо беречься (и безъ докторовъ), непосредственное чувство указываетъ мнѣ это, когда я съ вами, хочется служить вамъ; а что вы будете здоровы или больны, умрете физической смертью нынче или черезъ 20 лѣтъ—это какъ было внѣ знанія и власти людей, такъ и осталось, для вашего тѣла такъ же, какъ и для всѣхъ тѣлъ, какія есть только на свѣтѣ.—Я писалъ домой, чтобы топили, и собираюсь пріѣхать и радуюсь мысли моихъ посѣщеній къ вамъ [2]).—Статья моя запрещена. Изъ П-га было распоряженіе, чтобъ ее не печатали въ 1-мъ № Р. М. [3]). Редакція надѣется напечатать во 2-мъ, но едва-ли. Она все-таки печатается и выйдетъ, вѣроятно, въ такомъ же видѣ, какъ «Вѣра», т.-е. растянется до 10 листовъ, представится отдѣльной книгой въ цензуру и также разойдется. Меня радуетъ то, что она читается по корректурамъ и уже переписывается, далеко не столько по самолюбію (к[оторое] все-таки мерзкое—есть), сколько потому, что я ясно вижу, что за эти лѣтъ 5 уже много сдѣлано такого, что не раздѣлается никогда, и что мы подвигаемся и подвигаемся и что, если бы сейчасъ умерли мы всѣ, исповѣдующіе сознательно Христово ученіе, Христово ученіе осталось бы среди людей не такое, какимъ оно было, и движеніе продолжалось бы точно также. Не осудите за гордость. Вы знаете, что это не гордость, а только оглядываніе назадъ. Правда и то, что оглядывающійся назадъ не надеженъ для Царствія Бога; но я больше не буду.

---

[1]) Захарьинъ Г. А. (1829—1897)—московскій врачъ—профессоръ, знаменитый діагностъ. Л. Н. узнавалъ у него о состояніи здоровья Урусова, вѣроятно, по его просьбѣ. Очевидно, къ этому именно 19 января слѣдуетъ отнести письмо Л. Н. къ А. А. Толстой (№ 151), неопредѣленно помѣченное издателями: „1884 или 1885 г.“. Тамъ говорится: „... вчера узналъ отъ Захарьина, доктора, что Урусовъ Леонидъ неизлѣчимо боленъ. Онъ не знаетъ этого, но родные его должны бы знать. Я писалъ и его женѣ“. Тѣ же слова: „вчера узналъ“... повторены и въ нашемъ письмѣ; семья Урусова была въ то время въ Парижѣ (см. въ концѣ нашего письма) и 2-го февраля Л. Н. пишетъ Софьѣ Андреевнѣ изъ Ясной Поляны, что писалъ и телеграфировалъ женѣ Урусова (Письма, № 231).

[2]) Дѣйствительно, Толстой въ концѣ января и въ началѣ февраля провелъ нѣсколько дней въ деревнѣ и часто видѣлся съ Урусовымъ, о чемъ подробности см. въ письмахъ къ С. А. (№№ 227—232).

[3]) Статья „Такъ что же намъ дѣлать“ назначалась въ журн. „Рус. Мысль“.

Мысль ваша о насыщеніи хлѣбами прекрасна, но не цензурна. Если бы сумѣть выразить ее цензурно, но это невозможно...

То, что вы пишете объ Абамеликѣ [1]), очень интересуетъ меня. Я боюсь вѣрить. Это было бы слишкомъ хорошо.

Вчера съ Захарьинымъ я до 12 часовъ бесѣдовалъ про вѣру. Онъ очень уменъ и правдивъ, но нельзя себѣ представить его невѣжество. Я ему говорю заповѣди Христа: вамъ сказано: «не убій, а я»... и говорю: «ну, вы помните». Онъ говоритъ: «нѣтъ, не помню; я не читалъ Евангелія». Вѣдь это неимовѣрно. А онъ молится Богу. Сначала вѣрилъ Троицѣ; но потомъ не могъ и не признаетъ, но молится: «Господи, да будетъ моя молитва истинная», и больше ничего. Прежде онъ говорилъ: Г-ди Іс. Христе, но теперь не говоритъ. Вы видите, какъ это искренно. И этотъ человѣкъ не читалъ Евангелія и мою книгу не хочетъ прочесть, п. ч. ему некогда.—Жду Черткова и покажу ему ваше письмо. Нынче видѣлъ во снѣ Тульск. Арх. Никандра. Что это значитъ? Что, ваши въ Парижѣ? Какое страшное дѣло убійство Блохина [2]). Для меня оно имѣетъ особенное значеніе. Мнѣ кажется, что я виноватъ въ немъ. Когда увидимся, разскажу.

Вашъ Л. Толстой.

№ 2. (Получено въ Дятьковѣ [3]) 28 февраля 1885 г.).

Давно не получаю отъ васъ писемъ, милый другъ, и боюсь ужасно, чтобы вы не уѣхали безъ меня.—Мнѣ пришла вотъ какая мысль. Вмѣсто того, чтобы прожить недѣлю или двѣ въ Ясной, я поѣду съ вами въ Крымъ, пробуду тамъ нѣсколько

---

1) Въ то время въ Ясную Поляну наѣзжалъ иногда сосѣдъ, молодой богатый помѣщикъ С. С. Абамелекъ-Лазаревъ. Къ чему относится намекъ, трудно рѣшить; можетъ быть, къ предполагавшемуся Урусовымъ вліянію на него Л. Н—ча.

2) Въ это время на Тульскомъ шоссе близъ Ясной Поляны былъ найденъ убитымъ яснополянскій крестьянинъ Блохинъ или Болхинъ (не смѣшивать съ „княземъ Блохинымъ"), подозрѣвавшійся односельчанами въ конокрадствѣ. Возможно, что Л. Н. упрекалъ себя потому, что зналъ эти подозрѣнья или слышалъ угрозы Болхину и теперь жалѣлъ, что не принялъ никакихъ мѣръ къ умиротворенію и къ выясненію дѣла.

3) Дятьково или Дядьково—въ Брянск. у. Орловск. губ., гдѣ извѣстные Мальцевскіе заводы. Туда отправился кн. Урусовъ передъ поѣздкой въ Крымъ (онъ былъ женатъ на Марьѣ Сергѣевнѣ Мальцевой); тамъ къ нему присоединился и Л. Н., желавшій воспользоваться случаемъ осмотрѣть огромное фабрично-заводское предпріятіе. О своихъ впечатлѣніяхъ тамъ Л. Н. писалъ Софьѣ Андреевнѣ.

дней съ вами и ворочусь [1]).—Какъ это устроить? Жена вернется—хотѣла 28-го—поэтому я могу пріѣхать только въ 1-хъ числахъ марта. Если вы раньше уѣдете, то застану ли я васъ и до какого числа въ Дятьковѣ. Мнѣ мысль эта очень улыбается. Я бы провелъ время съ вами, видѣлъ бы Дятьково и Крымъ. Je compte sans mon hôte, но я знаю, что жена одобритъ этотъ мой планъ. И нынче напишу ей объ этомъ...—Я все это время не писалъ ничего, кромѣ перевода 12 Апост. и предисловія къ нимъ [2]). Главное же, былъ поглощенъ чтеніемъ Georg'a Progress and Poverty, к[отораго] совѣтую вамъ прочесть. Это удивительный писатель—писатель, который произведетъ эпоху. Я началъ писать на листкѣ [3]), на кот[оромъ] была начата копія съ письма Орлова [4]) къ одному, обратившемуся ко мнѣ съ письмомъ, юношѣ съ вопросомъ о томъ, что мечъ раздѣленія, к[оторый] принесъ Христосъ, нельзя ли понять такъ, чтобы оправдать революцію. Орловъ нашелъ это письмо у меня и отвѣтилъ на него такъ прекрасно, что я попросилъ Ал. Петр. списать копію.—Статья Coquerell'a [5]) мнѣ

---

1) Л. Н. пишетъ въ тотъ же день С. А., которая была въ Петербургѣ, что планъ этотъ возникъ у него, когда онъ узналъ изъ полученнаго безъ нея письма сестры Урусова, что никто изъ родныхъ не можетъ провожать больного (Письма, № 237).

2) „Ученіе 12 апостоловъ"—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ христіанской литературы, возводящійся къ I—II вѣку. Памятникъ былъ тогда недавно найденъ въ Константинополѣ, а у насъ въ Россіи только-что напечатанъ (Труды Кіевской Дух. Академіи 1884 г. т. IV). Въ концѣ января 1885 г. Толстой уже работалъ надъ переводомъ его въ Тулѣ на квартирѣ Урусова и писалъ женѣ, что изъ этой работы „можетъ выйти народная книга большой важности" (Письма, № 228).

Переводъ Л. Н. съ его послѣсловіемъ былъ напечатанъ въ томъ же году въ благотворительномъ журн. „Дѣтская Помощь" (см. ниже), но повторить изданіе въ „Посредникѣ" не разрѣшили, и трудъ Толстого появился за границей въ изд. „Свободнаго Слова". Въ Россіи же лишь послѣ 1905 г. оказалось возможнымъ печатать „Ученіе 12 апостоловъ" отдѣльно и въ Собр. сочиненій Толстого. До сихъ поръ всѣ изданія сочиненій ошибочно относятъ переводъ Л. Н. къ 1895 г.

3) Письмо это состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ листковъ. Заполнивъ первую страницу перваго листка и перевернувъ, Л. Н. замѣтилъ, что на оборотной сторонѣ есть начатый текстъ: рукой переписчика, Ал. Петр. Иванова написано: „Родной мой, мнѣ кажется, что я близко стою къ тому, чтобы понять, почувствовать ту вашу боль, которая сказалась въ концѣ письма вашего"... Толстой слегка перечеркнулъ эту фразу и продолжалъ письмо между ея строками, объяснивъ Урусову, въ чемъ дѣло.

4) Здѣсь, очевидно, разумѣется Влад. Ѳед. Орловъ, знакомый Л. Н. въ 80-хъ годахъ, про котораго Л. Н. даетъ такія свѣдѣнія въ письмѣ къ В. И. Алексѣеву въ 1881 г. (Сергѣенко I, стр. 139): „Орловъ—пострадавшій, два года сидѣлъ по дѣлу Нечаева, и болѣзненный, тоже аскетъ по жизни, и кормитъ 9 душъ и живетъ хорошо. Онъ учитель въ желѣзнодорожной школѣ". Въ письмѣ къ С. А. въ слѣдующемъ году Л. Н. относитъ Орлова къ числу немногихъ своихъ новыхъ знакомыхъ въ Москвѣ, которыми дорожитъ. Въ 1887 г. Орловъ жилъ на Кавказѣ въ колоніи (Сергѣенко, Письма I, стр. 162).

5) Трудно сказать, къ какому Coquerel'ю относится: ихъ было два, отецъ и сынъ, обоихъ звали Athanase, оба были французскими протестантскими пасторами въ Парижѣ и писателями; вѣроятнѣе, къ сыну (умеръ въ 70-хъ г.г.).

была радостна. Она выражаетъ сочувствіе тому, что главное. Человѣкъ хочетъ войти въ домъ: если я вхожу задней дверью или окномъ, а онъ находитъ, что входить такъ неприлично и нехорошо, а лучше влѣзть черезъ крышу или непремѣнно войти парадной запертой дверью, то это не важно. Важно, что онъ (да и всѣ) желаютъ войти въ домъ. А если искренно желаютъ, то войдутъ. А то, что онъ влѣзетъ черезъ трубу или какъ-нибудь еще, это все равно. Мы одинаково будемъ привѣтствовать его. Père Nikita [1]) ничего, т.-е. ни дуренъ, ни хорошъ. Интересно—тема серьезная, но сердечнаго сочувствія—нѣтъ.

Здѣсь случилось событіе въ «Русской Мысли». Юрьева отстранили отъ журнала [2]). Не знаю, какъ это подѣйствуетъ на мое желаніе помѣстить статью вашей сестры. Какъ пріѣдетъ въ первый разъ Бахметьевъ [3]), такъ постараюсь отдать ему. Журналъ же самый сдѣлался мнѣ совсѣмъ чуждымъ.

Былъ здѣсь Чертковъ и привозилъ съ собой Оболенскаго [4]), издателя журнала «Русское Богатство». Это журналъ, имѣющій мало успѣха, но съ самымъ намъ близкимъ направленіемъ. Онъ проповѣдуетъ любовь людей на основаніи эволюціи и прогресса, т.-е. научнымъ жаргономъ, но въ сущности это журналъ съ христіанскимъ направленіемъ. Отъ этого-то Чертковъ такъ и ухватился за него. Если есть въ Тулѣ, посмотрите. Посмотрите романъ Оболенскаго (Красова) «Два полюса». Встрѣтился я въ вагонѣ съ Троицкимъ, еще когда уѣзжалъ отъ васъ. Онъ уменъ; но онъ до сихъ поръ только будущій архіерей. Можетъ быть, онъ проснется и оживетъ, но теперь онъ мертвый.

Ну, прощайте. Отвѣчайте поскорѣй.

Л. Т.

№ 3. (Бахчисарай, 21 марта) [5]).

Я доѣхалъ прекрасно. Прекрасно проголодался и уморился.—Пишите же мнѣ почаще, милый другъ. Мнѣ непріятно вспо-

---

1) Père Nikita—разсказъ кн. М. С. Урусовой, напечатанный въ Revue Bleue.

2) Подробности ухода С. А. Юрьева, кажется, вполнѣ не раскрыты до сихъ поръ.

3) Н. Н. Бахметевъ—секретарь ред. „Русской Мысли“.

4) Оболенскій Леонидъ Егоровичъ, издатель „Мысли“ и потомъ „Русск. Богатства“ (прежняго).

5) Записка изъ Бахчисарая, безъ конверта, со слѣдами сгиба втрое и адресомъ на обратной сторонѣ листа. Очевидно, Толстой вручилъ ее кучеру, отвозившему его на желѣзную дорогу на обратномъ пути изъ Крыма. Л. Н. въ началѣ марта привезъ Л. Д. Урусова на Южный берегъ и жилъ съ нимъ въ Симеизѣ въ имѣньи С. И. Мальцева, тестя Урусова (ему есть поклонъ въ запискѣ). Интересныя подробности перваго знакомства Толстого съ Крымомъ см. въ письмахъ къ С. А. (№№ 239—251).

мнить, какъ я мало видѣлъ васъ. Передайте мой поклонъ С. И. и душевную благодарность за его пріемъ.

Л. Толстой.

(На обратной сторонѣ письма рукой, повидимому, кн. Урусова, надпись карандашемъ: «Отдыхъ и завтракъ въ дер. Кокосѣ»).

№ 4. (Число неизвѣстно, но послѣ 5 апрѣля 1885 года, вмѣстѣ съ черновой разсказа «Два брата и золото», подписанной этимъ числомъ) [1]).

Посылаю вамъ, дорогой князь, ту черновую исторію о братьяхъ, к[оторую] вы хотѣли имѣть. Поправленная у Черткова, и та, кажется, лучше.

Посылаю вамъ еще нѣсколько азбукъ и новыхъ изданій по 1 р. 25 к. сотня. Картинки двѣ прошли цензуру, но еще не вышли. Меня очень радуетъ то, что дѣло это идетъ. Не дѣло радуетъ меня, п. ч. всѣ внѣшнія дѣла ничто, а то, что Черткову есть занятіе хорошее.—Я пріѣхалъ сюда уже съ недѣлю и почти ничего не сдѣлалъ; такъ много отнимаютъ времени отношенія съ людьми, часто пустыя и ненужныя. Впрочемъ, чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше не только убѣждаюсь, но чувствую, что важны не дѣла, а употребленіе времени, т. е. жизни—если не для себя даетъ Богъ употреблять хоть малую часть ея, то совершенно спокоенъ и увѣренъ, что съ пользой, хотя бы и не видѣлъ и не могъ даже предвидѣть никакихъ результатовъ. Не правда ли?—Въ Русск. Бог. напечатанъ отрывокъ статьи «*Что же н[амъ] д[ѣлать]*?» съ цензурными урѣзками. Нынче послалъ поправленное окончаніе отрывка въ слѣдующій номеръ. У насъ дома все бы хорошо, если бы не болѣзнь Лели. У него лихорадка, похожая на тифъ; но нынче послѣ 2-хъ недѣль получше.—Въ Харьковѣ меня-таки встрѣтили дамы и одна, Калмыкова [2]), про-

---

[1]) Письмо состояло, вѣроятно, изъ двухъ почтовыхъ листковъ, т. е. 8 страницъ; сохранился лишь второй листокъ, на которомъ продолжается и оканчивается копія разсказа „Два брата и золото“, занявъ двѣ съ небольшимъ страницы; на остальныхъ 1¾ страницахъ—собственноручное письмо къ Урусову. Текстъ разсказа помѣщаемъ вслѣдъ за письмомъ. У сына Л. Д., кн. С. Л. Урусова, есть еще черновая разсказа „Ильясъ“.

[2]) А. М. Калмыкова, дѣятельница по народному образованію. Она принимала тогда дѣятельное участіе въ Харьковской воскресной школѣ Х. Д. Алчевской и въ составленіи извѣстной книги „Что читать народу“. Вскорѣ же она перенесла свою дѣятельность въ Петербургъ, гдѣ теперь состоитъ предсѣдательницей Фребелевск. Общества. Въ ея книгу „Сократъ“, о которой тутъ рѣчь, Толстой внесъ много поправокъ и дополненій (См. „Толстовскій Ежегодникъ 1913 г.“. Письма Л. Н. къ Чертковымъ).

ѣхала со мной до Орла. Ея «Жизнь Сократа» вышла превосходная книжка, если она еще поправитъ ее. Чертковъ проѣхалъ въ деревню. Я выѣзжалъ къ нимъ и отдалъ ему статейки. Я ту изъ «Рабочаго» [1]) поправилъ. Онъ будетъ здѣсь 10-го апрѣля. Жена очень засуечена всякими весенними дѣлами и проситъ васъ простить ее за то, что еще не пишетъ. Я думаю о васъ каждый день не разъ и всегда съ любовью. Какъ кашель? Какъ духовная жизнь? Интересы какіе? Хорошо у васъ, только одиноко вамъ.

ДВА БРАТА И ЗОЛОТО (подпись къ лубочной картинѣ).

(Одна изъ первоначальныхъ редакцій. Отрывокъ) [2]).

...Жилъ Петръ въ городѣ 3 мѣсяца (построилъ всѣ свои заведенія), *пока строились дома. И когда отстроились дома*, пріискалъ *Петръ* богобоязненныхъ людей, одного старца поставилъ (игуменомъ) *старшимъ* (въ обитель) *надъ старцами*, другого поставилъ въ страннопріимный домъ, третьяго въ больницу, а еще вдову честную и милосердную поставилъ надъ сиротскимъ пріютомъ. (И еще остались у него деньги, и отдалъ ихъ Петръ для раздачи нищимъ). И стали наполняться народомъ его заведенія и стали его хвалить и благословлять, и радовалось сердце Петра на то, что онъ столько добра сдѣлалъ, и не хотѣлось ему уходить. Но жалко было брата. И вотъ отдалъ (всѣмъ наказъ какъ жить безъ него) *Петръ оставшіяся деньги для раздачи нищимъ* и пошелъ назадъ въ (пустыню) *свою келью къ брату*. Подходитъ Петръ къ своей (горѣ) *кельѣ* и думаетъ: «Несправедливо сдѣлалъ братъ, что испугался золота. Вотъ я взялъ его и снесъ въ городъ и роздалъ на добрыя дѣла и себѣ ничего не оставилъ, развѣ не

---

[1]) Разумѣется журналъ г-жи Пейкеръ „Русскій Рабочій", откуда Л. Н. почерпнулъ свой разсказъ „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ". См. исторію этого разсказа, восходящаго къ французскому источнику, въ статьѣ А. Е. Грузинскаго („Голосъ Минувшаго" 1913 г. № 3).

[2]) Рукопись писана переписчикомъ съ собственноручными поправками Л. Н. Поправки не сходятся съ окончательнымъ изданнымъ текстомъ, и печатаемый новый текстъ составляетъ особую редакцію, болѣе сжатую и краткую въ изложеніи, при чемъ лишь одинъ изъ братьевъ носитъ имя (Петръ, въ печатномъ Аѳанасій), другой же (теперь Іоаннъ), быть можетъ, даже не имѣлъ имени,—по крайней мѣрѣ въ сохранившемся отрывкѣ онъ называется просто братомъ. Найденный отрывокъ начинается фразой, соотвѣтствующей печатной: „И прожилъ Аѳанасій въ городѣ три мѣсяца"... и идетъ до конца разсказа. Мы печатаемъ текстъ руки переписчика, заключая въ скобки все зачеркнутое Л. Н. и давая курсивомъ всѣ авторскія замѣны и прибавленія.

лучше я сдѣлалъ, чѣмъ братъ? Онъ только испугался, прыгнулъ и убѣжалъ отъ золота». И только подумалъ это Петръ, какъ вдругъ видитъ: стоитъ на пути его тотъ ангелъ, который благословлялъ ихъ, стоитъ передъ нимъ грозно и рукой указываетъ ему путь прочь (изъ пустыни) *отъ кельи*. И обомлѣлъ Петръ и только сказалъ: За что, Господи? Развѣ не тебѣ служилъ я и въ городѣ. И ангелъ открылъ уста и сказалъ: Одинъ прыжокъ брата твоего дороже всего, что ты сдѣлалъ. Иди отсюда, ты недостоинъ быть съ нимъ. И сталъ Петръ говорить, что онъ для Бога дѣлалъ. *Но Ангелъ не слушалъ его и все также грозно указывалъ ему путь прочь отъ кельи.*

И заплакалъ Петръ и обличила его совѣсть, что не для Бога, а для славы человѣ(ка)*ческой* дѣлалъ онъ дѣла свои. И только тогда ангелъ сошелъ съ дороги и пропустилъ его.

И съ тѣхъ поръ Петръ ужъ не поддавался никакимъ соблазнамъ дьявола и зналъ, что только трудомъ рукъ своихъ, а не золотомъ можно служить *Богу и* людямъ.

5 апрѣля 1885 г.

№ 5. Крымъ. Южный берегъ, Станція Мисхоръ. Симеизъ. Князю Леониду Дмитріевичу Урусову. Москва 12 апр. 1885 г.

Очень благодарю васъ, милый другъ, за то, что вы часто даете о себѣ вѣсти и что сообщаете мнѣ свои мысли, приходящія вамъ по поводу разгозора съ С. И. [1]). Довольно съ однимъ человѣкомъ говорить, чтобы коснуться всѣхъ предметовъ. А вы ограничены однимъ собесѣдникомъ. У насъ все бы хорошо, если бы не Лелина лихорадка. Она-было оставила его, а теперь опять припадокъ—слабый. Я плохо подвигаюсь въ своей работѣ. Но интересъ не ослабѣваетъ и, если буду живъ, выскажу то, что имѣю сказать. Нынче пріѣзжаетъ Чертковъ и я испугался его, какъ учителя, и нынче утромъ написалъ разсказъ на-черно. Можетъ быть, выйдетъ порядочно.

Посылаю вамъ письмо Оболенскаго съ выпиской изъ Revue Philosophique [2]). Вамъ вѣрно будетъ интересно и вѣрно васъ разозлитъ, какъ критикуютъ нашу книгу. Лучше всего

---

[1]) С. И. Мальцевъ.

[2]) *Выписка изъ Revue Philosophique, о кот. упоминается въ письмѣ:* Le N du 14 Avril. 1885 de la R. Philos. „L'analyse de „Ma religion" de M. Maurice Vernes". Hoffre a tous la recette qui l'a guérie avec une éloquence familière, que nous déclarons à la fois touchante et respectable; mais cette recette échappe à la discussion par la nature même d'expérience, ou, si l'on préfère, d'impression personnelle".

«échappe à la discussion». И такъ-то третируетъ наука все, что разрушаетъ ея кумиры. Пожалуйста продолжайте мнѣ писать и почаще и все, что вздумается. Неинтересныхъ мнѣ отъ васъ писемъ не было и не можетъ быть. Обнимаю васъ. Жена вамъ кланяется.

Л. Т.

№ 6. Крымъ. Южный берегъ. Мисхоръ. Симеизъ. Князю Леониду Дмитріевичу Урусову.

(Получено 20 апрѣля 1885 г. въ Симеизѣ).

Спасибо вамъ, милый другъ, что часто пишете ко мнѣ. Пожалуйста, не переставайте. Ваше послѣднее письмо я получилъ при Чертковѣ и мы вмѣстѣ читали его. Онъ былъ здѣсь проѣздомъ и подбодрилъ меня, и я написалъ еще два разсказа и поправилъ Мартына [1]) и ужасно хочется поскорѣе сообщить ихъ вамъ. Одинъ длиненъ, а другой, для картинки, перепишу и пришлю вамъ [2]).—Сейчасъ видѣлъ Сытина, торговца издателя этихъ книжекъ [3]). У него есть товарищи по изданію, молодые люди торговаго міра—богатые. Онъ говорилъ, что они сейчасъ только прочли письмо къ Энгельг. [4]) и что чтеніе разъяснило для нихъ значеніе этого дѣла изданія и такъ подѣйствовало на нихъ, что они рѣшили издавать въ убытокъ, торговецъ бумаги тотчасъ же спустилъ $1^1/_2$ к. на фунтъ бумаги—это тысячи рубл. Вообще сочувствіе со всѣхъ сторонъ я вижу огромное и оно пугаетъ меня: не надеженъ для Царствія Б[ожія] пахарь, оглядывающійся назадъ. Да, надо бы подчеркнуть это. Дѣйствительно какъ ни странно это сказать, но *добро свое* нельзя видѣть, какъ ушей. Какъ только добро *свое*, такъ оно не добро. Добро должно быть ничье или Божіе. Иллюстрація къ этому мнѣ представляется такая: человѣкъ всю жизнь дѣлалъ добро и гордился имъ и вдругъ узнаетъ, что все оно было не добро, а то, что онъ

---

[1]) Разсказъ „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“.

[2]) Можетъ быть, это и есть „Ильясъ“, о которомъ см. 1-ое примѣч. на 11-й стр.

[3]) Рѣчь идетъ объ Ив. Дм. Сытинѣ, взявшемъ въ началѣ на себя изданіе „Посредника“.

[4]) Извѣстное письмо Толстого къ М. А. Энгельгардту 1882 г. Оно долго ходило въ спискахъ и въ цѣломъ видѣ до сихъ поръ еще встрѣчаетъ цензурныя преграды (въ 1911 г. оно было изъято изъ сборника писемъ въ изд. „Окто“). Въ изданіяхъ собранія сочиненій Л. Н. оно обозначается иногда, какъ статья „О непротивленіи злу зломъ (Письмо къ NN)“ или: „Изъ письма къ революціонеру“ и обычно дается неполностью. Въ собр. соч. 1913 г. подъ ред. П. И. Бирюкова изъ него данъ небольшой отрывокъ и отнесенъ къ 1886 г. Настоящее письмо къ Урусову заставляетъ отвергнуть эту дату.

дѣлалъ нечаянно, *не замѣчая, только то и было оно*. Кромѣ удивительнаго Parker'а [1]) на дняхъ мнѣ была радость найти книги Русскаго писателя, философскаго содержанія,—критика научнаго направленія—Ипполита Панаева [2]). Необыкновенно глубокія и замѣчательныя книги—всѣми презираемыя. Я найду купить и пришлю вамъ.

Похоже на войну, говорятъ, но я не могу вѣрить. Это мнѣ представляется самымъ удивительнымъ чудомъ. Чудеснѣе ничего нельзя представить того, что какое-нибудь существо начинаетъ дѣлать то, что противно его природѣ—рыба летать, камни рости.—Хорошо ли вамъ съ С. И.? Я часто думаю о вашихъ отношеніяхъ и мнѣ кажется, что вамъ хорошо. Вы ему дѣлаете пользу. Пишите же. Обнимаю васъ, жена и дѣти кланяются.

Л. Т.

№ 7. Крымъ. Южный берегъ. Мисхоръ. Князю Л. Д. Урусову.

(Получено 6 мая 1885 г.).

Ужъ сталъ упрекать васъ, милый другъ, за то, что давно не пишете, когда получилъ ваше. Мнѣ вамъ сказать хочется всегда такъ много, что не знаю что выбрать. Начну съ главнаго для васъ. Вы любите, знаете и понимаете Исаію пророка, какъ никто (я не встрѣчалъ). Составьте изъ Исая чтеніе для народа съ объясненіями, если гдѣ нужно. Я постараюсь пропустить сквозь цензуру, а вычеркнутъ, то останется Исая въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ—предшественникъ Христа: и обличитель заблужденій и проповѣдникъ той же Христовой истины. Текстъ нельзя, да и не нужно измѣнять, и въ синодальномъ переводѣ ученіе ясно. Вы сдѣлаете это прекрасно; я не знаю никого, кто бы сдѣлалъ это, какъ вы. Знаю, что вы любите добираться до точнаго выраженія мысли. Но здѣсь этого нельзя. А изъ многихъ не совсѣмъ точныхъ выраженій, подходящихъ съ разныхъ сторонъ къ той же мысли—мысль выясняется сама.

Не знаю, что будетъ дальше, но духовныя лица (нѣкоторыя)

---

1) Th. Parker (1810—1860), американскій богословскій писатель, унитаріанецъ. Сочиненія его были изданы въ Лондонѣ въ концѣ 60-хъ г.г. Повидимому, его издавалъ въ „Своб. Словѣ“ и В. Г. Чертковъ.

2) И. А. Панаевъ съ конца 70-хъ г.г. издалъ рядъ философскихъ книгъ, не получившихъ извѣстности.

становятся ко мнѣ терпимѣе. Иванцовъ-Платоновъ [1]) взялся къ полному изданію просмотрѣть мои запрещенныя писанія—Исп[овѣдь], Въ чемъ м[оя] в[ѣра] и ч[то] н[амъ] д[ѣлать] и выкинуть изъ нихъ то, что слишкомъ рѣзко. Другой священникъ, бывшій издатель Прав. Обозр., Смирновъ-Платоновъ [2]), издающій теперь журналъ филантропическій «Дѣтская помочь», обѣщался напечатать мой переводъ ученія 12 Апостоловъ съ моимъ послѣсловіемъ.

Чертково-Сытинское дѣло идетъ хорошо. Открытъ складъ. Набираются, печатаются и готовятся 10 картинокъ и 10 книжечекъ. Въ числѣ ихъ будетъ жизнь Сократа, составленная Калмыковой—будетъ превосходная народная и глубоко нравственная книга. Рѣпинъ рисуетъ картинки—превосходныя; другіе художники тоже и все даромъ.—Нынче мнѣ пришла мысль издавать картинки героевъ—не Скобелевыхъ,—а доктора Добраго [3]), высосавшаго дифтеритный ядъ, учителя въ Тулѣ, погибшаго въ пожарѣ, гдѣ онъ вытаскивалъ дѣтей, и такихъ героевъ, которые положили душу за други своя. Не знаете ли такихъ, напишите. Мысль эта мнѣ ужасно нравится. Кромѣ того есть богачъ Сибиряковъ [4]), предложившій деньги на изданіе народнаго журнала. Но не радуйтесь тому, что бѣсы повинуются вамъ, а ищите того, чтобы имена ваши были записаны на небесахъ, безпрестанно повторяю я себѣ. И когда понимаю вполнѣ значеніе этого, то мнѣ хорошо. Впрочемъ мнѣ большей частью хорошо на душѣ. Завтра буду у Сытина и постараюсь достать отпечатанные тексты 5-ти картинокъ и пришлю вамъ. Все, что будетъ выходить, буду тотчасъ же доставлять вамъ. Въ числѣ моихъ внѣшнихъ радостей есть еще и то, что я не перестаю находить превосходныя книги одномыслящихъ съ нами людей. Теперь я читаю Matthew Arnold Literature and dogma.

---

[1]) А. М. Иванцовъ-Платоновъ (умеръ въ 1894 г.), извѣстный и уважаемый московскій священникъ, профессоръ университета по Исторіи церкви; къ нему есть письма Л. Н.

[2]) Г. П. Смирновъ-Платоновъ (умеръ въ 1898 г.), другой выдающійся представитель московскаго духовенства. Въ его журналѣ „Дѣтская Помощь“ и было напечатано „Ученіе 12 апостоловъ“. Л. Н. считалъ этотъ текстъ своего перевода спѣшной и неотдѣланной работой (См. „Толстовскій Ежегодникъ 1913 г.“, письмо къ Чертковымъ № 26).

[3]) По разсказу гр. С. Л. Толстого рѣчь идетъ о д-рѣ Доброво, воспитателѣ дѣтей гр. Ад. В. Олсуфьева. Въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Чертковымъ („Толстовскій Ежегодникъ 1913 г.“) онъ названъ Бубновымъ, но въ подлинномъ письмѣ Урусову ясно читается „Добрый“. Быть можетъ, Л. Н. неточно передалъ фамилію.

[4]) К. М. Сибиряковъ, изъ богатой купеческой семьи, многіе представители которой извѣстны широкой поддержкой просвѣтительныхъ предпріятій. Журналъ не былъ разрѣшенъ.

Половина моихъ мыслей, выраженныхъ въ Евангеліи и критикѣ богословія, высказаны тамъ. Какъ бы я почиталъ ее съ вами.

Какъ вы? Какъ тѣлесное и духовное состояніе?—У насъ всѣ здоровы. Леля поправляется. Илюша кашляетъ не опасно. Всѣ они живутъ подлѣ меня своей странной, для нихъ естественной жизнью. Я закидываю къ нимъ свои вопросы. Иногда выскакиваютъ назадъ, иногда, думаю, западаетъ кое-что; и то хорошо.

Что ваши въ Парижѣ? Жена вамъ очень кланяется. Передайте мой привѣтъ Сергѣю Ивановичу.

№ 8. Князю Л. Д. Урусову. Симеизъ.

(Получено въ Симеизѣ 27 мая 1885 г.).

Получилъ ваше письмо передъ отъѣздомъ изъ Москвы и не успѣлъ отвѣтить. Выписки, кот. вы дѣлаете изъ Feuerbach'a, удивительно хороши и сильны. Какъ странно, что F[euerbach] извѣстенъ только какъ отрицатель. Я вамъ хотѣлъ сдѣлать выписки изъ M. Arnold'a, но нынче не успѣю. Онъ доставитъ *вамъ* большое удовольствіе... Онъ находитъ въ еврейскомъ ученіи понятіе о Богѣ, не какъ о лицѣ, а о eternal power, not ourselves which makes for righteousness. Не бойтесь словъ not ourselves. Этимъ онъ говоритъ только то, что евреи видѣли какой-то законъ, общій всему существующему и человѣку, который требуетъ порядка для міра, праведности для человѣка и ведетъ его къ ней. И что только подъ условіемъ соблюденія этого закона человѣкъ получаетъ благо. И этотъ-то законъ [1]) и ничто иное онъ называетъ Богомъ и утверждаетъ, что это самое подразумѣвали и евреи подъ словомъ Богъ. Понятіе это, онъ говоритъ, исказилось и Христосъ возстановилъ его, давъ методъ для нахожденія этого Бога и secret—тайну, какъ онъ называетъ, для исполненія велѣній этого закона. Методъ есть imwardness, т. е. признаніе источника всего въ себѣ, а тайна исполненія—это отреченіе отъ жизни [2]) для пріобрѣтенія жизни истинной. Желалъ бы, чтобы вамъ это также понравилось, какъ и мнѣ.—

1) Къ этому мѣсту Л. Д. Урусовъ приписалъ карандашемъ поперекъ письма: „Гдѣ же этотъ законъ? Каковъ этотъ законъ? Опять-таки человѣкъ и только человѣкъ опредѣляетъ его. Законъ о порядкѣ міра и праведности человѣка есть положеніе, вытекающее изъ разума и сознанія человѣка. Законъ праведности человѣка содержитъ въ себѣ законъ порядка внѣшняго міра. Какъ плоть во власти духа, такъ внѣшній міръ во власти объединеннаго человѣчества“.

2) Послѣ слова „жизни“ приписка Урусова: „устроенной міромъ“.

Журнальный фонд Псковской обл. библиотеки

Мы дней 5 какъ переѣхали въ деревню. Два старшіе только въ Москвѣ. Въ деревнѣ мнѣ что-то тяжело. Неправильность жизни нашей—это рабство бѣдныхъ, к[оторое] мнѣ такъ ясно и к[оторымъ] мы такъ наивно пользуемся, мнѣ особенно тяжело. Не знаю почему, но часто вспоминаю: претерпѣвый до конца спасенъ будетъ. И хотя не слѣдуетъ, но все жду чего-нибудь, что спасетъ меня отъ рѣжущаго разлада моей жизни съ сознаніемъ.

У насъ всѣ здоровы. Т. А. [1]) пріѣхала, только васъ нѣтъ. За чаемъ во время разговора я всегда вспоминаю васъ. «Вотъ тутъ, говорю, Урусовъ вступилъ бы въ разговоръ съ обычной горячностью и доказалъ бы то, что мнѣ хочется доказывать». Наканунѣ отъѣзда была Аделаида Дмитріевна [2]); что-то мнѣ совѣстно передъ ней, какъ будто я виноватъ. Должно быть, виноватъ. Обнимаю васъ.

Передайте мой поклонъ Сергѣю Ивановичу.

№ 9. Почтов. штемпель: 11 іюня 1885 г. Брянскъ, Дятьково.

(Получено 12 іюня).

Виноватъ передъ вами, милый другъ, не писалъ давно, а получилъ три письма: одно унылое изъ Симеиса, другое хорошее въ отвѣтъ на мое изъ Севастополя [3]) и третье теперь, изъ Дятькова—не унылое, но грустное для меня, п[отому] ч[то] вижу изъ него, что вамъ худо. Я не писалъ, п. ч. хочу самъ пріѣхать и пріѣхалъ бы, если бы не задержка—жена нездорова и нынче Таня бѣжала къ купальнѣ и убила руку въ плечѣ. Кажется, ничто не переломлено и не вывихнуто, но рука болитъ. Обѣ болѣзни не опасны.—Я получилъ отъ Сытина два моихъ разсказца и одинъ крестьянина Савихина. Посылаю ихъ вамъ, желаю, чтобы понравились. Кланяйтесь всѣмъ вашимъ. Какъ мнѣ хочется узнать незнакомыхъ мнѣ дѣтей вашихъ. Не пишу больше, у насъ сидитъ Самаринъ [4]). Я только-что говорилъ съ нимъ и съ *досадой*. Онъ толковалъ съ важностью о томъ, что собственность есть прирожденное свойство человѣка. Все, что говорили брамины, будисты, Христосъ—все это вздоръ, а юристы знаютъ...

---

[1]) Сестра С. А. Толстой, Т. А. Кузьминская.
[2]) Сестра кн. Урусова, А. Д. Иванова.
[3]) Это письмо не сохранилось.
[4]) П. Ф. Самаринъ, знакомый Л. Н., братъ Юрія и Дмитрія Самариныхъ.

Досадно. Вотъ Давыдовъ [1]). Я его видѣлъ и поминалъ васъ: правда, что хорошъ. Они оба однако васъ любятъ. Обнимаю васъ и люблю. Всѣ наши вамъ кланяются.

№ 10. 19 іюня 1885 г.

Получилъ 3-го дня ваше письмо, милый другъ, и очень ему обрадовался. Признаюсь вамъ, что меня напугало письмо вашего Михайлы его женѣ, въ которомъ онъ принялъ ваше временное нездоровье за страшное ухудшеніе. Соединивъ это извѣстіе съ вашимъ молчаніемъ, я захотѣлъ непремѣнно поскорѣе увидать васъ. Теперь же и мнѣ все нездоровится, и дѣла много, и я откладываю мою поѣздку къ вамъ до времени. Порадовался я больше всего вашему участью въ нашемъ спорѣ. Это, что называется, den Nagel auf den Kopf getrofen. Но... я послѣднее время все больше и больше убѣждаюсь въ томъ, что люди совершенно напрасно гордятся тѣмъ, что они имѣютъ преимущество передъ животными въ воображаемомъ дарѣ слова, т. е. способности сообщать свои и слѣдовательно понимать чужія мысли. Такого дара у всѣхъ людей вообще никогда не было и нѣтъ. И изреченіе дипломата, что слово дано людямъ для того, чтобы скрывать свои мысли, совсѣмъ не шутка, а ужасная правда. Я прибавилъ бы только еще то, что оно употребляется людьми для того же, для чего употребляется птицами—соловьями: для удовольствія сочетаній звуковъ и формальныхъ образовъ, для личнаго удовольствія, но никакъ не для сообщенія мыслей... Очень можетъ быть, что и соловей какой-нибудь или кукушка просвистали или прокуковали какую-нибудь новую мысль о томъ, какъ улучшить жизнь этихъ птицъ. Результаты тѣ же самые. И результаты моихъ и вашихъ логическихъ доводовъ развѣ не такіе же comme si l'on chantait. Да, начало всего слово: слово—святыня души, а не свистъ птицы. И слово это есть одно божество, которое мы знаемъ, и оно одно дѣлаетъ и претворяетъ міръ. Страшно только, когда смѣшаешь его съ словомъ—произведеніемъ гортани, языка и губъ человѣческихъ.

Такъ, какъ я писалъ вамъ въ началѣ письма, я думаю, когда я плохъ. Такъ я думалъ нынче утромъ, п. ч. б[ылъ] плохъ. Но это—постыдное уныніе и близорукость мысли. Меня огорчаетъ то, что слово, сказанное Христомъ и за которое онъ

---

1) Н. В. Давыдовъ, бывшій тогда прокуроромъ въ Тулѣ; давній знакомый Л. Н.

умеръ, въ 1800 лѣтъ завладѣло такъ мало человѣчествомъ при моей жизни, тогда какъ я и не умеръ для него и не жилъ; но дѣло въ томъ, завладѣваетъ ли оно людьми или нѣтъ. И по себѣ я чувствую, что завладѣваетъ. То же, что, мнѣ кажется, мало завладѣваетъ другими, это происходитъ отъ моей близорукости. Мнѣ 1800 лѣтъ—одна безконечно малая частичка времени—кажется большою. И отъ того, что при моей жизни—мгновенье въ 60 лѣтъ—я не вижу быстраго движенія впередъ того, что должно двигаться вѣчно, я отчаиваюсь. Вотъ къ этому-то я и писалъ вамъ и вы какъ будто не согласились, что Христосъ запретилъ ученикамъ радоваться тому, что бѣсы имъ повинуются, а сказалъ: ищите только того, чтобы имена ваши были написаны на небесахъ. Т. е. повинуются или не повинуются, все равно. Не смотрите на результаты, а дѣлайте дѣло. Не надеженъ для Ц[арства Н[ебеснаго] тотъ, кто, взявшись за соху, оглядывается.

Бродитъ у меня мысль пѣшкомъ пройтись и придти къ вамъ. Не знаю, исполню ли этотъ планъ, или пріѣду. Очень мнѣ хочется повидать васъ. Передайте мой поклонъ княгинѣ и вашимъ. Наши васъ поминаютъ безпрестанно и вспоминаютъ съ любовью. Страховъ [1]), который у насъ—вамъ кланяется.

№ 11. Почтовый штемпель: 5 іюля 1885 г. Орловской губ. Брянскъ, Дятьково, князю Л. Д. Урусову.

(Получено 7 іюля 1885 г.).

Кругомъ виноватъ передъ вами, милый другъ. Ваши послѣднія письма, изъ которыхъ я вижу, что вамъ гораздо лучше, такъ порадовали меня. А я не писалъ. Нездоровится—печень болѣла и слабое состояніе, ни ума, ни энергіи, отъ этого все откладывалъ писать. Едва ли успѣю пріѣхать къ вамъ до вашего предполагаемаго отъѣзда и пріѣзда къ намъ. Если бы это не состоялось, тогда ужъ я тотчасъ же пріѣду. Книжки я тогда же послалъ вамъ, но черезъ Самарина. Онъ, разумѣется, забылъ. Посылаю еще. Нашъ привѣтъ передайте княгинѣ. Цѣлуемъ дѣтей.

Письмо это написалъ вчера и оно не попало на почту. Главное, напишите ваши планы. А еще болѣе главное, это то,

---

[1]) Н. Н. Страховъ. Объ этой его поѣздкѣ къ Ясную Поляну и упоминаніи объ Урусовѣ см. переписку Толстого и Страхова (№№ 188 и 189).

что какъ будто между мной и вашей женой вышли пикировки. Ради Бога, сдѣлайте, чтобъ этого не было. И если я въ чемъ виноватъ, прошу ее простить меня и любить меня такъ же, какъ я ее люблю. Такъ какіе ваши планы? Если вы ѣдете, всѣ съ княгиней, къ вашей матушкѣ, то развѣ вы не мимо насъ ѣдете? Если не ѣдете, то когда лучше къ вамъ пріѣхать съ дѣтьми? Я всякій разъ забываю передать вамъ отъ Черткова его любовь вамъ, о которой [онъ] мнѣ писалъ раза два. Онъ долженъ былъ пріѣхать на дняхъ сюда, но теперь остался еще на мѣсяцъ съ матерью.—До свиданія, коли Богъ велитъ.

№ 12.

Почтовый штемпель: 14 іюля 1885 г. Орл. Брянскъ. Дятьково.

князю Л. Д. Урусову.

(Получено 16 іюля 1885 г.).

Какъ все прекрасно. Вамъ лучше, и княгиня съ дѣтьми ѣдетъ къ намъ. Теперь ужъ я не выдержу и такъ какъ не пошелъ пѣшкомъ, а васъ еще не пускаютъ, то пріѣду къ вамъ поскорѣй; разумѣется, послѣ княгининаго посѣщенія насъ. Книжки, представьте, я такъ и забылъ послать другой разъ. Но теперь пришлю ихъ вамъ *съ двумя еще новыми разсказами, [которые] мнѣ очень нравятся.* Я все занятъ своей статьей, главой или главами о деньгахъ [1]). Все это разрастается и приводитъ къ такимъ удивительнымъ для самого меня выводамъ—къ старымъ и знакомымъ вамъ выводамъ, но съ другой стороны съ большей ясностью выраженнымъ.

Вчера получилъ статью того молоканина [2]), про [котораго], помните, говоритъ Успенскій, о первородномъ законѣ труда въ потѣ лица, [который] забытъ человѣчествомъ — одной частью. Удивительно сильно. Вся наука экономическая ничего подобнаго не сказала. Я перепишу для васъ и пришлю съ княгиней. Воображаю, какъ вамъ тяжелы тѣ разныя денежныя операціи,

---

[1]) Рѣчь о статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать", гдѣ нѣсколько главъ посвящено вопросу о деньгахъ и между XXIII и XXIV главами помѣщенъ еще „Варіантъ 4-хъ главъ о деньгахъ".

[2]) Т. М. Бондаревъ, о книгѣ котораго „Трудолюбіе или торжество земледѣльца" Г. И. Успенскій говоритъ подробно въ статьѣ „Трудами рукъ своихъ" (т. II). См. новыя свѣдѣнія о Бондаревѣ въ „Толстовскомъ Ежегодникѣ 1913 г.". Онъ не былъ молоканиномъ.

[которыя] производятся вокругъ васъ и которымъ приписывается такое не свойственное имъ значеніе. Прощайте, милый другъ, до свиданія.

Л. Т.

№ 13.

Князю Леониду Дмитріевичу Урусову.

(Получено 22 іюля 1885 г.).

Пишу вамъ, милый другъ, хоть нѣсколько словъ подъ больше чѣмъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое оставляютъ намъ ваши [1]). Такъ радостно чувствовать, что сердцемъ любишь тѣхъ, [которыхъ] хочется любить. Стасю я разобралъ меньше всѣхъ—но она по внѣшности очень мила:—но больше всѣхъ мнѣ полюбилась Мери. Она серьезный, хорошій человѣкъ будетъ, Богъ дастъ.—Очень мила и характерна Ира. Съ княгиней мы много говорили и очень хорошо. Она такъ все хорошо понимаетъ и новаго для меня, сердечнаго, я нашелъ въ ней много. Посылаю вамъ коекакія книги и переводъ ученія 12 Апостоловъ.

M. Arnold'a и рукопись молоканина привезу вамъ самъ, или жена. До свиданья. Благодарю васъ за посѣщеніе вашихъ. Рѣдко бываетъ, чтобы столько лицъ оставили на столько лицъ, какъ наша семья, такое прекрасное впечатлѣніе.

Вашъ Л. Т.

№ 14.

22 Августа 1885 г.

Очень порадовало меня, милый другъ, извѣстіе, привезенное нашими о вашемъ состояніи [2]). Теперь я вѣрю, что вамъ лучше. Онѣ мнѣ такъ описали васъ, что точно я былъ съ вами. Только бы холода не попортили дѣло, только [бы] вы сумѣли къ нимъ приладиться. Я не писалъ вамъ долго, [потому] [что] былъ долгое время въ состояніи—не знаю какъ сказать, въ хорошемъ состояніи, но въ такомъ, въ какомъ я не могу ничего писать, даже писемъ. Теперь я прихожу напротивъ въ писательское со-

---

1) Писано послѣ отъѣзда княгини М. С. Урусовой съ дѣтьми изъ Ясной Поляны.

2) С. А. Толстая, очевидно, ѣздила къ Урусовымъ съ отвѣтнымъ визитомъ. Утѣшительныя извѣстія о здоровьѣ Л. Д. Урусова были обманчивы: въ октябрѣ онъ скончался.

стояніе и хочется писать, а работы слишкомъ много. Началъ нынче кончать и продолжать «Смерть [Ивана Ильича]». Я, кажется, разсказывалъ вамъ планъ: описаніе простой смерти простого человѣка, описывая изъ него. — Жены рожденье 22-го и всѣ наши ей готовятъ подарки, а она просила кончить эту вещь къ ея новому изданію и вотъ я хочу сдѣлать ей «*сюпризъ*» и отъ себя. Она теперь въ Москвѣ по дѣламъ и боюсь, что замучаетъ себя не столько хлопотами, сколько безпокойствомъ о томъ, о чемъ не только безпокоиться, но и думать нельзя: о матерьяльныхъ дѣлахъ. Вчера уѣхали только Чертковъ съ Бирюковымъ. Они пріѣзжали на 3 дня. Онъ очень разспрашивалъ про васъ и посылаетъ вамъ свою любовь. Онъ мнѣ очень помогъ въ семьѣ. Онъ имѣлъ вліяніе на нашъ женскій персоналъ. И, можетъ быть, вліяніе это оставитъ слѣды [1]). Меня же онъ раззадорилъ писать для народа. Темъ бездна—не знаю, что выбирать. Но вы еще прежде меня подзадорили и послѣднимъ письмомъ, и тѣмъ, которое вы мнѣ давно писали изъ Тулы— о 5 заповѣдяхъ въ притчахъ. Вы правы, и я бы былъ счастливъ исполнить это.—Передайте нашу любовь вашей семьѣ. Обнимаю васъ.

Л. Толстой.

---

[1]) Объ этомъ Л. Н. пишетъ въ эти же дни С. А. въ Москву: „Гости уѣхали. Чертковъ имѣлъ успѣхъ и вліяніе на дѣвочекъ (т. е. на женскую молодежь Толстыхъ и Кузьминскихъ.—А. Г.). Турнюры опять сняты, и разные хорошіе планы“. (См. Письма, № 256).

ЗАМѢТКИ О ТОЛСТОМЪ.

II.

«Безъ заминки».

По минованіи кризиса и вызванной имъ «заминки» въ творческой работѣ, Толстой почувствовалъ и оцѣнилъ всю прелесть душевнаго умиротворенія, всю благодать покоя совѣсти.

Внутренняя борьба была изжита, сомнѣнія разрѣшились, «истина», какъ онъ думалъ, была найдена,—оставалось только перестроить свою жизнь по-новому, а главное—преобразовать свой душевный обиходъ согласно требованіямъ обрѣтенной вѣры... Все прочее такъ или иначе «приложится», само собой воспослѣдуетъ, какъ возникаетъ слѣдствіе, разъ дана причина,—и «все образуется», какъ говаривалъ нѣкогда, въ трудныя минуты жизни, Стива Облонскій, человѣкъ отъ природы душевно-умиротворенный, чуждый сомнѣніямъ и тревогамъ духа и по-своему исполненный благоволенія къ людямъ...

Стива Облонскій—человѣкъ мірской, суетный и легко-живущій,—онъ лишенъ глубины духа и органически неспособенъ къ стремленіямъ высшаго порядка, къ служенію идеалу, и ужъ, конечно, ученіе Толстого не для него писано. Но однако, если, отбросивъ мысленно суетность, безпринципность и пр., взять отъ Стивы Облонскаго его прирожденное благодушіе, его неизсякаемую искрящуюся доброту, и если къ этому моральному достоянію присоединить серьезность ума, нѣкоторую глубину души, воспріимчивость къ высшимъ запросамъ духа,—то и получится въ высокой степени привлекательная натура—того типа, къ которому, очевидно, принадлежалъ князь Л. Д. Урусовъ, тульскій вице-губернаторъ и восторженный поклонникъ Толстого.

Когда, читая знаменитый романъ, встрѣчаешь Стиву Облонскаго,—невольно улыбаешься той доброй—сочувственной—улыбкой, какою улыбался, кстати и некстати, добрѣйшій Степанъ

Аркадьевичъ. Нельзя не улыбнуться такою же доброю улыбкою, когда представляешь себѣ, какъ тульскій вице-губернаторъ съ благоговѣйнымъ усердіемъ переводитъ на французскій языкъ трактатъ «Въ чемъ моя вѣра», сидя (и, пожалуй, въ вицмундирѣ) за письменнымъ столомъ, на которомъ лежатъ кипы казенныхъ пакетовъ съ занумерованными «входящими» и «исходящими» бумагами...

И, кажется, именно такіе послѣдователи и были особенно дороги Толстому: его очаровывала безмятежность, ясность ихъ души, прирожденная доброта, проявлявшаяся непроизвольно,—всечеловѣческая любовь, такъ сказать, даровая, наслѣдственная, а не благопріобрѣтенная. Эти люди воспринимаютъ «истину» легко и просто, безъ внутренней борьбы, и приходятъ къ «свѣту и правдѣ», минуя всякіе кризисы и «заминки».

Это слово—«заминка»—въ смыслѣ душевнаго разлада, или какого-то психическаго изъяна, нарушающаго миръ и покой совѣсти, встрѣтилось мнѣ въ одномъ письмѣ Толстого къ Н. Н. Страхову (1883 г.), гдѣ рѣчь идетъ о Достоевскомъ и Тургеневѣ. Здѣсь Толстой отдаетъ явное предпочтеніе Тургеневу, къ которому, какъ извѣстно, онъ не благоволилъ и даже—порою—проявлялъ нескрываемую антипатію, передъ Достоевскимъ, о которомъ онъ обычно отзывался съ особымъ уваженіемъ. Причина этого предпочтенія—та, что Достоевскій былъ человѣкъ «съ заминкой», а Тургеневъ—«безъ заминки».

Это письмо было отвѣтомъ на то, убійственное для памяти Достоевскаго, письмо Страхова, отрывки изъ котораго были опубликованы лишь недавно. Страховъ развѣнчивалъ Достоевскаго, какъ человѣка, изображая его въ чертахъ крайне отрицательныхъ. Тамъ говорилось, между прочимъ, объ отсутствіи у Достоевскаго элементарной гуманности и уваженія къ человѣку. И разумѣется, при чтеніи этого письма невольно вспоминались Толстому какъ-разъ противоположныя черты Тургенева, который былъ благодушенъ и любвеобиленъ не меньше Стивы Облонскаго. И вотъ что читаемъ въ отвѣтномъ письмѣ Толстого:

«Письмо ваше очень грустно подѣйствовало на меня, разочаровало меня. Но я васъ вполнѣ понимаю и, къ сожалѣнію, почти вѣрю вамъ. Мнѣ кажется, вы были жертвою ложнаго, фальшиваго отношенія къ Достоевскому, не вами, но всѣми преувеличеннаго его значенія и преувеличенія по шаблону, возведенія въ пророки и святого—человѣка, умершаго въ самомъ горячемъ процессѣ внутренней борьбы, добра и зла. Онъ трогателенъ, интересенъ, но поставить на памятникъ въ поученіе потомству

нельзя человѣка, который весь—борьба...» (Письма Л. Н. Толстого, собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко, изд. 1910 г., стр. 146).

Толстой, самъ пережившій «горячій процессъ внутренней борьбы», хорошо зналъ, что человѣкъ не долженъ выступать учителемъ жизни, проповѣдникомъ истины и добра, пока онъ не вышелъ изъ состоянія душевнаго броженія и моральнаго разлада. Нужно сперва «состроиться» и преобразиться самому: «Царство Божіе внутри васъ».

Но прочтемъ дальше:

«Бываютъ лошади - красавицы: рысакъ цѣна 1000 рублей, и вдругъ заминка, и лошади-красавицѣ и силачу цѣна—грошъ. *Чѣмъ я больше живу, тѣмъ больше цѣню людей безъ заминки* [1]). Вы говорите, что помирились съ Тургеневымъ, а я очень полюбилъ. *И забавно, за то, что онъ былъ безъ заминки и свезетъ, а то рысакъ, да никуда на немъ не уѣдешь. Если еще не завезетъ въ канаву* [1]). И Пресансе [2]), и Достоевскій—оба съ заминкой. И у одного вся ученость, у другого весь умъ и сердце пропали за ничто. *Вѣдь Тургеневъ и переживетъ Достоевскаго и—не за художественность, а за то, что безъ заминки...* [3]).

Тургеневъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ человѣкъ «безъ заминки». Великій художникъ и великій скептикъ, онъ жилъ, да и творилъ не мудрствуя,—никакого процесса внутренней борьбы въ родѣ того, какой переживали Толстой и Достоевскій, онъ не испыталъ, ни къ какой новой истинѣ не стремился и не выступалъ въ роли учителя жизни и проповѣдника. Но онъ «просто» былъ человѣкъ на рѣдкость добрый и гуманный не даромъ его любимой поговоркой была фраза, сказанная однимъ крестьяниномъ: «будь только человѣкъ добръ—и ничто его сокрушить не можетъ!»

Эту поговорку могъ бы взять своимъ лозунгомъ и Толстой, послѣ того какъ онъ вышелъ побѣдителемъ изъ внутренней борьбы и возвысился до великой—всечеловѣческой—любви, по завѣту Евангелія. Но онъ предпочиталъ другіе лозунги, не мірскіе, а евангельскіе. Въ одномъ изъ писемъ къ Л. Д. Урусову онъ говоритъ, что «безпрестанно повторяетъ себѣ: не радуйтесь тому, что бѣсы повинуются вамъ, а ищите того, чтобы имена ваши были записаны на небесахъ».—«И когда

---

[1]) Курсивъ мой.
[2]) Книгу котораго Страховъ рекомендовалъ Толстому.
[3]) Курсивъ мой.

(продолжаетъ онъ) понимаю вполнѣ значеніе этого, то мнѣ хорошо. Впрочемъ, мнѣ большею частью хорошо на душѣ»...

Какъ же именно понималъ онъ смыслъ этихъ словъ,—и почему отъ этого ему было хорошо? И вообще, почему—въ данное время—ему было «большею частью хорошо на душѣ»?

Въ роковые годы «горячаго процесса внутренней борьбы» онъ болѣзненно ощущалъ свое «я», свою личность, «такое особое, отличное отъ другихъ существо» (какъ говорилъ бывало Оленинъ въ «Казакахъ»), которое страдало и изнывало въ разладѣ съ самимъ собой и, удрученное всѣми благами жизни, билось въ плѣну міра сего, какъ птица въ клѣткѣ. Теперь, осѣненное благодатью, оно освободилось отъ тягостнаго самоощущенія, и оно счастливо тѣмъ, что имѣетъ психологическую возможность не исходить отъ себя, не сосредоточиваться на себѣ и все *свое*, имъ лично добытое, выработанное, обрѣтенное, признавать не своимъ, а «ничьимъ или Божьимъ».

Когда общественное вниманіе у насъ и за границей остановилось на проповѣди Толстого, и многіе стали выражать ему сочувствіе,—это, конечно, обрадовало его, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпокоило. И онъ писалъ Л. Д. Урусову: «...сочувствіе со всѣхъ сторонъ я вижу огромное, и оно пугаетъ меня: не надеженъ для Царствія Божія пахарь, оглядывающійся назадъ. Да, надо бы подчеркнуть это. Дѣйствительно, какъ ни странно это сказать, но *добро свое* нельзя видѣть, какъ ушей. Какъ только *добро свое*, такъ оно не добро. Добро должно быть ничье или Божье. Иллюстрація къ этому мнѣ представляется такая: человѣкъ всю жизнь дѣлалъ добро и гордился имъ и вдругъ узнаетъ, что все оно было не добро, а то, что онъ дѣлалъ нечаянно, *не замѣчая, только то и было оно*»...

Иначе говоря, быть просто добрымъ по натурѣ—это одно, а дѣлать добрыя дѣла преднамѣренно, по программѣ, въ цѣляхъ общей пользы—это другое, и первому Толстой отдаетъ рѣшительное преимущество передъ вторымъ. И онъ писалъ (Л. Д. Урусову): «...чѣмъ больше живу, тѣмъ больше не только убѣждаюсь, но чувствую, что важны не дѣла, а употребленіе времени, т. е. жизни,—если не для себя даетъ Богъ употреблять хоть малую часть ея, то совершенно спокоенъ и увѣренъ, что съ пользой, хотя бы и не видѣлъ и не могъ даже предвидѣть никакихъ результатовъ. Не правда ли?»...

Это—комментарій къ знаменитой теоріи «недѣланія». Цѣлесообразная дѣятельность, даже въ ея высшихъ и лучшихъ проявленіяхъ, принадлежитъ къ сферѣ того перваго, мірского,

«я», той активной личности, которая стремится, борется, торжествуетъ, падаетъ, страдаетъ, наслаждается. И тутъ не обойтись безъ всякаго рода «заминокъ». И въ послѣднемъ счетѣ эта дѣятельность, даже самая безкорыстная и самоотверженная, оказывается въ извѣстномъ смыслѣ эгоистичною. Тутъ вершится не «ничье» и не Божье дѣло, а «свое». Человѣкъ сливаетъ свою личность со своимъ дѣломъ и, гордясь этимъ послѣднимъ, гордится собою. Этого рода дѣятельности Толстой противупоставляетъ то «недѣланіе», которое иначе онъ опредѣляетъ любопытнымъ терминомъ «употребленіе времени, т. е. жизни»,— конечно, по завѣтамъ Евангелія. Это—нѣчто совсѣмъ другое, въ другой плоскости находящееся: это—такое особое состояніе духа, при которомъ исчезаетъ мірское «я» со всѣми его прерогативами и всѣми его «заминками», это—такой образъ жизни, который открываетъ человѣку радостную возможность производить и распространять добро какъ бы непроизвольно, ненарочито, пассивно, силою «недѣланія». Человѣкъ не ставитъ себѣ опредѣленныхъ цѣлей, не предвидитъ результатовъ, но знаетъ, что живетъ по-Божьему, по-евангельски, — и, свободный отъ какихъ бы то ни было «заминокъ», онъ—«совершенно спокоенъ» и преисполненъ благодатной радостью.

Въ обширномъ письмѣ къ Л. Е. Оболенскому (1887 г.) Толстой объясняетъ, что намъ не дано знать истинную цѣль жизни, и поэтому нѣтъ надобности тратить время и силы на постиженіе этой невѣдомой и неисповѣдимой тайны. Но есть другая, видимая, цѣль, какъ бы замѣна или суррогатъ той первой, сокровенной. Это сводится къ слѣдующему: «законъ жизни органической есть борьба, законъ жизни разумной, сознательной есть единеніе и любовь. На жизни органической, жизни борьбы, рождается жизнь разумная и связана съ нею. Цѣль очевидная: уничтожить борьбу и внести единеніе, гдѣ былъ раздоръ... Цѣль давно уже постановлена. Еврейскій Мессія есть не что иное, [какъ] чтобъ перековать копья въ орала и чтобъ ягненокъ сближался съ львомъ. Вотъ цѣль, подобная этой, мерещится мнѣ, *но я не дорожу ею, зная, что она далеко не исчерпываетъ всего. Мнѣ дорога только вѣрность направленія пути. А для вѣрности пути я знаю, что первое условіе то, чтобы итти по немъ всѣмъ существомъ....*» [1]). Возвращаясь еще разъ къ понятію «цѣли», онъ говоритъ: «Цѣль жизни? Такой цѣли нѣтъ и не можетъ быть, и никакія знанія не могутъ найти

---

1) Курсивъ мой.

ее. Законъ, направленіе, путь жизни? Да! На это отвѣчаетъ религія, мудрость, если хотите...» (Письма Л. Н. Толстого, собр. и редакт. П. А. Сергѣенко, изд. 1910 г., стр. 161).

Можно не соглашаться съ идеями Толстого, но онѣ стоятъ того, чтобы отнестись къ нимъ объективно и постараться ихъ понять.

Въ приведенныхъ выдержкахъ явственно сказалась, во-первыхъ, характерная для Толстого точка зрѣнія *метафизическаго агностицизма*: мы не можемъ знать, съ какою цѣлью создано и существуетъ все сущее, весь этотъ безпредѣльный Космосъ, а слѣдовательно, равно непостижима и та цѣль, къ которой стремится часть этого Космоса, именуемая человѣчествомъ. Разъ цѣль не доступна уму,—это, въ существѣ дѣла,—все равно, что ея совсѣмъ нѣтъ. Ея нѣтъ — для насъ. А потому не слѣдуетъ выдумывать и ставить себѣ фиктивныя цѣли, какія человѣчество въ своей темнотѣ и въ своей ограниченности искони привыкло ставить себѣ, тщетно стремясь преодолѣть зло и бѣдствія жизни и завоевать разныя блага цивилизаціи, какъ оно ихъ понимало. А понимало оно ихъ, по глубокому убѣжденію Толстого, неправильно, превратно. Сплошь и рядомъ употребляются средства, не соотвѣтствующія цѣли и только увеличивающія то самое зло, съ которымъ люди хотѣли бороться.—Итакъ, нужно отказаться отъ дурной привычки ставить и преслѣдовать какія-то цѣли. Съ устраненіемъ цѣлей, по необходимости отпадаютъ и средства, большею частью сами по себѣ представляющія зло, насиліе. Отказъ отъ цѣлей и средствъ, значитъ отказъ отъ борьбы.

Понятіе цѣли замѣняется понятіемъ «направленія пути»: путь идетъ отъ борьбы къ единенію, отъ раздора къ согласію, отъ вражды и ненависти къ примиренію и любви. Вотъ именно въ этомъ-то направленіи и слѣдуетъ — не дѣйствовать, а жить. Такой жизни, предуказанной Евангеліемъ, надлежитъ предаться всецѣло, безъ компромиссовъ, «всѣмъ существомъ». И человѣкъ, ставшій на этотъ путь и идущій въ этомъ направленіи, преисполнится свѣтлой радостью, душевнымъ миромъ, спокойствіемъ совѣсти. Хорошо будетъ у него на душѣ....

Живое представленіе объ этомъ состояніи духа даетъ намъ слѣдующее высокохудожественное письмо къ Софьи Андреевнѣ (дек. 1884 г.), одинъ изъ перловъ поэзіи Толстого:

«Вчера, когда я вышелъ и сѣлъ въ сани и поѣхалъ по глубокому, рыхлому въ полъ-аршина (выпалъ вновь) снѣгу, въ этой тишинѣ и мягкости съ прелестнымъ зимнимъ звѣзднымъ

небомъ надъ головой, симпатичнымъ Мишей, я испыталъ чувство, похожее на восторгъ, особенно послѣ вагона съ курящей помѣщицей въ браслетахъ, съ докторомъ, перорирующимъ о томъ, что нужно казнить, съ какой-то пьяной, ужасной бабой въ разорванномъ салопѣ, безчувственно лежавшей на лавкѣ и опустившейся тутъ-же, и съ господиномъ съ бутылкой въ чемоданѣ, и со студентомъ въ пенснэ, и съ кондукторомъ, толкавшимъ меня въ спину, потому что я въ полушубкѣ.

Послѣ всего этого Оріонъ, Сиріусъ надъ Засѣкой, пухлый, беззвучный снѣгъ, добрая лошадь, и добрый воздухъ, и добрый Миша, и добрый Богъ». (Письма, изд. Сергѣенко, 1910, стр. 148).

«И добрый Богъ»... Въ этомъ чувствѣ, «близкомъ къ восторгу», чуется что-то по-истинѣ великое, что-то космическое, пантеистическое... Мы начинаемъ, благодаря этимъ чуднымъ строкамъ, понимать, что совершалось въ глубинахъ души великаго человѣка, когда онъ всѣмъ существомъ своимъ стремился прочь отъ міра здѣшняго, злого и суетнаго, и умиленной душой сосредоточивался на созерцаніи Вѣчной Сущности вещей, на радостномъ ощущеніи Бога Добраго....

Д. Овсянико-Куликовскій.

ДВА БРАТА.

(Варьяція изъ Слонскаго—съ польскаго).

Съ тобою, братъ любимый,
Мы жили много лѣтъ
Въ одной странѣ родимой,
Не зная горькихъ бѣдъ.

Летятъ порою мысли
Пѣвучею стрѣлой
Туда, къ завѣтной Вислѣ,
Къ Варшавѣ дорогой.

Но рокомъ жребій вынутъ—
Разстаться мы должны:
Въ Познань ты былъ закинутъ,
Къ полямъ чужой страны.

Грозою прогремѣла
Всемірная война—
На бой пошелъ я смѣло,
Вѣдь Русь—моя страна.

Мы въ лагеряхъ враждебныхъ
Съ тобою, милый братъ...
Рой дѣтства грезъ волшебныхъ
Вернется ли назадъ!

Вернутся ль мамы ласки
И пѣсенки сестры,
Плѣнительныя сказки
Младенческой поры!

Гдѣ милыя игрушки
И тишь родимыхъ мѣстъ!

Грохочутъ дико пушки
Съ утра до самыхъ звѣздъ.

Винтовку заряжаю,
Спокоенъ и суровъ,
И пулю посылаю
Въ ряды моихъ враговъ.

Я вѣрю: пуля брата
Тебя минуетъ, братъ,
Въ другого пусть солдата
Мой попадетъ зарядъ.

Враждебная граната
Пускай меня сразитъ—
Я буду вѣрить свято:
Не братомъ я убитъ.

Анатолій Доброхотовъ.

ТОЛЬКО РОДИНА.

(Изъ книги „Печаль Франціи“).

Разсказъ.

I.

...Весь день со стороны Аврикура гремѣли орудія, точно громадные тяжелые молоты вперемежку дробили голубую наковальню яркаго неба. Изрѣдка дуновенія сѣверо-восточнаго вѣтра приносили отдаленную трескотню ружейныхъ залповъ, и было похоже на то, что въ огнѣ костровъ раскалываются груды каштановъ и сыплются по склонамъ холмовъ. А погода стояла удивительная: по-лѣтнему пекло солнце, воздухъ плылъ, какъ жидкое золото, и только дочиста убранныя, голыя поля, да огненно-рыжій мѣхъ Парейскаго лѣса на густо-лиловыхъ предгоріяхъ Санона напоминали, что на дворѣ третья недѣля сентября.

Весь день, прислушиваясь къ пальбѣ, семья фермера Шарно снимала въ саду съ разлапистыхъ, измазанныхъ известкой деревьевъ сочныя желтыя груши, таскала ихъ корзинами въ овощную и тамъ раскладывала по полкамъ, покрытымъ жесткой, блестящей соломой.

Ивонна ходила съ работникомъ Жаномъ и каждый разъ, когда послѣ веселаго свѣта они оставались въ прохладномъ низкомъ помѣщеніи, гдѣ пахло сыроватой землей, укропомъ и сладостью плодовъ, Ивонна прижималась къ плечу жениха и, закрывая глаза, запрокидывала голову просящимъ движеніемъ:

— Поцѣлуй меня... Мнѣ страшно!

Ея загорѣлыя щеки были пепельно-блѣдны, а пунцовыя губы вздрагивали, какъ у ребенка, готоваго заплакать.

Но Жанъ дѣловито, серьезно отстранялся: «оставь, Ивонна... увидятъ... неловко».

Аккуратно онъ раскладывалъ груши хвостикомъ вверхъ, словно въ эту минуту не существовало ничего другого, и не стояла въ головѣ одна мысль: что дѣлается тамъ, въ бѣдномъ Аври-

курѣ, гдѣ вотъ уже три дня засѣли отступающіе съ Марны нѣмцы и откуда разбѣжались въ ужасѣ жители по окрестностямъ, бросая дома и остатки разграбленнаго имущества...

Ивонна вспоминала сестру булочницы, старушку, у которой отъ испуга отнялись ноги. Ее провезли позавчера на ручной тачкѣ, и она успѣла захватить только зеленаго попугая, который оглашалъ лѣсную дорогу оглушительными криками и свистомъ. Въ городѣ у нея осталась вилла, серебро, процентныя бумаги, теперь она—нищая, сидитъ въ деревнѣ у своего бывшаго огородника, безсмысленно трясетъ головой...

Глаза Ивонны расширялись, она слушала, какъ отъ громыхающихъ ударовъ невидимаго молота вздрагиваютъ стѣны ветхой фермы, будто онѣ тоже живутъ и чувствуютъ близкую опасность.

Дѣвушкѣ уже не хотѣлось цѣловаться, хотѣлось только, чтобы Жанъ обнялъ ея плечи крѣпкимъ кольцомъ своихъ мускулистыхъ рукъ.

— Но ты думаешь... все-таки... сюда они не придутъ? Не правда ли?

Жанъ внимательно разсматривалъ груши и откладывалъ тѣ, что были съ пятнами.

— А если даже и придутъ?..—подъ его бѣлокурыми, подстриженными усами мелькала узкая, насмѣшливая улыбка.

Тутъ Ивонна не выдерживала: ея руки сжимались, высокая грудь начинала часто-часто дышать подъ тугимъ чернымъ лифомъ. Съ этими острыми клинками въ лихорадочно вспыхивающихъ зрачкахъ она становилась похожей на молодую кошку, внезапно выпустившую когти.

— Ты не шути... такъ глупо! Если проклятые «боши» придутъ сюда—имъ не поздоровится, о, нѣтъ! У дяди Шарно припасены ружья, правда, старыя, еще отъ кампаніи 1871 года, но они сумѣютъ сослужить службу. Мы будемъ стрѣлять.

— Намъ же хуже будетъ: нѣмцы не оставятъ камня на камнѣ. Мирные жители должны вести себя мирно, иначе—разговоръ съ ними короткій.

Взбѣшенная Ивонна упирала въ бедра свои тонкія, смуглыя руки.

— Навѣрное, въ жилахъ у мосье Фельта течетъ рыбья кровь или Германія уже успѣла сдѣлать изъ сыновей Эльзаса трусовъ... Ха, ха... Я этого не знала... очень жаль, что не знала!.. Можетъ быть, тогда были бы между нами другія отношенія. Да!

Она выходила изъ овощной, щурясь на солнце, презрительно

отбрасывая носкомъ туфли прѣлыя груши. Не оборачивалась, не хотѣла видѣть Жана, ни его пристальныхъ, сѣро-голубыхъ глазъ, ни его мощныхъ плечъ, обтянутыхъ полотномъ синей блузы.

И дядюшка Шарно, хитрый, какъ всѣ старики, сейчасъ же замѣчалъ, что молодежь перессорилась. Онъ поднималъ корявый, лиловый обрубокъ указательнаго пальца и трясся отъ хриплаго смѣха такъ, что соломенная шляпа съѣзжала на сѣдой затылокъ, обнажая плѣшивый потный лобъ, опоясанный малиновымъ рубцомъ отъ сабельнаго удара, полученнаго подъ Седаномъ.

— Эй, эй, мои пташки: помиритесь. Когда пушки палятъ, нужно любиться, да покрѣпче...—онъ обнималъ за талію жену и старался повернуть ее на мѣстѣ какъ въ танцѣ, притоптывая деревянными котами, а старуха отбивалась, она и безъ того страдала одышкой.

— Ты съ ума сошелъ, старикъ! Какое теперь веселье?!.

Шарно стихалъ, садился подъ деревомъ на примятую, пригрѣтую солнцемъ траву, и, запрокинувъ голову, выставляя жилистый кадыкъ, пилъ красненькое изъ пузатой, съ длиннымъ горлышкомъ бутыли. А потомъ, обсосавъ капли на желтыхъ усахъ, прислушивался, и птичье лицо его съ бѣлымъ пятномъ бѣльма становилось внимательно и строго.

— Я говорю вамъ, что нужно веселиться, пташки... Вы ничего не понимаете... я старая птица и знаю, что стрѣляютъ изъ форта. Чортъ возьми... я же слышу совсѣмъ явственно: палятъ изъ Маноннвиллера, правѣе Аврикура!.. Значитъ, нѣмцевъ вышибаютъ.—Они, положимъ, тоже отвѣчаютъ: вотъ треснуло, слышите, точно камнемъ въ воду бухнуло, а наши «крезо» мельче и чаще сыплютъ... Ну, конечно, изъ Маноннвиллера сыплютъ, такъ и есть!..

Онъ вскочилъ, корявымъ пальцемъ указывая въ бездну залитой солнцемъ лазури, туда, гдѣ на горизонтѣ, надъ линіей далекихъ смуглыхъ холмовъ, вдругъ вспыхнулъ и брызнулъ голубовато-желтыми остріями пушистый комъ.

Всѣ сбились въ кучу...

— Оп...пять... оп...пять, — закричалъ, заикаясь, четырнадцатилѣтній Шарль, горбунъ, смѣшной, какъ журавль, на своихъ тонкихъ ногахъ; онъ подбѣжалъ къ лѣстницѣ и, цѣпкій, проворный, несмотря на свой кривой горбъ, взобрался на грушу и оттуда сообщилъ возбужденно:

— Еще, еще... и потомъ я вижу дымъ...

И дѣйствительно, на ровномъ полотнѣ блѣднѣющаго къ го-

ризонту неба едва замѣтный въ яркомъ дневномъ свѣтѣ появился бѣлесый столбъ дыма.

— Ну, конечно, горитъ Аврикуръ,—пробормоталъ старикъ Шарно, закусывая усы. Его здоровый глазъ вдругъ заслезился и, чтобы скрыть волненіе, онъ нагнулся за шестомъ.

— Нечего зѣвать, пташки. Полдень близко, а половина деревьевъ еще не обобрана.

Всѣ молча принялись за работу. Ивонна больше не ходила въ овощную: вмѣсто нея горбунъ съ Жаномъ таскалъ корзину.

...За часъ до ужина пальба вдругъ смолкла, и надъ лѣсистыми холмами въ розовыхъ тѣняхъ вечера застыла стеклянная тишина. Въ этой тишинѣ, мирно позвякивая огромными пѣвучими колокольцами, вернулись коровы, и, когда Ивонна съ Жаномъ доили ихъ,—уже казались пушечные удары сномъ.

Стиснувъ платье въ колѣняхъ, подобравъ юбку, Ивонна крѣпко нажимала упругіе, скользкіе отъ молока соски и привычно слушала, какъ звонко ударяется о стѣнку ведра острая, брызжущая струя; рядомъ шелестѣлъ тотъ же ровный звукъ, и обычно, когда они доили такъ вмѣстѣ, рождался ритмъ, баюкающій, какъ музыка. Но сегодня Ивонна нарочно доила толчками, часто поправляла скамейку, и шлепала Луизонъ по теплому мягкому боку, хотя корова стояла совсѣмъ покойно. Если бы Жанъ подошелъ, обнялъ Ивонну, или поцѣловалъ въ шею, или потрепалъ по плечу, она бы, пожалуй, сложила гнѣвъ на милость, но парень какъ будто не замѣчалъ, что дѣлается кругомъ. Голубые глаза его побѣлѣли, упрямо выдвинулся подбородокъ, и надъ тонкимъ носомъ между бровей легла глубокая складка. И, поглядывая искоса на его мускулистое тѣло, на синія жилы рукъ, подъ засученными рукавами блузы, на загорѣлую высокую шею, Ивонна не вѣрила, что по ночамъ они лежатъ рядомъ, крѣпко обнявшись, что они мужъ и жена, и вотъ уже два мѣсяца, какъ у нея не приходятъ крови. Да, они согрѣшили въ іюлѣ, когда стояли такія непереносныя жары, согрѣшили до свадьбы... Виноватъ дядя Шарно: онъ все откладываетъ вѣнчаніе, говоритъ, что теперь не время. А все равно придется итти къ кюре, когда животъ станетъ замѣтенъ, да и совсѣмъ непріятно ей прятаться и ночью пробираться къ Жану, точно она что-то воруетъ. Они любятъ другъ друга и—баста!

— Вотъ, что! Послушай!—сказала она, вставая и рѣшительно стряхивая юбки.—Злиться ты можешь сколько угодно,

а переговорить съ дядей пора. Я не намѣрена больше приходить къ тебѣ, какъ дѣвка съ улицы. Такъ и знай.

Она старательно сливала молоко въ бидонъ. Въ открытую дверь стойла падала багровая пыль заката и зажигала въ глазахъ Ивонны тревожныя красныя точки; пылали пунцовыя губы, и смоль волосъ казалась вишневой, точно стояла она вся въ отсвѣтѣ огромнаго пожара...

Не спѣша Жанъ расправлялъ вилами подъ коровами солому, посвистывая сквозь стиснутые зубы... По мѣрѣ того, какъ росло волненіе дѣвушки, весь онъ застывалъ еще упрямѣе въ своемъ молчаніи.

Но при послѣднихъ словахъ вдругъ откинулъ вилы, вдругъ подошелъ и схватилъ Ивонну за руку выше локтя, повернулъ къ себѣ, наклонился такъ, что дыханія ихъ встрѣтились.

— Я развѣ отказываюсь... Ну?!.

Они стояли, оба тяжело дыша.

— Еще бы ты отказывался?!. Испуганная она еще храбрилась.

— Но ты и не настаиваешь: на старика нужно насѣсть.

Онъ посмотрѣлъ на нее, прищурясь; подъ бѣлокурой полосой стриженныхъ усовъ вдругъ холодно обнажились зубы. Однимъ ртомъ улыбнулся онъ, въ то время, какъ оставалось неподвижнымъ рѣзкое, тонкое лицо.

— Глупая! А, можетъ быть, насъ черезъ три дня уже не будетъ.

И то, что было въ его неживой, странной улыбкѣ, заставило Ивонну поблѣднѣть...

— Ты... что-нибудь знаешь...

Но уже, захвативъ бидонъ, Жанъ вышелъ, и она слышала только, какъ мѣрно и мирно жуютъ коровы сѣно.

...Вечеромъ, когда вся семья сѣла въ кухнѣ ужинать и надъ столомъ зажгли лампу, когда дядя Шарно поднесъ ко рту первую ложку картофельнаго пюре съ лукомъ, которое такъ мастерски приготовляла Ивонна, на дворѣ бѣшено залаялъ, загремѣлъ цѣпью, Бижу, и въ кухню влетѣла Изабелла, экономка господина кюре. Въ черномъ платьѣ, сама черная и костлявая она походила на факельщика.

Задыхаясь, не въ состояніи сказать ни слова, она только радостно махала руками и мотала головой. Ея нижняя челюсть двигалась, какъ у паяца, и пуговка носа возбужденно краснѣла.

— Аврикуръ...—наконецъ выговорила она, давясь кашлемъ и брызжа слюной—Аврикуръ опять взятъ нашими... Нѣмцы ушли...

Было общее радостное:—«ахъ!»

Гостью усаживали, наливали ей вина.

Старикъ Шарно топтался по кухнѣ, ударялъ себя по бедрамъ и кому-то грозилъ обрубленнымъ пальцемъ.

— Я зналъ... я говорилъ... Молодцы... Да здравствуетъ Франція!

Тетушка Шарно упала на табуретку и безсильно всплескивала руками. Тряслась лампа, звенѣла посуда, дребезжали кастрюли, потому что, схватившись за руки, Ивонна и горбунъ кружились по кухнѣ.

Потомъ, не обращая вниманія на присутствующихъ, вся красная, какъ приколотая къ ея корсажу роза, Ивонна обняла Жана за плечи:

— Слышишь, мой маленькій: проклятые «боши» ушли... урра!

Жанъ не двигался: его пальцы судорожно обхватили глиняную кружку и замерли; ноздри раздулись. Онъ походилъ на человѣка, котораго вдругъ оглушили ударомъ.

Спросилъ сквозь сжатые зубы:

— Вы, навѣрное, это знаете?

— Навѣрное...—Изабелла захохотала, обнажая беззубыя лиловыя десны.

— У насъ сидитъ племянникъ г. мэра, онъ прискакалъ изъ Аврикура. Сегодня на зарѣ городъ былъ окруженъ; французскія войска подъ прикрытіемъ ночи пришли изъ Везузы, вдоль канала и начали обстрѣлъ... Пушки изъ форта Маноннвиллеръ цѣлый день тоже хлестали нѣмцевъ... Имъ пришлось таки все бросить и уйти... Теперь французы укрѣпляютъ спѣшно городъ... Какая тамъ радость!.. Боже мой! Изъ всѣхъ подваловъ вылѣзаютъ жители, на ратушѣ развѣвается трехцвѣтное знамя...

Дядюшка Шарно неистовствовалъ.

Онъ поминутно утиралъ глазъ, который безбожно слезился, и чокался съ Изабеллой...

— А куда ушли нѣмцы, извѣстно?—спросилъ Жанъ и вдругъ нетерпѣливымъ движеніемъ сбросилъ руки Ивонны:— Пусти, ты меня душишь!

На его лбу налилась голубая жила.

— Перевалили границу, куда же имъ больше дѣваться?! Ушли въ свое логово.

Пальцы Жана разжались. Онъ медленно выпрямился.

Ивонна около плиты процѣживала кофе; радость и обида душили ее.

— Нѣмцы ушли... но какъ Жанъ смѣлъ такъ, при всѣхъ откинуть ея руки...

Но дядя Шарно уже тащилъ ее за рукавъ, а здоровымъ глазомъ подмигивалъ работнику:

— Ну, ну... помиритесь,—говорю вамъ—Аврикуръ—нашъ, опять нашъ! Миритесь, чортъ возьми, нарочно—грозно закричалъ онъ и затопоталъ деревянными котами.

— Иди сюда, мальчикъ... вотъ такъ... Въ наказаніе и на радостяхъ объявляю вамъ, что ровно черезъ недѣлю будетъ свадьба! Ага! Довольны! А теперь—цѣлуйтесь... цѣлуйтесь, чортъ возьми...

Кухня съ блестящими кастрюлями и синяя ночь за окномъ—все вдругъ поплыло передъ Ивонной въ радостномъ туманѣ. Поднявшись на цыпочки, она протянула губы.

Но оттого ли, что такъ безжизненно холодны были эти другія, прикоснувшіяся къ ней губы, или оттого, что первый разъ тяжело и глухо подъ сердцемъ ея повернулся ребенокъ—она вся задрожала.

Передъ сномъ дядя Шарно распорядился, чтобы завтра съ утра Жанъ грузилъ телѣгу овощами и фруктами: онъ рѣшилъ ѣхать въ Аврикуръ, отвести своимъ «піу-піу» провизіи. Тетушка Шарно велѣла зарѣзать пятокъ куръ, положить въ плетенки масла и просила Ивонну приготовить черное нансуковое платье, то, что надѣвалось по праздникамъ.

Черезъ часъ на фермѣ были потушены огни, и всѣ лежали въ своихъ постеляхъ за ситцевыми занавѣсками.

II.

Ивонна дунула на лампу, прислушалась: въ домѣ было тихо, только за стѣнами гудѣли, стихая и опять усиливаясь въ густотѣ звука, словно басовыя струны контрабаса: то горный вѣтеръ проносился оврагами Парейскаго лѣса, и лѣсъ пѣлъ мрачную, ночную пѣсню.

Смутное, щемящее безпокойство овладѣло дѣвушкой. Дядя Шарно объявилъ свадьбу черезъ семь дней. Легко сказать, что будетъ черезъ недѣлю!? Правда, Аврикуръ опять нашъ и «боши» ушли къ себѣ, но, вѣдь, были же эти дьяволы подъ самымъ Парижемъ. А вдругъ вернутся: вѣдь, они страшно сильны... До сихъ поръ ферма, и ближнія деревни, и кудрявые темные шатры Парея оставались въ сторонѣ отъ нѣмецкаго потока, но развѣ

можно въ такое время ручаться за что-нибудь?! Недаромъ Жанъ, умный и такой осторожный, бросилъ сегодня загадочную фразу о томъ, что, можетъ быть, скоро ихъ всѣхъ здѣсь не будетъ... Бѣдный Жанъ, она была къ нему эти дни несправедлива и зла: онъ—сирота, онъ любитъ Францію, какъ истый эльзасецъ, онъ честный человѣкъ и не бѣжитъ отъ брака съ Ивонной, какъ то дѣлаютъ съ обманутыми дѣвушками многіе другіе. А, вѣдь, дядя Шарно поставилъ Жану условіе: послѣ свадьбы онъ долженъ записаться въ альпійскіе стрѣлки, чтобы вернуть Франціи его прекрасную родину... Бѣдный, милый, милый Жанъ!..

Уже сердце Ивонны наполнялось хмелемъ горячей нѣжности и нетерпѣливая привычка влекла туда, въ комнату возлюбленнаго надъ конюшней, гдѣ такъ свѣжо и крѣпко пахло сѣномъ, и лошадинымъ потомъ, и сыромятной кожей узлечекъ, а изъ-подъ полу неслось вкусное, сонное порсканіе караковыхъ.

Она быстро надѣла тихія войлочныя туфли, накинула на плечи теплый платокъ, который ей привезла тетушка въ подарокъ изъ Парижа отъ Пигмаліона, и неслышно вышла на лѣстницу, ведущую внизъ. Но вдругъ на кого-то наткнулась и еле подавила крикъ испуга.

Прижавшись къ мглисто-сѣрому квадрату окна и почти сливаясь съ темнотой корридора, стоялъ горбунъ и трясущимся шепоткомъ кидалъ безсвязныя слова:

— Это... т-ты, Ивонна... Я... понимаешь... шелъ к... къ тебѣ...

— Противный мальчишка! Ты опять сталъ слѣдить за мной... Что тебѣ нужно? Ступай сейчасъ же спать...

— Н-нѣтъ, Ивонна... м-милая... Я... я б-боюсь...

— Развѣ что-нибудь случилось?

Липкіе холодные пальцы схватили ее за кисть руки, неподдѣльный ужасъ дрожалъ въ заикающемся шопотѣ.

— Знаешь... Ж-Жанъ вторую ночь уходитъ куда-то... Сейчасъ опять... И собаку съ собой увелъ... Думаю—шпіонитъ...

Горбунъ жалко пискнулъ, потому что сердитые пальцы пребольно схватили его за ухо.

— Какъ ты смѣешь, негодный мальчишка?!.

— И-вон-на... я знаю, т-ты его лю-любишь... Но я собственными глазами видѣлъ, пусть меня покараетъ святая Женевьева, правда... к-какъ онъ ставилъ на дорогѣ въ болото шестъ съ пучкомъ соломы и махалъ кому-то бѣлымъ флажкомъ... Ивонна, милая, смо... смотри...

Онъ прильнулъ къ стеклу. Вдали въ Парейскомъ лѣсу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ находиться трехсотлѣтній дубъ Св. Мартина, рождались и потухали вспышки робкаго свѣта. Еще и еще... Больше не было.

Ивонна пришла въ себя. Боже мой, какія глупости!... Нынче осень теплая, перепадали дожди и, вѣроятно, снова появились свѣтящіеся жуки... Да и мало ли что можетъ померещиться въ такую темь! А если Жанъ уходитъ по ночамъ, такъ, вѣроятно, для того, чтобы сторожить окрестности и, въ случаѣ опасности, предупредить всѣхъ во́-время. Потому и Бижу беретъ съ собой. Пусть Шарль успокоится, это даже лучше, если Жанъ бодрствуетъ... Только не нужно говорить такія глупости, пусть мальчикъ помнитъ, что черезъ недѣлю у нихъ свадьба и не можетъ быть рѣчи ни о какихъ шпіонахъ.

Она отослала горбуна спать, сказавъ, что будетъ дожидаться возвращенія Жана и узнаетъ, гдѣ онъ былъ.

Тихо, чтобы никого не разбудить, Ивонна спустилась внизъ, осторожно открыла желѣзный засовъ двери, вышла на дворъ со стороны коровника. Дѣйствительно, Бижу не зарычалъ, какъ всегда, не выскочилъ изъ собачьей будки, не загремѣлъ желѣзной цѣпью, и—пустая—она протянулась по землѣ мертвымъ червемъ.

Неслышно крадучись вдоль стѣнъ, дѣвушка обѣжала весь домъ, постройки фермы и вернулась на прежнее мѣсто. Все было спокойно и на замкахъ. За воротами коровника туго жевали жвачку коровы, изрѣдка позвякивая колокольцами. Стеклянно булькая, падала невидимая струя фонтана въ каменный водоемъ. Надъ спутаннымъ переплетомъ вѣтвей сада звѣздно переливалось чистое небо, точно засѣянное крупными лохматыми зернами. И, вѣрно, ужъ близилась полночь, такъ какъ изъ-за лѣса, гдѣ все гудѣли замирающіе басы, выплылъ и надулъ алмазные паруса блестящій Оріонъ.

Ивонна сѣла на низкую скамейку, которую употребляли во время дойки, и прислонилась къ копнѣ овсяной соломы. Она рѣшила дождаться во что бы то ни стало Жана. Она не хотѣла и не могла, не смѣла заподозрить жениха въ подломъ, дьявольскомъ поступкѣ. Правда, онъ не настоящій французъ, онъ эльзасецъ, но мысли у него настоящія,—французскія, говоритъ онъ, какъ истый парижанинъ, и, когда началась эта проклятая война, не уѣхалъ въ Ремильи, чтобы вступить въ ряды «бошей», а заявилъ префекту о своемъ желаніи натурализоваться и пойти съ французскими войсками въ Германію, гдѣ онъ можетъ оказать крупныя услуги. А дядя Шарно, бывалый и старый человѣкъ, не да-

ромъ же полюбилъ его, какъ родного. Да и какъ можно не любить такого ловкаго, сильнаго красавца! Глупый, глупый Шарль: слѣдовало бы ему наколоть шпилькой языкъ...

Теперь дѣвушка снова тревожилась, но уже за Фельта. Небезопасно ходить въ такое время одному, ночью, по лѣснымъ дорогамъ. Мало ли что можетъ случиться?! Онъ можетъ наткнуться на заблудившійся нѣмецкій разъѣздъ, что тогда будетъ?! Впрочемъ, Жанъ очень остороженъ и знаетъ мѣстность, какъ свои пять пальцевъ.

Она потянулась и сладко зѣвнула: волненіе и работа цѣлаго дня давали себя знать. Ее клонило ко сну: Ивонна боролась, но туманилъ мысли медовый, хлѣбный запахъ овса, такъ напоминающій запахъ любви, но ворожили надъ ней трепещущіе лучи звѣздъ, словно ткали дрему, убаюкивающе плескалась струя воды, и темный душистый туманъ, какъ паутина, ползъ со стороны луговъ, и тихо шуршали полевыя мыши въ опавшей листвѣ.

Неожиданно голова Ивонны прижалась къ соломѣ, и дѣвушка крѣпко заснула . . . . . .

. . . . . .

Оттого ли, что сырость забралась къ ней въ ноги, оттого ли, что чья-то мохнатая, влажная морда тыкалась въ руки, но Ивонна сразу очнулась, сразу вспомнила, гдѣ и что съ ней, будто и не спала...

Конечно, это сѣрая овчарка обрадованно лѣзла къ ней и лизала ладони. Конечно, уже разсвѣтъ, потому что противъ Сапонскихъ холмовъ яснѣетъ, розовѣетъ край неба. Конечно, Жанъ Фельтъ вернулся и, вотъ, стоитъ рядомъ, склонившись надъ Ивонной.

Онъ тяжело, порывисто дышитъ, какъ послѣ быстраго бѣга, лицо мрачное, тревожное, глаза пытливо, загадочно устремились на Ивонну. Отъ него несетъ запахомъ лѣса, запахомъ земли, болотныхъ травъ и увядшихъ, мокрыхъ листьевъ, и видно, что къ высокимъ сапогамъ его пристали комья грязи.

Склоняется еще ниже и напряженнымъ, глухимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Ивонна, ты что тутъ дѣлаешь?..

Она пытливо смотритъ ему въ лицо, твердо беретъ его потную, горячую руку, и жаръ этой руки сразу передается ея тѣлу, ея жиламъ.

— Жанъ, гдѣ ты пропадалъ?.. Я тебя ждала... И заснула... Гдѣ ты былъ такъ долго? Вѣдь, уже заря, смотри... Богъ знаетъ, что могутъ подумать люди.

Фельтъ странно смѣется и хочетъ освободить свою руку, но дѣвушка не выпускаетъ.

— Скажи правду, куда ходилъ?

— Туда... я слѣжу за нѣмцами... Они опять возвращаются.

— Кто? Боши?!

— Да... Они двигаются опять къ Везузѣ... Ты думаешь, это заря... Н-нѣтъ, не заря, ха-ха... Это горитъ Бламонъ: слышишь, набатъ?

Дѣйствительно, край неба разгорается алымъ, тихимъ сіяніемъ и словно изъ-подъ земли несется жалобный, тонкій стонъ очень далекаго колокола. Ивонна вскакиваетъ, вздрагиваетъ, какъ въ лихорадкѣ, прижимается къ широкой груди жениха, будто желая вся, безъ остатка, спрятаться въ немъ.

— Опять?! Боже мой, Боже мой, что будетъ съ Бламономъ?! Нужно разбудить дядю, не правда ли?!

— Зачѣмъ? Не надо. Дорога на Везузу въ сторонѣ отъ насъ... Намъ не грозитъ никакая опасность: я хорошо сторожу ферму. Ты меня ждала, да, моя крошка?!

Онъ дико возбужденъ, душитъ ее внезапнымъ поцѣлуемъ, отъ котораго путаются, странно и жарко, мысли.

— Ты меня подстерегала?.. Ха-ха... теперь получай! Пойдемъ ко мнѣ.

— Ми-лый... Но... но Бламонъ... вѣдь, Бламонъ...—хочетъ она отбиться въ слабѣющемъ испугѣ и сладкой дрожи.

— Черезъ недѣлю—наша свадьба... А пока... пока нужно покрѣпче любиться, какъ говорилъ сегодня дядя Шарно.

Фельтъ лихорадочно-глухо смѣется, поднимаетъ Ивонну на руки, какъ ребенка, быстро несетъ туда, гдѣ лежитъ сѣно, и падаетъ вмѣстѣ съ ней въ его пахучія, щекочущія объятія. Надъ Ивонной алмазы Оріона и темные, волнующіе глаза Жана на сѣромъ, дикомъ лицѣ. И въ длительно-изступленныхъ ласкахъ, въ безумной, потому что смѣшанной съ внезапностью и страхомъ, невыносимо блаженной мукѣ она теряетъ разсудокъ и волю...

А противъ Санонскихъ холмовъ уже виситъ раскаленная мѣдь и лижетъ своимъ тревожнымъ, пунцовымъ дыханіемъ рыже-бурый, курчавый мѣхъ Парейскаго лѣса...

III.

Къ утру, какъ всегда послѣ жаркихъ дней, туманъ окуталъ окрестность бѣлымъ хлопкомъ, скрылъ холмы, Парейскій лѣсъ и деревню, точно отрѣзавъ ферму отъ міра. Въ туманѣ

отяжелѣла листва каштановъ, и они стояли, какъ огромные шатры-привидѣнія, роняя съ лапчатыхъ листьевъ на землю грузныя капли; такія же капли, только похожія на мелкій бисеръ, покрывали волосы Ивонны, которая, какъ стрѣла, носилась изъ погреба въ овощную, изъ овощной во дворъ, устанавливала въ бричку плетенки съ масломъ и грушами, обминала мокрые кудрявые листья капусты и опять неслась въ кухню, чтобы снять съ огня кипящій кофейникъ. На дворѣ, угрюмый и заспанный, въ кожаномъ фартукѣ, Жанъ запрягалъ лошадей; слышно было, гремѣлъ бадьей у фонтана и швырялъ сбрую. Разъ проходя, ногой толкнулъ Бижу, такъ, что тотъ завизжалъ; выругалъ Шарля, почему тотъ замѣшкался съ уздечками!

Къ шести часамъ сошелъ сверху дядюшка Шарно въ своей праздничной коричневой парѣ и новой фетровой шляпѣ, коломъ стоявшей на головѣ. Вокругъ шеи у него былъ повязанъ красный фуляръ и въ петличку заткнута трехцвѣтная ленточка. Онъ обиралъ съ сукна пушинки, выпячивалъ губу и, выйдя на дворъ, молодецки хлопнулъ бичемъ. Его воинственное настроеніе росло:— «жаль, жаль, что не пожаловали нѣмцы на ферму, онъ бы имъ показалъ, какъ умѣютъ цѣлить старые вольные стрѣлки, онъ бы припомнилъ имъ Седанъ». Молодецки вскочивъ на козлы, раскатисто крикнулъ:

— Ну, старуха, пошевеливайся... безъ насъ въ Аврикурѣ похлебки не сварятъ.

И, когда тетушка Шарно, пыхтя, усѣлась рядомъ, въ своихъ тяжелыхъ сборчатыхъ юбкахъ и накрахмаленномъ чепцѣ, какъ подобаетъ истой эльзаскѣ—старикъ натянулъ возжи и такъ лихо выѣхалъ со двора, что чуть не раздавилъ насѣдку. Дружно подхватили караковые, вздрагивая подстриженными хвостами, и въ одну минуту бричка, бѣлый чепецъ и красный фуляръ исчезли, потонули въ лохматой бѣлизнѣ тумана.

Въ кухнѣ, у сосноваго выскобленнаго стола Жанъ жадно пилъ кофе. Онъ похудѣлъ за ночь; у него ввалились щеки, отчего черты стали еще рѣзче. И опять такой замкнутый, суровый стоялъ онъ, что у Ивонны не хватило смѣлости подойти приласкать.

— Не годится вѣшаться постоянно на шею, — подумала она и дѣловито-быстро принялась убирать посуду, вытягиваясь надъ столомъ своимъ гибкимъ станомъ, тѣсно и ловко перехваченнымъ чернымъ кашемиромъ. Отъ страстной ночи ея лицо тоже похудѣло и вокругъ глазъ легли счастливыя тѣни. Ныла въ тѣлѣ и въ бедрахъ сладкая слабость, хотѣлось лечь въ теп-

лую постель, заснуть еще часокъ, другой, охвативъ сильную шею рукой, но серьезность Жана гнала прочь эти глупыя мысли.

— Что же, будемъ груши собирать? Свекла еще не нарѣзана, рѣзать нужно!—спросила она, безшумно собирая чашки. Но Жанъ вытеръ усы, скинулъ фартукъ и аккуратно снялъ съ гвоздя сѣрую кепку. Только сейчасъ она замѣтила, что на немъ надѣты пиджакъ и сапоги.

— Ты куда собрался?

Посвистывая, онъ нагнулся, досталъ изъ-подъ лавки топоръ, тронулъ пальцемъ блестящее лезвіе.

— Ѣду чистить молоднякъ въ лѣсъ...

И, точно не желая продолжать дальше разговора, вышелъ, все также посвистывая, на дворъ.

Ивонна удивилась, но въ эту минуту въ кухню пришла насѣдка съ цыплятами, и дѣвушка, присѣвъ на корточки, стала крошить имъ хлѣбъ. Пока крошила—мысли ушли куда-то на тѣ неясныя дороги, гдѣ все, какъ въ лѣсу, было хорошо и загадочно. Думала, какой у нея родится крошка и гдѣ съ Жаномъ они совьютъ свое гнѣздо и не лучше ли послѣ войны уѣхать въ Парижъ: Жанъ всегда найдетъ хорошее мѣсто... онъ аккуратный, прилежный и добросовѣстный...

Внезапно покраснѣла, точно ее ударили по щекѣ: вспомнила шепотъ горбуна, нелѣпыя слова о флажкахъ, о болотѣ, и сердце вдругъ заколотилось такъ, что она прижала его руками.

— Какъ смѣетъ Шарль въ такое тревожное время выдумывать небылицы?!. Правда, вся страна полна шпіонами, они вездѣ: въ деревнѣ, въ городахъ, даже въ арміи...

И, можетъ быть, потому, что она сидѣла на корточкахъ, какъ будто прячась, а въ пустомъ домѣ не слышно было ни звука,—ей стало вдругъ страшно, такъ страшно, точно въ этой тишинѣ кто-то безшумно пробрался и сталъ за ея спиной. Вскрикнувъ, она бросилась къ дверямъ, изъ-подъ ногъ ея съ клохтаніемъ взлетѣла курица... На дворѣ, въ туманѣ она долго не могла понять: куда дѣлись Жанъ и Шарль.

Натыкаясь на какія-то бревна и сучья, которые раньше здѣсь, какъ будто, никогда и не лежали, она обогнула сѣновалъ и сейчасъ же услыхала тонкій, плачущій голосъ горбуна:

— Нѣтъ, я тоже поѣду... Ты не смѣешь... я скажу отцу.

Въ туманѣ подъ навѣсомъ Ивонна увидала слѣпую бѣлую лошадь Бланшъ.

Бланшъ была запряжена въ двуколку и стояла, отвѣсивъ губу, покорная и тихая. Жанъ, видимо спѣша, быстро подтяги-

валъ черезсѣдельникъ. Въ туманѣ его темная фигура казалась очень высокой, а возлѣ нея другая, съ горбомъ—еще тоньше и уродливѣе.

Все, что произошло потомъ, было внезапно и непонятно.

Еще разъ пронзительно, упрямо горбунъ крикнулъ:

— Я тоже ѣду!—и схватился за возжи.

Но уже отброшенный сильной рукой, летѣлъ, нелѣпо хватая воздухъ пальцами, а Бланшъ отъ удара возжей слѣпо рванула двуколку и вынесла ее на дорогу.

Тарахтѣли, замирая въ туманѣ, тяжелыя колеса, а Ивонна растерянно стояла надъ Шарлемъ. Онъ лежалъ, распластавшись на землѣ, похожій на летучую мышь, и всхлипывалъ. Потомъ неожиданно, когда Ивонна нагнулась къ нему, вскочилъ, схватилъ фуражку и съ лицомъ злобнымъ и перекошеннымъ бросился въ туманъ по дорогѣ.

Теперь, дѣйствительно, Ивонна стояла одна и слышала только, какъ медленно падаютъ съ каштана грузныя капли.

IV.

Часамъ къ двѣнадцати золотыя грабли солнца разорвали бѣлый хлопокъ, скатали его валами и отбросили къ холмамъ. Опять стали видны зеленоватыя дали, огненно-рыжій мѣхъ лѣса и бѣлыя ленты шоссе.

Уже убрала Ивонна комнаты наверху, уже заправила капустную похлебку и слила въ фаянсовую голубую чашку душистый яблочный муссъ, когда изъ-за ограды, со стороны шоссе поднялись по тропинкѣ люди: три женщины и старикъ. Глядя въ окно, Ивонна сейчасъ же узнала дѣдушку Винцента, нищаго, который часто заходилъ на ферму. На немъ, какъ обыкновенно, висѣлъ его громадный черный плащъ, а рядомъ на бичевкѣ шла кудластая овчарка, съ которой старикъ никогда не разставался. И дѣдушка Винцентъ и женщины казались взволнованными: они размахивали руками, останавливались, поворачивались, куда-то глядѣли, приставивъ руки козырькомъ къ глазамъ.

Утерпѣть Ивонна не могла и выбѣжала навстрѣчу. Теперь увидала ясно, что идутъ Изабелла, молочница, и жена слесаря Питу; поняла, что случилось необыкновенное, иначе не шли бы сюда люди въ неурочное, да еще обѣденное время.

— Что случилось?—крикнула она, сбѣгая внизъ по дорожкѣ и отъ нетерпѣнія постукивая каблуками. Тогда всѣ заго-

ворили разомъ: тараторила Изабелла, шамкала молочница, гудѣла басомъ дородная мадамъ Питу, ворчала собака и страшно кашлялъ Винцентъ. Потомъ опять всѣ шли наверхъ, размахивали руками, перебивая другъ друга.

— Бламонъ взятъ и Домевръ тоже... Нѣмцы пришли со стороны Рошкура...

— Послушайте, что разсказываетъ Винцентъ. Онъ былъ вчера въ Бламонѣ и видѣлъ, какъ подожгли городокъ. Ахъ, что онъ разсказываетъ... Нѣмцевъ никто не ждалъ съ той стороны... Сядьте, дѣдушка Винцентъ, и разскажите. А гдѣ же господинъ Шарно? Уѣхалъ? Нѣтъ, вы только послушайте.

Ивоннѣ казалось, что стая черныхъ птицъ каркаетъ надъ ней, раскрываетъ клювы, испуганно машетъ крыльями... Только теперь уловила кислый запахъ гари, исходившей отъ рванаго плаща старика, отъ его свалявшейся въ войлокъ сѣдой бороды и дырявой шляпы; обожженными огнемъ пожара казались его красныя, вывороченныя, слезоточивыя вѣки.

Поставивъ на столъ литръ вина, Ивонна оперлась локтями: ея колѣни дрожали и по спинѣ сползали холодныя мурашки.

— Да, да...—старикъ ловилъ ртомъ край стакана и рука его, изуродованная ревматизмомъ, прыгала, какъ чужая.

— Дѣло было подъ вечеръ. Сижу я у каменотеса Матье, вы знаете, тотъ, что работаетъ для кладбищъ... Мнѣ говорятъ: «Винцентъ, садись съ нами ужинать». Ну, что же... Я, конечно, сѣлъ. Госпожа Матье ставитъ на столъ оладьи—они пекли оладьи въ этотъ день... слышимъ вдругъ—на улицѣ зашумѣли. Слышимъ, люди бѣгутъ. Госпожа Матье подошла къ окну, открыла его, а тарелка у нея изъ рукъ хлопъ! Какъ закричитъ:—нѣмцы, нѣмцы!—Ты, говоритъ господинъ Матье,—рехнулась, а самъ бѣлѣе доски сталъ—оладьи, говоритъ, подними... А ужъ какіе тутъ оладьи: они по улицѣ идутъ со всѣхъ сторонъ, какъ горохъ... Рядъ въ рядъ, рядъ въ рядъ. Впереди офицеръ, рукой машетъ, кричитъ, по-французски каналья кричитъ:—«окна запереть!»—Прошли параднымъ маршемъ черезъ всю улицу, прямо къ господину мэру. Тѣмъ же манеромъ взяли господина аббата, а черезъ часъ подожгли городокъ. Начали съ мэріи. Вышелъ отрядъ. У однихъ факелы, у другихъ шары съ эссенціей и съ керосиномъ; намазали изнутри, какъ слѣдуетъ, стѣны, облили столы, шкафы съ бумагами и черезъ окна побросали факелы. Точно черти на свадьбѣ у дьявола! Стали въ сторонку. Тутъ и началось: заревѣло пламя, завыло, поползло по стѣнамъ... А солдаты врассыпную бросились къ домамъ. Двадцать домовъ, луч-

шихъ на площади домовъ запылали, какъ костры. Пламя вырывалось изъ погребовъ, взбиралось по стѣнамъ на крыши, перебрасывалось съ улицы на улицу и столбомъ взвивалось въ небо. Воздухъ былъ черный отъ сажи и копоти. А наверху, на колокольнѣ, желѣзный пѣтухъ крутился въ огненномъ вихрѣ и сіялъ, точно осыпанный драгоцѣнными каменьями. Часа въ три передъ зарей точно ударъ грома прокатился: провалились дома, и надъ Бламономъ пролился пылающій дождь. А солдаты, красные дьяволы, все грабили, курочки мои, и двухъ дѣвушекъ изнасиловали тутъ же на улицѣ. Ой, не могу—не могу разсказывать!.. будь они прокляты!

Старикъ ослабѣлъ, челюсть его отвисла, голова тряслась. Ивонна чувствовала, какъ тяжелая тошнота поднимается въ ней отъ желудка къ горлу. Закрыла на мгновеніе глаза, потому что показалось: и далекій лѣсъ, и небо, и садъ набухли багровымъ свѣтомъ.

Бѣшенный приступъ рвоты подкатился клубкомъ къ горлу Ивонны. Она еле успѣла добѣжать до каштана, схватилась за стволъ, потрясаемая икотой. Глаза ея вышли изъ орбитъ, лицо посинѣло... Еще разъ увидѣла трехъ черныхъ женщинъ, багровую даль, багровыя, бѣшено-кружащіяся въ саду деревья и—потеряла сознаніе.

Очнулась, потому что до слуха сначала слабо, потомъ все ближе и слышнѣй долетѣло жужжаніе. Думала, что гудитъ большая муха, потомъ оводъ, потомъ рой пчелъ. Но звукъ становился все гуще, отъ него шли металлическія волны, и дѣвушка поняла, что въ верху работаетъ моторъ. Ея голова лежала на спинкѣ стула и потому, какъ только она открыла глаза—сейчасъ же увидала ровную синь неба и въ ней кружащійся французскій аэропланъ. Онъ описывалъ парящіе круги надъ лѣсомъ, похожій на легкокрылую стрекозу; потомъ сталъ удаляться, все уменьшаясь, по направленію къ Аврикуру, и было пріятно слѣдить за этимъ ниспадающимъ полетомъ.

Голова у Ивонны стала ясная, только въ тѣлѣ еще дрожала слабость.

Около нея осталась одна Изабелла.

Видя, что дѣвушка пришла въ себя, она похлопала ее по спинѣ и подмигнула:

— Пора, пора вѣнчаться, а то какъ бы не пришлось крестины справлять.

Довольная своей шуткой, она захохотала, обнажая десны,

и быстро ушла внизъ по тропинкѣ, черная и высокая, какъ палка.

* * *

За обѣдомъ Жанъ былъ веселъ: онъ опять облекся въ свою синюю блузу, шутилъ и подливалъ Ивоннѣ вина.

Только иногда, подпершись кулакомъ, вдругъ задумывался и, прищурившись, смотрѣлъ въ сторону лѣса, какъ будто искалъ опредѣленную точку. Но потомъ опять непривычно, возбужденно разсказывалъ, что, когда работалъ сегодня въ лѣсу, видѣлъ три аэроплана: очевидно, они что-то обыскивали... Но, вѣдь, лѣсъ такъ густъ, стоитъ еще полный листвы и увидать сверху ничего нельзя. Да и что видѣть! Вѣдь, очевидно, нѣмцы поставили себѣ цѣлью занять опять позицію на Везузѣ, откуда ушла французская дивизія, и вышли изъ Аврикура только для того, чтобы перейти границу въ пятнадцати километрахъ южнѣе, у Рошкура... О чемъ думаютъ наши? Почему сидятъ въ Аврикурѣ? Нѣтъ ни одной умной головы, которая дала бы имъ хорошій совѣтъ...

Онъ объяснялъ Ивоннѣ подробности, чертилъ на столѣ дороги, и глаза его блестѣли сталью. Взволнованная, она слѣдила за его крѣпкой загорѣлой рукой и негодовала:

— Конечно, если бы наши поспѣшили, несчастный Бламонъ не былъ бы сожженъ... Солдаты вездѣ храбры, но у начальниковъ иногда недостаетъ мозговъ въ головѣ. Неужели нельзя пойти въ Аврикуръ и сказать все, что́ знаешь?! Почему бы нѣтъ?!

— Пойти въ Аврикуръ, гм... А если тамъ примутъ за шпіона?

Ноздри Жана вздрагивали, какъ у гончей собаки. И, опять прищурившись, онъ смотрѣлъ на лѣсъ, точно отыскивая тамъ одну точку.

— За что ты обидѣлъ Шарля?—вдругъ ласково спросила Ивонна, кладя руку на плечо Жана.—Ты къ нему несправедливъ.

Тогда вдругъ носъ Жана побѣлѣлъ, и онъ такъ стукнулъ ладонью о столъ, что вино разлилось по скатерти.

— Проклятый мальчишка! Онъ присасывается, какъ піявка. Онъ надоѣлъ мнѣ. Нельзя сдѣлать шагу, чтобы не наткнуться на мерзкаго горбуна.

Ивонна не успѣла возразить: точно изъ-подъ земли у стола выросъ Шарль, но Боже, въ какомъ видѣ: веснусчатое лицо его было землисто, мокрыя пряди волосъ прилипли ко лбу, ротъ безпомощно открывался, выбрасывая заикающіеся

звуки. Къ своей изуродованной груди онъ прижималъ фуражку, и въ его острыхъ глазахъ звѣрька стоялъ застывшій ужасъ.

— Что случилось, Шарль?

Отъ усилій выговорить слово ротъ мальчика кривился судорогой. Наконецъ, онъ выдавилъ изъ себя:

— Въ Па... па... рейскомъ лѣсу — боши...

Тогда, внезапно, охваченный бѣшенымъ приступомъ веселости, Жанъ сталъ смѣяться. Онъ смѣялся, откидывая голову, хлопая ладонью по столу, обнажая весь рядъ своихъ крѣпкихъ бѣлыхъ зубовъ.

— Ха, ха, ха... нѣмцы... въ лѣсу нѣмцы. Ха-ха-ха... идіотъ.

Обнявъ Шарля, Ивонна почти со страхомъ смотрѣла на жениха: никогда раньше она не слыхала этого гортаннаго, вязкаго смѣха. Онъ коробилъ ее и злилъ.

— Подожди, Жанъ. Разскажи, Шарль, что ты видѣлъ. Не бойся, милый...

Она не докончила, такъ и застыла съ открытымъ ртомъ и поднятыми бровями. Внезапно оборвался смѣхъ Жана: на дворъ фермы, полной рысью, въѣхали драгуны и веселый, картавый голосъ крикнулъ:

— Эй, хозяйка или хозяинъ... пожалуйте сюда!

* * *

Они сидѣли всѣ шесть на взмыленныхъ черныхъ коняхъ, сверкая касками, красными штанами и галунами игрушечныхъ синихъ куртокъ. Любезно перевѣсившись черезъ сѣдло, играя чернымъ усомъ, тотъ, кого называли офицеромъ, спрашивалъ Ивонну, стоявшую у фонтана:

— Итакъ, мы можемъ отдохнуть полчасика, красавица. Вина? О, это прекрасно! Кстати, обуемъ здѣсь своихъ конякъ. Мы ѣдемъ на развѣдки, крошка, и намъ нужно обернуть войлокомъ копыта нашихъ животныхъ... Ну, слѣзайте, товарищи. Выпьемъ по стаканчику. Одинъ пусть останется съ лошадьми.

«Товарищи» не заставили себя просить: спѣшились, неуклюжіе въ своихъ огромныхъ тяжелыхъ сапогахъ и каскахъ, украшенныхъ грозными конскими хвостами. Каски сползали имъ на глаза, и они поспѣшили снять ихъ, отъ чего сразу утратили свою угрюмость. Только старшій сохранялъ свое достоинство и, пока солдаты привязывали лошадей, продолжалъ стоять въ полномъ облаченіи и осыпать Ивонну выразительными взглядами. Носъ у него былъ громадный, точно сдѣлан-

ный изъ картона, бритый подбородокъ отливалъ синевой, усы стояли стрѣлами.

Сердце Ивонны замирало: было радостно видѣть на дворѣ фермы красные штаны, слышать позвякиваніе шпоръ, стукъ волочащихся сабель, одѣтыхъ въ сѣрые чехлы, задорное фырканіе лошадей.

Уже послала она Шарля нацѣдить вина изъ той крайней бочки, что особенно берегъ дядя Шарно, уже вынесла изъ кухни чистую скатерть, ломти сыра и новенькіе граненые стаканы. Искала глазами Жана, но онъ скрылся, зато Шарль отъ радости совсѣмъ онѣмѣлъ и приросъ къ каштану, около котораго привязали лошадей.

Солдаты пили дружно: смуглые, загорѣлые, они лопотали, какъ дрозды, перебрасывались шутками, остротами. Они ѣхали на серьезное дѣло и потому поддавали другъ другу бодрости.

Послѣ третьяго стакана, старшій окончательно развеселился: онъ просилъ Ивонну сѣсть рядомъ и, очарованный, развязалъ языкъ. Увлекаясь собственными словами, описывалъ, какъ взятъ былъ вчера Аврикуръ и какъ они высадили треклятыхъ бошей... «Наши дрались на улицѣ въ рукопашную, какъ львы». Не подбирая раненыхъ, нѣмцы поспѣшили убраться черезъ границу.

— Но вы знаете, господинъ,—они появились внизу у Рошкура, сожгли Бламонъ... они идутъ на Везузу,—еле дыша отъ волненія, сказала Ивонна, обводя солдатъ испуганными глазами, и вдругъ увидала Жана.

Онъ стоялъ у фонтана въ своей рабочей блузѣ и спокойно наливалъ воду въ ведра.

— Жанъ, поди сюда!—крикнула она. И, когда онъ подошелъ, нехотя опуская засученные рукава, она потянула его за край фартука.

— Это мой женихъ, г. офицеръ. Онъ вамъ можетъ разсказать многое: онъ вчера ночью видѣлъ отрядъ пѣхоты на тропинкахъ Рошкура.

— Ну, и что же такое?!—спросилъ старшій, завернулъ усъ и скосился на него глазомъ. Слово «женихъ» подѣйствовало на него, какъ кислый сидръ: онъ сталъ меланхоличенъ.

— Развѣ эти дьяволы не могутъ быть въ двухъ мѣстахъ сразу, быть тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ!? —онъ подмигнулъ значительно солдатамъ.—Скажите намъ лучше, крошка, какъ ближе проѣхать въ Парейскій лѣсъ.

Тогда выступилъ Жанъ. Два розовыхъ пятна горѣли на его скулахъ, глаза остро и зорко перебѣгали по лицамъ.

— Я провожу, г. офицеръ. Мнѣ извѣстны всѣ тропинки. Вашъ отрядъ, смѣю полагать, посланъ на развѣдки, но я былъ сегодня въ лѣсу, работалъ тамъ... въ самой гущѣ и подозрительнаго ничего не замѣтилъ.

Онъ говорилъ вѣско, четко, откинувъ голову, такой статный, бѣлокурый и спокойный.

Въ эту минуту вынырнулъ Шарль; какъ полчаса тому назадъ, онъ былъ блѣденъ до синевы, силился что-то сказать, но ротъ его кривился судорогой.

— Г... г. г. Господинъ о... офи-фи-церъ... Г... гы...

Онъ мычалъ, икалъ, его зрачки расширились, умоляющіе.

— Что это онъ у васъ, косноязычный? Ишь, щелкаетъ, какъ соловей!

Солдаты прыснули. Глаза Жана впились въ горбуна, и подъ этимъ неподвижнымъ взглядомъ Шарль захлебнулся совсѣмъ.

— Я... т... ц... т...—щелкалъ онъ, готовый разрыдаться.

Тогда ласково Ивонна передала ему кувшинъ:

— Поди, мальчикъ, въ погребъ, принеси намъ еще вина и успокойся, а тогда скажешь, что тебѣ нужно.

Черезъ минуту драгуны стали собираться: они спѣшно вытащили изъ тороковъ войлочные накопытники и одѣли ихъ на лошадей, которыя кротко и терпѣливо, косясь понимающими глазами, все позволили съ собой дѣлать.

Опять заблестѣли каски, зазвенѣли шпоры и, наклонившись съ сѣдла, старшій пожалъ руку Ивоннѣ.

— Спасибо, малютка. Пожелайте намъ успѣха.—И добавилъ вдругъ серьезно и просто:—наши летчики ничего не смогли сдѣлать, и мы ѣдемъ на развѣдку въ лѣсъ... Богъ знаетъ, вернемся ли. Дѣло серьезное.

Уже не было веселыхъ людей, такъ просто за минуту передъ тѣмъ пившихъ вино за столомъ: были суровые солдаты, идущіе на опасность, можетъ быть, на смерть.

Какъ во снѣ, безшумно, они вдругъ исчезли со двора. Только еще блеснули въ рыжей зелени аллеи полосы красныхъ штановъ и воинственно заколыхались длинные черные хвосты.

Напрасно прислушивалась Ивонна: одѣтыя въ войлокъ копыта лошадей не издавали ни звука.

— Господи, помоги нашимъ!—шептала дѣвушка и подъ сердцемъ у нея что-то холодѣло. Только теперь Ивонна замѣтила, что поднялся вѣтеръ. Онъ пришелъ, какъ всегда, изъ-за Санонскихъ холмовъ, выгналъ свернувшіеся клубкомъ туманы и

теперь они ползли сизыми грядами, закрывая круглое, безъ рѣсницъ, уже низкое солнце. А Парейскій лѣсъ ощетинился, и по косматой рыжей гривѣ его ходили волны. Уже гудѣли каштаны важно и глухо, а налетающіе короткіе вихри крутили на дворѣ остатки сѣна... Вздохнувъ, Ивонна ушла въ домъ. Ей хотѣлось плакать.

Это было смѣшно и страшно: Шарль сидѣлъ въ погребѣ около бочки и вылъ, какъ воютъ собаки.

Тогда испуганная Ивонна вывела его на дворъ—мальчикъ сжалъ кулакъ и погрозилъ въ узенькое окно надъ сѣноваломъ.

— Что ты дѣлалъ въ погребѣ? Какъ ты туда попалъ?—допытывалась Ивонна, наклоняясь къ его распухшему отъ слезъ лицу. Его липкіе пальцы сжимали ея руку, а старые каштаны гудѣли важно и все гудѣло кругомъ темнымъ, осеннимъ шумомъ.

Горбунъ пересталъ всхлипывать, онъ втащилъ Ивонну въ кухню и сѣлъ рядомъ, прижимаясь къ ней своимъ дрожащимъ тѣломъ. Заговорилъ медленнымъ, но яснымъ шопотомъ и потому, что онъ шепталъ и въ кухнѣ стояли сумерки,—все опять походило на сонъ...

— Жанъ... заперъ меня въ погребѣ. Онъ заперъ потому, что не хотѣлъ, чтобы я говорилъ. Сегодня утромъ въ лѣсу, когда я лежалъ въ кустахъ, я видѣлъ двухъ нѣмцевъ: они быстро прошли съ ружьями на-перевѣсъ и скрылись въ молодякѣ въ той сторонѣ, гдѣ работалъ Жанъ... Ивонна, милая... нѣмцы въ Парейскомъ лѣсу, и я не успѣлъ сказать это нашимъ... мнѣ помѣшали, Жанъ мнѣ помѣшалъ... Ивонна, что намъ дѣлать? Ивонна, онъ тебя обманываетъ! Онъ шпіонъ.

Мальчикъ охватилъ дѣвушку руками, упалъ ей въ колѣни головой.

Она старалась расцѣпить его пальцы, ей хотѣлось крикнуть, позвать на помощь, ей казалось: на нее навалилось что-то огромное, лохматое и душитъ...—Сейчасъ нужно зажечь лампу... огонь... все пройдетъ... Шарль боленъ, онъ бредитъ. Она сама больна, ее бьетъ лихорадка, голова горитъ.

Ивонна вскочила, ударилась бедромъ о край стола:

— Молчи!

Но шопотъ горбуна сливался съ тревожнымъ шумомъ вѣтра:

— Я сидѣлъ съ солдатомъ подъ каштанами, возлѣ лошадей, и онъ все разсказалъ мнѣ. Нѣмцы прошли на Рошкуръ, чтобы

отвлечь вниманіе нашихъ. Тамъ нѣтъ дорогъ для артиллеріи. Они нарочно зажгли Бламонъ, но имъ нуженъ Аврикуръ, только Аврикуръ; можетъ быть, они хотятъ обойти Парейскимъ лѣсомъ. Оттого Жанъ ставилъ шесты... оттого ходилъ туда, онъ все знаетъ.

— Тише, тише,—шептала Ивонна, сдерживая крикъ, впиваясь ногтями въ ладони.—Тише!

— Сегодня нужно слѣдить за нимъ—шипѣлъ Шарль—онъ пойдетъ... навѣрное пойдетъ... Нужно запереть Бланшъ, онъ можетъ уѣхать верхомъ. Онъ ихъ предупредитъ.

Невольнымъ быстрымъ движеніемъ она зажала ему ротъ: она узнала въ сѣняхъ шаги Жана. Она все поняла.

* * *

Лампа раскачивалась, и дрожащее пятно ея золотило сверху волосы Жана. Онъ стоялъ и рѣзалъ хлѣбъ аккуратно, тонкими ломтями.

Чувствуя свинцовую тяжесть въ ногахъ, Ивонна ходила отъ плиты къ столу, отъ стола къ шкафу. Минутами, медленно, изъ-подъ ногъ ея уплывалъ полъ, тогда она хваталась за стѣну, слушала гулъ деревьевъ. Губъ она разжать не могла—такъ крѣпко стиснуты были зубы. Когда поставила миску на столъ, Жанъ спросилъ:

— А гдѣ же Шарль? Обидѣлся, дуракъ: пошутить нельзя.

Скрестивъ руки, стоя у плиты, Ивонна смотрѣла на него въ упоръ. Ея шея раздувалась, точно тамъ набухали двѣ змѣи. И было что-то невыразимое въ зрачкахъ дѣвушки, что̀ заставило Жана обернуться.

Встрѣтились взгляды: одинъ горящій, темный, другой какъ льдина, сѣро-голубой, и сплелись въ молчаливой схваткѣ.

...Отвлекъ стукъ въ окно: кто-то̀ барабанилъ пальцами о стекло.

Ивонна подняла раму. И вмѣстѣ съ шумомъ вѣтра просунулась знакомая каска, картонный носъ подъ блестящимъ киверомъ.

— Пожалуйста, дайте напиться.

Голосъ былъ хриплый, отрывистый.

Уже стояла Ивонна въ сѣняхъ, лампа снизу освѣщала ея мѣловыя щеки.

Офицеръ вошелъ, волоча сапоги. Его мундиръ и штаны были вымазаны сѣрой болотной грязью, грязь прилипла къ свисшимъ усамъ, а лицо было серьезно и сосредоточено. Онъ принесъ съ собой

запахъ лѣса, лошадинаго пота, запахъ бѣшеной скачки по темнымъ дорогамъ. Не снимая каски, жадно выпилъ стаканъ вина, какъ человѣкъ, которому дорога каждая минута.

— Спасибо, крошка. Я мчусь въ Аврикуръ. Мы сдѣлали свое дѣло, теперь мы ихъ накроемъ, какъ перепеловъ... Вашъ женихъ плохо насъ освѣдомилъ: лѣсъ занятъ нѣмцами... Мы, французы, вообще слишкомъ довѣрчивы... Но на этотъ разъ они у насъ въ рукахъ. Мы успѣемъ, надѣюсь, еще до зари оцѣпить лѣсъ...

Уходя, онъ споткнулся усталыми ногами о порогъ, выругался. Слышно было, какъ въ темнотѣ, захрапѣвъ, подъ нимъ шарахнулась лошадь.

Тогда, похожая на мертвеца, неживыми губами Ивонна сказала:

— Теперь мы пойдемъ спать... ты пойдешь спать ко мнѣ. Вѣдь, никого нѣтъ.

Но Жанъ не слушалъ: онъ стоялъ у стола, точно готовый къ прыжку. Зубами онъ прикусилъ усы, вытянулъ шею; на лбу у него налилась жила. Что-то соображалъ стремительно, потомъ шагнулъ къ дверямъ.

— Жанъ,—Ивонна стояла на порогѣ, раскинувъ руки, уцѣпившись скрюченными пальцами за косяки. У нея были глаза безумной.

— Что съ тобой, Ивонна? Пусти меня. Я усталъ!.. Я не спалъ двѣ ночи.

Она обвела его взглядомъ съ головы до ногъ, точно ощупала дрожащими руками, взглянула на его поблѣднѣвшее понурое лицо, отстранилась и сказала тихо:

— Иди...

Жанъ перешагнулъ порогъ, на минуту остановился и сказалъ почти нѣжно:

— Ты меня подозрѣваешь въ чемъ-то, Ивонна, это нехорошо. Я тебя люблю—ты же это знаешь. А женщинѣ больше ничего не нужно. Иди и спи спокойно. Завтра все будетъ хорошо.

Онъ взялъ ея руку, но когда выпустилъ, рука какъ неживая, упала вдоль тѣла.

— Да, я пойду. Спокойной ночи, Жанъ.

* * *

Словно вдругъ и сразу умерла Ивонна Шарно, и теперь двигалась, соображала, рѣшала за нее другая. Все исчезло изъ сердца дѣвушки, всѣ ночи любви, всѣ дни нѣжности, всѣ мысли

о близкомъ будущемъ—стояли только въ памяти вчерашняя ночь багровой полосой далекаго зарева и воспаленныя вѣки стараго Винцента.

Сейчасъ она не думала о себѣ: въ грозномъ и важномъ шумѣ вѣтра она видѣла только чащу Парейскаго лѣса, въ которомъ должна была произойти на зарѣ смертельная схватка, рѣшающая судьбу Аврикура и его окрестностей. Тамъ, въ густой листвѣ, въ оврагахъ залегъ страшный врагъ, и гдѣ-то на опушкѣ, прижавшись въ кустахъ, приникли драгуны, тѣ, которые сегодня за столомъ такъ весело шутили и пили вино. А по бѣлой дорогѣ, стискивая шпорами вспѣненные бока лошади мчится эстафета быстрѣе, лихорадочнѣе тѣхъ тучъ, что́ чернильными грядами несутся въ вышинѣ, открывая небесныя пропасти съ мрачно сіяющими въ нихъ звѣздами.

— Если «онъ»,—Ивонна въ мысляхъ не называла больше Жана по имени.—Если этотъ человѣкъ успѣетъ дойти до лѣса, предупредить—все будетъ кончено.

Теперь она знала одно: нельзя терять ни минуты. Острая и ясная мысль все подсказала: взбѣжать наверхъ въ комнату, поставить лампу на столъ передъ окномъ за спущенной занавѣской, накинуть платокъ, запереть дверь на ключъ и выскочить на дворъ—на это, казалось, ушелъ одинъ короткій мигъ.

И, вотъ, опять, какъ вчера, кругомъ нея ночь, вверху гудѣніе басовыхъ струнъ. Теперь она понимала, что значитъ быть кошкой, осторожной, гибкой, смѣлой: ея глаза уже все различали въ окружающей темнотѣ, ухо улавливало и опредѣляло малѣйшіе шорохи: вонъ хрустнула вѣтка подъ крыломъ ночной птицы, вонъ въ стойлѣ сонно зашевелилась корова... По стѣнѣ, какъ лунатикъ, она скользнула къ конюшнѣ, чуть не вскрикнула, потому что наступила на что-то мягкое. Снизу ее хватали цѣпкія руки. Горбунъ шипѣлъ, тянулъ ее за платокъ:

— Ивонна... ты куда? Я заперъ Бланшъ. Ивонна, я съ тобою...

— Иди, Шарль, милый... я сама... иди.

Онъ уползъ какъ ужъ, только прошуршала солома.

Какъ вчера, прислонившись къ копнѣ соломы, Ивонна стояла и ждала, и чудилось ей, что въ гулѣ вѣтра звонятъ далекіе, похоронные колокола, доносятъ къ ней всю огромную печаль Франціи... Вотъ, лежитъ она, милая родина, съ ея цвѣтущими полями, кудрявыми виноградниками, съ ея мягкимъ небомъ, густыми садами и, какъ когти дикаго звѣря, терзаетъ ея прекрасное тѣло хищный, упорный врагъ, отъ котораго некуда, некуда уйти:

онъ вездѣ тутъ, въ этомъ тревожномъ шорохѣ листьевъ, въ этихъ крадущихся звукахъ, онъ въ ней, въ Ивоннѣ, въ біеніи ея сердца, въ спутанномъ ужасѣ ея мыслей.

Машинально, ея холодѣющіе пальцы ощупали то твердое, что, уходя изъ дому, она сунула за лифъ. Это былъ старый охотничій ножъ дяди Шарно, висѣвшій на дверяхъ его комнаты. Часто проходя мимо и любуясь острымъ клинкомъ, Ивонна думала, что, если придутъ «боши»—такимъ ножомъ можно защитить свою честь. Теперь онъ былъ у нея въ рукахъ, и твердо она знала одно, что, если Жанъ выйдетъ изъ своей комнаты, если спустится внизъ къ оградѣ и, минуя шоссе на деревню, вступитъ на лѣсную дорогу—она сумѣетъ сзади нанести ударъ, мѣткій и вѣрный. Да, если тотъ, кому она отдала свою первую кровь, свой первый крикъ страсти—предатель, онъ долженъ умереть, какъ бѣшеная собака, которая слишкомъ опасна, чтобы возбуждать жалость.

И въ ту минуту, когда она додумывала свою жуткую мысль, надъ ея головой скрипнули ступеньки, и ощупью «онъ» сталъ спускаться внизъ...

Почти коснувшись Ивонны, проскользнулъ темный, чуть видный, тронулъ дверь конюшни, ощупалъ замокъ и выругался сквозь сжатые зубы.

Ивонна ясно разслышала чуждый говоръ «Teufelsbub!»

Стоялъ такъ близко, что до нея долетало его дыханіе. Если бы вздумалъ чиркнуть спичкой—они бы увидали другъ друга. Но это не приходило ему въ голову: онъ постоялъ съ минуту и опять, высокій, темный, проскользнулъ за уголъ.

Вѣтеръ налегалъ на верхушки деревьевъ, но около стѣнъ фермы было тихо.

Вытянувшись изъ-за угла, Ивонна видѣла, какъ рѣшительно онъ подошелъ къ дверямъ и задвинулъ желѣзный засовъ: онъ былъ такъ увѣренъ, что тамъ, въ домѣ, за спущенной освѣщенной занавѣской его невѣста расплетаетъ свои косы, и, если захочетъ выйти,—не сможетъ.

Ивоннѣ казалось, что она даже видитъ узкую улыбку, холодный блескъ зубовъ... Казалось, что сейчасъ «онъ» обернется и будетъ стоять такъ, улыбаясь, какъ мертвецъ, какъ неживое видѣніе того, что когда-то—она не знала теперь, когда—Ивонна такъ любила...

Но легкимъ, упругимъ шагомъ «онъ» уже спускался внизъ и тогда, хватаясь за мокрую мшистую стѣну слѣпыми пальцами,

сдерживая дрожь въ колѣняхъ, Ивонна ползла за нимъ, готовая каждую минуту слиться съ черной землей...

Калитка... Смутно-бѣлая полоса шоссе...

Одинъ шагъ, одинъ поворотъ могъ обратить эту страшную ночь въ сказку, которую разсказываютъ дѣтямъ.

И было мгновеніе, когда такъ ясно Ивонна увидала темный силуэтъ, уходящій по четкой лентѣ въ сторону деревьевъ... Забывъ опасность, она приподнялась во весь ростъ, бросилась впередъ. Изъ-подъ ногъ ея скатился камень и вмѣстѣ съ нимъ, обрывая послѣднія нити надежды, упало сердце: пустынно бѣлѣло передъ ней шоссе, и по ту сторону его только тревожно гудѣли деревья.

Тогда, сознавая одно, что она потеряла Жана изъ виду, Ивонна перебѣжала дорогу.

V.

... Лѣсъ встрѣтилъ Ивонну громоподобнымъ шумомъ и призрачнымъ мракомъ. Неумолчный, какъ море, гулъ и стонущіе скрипы были вверху, гдѣ изрѣдка сквозили черно-бѣлые просвѣты и вдругъ, на одинъ мигъ блистали вонзившіеся въ змѣиный клубокъ сучьевъ блѣдные клинки звѣздъ. А внизу ползли шорохи, тысячи шороховъ, шелестовъ и бормочущаго шепота невидимой толпы невидимыхъ, притаившихся и скрытно перебѣгающихъ съ мѣста на мѣсто существъ.

На одну секунду Ивонна остановилась. Куда, въ какую сторону бѣжать? Въ какую сторону двинулся Фельтъ? Неужели онъ ускользнетъ изъ ея рукъ! Вѣдь, отсюда начинаются два направленія: къ болоту и къ оврагу...

Но въ эту минуту, точно тихій и грозный посланецъ неба, по опушкѣ лѣса пролетѣлъ мглистый широкій лучъ, пошарилъ тутъ и тамъ, вошелъ далекимъ свѣтлымъ клиномъ въ чащу. Конечно, это былъ прожекторъ съ форта Маноннвиллеръ... Потухъ... Но въ его сѣромъ мгновенномъ свѣтѣ дѣвушка успѣла замѣтить удаляющуюся направо высокую фигуру. Теперь она узнала, Фельтъ идетъ къ оврагу. Скорѣй, скорѣй...

Она кинулась по тропинкѣ, не думая, не боясь того, что Фельтъ замѣтитъ ее, услышитъ и скроется прежде, чѣмъ она успѣетъ броситься на него сзади. Да, прыгнетъ на него, какъ дикая кошка, вонзитъ въ спину предателя острые когти, вырветъ изъ него подлую, ненавистную душу!..

Ивонна бѣжала, точно у нея выросли крылья, точно ее,

легкую, упругую, прозрачную, несъ бурный вѣтеръ. Темные, гигантскіе стволы выростали на ея пути; низкія вѣтки хлестали по лицу, цѣплялись за платокъ, за платье, царапали до крови; корневища дубовъ подползали подъ ноги, желая свалить... опрокинуть... И весь лѣсъ грозно волновался, скрипѣлъ, стоналъ, словно стараясь сдвинуться съ мѣста исполинской ратью...

Вдругъ онъ разступился и, разступившись, сомкнулся полукольцомъ узкой поляны.

Знала Ивонна: отсюда начинался бездонный оврагъ и только по самому краю его крутого отвѣса вилась опасная тропа, каждое мгновеніе грозившая паденіемъ и смертью.

Здѣсь вѣтеръ яростно гудѣлъ и стоналъ. Казалось, притаился въ лѣсной щели мрачный великанъ и протяжно дудитъ въ каменную волынку.

И подъ зловѣщіе стоны волынки неслись вверху облака черно-бѣлыми просвѣтами, будто вспѣненныя воды потока межъ плоскихъ, тускло свѣтящихъ гранитныхъ глыбъ. А по краямъ его метались жесткими, всклокоченными гривами чернильныя купы листвы.

Она увидѣла передъ собой широкую спину Фельта. Уже мускулы ногъ сжались для прыжка, уже вскинулась рука съ охотничьимъ ножемъ, но внезапно, будто отъ невидимаго удара, отъ стремительнаго предчувствія, Фельтъ остановился и неожиданно повернулся на мѣстѣ... Лицомъ къ лицу встрѣтился съ дѣвушкой.

— Ивонна... ты? Ты?!. Зачѣмъ?

Неописуемый испугъ, изумленіе было въ этомъ вопросѣ.

— Да... я!.. Я...

Но, когда увидала Ивонна это лицо, такое близкое, такое знакомое, бывшее еще нѣсколько часовъ тому назадъ безконечно дорогимъ, мучительно милымъ, лицо ея возлюбленнаго, ея мужа— упала сама собой рука, отлила отъ сердца горячая волна крови, затмились глаза... И, чувствуя, что мгновенно слабѣетъ, Ивонна въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи крикнула, но въ лѣсномъ шумѣ былъ этотъ крикъ, какъ свистящій шопотъ.

— Жанъ... Куда ты идешь?.. Что... что ты дѣлаешь?.. Вернись!

— Ты съ ума сошла... Иди сейчасъ же домой!..

— Жанъ... умоляю... Вѣдь, у насъ ребенокъ!.. Вѣдь, ты— французъ... Ты же любишь меня. Боже мой, Боже мой!

— Да... люблю...

Онъ стремительно оглянулся и сжалъ ея руку желѣзными тисками...

— Ты... одна?.. Тогда ступай за мной... Бѣжимъ... Я потомъ все объясню... Скорѣй! Я тоже люблю свою... родину... Понимаешь...

— Родину? Жанъ... ты—французъ, эльзасецъ?!. Жанъ... Ты... ты... къ бошамъ?

— Не смѣй... слышишь, не смѣй... этого слова... Я могу за... задушить...

— А-а... Ты... нѣмецъ... шпіонъ! Такъ будь же ты проклятъ! Предатель...

Она метнулась, кинулась на него... Теперь ужъ только бѣшенство, слѣпая, раскаленная ненависть, какъ густая смола, вспыхнули въ ней. Одинъ ударъ... и кончено...

Но Фельтъ уже душилъ ее, обхвативъ ея шею стальными пальцами. Разъяренно отбиваясь, хрипя, она упала на землю, на влажную траву и увлекла его за собой на край обрыва. Силы ея удесятерились злобой борьбы. И, чтобы скорѣй покончить съ Ивонной, Фельтъ, сопя и рыча, словно дикій кабанъ, изо всей мочи навалился на ея животъ чугуннымъ колѣномъ, продолжая душить... Вдругъ загорѣлись красными пляшущими кругами бѣлесые просвѣты надъ головой Ивонны и невыносимая боль взрыла ея внутренности, точно тамъ, въ ея груди, въ ея животѣ опрокинули пламенемъ внизъ толстую, тяжелую свѣчу и жгли, жгли, жгли...

Въ то же мгновеніе Фельтъ дико зашипѣлъ, потому что на него сверху кто-то прыгнулъ, звѣрь—не звѣрь, человѣкъ—не человѣкъ, прыгнулъ и впился въ его волосы цѣпкими, судорожно-сильными когтями, пальцами...

Фельтъ выпустилъ шею Ивонны и, оттянутый когтями горбуна, опрокинулся навзничь. Но въ ту же минуту бросилъ черезъ себя въ темь поляны кричащее тѣло Шарля и, освободившись, вскочилъ на ноги, высокій и тяжелый на фонѣ вспѣненнаго потока облаковъ, несущихся надъ оврагомъ.

Тогда, собравъ послѣднія силы, дико вскрикнувъ голосомъ ночной птицы, Ивонна перевернулась, приподнялась на колѣни... И падающимъ, отчаяннымъ ударомъ сжатыхъ кулаковъ толкнула шпіона.

И вдругъ качнулся онъ весь, будто переломился на-двое, будто хотѣлъ загрести къ себѣ воздухъ, но не смогъ, и съ судорожнымъ воемъ сорвался, изчезъ въ пропасти, описавъ головой страшную дугу.

. . . . . .

Закрывъ лицо руками, спотыкаясь на кочки, Ивонна безсмысленно бѣжала туда, куда ее тянули цѣпкіе пальцы Шарля.

— Бѣжимъ, Ивонна, бѣжимъ,—шепталъ горбунъ, и съ нимъ шепталъ весь лѣсъ темнымъ гуломъ.

. . . На шоссе, почти передъ самой оградой, дѣвушка упала. Она сидѣла такъ, раскинувъ ноги, упершись руками въ землю и сдерживала тягучіе стоны.

— Ивонна, милая... Ивонна, ты ранена!

— Молчи, Шарль, молчи!

Сжавъ зубы, запрокинувъ голову, она прислушивалась къ боли, раздиравшей ея внутренности.

Точно обрывалось что-то тамъ, сползало внизъ, сжимая бедра желѣзнымъ кольцомъ; точно та сладкая тяжесть, которую она бережно носила эти три мѣсяца, стала мертвой, ненужной и отдѣлялась отъ ея сердца въ липкой, жгучей струѣ...

— Жаба!—сказала она.—Проклятая жаба!

И вдругъ вскрикнула остро-пронзительно...

Обезумѣвшій горбунъ метался надъ ней, но, затихшая, она глядѣла въ просвѣты бѣгущихъ тучъ, и запекшіяся губы ея шептали:

— Никогда! Теперь все кончено. Я—честная француженка...

. . . . . .

Черезъ часъ по шоссе проплылъ въ таинственномъ молчаніи, въ тихихъ металлическихъ шумахъ и осторожномъ порсканьи лошадиныхъ оскаловъ эскадронъ драгунъ. Тускло поблескивали каски и еле слышно позвякивали шпоры.

Всадники исчезли, какъ привидѣнія.

За ними вскорѣ потянулись съ мѣрнымъ топотомъ густые ряды алжирскихъ зуавовъ. Отъ нихъ шелъ смутный говоръ и запахъ пороха, грязнаго пота и крѣпкаго табака. Надъ ними колыхалась стальная щетина синеватыхъ штыковъ-ножей. Изрѣдка позвякивали манерки, маячили сѣрыя полосы бинтовъ на суровыхъ дикихъ лицахъ.

Изъ верхняго окна фермы падала струя теплаго желтаго свѣта на каменный водоемъ фонтана. И видно было, какъ рядъ за рядомъ широкихъ пыльно-черныхъ, расшитыхъ красными узорами спинъ и малиновыхъ фесокъ склонялся надъ водоемомъ и пилъ, вздыхая и сопя, жадно и устало коричневыми бородатыми лицами воду, показывая красные зады широкихъ шароваръ.

Потомъ они тонули во тьмѣ, шли черезъ садъ, черезъ дорогу къ шумящимъ опушкамъ дубовъ.

На зарѣ Парейскій лѣсъ былъ окруженъ цѣпями стрѣлковъ. А утромъ, послѣ короткой перестрѣлки и ураганнаго штыкового боя, огласившаго чащу старыхъ дубовъ изступленными гортанными криками смертельной боли, ненависти и ужаса, французамъ сдались въ плѣнъ послѣднія ландверныя части баварскаго, 4-го и 16-го нѣмецкихъ корпусовъ, разбитыхъ на Марнѣ и вновь наступавшихъ на Аврикуръ съ обозами и пулеметами...

...А наверху, на фермѣ, въ своей чердачной комнатѣ металась въ бреду Ивонна и все просила дать ей бѣлое платье, потому что уже зовутъ ее свадебные колокола...

К. и О. Ковальскіе.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Жизнь въ разномъ творчествѣ: паукъ
Сплелъ сѣть свою и ждетъ въ засадѣ,
Ворча дикарь согнулъ свой лукъ,
Открылъ ученый мощный радій.

Но все въ единомъ бытіи,
Въ единой жаждѣ созиданья,
Сливаетъ помыслы свои,
Любовь, утѣхи и страданья.

Единство—радостный залогъ,
Что всѣхъ путей разумна встрѣчность,
Что въ каждой тлѣ нѣдрится Богъ
И въ каждомъ мигѣ бьется вѣчность.

II.

Шайтанъ Мердвенъ [1]).

Какой-то грѣшный духъ, Аллахомъ обезкрыленъ,
Презрѣвъ земные скорбные пути,
Ворочалъ скалы, яростенъ и силенъ,
Дерзая лѣстницу до неба возвести.

Но строгъ Аллахъ, и чудо зримъ донынѣ:
Онъ положилъ дерзанію предѣлъ
И на одной изъ ступеней твердыни
Безумный духъ окаменѣлъ.

А. Рославлевъ.

1) Шайтанъ Мердвенъ въ переводѣ съ татарскаго—дьявольская лѣстница.

МАРІЯ.

Nocturne.

1.

Такъ было свѣтло этой теплой лунной ночью, что казалось свѣтлѣе, чѣмъ днемъ. Въ неподвижномъ воздухѣ предметы выдѣлялись особенно рельефно. Громадныя березы-великаны спали въ глубокомъ покоѣ. Густыя, черныя тѣни падали на гладкое шоссе, рѣзко выдѣляя большіе, бѣлые камни, симметрично разставленные по обѣимъ сторонамъ дороги. Кучи битаго мелкаго щебня лежали на обочинѣ, по которой вилась змѣйкой узенькая, мягкая тропинка пѣшеходовъ.

Шибко шла по тропинкѣ молодая босоногая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Странный нарядъ былъ на ней: какой-то куцый армякъ съ капюшономъ, едва достигавшій до колѣнъ. Казалось, кто-то обрѣзалъ полы въ этомъ широкомъ мужскомъ армякѣ. Ноги отъ колѣнъ были голыя, и нельзя было рѣшить, есть ли подъ армякомъ еще какая-нибудь одежда.

Ребенокъ скрывался въ армякѣ. Только спящая головка въ бѣломъ чепчикѣ выглядывала изъ раскрывшихся и свѣсившихся широкихъ лацкановъ армяка.

Женщина оглядывалась по сторонамъ, пугливо прислушиваясь къ каждому случайному звуку.

Направо отъ шоссе блеснула узкая ленточка новой тропинки, протоптанной черезъ зеленый дернъ, прохладный и росистый. Женщина свернула вправо, еще болѣе ускоривъ шаги, и пошла рядомъ съ тропинкой, шурша ногами по мягкой травѣ, купая въ росѣ запыленныя, усталыя ноги.

Тропинка привела ее къ длинному, бѣлому зданію, въ которомъ жили рабочіе и арендаторъ обширнаго барскаго помѣстья,

владѣлица котораго, генеральша Талбукина, жила въ Петербургѣ или за границей.

Женщина остановилась возлѣ окна, одно стекло котораго было выбито, а вмѣсто него были вставлены какія то лохмотья. Окно стояло очень низко. Женщина положила осторожно ребенка на землю, а сама, опустившись на колѣни, стала впихивать тряпки внутрь, что̀ удалось ей сдѣлать довольно скоро.

Чрезъ освободившееся отверстіе заглянула въ комнату и прошептала:

— Мама, мамашенька!..

Отвѣта не было. Повторила нѣсколько разъ громче. Послышался шорохъ и скоро показалось сморщенное круглое лицо старухи.

— Кто такой? Маня, что ты?

— Выйди, мама, выйди...

Въ голосѣ слышались слезы. Когда старуха вышла, женщина разрыдалась. Она раскинула полы армяка. На ней была только одна сорочка.

— Видишь?.. Смотри, какъ ушла. Ушла отъ него. Навсегда. Не могу жить съ нимъ... Измучилась... Стыдно мнѣ, такъ стыдно... Ой, мамаша, дай надѣть что... Срамъ какой, люди увидятъ... Матерь Божія!.. Дай поскорѣй, покуда спятъ люди.

Старуха взяла малютку, разсматривала.

— Чистенькая, бѣлая... Вишь спитъ какъ? Ей все ни почемъ... Не плачь, Маня. Чего ты? Никого нѣтъ. Иди, иди въ комнату. Отецъ при лошадяхъ, Саша на мельницѣ. Одна я... Иди.

Марія продолжала плакать, хотя въ плачѣ уже не было прежняго безпокойства и страха. Потихоньку всхлипывая, пошла впередъ. Старуха шла за ней, бережно прижимая къ себѣ ребенка.

2.

Въ этомъ неуклюжемъ одноэтажномъ домѣ помѣщалось около десятка семействъ. У каждой семьи была своя квартира, состоявшая большей частью изъ одной комнаты, съ огромной русской печью. Но были квартиры и безъ кухонной печи. Въ такихъ жили одинокіе.

Родители Маріи, старые Елена и Антонъ, много лѣтъ уже занимали свою квартиру. Но въ ней, какъ и въ другихъ, не было никакихъ признаковъ домовитости стараго семейнаго очага. Каза-

лось, будто здѣсь поселились на короткій срокъ, остановились проѣздомъ или пріютились временно погорѣльцы, которымъ некуда было уйти.

Подъ стѣной стояла деревянная кровать, некрашенная, но побурѣвшая отъ времени. Тюфяка не было. Вмѣсто него лежала солома, слегка покрытая ковромъ, сплетеннымъ изъ тряпокъ. Двѣ подушки трудно даже было назвать подушками. Это были два плоскихъ, слежавшихся мѣшка съ жесткими перьями, пробивавшимися наружу. Деревянный сундукъ въ углу, расписанный красными розами, казался роскошью въ этой пустой комнатѣ. Въ ней не было даже стола, такъ какъ обѣдать ходили въ общую столовую, куда каждый приносилъ свою пищу въ собственной посудѣ. Возлѣ печи стояла скамейка, на которую ставили горшки. Куча лохмотьевъ, замѣнявшихъ зимнее платье, лежала въ ногахъ постели. Ими же пользовались какъ одѣяломъ, котораго не было.

— Устала, видно? Ложись,—сказала Елена, устраивая на сундукѣ постель для младенца изъ старой ватной кофты.

— Охъ, устала! — вздохнула Марія, все еще плачущая.

— Можетъ, поѣсть хочешь?

— Не хочу.

Она сѣла на кровать, бросивъ армякъ на кучу другой одежды.

— Матерь Божія, какъ стыдно въ вагонѣ ѣхать, въ одной рубахѣ!.. Со всѣхъ сторонъ люди...

— Ночью, кто увидитъ,—утѣшала Елена.—Спятъ всѣ. Какъ ты вышла изъ дому не одѣвшись?

— Какъ же, спятъ. Никто не спалъ. А вышла такъ, потому надѣть было нечего. Въ одной рубахѣ осталась... Шинель эту сосѣдка дала.

— Ложись, поспи немного... Утромъ разскажешь. Я за маленькой посмотрю.

Марія легла и на нѣсколько минутъ затихла. Старуха присѣла на сундукъ и, подпершись ладонью, смотрѣла на младенца.

Начинался ранній разсвѣтъ майской бѣлой ночи. Въ комнатѣ стало почти свѣтло.

— Не могу спать, все во мнѣ трясется,—начала Марія, снова садясь.—Страшно мнѣ... Какъ бы сюда не пришелъ. Терпѣнія больше нѣтъ. Охъ, нѣтъ больше моего терпѣнія! Измучилась вся. Одѣться не во что... Все забралъ... Какъ сталъ пить, не день, не два... Три недѣли пилъ. Все изъ квартиры вытащилъ, все до послѣдняго вынесъ. Говорю ему: не пей,

Петръ, уйду отъ тебя. Не уйдешь, говоритъ. Я, говоритъ, знаю, какъ сдѣлать, чтобы ты не ушла. Вечеромъ пришла я съ фабрики... Матерь Божія! Сундукъ разбилъ, все выбралъ, а самого нѣтъ. Ночью приходитъ... Пьяный, а сдерживается. Я говорю: уйду, не могу больше терпѣть. Онъ молчитъ, тихій. Воръ ты, говорю ему. Ты меня обокралъ, всю одежду пропилъ... Платье у меня было новое шерстяное, шаль была хорошая, сорочки двѣ, ботинки новые. Куда дѣвалъ?—спрашиваю. Молчитъ. Пришла мнѣ мысль: можетъ, не станетъ больше пить. Перестану его ругать... Какъ бы жили, если бы не пилъ! Стало мнѣ полегче. Заснула я. Проснулась утромъ, а его нѣтъ и послѣднюю мою одежду унесъ. Въ рубахѣ осталась. Подлый какой. Прямо подлецъ. Днемъ приходитъ... Воскресный день былъ. Стоитъ пьяный, покачивается... Что, говоритъ, уйдешь? Смѣется. Ахъ, ты, проклятый. Уйду, уйду, уйду!—кричу ему. Совсѣмъ нагая уйду, чѣмъ мнѣ жить съ такимъ подлымъ, какъ ты. Сѣлъ на стулъ, смотритъ, смѣется... Ребеночекъ заплакалъ. Стала я ему соску заправлять.

— Не кормишь грудью?—спросила Елена.

— Кормила... Молоко пропало... Сколько молока было! Во-какія груди вздуются... Твердыя станутъ, какъ деревянныя, а дѣвать некуда. Молока много, боль отъ него дѣлается... Дѣвчонка дома кричитъ... Я ее старухѣ сосѣдкѣ поручила... У ней ихъ много, фабричныхъ ребятишекъ, набрано... Хлѣба нажуетъ, сунетъ въ ротъ—соси. Не такъ было бы, когда бы молока не было... Я на фабрикѣ отъ молока плачу, а она дома... Пропало молоко, перегорѣло... Бѣда съ нимъ. Груди долго болѣли.

Марія замолчала.

— Дальше какъ же было?—спросила старуха.

— Соску заправила, дала дѣвочкѣ, взяла ее на руки и молчу.—Что же—говоритъ—не собираешься? Пора тебѣ въ путь-дорогу, укладывайся...—Подлый ты, говорю,—собака паршивая... Пьяница, воръ... Послѣдними словами его ругаю. Все молчалъ... Подсмѣивался. Однако, я его довела. Не выдержалъ. Подскочилъ ко мнѣ... Молчи, говоритъ, дьявольская женщина. Думала—ударитъ онъ меня. Нѣтъ, не билъ. Ушелъ. Пропалъ на весь день. Вечеромъ, какъ стемнѣло, я у старухи шинель выпросила... Деньги на билетъ у нея спрятаны были... Ушла отъ него.

— Ничего. Отойдетъ отъ сердца, опять вернешься...

— Не вернусь, мамашенька, нѣтъ, не вернусь больше!

Не гони меня. Я на васъ работать рада. Ты за дѣвочкой посмотришь, а я всю работу сдѣлаю. Хорошо будемъ жить.

— Живи, Богъ съ тобой.

Помолчали обѣ.

— Отецъ разсердится,—сказала Марія, не то утвердительно, не то въ видѣ вопроса.

— Нашла сердитаго! Ему что? Придетъ, спать ляжетъ...

— Велитъ съ мужемъ жить. А мнѣ какъ жить съ нимъ? Я и рада бы жить, да мочи нѣтъ. Думаю, думаю—ничего не придумаю... какъ не пьетъ—лучше человѣка нѣтъ. Живемъ мы съ нимъ тихо, прекрасно. Любитъ онъ меня... Ни на кого не промѣняетъ. Я ему хорошая, милая, раскрасавица. Мастеръ онъ первый... Сорокъ рублей въ мѣсяцъ получалъ. Говоритъ мнѣ: не пущу тебя, Маша, на фабрику... Не надо намъ... Дома живи, за дѣткой смотри. Книги, говоритъ, читай. Книги приносилъ домой, читалъ со мной. Въ праздникъ, бывало, пойдемъ въ лѣсъ, за городомъ, закуску возьмемъ. Ни водки, ни пива ни за что не возьметъ... Въ лѣсу на травѣ лежимъ... Онъ читаетъ, я слушаю. Что не пойму, онъ все разскажетъ. Хорошо онъ говорить умѣетъ. Слова хорошія знаетъ... Про жизнь, про людей... Я смотрю на него, да думаю: Хорошій ты мой, Петрушенька...

Опять заплакала Марія, но тихо, беззвучно. Слезы обильно текли по лицу. Она вытирала ихъ руками.

— Платочки у меня были съ красной каемочкой. Онъ подарилъ, на Пасху... Всѣ унесъ, ни одного не оставилъ...

— Въ прошедшемъ году такъ же было,—сказала Елена.— Весной ты пришла...

Она покачала головой.

— Испортили его,—продолжала старуха.—Говорила я тебѣ тогда: пойди къ Исаю. Всю порчу снимаетъ. Не послушалась меня. Теперь опять бѣда пришла... Теперь непремѣнно надо къ Исаю сходить...

— Глупости, мамашенька... Я въ это не вѣрю. Къ нему только дуры несчастныя ходятъ.

— А ты кто? Ты и есть самая несчастная дура. Я вѣрно знаю. Послушай меня, что я тебѣ скажу...

Старуха подсѣла на кровать къ дочери и, наклонившись къ ней, ласково уговаривала.

— Помнишь, какъ Ѳеклуша сторожихина убивалась да сохла по Степану, по кучеру? Онъ на нее смотрѣть не хотѣлъ. На танцахъ не подойдетъ, не взглянетъ на нее. Ѳеклуша къ

Исаю сбѣгала... Теперь Степанъ какъ по ней убивается. Жить безъ нея не можетъ. Исай приворожилъ. Онъ порчу снимаетъ. Урядничиха къ нему ѣздила. Бьетъ ее мужъ, когда пьяный бываетъ. Она все разсказала Исайкѣ, далъ онъ порошки противъ пьянства. Три мѣсяца не пьетъ урядникъ. А раньше бывало дня не могъ потерпѣть безъ водки...

— Правда ли это?—тихо спросила Марія.

— Вѣрно. Ни вина, ни водки видѣть не можетъ. Чтобы, говоритъ, и въ домѣ не было ни единой капли.

— Пойти ужъ...—прошептала Марія.

— Пойди, Машенька, пойди...

— А какъ Петя узнаетъ. Охъ, разсердится. На зло пить станетъ. Нѣтъ, я не пойду. Все равно, не хочу жить съ нимъ. Я отъ него навсегда ушла.

— Уйдешь ты? Не уйдешь... Не такая ты, чтобы уйти.

— Не пойду къ Исайкѣ, не хочу...

Старуха встала недовольная. Дѣвочка запищала во снѣ. Марія прилегла на кровати и моментально заснула.

3.

Утромъ высоко было солнце, когда Марія проснулась. Отецъ спалъ на полу. Она осторожно встала, надѣла материнскія кофту и юбку и вышла на крылечко. Елена сидѣла тамъ и кормила ребенка, устроивъ самодѣльную соску: намочила въ молокѣ кусочекъ булки и, завернувъ въ тряпку, сунула въ ротъ младенцу.

Марія потянулась, освобождаясь отъ сна, отъ вчерашнихъ тревогъ, отъ усталости. Оглядѣлась, разсматривая знакомыя мѣста.

У нея была красивая фигурка, тонкая, прямая, какъ у дѣвушки. Растрепавшіеся волосы, каштановые, чуть-чуть рыжеватые, густые и длинные, давали необычное сочетаніе съ синими глазами и блѣднымъ, истощеннымъ, но очень миловиднымъ лицомъ.

Больше года прошло съ тѣхъ поръ, какъ она была здѣсь. Ничего не измѣнилось, ни одной вещи не прибавилось и не убавилось. Такъ же не подалеку на холмѣ росли два тополя, такъ же раскинулся широко старый кустъ сирени передъ крылечкомъ. Только тогда сирень не цвѣла, а теперь была въ полномъ цвѣту,

въ лиловой шапкѣ душистыхъ цвѣтовъ, заглушавшихъ своимъ запахомъ обычный запахъ навоза со скотнаго двора.

— Воздухъ какой легкій,—сказала Марія, вдыхая высоко-поднимавшейся грудью ароматную свѣжесть утра.—На фабрикѣ нѣту такого воздуха. Смрадъ тамъ, пыльно... Хорошо тутъ. Я навсегда останусь...

— Въ томъ году ты такъ же говорила, что останешься. Не такая ты, чтобы тутъ жить.

— Что жъ, я плохая развѣ? Я работать буду. Я не даромъ жить хочу.

— Живи, Господь съ тобой.

Марія оправляла прическу, стараясь привести въ порядокъ свои прекрасные волосы.

На другомъ крылечкѣ того же дома, только видомъ почище—тамъ жилъ самъ арендаторъ—показался гимназистъ, Павлуша, его сынъ. Всѣ знали его здѣсь давно, помнили мальчикомъ, привыкли къ нему и какъ раньше, такъ и теперь называли Павлушей. Онъ отлично учился и безъ экзамена перешелъ въ 8-й классъ. Имѣлъ видъ серьезный, внушительный, любилъ просвѣщеніе и старался насаждать его при каждомъ удобномъ случаѣ.

Замѣтивъ его, Марія спряталась, стыдясь своего вида.

— Мамаша,—спросила она,—у васъ нѣтъ зеркала?

— Зеркала?—крайне удивилась Елена.—Кто въ него смотрѣться будетъ? Я—что ли?

— Какъ же безъ зеркала жить! У кого-нибудь зеркало есть?

— У арендатора есть два зеркала.

— На мельницѣ есть!—воскликнула Марія.

Вошла въ комнату, накинула платокъ и собралась итти на мельницу. Надо было проходить мимо крылечка, гдѣ сидѣлъ Павлуша.

Марія сдѣлала видъ, что не замѣтила его, и пошла шибко, низко наклонивъ голову.

— Въ обѣдъ коровъ доить приходи!—крикнула Елена.

Гимназистъ сразу узналъ Марію. Онъ приподнялъ фуражку съ гербомъ и сказалъ:

— Здравствуйте, куда спѣшите?

Она еще ниже опустила голову и ускорила шаги.

— Куда спѣшите?—повторилъ Павлуша.

Марія ничего не отвѣтила. Онъ долго слѣдилъ за ея тонкой фигуркой. Потомъ подошелъ къ Еленѣ и сталъ разспрашивать, почему тутъ появилась Марія.

4.

На мельницѣ жила дальняя родственница Маріи, Анна, большая франтиха. Она завѣдывала хозяйствомъ стараго мельника и, хотя не была его женой, распоряжалась всѣмъ, какъ хозяйка. Про нее шла дурная слава, говорили, что у нея было не хорошо въ прошломъ. Теперь ей было около тридцати лѣтъ. Но лѣтъ десять тому назадъ она служила въ господскомъ домѣ. Тогда пріѣхалъ лѣтомъ владѣлецъ имѣнія съ двумя сыновьями, взрослыми кадетами. Анну взяли горничной спеціально для того, чтобы молодые люди не скучали въ деревнѣ и имѣли подъ рукой все, что имъ нужно. Самъ старый баринъ устроилъ для нихъ это удобство, заботясь о здоровьѣ дѣтей.

Анна не обращала вниманія на толки и жила на мельницѣ не скучно. Молодой работникъ, братъ Маріи, Саша, очень ей нравился.

Когда Марія неслышно, босыми ногами, вошла въ мельницу, то застала молодую пару въ крѣпкомъ объятіи на старомъ мельничномъ камнѣ. Сконфуженный Саша, юноша лѣтъ двадцати, схватилъ зачѣмъ-то мѣшокъ съ мукой и скрылся. Подруга его только стряхнула съ себя муку, приставшую отъ возлюбленнаго, и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошла навстрѣчу Маріи.

— Опять пришла?—сказала она, почистившись, и обняла неожиданную гостью.

Онѣ ушли съ мельницы и въ комнатѣ Анны долго бесѣдовали о своихъ дѣлахъ. Марія занялась прической. Потомъ примѣривала башмаки, платья и кофты, которыми снабдила ее Анна.

Стараго мельника не было. Онъ уѣхалъ на базаръ продавать картофель.

Анна радушно принимала родственницу, угостила копченой свининой, простоквашей съ бѣлымъ хлѣбомъ, напоила вкуснымъ квасомъ. Выслушавъ исторію Маріи, она также посовѣтовала пойти къ старцу Исаю.

— Онъ кобель,—сказала она со свойственной ей откровенностью,—а все понимаетъ. Все объ тебѣ разскажетъ и научитъ всему... Можетъ, и лѣкарство дастъ. Сходи къ нему... Что тебѣ Петра бояться? Кто ему скажетъ?

— Сама скажу. Какъ я обману его?

— Хочешь его бросать, такъ что тебѣ заботиться?

— Не хотѣла бы бросать, ахъ, не хотѣла бы!

Марія заплакала.

— Какая мнѣ жизнь безъ него?

— Мало ихъ, что ли? Молодая ты, красивая. Получше найдешь.

— Стыдъ какой, голую оставилъ...

— Ничего, я дамъ одежду. Носи. Это глупость. У меня еще есть платьевъ не мало.

Она открыла большой гардеробъ и, вынимая платья, показывала Маріи.

— Два розовыхъ, одно зеленое, одно коричневое. Ботинокъ новыхъ двѣ пары. Еще дамъ тебѣ старую юбку и кофточку рваную... Сама зашьешь... для работы...

Марія вспомнила, что скоро надо доить коровъ. Анна связала узелокъ съ одеждой и пошла проводить Марію. Передъ уходомъ обѣ заглянули въ зеркало, при чемъ Анна громко хихикнула, поправляя гребни въ черныхъ волосахъ.

Она была некрасива. Но большіе черные глаза, свѣтившіеся задоромъ, и хорошій цвѣтъ лица дѣлали ее привлекательной. Кромѣ того у нея было крупное, сильное тѣло. Она засмѣялась, потому что ей стало весело при сравненіи своей мощной фигуры съ хрупкой, тоненькой фигуркой Маріи.

Возлѣ мельницы онѣ простились. Анна опять юркнула въ открытую дверь, которую на этотъ разъ тщательно заперла.

Саша такъ и не показался сестрѣ.

5.

Павлуша опять оказался на крылечкѣ. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, вытянувъ ноги, и читалъ газету.

Марія шла теперь не спѣша и встрѣтила его взглядъ поднятыми глазами.

Онъ всталъ, догналъ ее и поздоровался за руку.

— Я вамъ очень сочувствую,—дѣловито замѣтилъ онъ, крѣпко пожимая руку.

Марія покраснѣла.

— Извините, нужно доить коровъ,—сказала она и быстро удалилась.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить,—крикнулъ ей юноша и вернулся на свою скамейку.

Марія явилась домой во-время. Старый Антонъ уже началъ ворчать.

— Ну, пришла... Отъ мужа бѣгаешь... Безстыдница... Ну, куда таскалась?.. Дите бросила... Коровъ доить время... Работа стоитъ... Ну!.. Людей постыдилась бы, если родителей не стыдишься. Жена отъ мужа бѣгаетъ! Какой это порядокъ? Это— непорядокъ... Ну, стерпи... Онъ тебѣ мужъ... Выпилъ, ну, выпилъ... Что такое?.. Сегодня выпилъ, завтра будетъ трезвъ. А ты сейчасъ бѣжать... Непорядокъ...

Старикъ сидѣлъ на сундукѣ съ трубкой въ зубахъ. Говорилъ медленно, цѣдилъ сквозь зубы, безъ всякаго темперамента. Маленькій, сутулый человѣкъ съ темнымъ морщинистымъ лицомъ и жидкой рыжеватой бородкой, съ такими же синими глазами, какъ у дочери, онъ вовсе не сердился. Онъ просто полагалъ, что не выполнилъ бы своего отеческаго долга, если бы не сдѣлалъ дочери отеческаго внушенія.

Смиренно, безъ малѣйшихъ протестовъ слушала Марія слова отца, поспѣшно переодѣваясь въ рваную кофту. Въ двѣ-три минуты она была готова.

— Гдѣ коровы?—спросила она.

— Гдѣ? Тамъ и стоятъ, гдѣ всегда стояли,—ворчливо отвѣтилъ старикъ.

Но самое главное, что̀ ему хотѣлось сказать, онъ произнесъ уже тогда, когда Марія вышла изъ комнаты.

— Не для чего къ паскудницѣ бѣгать, на мельницу... Отъ нея добра не будетъ...

Антонъ придавилъ большимъ пальцемъ трубку и положилъ ее на окно. Взялъ проснувшагося младенца на руки, погладилъ его темную головку корявой ладонью и вышелъ съ нимъ на крыльцо, засунувъ ему въ ротъ рожокъ съ молокомъ, принесенный отъ арендаторши Павлушей.

На долю Маріи приходилось двѣнадцать коровъ арендаторскихъ, да одна своя, отцовская, ходившая въ общемъ стадѣ. Она живо справилась. Дома опять принялась за работу, пытаясь убрать и почистить комнату.

Не-легкое это было дѣло. Давно уже не было здѣсь настоящей чистки. Даже на Пасху не убрали по-настоящему. Марія все вытащила на улицу и принялась мыть потолокъ и стѣны, собирая обильные склады пыли и паутины. Принесла воды изъ колодца, вымыла посуду и стекла окна. Потомъ вытряхнула пыль изъ кучи рваной одежды, посыпала травки на полъ, сбѣгавъ къ озеру и наломавъ душистаго аира.

Почище стало въ избѣ. Но все же нельзя было сдѣлать въ ней больше того, что̀ возможно. Земляной полъ, по которому

прошли десятилѣтія, былъ весь въ ямахъ. Лохмотья стараго платья оставались лохмотьями, а полусгнившая рама съ вымытыми стеклами имѣла жалкое выраженіе нарумяненнаго лица съ гнилыми зубами.

Вечеромъ опять надо было доить коровъ. Покончивъ со своей работой, Марія, вернувшись домой, оглядѣла прибранную комнату, и ей стало печально и скучно при видѣ ничтожныхъ результатовъ ея стараній.

Такъ шли дни. Прибавилась новая работа—полоть огороды. За работой время проходило незамѣтно. Но когда наступалъ вечеръ, долгій вечеръ короткой майской ночи, то немногія минуты бездѣлья казались безконечно томительными. Приходили мысли и воспоминанія; чувство жгучей обиды налегало на грудь невыносимой тяжестью. Несмотря на усталость, сна не было. Всѣ кругомъ спали послѣ трудового дня. Марія выходила на крылечко и просиживала тамъ до глубокой ночи, точно поджидала кого.

Иногда для облегченія мучительной тоски она брала съ собой спящаго ребенка и, покачивая его, предавалась воспоминаніямъ. Мельчайшія подробности жизни съ мужемъ въ городѣ заманчиво рисовались ей въ свѣтлыхъ сумеркахъ вечера.

У нихъ была хорошая комната, чистая, свѣтлая, съ крашенымъ поломъ. На окнѣ была занавѣска и цвѣты герани въ горшкахъ. Былъ шкапъ, комодъ, умывальникъ, желѣзная кровать съ матрасомъ, съ одѣяломъ и простынями. На стѣнахъ висѣли двѣ картины—огнедышащая гора и дѣвушка въ шляпѣ въ лѣсу. Хозяйка, добрая старушка, вдова чиновника, позволила готовить обѣдъ въ своей кухнѣ. Хорошая посуда была у хозяйки. Были стаканы, блюдечки, тарелки разныя, маленькія и большія; ножи и вилки были... Хорошая была, чистая жизнь. Жить бы такъ, да жить всегда...

Слезы текли по лицу въ беззвучномъ плачѣ, не нарушая тишины ночи.

Задумалась разъ Марія и не замѣтила, какъ подошелъ Павлуша. Пожалъ руку, сѣлъ рядомъ.

У него были большіе сѣрые задумчивые глаза съ длинными рѣсницами, высокій лобъ и маленькій вздернутый носикъ, подъ которымъ чернѣли усики.

— Я вамъ отъ всей души сочувствую, Марія,—сказалъ онъ, дѣлая удареніе на і въ ея имени.—Я знаю ваше горе, но вы не должны горевать. Разъ вы рѣшили бросить мужа навсегда, значитъ, вамъ не о чемъ горевать. Вы должны радоваться... Вы

освободились отъ тиранства, отъ насилій... Значитъ, вы свободный человѣкъ. Въ жизни всего дороже свобода. За свободу люди отдавали жизнь... Значитъ, свобода дороже жизни.—Теперь есть новый законъ, онъ предоставляетъ женщинѣ самостоятельность. Мужъ не имѣетъ права удержать жену... Вы можете получить отдѣльный видъ на жительство. Значитъ, вамъ нечего бояться его... Все пройдетъ... Вы такая молоденькая и красивая. Можете полюбить другого... Будете счастливѣе въ другомъ бракѣ... То-есть бракъ—это, конечно, глупость... Вы просто такъ будете любить другъ-друга. У васъ нѣтъ никакихъ основаній горевать и убиваться. Разъ вы ушли отъ мужа, значитъ, вы его не любите. Если вы его не любите, значитъ, вамъ нечего жалѣть. Это логическій выводъ. Если вамъ нуженъ паспортъ, я попрошу отца, онъ скажетъ уряднику...

Марія больше не могла терпѣть. Особенно было ей обидно и больно услышать логическій выводъ Павлуши, что, если она ушла отъ мужа, то, значитъ, его не любитъ. Было такъ горько, что чужой человѣкъ обвиняетъ мужа.

Она разрыдалась и убѣжала, не сказавъ ни слова.

Но Павлуша еще не окончилъ своей рѣчи, а главное, сердце его переполнилось жалостью. Онъ побѣжалъ за Маріей и въ длинномъ темномъ корридорѣ громко произнесъ:

— Не бойтесь ничего! Если онъ пріѣдетъ, мы не позволимъ ему васъ оскорбить.

Послѣ этого онъ рѣшительными шагами пошелъ домой.

6.

Елена настойчиво убѣждала дочь пойти къ старцу Исаю. Сама она никогда у него не была, но жадно ловила всѣ слухи объ его чудодѣйственной силѣ, всѣ разсказы о случаяхъ исцѣленій душевныхъ и тѣлесныхъ, и все это преподносила дочери. Въ концѣ концовъ Марія не устояла.

Въ одинъ изъ одинокихъ вечеровъ, когда опять волновали воспоминанія и грызла тоска, когда опять пришелъ Павлуша со словами утѣшенія, она рѣшила, что пойдетъ. Но никому не говорила объ этомъ; даже отъ матери скрыла, сказавъ, что идетъ на мельницу.

Въ воскресеніе, подоивъ утромъ коровъ, Марія одѣлась въ Аннино синее платье и пошла къ старцу.

Онъ жилъ недалеко за мельницей на своемъ хуторѣ. У

него былъ хорошенькій домикъ, выкрашенный бѣлой краской, окруженный громадными липами. Чистый дворъ, солидно обстроенный службами и украшенный клумбами цвѣтовъ, былъ обнесенъ высокимъ заборомъ, въ которомъ нельзя было найти ни одной щелочки, чтобы заглянуть внутрь двора.

Ворота съ навѣсомъ и калитка были всегда заперты. Довольно долго пришлось ждать Маріи, пока пріоткрылась калитка и показалось благообразное лицо молодой женщины въ бѣломъ платкѣ, застегнутомъ подъ подбородкомъ.

— Что тебѣ?—спросила строго женщина.

Марія растерянно пробормотала:

— Къ старцу...

— А что надо? Для утѣшенія скорби или для исцѣленія тѣлеснаго?

— Для утѣшенія...—прошептала Марія.

Она вся дрожала отъ волненія и страха.

— Иди, Богъ съ тобой!—мягче сказала женщина и впустила Марію.

— Какъ по имени?

— Марія.

— Сядь тутъ.

Она указала маленькую скамейку возлѣ воротъ.

— Откуда пришла?

— Съ мызы.

— Замужняя?

— Есть мужъ...

— Сядь,—повторила женщина и удалилась.

Черезъ нѣсколько минутъ мужской голосъ окликнулъ Марію по имени.

Она пошла по широкой тропинкѣ, посыпанной бѣлымъ пескомъ. Въ цвѣтникѣ на клумбахъ работали пололщицы. Воскресная работа у старца считалась праздникомъ. Пололщицы были въ бѣлыхъ кофточкахъ, въ бѣлыхъ юбкахъ, въ бѣлыхъ платочкахъ, заколотыхъ подъ подбородкомъ. Всѣ онѣ внимательно разсматривали пришедшую, о чемъ-то шептались, наклоняясь другъ къ дружкѣ, и неодобрительно покачивали головами.

Марія шла взволнованная, смущенная взглядами женщинъ, стыдясь широкаго, неуклюже сидѣвшаго на ней, чужого платья.

Шла съ сильно бьющимся сердцемъ, спотыкаясь по ровной дорогѣ.

Впереди на крылечкѣ дома стоялъ старецъ Исай, высокій красивый блондинъ съ длинными волосами и длинной бородой.

Ему нельзя было дать и сорока лѣтъ. Онъ былъ босой и весь въ бѣломъ: въ длинной рубахѣ, подвязанной бѣлымъ шнуромъ, спускавшейся ниже колѣнъ, и въ бѣлыхъ полотняныхъ штанахъ, высоко поднятыхъ, такъ что были видны ступни ногъ.

— Женщина, ты въ какой одеждѣ пришла?—сказалъ онъ сурово.

Марія стояла передъ нимъ молча, вся трепещущая.

— Ты куда пришла, женщина? Въ трактиръ ты пришла, въ театръ, въ кабакъ, въ гости къ кумѣ своей? Ты къ старцу божьему пришла, понимаешь это, дура? Очиститься должна, обѣлиться, какъ голубица бѣлая, тогда итти...

Говорилъ старецъ внушительно, громко и гнѣвно. Всѣ женщины, работавшія на клумбахъ, подняли головы и слушали.

— Не знала я, не сказали мнѣ...—чуть слышно пробормотала Марія.

— А и знала бы, такъ что бы сдѣлала? Нѣтъ у тебя ничего. Въ чужомъ пришла. Вся одежда твоя по жидовскимъ трактирамъ растаскана...

— Прости, отецъ!—съ плачемъ воскликнула Марія и упала на колѣни.

— Богъ проститъ. Встань!—произнесъ, смягчаясь, старецъ, довольный произведеннымъ эффектомъ.

— Иди сюда!

Онъ окинулъ взглядомъ женщинъ, устремившихъ на него благоговѣйно взоры, погладилъ русую бороду и удалился.

Марія поднялась и стояла въ нерѣшимости, что дѣлать. Женщина въ бѣломъ подбѣжала къ ней.

— Иди, иди, молодушка, не бойся. Приметъ тебя по доброму. Вишь, къ себѣ позвалъ,—завистливо сказала она.— Иди, иди!..

Она подталкивала къ ступенькамъ плачущую Марію.

Когда та вошла въ комнату, старецъ встрѣтилъ ее совсѣмъ ласково.

— Пойди сюда, дурочка. Дай-ко я погляжу на тебя...

Онъ сидѣлъ на широкой отоманкѣ, закрытой персидскимъ ковромъ. На полу также лежали ковры и больше въ комнатѣ не было почти никакой мебели. Два окна, выходившія въ садъ, были закрыты бѣлыми занавѣсками.

Марія сдѣлала два шага и остановилась посерединѣ комнаты.

— Худенькая какая, тоненькая... Я люблю тоненькихъ. Ко мнѣ все жирныя приходятъ... Прискучили мнѣ, надоѣли...

Ну-ко, раздѣнься. Сними вретище нечистое. Явися богосозданной Евой...

Марія невольно попятилась къ двери.

— Чего боишься, дурочка? Не простой человѣкъ съ тобой, божій человѣкъ...

Онъ всталъ, быстро подошелъ къ Маріи, взялъ ее за талію и потащилъ къ дивану, пытаясь другой рукой разстегнуть кофточку.

Марія съ силой оттолкнула его и сказала:

— Я не для шутокъ къ вамъ пришла. Не трогайте меня. У меня мужъ есть...

— Ты бы и шла къ мужу, коли мужа вспомнила... Пропойцу, босяка своего. Ступай къ нему. Для чего сюда пришла?.. Мужъ, какой онъ тебѣ мужъ? Онъ тамъ со всякой тварью шатается въ городѣ...

— Врете вы!—гнѣвно воскликнула женщина. — Онъ не такой.

Страхъ ея прошелъ. Глубоко возмутила ее напраслина про мужа. Она твердо знала, что онъ ни за что не запачкаетъ себя...

Встрѣтивъ настоящее сопротивленіе, а не простое жеманство, какъ у большинства женщинъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, старецъ еще больше распалился желаніемъ достигнуть цѣли.

Онъ сѣлъ и опять заговорилъ грознымъ голосомъ:

— Слушайся меня, глупая баба. Добра тебѣ желаю. Для добра очистить тебя хочу... Мужа на путь наставлю, къ дому привяжу... Какъ собака на цѣпи сидѣть будетъ. Не станетъ рычать на тебя, какъ звѣрь. Поди сюда, не упорствуй. Не трону тебя. Сбрось лохмотья свои. Въ этомъ грѣха нѣтъ. Господь создалъ человѣка безъ одежды. Звѣрье въ шкурѣ ходитъ. Въ раю люди не видали одежды. Ни юбокъ этихъ, ни кофточекъ не было въ селеніяхъ райскихъ. Суета это. Мірская прелесть, а не божеская въ одеждѣ есть... Сатанинская прелесть.

Онъ опять подошелъ къ ней солидно и торжественно.

— Я испытываю тебя, дурочка.

Онъ вдругъ обхватилъ ее обѣими руками и понесъ къ дивану.

Какъ ни крѣпко сжимали ее сильныя руки старца, Марія энергично защищала себя. Въ порывѣ гнѣва, она била его по лицу, царапала, колотила ногами.

— Пусти, кобель! Хуже собаки ты. Пусти! Сатана! Самъ ты дьяволъ проклятый. Пусти! Тьфу!

Она плюнула ему въ лицо, и онъ выпустилъ ее.

Марія пустилась бѣжать, осыпая его ругательствами. Выбѣжала во дворъ, бѣгомъ устремилась къ воротамъ, сама отодвинула засовъ калитки и только на улицѣ пришла въ себя. Ей чудилось, что женщины въ бѣломъ бѣгутъ за ней, схватятъ ее и насильно потащутъ къ Исайкѣ. Онѣ казались ей страшнѣе старца.

Она никому не сказала о случившемся. Только когда мать настаивала на посѣщеніи старца, замѣтила съ раздраженіемъ:

— Сдѣлаешь по-вашему, такъ на всю жизнь осрамишься.

7.

Марія избѣгала гимназиста. Отъ его утѣшеній ей дѣлалось жутко. Страннымъ образомъ его рѣчи напоминали ей мужа, который также умѣлъ говорить долго, гладко и не всегда понятно. Но отъ словъ Петра ей становилось тепло, она прижималась къ нему, прислушиваясь къ его голосу. А у Павлуши голосъ былъ чужой, непріятный. Сходство же словъ причиняло ей острую боль, усиливало тоску по мужѣ.

Въ домѣ родителей все стало ей противно, вся ихъ жалкая обстановка, грубая пища, нечистота, работа. Она сдѣлалась раздражительна. Часто возникали ссоры съ матерью, съ отцомъ; тѣ странныя ссоры между своими, которыя начинаются по ничтожнѣйшимъ поводамъ, принимаютъ иногда бурный характеръ, хотя никто изъ ссорящихся никогда не умѣетъ сказать, изъ-за чего собственно началась ссора.

Отношенія настолько обострились, что, когда собирались всѣ вмѣстѣ въ тѣсной комнатѣ, то или ссорились, или молчали.

Павлуша много думалъ о томъ, чѣмъ бы быть полезнымъ Маріи. Видъ ея печальнаго, блѣднаго лица, ставшаго еще болѣе блѣднымъ и печальнымъ, возбуждалъ въ немъ искреннее состраданіе. Онъ сокрушался, что ничего не могъ придумать для нея. Зная, что она грамотная, рѣшилъ дать ей книгъ для чтенія. Долго разбиралъ свою библіотеку и, наконецъ, выбралъ романъ Вальтеръ-Скотта и популярныя астрономическія лекціи. Два дня носилъ книги подъ мышкой въ надеждѣ встрѣтить Марію, но она старательно избѣгала его и почти не показывалась на крылечкѣ. Если же бывала тамъ, то поспѣшно убѣгала, какъ только показывался Павлуша.

Но чѣмъ больше она пряталась отъ него, тѣмъ упорнѣе старался онъ ее видѣть.

Павлуша нашелъ удобный наблюдательный пунктъ на холмикѣ, подъ двумя тополями. Много лѣтъ тому назадъ на этомъ холмикѣ были погребены двѣ собаки владѣлицы имѣнія, генеральши Толбукиной. Она посадила два тополя и полукругъ сирени, внутри котораго лежала отполированная гранитная плита съ надписью на французскомъ языкѣ: «Вѣрнымъ Жако и Пинетѣ».

Возлѣ плиты стояла зеленая скамейка, широкая, съ удобной спинкой. Престарѣлая генеральша пріѣзжала иногда посидѣть и поплакать надъ останками дорогихъ покойниковъ.

Съ этого холмика, скрываясь за сиренью, Павлуша видѣлъ домъ и крылечко и могъ слѣдить за каждымъ появленіемъ Маріи.

Но обыкновенно, какъ только, завидѣвъ Марію, онъ выходилъ изъ-за сирени, она убѣгала прежде, чѣмъ онъ могъ приблизиться къ ней.

Однажды вечеромъ онъ рѣшился позвать ее.

— Марія!

Она остановилась. Павлуша быстро подошелъ къ ней, и они вмѣстѣ пошли по крылечку.

— Скажите, Марія, не нужно ли вамъ чего-нибудь? Здоровъ ли вашъ ребенокъ? У васъ такой печальный видъ... Я давно хотѣлъ дать вамъ книгъ для чтенія... Хотите, я сейчасъ принесу? Чтеніе отвлекаетъ отъ грустныхъ мыслей, успокаиваетъ нервы. Кромѣ того, вы узнаете много новаго...

— Нѣтъ, некогда читать,—отвѣтила Марія и торопливо ушла.

Онъ вернулся на собачью могилу.

Не прошло однако и десяти минутъ, какъ она снова вышла на крылечко.

Вечеръ былъ теплый, даже душный. Въ молодомъ березнякѣ возлѣ озера пѣлъ соловей. Запахъ обильно цвѣтущей сирени вмѣстѣ съ пѣніемъ соловья дѣйствовалъ на Павлушу одуряющимъ образомъ. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ тонкой фигурки Маріи, прислонившейся къ столбику крылечка. Ему хотѣлось разглядѣть ея лицо, но лица не было видно. Онъ замѣтилъ, какъ вышелъ Антонъ, отправлявшійся въ ночное; какъ потомъ съ подушкой въ рукахъ показалась Елена, спавшая въ сѣнномъ сараѣ, гдѣ не было такъ душно, какъ въ комнатѣ.

Павлуша зналъ, что теперь Марія одна. Его безумно потянуло къ ней. Сердце билось съ такой силой, что онъ слышалъ его біеніе. Губы его шептали почти безсознательно:

— Марія, Марія...

Онъ долго стоялъ съ безсильно опущенными руками. Вдругъ въ тишинѣ вечера услышалъ сдержанныя рыданія. Увидѣлъ, какъ Марія бьется головой о столбъ. Тупой звукъ этихъ ударовъ обезволилъ его. Онъ побѣжалъ къ крылечку, но, какъ только сталъ приближаться къ нему, Марія ушла.

Павлуша шелъ дальше, рѣшивъ войти къ ней въ комнату, но изъ-за угла вышелъ высокій человѣкъ въ пиджакѣ съ узломъ за спиной, который также направлялся къ крылечку. Павлуша сразу узналъ Петра, мужа Маріи, по его длиннымъ ногамъ.

Они взглянули другъ на друга и разошлись. Петръ не узналъ Павлушу.

8.

Войдя въ корридоръ, Петръ столкнулся съ Маріей и тихо сказалъ:

— Я пришелъ, Маша...

Она вскрикнула, убѣжала къ себѣ и захлопнула дверь.

Онъ подошелъ къ двери.

— Маша, ты не запирайся отъ меня... Я тебя не трону... Я уйду... Не бойся меня, Маша.

Онъ потянулъ дверь. Она открылась. Петръ вошелъ. Марія сидѣла на сундукѣ и тихо плакала.

— Маша, не плачь... Я недостоинъ тебя... Я самъ себѣ гадокъ и противенъ. Я поступилъ относительно тебя, какъ самый ничтожный человѣкъ... Я заслуживаю полнѣйшаго презрѣнія съ твоей стороны... Вотъ, я принесъ твои вещи... Я не смѣю просить тебя ни о чемъ. Если ты скажешь, чтобы я ушелъ, удалюсь немедленно. Сію минуту уйду, потому что я вполнѣ понимаю, что я тебѣ противенъ...

Онъ говорилъ жалкимъ, убитымъ голосомъ, стоя въ двухъ шагахъ отъ жены со сложенными вмѣстѣ, опущенными руками. Она молчала, тихо всхлипывая, и жадно упивалась его словами. Голосъ его проникалъ до сердца; душа наполнялась радостью. Она такъ жаждала этихъ словъ, еще и еще, ненасытимая, трепетная, жадная...

Онъ говорилъ долго, обвиняя себя безъ пощады, безъ оправданій.

— Видишь, я скажу тебѣ... Послушай, Маша... Я скажу мои мысли, какъ я думаю... Если ты не можешь меня любить, то не насилуй себя. Насильно полюбить нельзя. Я это знаю хорошо. Ты не принуждай себя. Скажи откровенно: не могу видѣть тебя, ты мнѣ противенъ... Я уйду. Ты знаешь, что я никого не люблю, кромѣ тебя... Не было такой женщины, на которую я бы глаза поднялъ или подумалъ о ней... Видишь, Маша, самъ я не знаю, какъ зло тебѣ сдѣлалъ, оскорбилъ тебя подлымъ своимъ поведеніемъ... Знай, что я это время работалъ день и ночь, чтобы исправить наше разореніе. Мнѣ теперь прибавили восемь рублей... Видишь, Маша, я скажу тебѣ, отчего это случилось со мной. Въ головѣ моей рождаются мысли о томъ, что не такъ живутъ люди, какъ слѣдуетъ... Я поступилъ въ партію, думалъ, тамъ все разъяснится для меня. Нѣтъ, вижу, ничего не разъяснилось. Не умѣютъ люди жить... Несчастная жизнь у людей, а какъ ее перемѣнить на счастливую—не знаю. Идутъ ко мнѣ эти мысли, идутъ, идутъ... Некуда укрыться отъ нихъ... Хочется встать на высокое мѣсто и крикнуть на весь міръ: Люди, не такъ живете!.. Такая тоска подходитъ, схватитъ за сердце, хоть топись... Видишь, Маша, я все сказалъ тебѣ... Ты молчишь, не можешь простить меня... Въ такомъ случаѣ прощай... Живи на свободѣ... Прощай...

Послѣднее слово онъ произнесъ чуть слышно. Голосъ оборвался отъ сдержанныхъ слезъ. Онъ направился къ двери медленно, точно съ величайшимъ усиліемъ отрывалъ ноги отъ земли.

— Петя!—тихо сказала Марія.

Въ звукахъ одного этого слова вылилось все, чѣмъ была полна душа: скорбь, жалоба, радость, прощеніе, раскаяніе. Вѣдь она чувствовала себя виноватой въ томъ, что ходила къ Исайкѣ.

Петръ быстро подошелъ къ женѣ, взялъ ее къ себѣ.

— Машенька, любимая, моя ясная зоренька,—говорилъ онъ, лаская жену.—Не тоскуй, не печалься... заживемъ по-прежнему, по-хорошему... Еще лучше будетъ!..

Марія прижалась къ нему, крѣпко обняла его, плакала и улыбалась...

9.

Павлуша вернулся домой съ твердымъ, опредѣленнымъ рѣшеніемъ: не допустить никакого насилія надъ Маріей. Онъ взялъ револьверъ, давно валявшійся у отца въ кладовкѣ. Къ

сожалѣнію, револьверъ оказался незаряженнымъ. Павлуша долго шарилъ по всей квартирѣ, пока разыскалъ патроны. Не безъ труда вставивъ въ заржавленный барабанъ заржавленные патроны, онъ вышелъ, готовый на все.

Осторожно, крадучись, какъ тайный злоумышленникъ, шелъ онъ, прислушиваясь, сжимая въ рукѣ револьверъ. Онъ былъ уже совсѣмъ близко къ открытому окну Маріи, но ни звука не доходило къ нему. Онъ подошелъ почти къ самому окну, весь замеръ, прижавшись къ стѣнѣ, и прислушивался. Малѣйшій крикъ, призывъ на помощь, и онъ бросится съ оружіемъ и не допуститъ насилія надъ беззащитной женщиной!

Звѣзды горѣли ярче, все такъ же пѣлъ соловей въ березовой рощѣ, воздухъ сталъ свѣжѣе, ароматнѣе, вѣтерокъ съ шелестомъ пробѣжалъ по листьямъ.

Заколдованный чарами лѣтней ночи, Павлуша утратилъ понятіе дѣйствительности. Ему представилось вдругъ страшное преступленіе: Петръ убилъ Марію и бѣжалъ черезъ окно. Ея окровавленный трупъ тамъ на полу...

Юноша бросился къ окну, глубоко заглянулъ въ комнату и не сразу разглядѣлъ въ темнотѣ, что тамъ никого не было. На кровати спалъ спеленатый младенецъ, да большой узелъ лежалъ посрединѣ комнаты.

— Онъ могъ увести ее въ лѣсъ и тамъ убить!—подумалъ Павлуша, снова напрягая слухъ и оглядываясь по сторонамъ.

Прохладный, ласковый вѣтеръ принесъ ему вмѣстѣ съ шелестомъ листьевъ сдержанный женскій смѣхъ и тихій говоръ съ той стороны, гдѣ, между двумя тополями, стояла скамейка у могилы Жако и Пинеты. На скамьѣ сидѣли, обнявшись, Петръ и Марія, окруженные гирляндой отцвѣтающей сирени.

Мрачный пошелъ домой Павлуша. Такъ рано имѣлъ онъ случай убѣдиться въ непостоянствѣ женщины!

— Вѣдь она рѣшила бросить мужа навсегда?..

Е. Ганейзеръ.

КАПЕЛИ.

Въ желѣзномъ кружевѣ балкона,
Застрявъ корнями, весь февраль
Висѣли льдинки-веретена,
Блестя на солнцѣ, какъ хрусталь.

Сѣдая пряха ночью темной
Кружила снѣжное руно,
И поутру мотокъ огромный
Лежалъ подъ самое окно.

Но солнца огненное жальце
Нашло конецъ веретена.
У пряхи дремлющей на пальцѣ
Кровинка бѣлая видна.

Не прясть ей больше, какъ зимою.
Стекаетъ ледъ хрустальный внизъ.
Жемчужной какъ бы бахромою
Обвѣшанъ тающій карнизъ.

И, ножкой голою ступая
На разрыхлѣвшее руно,
Съ утра веснянка молодая
Мнѣ улыбается въ окно.

Алексѣй Липецкій.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ.

(Этюдъ).

1.

Изъ полуоткрытой двери балкона лучъ солнца прокрался въ комнату и во всю длину протянулся по полу. Легкій лѣтній вѣтеръ чуть колыхалъ прозрачную портьеру. Эдита стояла у зеркала, приглаживая свои короткіе вьющіеся черные волосы. У нея высокая, стройная фигура, неправильныя черты лица оживляются большими темными глазами. Откинувъ портьеру, Эдита вышла на балконъ, лѣниво облокотясь о перила.

Въ саду стоялъ ея мужъ, Степанъ Петровичъ Глиняевъ, владѣлецъ имѣнія. Плотное, широкое сложеніе, лицо тоже широкое, загорѣлое, обросшее безпорядочной бородой. Ему было лѣтъ сорокъ. Онъ женился восемь лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ женой, жилъ почти безвыѣздно въ своемъ имѣніи, погрузившись исключительно въ сельско-хозяйственные интересы. Его мать и младшая сестра проводили въ имѣніи каждое лѣто.

Стоя въ саду, онъ внимательно слѣдилъ, какъ садовникъ перевязываетъ какое-то растеніе. Замѣтивъ на балконѣ Эдиту, Степанъ Петровичъ крикнулъ:

— Это ты, Эдя? Давно проснулась? А у меня вотъ все хлопоты сегодня. Разбудилъ меня Ѳедоръ въ 5 часовъ утра, сообщилъ, что корова заболѣла. Я бѣгу на скотный дворъ, осматриваю ее, посылаю за ветеринаромъ. Ну, оказалось пустяки! А теперь иду въ огородъ. — Онъ повернулся къ садовнику съ какими-то распоряженіями.

Эдита сошла въ садъ, направляясь къ бесѣдкѣ, гдѣ уже сидѣли за утреннимъ чаемъ мать и сестра Глиняева. Долговязый бѣлый песъ, породы гончихъ, подбѣжалъ къ Эдитѣ съ ра-

достнымъ визгомъ и, подпрыгнувъ, лизнулъ въ щеку. Это былъ ея любимецъ, ея собственная собака, купленная ею на собачьей выставкѣ. Она погладила его длинную, узкую морду, останавливая на немъ любующійся взглядъ. Его звали Рори.

— Знаешь, Эдя, я сегодня поколотила твоего Рори, онъ у меня утащилъ новыя перчатки и разорвалъ,—говорила Вѣра, сестра Степана Петровича.

— Ну, что-жъ, заштопай ихъ,—отвѣтила Эдита, взявъ со стола кусочекъ сахару и держа его въ воздухѣ двумя пальцами.

— Удивительно, какъ ты относишься небрежно ко всему! Во-первыхъ, онъ разорвалъ ихъ въ мелкіе клочки.

Рори, не желая замѣчать, что о немъ говорятъ, изящно подпрыгнулъ, схватилъ сахаръ очень осторожно и аккуратно, совсѣмъ не задѣвъ пальцевъ Эдиты. Глафира Авдѣевна, мать Глиняева, сказала:

— Ты знаешь, сегодня рано утромъ прибѣжалъ Ѳедоръ, разбудилъ Степу. Былъ такой переполохъ на скотномъ дворѣ. Оказывается—заболѣла корова.

— Да, мнѣ разсказывалъ уже Степа. Бѣдная корова! Что же было съ ней?—говоря это, Эдита налила себѣ чашку кофе. Глафира Авдѣевна принялась разсказывать подробности относительно болѣзни коровы.

Вѣра, уже кончивъ утренній завтракъ, поднялась изъ-за стола. Кружевной розовый капотъ окутывалъ, будто облако, ея полную, немного безформенную фигуру. Ей было 20 лѣтъ, она всѣмъ своимъ видомъ олицетворяла молодость въ полномъ расцвѣтѣ. Здоровый цвѣтъ лица, свѣтлые волосы, голубые глаза,—все это блестѣло, сіяло, останавливало вниманіе.

— Что это, Эдита, ты сегодня какая-то вялая?!—замѣтила она, закинувъ руки за голову. — Мама тебѣ разсказываетъ, ты даже не слушаешь... Это на тебя не похоже.

— Въ самомъ дѣлѣ, она сегодня такая скучная,—подтвердила мать,—впрочемъ, съ ней это иногда бываетъ.

— Развѣ?—вяло улыбнулась Эдита,—но, вѣдь, мама разсказываетъ печальную исторію о коровѣ, такъ чему же тутъ радоваться?

Выходя изъ бесѣдки, Вѣра обернулась.

— Между прочимъ, господа, черезъ полчаса я иду купаться въ озерѣ. Кто хочетъ сдѣлать то же, пусть имѣетъ это въ виду.

— Я не успѣю такъ скоро,—отвѣтила Эдита,—мнѣ нужно

пойти къ птицамъ, потомъ бѣдную корову навѣстить и очистить вишни для варенія. Вотъ сколько дѣлъ!

— Ну, охота тебѣ... — Вѣра, махнувъ рукой, пошла къ дому.

Наскоро допивъ чашку кофе, Эдита, поднявшись, вышла въ садъ. Рори, начавшій засыпать, поднялъ морду, что-то соображая, и, лѣниво поднявшись, послѣдовалъ за госпожей. Они шли тихо по узкой аллеѣ, средь высокихъ, красныхъ маковъ.

— Да, мнѣ сегодня скучно, — думала Эдита,—скучно, не знаю, почему. Должно быть отъ жары. Сегодня какой-то душный день, и ничего не хочется дѣлать. Правда, Рори? Пойдемъ на птичій дворъ, хочешь? Покормимъ птичекъ. Или нѣтъ, надоѣло! Жарко слишкомъ. Сегодня первый жаркій день, вотъ въ чемъ дѣло. Пойдемъ куда-нибудь въ тѣнь. Или, самое лучшее, побѣжимъ купаться...

И она побѣжала къ дому взять простыню. Рори, все время слѣдовавшій за ней, опустивъ носъ въ размышленіи, теперь встряхнулся и, граціозно подпрыгивая, тоже пустился бѣжать, при чемъ снисходительно задерживалъ шаги, чтобъ не обгонять Эдиту и не показывать ей, что она не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, бѣгать. Онъ былъ очень деликатный песъ.

— Вѣра, идемъ купаться!—крикнула Эдита, пробѣгая мимо ея окна.

— Ахъ, ты идешь,—откликнулась та,—ну, вотъ, отлично. Долой вареніе, коровъ и птицъ! Предоставь эти заботы старшимъ.

— Нѣтъ, я отъ этого не отказываюсь—все-таки. У меня здѣсь такъ мало обязанностей, что стыдно будетъ отказываться отъ такихъ мелочей, совсѣмъ не трудныхъ. И такъ ужъ совѣстно, что я все хозяйство сваливаю на маму и на Степу.

— Ну, такъ это имъ нравится! Что имъ дѣлать, кромѣ хозяйства?

— Но мнѣ тоже это нравится. И тоже ничего другого я не умѣю дѣлать.

Онѣ шли къ озеру, съ простынями въ рукахъ, обѣ въ легкихъ костюмахъ: Вѣра въ своемъ облачномъ розовомъ капотѣ, Эдита въ бѣломъ обтянутомъ платьѣ. Съ короткими волосами и мальчишеской фигуркой, она казалась моложе Вѣры, хотя въ дѣйствительности была старше ея на пять лѣтъ.

Рори бѣжалъ впереди, пренебрегая присутствіемъ Вѣры. Онъ ее не долюбливалъ и относился къ ней съ недовѣріемъ. Она, вѣдь, пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы поколотить его.

Во время купанія Вѣра оживленно разсказывала про свою жизнь въ Москвѣ. Она тамъ проводила каждую зиму: училась пѣнію, бывала въ обществѣ... Эдита слушала съ интересомъ, но безъ увлеченія.

Вернувшись домой, Эдита прошла въ свою комнату, спустила занавѣски на окнахъ и растянулась на низкой кушеткѣ. Рори свернулся на коврѣ у ея ногъ. Эдита устала. Ничего не хотѣлось. Ни о чемъ не думать, или, если ужъ думать, то такъ, чтобы до чего-нибудь додуматься.

— Эдя, Эдя! Гдѣ ты? Пора вишни чистить!—донесся до нея крикъ Глафиры Авдѣевны.

Эдита сдѣлала движеніе подняться, но сейчасъ же снова опрокинулась на подушки дивана. Такая усталость сковала ее всю, такое равнодушіе, забвеніе, безразличіе... Рори, было, прислушался, поднявъ уши, но, видя, что все спокойно, переложилъ морду удобнѣй и закрылъ глаза.

2.

Рори порывисто вскочилъ и бросился на балконъ съ неистовымъ лаемъ. Эдита поднялась съ дивана и, взявъ съ туалетнаго стола гребешокъ, стала приглаживать волосы. Спала ли она, или же просто лежала въ забытьѣ—она сама не помнила.

Въ саду слышались голоса. Рори продолжалъ волноваться, заглядывая въ комнату и махая хвостомъ. Выглянувъ съ балкона, Эдита увидѣла у крыльца автомобиль и двухъ незнакомыхъ мужчинъ, съ которыми необычайно оживленно разговаривалъ Степанъ Петровичъ. Глафира Авдѣевна торопливо сходила съ крыльца къ нимъ навстрѣчу.

— Вотъ, мама, двое моихъ старинныхъ друзей, рекомендую тебѣ. Прошу любить и жаловать. Сколько лѣтъ не видѣлись, страшно подумать!

— Очень, очень пріятно,—подхватила Глафира Авдѣевна,— я вижу, вы съ вещами. Вотъ и отлично. Останетесь у насъ погостить... Не правда ли? Даша, Ѳедоръ, снесите чемоданы наверхъ. Я сейчасъ пойду, устрою вамъ комнаты.

— Да не безпокойтесь, право... Зачѣмъ вы это, — запротестовалъ, было, одинъ изъ гостей, небольшого роста, коренастый, съ густой черной бородой. Другой гость выглядѣлъ значительно моложе, ему было лѣтъ тридцать. Высокій блондинъ, гладко выбритый, съ добродушной улыбкой на пухлыхъ губахъ. Старшаго

звали Сергѣй Матвѣевичъ Семеновъ. Онъ былъ земскій дѣятель изъ провинціи. Другой былъ его братъ, Левъ Матвѣевичъ, докторъ, учившійся за границей, недавно вернувшійся въ Россію.

— Подумать только! Десять лѣтъ не видѣлись,—восклицалъ Глиняевъ, хлопая Сергѣя Матвѣевича по животу.—Ну, идемте, господа, сперва въ столовую. Сейчасъ будетъ обѣдъ.

Они вошли въ домъ.

Эдита улыбалась въ недоумѣніи. Ей показалось почему-то немного смѣшной эта встрѣча старыхъ друзей. Пока она раздумывала, выйти ли ей къ нимъ сейчасъ, или встрѣтиться за обѣдомъ, дверь распахнулась и влетѣла Вѣра, тщательно придерживая края своего капота.

— Ты здѣсь? Вотъ потѣха! — начала она, — представь себѣ,—и, упавъ на диванъ, она захохотала. Рори неодобрительно тявкнулъ и взглянулъ на Эдиту съ вопросомъ.

— Представь себѣ, я, ничего не подозрѣвая, иду по корридору, и вдругъ, ха, ха, ха, мнѣ навстрѣчу цѣлая компанія подъ предводительствомъ Степы. Я, разумѣется, скорѣй назадъ, разсчитывая, что они меня не замѣтили. А мой братецъ кричитъ: «Вѣра, куда же ты, я хочу тебѣ представить гостей». Каковъ мой братецъ, а, ха-ха-ха! Разумѣется, ихъ вниманіе сосредоточилось на мнѣ. Нѣтъ, ты представляешь эту картину: я въ капотѣ, съ растрепанной прической... Но все-таки, спасая свою честь, поспѣшила скрыться отъ ихъ взоровъ.

Эдита смѣялась. Стало вдругъ весело и смѣшно. Она, однако, сочла нужнымъ вступиться за мужа.

— Онъ столько времени живетъ въ глуши, людей почти не видитъ, такъ что, право, нельзя отъ него требовать, чтобы онъ помнилъ всѣ свѣтскія правила.

— Ну, да, я жъ его не обвиняю...—пожала плечами Вѣра.

Къ обѣду онѣ явились тщательно одѣтыя и съ достоинствомъ представились гостямъ. Вѣра была очень весела и эффектна. Свѣжее молодое лицо въ рамкѣ пышныхъ свѣтлыхъ волосъ и голубые сіяющіе глаза. Глафира Авдѣевна съ гордостью смотрѣла на нее и на Степана Петровича.

Сергѣй Матвѣевичъ разсказывалъ разныя исторіи, случающіяся въ земствѣ. А его братъ перебрасывался шутливыми фразами съ Вѣрой. Эдита разливала супъ, предлагала гостямъ закуску и внимательно слушала разсказы Сергѣя Матвѣевича. Послѣ обѣда всѣ пошли въ садъ. Солнце заходило и, будто играя, бросало красноватые отблески на лица людей, на ихъ волосы, на ихъ глаза, придавая взглядамъ чуждыя имъ выраженія.

— Посмотрите, какъ природа мѣняетъ людей, точно надѣляетъ ихъ своей фантазіей,—сказалъ Левъ Матвѣевичъ,—вотъ, напримѣръ, вамъ,—онъ повернулся къ Вѣрѣ,—заходъ солнца придаетъ какую-то прозрачность, оно какъ-будто хочетъ раздѣлить васъ на милліарды отдѣльныхъ блестящихъ лучей и разсѣять въ пространствѣ.

Вѣра засмѣялась: — Какой вы фантазеръ, господинъ докторъ!

Но онъ уже смотрѣлъ на Эдиту:

— А вотъ вамъ этотъ свѣтъ придаетъ какъ бы сгущенность. Вы что-то замыкаете въ своей душѣ, какіе-то особенные лучи, можетъ быть...

— Во мнѣ нѣтъ никакихъ лучей,—просто отвѣтила Эдита.

— Нѣтъ, я знаю—есть,—сказалъ онъ значительно и, встрѣтивъ ея удивленный взглядъ, добродушно улыбнулся и прибавилъ небрежно, точно поясняя:—Вѣдь, я докторъ!

Эдита ничего не отвѣтила. Ей почудилось—этими послѣдними словами онъ точно хотѣлъ сказать: «я знаю—вы больны смертельно!»

Не то страхъ, не то предчувствіе стѣснило ей сердце. Но было интересно это предчувствіе, было въ немъ нѣчто, чего раньше она не знала.

3.

Дня черезъ два къ Глиняевымъ пріѣхали въ гости сосѣдніе помѣщики, человѣкъ десять. Они довольно часто являлись и привозили съ собой молодежь, студентовъ и барышень.

Послѣ обѣда старшіе сѣли играть въ карты, а молодежь пошла въ садъ. Разговоръ не клеился, одна Вѣра болтала за всѣхъ, съ неистощимымъ запасомъ шутокъ.

— Господа, давайте лучше играть въ прятки!—предложила она и, обратясь къ одному изъ студентовъ, прибавила:—Вотъ вы будете насъ искать.

— У васъ тутъ такъ спрячешься, что никто никого не отыщетъ,—запротестовалъ тотъ.

— Напротивъ, тутъ ни занавѣсей, ни дивановъ, ни вѣшалокъ нѣтъ; кромѣ кустовъ и деревьевъ, спрятаться больше некуда,—смѣялась Вѣра.

— Нужно ему только глаза завязать, а то онъ увидитъ, гдѣ кто спрячется,—предложилъ Левъ Матвѣевичъ.—У кого есть чистый платокъ, господа?

— Нѣтъ, позвольте, съ платкомъ я не согласенъ. Этакъ можно и на дерево наткнуться.

Вѣра сжалилась надъ нимъ:

— Ну, ладно, только закройте глаза и считайте до тридцати, а потомъ ищите. Только громко считайте.

Студентъ послушно закрылъ глаза и сталъ считать, а вся компанія разбѣжалась въ разныя стороны, торопясь, толкаясь, натыкаясь другъ на друга, точно стая спугнутыхъ птицъ.

— Господа, побѣжимъ подальше, пусть онъ ищетъ,—крикнула Вѣра и, взявъ подъ руку другого студента, исчезла за кустами. Эдита бѣжала сначала съ барышнями, но онѣ неожиданно поспѣшили куда-то спрятаться, и она осталась одна на узкой тропинкѣ.

Кто-то вдругъ схватилъ ея руку. Она, вздрогнувъ, обернулась.

Передъ ней стоялъ Левъ Матвѣевичъ, запыхавшійся и разгоряченный, и нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ ей въ лицо, будто желая сказать что-то важное.

— Почему же вы не прячетесь, Эдита Михайловна? Васъ сейчасъ найдутъ. Пойдемте скорѣй!

И, не выпуская ея руки, онъ поспѣшно увлекалъ ее за собой. Они миновали большую аллею, промчались вихремъ черезъ весь садъ и углубились въ одну изъ извивающихся дорожекъ, по сторонамъ которой росли густые кусты сирени.

— Здѣсь онъ насъ не найдетъ, ни за что,—сказалъ Левъ Матвѣевичъ, выпуская руку Эдиты,—замѣчательно удобная дорожка. Эти кусты совсѣмъ закрываютъ ее, такъ что никто и не подумаетъ, что тутъ цѣлая маленькая аллея. Вы устали, Эдита Михайловна? Вы такъ блѣдны. Сядьте, вотъ, на скамейку.—Взявъ ее подъ руку, онъ подвелъ къ скамейкѣ и сѣлъ рядомъ.

— Я всегда, знаете ли, такъ увлекаюсь всякими играми, точно это, чортъ знаетъ, какое важное дѣло. Ужасно глупое свойство!—говорилъ онъ, точно оправдываясь въ чемъ-то.

Эдита не знала, что сказать. Она очень устала отъ бѣготни, устала, какъ никогда. Сорвавъ вѣтку сирени, обмахивалась ею, полузакрывъ глаза, и глядѣла на доктора сквозь цвѣтъ сирени...

— Насъ тутъ не найдутъ, ни за что,—повторилъ Левъ Матвѣевичъ съ убѣжденіемъ.

Эдита невольно разсмѣялась:—Вы будто ужасно боитесь, что насъ найдутъ.

Онъ смутился.—Въ этомъ же заключается игра въ прятки.

Стараться такъ спрятаться, чтобы не нашли. Если никто не будетъ прятаться, какъ слѣдуетъ, такъ это жъ не интересно.

Эдитѣ нравилось, что онъ не говоритъ о серьезныхъ вещахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуется въ его незначущихъ словахъ что-то серьезное.

Она смотрѣла, какъ теряется аллея въ изгибахъ и тихо идетъ по ней сумракъ. Шепчутся между собой вѣтки сирени, чуть сплетаясь, тянутся, какъ надушенныя руки женщины, въ объятія вечера.

— Я, будто, въ первый разъ пришла въ это мѣсто сада. Не знаю, почему мнѣ такъ кажется.

— Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ. Міръ мѣняется.

Вѣтеръ, пролетѣвъ по аллеѣ, задержался въ волосахъ Эдиты, будто играя.

— Становится холодно, вернемтесь,—сказала она, сама не зная, зачѣмъ. Ей не хотѣлось уходить, и все же она спѣшила домой.

— Дѣйствительно, вы такъ легко одѣты. Пойдемте.

Они выбрались на большую аллею и пошли къ дому. Вся компанія уже собралась тамъ и пила чай на террасѣ.

Левъ Матвѣевичъ протиснулся къ самовару и налилъ чашку чаю для Эдиты.

— Вотъ вамъ чай! Согрѣвайтесь скорѣй.

— Онъ заботится обо мнѣ, точно я тяжело больная,—подумала она съ улыбкой.

— Левъ Матвѣевичъ, у васъ, говорятъ, голосъ замѣчательный. Извольте-ка намъ спѣть что-нибудь,—сказала Глафира Авдѣевна.

— Въ самомъ дѣлѣ, спой, Левушка,—подхватилъ Сергѣй Матвѣевичъ. Гости присоединились къ этой просьбѣ. Онъ не заставилъ себя долго просить и, усѣвшись на перила террасы, откинулъ со лба волосы и съ минуту смотрѣлъ на присутствующихъ, чуть прищурясь.

Кругомъ воцарилось молчаніе. Стройная фигура доктора казалась нарисованной на темнѣющемъ фонѣ вечера. Онъ началъ пѣть своимъ низкимъ, мягкимъ, гибкимъ голосомъ:

Только узналъ я тебя,
Ты мнѣ сказала «люблю»...

Онъ смотрѣлъ на Эдиту. Или это ей показалось?..

— Неужели я сказала ему «люблю». Онъ такой непонятный человѣкъ, и очень возможно, что въ какихъ-нибудь моихъ словахъ или взглядахъ прочелъ признаніе въ любви.

Она не раздумывала, правда ли это. Не въ ея характерѣ было разбираться въ своихъ чувствахъ, анализировать всякое настроеніе мелькнувшее. Она отдалась непосредственно очарованію его голоса. Оно баюкало, уносило на высоту, окутывало душу сладостной нѣгой, отнимало силы, обѣщая взамѣнъ иныя силы.

Онъ продолжалъ:

Чистая радость слетѣла
Въ мрачную душу мою.
Молча гляжу на тебя...

Снова взглядъ его остановился на ней, взглядъ, полный нѣжности. Да, это ей онъ говоритъ, она поняла сразу, увидѣла, угадала. Льется очарованіе, до сихъ поръ невѣдомое. Очарованіе, дѣлающее всѣ цѣпи земныя тонкими, какъ нити, что сейчасъ порвутся. Очарованіе, какъ смерть, глубокое, соединяющее въ себѣ причудливо тѣни любви и смерти.

4.

Эдита чистила смородину для варенія. Рори помѣстился рядомъ и внимательно слѣдилъ за ея руками. Они находились въ саду. Тѣнь каштана закрывала ихъ отъ солнца, разбросавшаго кругомъ слишкомъ яркія пятна.

Эдитѣ нравилось такъ сидѣть и чистить смородину. И чтобы тутъ же былъ ея бѣлый, изящный Рори, и эти пятна солнца, и эта кружевная тѣнь отъ дерева. И чтобъ было тихо, вотъ какъ сейчасъ. Ей всегда нравились такія картинки мирной жизни, но на этотъ разъ нравились особенно. Будто къ этой картинѣ прибавился еще какой-то одинъ штрихъ—самъ незамѣтный, но дѣлающій каждую деталь болѣе замѣтной.

— Рори, поймай,—и она подняла высоко надъ его носомъ вѣточку смородины.

Рори, склонивъ голову на бокъ, смотрѣлъ на ягоды. Онѣ хоть и привлекали своимъ внѣшнимъ видомъ, но довѣрія не внушали, и онъ раздумывалъ—стоитъ ли прыгать за ними. Эдита смѣялась. Въ эту минуту подошелъ Левъ Матвѣевичъ, прислонился къ дереву возлѣ скамьи.

— Ну же, Рори, прыгай,—крикнула Эдита, возмутившись его равнодушіемъ къ смородинѣ. Рори, исключительно изъ вѣжливости, лѣниво подскочилъ, взялъ смородину и, улегшись на землю, сталъ жевать.

Левъ Матвѣевичъ смотрѣлъ на Эдиту.

— О, если бы всегда, о, если бъ вѣчно, вѣчно было такъ,—произнесъ онъ медленно и выразительно.

Эдита подняла на него глаза. Ей вдругъ стало страшно отъ мысли, что все пройдетъ. Пройдетъ этотъ мигъ, и его не будетъ больше. Солнце скроется, и если даже вернется, то ужъ будетъ освѣщать другое. Рори состарится, и она состарится, и ужъ будетъ другая, не та Эдита, что теперь здѣсь сидитъ. И Левъ Матвѣевичъ уйдетъ и не вернется. Еще минута, и его здѣсь не будетъ. Захотѣлось жадно ухватиться за этотъ мигъ, точно вся жизнь сосредоточилась въ немъ.

— Эдита Михайловна,—сказалъ онъ вдругъ, перемѣнивъ тонъ на болѣе простой и естественный, и усаживаясь рядомъ съ ней на скамейку,—знаете, вотъ мнѣ пришло въ голову: конечно, Степанъ Петровичъ чудный человѣкъ, добрый, хорошій, вообще надѣленъ всякими качествами, но... скажите по совѣсти, почему вы вышли за него замужъ?

— То есть, какъ это почему? — улыбнулась съ недоумѣніемъ Эдита.

— Ну, такъ, почему? Влюбились вы въ него, что ли?

— Влюбилась!—Эдита разсмѣялась при этой мысли,—ну, это кажется только въ романахъ бываетъ.

— Ну, тогда почему же?

— Да я не помню, какъ слѣдуетъ, всѣхъ причинъ. Это ужъ давно было. А вотъ скажите лучше, почему васъ это интересуетъ?

— Это ужъ мое дѣло. Я вамъ потомъ скажу. А вы сначала.

— Ну, хорошо. Мнѣ тогда было 17 лѣтъ, я только-что окончила институтъ и поѣхала лѣтомъ гостить къ одной подругѣ въ имѣніе. Родители мои задолго до того уже умерли. Ну, тутъ встрѣтилась со Степаномъ Петровичемъ. Мы другъ другу понравились. Къ тому же я разсудила, что вмѣсто того, чтобы возвращаться въ институтъ и служить тамъ классной дамой, какъ мнѣ предлагали, гораздо интереснѣй будетъ жить въ своемъ домѣ. Я всегда и въ дѣтствѣ мечтала имѣть свой домъ.—Эдита замолчала и, наклонясь, погладила спину Рори, лежавшаго у ея ногъ.

Такой ясной, и простой, и понятной вдругъ показалась ей вся ея жизнь. Вся ея жизнь въ словахъ, что сейчасъ она сказала, и въ этомъ жестѣ, когда, наклонясь, она погладила Рори съ нѣжностью во взглядѣ, съ нѣжностью всей своей души. Вся ея жизнь мелькнула вдругъ и показалась ничтожной передъ

настоящимъ мгновеніемъ, какъ будто въ мгновеніи этомъ было что-то значительное, какъ точка на горѣ, откуда смотришь внизъ и видишь все сразу, и все ничтожно-мелкимъ. Или какъ въ минуту смерти вспоминаешь свою жизнь, сразу всю. Или какъ въ минуты любви—все раньше пережитое представляется мелкимъ.

— Я потому этимъ интересовался, Эдита Михайловна, что замѣтилъ, насколько вы и Степанъ Петровичъ люди, не подходящіе другъ къ другу, ничего общаго между собой не имѣющіе. То, чѣмъ онъ живетъ, для васъ совсѣмъ чуждо. И ваша внутренняя жизнь для него абсолютно закрыта.

— Вы ошибаетесь. Мы съ мужемъ очень подходящіе другъ къ другу люди. Меня очень интересуютъ его занятія сельскимъ хозяйствомъ, я стараюсь помогать ему, въ чемъ умѣю. Жизнь въ глуши мнѣ, какъ нельзя больше, нравится. А что касается моей внутренней жизни, то развѣ нужно обязательно о ней говорить и время отъ времени выкладывать ее для обсужденія?

— Но вы не любите Степана Петровича.

— Почему вы такъ думаете?—удивилась она не столько его словамъ, сколько той увѣренности, что звучала въ его голосѣ, будто то, что онъ сказалъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

— А вотъ подумайте сами, любите ли его, подумайте надъ этимъ. А то, что за привычка такая у васъ: брать жизнь, не думая о ней,—это произнесъ онъ, точно сердясь на что-то, и, пожавъ плечами, всталъ и ушелъ.

5.

Вѣра и Эдита возвращались домой съ купанія. Было прохладно, накрапывалъ дождь. Вѣра говорила:

— Сегодня Степа уѣзжаетъ въ городъ по дѣламъ. Нужно будетъ попросить, чтобъ онъ купилъ мнѣ кое-что. Я бъ съ удовольствіемъ съѣздила съ нимъ вмѣстѣ.

Дождь усилился, и имъ пришлось мчаться бѣгомъ. Онѣ едва добѣжали до заброшеннаго павильона, гдѣ когда-то раньше былъ охотничій домикъ.

— Подождемъ здѣсь, дождь скоро кончится,—предложила Эдита.

Онѣ сѣли на запыленные стулья. Вѣра была задумчива.

— Знаешь, я, кажется, дѣйствительно поѣду со Степой...

Или нѣтъ... Видишь ли, дѣло въ томъ, что мнѣ хотѣлось бы повидаться тамъ съ однимъ лицомъ.

— Съ кѣмъ же это?

— Тамъ... съ однимъ молодымъ человѣкомъ. Только никому не говори. Не знаю, какъ это устроить. Тамъ ли онъ теперь? Можетъ, написать ему?—Порывисто вскочивъ, она схватила свою простыню.

— Я пойду, Эдичка, мнѣ нужно скорѣе домой—написать письмо, или приготовиться къ поѣздкѣ.

— Подожди, вѣдь дождь идетъ!

— Ничего, я закутаюсь въ свой купальный халатъ.

И она поспѣшно убѣжала, накинувъ на голову простыню.

— Вѣра, пришли мнѣ, пожалуйста, зонтикъ съ кѣмъ-нибудь,—крикнула Эдита ей вслѣдъ.

— Она кого-то любитъ. Интересно, такъ же ли, какъ бываетъ въ романахъ, или иначе какъ-нибудь, какъ я люблю Степу, напримѣръ? Да, вѣдь, Левъ Матвѣевичъ просилъ меня подумать объ этомъ. Что жъ тутъ думать? Конечно, я люблю Степу. Ну, что жъ это, Вѣра не посылаетъ мнѣ зонтика. Не сидѣть же мнѣ здѣсь безъ конца.

Она осмотрѣлась вокругъ. На полу стояли открытые сундуки съ разными старыми вещами и книгами. Съ любопытствомъ стала перебирать старыя книги. Заглавіе одной изъ нихъ остановило вниманіе. Тамъ стояло: «Изслѣдованіе о смерти и о любви». Это была небольшая книжка въ желтомъ переплетѣ. Открывъ ее наудачу, Эдита прочла:

«Быть можетъ, любовь и смерть—двѣ вещи совсѣмъ различныя, но въ тѣхъ точкахъ, гдѣ онѣ соединяются—онѣ составляютъ одно. Любовь и смерть встрѣчаются иногда въ жизни человѣка, какъ двѣ изогнутыя линіи, переплетенныя межъ собой. Въ тѣхъ точкахъ, гдѣ онѣ касаются другъ съ другомъ—онѣ сливаются. При чемъ, исходя изъ разныхъ сторонъ, онѣ, начиная издалека, постепенно все уменьшаютъ изгибы и къ концу все чаще встрѣчаются, пока не соединятся совсѣмъ».

— Вы здѣсь, Эдита Михайловна?—раздался неожиданно голосъ Льва Матвѣевича, и онъ самъ показался въ дверяхъ съ зонтикомъ въ рукѣ.

— Я встрѣтилъ Вѣру Петровну, и она послала меня къ вамъ вмѣстѣ съ зонтикомъ. Но я вижу, здѣсь такъ хорошо въ этомъ покинутомъ домикѣ, что не намѣренъ васъ такъ скоро выпустить отсюда. Пусть зонтикъ здѣсь постоитъ въ углу, под-

сохнетъ немного, а мы пока полюбуемся окружающей обстановкой.

— Да тутъ, кажется, нечѣмъ любоваться. Какой-то складъ старыхъ вещей,—замѣтила Эдита. Книгу она поспѣшно спрятала при его приближеніи.

— Ну, такъ посмотрите туда,—онъ указалъ на открытую дверь въ садъ,—видите, какъ красиво хлещетъ дождь въ саду, а мы тутъ будто въ гнѣздѣ пріютились и смотримъ со стороны. Вотъ такъ и вы въ жизни—спрятались въ своемъ гнѣздѣ и смотрите со стороны на все.

— На что же, напримѣръ?

— Ну вотъ на любовь, хотя бы. Вы смотрите на любовь издали и не знаете, что она такое, и не вѣрите въ нее, и не хотите ее понять.

— Объясните, можетъ быть, пойму.

— Объяснить?—онъ быстро взглянулъ на нее,—Эдита,—сказалъ онъ тихо и, протянувъ руки, коснулся ея плечъ, ея волосъ. Приблизивъ лицо свое къ ея лицу, глядѣлъ въ глаза ея. Она не отстраняла его. Ей въ этотъ мигъ такъ жадно захотѣлось жизни, такъ жадно, какъ можетъ хотѣть жизни лишь человѣкъ умирающій. Счастье вотъ здѣсь, оно протягиваетъ къ ней руки... Стало вдругъ возможнымъ многое, о чемъ до сихъ поръ и не думала.

Онъ говорилъ: «Я полюбилъ васъ съ перваго взгляда».

Эдита молчала. Безумное волненіе овладѣло ею. Ноги подкашивались, и руки искали, за что бы ухватиться. Такъ еще никто съ нею не говорилъ.

— Вы любите меня, Эдита?

Но ея губы дрожали, и сердце точно остановилось въ груди отъ боли и отъ страха передъ чѣмъ-то великимъ, что уничтожало ее, что наполняло душу всецѣло, и не только душу, но все кругомъ, природу, и жизнь, и все. Шатаясь, она направилась къ двери, прислонившись къ ней, закрыла глаза. Казалось, будто трепетъ огромныхъ крыльевъ, пронеслись въ воздухѣ слова: «любовь и смерть—одно».

Быстрые шаги послышались около крыльца. Вѣра бѣжала къ павильону.

— Мы со Степой сейчасъ уѣзжаемъ,—крикнула она,—Степа спрашиваетъ, нужно ли тебѣ купить что-нибудь въ городѣ.

— Ахъ, да, да, сейчасъ иду,—опомнилась Эдита, и, не взглянувъ на доктора, побѣжала къ дому.

У крыльца уже стоялъ экипажъ. Степанъ Петровичъ отдавалъ распоряженія окружающимъ людямъ.

Эдита почувствовала вдругъ потребность удержать свою старую, свою такую понятную жизнь, ухватиться за нее, какъ за точку опоры. Зачѣмъ ввѣряться неизвѣстнымъ чувствамъ? Вѣдь въ нихъ угроза, опасность, смерть...

— Вотъ у меня есть мужъ, онъ меня любитъ... не меньше, чѣмъ тотъ. И я его люблю. Только онъ этого не знаетъ. Нужно объяснить ему, сказать что-то важное.

Она подошла къ мужу:

— Знаешь что, Степа? Не уѣзжай!

— Почему?—удивился онъ.

— Развѣ такъ важны тамъ дѣла?

— Но я ужъ собрался. И потомъ масса покупокъ.

— Ну да, я такъ просто сказала... Поѣзжай, поѣзжай.

— Передаю хозяйство на твое попеченіе, Эдита, будь внимательна. Особенно за скотнымъ дворомъ присматривай.

И, поцѣловавъ ея руку, Глиняевъ вскочилъ въ экипажъ. Вѣра уже сидѣла тамъ. Лошади тронулись, звеня колокольчиками.

— Для чего я начала говорить какую-то чепуху,—пожала плечами Эдита,—вѣдь, все равно, ничто не измѣнится. Степанъ не будетъ такимъ, какъ тотъ...

Прійдя въ свою комнату, Эдита увидѣла Рори, лежавшаго, свернувшись на диванѣ. Усѣвшись рядомъ, она обняла шею собаки и погрузилась въ мечты, неопредѣленныя, но блаженныя.

6.

Качаются верхушки деревьевъ не сильно, что-то обдумавъ, киваютъ, соглашаясь. Засыпаютъ астры по краямъ узкой аллеи, утомленныя, и гіацинты, вытянувъ головы, прислушиваются къ нездѣшнимъ шумамъ. Простирается сумракъ надъ садомъ тонкой вуалью, хватаясь за вѣтки, кусты и цвѣты. Простирается сумракъ крыльями ангела, медленно упавшаго.

Эдита шла по саду неровными шагами. Она придерживала за ошейникъ бѣжавшаго рядомъ съ ней Рори; она будто боялась что онъ убѣжитъ и оставитъ ее одну въ саду.

Строго смотрятъ деревья, таятся тѣни за поворотами аллей. Таятся мысли, что-то объясняющія, куда-то влекущія настойчиво; но прислушаться къ нимъ нѣтъ силъ, нѣтъ рѣшимости.

Эдита спѣшила къ павильону, ей хотѣлось достать ту книжку, что она тамъ читала утромъ. Въ комнатѣ павильона было темно, и, чиркнувъ спичкой, Эдита зажгла принесенный съ собою огарокъ свѣчи. Не сразу нашла книгу, затиснутую между стуломъ и сундукомъ. Вынула ее бережно и, положивъ на колѣни, разглаживала смятые листы. Рори ходилъ по комнатѣ, обнюхивая каждую вещь со знающимъ видомъ. Наконецъ нашелъ гдѣ-то забытую туфлю и, улегшись удобно, сталъ ее грызть, держа между лапами. Огарокъ, поставленный на стулъ, слабо освѣщалъ комнату. Эдита усѣлась на полу и, открывъ книгу на первой попавшейся страницѣ, стала читать:

«Въ предчувствіяхъ смерти и въ первыхъ намекахъ любви есть нѣчто близкое, нѣчто одинаковое. Душѣ открывается что-то новое, жутко волнующее и неодолимо влекущее.

«Быть можетъ, любовь и смерть двѣ вещи совсѣмъ различныя, но почему же въ минуты любви призракъ смерти стоитъ тутъ же. И не рядомъ стоитъ, а въ самой любви, въ тѣхъ чувствахъ, что любовь приноситъ. Эти чувства какъ бы пріоткрываютъ дверь въ иную жизнь. Но совершенно распахиваетъ эту дверь только послѣдняя точка соединенія любви и смерти. Эта точка въ томъ...»

Эдита подняла голову, прислушиваясь. Рори съ ворчаніемъ бросился къ двери и исчезъ въ саду. Почти у самаго крыльца послышался голосъ доктора, что-то напѣвающій.

Отчаянно испугавшись, что Левъ Матвѣевичъ найдетъ ее здѣсь поздно вечеромъ, да еще за чтеніемъ такой книги, Эдита бросила книгу прямо на огарокъ свѣчи, который потухъ въ ту же секунду. Пользуясь темнотой, она пробралась къ двери, сбѣжала съ крыльца и мелькнула за деревьями. Но Левъ Матвѣевичъ ее замѣтилъ.

— Эдита Михайловна, куда же вы? Вѣдь это я, — крикнулъ онъ, бросаясь за ней.

Но отъ звука его голоса она испугалась еще больше. Гонимая страхомъ, она неслась, какъ вихрь. Будто сама смерть за ней гналась въ желанномъ образѣ, въ образѣ любимаго человѣка, грозная своей неотступностью, своимъ очарованьемъ притягивающимъ.

И сердце билось сильно, полно тревоги.

Левъ Матвѣевичъ догналъ ее на большой аллеѣ, когда, утомившись, она замедлила шаги. Онъ молча пошелъ рядомъ.

Стихнувшій легкій вѣтеръ удалился, и молчали деревья,

молчали травы. Вечеръ раскрылъ широко свои темныя властныя крылья надъ садомъ.

— Къ чему слова?—думала Эдита,—къ чему говорить, рѣшать, обдумывать. Пришла чья-то сила и завладѣла нами, и нужно ей подчиниться съ полнымъ довѣріемъ. Душа сознаетъ—такъ лучше.

Когда они повернули на одну изъ боковыхъ аллей, Левъ Матвѣевичъ остановился.

— Эдита,—произнесъ онъ тихо,—вы теперь въ моей власти.

— Вы такъ думаете?...

— Развѣ неправда?—онъ взялъ ея руки въ свои и притянулъ къ себѣ медленно.—Вѣдь, теперь я могу назвать васъ Эди,—никто не услышитъ. Могу поцѣловать васъ безумно—никто не увидитъ.

Говоря это, онъ сталъ цѣловать ея лицо, все ея гибкое тѣло стиснулъ въ объятіяхъ. Летѣли они куда-то вмѣстѣ на крыльяхъ мощныхъ и властныхъ, въ порывѣ безумно-смѣломъ. Эдита раньше не знала этихъ чувствъ. Раньше для нея это было чѣмъ-то непріятнымъ, ненужнымъ. Теперь увидѣла вдругъ—есть вещи, какъ смерть прекрасныя, какъ смерть любимыя. За нихъ можно отдать весь міръ. Душа приближалась къ нимъ... Сейчасъ она узнаетъ нѣчто до сихъ поръ неизвѣстное, но чудное, какъ нежданно осуществленныя желанія, какъ образъ чего-то слишкомъ любимаго, какъ дверь, открывающаяся въ иную жизнь. Она вдругъ распахнулась широко, эта дверь, въ моментъ безумный, когда смерть навсегда соединилась съ любовью...

Тѣло Эдиты, разметавшись, лежало средь клумбы гіацинтовъ, испуганныхъ чуждымъ дыханіемъ, смятыхъ, и удивленныхъ, и любопытныхъ.

Левъ Матвѣевичъ, склонясь надъ трупомъ, шепталъ:

— Эдита, Эдита, Эдита...—Но ему лишь отвѣтилъ, гдѣ-то вдали, глухой, безпокойный вой собаки.

З. Кананова.

ФЛИГЕЛЕКЪ.

Заборъ... калитка... отъ калитки
Ползетъ дорожка къ флигельку,
Съ крылечкомъ въ плющевой накидкѣ,
Съ далекимъ видомъ на Оку.

Раскрыты окна. Сквозь герани
Смѣется комнатка, а въ ней,
За самоваромъ на диванѣ,
Сидитъ въ жилетѣ казначей.

Онъ весь согнулся надъ гитарой,
Бренчитъ и тянетъ теноркомъ
Мотивчикъ простенькій и старый,
Какъ этотъ дворикъ съ флигелькомъ.

И долго дворикъ терпѣливо
Внимаетъ звукамъ въ тишинѣ.
А время такъ неторопливо!
Плетется будто въ полуснѣ.

Но вотъ и вечеръ. Затихаетъ
Въ плющѣ устало вѣтерокъ;
И скромно на ночь закрываетъ
Глухія ставни флигелекъ.

Вас. Смирновъ.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ АНГЛІИ.

I.

Общественное вниманіе въ Англіи приковано въ настоящее время къ войнѣ, и всѣ другіе вопросы отошли на задній планъ. Тѣмъ не менѣе среди нихъ выдѣляются нѣкоторые, имѣющіе первостепенное соціальное значеніе и затрагивающіе крупные интересы. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ, конечно, земельная программа Ллойдъ Джорджа. Выдвинутая осенью 1913 года, она вызвала не только десятки журнальныхъ статей, книгъ и изслѣдованій, но и заставила всѣ политическія партіи Англіи опредѣлить свое отношеніе къ аграрному вопросу и создать (часто впервые) какую-либо «аграрную программу».

Земельный вопросъ съ тѣхъ поръ сталъ злобой политическаго дня Англіи, но въ этомъ менѣе всего, пожалуй, повинно положеніе самаго англійскаго сельскаго хозяйства. Конечно, въ послѣднія десятилѣтія земледѣліе продолжаетъ оставаться въ упадкѣ, но какъ разъ въ послѣдніе годы оно далеко отъ всего, что носило бы признаки особенно остраго кризиса. Число занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ мужчинъ обнаружило даже нѣкоторое повышеніе за послѣднее десятилѣтіе (съ 924 тысячъ до 972 за 1901—1911 г.г. въ Англіи и Уэльсѣ. См. Times отъ 24 декабря 1913 г.). Цѣны на хлѣбъ стояли высоко—30/7—36/11 за квартеръ пшеницы за шестилѣтіе 1907—1912 г.г. противъ 25 ш. 8 п. — 29 ш. 6 п. за предшествующія восемь лѣтъ [1]). На неурожаи не приходится жаловаться. Наконецъ, и само сельскохозяйственное населеніе поднимаетъ теперь голосъ съ жалобами на свое тяжелое положеніе отнюдь не чаще, чѣмъ въ 90-хъ или 80-хъ годахъ. Движеніе сельскихъ рабочихъ послѣ продолжительнаго упадка нѣсколько оживилось, но всего лишь

[1]) Agricultural statistics. 1913. XLVII, часть III, ст. 205.

за самое послѣднее время, начиная съ 1913 года. И немногочисленныя организаціи батраковъ совсѣмъ не представляютъ внушительной силы.

Не говоря уже о войнѣ, на которую обращены теперь всѣ помыслы, передъ англійскими государственными дѣятелями и до нея стояли проблемы, болѣе неотложныя. Не изжитъ еще ирландскій вопросъ. «Labour unrest» — рабочее движеніе не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ признаковъ упадка. Число стачекъ въ 1913 году явилось рекорднымъ въ англійской исторіи: 1.462 противъ 628 — средней за двадцатилѣтіе. Число стачекъ за послѣдніе три года (3.222) равно числу стачекъ за предшествующія тринадцать лѣтъ (1898—1910), а число бастовавшихъ за трехлѣтіе (3.100.000 участниковъ и 63 милліона пропущенныхъ дней) чуть-чуть отстаетъ отъ числа бастовавшихъ за цѣлое пятнадцатилѣтіе (1896—1910)[1]. Даже, можетъ быть, реформа избирательнаго права (въ частности уравненіе правъ женщины) болѣе, чѣмъ вопросъ земельный, отвѣчала бы запросамъ дня.

И, если, несмотря на все это, либеральное министерство передъ войной ставило во главу угла земельную реформу, то это диктовалось преимущественно политическими соображеніями. Земельная реформа Ллойдъ-Джорджа направляется противъ лендлордовъ и на экономической почвѣ продолжаетъ борьбу противъ консерваторовъ. Палата лордовъ обезврежена парламентскимъ актомъ 1911 года; политическое значеніе лордовъ и вліяніе ихъ на выборахъ въ палату общинъ будетъ ограничено, когда будетъ подрѣзана экономическая мощь земельныхъ магнатовъ.

Но кабинетъ Асквита вынужденъ былъ выдвинуть земельную программу не только поэтому, а также и для того, чтобы создать демократическіе лозунги, популярные для широкихъ массъ избирателей. Главная часть программы, выставленной либералами на послѣднихъ выборахъ, будетъ осуществлена въ текущемъ году на основаніи закона 1911 года. И, если не случится чего-либо въ результатѣ нынѣшней войны, или какихъ-либо неожиданностей съ Ольстеромъ или рабочимъ движеніемъ, земельный вопросъ станетъ основной осью избирательной борьбы на ближайшихъ выборахъ.

Вопросъ о реформѣ палаты лордовъ потерялъ свою остроту послѣ закона 1911 года. Относительно расширенія избирательнаго права не достигнуто единомыслія даже въ рядахъ либеральной партіи. Дѣлать центральнымъ пунктомъ программы ра-

---

[1]) „Board of trade and labour Gazette“ № 1 за 1914.

бочій вопросъ рискованно по многимъ причинамъ,—одна изъ которыхъ та, что всякое усиленіе рабочихъ въ парламентѣ и внѣ его чувствительно отзывается на силѣ и вліяніи самой либеральной партіи, ибо рабочіе все болѣе склоняются и къ самостоятельнымъ кандидатурамъ, и къ самостоятельнымъ политическимъ выступленіямъ. Усиливая теперешняго временнаго союзника, либералы могутъ выростить будущаго серьезнаго врага. Къ тому же вліяніе рабочей фракціи и такъ уже неизбѣжно усилится, такъ какъ число ирландцевъ уменьшится до сорока (послѣ введенія гомруля) и, несомнѣнно, увеличившаяся фракція рабочихъ легко получитъ роль маятника, опредѣляющаго судьбу голосованій.

Такъ путемъ исключенія наиболѣе подходящей очередной программой,—независимо отъ ея экономическаго значенія,—оказывается программа земельная. О землѣ важно подумать и потому, что консерваторы не прочь провести законъ о продажѣ земель и, руководясь недавнимъ ирландскимъ опытомъ, выгодно за счетъ государства продать часть своихъ владѣній. Этой попыткѣ надо объявить рѣшительную борьбу и нельзя откладывать военныхъ дѣйствій.

2.

Если Россію или Норвегію можно съ большимъ правомъ назвать странами-деревнями, то Англіи болѣе всего подходитъ прозвище страны-города. По послѣднему цензу городское населеніе Англіи и Уэльса равнялось 28.168.000, т. е. 78,1% всего населенія, а сельское 7.906.000, т. е. 21,9% (въ 1881 году сельскаго населенія было 32,1%) [1]).

Еще краснорѣчивѣе данныя о соотношеніи между промышленностью обрабатывающей и сельскимъ хозяйствомъ. Въ то время, какъ годовая цѣнность промышленнаго производства Великобританіи оцѣнивали въ 1234—1249 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, цѣнность сельско-хозяйственнаго производства даетъ цифру въ шесть разъ меньшую—21 милл. фунт. стерл. [2]). Исторія послѣднихъ сорока лѣтъ особенно выразительно отмѣчена неуклоннымъ регрессомъ англійскаго сельскаго хозяйства и параллельнымъ безостановочнымъ ростомъ индустріи.

Сельскій житель Великобританіи всегда съ горькимъ чув-

---

[1]) Census of England and Walles. 1911. Preliminary Report., стр. IX. Вотъ цифры, показывающія процентъ населенія, *занятаго* въ сельскомъ хозяйствѣ: въ Англіи—9,3%, въ Бельгіи—21,1%, въ Германіи—35,2%, во Франціи—42,7%, въ Австріи—60,9%.

[2]) „Census of production". Final report. 1912, стр. 24.

ствомъ вспоминаетъ начало 70-хъ годовъ, эти далекоушедшіе годы агрикультурнаго благополучія. Благодаря американской и франко-прусской войнамъ цѣны на хлѣбъ стояли высоко и англійскій фермеръ благоденствовалъ. Потомъ пронесся кризисъ. На міровомъ рынкѣ появились новыя житницы, молодыя страны съ непочатымъ краемъ плодоносной земли. Колоссально удешевился транспортъ [1]). Въ то же время успѣхъ промышленности обрабатывающей отвлекалъ капиталы отъ сельскаго хозяйства и манилъ сельское населеніе въ города на фабрики или въ тѣ же новыя земледѣльческія колоніи, сулившія свободу иниціативы и золотыя горы. И какія бы цифры сельско-хозяйственной статистики за послѣднія 30—40 лѣтъ мы ни взяли, всѣ онѣ вопіютъ о неуклонномъ упадкѣ земледѣлія.

За періодъ 1881—1911 г. городское населеніе въ Англіи и Уэльсѣ увеличилось на 66%, а сельское уменьшилось на 5%. Въ 1881 году лицъ, занятыхъ въ земледѣліи, считалось 2.744 тысячи, а въ 1901 г. ихъ было лишь 2.262 тысячи. За то же время число сельскихъ рабочихъ упало съ 923 тысячи до 609 тысячъ, что особенно ярко отмѣчаетъ упадокъ промышленнаго сельскаго хозяйства [2]).

Значительно уменьшается площадь обрабатываемой земли. За послѣднее тридцатилѣтіе (1883—1912) общая площадь пахотной земли Соединеннаго Королевства уменьшилась на два милліона акровъ, а именно:

Площадь подъ пшеницей уменьшилась съ	2.713	тыс.	акровъ	до	1.972	т. акр.
Площадь подъ овсомъ уменьшилась съ	4.371	„	„	„	4.096	„ „
Площадь подъ ячменемъ уменьшилась съ	2.483	„	„	„	1.816	„ „
Площадь подъ картофелемъ уменьшилась съ	1.359	„	„	„	1.219	„ „
Площадь подъ другими корнеплодами (рѣпой и т. д.) уменьшилась съ	2.346	„	„	„	1.792	„ „

и т. д. [3]).

---

[1]) Перевозка квартера хлѣба изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль стоила 2 шиллинга въ 66—70-хъ годахъ и только 4 пенса въ 1901—1904 г.г. P. Besse. La crise et l'évolution de l'agriculture en Angleterre. Paris. 1910, стр. 82.

[2]) См., напр., „Report on the Decline in the agricultural population of Great Britain". L. 1906 (Cd. 3273), стр. 115 и сл. Особенно значительно уменьшилось число женщинъ-работницъ съ 143 тысячъ въ 1851 году (Англія и Уэльсъ) до 12 тысячъ въ 1901 году.

[3]) Agricultural Statistics. 1912. Vol. XLVII. Часть I. L. 1913, стр. 92—93

Совершенно аналогичную картину даютъ цифры за пятилѣтіе (1898—1912) по Великобританіи. Площадь подъ зерновымъ хлѣбомъ уменьшилась за это время съ 7.400 тысячъ акровъ до 7.152 тысячъ, подъ овощами и корнеплодами съ 3.133 тысячъ до 3.115 тысячъ. Посѣвы клевера уменьшились съ 2.381 тысячи до 1.978 т. Зато пастбища и луга увеличились съ 16.559 до 17.335 тысячъ акровъ [1]).

Общая картина повторяетъ (конечно, въ болѣе скромныхъ чертахъ) шестнадцатый вѣкъ: пашню смѣняютъ пастбища, земля запускается и пустуетъ, сельское населеніе бѣжитъ въ городъ.

Любопытный штрихъ—замѣтно увеличивается площадь земли, отводимая для охоты, спорта и т. д. Въ Шотландіи, напримѣръ, за тридцать лѣтъ площадь подъ лѣсами, гдѣ разводится крупная дичь (напримѣръ, разныя породы оленей), предназначенная для охоты, увеличилась съ 2 милліоновъ акровъ до 3 съ половиной. Число сторожей, охраняющихъ дичь, увеличилось съ 9 тысячъ (1851 г.) до 23 тысячъ (1911 г.). То же увеличеніе площади, отведенной подъ охоту, замѣчается и въ самой Англіи: «фазаны вытѣснили крестьянъ», какъ выразился Ллойдъ Джорджъ («Pheasants displace peasants») [2]).

Упадокъ сельскаго хозяйства естественно отразился и на валовомъ доходѣ съ земли. По оффиціальнымъ даннымъ онъ равнялся въ Великобританіи 56.239 тыс. фунтовъ въ 1870—71 и лишь 42.600 т. фун. въ 1910—11 г. Паденіе на 24 съ лишнимъ процента [3]).

Но, быть можетъ, всего выразительнѣе цифры, показывающія растущую зависимость питанія Англіи отъ иностраннаго ввоза.

Ввозъ мяса, живности и молочныхъ продуктовъ увеличился съ 41.243 тысячъ фунтовъ (средняя за 1876—82 г.) до 97.360 тысячъ фунтовъ (1906—12 г.), т. е. на 136%. Ввозъ зерна, муки, фруктовъ, овощей (беру эту не совсѣмъ удачную оффиціальную группировку) съ 96.024 тыс. фунтовъ стерл. до 116.436 тыс. фун. ст., т. е. на 21%. Въ настоящее время Англія лишь два съ небольшимъ мѣсяца можетъ питаться собственной пшеницей, такъ какъ она производитъ ея на 11 милліоновъ фунтовъ, а ввозитъ на 46 съ половиной милліоновъ. 40% потребляемаго мяса привозится изъ-за моря [4]).

---

[1]) Statistical Abstract for the United Kingdom № 16. L. 1913, стр. 334—335.

[2]) Спортивныя площадки для аристократическаго гольфа занимаютъ сейчасъ около 200 тысячъ акровъ.

[3]) Agricultural Statistics. 1912. Часть I, стр. 108.

[4]) Ibid. Часть IV стр. 276, 279 и слѣд.

Эти нѣсколько цифръ достаточно иллюстрируютъ упадокъ англійскаго сельскаго хозяйства.

Намъ слѣдуетъ ознакомиться теперь съ отношеніями, существующими въ англійской деревнѣ.

3.

Лэндлордъ, фермеръ и батракъ—вотъ та «сельскохозяйственная троица», которую мы встрѣчаемъ въ англійской деревнѣ. Лэндлордъ «владѣетъ» землей, фермеръ вкладываетъ въ нее свой капиталъ, батракъ поливаетъ ее потомъ и кровью.

О распредѣленіи земельной собственности имѣются лишь устарѣлыя данныя переписи 1874—75 годовъ («New Domesday Book»). Они совсѣмъ не годятся для Ирландіи, гдѣ сейчасъ 58% земли перешло уже въ руки фермеровъ, но болѣе или менѣе сносны для Великобританіи. Согласно этимъ даннымъ, въ послѣдней 36 съ четвертью милліоновъ акровъ, т. е. около 70% всей площади, принадлежитъ всего 7.166 человѣкамъ (имѣющимъ свыше 1000 акровъ каждый) [1]).

Послѣднюю цифру можно смѣло уменьшить еще на тысячу, такъ какъ крупные владѣльцы считались по 5—10 и болѣе разъ [2]).

Одна пятая ($15^1/_3$ мил. акр.) площади Соединеннаго Королевства принадлежитъ 525 герцогамъ, маркизамъ, графамъ, виконтамъ и баронамъ. 400 пэровъ Англіи только въ одной Англіи и Уэльсѣ владѣютъ 5.729 тысячами акровъ [3]), а въ то же время 900 тысячъ мелкихъ собственниковъ (съ участками меньше 50 акровъ) имѣютъ въ общей сложности 2.380 тысячъ акровъ, т. е. почти въ два съ половиной раза меньше...

Крупные земельные собственники обычно сами не занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а сдаютъ землю въ аренду. Только 10,9% всей земли Англіи и Уэльса обрабатывается собственниками (въ 1887—15%).

Кромѣ экономической зависимости, фермеръ испытываетъ на себѣ и тяжесть политическаго вліянія мѣстнаго земельнаго

---

[1]) Summary of the returns of owners of land. 1876. Томъ LXXX, стр. 21 и 13.

[2]) См., напримѣръ, подсчеты A. Arnold'a въ его книгѣ „Free Land." L. 1880, стр. 4 и слѣд. Авторъ считаетъ, что $^4/_5$ земли С. Королевства принадлежитъ не болѣе, чѣмъ 7.000 лицамъ (а не 10.911, какъ показано въ оффиц. данныхъ).

[3]) I. Bateman. The great landowners. 1883, стр. 515.

лорда. Извѣстны факты, когда фермеры и рабочіе изгонялись за то, что голосовали на выборахъ противъ партіи, которой симпатизируетъ ихъ землевладѣлецъ. Наконецъ, и во всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ и во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ вліяніе землевладѣльца колоссально. Конечно, прошли уже дни, когда землевладѣльцы—мировые судьи вершили всѣ дѣла графства, но все же далеко еще не исчезла первенствующая роль лэндлордовъ на мѣстахъ. Покойный А. Р. Уоллесъ очень краснорѣчиво описалъ это вліяніе въ своей книгѣ о «національзаціи земли»:

«Приходскій священникъ обычно назначенъ лэндлордомъ и часто доводится ему родственникомъ. Фермеры получаютъ отъ него землю, покуда ему это будетъ угодно, и часто состоятъ его должниками. Сельскіе торговцы являются его арендаторами и, во всякомъ случаѣ, могутъ быть разорены, если подпадутъ подъ его немилость. Батраки живутъ въ его коттэджахъ; всецѣло отъ его благоусмотрѣнія зависитъ, получатъ ли они привилегію снять крошечный и обычно недостаточный для жизни клочекъ земли, да при этомъ еще по непомѣрно-высокой цѣнѣ, сравнительно съ платой, платимой фермерами. Отъ лэндлорда зависитъ, получатъ ли батраки какую-нибудь работу зимой. Часто лэндлордъ занимаетъ судейскую должность, и это увеличиваетъ его авторитетъ и даетъ ему возможность, опираясь на силу закона, осуществлять свои приказанія. Человѣкъ можетъ жить на землѣ, принадлежащей лэндлорду, лишь съ согласія послѣдняго. Большинство мѣстныхъ жителей можетъ быть сдѣлано несчастными и даже буквально разорено, если на нихъ обратится гнѣвъ лэндлорда» [1]).

Для сельскаго батрака эта зависимость отъ лэндлорда усугубляется еще тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ. По послѣднимъ даннымъ, въ Англіи и Уэльсѣ насчитывалось 608 тысячъ сельскихъ рабочихъ (въ Шотландіи — 83 тысячи), почти исключительно мужчинъ (женщинъ лишь 12 тысячъ). Относительно ихъ заработка недавно произведенное оффиціальное статистическое изслѣдованіе даетъ такія цифры. Лучше всего зарабатываютъ батраки въ Шотландіи—19 ш. 7 пен. въ недѣлю, затѣмъ идетъ Англія 18 ш. 4 пен., Уэльсъ—18 ш. и, наконецъ, Ирландія съ 11 ш. 3 пенсами [2]).

Только въ десяти графствахъ (пять изъ нихъ въ Шотландіи)

---

[1]) A. R. Wallace. Land nationalisation. Изд. 1902 г., стр. 98—99.
[2]) The earning of workpeople. V. Agriculture L. 1910, стр. XII. III,

заработокъ превышаетъ 21 шил.; зато имѣются пять графствъ (всѣ въ Ирландіи), гдѣ заработокъ меньше десяти шиллинговъ въ недѣлю. Рабочіе, имѣющіе дѣло съ лошадьми и скотомъ, обычно получаютъ на полтора—два шиллинга больше простыхъ рабочихъ. Въ общемъ для Англіи около 60% сельскихъ рабочихъ зарабатываютъ меньше 18 шиллинговъ въ недѣлю.

Эти оффиціальныя данныя нуждаются, однако, въ цѣломъ рядѣ поправокъ и оговорокъ. Цифры эти получены отъ хозяевъ, касаются только постоянныхъ рабочихъ (а $^1|_5$ рабочихъ нанимается временно, на короткіе сроки), и притомъ только взрослыхъ мужчинъ. Но не только это. Въ общій заработокъ здѣсь включена та плата «натурой», которая оцѣнивается приблизительно въ 2—3 шиллинга въ недѣлю, и тѣ ежегодные подарки и наградныя, которые также широко распространены въ Англіи.

Какъ плату «натурой», рабочій получаетъ обычно квартиру, пиво и сидръ, ѣду во время жатвы, небольшіе участки для картофеля, солому для свиней, топливо и т. п. Наградные въ размѣрѣ 15—25 и болѣе шиллинговъ выдаются простому рабочему за время «страды». Скотники получаютъ 3—6 пенсовъ съ каждаго ягненка или вмѣсто этого сразу 2—5 фунтовъ стерлинговъ осенью. Столько же разъ въ годъ выдается и работникамъ съ лошадьми [1]).

Рабочій день тянется обычно 11—12 часовъ (съ перерывомъ въ полтора часа); зимой работа идетъ весь день «отъ свѣта до свѣта»; свободныхъ полдня въ субботу нигдѣ не имѣется.

Особенно тяжелы жилищныя условія. Какъ общее правило, рабочій, нанимаясь къ фермеру, получаетъ отъ него же и квартиру въ счетъ заработной платы. Это съ одной стороны понижаетъ его заработокъ, съ другой усиливаетъ его зависимость отъ своего хозяина. Не угодить фермеру значитъ для рабочаго не только потерять работу, но и кровъ [2]). Коттэджи, сдаваемые рабочимъ, обычно не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ тре-

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ, какъ оффиціальныя данныя о заработной платѣ расходятся о цифрами частныхъ изслѣдователей. Для гр. Уильтширъ послѣдніе даютъ цифру заработка въ 14—15 ш., а оффиціальная статистика—16 ш. 9 п., для Бедфордшира—14 ш. 4 п. противъ 17 ш. 5 п., для Оксфордшира—10—12 противъ 16 ш. 4 п. См. H. Harben. „The rural problem“ 1913 г., стр. 8.

[2]) Отчетъ „либеральной земельной комиссіи“ указываетъ, что рабочихъ выселяли: „по политическимъ причинамъ, за присоединеніе къ трэдъ-юніону, за то, что дочь рабочаго „согрѣшила“ или что сынъ напился пьянымъ“. „The land“, the report of the land enquiry committee. L. 1913, стр. 149.

бованіямъ гигіены. Вотъ нѣсколько иллюстрацій, собранныхъ комиссіей, изучавшей земельный вопросъ въ Англіи.

«Въ «домѣ», гдѣ живутъ мужъ съ женой, сынъ 17 лѣтъ и дочь 12-ти, свѣтъ попадаетъ лишь черезъ крохотныя стеклышки двери. Коттэджъ состоитъ изъ двухъ комнатокъ, раздѣленныхъ занавѣской. Крыша изъ волнистаго желѣза. Раньше этотъ «домъ» былъ коровьимъ хлѣвомъ».

А вотъ какъ характеризуются различные другіе «дома»:

«Полъ сырой, земляной, покрытый плѣсенью».

«Плющъ пробрался сквозь щель дома и растетъ въ комнатѣ».

«Въ комнатѣ, имѣющей 11 квадратныхъ футовъ, живутъ мужъ съ женой и шестеро дѣтей».

«Въ домѣ съ одной спальней живутъ: старикъ 80-ти лѣтъ, его дочь 50-ти, внучка 26-ти, внукъ 17-ти и жилецъ» и т. д., и т. д. [1]).

Неудивительно, что за послѣдніе четыре года пять съ половиной тысячъ коттэджей было признано вредными для жилья и или закрыто, или разрушено [2]). Коттэджи не только плохи, но ихъ вдобавокъ и очень мало. Въ рядѣ мѣстъ новыхъ коттэджей не сооружалось вовсе за послѣдніе полвѣка. Есть примѣры, что рабочій, за неимѣніемъ мѣста, гдѣ жить, шелъ въ «работный домъ». Считается, что для удовлетворенія жилищной нужды въ странѣ надо построить около 120 тысячъ коттэджей [3]).

Какія же мѣры выдвигаются англійскими политическими партіями, чтобы уврачевать язвы англійской деревни?

4.

Земельная программа теперешняго либеральнаго кабинета развита въ рядѣ рѣчей Ллойдъ Джорджа и обоснована въ отчетѣ

---

[1]) „The land“, стр. 84, 92, 100 и др.

[2]) Ibid. 108 стр.

[3]) Печальное положеніе сельскихъ рабочихъ отчасти объясняется отсутствіемъ трэдъ-юніоновъ. Въ серединѣ 70-тыхъ годовъ „національный профессіональный союзъ сельскихъ рабочихъ“ насчитывалъ 86 тысячъ членовъ, но послѣ движеніе уже никогда не достигало такихъ размаховъ. Въ началѣ 90-ыхъ годовъ возникло нѣсколько союзовъ—одинъ изъ нихъ имѣлъ 10 тысячъ членовъ. Въ 1907 году было всего два союза съ нѣсколькими сотнями членовъ. Съ конца 1912 года наступило новое оживленіе въ организаціи трэдъ-юніоновъ. См. новую работу о сельскихъ рабочихъ: O. Dunlop. The farm labourer 1913 (стр. 142 и слѣд.) и классическую книгу W. Hasbach'a, A history of the agricultural labourer. L. 1908 (стр. 280 и сл.).

неоффиціальной комиссіи, изучавшей условія, въ которыхъ находится сейчасъ англійское сельское хозяйство.

Задачу реформы Ллойдъ-Джорджъ видитъ прежде всего въ борьбѣ противъ крупнаго лэндлордизма. Еще Д.-С. Милль говорилъ «лэндлордъ является величайшей обузой для земледѣлія». На этотъ принципъ опирается и канцлеръ казначейства. Онъ говоритъ: «Лэндлордизмъ — величайшая монополія въ нашей странѣ и притомъ менѣе всѣхъ другихъ монополій подверженная контролю. Повелитель нашей имперіи не имѣетъ такой власти надъ своими подданными, какой обладаетъ лэндлордъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Что можетъ сдѣлать лэндлордъ? Онъ можетъ опустошить округу. Онъ можетъ снести всѣ постройки и превратить область въ пустыню. Онъ можетъ дѣлать то, чего теперешніе обычаи войны не позволяютъ дѣлать даже вторгнувшемуся чужеземцу».

Первая задача правительства «твердо провести рѣшительныя и коренныя мѣропріятія противъ земельной монополіи». Необходимо осуществить «полный контроль надъ земельной монополіей; поставить ее подъ большій контроль и большую зависимость отъ государства, чѣмъ она была до сихъ поръ» [1]). Но, выставивъ этотъ принципъ, Ллойдъ-Джорджъ не начинаетъ фронтовой атаки противъ цитаделей лэндлордизма, а избираетъ путь обходныхъ движеній и медленнаго стратегическаго наступленія. Ослабить лэндлордовъ онъ проектируетъ усиленіемъ на ихъ счетъ фермеровъ и рабочихъ, естественныхъ антагонистовъ крупнаго землевладѣнія.

Что же необходимо фермеру?

Фермеръ долженъ получить увѣренность, что его договоръ съ землевладѣльцемъ будетъ регулярно возобновляться. Онъ долженъ знать, что его могутъ прогнать съ участка лишь по рѣшенію особыхъ должностныхъ лицъ и лишь за небрежное веденіе дѣла или неплатежъ аренды. Отнынѣ фермеръ не будетъ изгоняться за свои политическія и религіозныя убѣжденія, или по капризу лэндлорда. Право послѣдняго безконтрольно сгонять однихъ фермеровъ и поселять другихъ по проекту Ллойдъ-Джорджа должно быть отмѣнено. Правительственные комиссары будутъ опредѣлять, есть ли основаніе для прекращенія арендныхъ отношеній. Мало того, если владѣлецъ продастъ свою землю

---

[1]) См., авторизованное изданіе рѣчей Ллойдъ-Джорджа (изд. The liberal publication department). „Бедфордская рѣчь“ 11 окт. 1913, стр. 4 и 19 и „Суиндонская рѣчь“ 18 окт., стр. 4.

другому лэндлорду,—фермеры должны будутъ остаться на своихъ мѣстахъ и при прежнихъ арендныхъ условіяхъ.

Другой пунктъ, обезпечивающій фермера—это установленіе вознагражденія за сдѣланныя имъ улучшенія.

Существующую систему Ллойдъ-Джорджъ выразительно описываетъ такъ: «Фермеръ снимаетъ землю, находящуюся въ плохомъ состояніи, совсѣмъ истощенную. Онъ вкладываетъ въ обработку земли весь свой умъ, всю свою душу, вкладываетъ заботливый трудъ, всю свою сообразительность, можетъ быть, свои научныя познанія. Онъ улучшаетъ ферму и удваиваетъ ея стоимость. Затѣмъ является мѣстное самоуправленіе и для чего-нибудь покупаетъ эту землю себѣ. Что получаетъ фермеръ? Онъ можетъ быть на 50% увеличилъ стоимость земли. Получаетъ ли онъ эти 50%? Кто получаетъ ихъ? Собственникъ земли. Да, собственникъ. Это грабежъ. Онъ беретъ себѣ то, что̀ принадлежитъ не ему, а другому человѣку» [1]).

По проекту либеральнаго министерства, въ подобномъ случаѣ, фермеръ будетъ получать вознагражденіе за всѣ сдѣланныя имъ улучшенія. Фермеръ долженъ получать вознагражденіе и тогда, когда его выселяютъ противъ его воли [2]).

Большое вниманіе либеральная программа отводитъ законамъ объ охотѣ и вредѣ, причиняемомъ фермерскимъ полямъ дичью. Полное уничтоженіе законовъ объ охотѣ программа признаетъ мѣрой слишкомъ рѣшительной, и она ограничивается тѣмъ, что лишаетъ лэндлордовъ права сдавать охоту особымъ арендаторамъ. Фермеръ получаетъ право ставить капканы у норъ животныхъ (напримѣръ, кроликовъ) и всюду на своемъ участкѣ, гдѣ онъ захочетъ, а также получаетъ право уничтожать дичь на своемъ участкѣ. Признается необходимымъ измѣнить условія, на какихъ фермеру выдается вознагражденіе за посѣвъ, испорченный дичью или охотниками [3]).

Либеральная программа касается и кардинальнаго вопроса фермерскаго «житія»—размѣровъ арендной платы. Вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія и обезлеченіе пользованія фермой не будутъ имѣть никакого значенія, если лэндлордъ будетъ послѣ всякаго сдѣланнаго улучшенія поднимать аренду или доведетъ ее до высоты, которая явится «запретительной» для фермера. Для того,

---

1) Бедфордская рѣчь, стр. 16.

2) Суиндонская рѣчь, стр. 7. Ллойдъ-Джорджъ разумѣетъ, видимо случаи, когда выселеніе дѣлается даже въ интересахъ общества, напр., когда земля фермера нужна мѣстному самоуправленію.

3) „The land“, стр. 281—282.

чтобы избѣжать этого, за регулированіемъ вопроса объ арендной платѣ будутъ наблюдать особые комиссары, обладающіе судебной властью. Имъ будетъ предоставлено право—теперь же понизить арендную плату для мелкихъ фермъ. Повышеніе аренды для крупныхъ участковъ можетъ быть сдѣлано лишь съ ихъ санкціи. Арендная плата будетъ понижаться комиссарами, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда фермеръ повыситъ заработную плату своихъ рабочихъ или въ моментъ сельскохозяйственной депрессіи [1]).

Такимъ образомъ, самый коренной пунктъ зависимости фермера отъ лэндлорда ставится подъ общественный контроль. Въ этомъ случаѣ Ллойдъ-Джорджъ отчасти идетъ по стопамъ Гладстоновскихъ комиссій въ Ирландіи, но еще болѣе слѣдуетъ примѣру шотландскихъ земельныхъ судовъ, введенныхъ въ нѣкоторыхъ округахъ въ 1886 году и недавно видоизмѣненныхъ. Эти суды оказались очень практической мѣрой. Имъ удалось нѣсколько понизить арендную плату и во всякомъ случаѣ установить болѣе или менѣе однообразныя условія аренды [2]).

По отношенію къ городскимъ арендаторамъ Ллойдъ-Джорджъ выставляетъ тѣ же основные принципы: вознагражденіе за произведенныя арендаторомъ улучшенія, вознагражденіе за выселеніе и прекращеніе аренды безъ достаточныхъ къ тому основаній и регулировка арендной платы при посредствѣ особыхъ судовъ [3]). Онъ предполагаетъ дать земельнымъ судамъ право понижать установленную договоромъ арендную плату, если арендный срокъ превышаетъ 21 годъ [4]).

Вторая половина земельной программы Ллойдъ-Джорджа касается сельскаго рабочаго. Реальная заработная плата батрака, говоритъ канцлеръ казначейства, меньше теперь, чѣмъ во времена Генриха VII; 20% рабочихъ получаютъ меньше 20 шиллинговъ 6 пенсовъ, т. е. стоимость содержанія рабочаго съ семьей на пайкѣ работнаго дома. Заработная плата должна быть повышена. Она должна «поднять рабочаго надъ уровнемъ нищеты и дать ему возможность платить рыночную, коммерческую цѣну за свое жилище» [5]).

---

[1]) Суиндонская рѣчь, стр. 11—12.

[2]) Согласно закону 1911 г., эти суды распространяютъ свое дѣйствіе на всю Шотландію, но ихъ владѣнію подлежатъ лишь мелкія фермы—до 50 акровъ.

[3]) Эти же три принципа въ болѣе общей формѣ находятся въ частномъ биллѣ городскихъ арендаторовъ, внесенномъ въ парламентъ.

[4]) См. рѣчь, сказанную въ Лондонѣ 29 ноября 1913 года, стр. 7 и рѣчь депутаціи городскихъ арендаторовъ (30 окт.), стр. 8—9.

[5]) „The land“, стр. XXXII.

Для поднятія заработной платы сельскихъ батраковъ министерство выбрало систему, недавно примѣненную къ минерамъ и нѣкоторымъ отраслямъ особо плохо оплачиваемаго труда— установленіе минимума заработной платы. Принципъ минимума долженъ быть проведенъ законодательнымъ путемъ; размѣръ минимума будетъ установленъ особыми судами или правительственными комиссарами. Чаще всего называется сумма въ 20 шиллинговъ. Что же дастъ рабочему установленіе этого минимума?

По вычисленію «земельной комиссіи», заработокъ 405 тысячъ взрослыхъ рабочихъ (отъ 20 до 65 лѣтъ) Англіи и Уэльса равенъ теперь 19 милліонамъ фунтовъ стерлинговъ. При установленіи нормы въ 20 шиллинговъ онъ повысится на два милліона фунтовъ стерлинговъ съ небольшимъ (на 10%), при минимумѣ въ 22 ш. 2 п. — на 4.663.000 фунтовъ стерлинговъ (на 24%) [1]).

Но два милліона фунтовъ значительно ниже дѣйствительной суммы, которую получатъ рабочіе сверхъ теперешняго заработка, во-первыхъ, потому, что она касается не всѣхъ рабочихъ (подростки отъ 18 до 20 лѣтъ и старики свыше 65 лѣтъ зарабатываютъ теперь около 6 милл. фунтовъ; если и эту сумму поднять на 10%, получимъ еще 600 тысячъ фунтовъ), во-вторыхъ, потому, что, какъ я указывалъ, заработокъ рабочихъ меньше, чѣмъ указываютъ оффиціальныя цифры. Не будетъ преувеличеніемъ считать, что минимумъ въ 20 шиллинговъ увеличитъ заработную плату батраковъ (Англіи и Уэльса) почти на три милліона фунтовъ стерлинговъ.

На чей же счетъ упадетъ эта сумма? Не на фермера, а на лэндлорда, таковъ категорическій отвѣтъ Ллойдъ-Джорджа. «Если фермеръ не можетъ платить минимума своимъ рабочимъ, онъ идетъ къ комиссару и проситъ уменьшить арендную плату», и «лэндлордъ обязанъ уменьшить ее» [2]).

Валовая арендная плата, получаемая лэндлордами Англіи и Уэльса, исчисляется въ 34 милліона фунтовъ стерлинговъ. Если вся тяжесть повышенія заработка всѣхъ сельскихъ рабочихъ падетъ на землевладѣльца, то минимумъ въ 20 шиллинговъ дастъ уменьшеніе арендной платы на 9%.

Кромѣ повышенія заработной платы батраковъ, либеральная программа разрабатываетъ вопросъ объ улучшеніи жилищныхъ условій. Она имѣетъ въ виду съ одной стороны созданіе тысячъ здоровыхъ жилищъ, съ другой ослабленіе зависимости

---

1) Ibid., 63 стр.

2) Суиндонская рѣчь, стр. 18—19.

рабочаго отъ фермера и лэндлорда. Какъ извѣстно, теперь отъ одной трети до половины сельскихъ рабочихъ живетъ въ такъ называемыхъ «tied cottage», т. е. въ коттэджахъ, сдаваемыхъ фермеру вмѣстѣ съ землей и предназначенныхъ для рабочихъ, нанимающихся къ фермеру.

По вычисленіямъ «земельной комиссіи», для ослабленія земельной нужды необходимо построить въ ближайшіе годы до 120 тысячъ новыхъ коттэджей. Это дѣло строительства должно быть взято въ руки государства. Государство и муниципалитетъ будутъ славать коттэджи всѣмъ желающимъ по невысокой «коммерческой» цѣнѣ: «въ интересахъ государства надо дать возможность всякому человѣку жить внѣ города».

По идеѣ Ллойдъ-Джорджа, при коттэджахъ долженъ имѣться также и небольшой клочекъ земли,—усадьба, садикъ. Здѣсь рабочій можетъ сажать овощи и ему должно хватить ихъ на круглый годъ. Этотъ клочекъ, по мнѣнію канцлера, даетъ ему опору и во время безработицы. «Садикъ только первая ступень. Болѣе предпріимчивымъ надо дать и небольшой участокъ земли (allotment). А еще болѣе предпріимчивый долженъ получить уже маленькую ферму въ 10—20—30 или 50 акровъ [1]).

Рабочій не имѣетъ теперь никакихъ перспективъ, говоритъ Ллойдъ-Джорджъ, и вотъ, онъ хочетъ дать батраку мечту—сдѣлаться фермеромъ. «Мы хотимъ пробудить въ душѣ батрака не только надежду, но и чувство независимости—лучшее средство для этого дать ему сколько-нибудь земли». Конечно, это не значитъ, что всѣ работники должны превратиться въ мелкихъ арендаторовъ, но всякій, «кто обнаружитъ способность къ земледѣлію, долженъ имѣть возможность превратиться въ фермера» [2]).

Такъ, вопросъ объ улучшеніи положенія батрака связывается съ ранѣе намѣчавшейся системой насажденія мелкихъ арендаторовъ. Хозяевами этихъ арендаторовъ будутъ мѣстныя самоуправленія, и программа проектируетъ облегчить пріобрѣтеніе ими земель по цѣнѣ, установленной земельными комиссарами. Въ этомъ случаѣ программа продолжаетъ дѣло законовъ 1892 года (Smoll Holdings Act) и 1907 (Allotment Act) [3]).

Земельная программа касается, затѣмъ, улучшенія постановки

---

[1]) Бедфордская рѣчь, стр. 21—22; Суиндонская рѣчь, стр. 19.

[2]) The land, 161—162.

[3]) О значеніи этихъ актовъ см. статью А. Чекина — „Тенденція аграрной эволюціи въ Англіи“.—„Вѣстн. Евр“, мартъ 1914 г.—Ред.

образованія, удешевленія желѣзнодорожнаго тарифа, коопераціи, облѣсенія земель и т. д.[1]).

Весьма важнымъ пунктомъ является та система, при помощи которой министерство Асквита предполагаетъ провести реформу и поддерживать ее въ дѣйствіи. Правительство предполагаетъ создать новую функцію правительственныхъ комиссаровъ (commissioners) съ очень широкими полномочіями. Комиссары будутъ устанавливать высоту арендной платы, опредѣлять размѣръ вознагражденія фермерамъ за улучшенія, устанавливать цѣну земли при продажахъ, завѣдывать вопросомъ о продолжительности рабочаго дня и т. д. Въ сущности всѣ главнѣйшія взаимоотношенія между лэндлордомъ и фермеромъ, фермеромъ и батракомъ будутъ контролироваться и санкціонироваться правительствомъ. Въ то же время создается и центральное учрежденіе—министерство земледѣлія (точнѣе «земельное министерство»—Ministry of Land). Оно будетъ выполнять функціи теперешняго «департамента сельскаго хозяйства» (Board of agriculture), но ему также передадутся всѣ дѣла, связанныя съ мобилизаціей земельной собственности (теперь находящіяся въ рукахъ Court of Chancery), оцѣнкой земли, созданіемъ мелкихъ арендаторовъ и т. д. Министерство будетъ дѣйствовать черезъ непосредственно подчиненныхъ ему комиссаровъ [2]).

Либеральная земельная программа, улучшая положеніе фермера и сельскаго рабочаго, всей тяжестью ложится на лэндлорда. Минимумъ заработной платы, регулировка арендной платы и продажной цѣны на землю, вознагражденіе за улучшенія и т. д.—все это непосредственно отразится уменьшеніемъ ренты, получаемой землевладѣльцемъ. Съ другой стороны, постройка «свободныхъ» коттэджей и институтъ «комиссаровъ» ослабитъ, наконецъ, зависимость мѣстнаго населенія отъ лэндлорда. На

---

[1]) Сельскохозяйственной коопераціи до 1900 года Англія почти не знала (было только 12 кооперативовъ), теперь, благодаря дѣятельности „Agricultural Organisation Society", имѣется 478 сельскихъ кооперативовъ съ 45 тысячами членовъ. Ничтожность этого числа ясно видна изъ сравненія: въ Германіи сельскихъ кооперативовъ $26^1/_2$ тысячъ съ $2^1/_2$ милліоновъ членами, въ Австріи $10^1/_2$ тысячъ, въ Японіи $9^1/_2$ тысячъ съ милліономъ членовъ. Даже Финляндія имѣетъ 1.122 сельскихъ кооператива съ 187 тысячами членовъ.

[2]) Докладъ земельной комиссіи предлагаетъ установить также земельные суды на подобіе шотландскихъ, съ участіемъ мѣстнаго населенія и съ функціями приблизительно такими же, какія Ллойдъ-Джорджъ даетъ комиссарамъ. Ллойдъ-Джорджъ въ своихъ рѣчахъ не упоминаетъ объ этихъ судахъ и говоритъ исключительно о правительственныхъ комиссарахъ.

мѣстахъ укрѣпится не только капиталистъ-фермеръ и отчасти рабочій, но также и государство. Въ этомъ случаѣ либеральное правительство Асквита продолжаетъ свою прежнюю политику усиленія государственной власти противъ всесильнаго до сихъ поръ собственника земли.

Но задача Ллойдъ-Джорджа состоитъ не только въ томъ, чтобы ослабить лэндлордовъ—опору консервативной партіи. Нѣтъ, онъ хочетъ также способствовать уничтоженію пережитковъ феодальныхъ отношеній въ деревнѣ. «Теперешняя земельная система, говоритъ онъ, ложится тяжестью на сельское хозяйство. Она тормозитъ развитіе торговли и промышленности въ городахъ. Она отзывается на городской торговлѣ, на сельскомъ лавочникѣ, на ремесленникѣ, на рабочемъ». «Ни одного дѣла нельзя вести на тѣхъ основахъ, какія существуютъ теперь въ сельскомъ хозяйствѣ. Никто не станетъ вкладывать деньги и трудъ въ землю, разъ не имѣетъ увѣренности, что это окупится». А «дѣло только тогда можно вести съ успѣхомъ, если можно разсчитывать впередъ по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ» [1]). Понятно поэтому, что Ллойдъ-Джорджъ особенно яростно нападаетъ на такой феодальный пережитокъ, какъ законы объ охотѣ.

Разумѣется, нельзя ожидать, чтобы программа Ллойдъ-Джорджа прекращала вполнѣ главный недугъ — существованіе монополіи. Несомнѣнно, появляется контроль государства, но принципъ монопольнаго владѣнія остается. Отъ «контроля надъ монополіей» до «уничтоженія монополіи» цѣлая пропасть, и Ллойдъ-Джорджъ черезъ эту пропасть, конечно, не переступаетъ. Рента землевладѣльцевъ, несомнѣнно, упадетъ, но масса земли останется все же въ ихъ владѣніи, и тѣмъ самымъ, значитъ, политическая власть землевладѣльцевъ будетъ не вполнѣ ослаблена.

Въ сферѣ экономической, такимъ образомъ, программа либеральнаго министерства является въ болѣе смягченномъ видѣ сравнительно съ политической программой. Законъ 1911 года, напримѣръ, совершенно свелъ на-нѣтъ роль палаты лордовъ; земельная программа, несмотря на ея безусловную важность,— лишь ограничиваетъ привилегіи поземельнаго дворянства.

Но если въ этомъ пунктѣ программа Ллойдъ-Джорджа не вполнѣ радикальна и не удовлетворяетъ требованіямъ самыхъ передовыхъ партій, то безспорно удачна мысль о минимумѣ заработной платы, который, несомнѣнно, отзовется и на повышеніи заработка городскихъ рабочихъ.

---

[1]) Бедфордская рѣчь, стр. 17—18; Суиндонская рѣчь, стр. 6.

5.

Консерваторы, останавливаясь на причинахъ упадка земледѣлія въ Англіи, выдвигаютъ обычно два аргумента—отсутствіе протекціонизма, дающее просторъ иностранной конкурренціи, говорятъ они, вызвало пониженіе цѣнъ на всѣ сельскохозяйственные продукты и тѣмъ подорвало земледѣліе; мѣры либеральнаго правительства и еще болѣе боязнь передъ революціонными земельными реформами лишаютъ земледѣльца увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и не позволяютъ ему вкладывать въ дѣло большой капиталъ. «За послѣднія 80 лѣтъ, твердятъ консерваторы, сельское хозяйство различнымъ образомъ приносилось въ жертву торговлѣ. Теперь, повидимому, предполагается закончить дѣло принесеніемъ лэндлордовъ въ жертву на алтарь торговли» [1]).

Необходимость поднятія сельскаго хозяйства мотивируется съ одной стороны интересами государственной обороны, съ другой—заботами о народномъ здравіи. Во время войны Англія можетъ быть отрѣзана отъ другихъ странъ и остаться безъ пищевыхъ продуктовъ. Угрожающій ростъ городского населенія отражается на здоровьѣ націи. Занятіе землей несетъ ему здоровье. «Если здоровье націи зависитъ лишь отъ дыма городскихъ трубъ и грохота фабрикъ, оно стоитъ на искусственномъ фундаментѣ, который можетъ рухнуть отъ малѣйшаго толчка. Атмосфера, окружающая обстановка и весь складъ городской жизни и городской работы деморализуютъ умъ и ослабляютъ тѣло людей, занятыхъ въ индустріи» [2]).

Итакъ, поднятіе сельскаго хозяйства—вотъ задача программы. Дѣлая такое заявленіе, уніонисты совершенно правильно учитываютъ положеніе. Только подъ флагомъ защиты интересовъ земледѣлія и можетъ вестись болѣе или менѣе успѣшная борьба противъ политики, направленной къ ограниченію лэндлордизма. Христофоръ Тернеръ еще нѣсколько лѣтъ назадъ намѣчалъ эту тактику, какъ единственную и неизбѣжную. «Если землевладѣльцы хотятъ удержаться, какъ классъ, писалъ онъ,—у нихъ только одинъ выходъ—отожествить свои интересы съ интересами сельскаго хозяйства. Тогда у соціалистовъ и у крайнихъ радикаловъ не будетъ основаній утверждать, что зе-

---

[1]) Редакціонная статья въ Quarterly Review, октябрь 1913, стр. 594.

[2]) B. Tollemache. The occupying ownership of land. L. 1913, стр. 4. „A unionist agricultural policy“ by a „group of unionists“. L. 1913, стр. 5, 7—8.

мельные собственники преслѣдуютъ лишь свою эгоистическую политику» [1]).

Тернеръ шелъ еще дальше и предлагалъ лэндлордамъ «не только содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства, но и руководить всѣмъ движеніемъ, направленнымъ къ земельной реформѣ». Онъ писалъ эти строки, когда ни у либераловъ, ни у консерваторовъ не было никакой оффиціальной аграрной программы. Но совѣтъ не былъ услышанъ, и сейчасъ либералы стали во главѣ реформаціоннаго движенія, а консерваторы поспѣшно создаютъ свои земельныя требованія. Есть рядъ оффиціозныхъ заявленій лидеровъ тори, напечатаны брошюры и книги, но вопросъ все же еще въ первоначальной стадіи. Намѣчены лишь кое-какіе пункты, да и по нимъ еще нѣтъ полнаго согласія [2]). Но основной пунктъ сталъ теперь болѣе или менѣе общепринятымъ. Лордъ Лэндсдоунъ формулировалъ его такъ: «ключъ уніонистской политики состоитъ въ томъ, чтобы увеличить число лицъ, заинтересованныхъ въ землѣ, какъ *собственники*». Вмѣсто фермерства, надо создать крестьянство—такова модная теорія тори.

Съ 70-тыхъ годовъ этотъ взглядъ безуспѣшно защищалъ извѣстный Джесси Коллингсъ, но онъ до самаго послѣдняго времени былъ своего рода «отщепенцемъ» въ уніонистскомъ лагерѣ. Теперь принципъ крестьянскаго владѣнія получилъ наконецъ оффиціальную санкцію лидеровъ тори. Несомнѣнно, здѣсь сыграло роль успѣшное (съ точки зрѣнія лэндлордовъ) дѣйствіе ирландскаго закона 1903 года, проведеннаго консервативнымъ кабинетомъ. Бальфуръ въ своей рѣчи осенью 1909 года прямо ссылался на этотъ опытъ Ирландіи и высказывалъ надежды на проведеніе аналогичнаго закона также для Англіи и на распространеніе крестьянскаго владѣнія по всей странѣ. «Нѣтъ ничего болѣе важнаго и болѣе жалательнаго» [3]).

---

[1]) Ch. Turner. Land problems. L. 1911, стр. 4—5.

[2]) Иллюстраціей того, какъ еще слабо разработанъ вопросъ у уніонистовъ, является такой, напримѣръ, курьезный случай. Когда я попросилъ завѣдующаго издательскимъ дѣломъ консервативной партіи (въ главномъ штабѣ тори) дать мнѣ всю партійную литературу по земельному вопросу онъ протянулъ мнѣ... брошюрку цѣной въ 2 пенса. Это было все, что у нихъ имѣлось.

[3]) F. G. Heath. British rural life and labour. L. 1911, стр. 167. Аналогичныя мысли Бальфуръ развивалъ и въ предисловіи къ брошюрѣ G. Parker'a („The land for the people"), впервые давшей очеркъ уніонистской аграрной программы. Паркеръ предлагалъ замѣну фермеровъ крестьянами и учрежденіе земельныхъ банковъ.

Бальфуръ полагалъ, что «чувство собственности» явится залогомъ успѣха мелкаго индивидуальнаго землевладѣнія, и этотъ мотивъ является до сихъ поръ перьымъ аргументомъ въ устахъ консерваторовъ. Вотъ какъ восхвалялъ это чувство лордъ Лэндсдаунъ, заложившій начало теперешней оффиціальной земельной программы тори: «Мы думаемъ, что быть собственникомъ земли полезно и для самого владѣльца. Ничто не дастъ ему большей независимости и увѣренности, ничто не возбудитъ въ немъ большаго интереса къ своей фермѣ и болѣе глубокаго чувства гражданственности, какъ именно обладаніе нѣсколькими акрами земли на правахъ полнаго собственника. Мы убѣждены, что распространеніе принципа собственности на землю полезно и для всей страны, потому что такимъ образомъ соціальная структура будетъ опираться на болѣе твердый и прочный базисъ. Наконецъ, по нашему убѣжденію, увеличеніе числа земельныхъ собственниковъ будетъ полезно и для самого земледѣлія, такъ какъ собственники будутъ старательнѣе обрабатывать землю» [1]).

Эти сжато формулированные аргументы повторяются съ нѣкоторыми варіаціями всѣми уніонистами, писавшими объ аграрной программѣ. «Только продажа фермерамъ земли въ собственность дастъ земледѣльцамъ полную увѣренность», читаемъ въ отчетѣ недавней конференціи, объединившей десять видныхъ земледѣльческихъ организацій [2]). Введеніе *крестьянства* «дастъ государству ту устойчивость, которой оно лишилось за долгіе послѣдніе годы», такъ думаетъ группа уніонистовъ, создавшая проектъ аграрной программы [3]). Когда каждый сельскій житель получитъ въ собственность клочекъ земли («хотя бы очень маленькій»), тогда въ Англіи «воздвигнется скала, о которую разобьются безумныя волны соціализма», такъ полагаетъ уніонистскій теоретикъ Хисъ [4]).

Какъ же создать эти надежные кадры мелкихъ земельныхъ собственниковъ?

Надо организовать выкупъ земель фермерами въ *единоличную* собственность (отнюдь не коллективную) при широкомъ содѣйствіи государства. Выкупъ, разумѣется, долженъ быть вполнѣ добровольнымъ. Если есть на-лицо землевладѣлецъ, желающій продать землю, и имѣется покупатель, государство должно явиться на помощь и ссудить полную сумму стоимости по са-

---

[1]) Отчетъ о рѣчи въ Times'ѣ 23 іюня 1913 г.

[2]) The land problem. Отчетъ о „land conference", L. 1914, стр. 27.

[3]) A unionist agricultural policy, стр. 31.

[4]) Fr. Heath. British rural life, стр. 180.

мымъ низкимъ процентамъ—таковъ принципъ, выставленный Лэндсдауномъ. Консерваторы энергично нападаютъ на существующій законъ, регулирующій пріобрѣтеніе мелкихъ участковъ земли и требующій внесенія при покупкѣ одной пятой стоимости. Принципъ выдачи *полной ссуды*, погашаемой небольшими ежегодными взносами, выставлялся еще Джесси Коллингсомъ въ его биллѣ одобряется теперь всѣми уніонистами. Никакого задатка въ размѣрѣ одной пятой не нужно, ибо сама земля будетъ достаточнымъ обезпеченіемъ долга. Если фермеръ имѣетъ деньги, лучше пусть онъ вложитъ ихъ въ землю, чѣмъ выдавать ихъ государству, какъ задатокъ [1]).

«Покупайте землю»—вотъ единственный отвѣтъ уніонистовъ фермерамъ, жалующимся на высокую ренту, необезпеченность владѣнія и невыгодность дѣлать земельныя улучшенія. Въ деревнѣ лэндлорды готовы продать землю въ виду продолжающагося паденія цѣнности сельскихъ земель и, какъ показываютъ цифры, продажа сильно увеличивается за послѣдніе годы [2]).

Но совсѣмъ иное говорятъ консерваторы о городской землѣ. Въ городѣ земельная монополія продолжаетъ приносить все возрастающіе доходы. Цѣнность земли колоссально растетъ. Достаточно указать, напримѣръ, что земля въ Сити при продажѣ небольшими участками идетъ по одному милліону фунтовъ стерлинговъ за акръ и семидесяти фунт. стерлинговъ за квадратный футъ. (Daily News. 9 янв. 1914).

Недавно лордъ Бедфордъ продалъ девятнадцать акровъ въ самомъ центрѣ Лондона за три милліона фунтовъ стерлинговъ, нѣкоторыя газеты называли даже 8 милліоновъ (точная цифра хранится въ строгомъ секретѣ). Возрастающую цѣнность указываютъ также и слѣдующіе примѣры того, какъ недавно повысилась арендная плата въ городахъ: «Аргентинскій клубъ» на Пиккадилли, недавно возобновившій арендный договоръ (аренда обычно на 33 года и болѣе), платитъ 1.100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ вмѣсто прежнихъ 228 ф. ст. Одна торговая фирма на Regent's Str. платитъ 5.749 фунтовъ стерлинговъ по новому

---

[1]) Консерваторы указываютъ еще, чтобы ссуда (т. е., иначе говоря выкупной платежъ лэндлорду за землю) выдавалась въ видѣ наличныхъ денегъ, а не выкупныхъ свидѣтельствъ, совершенно правильно учитывая, что при энергичной продажѣ выкупныя свидѣтельства обезцѣнятся.

[2]) Въ 1908 году лэндлордами Англіи и Уэльса было продано 97 тысячъ акровъ, а въ 1912—192 тысячи акровъ. The Land, стр. 305. Самъ Лэндсдаунъ констатировалъ у лэндлордовъ „знаменательную тенденцію къ продажѣ земли".

договору, а прежде платила 265 ф. Одинъ частновладѣлецъ 400 фунтовъ вмѣсто 49 ф. и т. д. [1]).

Въ виду всего этого, консерваторы не проявляютъ никакого желанія примѣнять принципъ увеличенія числа мелкаго землевладѣнія и въ городахъ, хотя сюда гораздо болѣе приложима вся ихъ аргументація. Городскимъ своимъ арендаторамъ они не предлагаютъ уже «покупать землю въ собственность», а предлагаютъ иныя мѣры для обезпеченія ихъ арендныхъ правъ. Въ рѣчи уніониста Лонга (оффиціально развивавшаго партійную программу) городскимъ арендаторамъ обѣщалось: а) облегченіе продленія арендныхъ договоровъ или же вознагражденіе за потерю держанія; б) справедливое вознагражденіе за сдѣланныя арендаторами улучшенія; с) регулировка договорныхъ отношеній, охраняющая арендатора отъ тяжелыхъ и неразумныхъ договоровъ [2]).

Какъ видимъ, уніонистскій ораторъ буквально повторяетъ принципы, выставленные въ такъ называемомъ «биллѣ городскихъ арендаторовъ», одобренномъ и либеральнымъ правительствомъ. И больше того. Для проведенія этихъ принциповъ въ жизнь, Лонгъ проектируетъ созданіе особыхъ судовъ. Но въ то время, какъ Ллойдъ-Джорджъ хочетъ дать судебную власть комиссарамъ правительства, Лонгъ составляетъ судъ изъ людей «практическаго опыта» подъ предсѣдательствомъ юриста и хочетъ, чтобы это учрежденіе было совершенно «независимо отъ правительства, парламента или публики».

Только на самомъ послѣднемъ планѣ уніонистовъ появляется сельскій рабочій. Они мотивируютъ это тѣмъ, что «рабочіе находятся въ болѣе надежныхъ условіяхъ, чѣмъ какой-либо другой классъ, заинтересованный въ землѣ». «Положеніе рабочаго необыкновенно улучшилось въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ» (Лэндсдаунъ). «Послѣ 78 года землевладѣльцы потеряли много милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; фермеры не только жестоко потерпѣли, но даже были вынуждены сократить свои потребности; и только третій партнеръ—сельскій рабочій улучшилъ свое положеніе. Его трудъ оплачивается выше, чѣмъ прежде; онъ живетъ въ лучшихъ домахъ, работаетъ не дольше, чѣмъ его предшественники, и притомъ работаетъ не лучше и не усерднѣе». (Quarterly Review, октябрь 1913, стр. 589). Спеціальныхъ мѣръ къ улучшенію положенія рабочаго не нужно и потому еще, что «проблема улучшенія жизни сельскаго рабочаго авто-

[1]) English Review. № 1. 1914, стр. 262—263.

[2]) Стенографическій отчетъ о рѣчи Лонга въ Times'ѣ отъ 19 января 1914 г.

матически разрѣшается вмѣстѣ съ увеличеніемъ площади обрабатываемой земли и оживленіемъ сельскаго хозяйства» [1]).

Разъ рабочему жаловаться не на что, то объ улучшеніи его положенія говорить не приходится. Противъ минимума заработной платы у консерваторовъ имѣется много возраженій. Онъ лишитъ заработка стариковъ, подрабатывающихъ себѣ кое-что въ добавокъ къ государственной пенсіи (Лэндсдаунъ). Онъ заставитъ фермеровъ или сократить примѣненіе наемнаго труда, или нанимать рабочаго на очень короткій срокъ (отчетъ конференціи с.-х. обществъ, стр., 18—19).

Однако кое-кто въ консервативномъ лагерѣ признаетъ, что положеніе батраковъ не такъ уже блестяще. «Группа уніонистовъ» пишетъ, напримѣръ, что «во многихъ графствахъ большинство рабочихъ плохо образовано и плохо питается, и поэтому умственно и физически отстало. Въ другихъ графствахъ нѣкоторые хозяева платятъ рабочимъ плату, которая стоитъ гораздо ниже средней... Необходимо поэтому какими-либо мѣрами поднять заработную плату до достаточнаго уровня» [2]).

Тѣ консерваторы, которые признаютъ не совсѣмъ благополучнымъ положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ, предлагаютъ заботы о повышеніи заработной платы поручить особымъ комиссіонерамъ или «совѣтамъ» (Agricultural Wages Board). Комиссіонеры, которыхъ проектируетъ, напримѣръ, сельскохозяйственная конференція (см. отчетъ, стр. 33), должны быть избраны изъ числа людей, надѣленныхъ практическимъ опытомъ. Комиссіонеры, выяснивъ путемъ публичнаго опроса сторонъ, что заработная плата какого-либо района недостаточна, прибѣгаютъ къ «содѣйствію мѣстнаго общественнаго мнѣнія». А если этого оказывается недостаточно, то они сообщаютъ результаты разслѣдованій въ парламентъ, который уже дѣйствуетъ принудительно. Совершенно ясно, что этотъ институтъ будетъ имѣть весьма проблематическое значеніе. «Группа уніонистовъ» вмѣсто комиссаровъ проектируетъ «совѣтъ», состоящій изъ мѣстныхъ людей. Именно они, а не парламентъ должны устанавливать размѣръ заработной платы. Мѣстные «совѣты», дѣйствующіе почти совершенно незави-

---

[1]) B. Tollemache. The occupying ownership. стр. 17. Это же буквально повторяется въ отчетѣ конференціи сельскохозяйственныхъ обществъ (стр. 22) и въ редакціонной статьѣ Edinburgh Review, янв. 1914, стр. 253.

[2]) A unionist agricultural policy, стр. 9—10. То же повторяетъ и „конференція". „О заработкѣ сельскихъ рабочихъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Въ нѣкоторыхъ округахъ онъ стоитъ чрезвычайно низко". Отчетъ, стр. 11 33 и др.

симо отъ центральной власти, естественно будутъ находиться подъ вліяніемъ мѣстныхъ лэндлордовъ, и потому польза «совѣта» тоже весьма сомнительна.

Гораздо болѣе единодушія мы встрѣчаемъ въ вопросѣ о превращеніи сельскихъ рабочихъ въ мелкихъ землевладѣльцевъ [1]).

«Вся бѣда сельскаго рабочаго въ томъ, что онъ не имѣетъ никакой собственности. Дайте ему возможность получить какую-нибудь собственность, и онъ станетъ лучше и въ моральномъ, и въ физическомъ смыслѣ. Онъ будетъ тверже стоять на ногахъ» [2]).

А отчетъ «земельной конференціи» описываетъ положеніе безземельныхъ рабочихъ еще болѣе трогательно: «рабочіе не имѣютъ возможности попытать счастья. Ихъ существованіе становится монотоннымъ, ограниченнымъ. Надо что-нибудь сдѣлать, чтобы создать въ деревнѣ новые интересы, новыя надежды, новыя перспективы. Опытъ показываетъ, что высокая заработная плата не очень привлекаетъ рабочихъ (?)» и дальше отчетъ опять повторяетъ о необходимости дать рабочимъ землю [3]).

Подходя къ рѣшенію жилищнаго вопроса въ деревнѣ, уніонисты говорятъ о необходимости при коттэджахъ имѣть хоть небольшой («хоть въ четверть акра») клочекъ земли. Въ этомъ пунктѣ царитъ почти полное согласіе съ либералами. Но иначе рѣшается ими вопросъ о самомъ сооруженіи коттэджей.

Государство не должно строить коттэджи, говорятъ они: опытъ доказываетъ, что государственныя постройки обходятся дороже частныхъ. Пусть лучше государство поощритъ выдачей ссудъ частное строительство и строительство разныхъ обществъ и учрежденій [4]).

Совершенно ясно, что это субсидированіе частныхъ строителей можетъ быть весьма небезвыгодно лэндлордамъ и, если оно отчасти даже облегчитъ жилищную нужду, то, во всякомъ случаѣ, не ослабитъ зависимости рабочихъ отъ фермеровъ и землевладѣльцевъ. Принципъ «tied cottage» консерваторы хотятъ

---

[1]) См. оффиціозное уніонистское изданіе: Points on the land question, стр. 4.

[2]) Quarterly Rewiew, октябрь 1913, стр. 612.

[3]) Отчетъ, стр. 33. Здѣсь конференція, не указывая источника, буквально цитируетъ Quarterly Review. То же превращеніе рабочихъ въ крестьянъ защищаетъ и „группа уніонистовъ". (См. стр. 13—14 ихъ брошюры). См. также R. Prothero English farming. L.19 12, стр. 416.

[4]) Рѣчь Лэндсдауна; программа „группы уніонистовъ", стр. 15.

оставить нерушимымъ. «Я не думаю, что мы можемъ разстаться съ системой «tied houses», сказалъ Лэндсдаунъ: «я не сомнѣваюсь, что благоразумный фермеръ не согласится арендовать ферму, если на ней нѣтъ достаточнаго числа домовъ для рабочихъ рукъ, необходимыхъ фермеру для обработки земли».

Консерваторы говорятъ также о необходимости распространенія коопераціи, объ удешевленіи транспорта, о приданіи сельскому образованію болѣе «практическаго» характера и т. д.

Программа уніонистовъ, какъ мы видимъ, съ одной стороны, отвергаетъ всѣ виды государственнаго контроля надъ аграрными отношеніями, всюду выставляя принципъ добровольнаго согласія, съ другой—ставитъ во главу угла вопросъ о выкупѣ земли въ личную собственность. По плану консерваторовъ, крупный землевладѣлецъ не только сохраняетъ свое привилегированное положеніе на мѣстахъ, но еще пріобрѣтаетъ право получить выкупъ отъ государства при продажѣ своей земли мелкими кусками и ссуды при желаніи заняться домостроительствомъ.

Земля падаетъ въ цѣнѣ, поэтому выгодно продать ее, а вырученный капиталъ вложить, напр., въ биржевыя спекуляціи. Оффиціальные отчеты о мобилизаціи земли въ Ирландіи даютъ блестящую иллюстрацію того, что сулитъ выкупная реформа въ Англіи. Какъ извѣстно, ирландскіе лэндлорды сверхъ стоимости земли получаютъ еще 12% бонуса, да въ добавокъ цѣны на землю послѣ закона 1903 года были вздуты. Что же получилось? «Въ теченіе пяти лѣтъ до введенія закона 1903 года средняя цѣна за акръ, платившаяся при непосредственной продажѣ земли лэндлордами арендаторамъ, была 8 фунтовъ 9 шиллинговъ; послѣ же проведенія закона цѣна за акръ достигла 13 фунт. 4 шил., а съ бонусомъ 18 фунт. Лэндлорды стали получать за свою землю болѣе, чѣмъ прежде, на 68,5% [1]).

Осуществленіе проекта консерваторовъ поведетъ лишь къ новому обогащенію лэндлордовъ за счетъ населенія, и консервативная программа имѣетъ явной цѣлью не только сохранить власть въ рукахъ землевладѣльцевъ, но еще увеличить ее путемъ государственныхъ субсидій.

6.

«Рабочая партія» выставила принципомъ земельной реформы установленіе *общественной собственности* на землю. По ея про-

[1]) Цитирую оффиціальный „Report of the estates commissioners" за 1906 г. (cd. 3148), стр. XIV.

екту центральной власти и мѣстнымъ самоуправленіямъ должно быть предоставлено право принудительнаго выкупа земель по цѣнѣ, установленной происходящей сейчасъ оцѣнкой, съ тѣмъ, чтобы мало-по-малу земля превратилась въ національную собственность, а всѣ фермеры—въ арендаторовъ государства [1]). Но рабочая партія, очевидно, считаетъ, въ настоящее время, свой принципъ скорѣе теоретическимъ положеніемъ, осуществимымъ лишь въ будущемъ. По крайней мѣрѣ, перейдя къ очереднымъ земельнымъ мѣропріятіямъ и своей аграрной программѣ-минимумъ, партія не упоминаетъ о націонализаціи земли и повторяетъ Ллойдъ-Джорджовскую программу, лишь немного детализируя ее.

Для сельскихъ рабочихъ партія предлагаетъ установленіе минимума заработной платы [размѣръ котораго опредѣляютъ особые «совѣты» (County Board)] и ограниченіе рабочаго дня (9 часовъ и полдня въ субботу). Для фермеровъ—введеніе «земельныхъ судовъ» (въ родѣ шотландскихъ), которые бы устанавливали арендную плату, вознагражденіе за улучшенія и т. д., а также организацію земельнаго кредита, развитіе коопераціи и т. д. Наконецъ, программа предлагаетъ, чтобы государство и мѣстныя самоуправленія озаботились постройкой коттэджей, *снабженныхъ участками земли*, и рекомендуетъ облегчить покупку мелкихъ земельныхъ участковъ [2]).

Такимъ образомъ, «рабочая партія» почти не выставила собственной программы. Въ этомъ случаѣ еще разъ обнаружилась несамостоятельность позиціи партіи и ея полнѣйшая зависимость отъ господствующей политической партіи.

Чрезвычайно близкой къ программѣ Ллойдъ-Джорджа оказались и тѣ мѣры, которыя рекомендуетъ соціалистическое «Фабіанское Общество». Послѣ рѣчей Ллойдъ-Джорджа органъ фабіанцевъ «The new Statesman» съ удовлетвореніемъ заявилъ объ этомъ совпаденіи взглядовъ (см. № отъ 25 октября 1913 года). Фабіанцы точно также выставляютъ *принципъ націонализаціи земли* путемъ постепеннаго принудительнаго выкупа ея государствомъ, но въ своей практической программѣ они остаются въ сущности на почвѣ существующихъ земельныхъ отношеній, хотя и требуютъ предоставить право мѣстнымъ самоуправленіямъ принудительно покупать землю, какую они найдутъ нужнымъ. Программа фабіанцевъ также требуетъ минимума заработной платы

---

[1]) The labour party and the agricultural problem. L. 1914, стр. 3 и 44.
[2]) Ibid., стр. 45—48 и 4—6.

въ 23 шиллинга, ограниченіе рабочаго дня (50 часовъ въ недѣлю и полдня субботы), введеніе мѣстныхъ комиссаровъ (съ той же властью, что и въ проектѣ Ллойдъ-Джорджа), постройку коттэджей государствомъ, національзацію желѣзныхъ дорогъ, устройство опытныхъ фермъ, облѣсеніе и т. д. [1]).

Нѣсколько болѣе рѣшительную позицію заняла вторая соціалистическая организація, входящая въ составъ «Рабочей Партіи»—Независимая Рабочая Партія (Independent Labour Party). Принципъ національзаціи земли давно стоялъ въ ея программѣ. Очереднымъ лозунгомъ партія выставила, во-первыхъ, борьбу со всѣми мѣрами, которыя могутъ усилить положеніе лэндлордовъ или продолжить существованіе принципа частнаго владѣнія землей (напримѣръ, путемъ созданія крестьянства). Во-вторыхъ, партія предложила конкретный путь къ національзаціи: ввести налогъ на землю и обратить всѣ поступленія съ него на выкупъ земли въ національную собственность. Въ своемъ конкретномъ проектѣ партія предлагаетъ установить налогъ въ 3 шиллинга съ каждыхъ 100 фунтовъ земельной стоимости (что даетъ около 3 милліоновъ фунтовъ въ годъ) и разсчитываетъ совершить весь выкупъ въ теченіе 99 лѣтъ [2]).

«Британская Соціалистическая Партія» («British Socialist Party») менѣе другихъ политическихъ рабочихъ организацій отозвалась на споры о земельной программѣ. У ея предшественницы (Соціалъ-Демократической Партіи) въ программѣ стояло требованіе національзаціи земли и кромѣ того устройство «муниципальныхъ фермъ» и «колоній» [3]). Британская Соціалистическая Партія хотя и продолжаетъ стоять на точкѣ зрѣнія національзаціи земли, но ближайшихъ земельныхъ требованій пока еще не установила [4]). Во всякомъ случаѣ она вполнѣ опредѣленно борется противъ созданія мелкихъ земельныхъ собственниковъ, противъ надѣленія крестьянъ землей въ личную собственность [5]).

---

[1]) H. Harben. The rural problem. L. 1913, стр. 112, 47—49. Эта книга является результатомъ работъ спеціальной комиссіи фабіанскаго общества.

[2]) См. резолюцію „Независимой Рабочей Партіи“ въ „Agenda“ конференціи „Рабочей Партіи“ въ Глазго въ 1914 г., стр. 29; „Labour Leader“ отъ 27 ноября 1913.

[3]) См. программу ея, а также L. Quelch. A socialist View of the agricultural question. L. 1908, стр. 13; H. Quelch. The S. D. Party. 1909, стр. 15.

[4]) „Мы должны возможно скорѣе формулировать принципы соціалистической земельной политики“ и „выработать опредѣленныя предложенія практическаго характера“—пишетъ, напр., L. Quelch въ „British Socialist“. № 11 за 1913 г., стр. 484.

[5]) См., напр., Justice отъ 19 февраля 1914 г.

Національзація земли въ той или иной формѣ находится въ программѣ всѣхъ англійскихъ рабочихъ партій, но въ большинствѣ случаевъ она является не очереднымъ вопросомъ, а лишь идеаломъ будущаго. Въ практической земельной политикѣ самая крупная партія—«рабочая»—стоитъ на точкѣ зрѣнія либеральной.

* * *

Земельный вопросъ только совсѣмъ недавно появился на фонѣ англійской политической жизни, какъ проблема дня, и еще много лѣтъ пройдетъ, пока въ этой сферѣ будутъ произведены болѣе или менѣе рѣшительныя реформы. Сама позиція политическихъ партій и ихъ соотношеніе можетъ скоро рѣшительнымъ образомъ видоизмѣниться; поэтому нельзя сдѣлать никакихъ предсказаній о томъ, какимъ ходомъ пойдетъ переустройство земельныхъ отношеній въ Англіи. Наблюдателю, интересующемуся политической и соціальной эволюціей страны, остается лишь намѣтить тѣ задачи, которыя выставляетъ себѣ каждая изъ борющихся партій.

В. Керженцевъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИДЕИ ОБЪЕДИНЕНІЯ ЕВРОПЫ ПОДЪ ГЕГЕМОНІЕЙ ГЕРМАНІИ.

(Историческая справка).

Недавно газеты обошло извѣстіе о томъ, какъ крупные представители германскаго политическаго міра и германской интеллигенціи,—бывшій министръ колоній Дернбургъ, профессора Оствальдъ, Лассонъ и Листъ—рисуютъ себѣ цѣли настоящей войны со стороны Германіи. И Дернбургъ, и Оствальдъ одинаково заявили о томъ, что побѣда Германіи будетъ означать частью таможенное, частью политическое объединеніе Европы подъ гегемоніей Германіи. Въ Америкѣ и въ Швеціи эти заявленія, по газетнымъ сообщеніямъ, вызвали большое возмущеніе и тягостное, неблагопріятное для Германіи, впечатлѣніе. А между тѣмъ въ заявленіяхъ Дернбурга и Оствальда не было ничего новаго и неожиданнаго. Оба они лишь открыто высказали то, что является предметомъ весьма долголѣтнихъ сознательныхъ и продуманныхъ стремленій Германіи.

Идея таможеннаго объединенія среднеевропейскихъ государствъ имѣетъ за собой почти сорокалѣтнюю исторію, если не считать неосуществившихся плановъ австрійскихъ государственныхъ дѣятелей, бар. Брука и кн. Шварценберга, изъ которыхъ первый еще въ 1851—53 годахъ выступалъ съ проектомъ таможеннаго объединенія Германіи, Сѣв. Италіи и Австріи, стремившейся тогда къ упроченію своей гегемоніи среди нѣмецкихъ государствъ [1]).

---

[1]) См. A. s. Matlekovits. Die Zollpolitik der österreich-ungarischen Monarchie von 1850 bis zur Gegenwart. Pest. 1877.—Rud. v. Delbrück. Lebenserinnerungen. Leipzig. 1905, т. I, стр. 301 и слѣд.—По поводу плана бар. Брука проф. Вальтеръ Лотцъ говоритъ: „Мысль бар. Брука съ экономической точки зрѣнія настолько геніальна, что мы и сейчасъ еще не можемъ утверждать, что она устарѣла, ибо мы и теперь еще живемъ ею. Съ чисто эконо-

Въ концѣ 70-хъ годовъ идея таможеннаго объединенія Европы, которое включало бы Германію, Францію, Австро-Венгрію, Швейцарію, Голландію, Бельгію и Данію, была выдвинута почти одновременно экономистомъ Ж. Молинари и венгерскимъ депутатомъ Бауснеромъ. Бисмаркъ, которому были сдѣланы оба эти предложенія, отклонилъ ихъ. Это было какъ разъ въ періодъ перелома въ его воззрѣніяхъ на задачи торговой политики. Еще въ 1877 г., будучи убѣжденнымъ фритредеромъ, онъ, подъ вліяніемъ политическихъ соображеній, быстро перемѣнилъ свои взгляды и съ 1879 г. считалъ своей цѣлью въ области экономической политики созданіе для Германіи хозяйственной автономіи [1]).

80-ые годы прошли въ Европѣ почти цѣликомъ въ лихорадочной погонѣ за все новыми и новыми таможенными вооруженіями. Въ этой погонѣ Германія не отставала отъ другихъ государствъ и двукратными повышеніями пошлинъ—въ 1885 и 1887 г.г.—усилила свою протекціонистскую политику. Протекціонистскія стремленія достигли своего апогея, какъ извѣстно, въ Соед.-Штатахъ въ таможенномъ тарифѣ Макъ-Кинлея въ 1890 г., и тогда группой германскихъ экономистовъ была развита такъ наз. «теорія трехъ міровыхъ имперій»: Соед. Штатовъ, Великобританіи и Россіи. Территоріальныя, географическія и экономическія условія этихъ трехъ государствъ даютъ имъ возможность, по утвержденію этой теоріи, создать народнохозяйственную автаркію, т. е. превратить каждое изъ нихъ въ самодовлѣющую хозяйственную единицу. При высокомъ протекціонизмѣ и при автономной таможенной политикѣ, каждое изъ этихъ огромныхъ государствъ можетъ всецѣло располагать собственнымъ рынкомъ, удовлетворяя свою промышленность соб-

---

мической точки зрѣнія для будущаго Германіи и сосѣдней съ ней восточной имперіи было бы рѣшительнымъ благодѣяніемъ, если бы тогда была создана постоянная общая таможенная область, которая существовала бы независимо и въ качествѣ самодовлѣющей силы по отношенію къ тарифнымъ мѣропріятіямъ Сѣв. Америки и Россіи и навсегда обезпечила бы большой отечественный рынокъ сбыта для отечественнаго производства. Тѣмъ не менѣе, политическая миссія Пруссіи заставила, къ сожалѣнію, это государство воспротивиться грандіознымъ планамъ бар. Брука". Die Ideen der deutschen Handelspolitik von 1860 bis 1891. Leipzig. 1892, стр. 7.

[1]) См. E. Franke. Zollpolitische Einigungsbestrebungen in Mitteleuropa während des letzten Jahrzehntes. Schr. d. Ver. f. Soc., т. 90, 1900 г., стр. 191, 240 и 241.—W. Lotz, указ. соч., стр. 150 и слѣд.—H. v. Poschinger. Aktenstücke für die Wirtschaftspolitik des Fürsten Bismarck.—Bismarck, ст. Dietzel. Hndw. d. St. III.

ственнымъ сырьемъ, а потребности своего населенія собственными готовыми издѣліями. При такихъ условіяхъ, средней Европѣ, раздробленной на небольшія государства, отгороженныя другъ отъ друга таможенными барьерами, грозитъ опасность быть лишенными сырья, съ одной стороны, и рынка для сбыта своихъ промышленныхъ продуктовъ—съ другой стороны. Появившаяся къ концу 80-хъ годовъ, эта теорія лишь десять лѣтъ спустя сыграла свою роль въ усиленіи германскаго протекціонизма. Но при своемъ появленіи она, прежде всего, послужила поводомъ для фритредерски настроенныхъ писателей настаивать на таможенномъ объединеніи Германіи съ другими европейскими государствами. Брентано, одинъ изъ первыхъ тогда, также ссылаясь на опасность, грозящую Германіи и съ запада, и съ востока, выступилъ съ идеей таможеннаго объединенія Германіи съ Австро-Венгріей и съ христіанскими балканскими государствами [1]). Его планъ былъ поддержанъ другимъ экономистомъ, Александромъ Пеецомъ [2]). Возстановляя идею бар. Брука, Брентано видѣлъ въ этомъ планѣ лучшее средство къ смягченію надвигающагося въ Европѣ протекціонизма и, въ частности, къ ослабленію антагонизма между Германіей и Франціей, которая, по мнѣнію сторонниковъ объединенія средней Европы, должна была бы вступить въ новый таможенный союзъ. Въ этомъ Брентано сходился съ Молинари. Но въ то время, какъ и Брентано, и Молинари исходили изъ идей фритредерства,—венгерскіе аграріи и германскіе промышленники видѣли въ этомъ союзѣ новое оружіе въ таможенной борьбѣ противъ Великобританіи и Россіи. На организованномъ венгерцами въ Будапештѣ собраніи неоффиціальныхъ представителей Германіи, Австро-Венгріи и другихъ государствъ это было выражено вполнѣ открыто. Было указано на то, что опасность для германскаго сельскаго хозяйства со стороны Венгріи и балканскихъ государствъ, въ случаѣ осуществленія такого союза, гораздо меньше той опасности, какую заключаетъ въ себѣ агитація противъ хлѣбныхъ пошлинъ со стороны экспортной индустріи. Особенно же заманчивымъ признавалось обезпеченіе германской промышленности сбытомъ въ средней Европѣ путемъ новой таможенной политики.

Но волна націонализма, захватившая торговую политику

---

[1]) Ueber einen deutsch-österrechischen Zollverein. Budapest. 1886.—W. Lotz. указ. соч. стр. 183—184

[2]) Dr. A. Peez. Die österreichische Handelspolitik der letzten 25 Jahre. Leipzig. 1892.

европейскихъ государствъ, была слишкомъ сильна. Противоположность интересовъ между отдѣльными странами оказалась глубже, и на этотъ разъ идея союза не могла получить осуществленія въ полномъ видѣ. Но такъ какъ для протекціонистскихъ элементовъ Германіи рѣчь шла исключительно о достиженіи ихъ протекціонистскихъ стремленій, то Германіи на этотъ разъ, по примѣру Франціи 1860 г., пришлось взять на себя иниціативу хотя бы частичнаго таможеннаго объединенія средней Европы. Эта необходимость вызывалась также и тѣмъ, что, съ рѣшеніемъ Франціи въ 1892 г. перейти къ автономной таможенной политикѣ, Германія могла оказаться въ неблагопріятномъ положеніи, въ виду возможности фактическаго аннулированія § 11 франкфуртскаго договора 1871 г., въ силу котораго Германія и Франція установили между собой навсегда принципъ наиболѣе благопріятствуемой державы. Борьба съ Россіей, Соед. Штатами, Великобританіей, съ одной стороны, и съ Франціей—съ другой, заставила Германію обратить свои стремленія на созданіе таможеннаго союза со своими политическими союзниками—Австро-Венгріей и Италіей [1]).

На свиданіяхъ, сначала, между Вильгельмомъ II и Францемъ-Іосифомъ на маневрахъ въ Силезіи осенью 1890 г., затѣмъ между новымъ канцлеромъ Каприви и итальянскимъ министромъ Криспи, были рѣшены въ принципѣ торговые договоры между Германіей и Австро-Венгріей и Италіей [2]). И нѣсколько времени спустя такіе же договоры были заключены между Германіей и Бельгіей и Швейцаріей. Впослѣдствіи къ этимъ договорамъ присоединились Сербія и Румынія. Съ 1892 г. началась, дѣйствительно, эпоха объединенія средне-европейскихъ государствъ путемъ торговыхъ договоровъ. Во главѣ этого объединенія стояла Германія, которая въ Австро-Венгріи и Италіи получила источники для снабженія своего хозяйства съѣстными припасами и скотомъ, а для своихъ промышленныхъ товаровъ и

---

[1]) По выраженію статсъ-секретаря Маршалла, игравшаго крупную роль при заключеніи торговыхъ договоровъ 90-ыхъ г.г., „Германія до 1892 г. питалась плодами дерева, котораго она не сажала. Существовала поэтому опасность, что въ одну прекрасную ночь это дерево рухнетъ, и что исчезнутъ и плоды, которыми Германія безвозмездно до сихъ поръ пользовалась". См. W. Lotz. Die Handelspolitik des Deutschen Reiches unter Graf Kaprivi und Fürst Hohenlohe (1890—1900). Schr. d. Ver. f. Soc. 1901. т. 102, стр. 63.— Augier et Morvaud. La politique douanière de la France. 1911, стр. 24 и 73.— E. Levasseur. Histoire de commerce de la France, v. II. Paris. 1912, кн. VI, глава IX.

[2]) E. Franke, указ. соч., стр. 196.

капиталовъ пріобрѣла рынки во всѣхъ остальныхъ странахъ, связанныхъ съ нею договорами.

Система среднеевропейскихъ торговыхъ договоровъ была, конечно, весьма далека отъ таможеннаго объединенія Европы, какъ совершенно справедливо подчеркнулъ это въ свое время Зомбартъ [1]). Среднеевропейскій таможенный союзъ долженъ былъ уничтожить таможенные барьеры между отдѣльными, входящими въ него государствами, и, создавъ свободный товарообмѣнъ и свободный транспортъ внутри союза, отгородиться еще болѣе высокой таможенной стѣной отъ тѣхъ странъ, противъ которыхъ онъ долженъ былъ бы быть направленъ. Система торговыхъ договоровъ, въ сущности, сохраняла таможенную автономію каждой страны и только смягчала прежнюю борьбу между государствами путемъ односторонняго установленія таможенной и торговой политики.

Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что въ основѣ политики Германіи, энергично взявшей на себя иниціативу въ дѣлѣ заключенія цѣлаго ряда торговыхъ договоровъ, лежало все то же стремленіе къ созданію для себя гегемоніи въ Европѣ путемъ таможеннаго объединенія небольшихъ государствъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты. Въ періодъ веденія переговоровъ въ Германіи появилась брошюра, подъ заглавіемъ «Будущее европейскихъ народовъ». Анонимный авторъ, принадлежавшій къ оффиціальнымъ кругамъ, горячо и убѣжденно, на основаніи обширнаго историческаго и экономическаго матерьяла, доказывалъ, что, въ виду существующей для Средней Европы опасности со стороны новыхъ огромныхъ государствъ, прежняя система таможенныхъ войнъ ведетъ къ взаимному ослабленію среднеевропейскихъ государствъ и должна смѣниться соглашеніемъ и единствомъ [2]).

Другой, и гораздо болѣе важный, историческій фактъ представляетъ собой рѣчь канцлера Каприви, произнесенная имъ въ рейхстагѣ въ декабрѣ 1891 г. при обсужденіи законопроектовъ торговыхъ договоровъ. По мнѣнію Каприви, наша эпоха является эпохой созданія большихъ государствъ, стремящихся отгородить себя всякаго рода барьерами отъ другихъ государствъ. Арена міровой исторіи совершенно измѣнилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и всѣ прежнія пропорціи: государ-

---

1) Sombart. Die neuen Handelsverträge, insbes. Deutschlands. „Schmoller's Jahrbücher". 1892

2) E. Franke, указ. соч., стр. 198.

ство, игравшее раньше извѣстную роль въ исторіи въ качествѣ великой державы, можетъ, съ точки зрѣнія своихъ матеріальныхъ силъ, оказаться въ недалекомъ будущемъ въ числѣ мелкихъ государствъ. Если европейскія государства хотятъ сохранить свое міровое положеніе, они непремѣнно должны, поскольку это соотвѣтствуетъ условіямъ ихъ жизни, тѣсно объединиться другъ съ другомъ [1]).

Эти идеи нашли сочувственный откликъ и въ самомъ рейхстагѣ. Представители аграріевъ, признавая, что канцлеръ неопровержимо доказалъ полезность и необходимость средне-европейской таможенной коалиціи, въ особенности противъ запретительной системы обоихъ сосѣдей съ запада и съ востока, заявили, что жертва, приносимая пониженіемъ хлѣбныхъ пошлинъ, должна привести къ экономическому и политическому усиленію средней Европы. Представитель имперской партіи призналъ государственныхъ дѣятелей, заключившихъ торговые договоры, достойными почетнаго памятника въ исторіи за то, что къ германскимъ 47 милл. они присоединили еще новыхъ 75 милл. потребителей. Націоналъ-либеральный депутатъ заявилъ, что Германія должна выполнить теперь въ дѣлѣ объединенія Европы ту же роль, какую Пруссія сыграла въ объединеніи Германіи. Представитель свободомыслящихъ призналъ, что «торгово-политическій союзъ, создаваемый новыми торговыми договорами, основанъ на признаніи хозяйственной солидарности между всѣми народами Европы». Соціалъ-демократія устами Зингера признала въ новыхъ договорахъ робкій и отдаленный шагъ къ «конституированію Соединенныхъ Штатовъ Европы» въ будущемъ. Въ правительственной докладной запискѣ торговые договоры были названы «реорганизаціей европейской таможенной системы въ смыслѣ международнаго соглашенія» [2]). Шмоллеръ привѣтствовалъ систему торговыхъ договоровъ, какъ первый шагъ къ созданію «хозяйственнаго товарищества» между европейскими государствами [3]).

Такимъ образомъ, каждая группа разсматривала новые договоры съ точки зрѣнія своихъ завѣтныхъ желаній, но въ основѣ своей системы торговыхъ договоровъ лежали по существу опредѣленныя протекціонистскія стремленія. Промышленный классъ въ Германіи нуждался въ рынкахъ,

---

1) E. Franke, 199.—W. Lotz. Die Handelspolitik des Deutschen Reiches и т. д., стр. 85—89.

2) E. Franke, указ. соч., тамъ же.—W. Lotz, тамъ же, стр. 89—101.

3) Schmoller, Einige Worte zum Antrag Kanitz. „Schmoller's Jahrbücher“ 1895. 2.

аграріи Австро-Венгріи стремились закрѣпить за собой спеціально германскій рынокъ. И именно потому, что система торговыхъ договоровъ была весьма далека отъ дѣйствительнаго объединенія средней Европы, именно потому, что, несмотря на всѣ заявленія о соглашеніи и объединеніи, она должна была имѣть боевой характеръ, направленный противъ цѣлаго ряда другихъ странъ, надежды сторонниковъ таможеннаго объединенія—искреннія и неискреннія—должны были потерпѣть крушеніе въ самомъ недалекомъ будущемъ. Процессъ развитія мірового хозяйства оказался гораздо сильнѣе узкихъ протекціонистскихъ стремленій. Создавая солидарность между отдѣльными народнохозяйственными единицами, это развитіе мірового хозяйства вело къ хозяйственному объединенію различныхъ странъ, но совсѣмъ не для закрѣпленія антагонизма между отдѣльными объединенными группами. Замѣчательно, что таможенное объединеніе Европы въ томъ видѣ, какъ это представляли себѣ Германія и Австрія, не осуществилось не вслѣдствіе непримиримой противоположности интересовъ между различными странами, а какъ разъ потому, что развитіе мірового хозяйства создало между всѣми странами настолько тѣсное экономическое взаимодѣйствіе, что планъ раздѣленія народныхъ хозяйствъ на дружескія и враждебныя долженъ былъ потерпѣть крушеніе. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить торгово-политическія отношенія между Германіей и Австріей, съ одной стороны, и Россіей—съ другой.

Система торговыхъ договоровъ, проводимая Германіей, должна была послужить для нея оружіемъ противъ протекціонистской политики Россіи. Попытки со стороны Германіи въ 1885—1890 г.г. бороться противъ русскихъ высокихъ пошлинъ путемъ сильнаго повышенія пошлинъ на хлѣбъ, лѣсъ и скотъ, оказались безуспѣшными. Понизивъ, затѣмъ, въ торговыхъ договорахъ свои хлѣбныя пошлины, Германія сохранила для Россіи прежнія ихъ ставки. Россія примѣнила тогда по отношенію къ Германіи свой максимальный тарифъ, въ отвѣтъ на что со стороны Германіи послѣдовала надбавка къ пошлинамъ въ 50%. Послѣдовала таможенная война, продолжавшаяся съ августа 1893 до марта 1894 г., въ результатѣ которой обѣ стороны сознали необходимость придти къ взаимному соглашенію. Каковы бы ни были уступки, совершенныя Россіей, но онѣ въ болѣе, чѣмъ достаточной мѣрѣ, уравновѣшивались компенсаціями, полученными отъ заключенія торговаго договора съ Германіей. Главная цѣль системы торговыхъ договоровъ, осуществленной было Герма-

ніей въ союзѣ съ Австро-Венгріей, оказалась недостигнутой: для Россіи въ договорѣ съ Германіей былъ установленъ тотъ же принципъ наибольшаго благопріятствованія, который былъ введенъ и для Австро-Венгріи, Румыніи и всѣхъ прочихъ государствъ. Послѣдствіемъ явилось то, что русскій хлѣбъ совершенно вытѣснилъ австрійскій и венгерскій изъ германскаго рынка. Такимъ образомъ, задуманный планъ огражденія Германіи и Австро-Венгріи на европейскихъ рынкахъ отъ конкурренціи со стороны Россіи не удался [1]).

Кромѣ присоединенія Россіи къ системѣ торговыхъ договоровъ, были и другія причины, помѣшавшія таможенному объединенію средней Европы ради достиженія протекціонистскихъ цѣлей.

Причины эти лежали въ экономической политикѣ самой Германіи. Германская имперія достигла къ срединѣ 90-хъ годовъ огромнаго хозяйственнаго расцвѣта. Вывозъ товаровъ и капиталовъ принялъ широкіе размѣры. Вниманіе Германіи стало обращаться уже не только, или, вѣрнѣе, не столько на торговыя отношенія съ европейскими странами, сколько на конкурренцію на всемъ міровомъ рынкѣ. Въ своей рѣчи по случаю 25-лѣтняго юбилея Германской имперіи въ 1896 г. Вильгельмъ II указалъ на эти задачи германской торговой политики: «Германская имперія сдѣлалась міровой державой. Тысячи нѣмцевъ живутъ во всѣхъ частяхъ земного шара, германскіе товары, германское знаніе, германское трудолюбіе перешли за океанъ». Отсюда и «главная обязанность тѣсно связать болѣе широкую Германскую имперію съ главной метрополіей».

Міровая политика, имперіалистическія стремленія получили теперь преобладающее значеніе, и идея таможеннаго объединенія средней Европы подъ экономической гегемоніей Германіи немного померкла передъ болѣе широкими задачами [2]). Выступленіе Германіи на путь широкой міровой политики совпало, однако, съ усиленіемъ протекціонизма въ Соед. Штатахъ.

Въ 1897 году прошелъ знаменитый тарифъ Динглея, и среднеевропейскія государства пришли въ большое волненіе, когда Соед. Штаты по своему истолковали принципъ наибольшаго благопріятствованія. Система торговыхъ договоровъ, про-

---

1) См. Karl Ballod. Die deutsch-russischen Handelsbeziehungen. Schr. d. Ver. f. Soc., т. 90, стр. 276 и слѣд.

2) E. Franke, указ. соч., стр. 207 и слѣд.

веденная Германіей, несмотря на всѣ протекціонистскія тенденціи, которыя лежали въ ея основаніи, покоилась все-таки на принципѣ наиболѣе благопріятствуемой державы. Принципъ этотъ толковался всѣми такъ же, какъ онъ былъ положенъ въ основу франкфуртскаго договора между Германіей и Франціей. Уступки, которыя были сдѣланы другъ другу странами, заключившими между собой торговые договоры, распространялись на основаніи этого начала и на Великобританію, Францію и американскія государства. При сохраненіи этого принципа весь германо-австрійскій планъ объединенія среднеевропейскихъ государствъ на почвѣ борьбы не только противъ Россіи и Соед. Штатовъ, но и противъ Франціи и Великобританіи оказывался фактически неосуществимымъ [1]).

Высокая протекціонистская политика Соед. Штатовъ въ концѣ 90-хъ годовъ снова пробудила къ дѣятельности сторонниковъ таможеннаго объединенія Европы подъ главенствомъ Германіи и Австро-Венгріи. И такъ какъ Германія была теперь сильно занята новыми планами міровой политики, то на этотъ разъ наиболѣе энергичная пропаганда исходила изъ австро-венгерскихъ круговъ. На международномъ земледѣльческомъ конгрессѣ въ Будапештѣ въ 1896 г. вѣнскій проф. Юрашекъ поднялъ снова вопросъ о таможенномъ объединеніи Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Швейцаріи, Даніи и Балканскихъ государствъ. Его предложеніе было горячо поддержано Матлековицемъ и Молинари; Лексисъ призналъ такой союзъ желательнымъ, но едва-ли осуществимымъ въ то время, но Шмоллеръ предложилъ направить всю агитацію въ пользу союза, съ присоединеніемъ къ нему Бельгіи и Голландіи, ко времени возобновленія въ 1902 г. существовавшихъ торговыхъ договоровъ [2]).

Австрійскіе государственные дѣятели высказались гораздо болѣе опредѣленно. Въ 1897 г. министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Голуховскій произнесъ въ комитетѣ делегацій рѣчь, которая вызвала въ свое время большую сенсацію, и въ которой было сказано: «Уничтожающая конкуррентная борьба, которую мы на каждомъ шагу должны вести отчасти теперь уже съ заокеанскими странами, отчасти — въ еще большей степени вынуждены вести въ будущемъ, требуетъ быстрой и серьезной

---

[1]) См. M. Schippel. Amerika und die Handelsvertragspolitik. 1905.—L. Glier. Die Meistbegünstigungsklausel. 1905. — Sartorius v. Waltershausen. Deutschland und die Handelspolitik der Vereinigten Staaten von Amerika. 1898.

[2]) E. Franke, указ. соч., стр. 220.

обороны, если европейскіе народы не хотятъ нанести существенный ущербъ своимъ самымъ жизненнымъ интересамъ и если они не хотятъ придти въ состояніе упадка, которое постепенно приведетъ ихъ къ гибели. Плечо къ плечу мы должны сообща бороться противъ общей опасности и должны вооружиться для этой борьбы всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи вспомогательными средствами. Велика и тяжела эта задача, но, если насъ не обманываютъ всѣ признаки, она должна явиться характерной чертой ближайшей эпохи. Подобно тому, какъ 16-й и 17-й вѣка были наполнены религіозными войнами, въ 18-мъ вѣкѣ получили торжество либеральныя идеи, а настоящее время характеризуется возникновеніемъ національнаго вопроса,— 20-й вѣкъ долженъ явиться для Европы эпохой борьбы за существованіе въ области торговой политики. Но европейскіе народы должны объединиться для того, чтобы имѣть возможность успѣшно дѣйствовать въ защитѣ условій своего существованія» [1]).

Наибольшее сочувствіе эти слова вызвали въ Австріи. То, что министръ выразилъ въ общей формѣ, было переведено однимъ изъ австрійскихъ писателей на языкъ конкретныхъ желаній: «Наша вывозная индустрія самымъ существеннымъ образомъ задѣта американской таможенной политикой. Вывозъ шерстяныхъ, стеклянныхъ товаровъ, перчатокъ и фарфора сильно пострадалъ .. Не меньше это коснулось и вывоза сахара... Не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы нашему государству предложили общія вмѣстѣ съ другими средне-европейскими государствами дѣйствія противъ Америки, оно приметъ это предложеніе въ интересахъ самосохраненія» [2]). И промышленники, и аграріи въ Австро-Венгріи одинаково оказались горячими сторонниками таможеннаго объединенія средней Европы.

Удачное заключеніе Германіей торговыхъ договоровъ со средне-европейскими государствами было, на время заслонило, болѣе широкій планъ таможеннаго объединенія средней Европы. Но по мѣрѣ приближенія срока этимъ договорамъ, знаменитаго «кометнаго года», въ Германіи усиливаются протекціонистскія

---

1) Цит. у Шиппеля, указ. соч., стр. 19.

2) A. Raunig. Der Zolltarif und die Reziprozitätsverträge der Ver. St. von Amerika. Wien. 1901.—На необходимость общности дѣйствій Германіи и Австро-Венгріи указывалъ и проф. Филлиповичъ. „Die österreich-ungarische Handelspolitik und die Interessen Oesterreichs". Zeitschr. f. Volkswirtschaft. Wien. 1902, стр. 491.

стремленія тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые считали недостаточной созданную договорами таможенную охрану сельскаго хозяйства и которые въ болѣе тѣсномъ таможенномъ объединеніи съ цѣлымъ рядомъ другихъ государствъ видѣли болѣе дѣйствительное средство обезпечить сельское хозяйство и крупную индустрію вѣрнымъ рынкомъ сбыта. Возникаетъ пріобрѣтающая сразу большую популярность проблема: аграрное или индустріальное государство, и въ связи съ этимъ особенно настойчиво пропагандируются преимущества крупныхъ хозяйственныхъ территорій. За крупными государствами признается превосходство и въ популяціонистскомъ отношеніи, и въ области государственнаго хозяйства, и для земледѣлія, и для промышленности обрабатывающей, для торговли, для транспорта, словомъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія народнохозяйственной жизни [1]). Но горячее обсужденіе преимуществъ крупныхъ государствъ не ограничивается однимъ только теоретическимъ характеромъ. Если крупныя государства составляютъ такое значительное преимущество, то раздробленіе Европы на цѣлый рядъ мелкихъ государствъ объявляется большимъ зломъ въ хозяйственномъ отношеніи и, конечно, исключительно въ собственныхъ интересахъ этихъ государствъ необходимо объединеніе ихъ на федеративныхъ началахъ. То обстоятельство, что Бельгія, Голландія и Данія держатся въ сторонѣ отъ германскаго народнохозяйственнаго союза, сильно вредитъ обѣимъ сторонамъ. Такіе зачатки, въ видѣ мелкихъ государствъ, представляются хозяйственной и географической аномаліей, исчезновенію которой, когда это произойдетъ, вовсе не слѣдуетъ удивляться. Центральная Европа чрезвычайно отстала въ смыслѣ своего мірового положенія. Сѣвернымъ странамъ мало доступно Средиземное море, а южнымъ—Сѣверное и Балтійское. Таможенный союзъ между Германіей и Австріей оживилъ бы тихую гавань Тріеста и далъ бы толчекъ къ усиленію движенія по Эльбѣ и по желѣзной дорогѣ изъ Богеміи въ Гамбургъ. Крупное государство должно распоряжаться крупными рѣками цѣликомъ—и всѣмъ теченіемъ, и устьемъ. Невѣроятно, но вѣрно: Германская имперія цѣликомъ располагаетъ только одной рѣкой—Везеромъ; ибо не только

---

1) Проблема: аграрное или индустріальное государство, породила въ Германіи обширную литературу. Для взглядовъ протекціонистовъ см. Ad. Wagner. Agrar und Industriestaat. 1902.—K. Oldenberg. Deutschland als Industriestaat. 1897. Противоположная точка зрѣнія у Dietzel. Weltwirtschaft und Volkswirtschaft. 1900.

Рейнъ, Дунай и Висла, но даже Эльба и Одеръ находятся частью въ чужихъ рукахъ [1]).

Въ подкрѣпленіе этихъ разсужденій, по традиціи дѣлаются ссылки на «самаго славнаго горячаго нѣмецкаго патріота» Фридриха Листа, который писалъ въ свое время: «Если бы дѣйствительно существовалъ федеративный союзъ между націями, какъ напр. въ Соед. Штатахъ, то избытокъ населенія, талантовъ, знаній и матерьяльнаго капитала отливалъ бы изъ Англіи въ континентальныя государства, какъ это имѣетъ мѣсто между западными и восточными штатами Сѣверной Америки, предполагая, что въ континентальныхъ странахъ будутъ существовать одна и та же неприкосновенность личности и собственности, одинъ и тотъ же государственный строй и одни и тѣ же общіе законы, и что англійское правительство подчинится общей волѣ всеобщей федераціи».

При ссылкѣ на Листа мечтатели объ объединеніи средней Европы подъ гегемоніей Германіи обыкновенно упускаютъ одно весьма существенное условіе, которое Листъ считалъ необходимымъ для осуществленія будущей федераціи. «Покровительственная система,—говоритъ онъ,—поскольку она является единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы поставить въ равныя условія отсталыя страны по отношенію къ господствующимъ націямъ..... представляется важнѣйшимъ средствомъ, способствующимъ созданію окончательнаго союза между народами, слѣдовательно, и дѣйствительной свободной торговли... Идея всеобщаго союза можетъ быть реализована лишь въ томъ случаѣ, если много національностей достигнутъ по возможности одинаковой ступени промышленнаго и культурнаго развитія, политическаго воспитанія и политической власти... Лишь съ постепеннымъ образованіемъ этого союза можетъ осуществиться свободная торговля; и только при такомъ союзѣ свободная торговля можетъ обезпечить всѣмъ народамъ крупныя преимущества, которыми пользуются теперь объединенныя провинціи и государства одной и той же таможенной области» [2]).

Образованіе таможеннаго союза средне-европейскихъ госу-

---

[1]) J. Grunzel. Die handelspolitischen Beziehungen Deutschlands und Oesterreich-Ungarns. Schr. d. Ver. f. Soc., т. 93, стр. 74—83.—Аргументація въ пользу созданія крупныхъ хозяйственныхъ территорій обстоятельно изложена у Sartorius v. Waltershausen. Beiträge zur Beurteilung einer wirtschaftlichen Föderation von Mitteleuropa. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1902.

[2]) См. Friedrich List. Das nationale System der politischen Oekonomie. Изд. 5-ое, стр. 208.

дарствъ, устранивъ неравномѣрности въ движеніи населенія въ отдѣльныхъ странахъ, въ обладаніи естественными богатствами, въ снабженіи съѣстными припасами, сведя къ минимуму заокеанскую эмиграцію и сдѣлавъ возможной единую и планомѣрную эмиграціонную политику,—создало бы возможность осуществить искомый идеалъ: огромную самодовлѣющую хозяйственную единицу, т. е. осуществить хозяйственную автаркію Европы.

«... Если бы вся Европа, за исключеніемъ Россіи и Турціи, была огорожена одной таможенной линіей и такимъ образомъ существовала бы надежда на миръ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, то богатые запасы металловъ въ Испаніи оказались бы вполнѣ доступными, стаціонарное состояніе населенія Франціи исчезло бы, благодаря притоку туда населенія, восточныя придунайскія страны сдѣлались бы житницей Европы... и заокеанская эмиграція по временамъ была бы ведена до минимума» [1]).

Но какъ ни заманчиво осуществленіе подобнаго плана, германскіе экономисты и политики, за политической невыполнимостью его въ то время, ограничили свои стремленія болѣе скромными планами, не менѣе, однако, насущными для интересовъ Германіи.

Въ концѣ 90-хъ годовъ, въ одномъ изъ голландскихъ органовъ печати, «Haagsche Courânt», появляется инспирированная, какъ потомъ было установлено соціалдемократической прессой, вліятельными германскими кругами, статья, обсуждающая вопросъ о вступленіи Голландіи въ германскій таможенный союзъ. Статья производитъ небывалую сенсацію. Газета «Avendpost» устраиваетъ анкету среди представителей торгово промышленнаго класса и государственныхъ дѣятелей. Большинство отвѣтовъ носитъ отрицательный характеръ. Тѣ же, кто высказывается въ положительномъ смыслѣ, аргументируютъ свое мнѣніе доводами германскихъ экономистовъ. По мнѣнію этихъ послѣднихъ, развитіе трехъ большихъ государствъ—Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ и Россіи, обнаруживаетъ непрерывный и интенсивный ростъ ихъ хозяйственныхъ территорій. Въ настоящее время внѣшняя политика европейскихъ народовъ направлена не на измѣненіе границъ въ предѣлахъ самой Европы, но на возможное раздѣленіе заокеанскихъ странъ. Существованію малыхъ государствъ въ Европѣ, правда, не грозитъ опасность, но ихъ колоніальныя владѣнія могутъ послужить поводомъ къ тому, чтобы зажечь

---

[1]) Sartorius v. Waltershausen, указ. соч. „Zeitschr. f. Sozialw.", стр. 703.

факелъ войны. Для Голландіи сохраненіе ея колоніальныхъ владѣній возможно лишь въ случаѣ политическаго присоединенія ея къ какой-нибудь крупной европейской державѣ. А такой можетъ быть только Германія. За это говорятъ, во-первыхъ, племенная связь и общіе корни языка въ обѣихъ странахъ, во-вторыхъ, тѣсное сосѣдство и, въ третьихъ, общность хозяйственныхъ интересовъ въ области судоходства по Рейну и морской торговли [1]).

По мнѣнію нѣмецкихъ писателей, объединеніе Голландіи съ Германіей принесло бы Голландіи слѣдующія выгоды: 1) въ интересахъ сельскаго хозяйства, существующія въ Германіи запрещенія ввоза скота отпадутъ на голландско-германской границѣ; 2) безработные найдутъ работу, отчасти благодаря новому подъему голландской индустріи, отчасти въ германской промышленности; 3) независимость Голландіи отъ англійскаго морского кабеля, но для этого Турція должна предоставить Германіи линію черезъ Малую Азію къ Персидскому заливу, которая должна быть соединена кабелемъ съ Суматрой; 4) защита интересовъ Голландіи при посредствѣ германскихъ консуловъ; 5) пользованіе германскими учебными заведеніями, въ особенности техническими училищами; 6) введеніе раціональнаго соціальнаго законодательства; 7) присоединеніе къ германской денежной системѣ; 8) общая желѣзнодорожная тарифная политика; 9) почтовый союзъ [2]).

Несмотря на всѣ эти выгодныя для Голландіи послѣдствія отъ ея союза съ Германіей, немногочисленные голоса, высказывавшіеся въ пользу такого объединенія, натолкнулись на почти единодушный протестъ общественнаго мнѣнія и государственныхъ дѣятелей Голландіи. Союзъ съ Германіей означалъ бы потерю не только экономической, но и политической самостоятельности страны. Могучее военное государство, выскочка среди другихъ европейскихъ державъ, достигающее успѣховъ въ политикѣ, лишь опираясь на силу своихъ пушекъ и батальоновъ— такой представлялась Германія голландскимъ патріотамъ. Союзъ съ ней прежде всего вызвалъ бы повышеніе налоговъ, которое

---

[1]) См. E. Franke, указ. соч., стр. 232—240.—Аргументація въ пользу голландско-германскаго таможеннаго союза съ точекъ зрѣнія и Голландіи, и Германіи почти съ исчерпывающей полнотой представлена въ статьѣ Sartorius v. Waltershausen. Ein deutsch-niederländischer Zollverein. Zeitschr. f. Sozialwissenschaft. 1900, стр. 494.

[2]) Планъ, предложенный газетой „Münchner Neueste Nachrichten". 1900. 28, 29 марта.

шло бы на усиленіе германскаго милитаризма, и «слѣпая тевтонская страсть къ завоеваніямъ» втянула бы и мирныхъ голландскихъ гражданъ въ многочисленныя войны. Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей и статей обсужденіе вопроса въ самой Голландіи быстро затихло и перестало интересовать голландское общественное мнѣніе.

Но въ Германіи вопросъ о включеніи Голландіи въ германскій таможенный союзъ послужилъ предметомъ всесторонняго обсужденія, въ процессѣ котораго ярко обрисовались сокровенныя стремленія германскихъ дѣятелей міровой политики.

Красной нитью во всѣхъ разсужденіяхъ въ Германіи проходитъ одно основное соображеніе: Голландія владѣетъ устьемъ Рейна, гдѣ морское и рѣчное сообщенія смѣняютъ другъ друга. Эта связь между Рейномъ и моремъ есть мостъ между Германіей и Англіей, это—ворота, ведущія въ Западную Европу. И опять на помощь призывается Фр. Листъ, который бросилъ крылатый афоризмъ: «Германія безъ Голландіи похожа на домъ, двери котораго принадлежатъ чужому» [1])

Присоединеніе Голландіи означало бы расширеніе хозяйственной территоріи Германіи въ Европѣ на 34.186 кв. клм., увеличеніе потребителей германскихъ товаровъ на 5,8 мил. человѣкъ. А, принимая во вниманіе и колоніи Голландіи, хозяйственная территорія Германіи увеличилась бы болѣе, чѣмъ на 2 милл. кв. клм., а число потребителей—на 38 милл. человѣкъ. Въ таможенномъ союзѣ были бы отмѣнены 5% пошлины по цѣнности на промышленные продукты, и германскимъ фабрикантамъ былъ бы сильно облегченъ сбытъ ихъ товаровъ. Англійскіе, бельгійскіе и французскіе конкурренты на голландскомъ рынкѣ были бы почти совершенно устранены, тѣмъ болѣе, что и въ настоящее время германскій ввозъ значительно превышаетъ ввозъ изъ другихъ сосѣднихъ странъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ [2]):

Ввозъ въ Голландію ежегодно въ среднемъ (въ милл. гульд.) изъ

ГОДЫ.	Англіи.	Бельгіи.	Франціи.	Германіи.
1898—1902	263,9	216,3	22,1	360,3
1903—1907	281,2	257,9	28,6	604,4
1908—1912	322,2	305,7	34,2	845,2

---

[1]) Sartorius v. Waltershausen, указ. статья, стр. 500 и 505.

[2]) См. Statistical Abstract for the principal and other foreign countries. 1898—1908/09 и 1901—1912. Данныя вычислены мною.

Увеличеніе хозяйственной территоріи устранило бы для отечественныхъ производителей опасенія за колебанія въ торговой политикѣ. Картели получили бы большое поле для своего развитія, и приспособленіе къ конъюнктурѣ мірового рынка для нихъ стало бы легче. Такъ какъ, далѣе, голландскія колоніи являются придаткомъ метрополіи, то и въ нихъ слѣдовало бы ожидать развитія производительныхъ силъ Германіи. Предприниматели и техники найдутъ въ нихъ занятія, будутъ пріобрѣтены новые участки земли, капиталъ долженъ будетъ отлить туда. Увеличатся сношенія между Гамбургомъ и Бременомъ и Индіей, усилятся движеніе германскихъ судовъ и передвиженія германскихъ купцовъ. Для вытѣсненія Англіи колоніи должны будутъ принять соотвѣтствующія мѣры торговой политики. Присоединеніе Голландіи означало бы также и частичное выполненіе той программы, которая всегда намѣчалась для германскаго сельскаго хозяйства въ борьбѣ съ хлѣбной конкурренціей заокеанскихъ странъ. Позиція Германіи въ отношеніи Соед. Штатовъ была бы сильно укрѣплена. Защита, которую Германія оказывала бы Голландіи, обязывала бы и ее, съ своей стороны, выполнить извѣстныя обязанности по отношенію къ Германіи. Это должно было бы выразиться въ предоставленіи Германіи возможности создать свои угольныя станціи въ восточной и западной Индіи и, въ случаѣ войны, пользоваться гаванями у устья Рейна, какъ своими собственными. Морское могущество Германіи, благодаря этому, было бы значительно усилено [1]).

Вполнѣ естественно, что присоединеніемъ Голландіи не могло бы ограничиться объединеніе средне-европейскихъ государствъ подъ властью Германіи. Этого и не скрывали германскіе политики. Въ новомъ союзѣ Роттердамъ долженъ былъ бы достигнуть сильнаго расцвѣта. Это нанесло бы большой ущербъ Антверпену. Стиснутая между двумя могучими государствами, Бельгія была бы вынуждена «протянуть руку новому сильному таможенному союзу», и включеніе ея явилось бы вопросомъ времени. За Бельгіей, а возможно и раньше ея, неизбѣжно должна будетъ послѣдовать и Швейцарія [2]). Въ Австро-Венгріи идея о таможенномъ объединеніи среднеевропейскихъ государствъ не менѣе сильна, чѣмъ въ Германіи. Въ Италіи существуетъ рядъ государственныхъ дѣятелей, также признающихъ необходимость въ такомъ

---

1) Sartorius v. Waltershausen, указ. статья, стр. 512.

2) E. Franke, указ. соч., стр. 239 и 240.—Sartorius v. Waltershausen стр. 518.

союзѣ [1]). Такимъ образомъ, одно только включеніе Голландіи сразу само собой осуществило бы давнюю мечту германскихъ имперіалистовъ.

Первые годы XX столѣтія прошли въ Германіи въ оживленномъ обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ этой задачи. Подготовка новыхъ торговыхъ договоровъ сложилась для Германіи благопріятно, и самая идея, оказалось, получила такое распространеніе, что для выполненія ея стало необходимымъ изъ области общихъ разсужденій перейти къ детальному систематическому углубленію вопроса. На помощь протекціонистскимъ элементамъ въ Германіи пришелъ всегда готовый къ услугамъвъ такихъ случаяхъ «извѣстный» профессоръ Юліусъ Вольфъ.

Въ 1901 году Вольфъ прочелъ въ Вѣнѣ докладъ, въ которомъ предложилъ основать такъ наз. «Средне-европейскій Экономическій Союзъ», который занялся бы подготовкой матеріаловъ, необходимыхъ для осуществленія въ будущемъ задачи объединенія Европы. Пріучивъ къ спокойному и объективному обсужденію острыхъ вопросовъ, къ которымъ сейчасъ подходятъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, въ зависимости отъ того, разсматриваютъ ли ихъ по сю, или по ту сторону границъ, «этотъ союзъ подготовилъ бы почву на случай будущихъ великихъ возможностей». Планъ Вольфа встрѣтилъ сочувствіе, и въ 1904 г. идея «Среднеевропейскаго Экономическаго Союза» получила осуществленіе. Союзъ этотъ выпустилъ рядъ трудовъ, въ кото-

---

[1]) Въ 1902 г. итальянскій экономистъ, будущій министръ, проф. Луццатти, выступилъ на страницахъ „Neue Freie Presse“ (15 ноября 1902 г.) съ предложеніемъ созыва европейской таможенной конференціи, которая положила бы начало соглашеніямъ между европейскими государствами въ области таможенной политики, но подготовила бы, главнымъ образомъ, созданіе „Лиги защиты противъ Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатовъ“ Къ предложенію Луццатти присоединился и депутатъ итальянскаго парламента Демартини, который пошелъ еще дальше и высказался за организацію европейскаго таможеннаго союза. Въ 1900 г. въ „Обществѣ австрійскихъ экономистовъ“ была предпринята анкета по вопросу о „таможенномъ и торговомъ союзѣ“ между Австріей и Германіей. Въ 1901 г. Шеффле защищаетъ идею „германо-австро-венгерскаго таможеннаго союза“. Въ 1903 г. Экснеръ предложилъ „германо-австрійскій хозяйственный или промышленный союзъ“. За годъ до этого деп. рейхстага Гатхейнъ выступилъ въ пользу „таможеннаго сближенія среднеевропейскихъ государствъ.“—См, Julius Wolf. Zollvereinigungen oder wirtschaftliche Allianzen. Zeitschr. Sozialw. 1902, стр. 895.—R. Kobatsch. Internationale Wirtschaftspolitik. Wien. 1908, стр. 356.

рыхъ всесторонне разсматривается вопросъ о необходимости и возможности хозяйственнаго объединенія средней Европы [1]).

Дѣятельность союза распространялась на Германію, Австрію, Венгрію и Бельгію. Задача его заключалась въ пропагандѣ различныхъ мѣръ и способовъ, направленныхъ къ большему хозяйственному сближенію между средне-европейскими странами. Созданіе «Экономическаго Союза» между европейскими государствами должно было послужить основаніемъ къ превращенію его въ будущемъ въ таможенное объединеніе.

На-ряду съ теоретической работой, однако, не прекратилась и работа германской дипломатіи. Свидѣтельствомъ этого могутъ служить хотя бы недавнія попытки къ соглашенію съ Голландіей относительно укрѣпленія Флиссингена и предоставленія Германіи нѣкоторыхъ правъ на пользованіе его гаванью.

Сохраненіе высокаго протекціонизма въ Германіи, усилившагося при заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ въ 1902—1905 гг. и отразившагося на протекціонистскихъ стремленіяхъ и въ другихъ странахъ, вполнѣ естественно, не могло способствовать осуществленію германскаго плана таможеннаго объединенія средней Европы. Сознаніе этого и вызвало замѣну первоначальнаго плана болѣе скромной цѣлью—болѣе тѣснаго сближенія между отдѣльными странами. Эта замѣна выразилась въ созданіи «Средне-европейскаго Экономическаго Союза» и въ его работахъ. Но такой отказъ былъ понятенъ, пока вопросъ обсуждался въ нормальныхъ условіяхъмирнаго времени, при сохраненіи независимости и цѣлости отдѣльныхъ мелкихъ государствъ.

На это указывали въ Германіи не только либеральные представители интеллигенціи, но и самые горячіе имперіалисты. Обсуждая будущее Голландіи и ея колоній, проф. Лексисъ категорически заявилъ, въ противовѣсъ господствовавшему тогда въ Германіи оживленному обсужденію возможности таможеннаго союза съ Голландіей: «Германія должна воздерживаться отъ всякой непосредственной агитаціи въ пользу союза..... Мы должны ждать, пока голландцы сами придутъ къ намъ» [2]).

Страссбургскій проф. Сарторіусъ фонъ-Вальтерсгаузенъ,

---

[1]) См. Julius Wolf. Ein Mitteleuropäischer Wirtschaftsverein. 1903.—„Veröffentlichungen des Mitteleuropäischen Wirtschaftsvereines". Heft 1. Julius Wolf. Materialien, betreffend den M. W. V. Berlin. 1904.—Heft 2. Glier. Die Meistbegünstigungsklausel. Berlin. 1905.—Julius Wolf. Die erste Konferenz der Mitteleuropäischen Wirtschaftsvereine. 1907.—Его же. Die ersten 3 Jahre des Mitteleuropäischen Wirtschaftsvereins. 1907.

[2]) E. Franke, указ. соч., стр. 238.

одинъ изъ наиболѣе горячихъ защитниковъ средне-европейскаго таможеннаго союза, успокаивая въ 1900 г. взволнованное общественное мнѣніе Голландіи, доказывалъ, что при современныхъ условіяхъ время насильственнаго расширенія хозяйственныхъ территорій миновало. «Въ прошломъ народы захватывались, какъ вещи, и, будучи побѣждены, должны были молчать. Если бы въ настоящее время Германія завоевала Бельгію и Швейцарію, то она была бы вынуждена изъ-за собственнаго государственнаго устройства пойти на такія уступки побѣжденному населенію, которыя неизбѣжно вызвали бы внутри страны сильную оппозицію, парализующую жизнь всего государства» [1]).

При такомъ настороеніи переходъ отъ непосредственнаго подготовленія практическаго осуществленія плана къ болѣе отдаленной работѣ чисто пропагандистскаго характераявлялся вполнѣ естественнымъ. Но съ выступленіемъ Германіи съ оружіемъ въ рукахъ, когда давно лелѣемая мечта оказывается «легко» осуществимой сама собой при помощи простого захвата,—отказъ отъ нея оказался уже излишнимъ, и первоначальный широкій планъ снова возрождается. И вполнѣ естественно, что отказавшіеся, было, на время отъ проведенія его, горячіе сторонники этой идеи теперь снова возобновили свою пропаганду.

Знакомство съ происхожденіемъ провозглашаемой теперь въ Германіи идеи таможеннаго объединенія среднеевропейскихъ государствъ имѣетъ не одно только историческое значеніе. Сама по себѣ идея эта не есть лишь теоретическое измышленіе экономистовъ и политиковъ. Она вытекаетъ изъ процесса развитія мірового хозяйства. Она должна была скорѣе всего возникнуть въ Германіи, гдѣ географическія и политическія условія поставили народное хозяйство въ слишкомъ тѣсныя рамки, не соотвѣтствующія той исключительной зависимости, которая создалась для германскаго народнаго хозяйства по отношенію къ міровому хозяйству. Но необходимость въ хозяйственной реорганизаціи современной Европы въ значительной степени ощущается и въ другихъ государствахъ. Современная хозяйственная жизнь переросла національныя территоріально-государственныя границы. Интернаціонализація капитала и промышленности составляетъ характерную черту современнаго эко-

---

[1]) Указ. статья въ Zeitschr. f. Sozialw. 1902, стр. 881 и слѣд.

номическаго развитія. Несомнѣнно, что въ средней Европѣ эти явленія въ области мірового хозяйства ощущаются особенно остро, и именно здѣсь имѣются наиболѣе благопріятныя объективныя экономическія, соціальныя и политическія условія для созданія европейскаго «континентализма».

Образованіе большой единой хозяйственной территоріи въ средней Европѣ, связанное съ уничтоженіемъ таможенныхъ, торгово-политическихъ и административныхъ препятствій къ свободному передвиженію и капитала, и товаровъ, и людей, вызвало бы, несомнѣнно, исключительный подъемъ производительныхъ силъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подняло бы Европу политическомъ отношеніяхъ на небывалую высоту. Но созданіе такого объединенія предполагаетъ установленіе свободнаго мирнаго сотрудничества между отдѣльными народами въ общемъ міровомъ хозяйствѣ. Между тѣмъ возвышенную идею объединенія европейскихъ народовъ Германія и Австро-Венгрія хотѣли сдѣлать лишь орудіемъ для достиженія совсѣмъ другихъ цѣлей. Сама по себѣ не только вѣрная, но и диктуемая объективнымъ ходомъ развитія мірового хозяйства, идея эта была поставлена на службу эгоистическимъ интересамъ германскаго и австро-венгерскаго промышленнаго, финансоваго и аграрнаго капитала. Для германскихъ экономистовъ и политиковъ таможенное объединеніе средней Европы мыслилось не иначе, какъ осуществленіе имперіалистическихъ стремленій Германіи, какъ условіе для гегемоніи Германіи въ Западной Европѣ. Это дѣлало весь планъ неосуществимымъ. Созданіе *континентальнаго* протекціонизма разбивалось о *національный* протекціонизмъ отдѣльныхъ странъ [1]). Но осуществленіе таможеннаго объединенія средней Европы не представляется невозможнымъ. Въ то время какъ Германія пытается разрѣшить эту проблему силой своего оружія, выступившимъ противъ Германіи и Австро-Венгріи странамъ открывается послѣ войны возможность осуществить таможенный союзъ среднеевропейскихъ государствъ на иныхъ началахъ. Экономической и политической гегемоніи Германіи не будетъ мѣста въ этомъ союзѣ. Вмѣсто протекціонистскаго характера союза, направленнаго противъ конкуррентовъ Германіи, должно наступить мирное сотрудничество въ области хозяйственной жизни отдѣльныхъ странъ, объединенныхъ на почвѣ общей торговой политики на федеративныхъ началахъ, при которыхъ будетъ сохранена полная независимость отдѣль-

---

[1]) См. R. Kobatsch, указ. соч. стр. 357.

ныхъ странъ и народовъ. Освобожденіе національностей въ Европѣ, съ которымъ тѣсно связанъ исходъ настоящей войны, уничтожитъ поводъ къ преслѣдуемой Германіей имперіалистической политикѣ, которая до сихъ поръ была направлена на подчиненіе и угнетеніе однихъ народовъ другими.

С. Загорскій.

РИЧАРДЪ ФЕРЛОНГЪ.

Темпля Сёрстона [1]).

Глава I-я.

Ричардъ Ферлонгъ, вѣроятно, знакомый вамъ если не по предшествовавшей исторіи, то хотя бы просто по имени, пустился въ свѣтъ однажды раннимъ весеннимъ утромъ.

Дикки Ферлонгъ убѣжалъ изъ дому. Ему было восемнадцать лѣтъ, въ карманѣ у него было двѣнадцать фунтовъ, и направлялся онъ въ Лондонъ учиться тайнамъ искусства. Была ли это та нить, изъ которой судьба сплететъ ткань его жизни— это покажетъ дальнѣйшее. Ибо одно рѣшеніе человѣка пойти по извѣстной дорогѣ является только слабымъ указаніемъ на достиженіе имъ конечной цѣли. Много надо ему миновать окольныхъ путей, куда манятъ его соблазны.

И оттого крѣпка и закалена должна быть душа человѣка для того, чтобы онъ могъ достигнуть конца того пути, который онъ намѣтилъ въ пору ранней юности... Все разсказанное на этихъ страницахъ имѣетъ цѣлью изобразить безчисленныя искушенія и ловушки на пути человѣка къ тому, чего жаждетъ его душа.

Вагонъ третьяго класса, куда вошелъ Дикки со своимъ небольшимъ узелкомъ, былъ почти пустъ. Это былъ первый утренній поѣздъ изъ Першора въ Лондонъ, и онъ оказался единственнымъ пассажиромъ, ожидавшимъ на перронѣ. Сонный кондукторъ захлопнулъ дверь, и поѣздъ сталъ двигаться, а крыши домовъ все дальше оставались позади. Дикки пересѣлъ на другое мѣсто, спиной къ паровозу, чтобы видѣть подольше родныя мѣста. Здѣсь оставалось много дорогихъ ему воспоми-

---

[1]) Романъ этотъ, будучи вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ продолженіемъ романа того же автора: „Мятежная юность"—печатавшагося въ „Е. В." (см. янв., апр. 1914 г.) *Ред.*

наній. Вотъ здѣсь, на этомъ самомъ перронѣ, его мать прощалась съ нимъ, когда онъ уѣзжалъ въ гимназію. Но не о матери онъ думалъ теперь.

Всѣ его помыслы сосредоточивались сейчасъ на виднѣвшемся позади города шатрѣ деревьевъ. Первая разлука юноши и дѣвушки, когда онъ уходитъ навстрѣчу невѣдомому будущему, а она остается одна бродить по тѣмъ лугамъ, гдѣ они такъ часто бродили вмѣстѣ—тяжелый, мучительный разрывъ. Какъ видъ непоправимой смерти, страшна юности разлука—первый страшный моментъ въ таинственной жизненной борьбѣ.

Давно уже шатеръ деревьевъ скрылся изъ виду, давно потянулись холмы, а Дикки все еще смотрѣлъ туда, гдѣ осталась его Доротея, и глаза его не видѣли проносившихся мимо полей и лѣсовъ. Но все же жребій брошенъ, онъ свободенъ и вышелъ на дорогу, по которой столько людей—кто легко, кто устало—бредетъ туда, куда влекутъ его грезы.

Когда поѣздъ подкатилъ къ станціи Ивсгэмъ, Дикки уже вполнѣ владѣлъ собою. Губы его были плотно сжаты.

— Ни за что не вернусь назадъ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—ни за какіе милліоны!—и онъ ретиво принялся подсчитывать свой запасъ серебра и мѣди, который былъ у него въ карманѣ. Каждый пенни былъ дорогъ, хотя ему немножко трудно было ощущать это теперь, обладая капиталомъ въ двѣнадцать фунтовъ; однако, онъ подсчиталъ все до послѣдней полушки и былъ весь еще поглощенъ этимъ занятіемъ, когда въ вагонъ вошелъ новый пассажиръ. Дикки спряталъ деньги, а поѣздъ покатилъ дальше къ Лондону.

Незнакомецъ наблюдалъ за нимъ, размышляя, очевидно, какъ и вы поступили бы на его мѣстѣ, кто этотъ мальчикъ, отчего онъ считаетъ свои деньги и куда онъ ѣдетъ такъ рано. Всегда интересно бываетъ выяснить себѣ такого рода вещи.

Незнакомецъ прошелъ вагонъ и сѣлъ въ уголъ противъ Дикки.

— Въ Лондонъ ѣдете?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Дикки.

— Раненько поднялись!

Дикки, еще не отрѣшившійся отъ власти родительскаго дома, откуда онъ только-что бѣжалъ, осторожно отвѣтилъ снова «да».

Незнакомецъ улыбнулся. Онъ замѣтилъ боязливую неувѣренность отвѣта, и въ немъ проснулось любопытство. Его, вообще, всегда интересовали попутчики во время короткой

поѣздки, а этотъ мальчикъ съ быстрыми, сѣрыми глазами и сжатыми губами, возрастъ котораго было такъ трудно опредѣлить, былъ совершенно необычнымъ спутникомъ въ ранней поѣздкѣ.

— Получили отпускъ?—спросилъ незнакомецъ.

— Нѣтъ.

— Такъ, вѣрно, возвращаетесь на службу?

— Я ѣду работать.

— Какая же у васъ работа?

Дикки остановился и пристально взглянулъ въ глаза незнакомца.

— Я хочу быть художникомъ... живописцемъ,—произнесъ онъ наконецъ. У него былъ гордый тонъ; въ голосѣ звучала нотка довѣрія, энтузіазма, увѣренная нотка юности: намъ всегда смѣшно слышать ее, когда мы сами уже пережили всѣ свои мечты.

Незнакомецъ посмотрѣлъ на часы—до Лондона было еще три часа. Онъ вынулъ изъ кармана трубку, набилъ ее, затѣмъ зажегъ и снова взглянулъ на Дикки.

— Какъ вы хотите добиться этого?,—спросилъ онъ.

— Буду учиться.

— Гдѣ?

— Не знаю еще.

— Вы хотите рисованіемъ и на жизнь зарабатывать?

— Да.

— Гм.. это очень интересно — сказалъ незнакомецъ, снова улыбаясь.—Вы изъ Ивсгэма?

По тому, какъ Дикки далъ на это отрицательный отвѣтъ, онъ понялъ, что лучше не настаивать на этомъ пунктѣ дальше. Въ дорожныхъ встрѣчахъ нужно вниманіе и быстрая перемѣна тона. Незнакомецъ не дѣлалъ больше никакихъ усилій, чтобы узнать, гдѣ Дикки живетъ.

— Это у васъ просто желаніе явилось, — продолжалъ онъ свой допросъ,—или вы уже пробовали заниматься живописью?

— Я занимаюсь уже года два или три,—сказалъ Дикки, не зная, покажется ли его собесѣднику этотъ срокъ большимъ или малымъ. Онъ подумалъ, что, пожалуй, срокъ очень короткій, и щеки его загорѣлись.—Я много и усердно работалъ,—прибавилъ онъ.

— Вѣрю вполнѣ,—былъ отвѣтъ.—А вы выставляли гдѣ-нибудь?

Дикки покачалъ головой. Мысль, что онъ, вѣроятно, пред-

ставляется крайне неопытнымъ, росла въ его сознаніи, а щеки все больше пылали. Ему хотѣлось бы не отвѣчать на вопросы, но задавалъ ихъ незнакомецъ такъ спокойно, что казалось болѣе неловкимъ уклониться отъ отвѣта, чѣмъ дать его. И онъ непріязненно ждалъ слѣдующаго.

— Вы собираетесь поступить въ какую-нибудь школу,— продолжалъ незнакомецъ,—или же у васъ имѣется своя мастерская?

— Нѣтъ. У меня нѣтъ средствъ на мастерскую,—отвѣтилъ Дикки,—да и на школу тоже пока нѣтъ.

— Такъ какъ же вы будете жить?

— Да вотъ... немного денегъ у меня есть, а затѣмъ... затѣмъ буду продавать свои картины.

— У васъ есть что-нибудь изъ нихъ съ собой?

— Да.

— Можно мнѣ посмотрѣть?

Рука Дикки быстро устремилась къ узелку. Его работы, въ которыя онъ вложилъ лучшую часть своей души, будутъ лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы, чѣмъ все, что онъ могъ бы сказать. У него не было преувеличеннаго мнѣнія о нихъ, но онѣ— его личное достояніе.

Незнакомецъ съ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ Дикки вынималъ свои рисунки изъ узелка, гдѣ помимо этого мало что могло помѣщаться... Въ самомъ дѣлѣ, у мальчика, навѣрное, имѣется еще какой-нибудь багажъ, думалъ незнакомецъ, но онъ не хочетъ разставаться со своими сокровищами: этотъ фактъ особенно понравился незнакомцу.

Дикки вынималъ одинъ рисунокъ за другимъ, переворачивалъ каждый лицомъ внизъ и такъ разложилъ всю коллекцію у себя на колѣняхъ. Затѣмъ онъ сталъ показывать ихъ по одному, въ порядкѣ достоинствъ, начавъ съ болѣе слабыхъ и кончая лучшими.

Незнакомецъ разсматривалъ ихъ молча безъ критики и только изрѣдка задавалъ вопросы въ родѣ: «Въ какое время дня это сдѣлано?» или «Сколько вы потратили на этотъ рисунокъ?», на которые Дикки отвѣчалъ терпѣливо—выжидательно.

Но вотъ уже у него въ рукахъ ничего не осталось, и Дикки пытливо всматривается въ лицо своего попутчика, задумавшагося надъ первой картинкой. Наконецъ онъ поднялъ глаза.

— Это, конечно, не все, что вы сдѣлали?,—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ! Я много оставилъ дома... такихъ, которыя не годятся. А эти я думаю продать.

Незнакомецъ положилъ всю кучку на скамейку.

— Д-да,—сказалъ онъ, подумавъ немного,—что же мнѣ вамъ сказать?

— Что вы думаете.

— Правду? истинную правду?

— Ну да... конечно.

— Такъ вотъ я думаю, что вы не продадите ни одной изъ этихъ вещей.

Дикки почувствовалъ щемящую пустоту внутри.

— Почему?—спросилъ онъ.

— Потому что это не то, что нужно публикѣ. Ни одинъ магазинъ не возьметъ ихъ. Онѣ не докончены. Я разсматриваю ихъ, какъ этюды для продажи, понимаете? Это только впечатлѣнія.

— Но это настоящія живыя впечатлѣнія,—сказалъ Дикки.— Они мои.

— А знаете, что вамъ отвѣтитъ купецъ, если вы ему это скажете?

— Что?

— Онъ скажетъ: «Совершенно вѣрно. Но кто вы такой»? Какой же вы дадите ему на это отвѣтъ?

Дикки нѣсколько секундъ глядѣлъ на своего собесѣдника; затѣмъ онъ наклонился, молча собралъ свои этюды и положилъ ихъ назадъ въ свой пакетъ.

Незнакомецъ улыбнулся.

— Таковъ будетъ вашъ отвѣтъ,—сказалъ онъ.—Что жъ? по-моему это лучшій, какой вы могли бы дать. А онъ, если у него есть смыслъ, скажетъ: «Послушайте, ступайте домой и напишите для меня картину вотъ въ такомъ родѣ», и онъ покажетъ вамъ картину въ рамѣ—великолѣпную по техникѣ, тщательную по исполненію, отдѣланную такъ старательно, что живого впечатлѣнія никакого не осталось. Что бы вы сдѣлали тогда?

Щеки Дика опять загорѣлись.

— Я бы сказалъ ему,—горячо произнесъ онъ,—чтобы онъ пошелъ искать эти картины тамъ же, откуда онъ ихъ добылъ. Въ этомъ духѣ я не собираюсь работать.

— А въ какомъ же духѣ?

— Я хочу изображать... значенія,—сказалъ Дикки неожиданно для самого себя, впервые выражая словесно свои идеалы и удивляясь имъ не менѣе своего собесѣдника,—да, значенія, а не предметы. Деревья, напримѣръ, значутъ что-то, они не просто деревья... и горы что-то выражаютъ и рѣки... все имѣетъ

свое значеніе кромѣ формы и цвѣта. И вотъ это-то я и хочу рисовать.

— Вы слыхали о футуристахъ?—спросилъ незнакомецъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Дикки.

— А-а-а.. такъ, значитъ, вы носитель новаго.. и явитесь невѣдомо откуда, чтобы пробить толстую стѣну традиціи въ Лондонѣ. Интересно... Да, такъ, значитъ, вы возьмете свои этюды въ охапку—это въ отвѣтъ на предложеніе торговца—уйдете изъ его магазина и станете проѣдать деньги, которыя у васъ есть въ карманѣ. Позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ нескромный вопросъ.

— Пожалуйста,—сказалъ Дикки, которому все сказанное представлялось въ этотъ моментъ достаточно нескромнымъ.—Мнѣ все равно.

— Какой суммой денегъ вы располагаете на случай, если не удается продать ваши картинки?

— У меня есть двѣнадцать фунтовъ,—отвѣтилъ Дикки.

Незнакомецъ нахмурился.

— Вы будете жить у знакомыхъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Вы никого въ Лондонѣ не имѣете?

— У меня есть рекомендательное письмо.

— Къ кому?

— Къ одному газетному сотруднику.

Незнакомецъ сталъ вытряхивать пепелъ изъ своей трубки.

Глава II-я.

На вокзалѣ въ Лондонѣ незнакомецъ вынулъ изъ кармана свою визитную карточку, подалъ ее Дику и сказалъ:—Когда надоѣстъ вамъ одиночество и круто придется, вспомните обо мнѣ. Я съ радостью сдѣлаю для васъ все возможное.

Дикки взялъ карточку и сказалъ съ снисходительной благодарностью къ своему доброжелателю:

— Вы очень добры. Спасибо. Но мнѣ не нужна такого рода помощь. У меня есть деньги.

Незнакомецъ протянулъ руку.

— Отлично,—сказалъ онъ,—желаю вамъ всякаго успѣха. Сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать... скоро девятнадцать.

— Да-а... Хорошій возрастъ для начала. Васъ, конечно, не пугаютъ никакія затрудненія впереди?

— Я знаю, что придется сильно работать,—сказалъ Дикки.

— И вамъ хочется поскорѣе начать ее?

— Да.

— Великолѣпно! великолѣпно! А все-таки я бы хотѣлъ когда-нибудь повидать васъ. До свиданія!

Незнакомецъ направился къ концу поѣзда, гдѣ на платформу выбрасывался багажъ, а Дикки взялъ свой узелокъ и пошелъ съ вокзала пѣшкомъ по лондонскимъ улицамъ.

Онъ видалъ уже раньше этотъ огромный городъ, хотя тогда ему пришлось только проѣхать на извозчикѣ съ одного вокзала на другой. Все-таки городъ былъ не совсѣмъ чужой для него, но теперь, когда онъ одиноко стоялъ на панели и безчисленная толпа спѣшила мимо, все кругомъ казалось страннымъ, какъ сонъ.

Въ ушахъ его все еще звучала торжественная тишина родныхъ холмовъ. Нестройный хаосъ городскихъ звуковъ ошеломлялъ его и въ то же время будилъ въ его сознаніи предчувствіе предстоявшей ему борьбы. Крѣпко прижимая къ себѣ свой маленькій пакетъ съ вещами, Дикки стоялъ на панели и уже ощущалъ на себѣ давленіе силы болѣе могучей, чѣмъ онъ самъ; подавляя въ себѣ это ощущеніе, онъ спросилъ прохожаго, какъ пройти на Флитъ-стритъ: въ тѣ дни тамъ находилась редакція «Evening Herald»'а, и Дикки хотѣлъ отнести туда свое рекомендательное письмо. М-ръ Марлоу, которому оно было адресовано, былъ однимъ изъ соредакторовъ газеты: это званіе въ умѣ Дика являлось синонимомъ власти и значенія. Найдя помѣщеніе редакціи, Дикки сказалъ свое имя конторскому мальчику и присѣлъ, полный ожиданія, въ пріемной.

Въ дверь то и дѣло просовывались головы мужчинъ безъ пиджаковъ, заглядывали и опять скрывались. Три или четыре раза онъ при этомъ подымался съ мѣста, но ни одинъ не оказался тѣмъ, кого онъ ждалъ. Прошло три четверти часа, а онъ все еще сидѣлъ. Наконецъ, замѣтивъ того же самаго конторскаго мальчика, Дикки спросилъ его, доложилъ ли онъ м-ру Марлоу.

— Какъ вы говорили фамилію?—спросилъ мальчикъ.

— Ферлонгъ,—сказалъ Дикки.

Съ нѣкоторымъ усиліемъ памяти мальчикъ припомнилъ фамилію и сообщилъ Дику, что теперь ему не придется уже долго ждать. Однако, все же минуты бѣжали за минутами, и Дикки имѣлъ полную возможность проникнуться сознаніемъ своего ничтожества. Наконецъ, когда его терпѣніе было почти

исчерпано и онъ поднялся, чтобы уходить, въ комнату быстро заглянулъ господинъ, тоже безъ пиджака, какъ и другіе.

— Ваша фамилія Ферлонгъ?—спросилъ онъ.

— Да,—сказалъ Дикки.

— Въ чемъ же дѣло?

— У меня есть письмо къ вамъ отъ м-ра Холлома.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо. Вотъ, наконецъ, раскрываются передъ нимъ врата того невѣдомаго, что̀ зовется жизнью. Марлоу быстро взялъ письмо и распечаталъ. Дикки слѣдилъ за его лицомъ, пока онъ читалъ, и чувствовалъ невольное разочарованіе отъ того, что этотъ человѣкъ—редакторъ и пріятель его друга Холлома—такъ неинтересенъ по внѣшности и манерамъ. Лицо у него было костлявое, блѣдное, глаза маленькіе и близко поставленные, голова узкая, точно сдавленная, лобъ высокій, въ морщинахъ. Все, что̀ онъ говорилъ и дѣлалъ, дѣлалось съ невѣроятной торопливостью. Но это была не вынужденная торопливость занятого человѣка, а суетливость человѣка, который любитъ казаться таковымъ. Во время своего непродолжительнаго знакомства съ журналистами, Дикки пришлось скоро убѣдиться, что это свойство встрѣчается нерѣдко. Сразу, при встрѣчѣ съ Марлоу, онъ принялъ эту спѣшку за чистую монету, и она подѣйствовала на него, какъ печальное предзнаменованіе.

Прочтя письмо, Марлоу поднялъ глаза и спросилъ:

— Это Чарльзъ Холломъ?

— Да.

— Ахъ, да... мы съ нимъ учились вмѣстѣ. Такъ вотъ онъ проситъ найти вамъ работу. Иллюстраціи, кажется, или что-нибудь въ этомъ родѣ... Но у насъ въ «Геральдѣ» разсказы не иллюстрируются. Помѣщаются только модныя иллюстраціи; но вамъ вѣдь не это нужно?

— Я этого не умѣю дѣлать,—отвѣтилъ Дикки.

— Ну, конечно... И, кромѣ того, для модъ у насъ имѣется постоянный рисовальщикъ. Вы уже занимались иллюстраціями?

— Нѣтъ... Но мнѣ кажется, что это именно я могъ бы дѣлать.

— Ладно. Я васъ познакомлю съ Чаннингомъ. Онъ въ иллюстрированномъ журналѣ «Перо»... Мы будемъ завтракать вмѣстѣ. Лучше всего приходите тоже позавтракать съ нами. У васъ есть какое-нибудь дѣло до часу?

— Мнѣ надо найти себѣ гдѣ-нибудь комнату,—сказалъ Дикки,—маленькую комнатку.

— Ну, да. Ищите гдѣ-нибудь поближе ко мнѣ, въ Дрюри-Лэнъ'ѣ, или Квинъ-Стритѣ. Вы знаете, гдѣ это?

— Нѣтъ.

— Выйдете на Флитъ-стритъ, такъ вамъ всякій покажетъ. Это недалеко. А къ часу возвращайтесь опять сюда.

— Большое вамъ спасибо,—сказалъ Дикки съ чувствомъ.

Марлоу не безъ удивленія взглянулъ на него и исчезъ за дверью.

На улицѣ Дикки указали, какъ пройти въ Дрюри-Лэнъ, и на углу Квинъ-стрита онъ замѣтилъ въ окнѣ свѣчной лавки объявленіе: *Сдается комната для одинокаго.* Послѣ минутнаго колебанія Дикки вошелъ въ лавку. Было полутемно, сильно пахло краской, мыломъ и керосиномъ. Онъ остановился у засаленной конторки и сталъ ждать, пока изъ двери, завѣшенной щетками и швабрами, не появилась, наконецъ, пожилая женщина.

Она потерла ладонью глазъ и спросила:

— Что угодно?

— У васъ сдается комната?—спросилъ въ свою очередь Дикки.

— Да... Но сейчасъ ее нельзя видѣть,—отвѣтила она.

— Значитъ, она уже сдана?

— Нѣтъ. Но, видите ли, жилецъ мой только сегодня выѣхавши и тамъ еще не убрано.

— Сколько въ недѣлю?

— Пять шиллинговъ.

— Это уже съ утреннимъ завтракомъ?

Женщина вытянула изъ угла рта волосъ и взглянула на него.

— Больно ужъ дешево вы захотѣли, молодой человѣкъ,—сказала она.—Можно давать и завтракъ, если хотите, но только за это полъ-кроны отдѣльно. Яйца и копченую грудинку и затѣмъ, что угодно—чай или кофе.

— Хорошо,—сказалъ Дикки,—я согласенъ. Я оставлю свои вещи и вы ихъ отнесите, пожалуйста, въ комнату, когда она будетъ готова. Вечеромъ я приду.

— А на сколько времени вамъ нужна комната?

— О-о... на долго, я думаю.

— Двѣ недѣли?

— Дольше, вѣроятно.

Лицо женщины прояснилось.

— Ну, ладно,—сказала она,—къ шести часамъ будетъ

прибрано чистенько и аккуратно. Ходъ такъ и будетъ черезъ лавку. Оно, конечно, не безъ запаху, но скоро привыкнете. Всѣ господа черезъ два-три дня уже жалуются. Я сама даже, можно сказать, люблю его.

— Мнѣ это не будетъ мѣшать,—сказалъ Дикки.—Вотъ мои вещи.

— Еще, поди, сундукъ есть, или корзина?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Ну что жъ, если вы деньги заплатите за недѣлю впередъ, то мнѣ это безразлично. Такъ, значитъ, въ шесть часовъ. Можетъ быть, чаю вамъ приготовить?

— Пожалуйста.

Такъ Дикки нашелъ себѣ въ Лондонѣ убѣжище.

Глава III-я.

Компанія собралась завтракать въ верхней комнатѣ таверны у воротъ Миддль-Темпль. Все здѣсь казалось Дикку грандіознымъ, необыкновеннымъ. «Вотъ она, настоящая жизнь!»—думалъ онъ. За большимъ столомъ, гдѣ они сидѣли, было много журналистовъ, повидимому, пользовавшихся извѣстностью въ Флитъ-стритѣ, и Дикки представлялось, что они, вообще, знаменитости. Марлоу былъ со всѣми знакомъ; нѣкоторые даже первые кланялись ему. Когда же онъ самъ здоровался, то обыкновенно шопотомъ сообщалъ Дику, кто это.

— Видите этого субъекта?—сказалъ онъ послѣ одного изъ такихъ привѣтствій.—Это Шерло.

— А кто онъ?

— Какъ кто? это тотъ, издатель «Пера». У него есть романъ. Правда, я не читалъ его. Кажется, неважный.

— Вы, помнится, сказали раньше, что м-ръ Чаннингъ—издатель «Пера»?—спросилъ Дикки.

— Да нѣтъ... какое тамъ! Чаннингъ—фактически редактируетъ, но Шерло все же главная спица. Съ нимъ можно сдѣлать хорошія дѣла. У него широкій размахъ, и теперь онъ затѣваетъ большое новое предпріятіе.

Дикки чувствовалъ, какія широкія перспективы развертываются тутъ передъ нимъ. Небольшую бы получить работу! тогда вмѣстѣ съ имѣющимися у него деньгами хватило бы уже на вечерніе курсы живописи. Хоть маленькую бы работу—больше ему ничего не надо! А здѣсь, въ Флитъ-стритѣ, среди этихъ людей, бывалыхъ и вліятельныхъ, это казалось такимъ легкимъ!

Дикки мало ѣлъ за этимъ завтракомъ. Кругомъ говорилось такъ много интереснаго, что его вниманіе было всецѣло поглощено. Журналисты говорили фамильярно объ извѣстныхъ политическихъ дѣятеляхъ. Одинъ изъ нихъ даже упомянулъ о своемъ разговорѣ съ однимъ членомъ кабинета, о которомъ отецъ Дика отзывался всегда съ благоговѣйнымъ уваженіемъ.

— Кто этотъ господинъ?—спросилъ Дикки шепотомъ у Марлоу.

— Этотъ съ моноклемъ?

— Да.

— А—а.. Это Джевенсъ. Онъ печатается повсюду, гдѣ только берутъ его писанія. Разсказываетъ, что зарабатываетъ фунтовъ двадцать въ недѣлю.

— Я не зналъ, что журналистъ можетъ заработать такъ много,—просто замѣтилъ Дикки.

— Да, еще бы! Шерло выколачиваетъ до тысячи двухсотъ фунтовъ въ годъ.

Дикки съ почтеніемъ взглянулъ на великаго человѣка. Тотъ въ этотъ моментъ старательно обмакивалъ въ соусъ хлѣбную корку. Дикки всегда пытался дѣлать это вилкой, всегда вызывалъ дома протестъ, и въ концѣ концовъ пришелъ къ заключенію, что это, очевидно, очень дурная привычка.

— А скажите, м-ръ Шерло—настоящій джентльменъ?—спросилъ Дикки. Вопросъ былъ чисто гимназическій, но Марлоу принялъ его за снобизмъ.

— Если вы ищете джентльменовъ, то теряете напрасно время здѣсь, въ Флитъ-стритъ,—сказалъ онъ. Пущено это было въ видѣ колкости, но Дикки принялъ слова эти à la lettre.

Нѣкоторое время онъ сидѣлъ молча, прислушиваясь къ спорамъ и разговорамъ о новомъ журналѣ Шерло. Онъ чувствовалъ и себя участникомъ смѣлаго предпріятія. Онъ не зналъ еще, сколько такихъ начинаній обсуждалось уже раньше, и какъ всѣ они отцвѣтали, не успѣвъ расцвѣсть. Впрочемъ, всѣ эти люди, серьезнѣйшимъ образомъ участвовавшіе въ разговорѣ, забыли теперь прежнія неудачи и безчисленныя идеи и затѣи, которыя родились здѣсь же, но изъ-за отсутствія важнѣйшаго—денегъ, погибли и обратились въ прахъ.

— Видите вы этого маленькаго фрукта рядомъ съ Шерло?—спросилъ вдругъ Марлоу.

Дикки кивнулъ головой.

— Это Бентлей... онъ раздобываетъ деньги для новаго журнала... подцѣпилъ какого-то биржевика... у него, говорятъ, уйма

денегъ. Вотъ онъ и будетъ финансировать все дѣло. Мнѣ хочется написать для нихъ нѣсколько статей. У меня есть великолѣпная идея для цѣлой серіи подъ общимъ заголовкомъ... могутъ печататься каждый мѣсяцъ... они будутъ платить по пяти гиней за статью. А мнѣ это дало бы лишнихъ шестьдесятъ фунтовъ въ годъ. И знаете, недурно было бы иллюстрировать ихъ. Вы покажите мнѣ свои рисунки и, можетъ быть, мы бы съ вами сговорились на этотъ счетъ. Платили бы они вамъ какъ слѣдуетъ.

— Сколько напримѣръ?—спросилъ Дикки. У него захватило дыханіе.

— Да такъ, около гинеи за каждую иллюстрацію. Ихъ, вѣроятно, надо по двѣ къ каждой статьѣ.

— Это выходитъ двадцать пять фунтовъ въ годъ,—сказалъ Дикки.

— Да, я знаю, но все-таки и то хлѣбъ, какъ говорится. У васъ не ушло бы больше часа на каждый.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я потратилъ бы на нихъ больше,—съ серьезностью возразилъ Дикки.—Я старался бы, чтобы онѣ вышли какъ можно лучше.

— Ну, и прекрасно... я хочу познакомить васъ со своей темой. Она пришла мнѣ въ голову довольно давно, но я жду новаго органа, чтобы пустить ее. Въ «Herald'ѣ» помѣщать не стоитъ.

И онъ сталъ разсказывать Дику свою идею статей, уже отвергнутыхъ всѣми газетами, которымъ онъ ихъ предлагалъ. Дикки слушалъ, и кушанье его стыло на тарелкѣ; онъ только дивился, какъ Марлоу ухитряется въ одно время и ѣсть, и говорить такъ много.

Наконецъ, стали подыматься изъ-за стола. Марлоу рѣшилъ познакомить Дика съ Чаннингомъ и для этого сначала отвелъ послѣдняго въ сторону.

— Послушайте, дружище,—сказалъ онъ,—пригрѣйте у себя этого малаго. Я не видѣлъ самъ его рисунковъ, но мой старый школьный пріятель рекомендуетъ мнѣ его и по виду онъ обѣщаетъ много. Что же, есть деньги для журнала?

Чаннингъ покачалъ головой.

— Кажется, нѣтъ. Бентлей сказалъ мнѣ сегодня утромъ, что его биржевикъ не собирается раскошеливаться.

— Онъ сказалъ объ этомъ Шерло?

— Нѣтъ еще. Если бы Шерло узналъ, онъ сейчасъ вышвырнулъ бы Бентлея, какъ никуда негодную ветошь, а Бентлею надо всучить ему свои маленькіе очерки. Какъ зовутъ этого юношу?

— Ферлонгъ. Изъ Глостершайра, кажется.

— Ладно. Я возьму его съ собой въ редакцію. Вѣроятно, найдется для него что-нибудь.

Полный радостныхъ надеждъ, Дикки отправился съ Чаннингомъ въ редакцію журнала «Перо». Цѣлыхъ полчаса онъ слушалъ разсказы Чаннинга о новыхъ источникахъ своихъ доходовъ. Такіе-то разсказы онъ написалъ для такой-то газеты; такіе-то для другой; затѣмъ собирался написать книгу, которую извѣстное издательство обѣщало прочитать съ самымъ большимъ вниманіемъ. Со дня на день онъ ожидаетъ отъ одного знаменитаго писателя разрѣшенія передѣлать его романъ для сцены.

— Онъ не подозрѣваетъ,—говорилъ Чаннингъ, смѣясь,— что я помѣстилъ о немъ ядовитую замѣтку въ «Herald'ѣ». Романъ никудышный, но пьеса изъ него должна выйти хорошая. Конечно, если бъ я предвидѣлъ тогда, что займусь передѣлкой этого романа, то я не сталъ бы высмѣивать его. Но эти авторы— у—у!—продувной народъ! Полезно ихъ пробрать немножко.

Дикки слушалъ все это и думалъ, что находится въ обществѣ человѣка, котораго слава готова осѣнить своимъ крыломъ. А для Чаннинга столь мало опытный въ нравахъ Флитъ-стрита слушатель былъ прямо неоцѣнимъ. Чѣмъ больше онъ замѣчалъ впечатлѣніе, производимое имъ на Дика, тѣмъ выше вздымался полетъ его воображенія и тѣмъ вѣрнѣе казалось ему осуществленіе всего того, о чемъ онъ говорилъ.

— Что касается васъ, то я могу вамъ быть во многомъ полезенъ,—сказалъ онъ.—Марлоу ничего не можетъ сдѣлать, ну а у меня... Вотъ, напримѣръ, эти разсказы. Когда буду ихъ пристраивать, то потребую, чтобы издатель заказалъ вамъ иллюстраціи къ нимъ.

Дикки подумалъ, что Флитъ-стритъ полонъ великодушныхъ людей. Въ защиту Марлоу онъ разсказалъ Чаннингу, какъ тотъ обѣщалъ ему иллюстрированіе своихъ статей.

Чаннингъ разсмѣялся.

— Ахъ, знаю эти старыя статьи!—сказалъ онъ.—Онъ и намъ старался подсунуть ихъ. Нѣтъ, этотъ номеръ не пройдетъ! Онъ вполнѣ на мѣстѣ какъ второй редакторъ, но онъ неспособенъ ни на какую оригинальную самостоятельную работу. Не говорите, что я это сказалъ—но всѣ это знаютъ, кромѣ него самого.

Сердце Дикки упало, но это была только минута слабости. Вѣдь вотъ Марлоу сразу же произвелъ на него впечатлѣніе неинтереснаго человѣка, и въ сущности неудивительно, что о

немъ существуетъ такое мнѣніе. И при мысли о томъ, сколько работы Чаннингъ можетъ ему дать, сердце Дика снова радостно забилось.

— Я бы хотѣлъ,—началъ онъ,—мнѣ нужно заработать около ста фунтовъ въ годъ. На это я могъ бы жить и учиться: посѣщать вечерніе курсы живописи. Какъ вы думаете, удастся мнѣ это?

Чаннингъ снова разсмѣялся, а затѣмъ улыбаясь досталъ изъ-подъ кучи бумагъ на столѣ акварельный рисунокъ и протянулъ его Дику.

— Что вы скажете объ этомъ?—спросилъ онъ.

Дикки подержалъ его съ минуту въ рукѣ, затѣмъ положилъ.

— Это иллюстрація для вашего журнала?

— Да. Скажите, что вы думаете о ней?

— Какъ сказать?.. мнѣ кажется, что она сдѣлана второпяхъ,—сказалъ Дикки смущенно.—Рисунокъ ничего не выражаетъ.

— Какъ это ничего не выражаетъ?

— Ну да... эти деревья... тутъ только линіи и штрихи. Нѣтъ воздуха... не чувствуется его... эти люди могли бы быть и въ комнатѣ... они не на дворѣ...

Чаннингъ совершенно искренно подумалъ, что юноша говоритъ вздоръ, и съ точки зрѣнія спеціалиста-иллюстратора это и былъ вздоръ.

— Фигуры здѣсь очень хороши,—сказалъ Чаннингъ.—Я не говорю, что это картина, но это—именно то, что намъ нужно. Какъ-ни-какъ, а этотъ субъектъ зарабатываетъ своихъ пять сотенныхъ въ годъ; а работай онъ чуточку усидчивѣй, и еще бы больше имѣлъ. Вы надѣетесь, что могли бы иллюстрировать такъ же хорошо?

Дикки почувствовалъ то же ощущеніе, которое въ поѣздѣ пробудилъ въ немъ разговоръ о возможномъ спорѣ съ торговцемъ.

— Я вѣрю и надѣюсь,—горячо сказалъ онъ,—что никогда не дойду до этого. Это—вещь нестоющая.

— Эта вещь стоитъ двѣ гинеи,—возразилъ Чаннингъ.—А вамъ я посовѣтовалъ бы избавиться отъ высокомѣрныхъ идей, если вы хотите зарабатывать хлѣбъ.

— Вотъ что... дайте мнѣ что-нибудь на пробу, и тогда будетъ видно,—сказалъ Дикки. Въ голосѣ у него звучали такія смѣлыя, искреннія ноты, что Чаннингъ не могъ устоять; онъ

далъ ему разсказъ, для котораго, собственно говоря, иллюстраціи уже были заказаны другому.

— Возьмите эти корректурные листы домой,—сказалъ онъ,—и постарайтесь сдѣлать что-нибудь. Намъ нужны три иллюстраціи. Если вы закончите ихъ къ концу недѣли, то, можетъ быть, мнѣ удастся ихъ пристроить.

Онъ зналъ, что не было ни тѣни надежды, но ему хотѣлось этимъ оборотомъ закончить разговоръ: онъ подчеркивалъ его власть.

Дикки ушелъ, а онъ все еще улыбался самъ съ собой, но гдѣ-то въ уголкѣ души сидѣло у него тайное предчувствіе, что этотъ юноша правъ, что онъ больше и выше его.

— Ѣсть нечего, а туда же суется съ энтузіазмомъ,—думалъ онъ.—Ну, да вышибутъ изъ него скоро этотъ энтузіазмъ!

Вспомнились ему собственныя мечты, когда онъ начиналъ свою карьеру.

Онъ вздохнулъ, лѣниво взялъ со стола ножницы и сталъ вырѣзывать анекдоты изъ лежавшей передъ нимъ американской газеты.

Глава IV.

Вернувшись въ свою маленькую комнатку надъ свѣчной лавкой м-съ Бальдвинъ, Дикки выпилъ чашку чаю, принесенную ему услужливой хозяйкой, и усѣлся за свою первую настоящую работу. Дома, на мельницѣ отца былъ трудъ, но не было работы. Отъ труда онъ бѣжалъ, а работы добился раньше, чѣмъ надѣялся въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтахъ.

Что сказалъ бы теперь его отецъ, если бъ узналъ, что въ первый же день пріѣзда онъ получилъ заказъ, который дастъ ему столько, сколько вся мельница вырабатываетъ въ теченіе цѣлой недѣли? Думала ли бы его Доротея, какъ прежде, что онъ погнался за неосуществимымъ, если бъ знала, какое блестящее будущее развернулось передъ нимъ? Онъ окинулъ взглядомъ свою маленькую комнатку, низкую желѣзную кровать, желтый крашеный умывальникъ и комодъ—и улыбнулся.

Въ открытое окно врывался шумъ Лондона. Дикки находилъ въ немъ что-то бодрящее и подмывающее и не замѣчалъ еще томительнаго однообразія, которое слышатъ въ немъ другіе. Возлѣ его умывальника лежалъ маленькій кусокъ линолеума, въ остальной части комнаты не было ни ковра, ни даже дорожки; изъ окна не видно было дороги къ Бредонскимъ хол-

мамъ—торчали только крыши да черныя трубы домовъ и ни одного деревца, ни одного цвѣтка среди нихъ. Не слышно было пѣнія птицъ. Только нѣсколько воробьевъ съ охрипшими голосами чирикали на крышахъ. И все-таки картина казалась Дику безконечно привлекательной. Ему представлялось, какъ онъ будетъ поздно вечеромъ возвращаться сюда послѣ занятій въ школѣ. Бѣлье на постели и полотенца были чисты—по крайней мѣрѣ сегодня—чего же больше ему нужно, кромѣ этого и работы, своей собственной работы? Восторженное чувство наполняло его грудь. Онъ пошелъ къ комоду и стоя написалъ свое первое письмо къ Доротеѣ.

— «Меньше чѣмъ черезъ годъ»,—писалъ онъ,—«вотъ увидишь, мы будемъ женаты». Что, въ самомъ дѣлѣ, могло помѣшать этому? Сто фунтовъ въ годъ, которые онъ надѣялся выработать, тѣмъ временемъ въ его воображеніи удвоились. Можетъ быть, онъ не сумѣетъ такъ хорошо, какъ въ показанныхъ ему иллюстраціяхъ, рисовать фигуры; но этому онъ научится въ вечернихъ классахъ, а затѣмъ онъ зналъ, что въ свою работу онъ вложитъ столько глубины и значенія, что несомнѣнно привлечетъ вниманіе всѣхъ этихъ людей, которыхъ онъ видѣлъ сегодня.

Искусство—великое дѣло. Его вліяніе огромно. Даже въ такое будничное проявленіе его, какъ иллюстрація, человѣкъ можетъ вложить многое.

— «Какъ только появится книжка журнала съ моими иллюстраціями», — писалъ Дикки дальше,—«я пришлю тебѣ экземпляръ, и ты увидишь мое имя въ уголкѣ. Хочу сдѣлать какъ можно лучше. На одной ты увидишь Бредонскій холмъ—октябрьскимъ вечеромъ, когда между кустами боярышника подымается туманъ. Я покажу имъ деревню такъ, какъ я ее видѣлъ. Развѣ не чудо такъ скоро получить работу».

Затѣмъ Дикки спрашивалъ, какъ его отецъ принялъ его побѣгъ и не собирается ли онъ ѣхать за нимъ въ Лондонъ?

—«Пусть онъ ищетъ меня, пусть меня даже найдетъ»,—писалъ онъ,—«ничто на свѣтѣ не заставитъ меня вернуться назадъ. Пустяки, что я еще несовершеннолѣтній. Это не можетъ имѣть никакого значенія. Если бъ я сидѣлъ на мельницѣ, то былъ бы въ двадцать одинъ годъ менѣе взрослымъ, чѣмъ теперь, въ восемнадцать при самостоятельной работѣ».

Въ письмо къ Доротеѣ онъ вложилъ еще два письма—одно къ своей сестрѣ Анни, другое—къ другу своему, м-ру Холлому.

—«Я не хочу, чтобы отецъ узналъ мой адресъ»—говорилъ онъ въ первомъ,—«и оттого пишу черезъ Доротею. Всѣ письма я буду посылать такъ. Лондонъ—городъ удивительный. Я завтракалъ сегодня съ журналистами въ старой тавернѣ около суда—тамъ живутъ всѣ адвокаты. Одинъ былъ писатель, другой—знакомъ съ министромъ. Здѣсь чувствуешь, что живешь. А гулъ на улицѣ такой, какъ у насъ на мельницѣ, когда она работаетъ».

Письмо его къ м-ру Холлому было короткое: вѣроятно, оттого, что онъ предчувствовалъ, что Холломъ пойметъ шаткость его надеждъ. Дикки не сталъ долго думать, какъ написать: онъ смѣло держался своего восторженнаго тона, но умолчалъ о тѣхъ суммахъ, какія онъ надѣялся заработать.

— «Завтракалъ сегодня съ м-ромъ Марлоу»,—писалъ онъ между прочимъ.—«Это обошлось въ два шиллинга восемь. Да, бѣгутъ денежки въ Лондонѣ. Теперь я буду такіе завтраки обходить. Но все-таки стоило пойти. Какъ мнѣ благодарить васъ за письмо и за деньги, которыя вы мнѣ дали въ займы? Скоро я буду въ состояніи вернуть ихъ вамъ. Напишите, что говоритъ отецъ. Думаю, что онъ страшно сердится».

Въ этотъ вечеръ, когда Дикки взялся за свой первый рисунокъ, на мельницѣ въ Эккингтонѣ м-ръ Ферлонгъ молча сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Онъ отказался даже отъ предложенія м-ра Холлома сыграть въ шахматы.

— Не могу сосредоточиться сегодня,—сказалъ онъ, но гордость не позволяла ему сознаться, что его томитъ тревога за судьбу сына. На колѣняхъ у него лежала раскрытая книга; но онъ сидѣлъ, не отрывая глазъ отъ кресла своей покойной жены Христины, и думалъ: знаетъ ли она обо всемъ тамъ, на небѣ (въ которое онъ твердо вѣрилъ) и одобряетъ ли она это?

А въ Лондонѣ, подъ кровомъ м-съ Бальдвинъ, Дикки работалъ до поздней ночи; работалъ неутомимо и напряженно, пока свѣча не стала оплывать и наконецъ потухла. Тогда онъ легъ, нащупывая въ темнотѣ кровать. Былъ тотъ короткій часъ лондонской ночи, когда вы слышите тишину: Дикки быстро заснулъ.

Глава V.

Всѣ три иллюстраціи были готовы раньше назначеннаго срока. Для необходимой ему женской фигуры Дикки воспользовался услугами миссъ Констанціи Бальдвинъ, дочери его хозяйки. Это была молодая дѣвица, стремленія которой выходили

далеко за предѣлы свѣчной лавки ея матери. У нея былъ голосъ, и она постоянно пѣла сантиментальныя пѣсенки, исполнявшіяся въ мюзикъ-холлахъ. Дожидаясь въ лавкѣ, пока имъ отвѣсятъ и увяжутъ товаръ, покупатели прислушивались къ пѣнію. Нѣкоторые увѣряли даже м съ Бальдвинъ, что слыхали со сцены гораздо хуже пѣніе.

Это, въ самомъ дѣлѣ, было цѣлью миссъ Бальдвинъ. На конкурсѣ голосовъ, устроенномъ однимъ изъ мюзикъ-холловъ, гдѣ гонорары назначались пропорціонально количеству полученныхъ апплодисментовъ, Констанція прошла второй изъ числа тридцати кандидатокъ. Она была бы, несомнѣнно, первой, если бы не соперница—а у какой же женщины ихъ нѣтъ?—которая имѣла къ своимъ услугамъ клаку на галеркѣ. Они шикали и свистѣли Констанціи; апплодисменты заглушали ихъ, но все же жюри не знало истинной подкладки дѣла и присудило ей второе мѣсто.

Все это она успѣла разсказать Дику, пока онъ рисовалъ.

— Та барышня, что прошла первой, теперь въ «Ольборнѣ» загребаетъ деньги.

Разговоръ у нихъ во время сеансовъ не налаживался. Дикки часто не отвѣчалъ на вопросы, то и дѣло впадалъ въ молчаливое раздумье, и эти паузы Констанція заполняла, оправляя свое платье и прическу.

— Вы всегда такъ молчите, когда работаете?—спросила она его на третій день.

— Трудно говорить объ одномъ, когда думаешь о другомъ.—отвѣтилъ онъ.

— Но, вѣдь, вамъ надо только линіи срисовывать—возразила она,—а кажется, я не очень скверная модель. Нашъ режиссеръ говоритъ, что у меня очень хорошая фигура.

Она терпѣливо ждала съ его стороны подтвержденія. Но Диккъ молчалъ.

— А по-вашему какъ?—не выдержала она наконецъ.

— Что?—растерялся онъ,—да, да... очень.

И въ тотъ же моментъ сталъ думать о томъ, что ему не удастся дать ощущенія тайны, какъ бы хотѣлось.

— Вы какъ-то неувѣренно говорите,—сказала Констанція—а я думала, что разъ вы художникъ, то должны это знать. Немало ужъ насмотрѣлись. Вѣдь приходится рисовать ихъ такъ, безъ всего?

— Придется,—отвѣтилъ Дикки.

— Какъ... вы еще не рисовали съ натурщицъ?

— Нѣтъ.

— Не понимаю, какъ вы можете въ такомъ случаѣ называть себя художникомъ. А я думала, что послѣ прямыхъ линій, фигуръ и всякихъ такихъ вещей первымъ дѣломъ идетъ это.

Она замолчала, раздумывая о томъ, какъ бы она себя чувствовала въ подобномъ положеніи. Фигура у нея хорошая, и это, можетъ быть, было бы непріятно только одинъ моментъ— вмѣстѣ съ ощущеніемъ холода на кожѣ, а потомъ ничего.

— Странное должно быть чувство у дѣвушки позировать передъ мужчинами совсѣмъ раздѣтой,—сказала она.—Не знаю... нѣтъ—я бы не рѣшилась на это.

Дикки положилъ свой рисунокъ.

— Ну, вотъ... я кончилъ,—сказалъ онъ,—теперь это все. Надо будетъ только въ ресторанѣ или гдѣ-нибудь сдѣлать набросокъ мужской фигуры.

— Дайте посмотрѣть,—попросила Констанція.

Дикки безъ колебанія протянулъ ей рисунокъ.

— Но это совсѣмъ не я, — воскликнула Констанція съ изумленіемъ,—фигура-то моя... но лицо совсѣмъ другое!

И это была правда. Насколько портретъ можетъ быть сдѣланъ по памяти, это былъ портретъ Доротеи. Кого, какъ не ее, могло рисовать Дику воображеніе въ этой сценѣ на лугу между Эккингтономъ и Бредонскимъ холмомъ?

— Я и не хотѣлъ, чтобы это былъ точный портретъ,— произнесъ онъ уклончиво.

— Но оно похоже на кого-то?

— Можетъ быть... да...

— Кого-то изъ вашихъ знакомыхъ?

— Да,—тихо сказалъ Дикки.

— А мнѣ и невдомекъ было,—сказала Констанція. Если бъ Дикки слушалъ внимательно, то онъ уловилъ бы легкую нотку горечи въ ея голосѣ.

— Какъ же мнѣ поблагодарить васъ за всѣ эти сеансы?— проговорилъ онъ поспѣшно,—я сосчиталъ цѣлыхъ пять часовъ.

— Пустяки. Мнѣ ничего не нужно,—сказала она. Прежняя нотка все еще звучала.—Было бы грустно, если бъ нельзя было хоть этимъ помочь. Поведите меня когда-нибудь въ театръ— вотъ и будемъ квиты.

Въ сознаніи Дикки мгновенно зажглась мысль о Доротеѣ. Онъ вспомнилъ, какъ однажды она сказала ему, что въ Лондонѣ онъ измѣнится, не останется прежнимъ. Теперь онъ по-

нялъ, что́ она понимала тогда. Но онъ останется прежнимъ! Ни Лондонъ, ни какой-либо другой городъ въ свѣтѣ не перемѣнитъ его.

— Вы не хотите взять у меня денегъ?—спросилъ онъ.

— А вы не хотите взять меня въ театръ?

— Да нѣтъ, не то,—оправдывался онъ.

— Вы подумали, что *она* сказала бы, если бъ узнала. Ну, что же? Если *она* не допускаетъ даже, чтобы вы пошли съ знакомой барышней въ театръ, то могу васъ поздравить. А денегъ, во всякомъ случаѣ, я не возьму.

Сказавъ это, она ждала отъ него возраженія. У нея была еще надежда. Такъ мучительно было получить отказъ! Въ концѣ концовъ, онъ измѣнитъ рѣшеніе, думалось ей. Другіе мужчины такъ бы сдѣлали! Но онъ молчалъ. Тогда въ дѣвушкѣ заговорила гордость: она молча вышла изъ комнаты, затворивъ за собою дверь, а Дикки остался одинъ, чувствуя легкую волну духовъ сквозь вѣчный запахъ парафина, стоявшій во всей квартирѣ.

Онъ снялъ съ комода свою картинку и разсматривалъ ее до тѣхъ поръ, пока всѣ мысли о миссъ Констанціи не ушли изъ его головы.

Онъ проработалъ еще остатокъ этого дня и слѣдующій, и, наконецъ, всѣ три рисунка были готовы. Дикки завернулъ ихъ въ коричневую оберточную бумагу и отправился въ редакцію «Пера» и велѣлъ доложить о себѣ Чаннингу. Онъ разсчитывалъ, что будетъ теперь принятъ немедленно, такъ какъ, вѣдь, извѣстно уже, кто онъ и зачѣмъ явился. Однако, три четверти часа прошло, какъ и тогда въ «Herald'ѣ», прежде чѣмъ мальчикъ заглянулъ въ пріемную и сказалъ: «Пожалуйте!»

Чаннингъ сидѣлъ, положивъ ноги на ящикъ письменнаго стола, выдвинутый спеціально для этой цѣли. Онъ курилъ папиросу и пилъ чай.

— А-а, здравствуйте!—сказалъ онъ.—Садитесь. Что́ это у васъ такое?

— Тѣ три иллюстраціи,—сказалъ Дикки, думая:—Неужели онъ не помнитъ?

— Ахъ, да... Ну что же? Вы сдѣлали ихъ?

— Да... хотя еще нѣтъ недѣли... но я работалъ довольно усердно.

— Давайте посмотримъ,—сказалъ Чаннингъ и протянулъ руку.

Дикки сталъ вынимать рисунки изъ коричневой бумаги. Онъ чувствовалъ увѣренность въ успѣхѣ, но все же сердце заби-

лось чаще. Онъ стоялъ, слѣдя за выраженіемъ лица Чаннинга, положившаго на столъ передъ собой сначала одинъ рисунокъ, потомъ другой. Ему хотѣлось прочесть мысли редактора, прежде чѣмъ онъ станетъ говорить. Дикки зналъ, что это—рѣшительный моментъ его жизни. Отъ того, будутъ ли приняты эти три рисунка, зависятъ его шансы на поступленіе въ художественную школу. Однѣ эти иллюстраціи могутъ дать ему возможность учиться. Вдругъ сердце у Дикка встрепенулось: онъ замѣтилъ на лицѣ Чаннинга выраженіе удовлетворенія. Это, безъ сомнѣнія, было такъ, но только Дикки не понялъ въ данный моментъ причину этого удовлетворенія. Иллюстраціи къ этому разсказу уже были присланы однимъ художникомъ съ именемъ, и даже перешли уже въ цинкографію для изготовленія клише. И въ эти четыре дня, когда Дикки такъ упорно работалъ въ своей комнаткѣ надъ свѣчной лавкой, Чаннингъ все раздумывалъ, какъ ему справиться съ восторженнымъ мальчикомъ, которому онъ такъ опрометчиво сдѣлалъ заказъ.

Теперь же дѣло разрѣшалось само собой: рисунки оказались ниже всякой критики. Чаннингъ рѣшилъ проявить великодушіе, но сколько онъ уже видѣлъ на своемъ вѣку такой безсильной мазни! Онъ былъ твердо убѣжденъ, что имѣетъ дѣло съ той же непроизводительной затратой труда и энергіи, какую часто приходилось встрѣчать.

Чары искусства—въ томъ, что побѣда надъ нимъ представляется легко-достижимой, а плоды ея—заманчивыми и упоительными. Трагедія искусства, которую суждено было пережить Дикки и тысячамъ другихъ, въ томъ, что они должны страдать, бороться и неизбѣжно терпѣть пораженія. Чаннингъ понималъ это и, глядя на рисунки, зналъ, что передъ нимъ новый солдатъ жалкой арміи работниковъ, которые безуспѣшно осаждаютъ редакціи всѣхъ лондонскихъ газетъ и журналовъ.

Чаннингу было жаль этого юношу—постольку, поскольку, вообще, онъ могъ жалѣть человѣка, ему лично не нужнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ удовлетвореніе, что этотъ мальчикъ, горделиво считавшій себя выше ихъ постояннаго сотрудника-профессіонала, оказался на дѣлѣ такимъ же безсильнымъ, какъ и всѣ его собратья. Это убѣждало Чаннинга, что онъ понимаетъ толкъ въ этомъ дѣлѣ и что онъ знаетъ вкусъ публики.

— Ну что жъ,—произнесъ онъ, наконецъ,—я думаю, вы сами понимаете, что это никуда не годится.

Часто бившееся сердце Дикки вдругъ остановилось. Онъ не могъ повѣрить словамъ, которыя только-что услышалъ.

— Не годится?

— Нѣтъ.

— Отчего?

Человѣкъ, хоть немного наблюдательный, сразу уловилъ бы трагическую ноту въ голосѣ Дика. Но Чаннингъ не услышалъ ея. Онъ протянулъ руку и изъ кучи рисунковъ вытащилъ наудачу одинъ.

— Вотъ въ какомъ духѣ намъ нужно,—сказалъ онъ.— Если вы хотите работать для журналовъ, то вамъ придется работать вотъ такъ.

Дикки бросилъ бѣглый взглядъ на иллюстрацію, затѣмъ перевелъ снова глаза на свою.

— Почему я долженъ непремѣнно рисовать такъ, какъ рисуютъ другіе?—спросилъ онъ.

— Послушайте, я вовсе не говорю, чтобы вы рабски копировали,—возразилъ Чаннингъ.—Вотъ этотъ субъектъ, Лофтъ, напримѣръ... Онъ всегда рисуетъ одинъ и тотъ же женскій типъ и одинъ и тотъ же мужской. По этимъ лицамъ публика уже узнаетъ его работу. Я не совѣтую вамъ подражать его типамъ, но нуженъ такой стиль, что ли... четкіе, чистые силуэты... изящная законченность.

— Развѣ не долженъ каждый имѣть свой стиль?—спросилъ Дикки.—Развѣ не долженъ каждый видѣть вещи по-своему?

— Да, пожалуй. Но не такъ, какъ вы проявили въ своихъ рисункахъ.

— А что же въ нихъ такого?—настаивалъ Дикки.

— Да что... Слабо очерчены. Женская фигура еще ничего, но мужская изъ рукъ вонъ плоха. Затѣмъ они недостаточно рельефны... сливаются съ пейзажемъ... Пейзажъ-то самъ недуренъ, но онъ намъ не нуженъ. Въ иллюстраціяхъ публика ищетъ прежде всего дѣйствующихъ лицъ разсказа и хочетъ видѣть ихъ ясно.

— Но развѣ можно видѣть ясно людей, которые для защиты отъ ливня спрятались подъ дерево?

— Ахъ, да наплевать мнѣ на то, что можно видѣть и чего нельзя... Я знаю твердо, чего публика хочетъ. Можете положиться на меня. Она не хочетъ вообще ни видѣть, ни думать. Вы должны и видѣть и думать за нее.

— Мнѣ кажется, что вы неправы, — горячо возразилъ

Дикки.—Вы не хотите заставить ихъ ни думать, ни смотрѣть оттого, что вы не имѣете ничего, надъ чѣмъ стоитъ думать и на что смотрѣть.

Чаннингъ первую минуту остолбенѣлъ. Энергія, съ которой Дикъ произнесъ все это, задѣла его за живое и разбудила въ немъ давно умолкшія сомнѣнія. Затѣмъ заговорила гордость: какъ, его учатъ? и кто же: мальчишка, ничего въ дѣлѣ не смыслящій!..

Чаннингъ быстрымъ движеніемъ собралъ рисунки и бросилъ ихъ Дику.

— Забирайте, пожалуйста, ваши изломанные рисунки. Мнѣ некогда больше разговаривать съ вами. Они не годятся—и все тутъ. Чего же вамъ еще? Во всемъ Лондонѣ не найдется ни одного издателя, который отнесся бы къ нимъ серьезно. Возьмите ихъ, намъ не нужна импрессіонистская мазня. Намъ нужны вещи артистически-законченныя.

Онъ кивнулъ, указывая на дверь. Дикки вышелъ, не говоря ни слова. Быстро шелъ онъ по улицамъ. Вихрь въ душѣ подгонялъ его шаги. Онъ ясно сознавалъ только одно: что они всѣ неправы, а что онъ, если даже и останется совсѣмъ одинокъ, правъ.

Но сознаніе своего полнаго краха у него явилось только тогда, когда онъ очутился въ своей маленькой комнаткѣ надъ свѣчной лавкой. Онъ бросилъ рисунки и повалился на кровать.

— Боже мой! Боже мой! что мнѣ дѣлать?—шепталъ онъ.

Мужество покинуло его. Во всемъ долгомъ пути, который ему предстояло пройти, онъ видѣлъ однѣ неудачи. И какъ разъ въ это время, когда Доротея въ Эккингтонѣ читала его пылкія обѣщанія успѣховъ. Дикки лежалъ на кровати, и тяжкія рыданія потрясали его тѣло.

Внизу, въ столовой м-съ Бальдвинъ услыхала заглушенные звуки рыданія. Она пріостановилась въ работѣ, прислушалась, затѣмъ тихонько стала подыматься наверхъ. Она постучала въ дверь, но Дикки не отвѣтилъ. Онъ не слыхалъ даже, какъ она вошла. Голова у него была зарыта глубоко въ подушку.

— Господи помилуй,—сказала она, останавливаясь возлѣ его кровати,—что съ вами случилось?

Дикки быстро поднялъ голову и сѣлъ.

— Пожалуйста, уйдите,—сказалъ онъ.—Ничего не случилось.

— Но этого не можетъ быть,—настаивала хозяйка.—

Молодой человѣкъ не станетъ плакать здорово живешь. Что такое? Скажите мнѣ. У меня самой горя и заботъ немало было. Можетъ быть, соскучились по своимъ? Послѣ деревни-то Лондонъ, пожалуй, очень ужъ мрачнымъ представляется. А я, по совѣсти говоря, въ деревнѣ пропадаю съ тоски. Побывала я, знаете, разъ и повѣрите ли... всѣ эти деревья и зеленыя поля и тишина такъ мнѣ на нервы дѣйствовали, что хоть возьми и плачь. Честное слово!.. А теперь вотъ я что вамъ скажу: сойдите-ка къ намъ внизъ, выпьемъ вмѣстѣ чайку, Констанція споетъ какую-нибудь пѣсню и тоску какъ рукой сниметъ. Право! Ну, вытрите глаза. Пойдемъ.

М-съ Бальдвинъ взяла Дика за руку.

— Я приду сейчасъ,—сказалъ онъ.—Я приду.

Она поняла, что надо пока оставить его въ покоѣ, сошла внизъ и стала въ столовой накрывать къ чаю для троихъ.

— Славный мальчикъ,—бормотала она про себя,—милый мальчикъ!

Такъ радостно и ново было чувствовать себя опять матерью.

Глава VI.

Констанція вошла въ столовую, увидѣла третью чашку и спросила:

— Для кого это?

М-съ Бальдвинъ кивкомъ головы указала наверхъ.

— Сегодня послѣ обѣда онъ вернулся домой съ какимъ-то пакетикомъ,—сказала она.—Прошелъ черезъ лавку, когда я отпускала м-съ Ватсонъ ваксы на пенни... кажется, это было на пенни, но не помню навѣрное... затѣмъ я зашла въ столовую, стала подводить счетъ, вдругъ слышу... вверху—звуки какіе-то. Точно будто плачъ, но я сразу не поняла, что это. Поднялась я наверхъ, вхожу, а онъ лежитъ на кровати и плачетъ, бѣдняга, разливается.

— Не иначе, какъ по своей милой,—сказала Констанція.

— Что? развѣ у него есть милая?

— Да... тамъ дома осталась, должно быть.

М-съ Бальдвинъ начала нарѣзывать хлѣбъ.

— Бѣдный мальчикъ!—прошептала она.—Мнѣ жаль его, онъ славный. Я сказала, что ты споешь ему, если онъ придетъ.

Констанція фыркнула. Странный народъ эти матери! столько лѣтъ прожили на свѣтѣ, а жизни не понимаютъ...

— Да вовсе не нуждается онъ въ моемъ пѣніи,—сказала

она.—Онъ за кѣмъ-то убивается, а тутъ извольте радоваться... Ты знаешь, что у м-съ Коллинзъ ребенокъ умеръ?

— Да что ты!

— Да... она спросила меня, какъ я думаю: сможетъ ли нашъ жилецъ нарисовать портретъ ребенка. Плакала ужасно.

— Ну еще бы! вѣдь это ея первенькій. Что же ты сказала?

— Сказала, что спрошу его. Она согласна дать пять шиллинговъ, если будетъ сдѣлано въ краскахъ.

— Вотъ какъ! непремѣнно скажи ему. Можетъ, это и развеселитъ его немножко.

Когда Дикки сошелъ внизъ, никто не упомянулъ ни однимъ словомъ объ его слезахъ. Нѣкоторое время разговоръ поддерживался очень туго; часто молчаніе нарушалось только громкимъ чавканьемъ м-съ Бальдвинъ, прожевывавшей хлѣбъ съ масломъ. Констанція, наконецъ,—не выдержала и сдѣлала ей замѣчаніе.

— Я не знала, что ѣмъ слишкомъ громко, сказала та.— Какой тутъ можетъ быть шумъ?

— Если ты сама не слышишь его,—сказала Констанція,—то, конечно, безполезно поправлять.

Дикки чувствовалъ себя крайне неловко. Онъ былъ пораженъ, что м-съ Бальдвинъ не разсердилась. Напротивъ, ее это даже какъ будто позабавило.

— Вотъ всегда она: и то не такъ, и то не эдакъ,—сказала она, смѣясь.—Никогда не воспитаешь дѣтей по-своему, какъ сама была воспитана. Откуда-то наберутся новаго и давай перекраивать стариковъ... Скажи ему насчетъ м-съ Коллинзъ, Констанція.

Она разсказала Дикки про заказъ, который ему предлагался. Со странными, смѣшанными ощущеніями выслушалъ Дикки предложеніе м-съ Коллинзъ. Было что-то печальное и насмѣшливое въ этомъ заказѣ написать портретъ мертваго ребенка для женщины, которая, вѣроятно, не имѣла никакого понятія о томъ, что такое настоящая картина. Но все-таки просятъ *его*. О немъ подумали, какъ о художникѣ, который можетъ сдѣлать это. И заплатятъ тоже. Что онъ напишетъ—то и возьмутъ. Не можетъ быть и вопроса о томъ, что забракуютъ. И пять шиллинговъ—это недѣльная плата за комнату.

Такъ шли мысли Дика. Въ концѣ концовъ, всѣмъ художникамъ, разсуждалъ онъ самъ съ собой, пришлось когда-либо писать портреты дѣтей. Почему ему не попробовать? Сюжетъ

тутъ есть, какъ есть во всемъ, если трактуется онъ какъ слѣдуетъ. А онъ сумѣетъ подойти къ сюжету правильно. Есть что-то трагическое въ мысли о смерти такого молодого существа. Онъ напишетъ картину, смыслъ которой будетъ—трагедія. Кто будетъ смотрѣть на нее, будетъ чувствовать страшную непоправимость смерти.

Но развѣ смерть, дѣйствительно, конецъ? Когда его мать умерла, онъ боялся взглянуть въ ея застывшее лицо. Но затѣмъ, въ ту ночь на Эккингтонскомъ мосту, когда онъ признался въ любви Доротеѣ, ему казалось, что если бъ они умерли вмѣстѣ, то смерть была бы для нихъ только началомъ. Вотъ это выразить бы въ картинѣ—не конецъ, который она несетъ, а начало, отправленіе въ новый путь. Неужели это не удастся ему? Въ этомъ есть что-то большое, увлекательное.

Въ умѣ Дикки картина уже была окончена. Даже названіе онъ для нея придумалъ. М-съ Коллинзъ и ея мертвый ребенокъ не существовали для него больше. Онъ нашелъ сюжетъ. Картина будетъ называться «Въ таинственный путь».

А м-съ Бальдвинъ и Констанція все сидѣли и удивлялись, какъ онъ долго думаетъ, прежде чѣмъ отвѣтить, что пяти шиллинговъ ему мало.

Наконецъ, Дикки поднялъ глаза.

— Я думаю, что смерть въ сущности страшно интересна,—сказалъ онъ.

М-съ Бальдвинъ бросила искоса взглядъ на дочь. Въ умѣ ея зародилось волнующее подозрѣніе, что у Дикки въ головѣ не совсѣмъ ладно. Какъ это смерть можетъ быть интересна, да еще «страшно»? По ея мнѣнію, это всегда чрезвычайно непріятная процедура, о которой нужно думать какъ можно меньше. Вѣроятно, этотъ мальчикъ никогда не видалъ, какъ умираютъ люди въ этомъ околоткѣ—не то не говорилъ бы онъ такихъ пустяковъ. У Констанціи было тоже удивленное выраженіе. Она обернулась и смотрѣла на Дика, не зная, что́ сказать. Но она не могла промолчать.

— Не очень-то интереснымъ оно вамъ покажется,—сказала она,—когда вы пойдете туда. У м-съ Коллинзъ это первый ребенокъ, и убивается она—страсть! Вѣрно, вы никогда покойника не видали.

— Да, я не видѣлъ,—проговорилъ Дикки съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Такъ я и думала,—вставила м-съ Бальдвинъ съ облегченіемъ. Признаніе Дика объясняло ей его странное утвержде-

ніе.—Я и сама не люблю, грѣшнымъ дѣломъ, смотрѣть на нихъ. Понятно, всѣ мы тамъ будемъ... я знаю... но это такая вещь, о которой лучше не думать. Иногда вотъ представляю я себѣ, какъ буду лежать застывши...

— Оставь, мама!—воскликнула Констанція.

— Ну, ладно... подумаешь это и прямо, вѣрите ли, морозъ по кожѣ деретъ. Нѣтъ ужъ, какой тамъ интересъ!

— Кажется, вы меня не совсѣмъ поняли,—сказалъ Дикки.— Вы говорите о смерти такъ, какъ будто она конецъ всего.

— А то какъ же? если бъ мама, скажемъ, скончалась— возразила Констанція—то, знаете, не особенно пріятно было видѣть ее послѣ расхаживающей по лавкѣ.

— Батюшки, зачѣмъ это такъ подробно расписывать?— запротестовала м-съ Бальдвинъ.—Увѣряю, что у меня не было бы никакой охоты расхаживать, если бъ ужъ отправилась на тотъ свѣтъ. Это во всякомъ случаѣ отдыхъ... мой покойный мужъ говорилъ передъ смертью. «Теперь ужъ буду отдыхать!»— говоритъ... Да, такъ-то...—вздохнула она—но все-таки мы не знаемъ, беретесь вы рисовать портретъ или нѣтъ.

Дикки поставилъ на столъ свою чашку.

— Конечно, берусь,—отвѣтилъ онъ, — и я знаю уже, какое дать ему названіе.

Въ лавкѣ задребезжалъ электрическій звонокъ. Очевидно, кто-то вошелъ и звонилъ, не отнимая руки отъ кнопки, до тѣхъ поръ, пока къ его услугамъ не появится хозяйка. М-съ Бальдвинъ съ досадой поднялась.

— Надо устроить звонокъ на дверяхъ,—воскликнула она,— тогда позвонятъ при входѣ и конецъ. А то извольте видѣть, забавляются!

Она пошла внизъ, продолжая все время ворчать, а звонокъ въ свою очередь звонилъ, не умолкая. Когда она входила въ лавку, хлопнула дверь, и звонъ прекратился.

— А сначала какъ она радовалась этому звонку,—сказала Констанція.—Бывало, зазвенитъ, а она улыбается.

Констанція положила оба локтя на столъ. Она была рада, что мать ушла. Инстинктивно она чувствовала, что м-съ Бальдвинъ нисколько не понимаетъ Дика. Она и сама не понимала его; но у нея было сознаніе этого и желаніе понять. Когда въ отвѣтъ на его слова о смерти, она замѣтила, что было бы, если бъ наступилъ конецъ м-съ Бальдвинъ, то она знала, что, если бъ не присутствіе матери, она сказала бы что-нибудь болѣе умное. Она любила говорить объ умномъ. Иногда,

поздно вечеромъ, когда всѣ въ домѣ уже спали, она высовывалась изъ окна и думала о томъ, какой Лондонъ—громадный, сколько людей сейчасъ, близко отъ нея, страдаетъ и радуется и сколько влюбленныхъ покоится въ объятіяхъ другъ друга,—такъ складывалась у нея эта мысль. Серьезнѣе у нея мыслей не было, но ощущенія были у нея и глубже, хотя невозможно было выразить ихъ. Вотъ это приблизительно она и понимала подъ «умными» вещами, но знала, что ни одинъ человѣкъ въ ихъ сосѣдствѣ не въ состояніи толковать съ ней о нихъ. Вотъ только Дикки—онъ можетъ!

— А какъ вы хотите назвать эту картину?—спросила она.

Дикки быстро взглянулъ на нее, спрашивая себя, пойметъ ли она. Въ ея позѣ, въ выраженіи глазъ было что-то чуткое, что́ внушало ему увѣренность, что она пойметъ.

— Я назову ее «Въ таинственный путь»,—сказалъ онъ.

Констанція кивнула головой, какъ будто вполнѣ схватила смыслъ названія. Но на самомъ дѣлѣ—она такъ мало поняла его, что принуждена была спросить: Отчего?

— Оттого, что я такъ думаю о смерти,—сказалъ Дикки,—она—не конецъ, а начало... Это какъ корабль, который приходитъ въ гавань, разгружается, беретъ новый грузъ и уходитъ опять дальше. Вы понимаете, это вотъ именно я и хочу вложить въ картину—ощущеніе не конца, а начала чего-то.

Констанція съ сомнѣніемъ смотрѣла на него. Эти мысли были для нея новы. Она напрягала соображеніе, чтобы охватить ихъ, но не могла.

— Куда онъ идетъ, когда уходитъ опять?—спросила она.

— Кто идетъ?

— Этотъ корабль.

Она цѣпко держалась символа. Пока разговоръ шелъ о кораблѣ, она понимала. Но что было тутъ похожаго на умершаго ребенка м-съ Коллинзъ—это было—выше ея разумѣнія.

— Какъ сказать... куда, вообще, идетъ корабль...—сказалъ Дикки.—Далеко въ море, въ новое странствіе. Вы видите, какъ онъ снимается съ якоря, исчезаетъ постепенно за линіей горизонта и не знаете, куда онъ плыветъ... вѣдь, онъ покажется вамъ таинственнымъ, не правда ли?

Она кивнула головой.

— Пожалуй, что такъ.

Отвѣты свои она выбирала съ трудомъ, потому что хотя заинтересована она была сильно, такъ какъ чувствовала инстинк-

тивно, что разговоръ идетъ объ очень серьезныхъ вещахъ, но пониманія у нея не было. Она знала, что Дикки будетъ рисовать умершаго ребенка м-съ Коллинзъ; но какъ? нарисуетъ ли онъ его на кораблѣ, который отчаливаетъ изъ гавани, или просто на кровати? Все это ей представлялось безумной путаницей, но было страшно интересно.

А у Дика между тѣмъ было такое чувство, какое онъ не разъ испытывалъ еще мальчикомъ, когда лежитъ, бывало, въ травѣ, окруженный цѣлымъ лѣсомъ зеленыхъ стеблей, смотритъ вверхъ и кажется ему, что онъ постигъ тайну жизни! Это чувство бываетъ у всѣхъ въ ранней юности. Потомъ годы идутъ, и опытъ учитъ насъ, что тайну міра не дано никому постигнуть. Тогда мы убѣждаемся, что стали мудрыми, и обращаемся мыслью и дѣйствіемъ къ болѣе реальнымъ предметамъ. Но все-таки еще большой вопросъ въ концѣ концовъ, что мудрѣе: опытъ ли или юношеское стремленіе къ безконечному?

Въ безсвязныхъ размышленіяхъ о смерти, Дикки со всей дерзостью молодости брался за неразрѣшимое. И вотъ сидѣли эти двое дѣтей въ маленькой столовой—одна, погрузившись въ такую глубину, которой она никогда раньше не достигала, другой—кидаясь со всѣмъ пыломъ юнаго задора, не вѣдая куда, не зная, какой лежитъ передъ нимъ путь. Онъ не замѣчалъ даже, что на новыя дерзновенія его вдохновляетъ огонекъ интереса въ глазахъ дѣвушки.

— Я никогда не думалъ,—сказалъ онъ,—что вы можете интересоваться такими вещами.

Невольно онъ даже задалъ себѣ вопросъ: была ли бы Доротея такъ заинтересована, какъ она? Сравненіе напрашивалось само собой. Вѣдь, вся жизнь была для Дикки новинкой. Каждую вещь, которую онъ видѣлъ впервые, онъ сравнивалъ съ тѣми, которыя были ему уже знакомы.

— Видите, такъ мнѣ хотѣлось бы работать,—продолжалъ Дикки,—въ картинѣ надо давать не просто предметы, а ихъ значеніе. Я старался этого добиться и въ тѣхъ иллюстраціяхъ.

— Да, а какъ онѣ понравились?—спросила Констанція.

— Ихъ не приняли,—сказалъ Дикки. Онъ могъ уже говорить объ этомъ безъ горечи. Перспектива задуманной картины давно уже разсѣяла испытанное имъ разочарованіе.

— Теперь ужъ никогда они не возьмутъ у меня ничего. Я поссорился съ этимъ редакторомъ. Онъ сказалъ, чтобы я забралъ свою работу назадъ. Былъ грубъ. Я—тоже. Словомъ, тамъ ужъ ничего не выгоритъ.

— Ахъ, а я думала, что вы разсчитываете на это,—сказала Констанція.—Вы сказали, что на эти деньги будете учиться.

Дикки кивнулъ головой.

Она облокотилась на столъ, ближе къ нему.

— Такъ вы, можетъ быть, оттого плакали у себя наверху?—спросила она.

— Кто вамъ сказалъ?

— Мама.

Дикки не зналъ, что отвѣтить. Навѣрное, она считаетъ его дуракомъ. Какъ ей угадать, что значитъ для него утрата этой работы? Но отчаяніе это было только временное. Теперь ему все равно. Настанетъ день, когда Чаннингъ раскается во всемъ, что онъ сказалъ. Развѣ деньги такъ ужъ много значатъ? У него осталось еще одиннадцать фунтовъ и этюды, которые можно продать. Если онъ продастъ нѣсколько, то напишетъ другіе. Тѣмъ или инымъ путемъ, а до школы онъ доберется. Важнѣе всего въ этотъ моментъ казалось ему то, что Констанція, пожалуй, считаетъ его дуракомъ. Онъ не задавалъ себѣ вопроса, отчего это такъ; единственнымъ его желаніемъ было изгладить изъ ея ума это впечатлѣніе.

— Мнѣ было очень обидно сразу,—сказалъ онъ.—Теперь отлегло. И что за радость была бы въ этихъ иллюстраціяхъ? Картина будетъ въ милліонъ разъ важнѣе и лучше.

— Но вы плакали,—настойчиво повторила Констанція, и сквозь вульгарный акцентъ, который такъ не понравился ему въ ней вначалѣ, прозвучала мягкая нота, странно - пріятно коснувшаяся его слуха.

— И вы, должно быть, думаете, что я ужасный дуракъ,—сказалъ онъ.

— Мнѣ жалко, что я не пришла вмѣсто мамы,—отвѣтила она.

Услышавъ это, Дикки почувствовалъ, какъ прихлынуло къ его душѣ что-то непонятно-радостное. Да, жалко, что она не пришла утѣшать его! Ему казалось, что она поняла бы его: онъ не зналъ, какія усилія мысли она производила, чтобы слѣдить за нимъ. Все это быстро промелькнуло въ сознаніи Дика, и затѣмъ жгучимъ укоромъ предстало воспоминаніе о Доротеѣ, объ его Доротеѣ. Онъ вскочилъ съ мѣста, чувствуя себя виноватымъ и подлымъ.

— Такъ какъ же насчетъ м-съ Коллинзъ?—спросилъ онъ.

Констанція слегка коснулась рукой его плеча и улыбнулась.

— Странный вы человѣкъ!—сказала она.

Глава VII.

Такъ называемые дома Пибоди въ Дрюри-Лэнъ'ѣ—это огромные каменные корпуса, построенные вокругъ открытой асфальтовой площадки въ родѣ сквера, которую никакой архитекторъ не осмѣлится назвать квадратомъ. Нѣтъ такого часа дня, и мало ихъ есть ночью, когда въ этомъ скверѣ тихо; но въ обѣденное время, когда дѣти возвращаются изъ школы, и передъ вечеромъ, послѣ всѣхъ занятій, тамъ подымается сущій адъ. Крики, визгъ, безпрестанный стукъ подбитыхъ гвоздями сапогъ по твердому асфальту—другого мѣста для игръ у этихъ дѣтей нѣтъ—все это для посторонняго зрителя представляется совершенно невыносимымъ. Для тѣхъ же, кто живетъ здѣсь и сжился съ обстановкой и атмосферой — это ихъ домъ, а это, какъ-никакъ, заставляетъ мириться со многимъ.

Отдѣльныя зданія, различающіяся только по воротамъ, пронумерованы отъ A до Z. Всѣ они вышиной въ четыре — пять этажей; на каждой площадкѣ нѣсколько квартиръ, состоящихъ изъ трехъ комнатъ. Каменная лѣстница съ желѣзными перилами, глухія двери, какъ двери тюрьмы, съ номеромъ.

Какъ бы въ соотвѣтствіи съ этимъ, похожимъ на тюремное, существованіемъ, въ каждомъ почти окнѣ стоитъ клѣтка, въ которой хирѣетъ печальная птица, пока какимъ-нибудь тихимъ утромъ она не найдетъ свое вѣчное успокоеніе. На нѣкоторыхъ подоконникахъ стоятъ цвѣты въ горшкахъ, и блеклыя ихъ краски напоминаютъ о томъ, что родъ человѣческій былъ изгнанъ изъ сада и вѣчно борется, чтобы снова вернуться туда.

Въ номерѣ девятомъ дома *E* у кровати, на которой лежало тѣло умершаго ребенка, сидѣла м-съ Коллинзъ.

Это была худенькая, маленькая женщина съ ввалившимися щеками. Въ тридцать четыре года—она оставила уже надежду на радость въ жизни и работала, какъ машина—угрюмо и покорно. И вотъ вдругъ мужчина, надъ безобразіемъ котораго часто смѣялись другія женщины, нашелъ какое-то очарованіе въ ея глазахъ. Съ этого дня она часто улыбалась и шла иногда на работу съ пѣсней.

Но опасно бываетъ полюбить вдругъ жизнь. Послѣ шестимѣсячной, ежеминутной борьбы ея ребенокъ умеръ. Значитъ, не судьба, подумала она, уже слишкомъ поздно для того, чтобы быть счастливой. Слишкомъ поздно быть еще разъ матерью.

Ей теперь было все равно. Она сидѣла возлѣ кровати,

держа въ своихъ рукахъ маленькую ручку умершаго ребенка— въ этой позѣ засталъ ее и Дикки, когда пришелъ.

При его появленіи она не двинулась съ мѣста. Казалось, она ухватилась и крѣпко держится за что-то, что очень скоро будетъ у нея отнято, и оттого она боится потерять хотя бы одну минуту. Но подъ властью своего художественнаго настроенія Дикки не замѣчалъ этого. Онъ былъ поглощенъ своимъ сюжетомъ, и мысль о томъ, что этой женщинѣ хочется сохранить на память портретъ ребенка, когда его отнимутъ у нея — эта простая мысль скоро ускользнула отъ него.

Даже слова женщины: «Я раньше, было, думала снять съ него фотографію», не выяснили ему, какого рода услуга ожидается отъ него. Онъ стоялъ рядомъ съ ней возлѣ кровати и первый разъ въ жизни смотрѣлъ на смерть, не понимая ея ужаса, забывая все ради неутомимо смѣлаго желанія найти ея смыслъ.

Какъ онъ представлялъ, такъ и есть: смерть непохожа на конецъ. Тишина дѣтскаго лица, лежавшаго передъ нимъ на подушкѣ, говорила ему не о смерти, а о странствіи. Что-то было здѣсь, а теперь уходитъ. «Таинственный путь»—это правильно. Глядя на блѣдныя щечки и на закрытыя вѣки ребенка, Дикки думалъ, что онъ сумѣетъ передать все это, и руки горѣли отъ желанія начать работу. Онъ зналъ теперь, какъ это надо сдѣлать: надо изобразить не только ребенка, но и мать. Въ скорбномъ взглядѣ матери было признаніе тѣхъ цѣпей, которыя все еще привязываютъ ее къ пристани, и благодаря этому контрасту еще ярче оттѣняется въ мирномъ спокойствіи сомкнутыхъ вѣкъ ребенка чувство освобожденія, радостное сознаніе свободнаго устремленія въ таинственный путь.

Такія мысли зрѣли у Дика, пока онъ молча стоялъ, глядя на мертваго ребенка.

М-съ Коллинзъ заговорила первая.

— Точно будто спитъ. Правда? — сказала она. — Такой красивый былъ мальчикъ, и сказать невозможно. Никогда я не видѣла у ребенка такихъ голубыхъ глазъ, какъ у него. Просто не оторваться, бывало.

— Когда онъ умеръ?—спросилъ Дикки.

— Сегодня ночью... въ два часа... я сидѣла возлѣ него вотъ такъ же, какъ сейчасъ,—начала бѣдная женщина, говоря тѣми же словами, которыми она разсказывала объ этомъ всѣмъ, зашедшимъ навѣстить ее. Каждый разсказъ наново растравлялъ рану: это было единственное, возможное для нея сейчасъ утѣшеніе.

— Я сидѣла возлѣ кровати. Докторъ сказалъ, что онъ можетъ не пережить этой ночи, но если переживетъ, то можно надѣяться. Вотъ пробило два. «Господи Боже!»—думаю я,—«черезъ часъ-два разсвѣтетъ» и значитъ, думаю, онъ будетъ спасенъ. И только я это подумала, можетъ быть, черезъ минуту онъ началъ опять кашлять и задыхаться. Видитъ Богъ, я дѣлала все, что́ могла, но скоро начались конвульсіи. Дергало его, бѣдненькаго, такъ, что мнѣ прямо кричать хотѣлось. И вдругъ сразу, когда его скрутило какъ узломъ, онъ затихъ, и головка спокойно легла на подушку. Я думала, что это передышка на нѣсколько минутъ, — тутъ слезы потекли у нея изъ глазъ, — гляжу, а онъ уже не дышитъ. Мой мужъ какъ началось, побѣжалъ за докторомъ, но было слишкомъ поздно. Господи! какъ быстро Господь прибираетъ ихъ къ себѣ!

Она вытерла глаза и носъ кончикомъ простыни.

— Я не помѣшаю вамъ,—продолжала она,—если посижу здѣсь, пока вы будете рисовать. Завтра уже похоронятъ.

— Сидите, сидите, вы мнѣ нужны,—сказалъ Дикки.

— Что? вы и меня хотите нарисовать?

— Да.

— Зачѣмъ это? я не причесана, не одѣта и не хочу видѣть себя на портретѣ. А затѣмъ... больше пяти шиллинговъ я заплатить не могу. Фотографія была бы дешевле, но я подумала, что если бъ вы добавили красками... отъ миссъ Бальдвинъ я слыхала, что вы—художникъ... то это стоило бы лишняго шиллинга или двухъ...

— Вамъ это ничего не будетъ стоить,—сказалъ Дикки,—но мнѣ вы нужны обязательно.

М-съ Коллинзъ, въ самомъ дѣлѣ, не хотѣла фигурировать на портретѣ, но она покорно сѣла, а Дикки взялся за работу.

Въ пылу увлеченія дѣло спорилось быстро. Онъ мало обращалъ вниманія на правильность рисунка—ему важно и интересно было только уловить настроеніе.

Онъ работалъ, а м-съ Коллинзъ разсказывала ему разныя исторіи о ребенкѣ, съ каждой переживая вновь его короткую жизнь и безпрестанно отирая слезы концомъ простыни.

Черезъ два часа картина была окончена. Теперь каждый новый мазокъ, казалось, ослабляетъ то впечатлѣніе, которое уже схвачено. Дикки съ восклицаніемъ отчаянія положилъ свою палитру.

— Не смѣю больше,—сказалъ онъ.

Тонъ его восклицанія заставилъ м-съ Коллинзъ удивленно вскинуть на него взглядъ.

— То есть какъ это вы не смѣете?—спросила она.

— Ну да. Все бы пропало, если бъ я продолжалъ,—отвѣтилъ Дикки.—Сразу оно давалось, я чувствовалъ. Въ самомъ концѣ я попробовалъ схватить освѣщеніе... очень оно интересное. Но какъ только я сдѣлалъ это, какъ все настроеніе исчезло.

Для м-съ Коллинзъ это все была тарабарщина. Она съ изумленіемъ глядѣла на Дика, а затѣмъ вмѣсто всякихъ объясненій протянула руку.

— Покажите, пожалуйста.

Онъ повернулъ къ ней картинку.

— Но вы не нарисовали его глаза,—протянула она съ недоумѣніемъ,—я, вѣдь, сказала вамъ, что голубые. А это что такое черное тутъ впереди?

— Это вы,—сказалъ Дикки.

— Господи помилуй!.. нѣтъ... мнѣ не нужно такого. Вы не сдѣлали его глазъ.

— Но они закрыты,—мягко замѣтилъ Дикки.

— Господи! развѣ я не знаю? Но, вѣдь, я хочу, чтобы портретъ напоминалъ мнѣ его, живого. Для этого онъ мнѣ и понадобился. Совсѣмъ это не то... Не тотъ ребенокъ, который смѣялся и прыгалъ на рукахъ. Вы хотите, чтобы я заплатила вамъ пять шиллинговъ за это вотъ?

Дикки почувствовалъ большое облегченіе. Онъ понялъ, что можетъ оставить картину себѣ. Но, конечно, онъ готовъ отдать ее даромъ, что онъ тотчасъ и сдѣлалъ.

— Спасибо. Нѣтъ, она мнѣ не нужна,—сказала м-съ Коллинзъ.—Я закажу фотографію. Вотъ что я сдѣлаю. Они вставятъ глаза, какъ сдѣлали для м-съ Іорнеръ, когда ея мужъ умеръ.

— Но онъ не похожъ здѣсь на мертваго, правда?—спросилъ Дикки.

— Право, я не знаю,—отвѣтила она.—По-моему, онъ не похожъ ни на что. Мнѣ хотѣлось видѣть его веселенькимъ, какъ онъ, бывало, сидитъ. Я думала, что если вы художникъ, то сумѣете это сдѣлать. А тутъ и не живой и не мертвый. Не понимаю...

Глаза Дика загорѣлись.

— А-а-а! значитъ, онъ не похожъ на мертваго,—радостно воскликнулъ онъ.—Вы сказали это. А я этого и хотѣлъ.

Быстрымъ движеніемъ онъ засунулъ вдругъ руку въ карманъ.

— М-съ Коллинзъ,—сказалъ онъ.—Позвольте мнѣ заплатить за фотографію. Я только зря отнялъ у васъ время. Позвольте.

Она смотрѣла на него своими покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

— Что вы? помилуйте,—сказала она.—Я, право, не знаю, можно ли мнѣ брать у васъ деньги.

Онъ уловилъ невольное согласіе въ ея голосѣ и сунулъ ей въ руку нѣсколько монетъ.

— Пожалуйста,—сказалъ онъ.

Она приподняла край кофты, чтобы положить деньги въ карманъ, и слезы снова полились изъ ея глазъ.

Глава VIII.

Какъ ни урѣзывалъ себя Дикки, какъ мало ни тратилъ на ѣду, все же скоро наступало время, когда его двѣнадцать фунтовъ оказались на исходѣ.

Но не это угнетало его. Проведя въ Лондонѣ недѣли двѣ, онъ свыкся съ перспективой бѣдности. Больше всего терзала его мысль, что съ каждымъ днемъ все меньше надежды попасть въ какую бы то ни было художественную школу. Плата въ нихъ—особенно въ вечернихъ—была невелика, но она была все-таки недоступна для его кармана.

Въ теченіе цѣлой недѣли Дикки обходилъ магазины картинъ и эстамповъ, и всюду предлагалъ свои этюды по какой угодно цѣнѣ. Но никто не хотѣлъ брать ихъ. Люди, продававшіе маленькія акварели по цѣнѣ, которую Дикки считалъ для себя состояніемъ, относились къ его работѣ всѣ одинаково, какъ-будто сговорились.

— Вамъ не продать ихъ,—сказалъ ему одинъ изъ нихъ,—они не во вкусѣ публики. Неопредѣленно ужъ очень, фантастично. Публика любитъ фигуру или двѣ или пасущихся коровъ на лугу. Вотъ если бъ вы взяли эту картинку и вставили бы въ нее фигуру дѣвушки съ кувшиномъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, то я могъ бы дать вамъ за нее десять шиллинговъ. Больше не стоитъ.

Въ этотъ день Дикки вернулся домой съ облегченнымъ сердцемъ и заставилъ Констанцію позировать ему съ кувшиномъ въ рукѣ.

Они вмѣстѣ понесли передѣланный этюдъ въ магазинъ, вошли, и Констанція стояла рядомъ съ Дикомъ, пока хозяинъ безстрастно оглядывалъ товаръ со всѣхъ сторонъ.

— Да-а,—сказалъ онъ,—теперь, конечно, лучше. Я зналъ,

что сюда нужна интимная нотка... но, знаете, не очень-то она мнѣ нравится. Врядъ ли можно будетъ ее продать, даже если вставить ее въ дорогую рамку. Вижу ея достоинства... ваша картинка, можетъ быть, и лучше, чѣмъ вотъ эти Вальтера Блэней... я ихъ столько продаю. А вашей не продать вовѣкъ, это я ужъ знаю.

Дикки взялъ свой этюдъ съ прилавка. На душѣ у него было такъ горько, такъ пусто, что всѣ слова казались ненужными. Всѣ его попытки казались тщетными, жестокій молотъ судьбы все ближе замахивался надъ нимъ. Въ этотъ моментъ онъ совсѣмъ забылъ о Констанціи, и только ея голосъ неожиданно напомнилъ ему объ ея присутствіи.

— Вы, кажется, воображаете, что понимаете, что хорошо и что плохо,—воскликнула она.

Дикки взглянулъ на нее. Глаза у нея сверкали. Очевидно, она почувствовала горькое разочарованіе Дика и то, что сдѣлало его нѣмымъ, зажгло въ ней пламя возмущенія.

— Столько же вы смыслите въ картинахъ, сколько и я,— продолжала она.—«Интимная нотка»! Что за ерунда! Если бъ у васъ самихъ-то была эта интимная нотка, то вы заплатили бы деньги за заказанную вещь, какъ порядочный человѣкъ. Вы сказали ему вставить женщину съ кувшиномъ—такъ или нѣтъ? И сказали, что дадите за это десять шиллинговъ. А теперь, когда онъ испортилъ свою картину, вы начинаете критику наводить!

Дикки взялъ ее за руку, но она стряхнула его.

— Оставьте меня!—кричала она.—Я знаю, что дѣлаю. Онъ сказалъ, что заплатитъ десять шиллинговъ, и онъ долженъ заплатить.

Торговецъ успѣлъ уже оправиться отъ изумленія. Съ нимъ никогда не разговаривали такъ, да еще въ его собственномъ магазинѣ! Онъ сразу замѣтилъ разницу воспитанія и происхожденія между Дикки и Констанціей и не замедлилъ воспользоваться ею для своей защиты.

— Послушайте, барышня,—началъ онъ,—я не знаю, какъ вы попали въ общество такого воспитаннаго молодого человѣка... развѣ-что подцѣпили его на улицѣ. Но если вы не уйдете сію минуту изъ моего магазина, то я пошлю за городовымъ.... впрочемъ, думаю, вамъ ужъ приходилось прогуливаться съ нимъ вмѣстѣ... Честью прошу, уйдите! А затѣмъ, будь я на мѣстѣ этого молодого человѣка, я подождалъ бы, пока вы повернете за уголъ, прежде чѣмъ итти за вами.

Дикки взялъ Констанцію за руку.

— Идемте отсюда,—тихо сказалъ онъ,—ничего, вѣдь, нельзя сдѣлать.

Но тутъ только онъ понялъ смыслъ всего сказаннаго торговцемъ и повернулъ назадъ.

— Если вамъ когда-нибудь выпадетъ удача встрѣтиться съ настоящей лэди,—сказалъ онъ,—то въ видѣ одолженія попросите у нея научить васъ, какъ надо обращаться съ женщиной.

— Что такое? Вы тоже городового захотѣли?—заревѣлъ купецъ.

— Да,—отвѣтилъ Дикки спокойно.—Но прежде, чѣмъ вы его найдете, потрудитесь выйти сюда изъ-за прилавка. Мнѣ надо посчитаться съ вами.

Дикки чувствовалъ, что ноги у него дрожатъ—точь-въ-точь, какъ дрожали тогда, во время его дѣтской борьбы съ Вильфридомъ Легаттъ. Одна мысль о дракѣ была ему противна, и уже въ яркихъ краскахъ представлялась эта безобразная сцена. Но совѣсть его требовала защитить женщину, и что-то, несмотря на страхъ и отвращеніе, мѣшало ему ретироваться.

— Ну что же? вы идете?—спросилъ Дикки, замѣчая, что голосъ его дрожитъ.

— Я могу пойти на заднюю дверь, если захочу,—отвѣтилъ торговецъ.

Дикки разсмѣялся—это былъ смѣхъ облегченія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—вы, пожалуй, не застанете меня здѣсь, когда вернетесь. Помните, что не я хочу драться... а если вамъ этого захотѣлось, то пожалуйста...

— Вы уйдете изъ магазина?

Дикки снова разсмѣялся.

— Хорошо, такъ и быть,—сказалъ онъ,—да... я уйду. Но на прощанье я хочу сказать вамъ одну вещь.

— Какого еще чорта?

— Грязная у васъ душа, сэръ... мое почтеніе!..

Только отойдя довольно далеко отъ магазина, Дикки почувствовалъ, что начинаетъ успокаиваться. Его мучила мысль, что онъ струсилъ. «Другой на моемъ мѣстѣ, думалъ онъ, не требовалъ бы удовлетворенія, а просто поучилъ бы хорошенько этого нахала». Онъ ощущалъ презрѣніе къ самому себѣ, и чѣмъ глубже было это презрѣніе, тѣмъ больше росло въ немъ восхищеніе передъ дѣвушкой, такъ смѣло выступившей въ его защиту.

Какая она упорная! Онъ съ трудомъ уговорилъ ее уйти

изъ магазина. И все это было ради него. Его неудача вызвала ее на борьбу. Насколько она лучше его!

Теперь уже не было сомнѣній въ томъ, что онъ неудачникъ. Чего еще ждать? Его работы никому не нужны. Для успѣха, для будущаго необходима серьезная школа, но какъ добиться ея? Нечаянно скользнула въ сознаніи мысль о возвращеніи домой и работѣ на мельницѣ. Горечь и досаду вызвала она въ немъ. Нѣтъ, лучше умереть съ голоду, лучше покончить съ собой, чѣмъ вернуться назадъ! Въ концѣ концовъ найдется же въ Лондонѣ какая-нибудь работа! Онъ стиснулъ зубы, ноздри его задрожали, и Констанція, взглянувъ на него, замѣтила странное выраженіе его лица.

— Не унывайте, Дикки,—сказала она, въ первый разъ называя его по имени. Онъ, не думая о томъ, что дѣлаетъ, взялъ ее подъ руку.

— Я не уныва́ю,—сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой.— Мы еще повоюемъ! Придется имъ когда-нибудь взять мои картины.

Констанція сжала его руку. Женщина любитъ, чтобы ея избранникъ былъ смѣлъ, шелъ на борьбу. Собственно говоря, Констанціи пришлось бы по вкусу, если бъ Дикки подбилъ глазъ нахалу-торговцу. Когда на улицѣ случалась какая-нибудь драка, она всегда съ жгучимъ интересомъ слѣдила за ея перипетіями. Тѣмъ не менѣе она ясно ощущала, что Дику предстоитъ тяжелая борьба. Конечно, она не представляла себѣ ясно, что связано для него со всѣмъ этимъ дѣломъ, но онъ шелъ на борьбу, и съ той минуты, какъ онъ взялъ ее подъ руку, и она назвала его по имени, онъ сталъ *ея* Дикки—и ей было все равно, есть ли тамъ какая-то другая дѣвушка или нѣтъ.

— Ну, конечно, они возьмутъ!—воскликнула она,—а надняхъ вы должны написать съ меня плакатъ въ краскѣ для мюзикъ-холла.

Эти слова дали ему почувствовать, какъ плохо она понимаетъ, что значитъ для него продать или не продать картину; разомъ съ этимъ, онъ ощутилъ свою руку въ ея рукѣ. Онъ высвободилъ ее, и Констанціи показалось, что вмѣстѣ съ ней ушла отъ нея вся радость жизни.

— Вы, кажется, думаете, что я стремлюсь деньги наживать,—сказалъ Дикки,—а мнѣ деньги нужны только для того, чтобы учиться.

Констанція поняла, что она опять отвергнута.

— Конечно,—сказала она,—извиняюсь... я не то хотѣла сказать.

Глава IX.

Прошло еще четыре недѣли, и у Дикки оставалось уже очень мало денегъ. Однажды ночью онъ сѣлъ на кровати и сосчиталъ ихъ: было шесть шиллинговъ съ небольшимъ. Передъ нимъ была перспектива полнаго краха и бѣдности, и онъ ждалъ ихъ, какъ ждутъ судьбу, преслѣдующую по пятамъ.

— Теперь конецъ!—произнесъ онъ вслухъ и все-таки чувствовалъ, что это не конецъ. И хотя онъ обѣгалъ массу мѣстъ по публикаціямъ и магазиновъ, гдѣ предлагалъ свои услуги, вездѣ встрѣчая отказъ, и хотя зналъ, что къ концу этой недѣли у него не будетъ ни крыши надъ головой, ни ѣды—все-таки въ душѣ сидѣла увѣренность, что это не конецъ.

М-съ Бальдвинъ ничего не знала объ этомъ, а Констанція только наполовину угадывала правду. Если бъ онѣ знали, что дѣло обстоитъ такъ худо, то несомнѣнно надоумили бы Дика обратиться въ одну изъ безчисленныхъ конторъ для пріисканія занятій,—Дикки никогда не слыхалъ объ ихъ существованіи. Онъ искалъ объявленій въ окнахъ магазиновъ и когда видѣлъ подходящее, то заходилъ,—но, странно! всѣ встрѣчали его какъ-то подозрительно и коротко заявляли, что онъ не подойдетъ.

Въ то время у Дика отрасли волосы и неровными прядями спадали на воротникъ. Онъ ни разу не подстригалъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Хоть и небольшой, а все же это былъ расходъ, и онъ охотно отказался отъ него. Дикки никогда не занимался своей наружностью, даже въ то время, когда онъ влюбился въ Доротею. А теперь все это имѣло для него еще меньше интереса, чѣмъ всегда.

А между тѣмъ именно наружность больше всего мѣшала ему найти работу. Трудная, вообще, это вещь въ наше время, но когда наружность человѣка даетъ впечатлѣніе чего-то незауряднаго, то мало найдется людей, которые дали бы ему у себя занятіе. Всѣмъ бросались въ глаза длинныя темныя кудри Дика, яркій огонекъ энергіи въ его взглядѣ. Даже нотка рѣшительности въ его тонѣ говорила противъ него. На службѣ рѣшительность не требуется—имъ нужна унылая регулярность машины. Дикки былъ весь какъ порохъ. Онъ вспыхивалъ и горѣлъ. Только у себя въ комнаткѣ, при свѣтѣ единственной свѣчки, онъ чувствовалъ, какъ погасаетъ жаръ его сердца. Надежда и энергія мерцали тогда лишь едва замѣтными искорками.

Въ субботу, въ послѣдній день послѣдней недѣли, Дикки постучался въ столовую, гдѣ м-съ Бальдвинъ сидѣла одна за чаемъ и положилъ ей на столъ деньги за квартиру. Она вложила ихъ въ ящикъ, гдѣ они зазвякали вмѣстѣ съ другими деньгами.

— Выпейте чашку чаю,—сказала она.

Дикки охотно согласился. Всю эту недѣлю онъ лишенъ былъ дневного чаепитія. Видъ ѣды въ это время былъ черезчуръ заманчивъ. Дикки сталъ молча и быстро ѣсть. Ему надо было сказать м-съ Бальдвинъ о своемъ уходѣ отъ нея и сказать такъ, чтобы она не догадалась, что онъ остается на улицѣ. Но сейчасъ, послѣ четырехъ кусковъ хлѣба съ масломъ и горячаго чая, Дику опять казалось, что это еще не конецъ, что это только трудности, которыя онъ предвидѣлъ и которыя надо преодолѣть.

Онъ попросилъ еще чашку чаю и затѣмъ спокойно и даже благодушно разсказалъ о своемъ переѣздѣ.

— Переѣзжаете?—переспросила она.—Куда же это? Развѣ вамъ у насъ неудобно? Насчетъ чистоты ужъ лучше не найти. Въ другомъ мѣстѣ станутъ мѣнять постельное бѣлье каждыя двѣ недѣли. А насчетъ завтрака, такъ это не моя вина, что вы перестали ѣсть яйца и колбасу утромъ. Я всегда говорила, что молодому парню на одномъ хлѣбѣ не обойтись. Что это вздумалось вамъ уѣзжать, когда мы уже такъ привыкли къ вамъ? И знаете, нелегкое это дѣло найти хорошаго жильца! Послѣдній передъ вами велъ себя, Богъ знаетъ какъ... пришлось попросить его искать себѣ другой комнаты. Но вамъ-то зачѣмъ перебираться?

Она говорила все это отъ души. Дикки зналъ, что если бы онъ сообщилъ ей свои основанія, то она отложила бы всякіе разсчеты до того времени, когда у него будутъ деньги. Но что-то мѣшало ему сдѣлать это. Какъ добродушна она ни была, Дикки чувствовалъ, что не въ силахъ выносить ея сочувствія; ибо сочувствіе должно соединяться съ пониманіемъ, а этого, какъ онъ зналъ, она была совершенно лишена. И онъ держался упорно за свою гордость, какъ большинство изъ насъ дѣлаетъ, потому что эта гордость нравилась ему. Ему казалось, что легче умереть, чѣмъ быть невѣрно понятымъ.

— Мнѣ вовсе не хочется уходить отъ васъ,—сказалъ онъ,—потому что здѣсь мнѣ очень удобно. Но я думаю поѣхать домой.

Это онъ сказалъ наудачу—первое, что́ пришло ему въ голову.

— Что? развѣ не налаживается у васъ здѣсь?—спросила она.—А м-съ Коллинзъ не заплатила, что ли, за своего ребенка?

— Ну что жъ? это было всего только пять шиллинговъ,—отвѣтилъ онъ,—а кромѣ того, я не могъ сдѣлать того, что̀ ей нужно было. Она заказала вмѣсто этого фотографію. Но ничего... наладиться-то налаживается, а все-таки ѣхать домой надо.

М-съ Бальдвинъ всегда скоро примирялась съ неизбѣжнымъ. Она покачала головой и стала собирать со стола чайную посуду.

— Констанція будетъ очень огорчена,—сказала она,—теперь какъ разъ, когда ей улыбнулось наконецъ счастье въ ея дѣлѣ, и все такое.

Это было вѣрно. Констанція, дѣйствительно, добилась успѣха: она получила «выходъ», однимъ изъ первыхъ номеровъ въ мюзикъ-холлѣ Миддльсексъ. Она принесла контрмарки, и м-съ Бальдвинъ и Дикки ходили послушать ее. Дикки пожалѣлъ потомъ объ этомъ. Вѣроятно, у него въ крови было что-то отъ отцовскаго пуританизма. Другія женщины, выступавшія тамъ, не шокировали его; но было непріятно видѣть на подмосткахъ Констанцію, которую онъ зналъ и которой восхищался больше, чѣмъ самъ себѣ признавался въ этомъ. Онъ чувствовалъ, что она принизила себя, и отъ этого на душѣ было необъяснимо неловко и тяжело. Самонаблюденіе было мало свойственно Дику. Если бы онъ обладалъ имъ, то замѣтилъ бы, что Констанція становится ему такъ близка, какъ никогда не была близка Доротея.

Обо всемъ этомъ онъ избѣгалъ думать. И теперь, когда мысль его остановилась на этомъ, онъ былъ радъ, что съѣзжаетъ съ квартиры. Это избавляло его отъ какого-то страннаго чувства недовольства собой и разочарованія, которое онъ испытывалъ въ послѣднее время. Какъ-то разъ онъ поймалъ себя на томъ, что слѣдитъ за Констанціей, когда она вечеромъ отправляется въ свой мюзикъ-холлъ; иногда онъ раздумывалъ о томъ, съ какого рода людьми ей приходится сталкиваться на сценѣ. Конечно, уѣхавши, онъ забудетъ все это. Ему не жаль было уѣзжать.

— Да... что жъ? иначе нельзя,—сказалъ Дикки.—Но, пожалуйста, не думайте, что мнѣ было у васъ неудобно. Мнѣ было очень хорошо. Вы такъ добры ко мнѣ.

— Такъ, значитъ, вы уѣзжаете въ субботу?—спросила она.

— Да,—отвѣтилъ онъ и пошелъ къ себѣ.

Свою маленькую комнатку онъ успѣлъ полюбить за это

время. Надъ кроватью былъ повѣшенъ портретъ ребенка м-съ Коллинзъ; нѣсколько этюдовъ, сдѣланныхъ въ Лондонѣ, были булавками приколоты къ стѣнамъ. Теперь было безконечно уютнѣе, чѣмъ въ первые дни его жизни здѣсь. Его работа, его стремленія оживали въ этой комнатѣ. Здѣсь онъ пережилъ всѣ свои завѣтныя мысли и мечты. Здѣсь онъ напряженно работалъ надъ этюдами, стараясь добиться на полотнѣ воспроизведенія всѣхъ эффектовъ, какіе подмѣтилъ на улицахъ.

Дикки зналъ, что сдѣлалъ успѣхи, даже за это короткое время. Одинъ изъ этюдовъ, гдѣ возъ, нагруженный цвѣтами, медленно ползетъ по улицѣ, окутанной таинственнымъ сѣрымъ свѣтомъ ранняго утра—этотъ этюдъ былъ настолько выше всего, что онъ сдѣлалъ до сихъ поръ, что одно его присутствіе здѣсь дѣлало Дику дорогою эту комнату.

Онъ смотрѣлъ на эту картинку и самъ не зналъ, радъ ли онъ, что уходитъ отсюда, или не радъ.

Картинка называлась «Благоуханіе»—онъ давалъ имена всему, что рисовалъ—и глядя на нее въ этотъ вечеръ, Дикки думалъ, что можетъ быть удастся продать ее, и тогда онъ сможетъ остаться здѣсь еще недѣлю-двѣ.

Теперь Дикки уже ощущалъ ясно, что жаль уѣзжать. Что-то изъ его жизни уйдетъ вмѣстѣ съ этимъ отъѣздомъ. Онъ вздрогнулъ, когда внезапно раздался стукъ въ дверь. Онъ закричалъ: «Войдите!» вошла Констанція, и Дикки почувствовалъ, что его сердце забилось сильнѣе.

— Мнѣ страшно жаль этой комнаты,—сказалъ онъ себѣ,—здѣсь хорошо работается!

Это было вѣрно. Дѣйствительно, онъ здѣсь работалъ хорошо. Но это было оттого, что здѣсь же, рядомъ, была Констанція и что, хотя она и не понимала его дѣла, но понимала, что онъ пошелъ на борьбу: вотъ это сознаніе ободряло и вдохновляло его.

Какъ только Констанція вошла въ комнату, Дикки понялъ сразу, что она хочетъ сказать. И онъ ждалъ ея словъ, радуясь тому, что она пришла.

— Мама говоритъ, что вы ѣдете,—начала она,—уѣзжаете отъ насъ въ субботу.

Онъ кивнулъ головой.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?

— Я долженъ.

Констанція присѣла на край кровати. Она только-что вернулась отъ театральнаго агента и была въ новомъ платьѣ, не-

давно купленномъ на заработанныя деньги. Она знала, что платье идетъ къ ней и что, если только ея разсчеты не ошибочны, то онъ не уѣдетъ.

— Мама говоритъ, что вы ѣдете домой,—продолжала она.

Маленькая пауза. Затѣмъ онъ сказалъ:—Да.

Но для Констанціи пауза эта оказалась достаточно длинной и краснорѣчивой. Сердце ея встрепенулось: она поняла, что это неправда!

— Вы не ѣдете домой,—быстро сказала она,—вы просто потерпѣли неудачу... вамъ тяжело... нечѣмъ платить за комнату. Вотъ въ чемъ дѣло. Меня не обманете!

Если онъ не ѣдетъ домой, значитъ, секретъ не въ *той* дѣвушкѣ! А этого она испугалась прежде всего, когда мать сообщила ей новость о жильцѣ. «Это *она*!»—промелькнуло тогда у нея въ головѣ, и не было въ ней никакого чувства долга. Съ той минуты, какъ Дикки, выходя изъ картиннаго магазина, взялъ ее подъ руку, съ той минуты, какъ она почувствовала, какой горькій путь испытаній лежитъ передъ нимъ, всякое чувство долга по отношенію къ *той* покинуло ее. Дикки—ея избранникъ, и она готова была изъ-за него на всякую борьбу, какъ въ тотъ разъ готова была накинуться на грубаго хозяина магазина.

— Нѣтъ, не обманете!—повторила она.

Дикки пристально взглянулъ ей въ лицо. Въ душѣ его шла послѣдняя борьба: хотѣлось сохранить свою гордость. Но затѣмъ скользнула мысль: къ чему тутъ гордость? Развѣ не лучше имѣть сочувствіе и симпатію? Ему не повезло. Не повезло настолько, что онъ не въ состояніи дольше жить здѣсь. Но это не окончательный крахъ. Можетъ быть, придется на улицѣ остаться, все-таки онъ зналъ, что побѣдитъ! Этюдъ воза съ цвѣтами былъ для него порукой будущей побѣды. Въ немъ онъ ближе подошелъ къ завѣтной цѣли—къ разгадкѣ самого себя. Дикки взглянулъ на этотъ этюдъ и подумалъ: была не была — пусть Констанція узнаетъ правду. Онъ побѣдитъ!

Дикки, улыбаясь взобрался, на комодъ и, свѣсивъ ноги, прищелкнулъ сдвинутыми каблуками.

— Пусть такъ, — сказалъ онъ, — а что, если я не ѣду домой?

— Не ѣдете?

— Нѣтъ.

— Значитъ, сѣли на мель? Финансы—швахъ?

— Да.

Онъ вынулъ изъ кармана немного денегъ и пересчиталъ ихъ въ рукѣ.

— Къ концу недѣли,—сказалъ онъ,—у меня будетъ только семь съ половиной пенсовъ.

Она подняла глаза и взглянула на него.

— Да... такъ что же вы будете дѣлать?

— Не знаю.

— Куда вы пойдете?

— Не знаю.

— Отчего вы не пишете домой? Отецъ прислалъ бы денегъ. Развѣ нѣтъ?

— Лучше пропасть совсѣмъ, чѣмъ это,—отвѣтилъ Дикки.

Констанція встала, прошла комнатку и остановилась возлѣ комода, гдѣ онъ сидѣлъ.

— Вы не пропадете,—произнесла она спокойно.—Когда я какъ-то, помните, сказала, что вы нарисуете съ меня плакатъ, я такъ только... дурила. Ваши картины будутъ когда-нибудь висѣть въ Національной Галлереѣ... вы думаете, я не знаю этого? Настоящіе художники не пишутъ афишъ для начинающихъ артистокъ мюзикъ-холла. Но неужели мнѣ не добиться того, чтобы имѣть для себя афишу вашей работы?

Дикки слушалъ внимательно. Слова ея были успокоительнымъ бальзамомъ на жгучей ранѣ обиды. То, что она говорила, было невѣрно, но говорила она такимъ тономъ, какой умѣетъ найти только женщина.

— Погодите! Я напишу вамъ такой красивый плакатъ,—сказалъ Дикки,—что всѣ будутъ останавливаться и смотрѣть. И его повѣсятъ передъ входомъ, чтобы всѣмъ было видно.

— Это обѣщаніе?,—спросила она.

— Да, обѣщаніе—отвѣтилъ Дикки.

— Тогда знаете, что я сдѣлаю?—сказала Констанція.

— Что?

— Я начну теперь же платить вамъ за него. Денегъ у меня чертова куча. Тридцать шиллинговъ въ недѣлю отсыпаютъ мнѣ въ Миддльсексѣ. Я буду выплачивать вамъ за афишу, и тогда вамъ незачѣмъ уѣзжать отсюда.

Первою мыслью Дика было: значитъ, можно будетъ работать! Оставшись на улицѣ, это было бы немыслимо. Затѣмъ онъ сталъ стараться убѣдить себя, что это вполнѣ естественная комбинація. Онъ, дѣйствительно, когда-нибудь изобразитъ ее на великолѣпной афишѣ. Обѣщаніе свое онъ исполнитъ. Но красиво ли это брать гонораръ впередъ?

— Видите ли, если я возьму у васъ теперь денегъ,— сказалъ онъ,—я потомъ отдамъ вамъ назадъ. Вы даете мнѣ въ долгъ.

— Мнѣ все равно, какъ это назвать,—возразила Констанція.—Вы останетесь. Вотъ и все, что мнѣ нужно.

Съ этими словами она вынула изъ своего портмонэ золотую монету и всунула ее въ руку Дикки. Она обожгла его, и щеки его вспыхнули. Онъ не въ силахъ былъ положить деньги въ карманъ, а все продолжалъ держать ихъ въ одеревенѣвшей рукѣ.

Гдѣ его гордость? Онъ поглядѣлъ на приклеенный къ стѣнѣ этюдъ; зналъ, что его гордость смирилась, но не жалѣлъ объ этомъ—такъ овладѣли имъ мысли о предстоящей работѣ.

Глава X-ая.

Въ эти дни своей лондонской жизни, надъ свѣчной лавкой въ Дрюри-Лэнъ'ѣ Дикки работалъ съ мужествомъ и энергіей изумительными, если принять во вниманіе, какія безнадежныя перспективы развертывались передъ нимъ. Отчасти причиной тому была молодость. Но не она одна.

По временамъ сильно было искушеніе вернуться къ безопасности и уюту родного дома. Но никогда увѣренность въ своемъ успѣхѣ не оставляла его надолго. Онъ зналъ, что современемъ заслужитъ признанія. Бывали иногда моменты, когда онъ смотрѣлъ на свое положеніе юмористически и смѣялся надъ комической шаткостью всѣхъ своихъ воздушныхъ замковъ.

Въ такомъ настроеніи онъ часто писалъ письма Доротеѣ. При этомъ онъ никогда не открывалъ ей истиннаго положенія своихъ дѣлъ, а только намекалъ, что, молъ, бѣдность проходить—отличная школа, что въ ней есть много свѣтлаго и т. д. Несомнѣнно, онъ иногда вѣрилъ въ это, но въ этой школѣ онъ переживалъ мучительные часы усталости отъ безконечныхъ уроковъ терпѣнія и страданія, какіе выпали на долю ему, мечтателю и символисту.

Уже второй мѣсяцъ Дикки жилъ отъ щедротъ Констанціи. Она каждую недѣлю давала ему денегъ, настаивая всегда, что это плата впередъ за будущую работу и что она принадлежитъ ему честно и по праву. Дикки чрезвычайно напряженно работалъ этотъ мѣсяцъ, находя каждый день новое въ колоритѣ и жизни Лондона.

Обезпеченный деньгами Констанціи, Дикки пересталъ искать заработка. Онъ могъ бы и дальше продолжать пользоваться ея щедростью, если бы случайное обстоятельство не образумило его внезапно.

Однажды, въ началѣ осени Дикки собрался съ Констанціей въ сады Кью. М-съ Бальдвинъ приготовила пакетикъ буттербродовъ, и они поѣхали вдвоемъ. Дикки былъ въ этотъ день въ томъ настроеніи, когда все кругомъ представляется забавной комедіей. На душѣ у него было легко. Констанціи онъ больше всего нравился такимъ. Онъ смѣшилъ ее; его мальчишескій задоръ былъ заразителенъ. Его обычная сосредоточенность и серьезность куда-то улетучились. Она больше всего любила его такимъ, что лучше всего понимала его.

Въ садахъ Кью, тамъ, гдѣ весною, подъ деревьями синимъ ковромъ стелятся колокольчики, они усѣлись на травѣ завтракать. Листья буковъ только-что начали золотиться. Изрѣдка легкая волна вѣтра срывала листъ, и онъ, медленно кружась и порхая, падалъ на землю.

Когда первый листъ упалъ въ траву, Дикки посмотрѣлъ вверхъ, на дерево.

— Я здѣсь ровно четыре мѣсяца,—сказалъ онъ,—теперь у насъ тамъ уже почти поспѣли яблоки. Если бы вы знали, какъ красиво фруктовые сады спускаются къ рѣкѣ. Видали вы когда-нибудь яблоню осенью? дикую яблоню у дороги, въ сумеркахъ, когда свѣтъ начинаетъ гаснуть? Листья дѣлаются коричневыми и лиловыми, и все-таки они остаются зелеными, а на вѣткахъ висятъ маленькія яблочки, и всѣ они такого цвѣта, какъ.. какъ.. ахъ, я не знаю, съ чѣмъ ихъ сравнить!..

Онъ недоумѣло развелъ руками: картина такъ живо рисовалась его воображенію.

Констанція сидѣла неподвижно, ловя энергичныя, мужественныя нотки въ его голосѣ. Все, что онъ говорилъ о дикой яблонѣ, о листьяхъ, было ей совершенно неинтересно. Природу и зелень она видала только въ лондонскихъ садахъ, и ей было вполнѣ достаточно ея отъ одного года до другого. Только ради Дикки она поѣхала теперь въ Кью. Идея принадлежала не ей, а ему. Что ее привлекало—это звукъ его голоса, блескъ его глазъ. Его прерывистыя фразы, оборванныя вдругъ жестомъ недоумѣнія и безнадежности; тонъ его, когда, покачивая головой, онъ произнесъ: «Ахъ, нѣтъ, я не знаю», какъ бы отчаявшись найти нужныя слова—вотъ что заставляло ее не отрывать взгляда отъ его лица. Она могла не понимать, что это все зна-

читъ, но она ощущала за всѣмъ этимъ сильное чувство, впечатлительную чуткость ко всему, даже къ паденію листа.

— Какъ-нибудь на-дняхъ,—продолжалъ Дикки,—мы съ вами поѣдемъ въ поле—хорошо? Я покажу вамъ разныя вещи: онѣ не такія, какъ у Тёрнера... а вотъ то, что̀ онъ видѣлъ бы, если бъ былъ здѣсь.. Да, это вотъ человѣкъ.

— Кто?—спросила Констанція.

— Тёрнеръ.

— Кто онъ былъ?

— Тёрнеръ?.. Онъ былъ художникъ. Солнце онъ писалъ такъ, что смотришь и ослѣпляетъ глаза.

— Вотъ странныя картины!—сказала Констанція.

Дикки взглянулъ на нее такъ, какъ-будто только-что вспомнилъ, что она здѣсь. Затѣмъ онъ долго молчалъ. Констанція поняла, что сказала опять не то, что нужно, и стала напрягать свой умъ, чтобы придумать что-нибудь, что̀ заставило бы его забыть предыдущія слова. Но ничего не придумывалось. Глупымъ казалось теперь говорить о свѣчной лавкѣ въ Дрюри-Лэнъ; еще менѣе умѣстно было бы упоминаніе о мюзикъ-холлѣ. А, вѣдь, кромѣ этихъ двухъ вещей, въ ея жизни не было ничего—за исключеніемъ того, что она его любила. Уже нѣсколько недѣль она знала это и, будь на мѣстѣ Дика другой человѣкъ, она бы просто сказала ему объ этомъ. Но съ Дикки было совсѣмъ иначе. И не изъ-за той, *другой* дѣвушки, а оттого, что она боялась его.

Но все-таки, когда буттерброды были съѣдены и Дикки запряталъ бумагу въ середину можжевеловаго куста, Констанція подвинулась немного ближе къ нему и сказала:

— Разскажите мнѣ еще о полѣ... о лугахъ, куда мы поѣдемъ.

Онъ взглянулъ въ ея зеленые глаза, но еще и теперь не понималъ ея.

— Мы поѣдемъ на будущей недѣлѣ, въ какой-нибудь день,—отвѣтилъ онъ.—Куда? Я и самъ тутъ, возлѣ Лондона, ничего не знаю. Вотъ хорошо было бы къ намъ! Какія теперь ивы, и Эвонъ, и боярышникъ... красное съ зеленымъ. Такая красота! Какъ бы мнѣ хотѣлось показать вамъ все это.

Констанція склонилась впередъ и взяла его руку.

— Поѣдемъ,—сказала она,—у меня есть деньги на дорогу. Какъ это весело!

Было естественно, что его руки касается ея рука; но непреодолимой казалась мысль о Доротеѣ и о томъ, что было

бы съ нею, если бъ она увидала его съ Констанціей на тѣхъ самыхъ лугахъ, гдѣ они бродили вдвоемъ.

А если бъ они даже поѣхали (что совершенно немыслимо), какъ они бы вернулись въ тотъ же вечеръ домой, или, если бъ они остались до слѣдующаго дня, гдѣ Констанція могла бы ночевать. Онъ мысленно игралъ возможностью невозможнаго, и его искушало желаніе спросить ее, какъ это устроить; но не успѣлъ онъ одуматься, какъ уже слова и слетѣли съ его губъ.

— Ахъ, какія глупости! не все ли равно? — сказала она.—Мама не узнала бы, да и не сердилась бы даже, если бы узнала. Она ужасно любитъ васъ—развѣ вы не знаете?

Дикки не успѣлъ еще притти въ себя отъ неожиданнаго проявленія легкомыслія и безпечной морали Констанціи, какъ ея руки обвились вокругъ его шеи, а теплыя губы шептали близко отъ его губъ.

— Поѣдемъ! возьмите меня съ собой. Я хочу видѣть всѣ мѣста, которыя вы вспоминаете. . тогда я лучше буду понимать ихъ. Я всегда жила въ Лондонѣ. Не знаю деревни. Мы можемъ поѣхать въ воскресенье и вернуться въ понедѣльникъ къ вечеру, чтобы мнѣ поспѣть къ своему выходу въ Миддльсексѣ. Поѣдемъ, да?

Подъ жаркимъ потокомъ ея словъ, Дикки понялъ, въ какомъ скверномъ онъ очутился положеніи. Онъ бралъ у нея деньги, онъ жилъ на ея счетъ. Онъ все время обманывалъ себя, что она помогаетъ ему ради его дѣла. Теперь онъ понялъ правду. Она помогаетъ оттого, что любитъ его, а ему нечего дать ей въ отвѣтъ. Съ наивной непосредственностью она предъявила ему теперь свой счетъ, а ему нечѣмъ отвѣтить на него. Щеки Дика горѣли. Ему было стыдно. Стыдно того ощущенія, которое возбуждали въ немъ ея поцѣлуи. Онъ чувствовалъ себя должникомъ, опозореннымъ въ собственныхъ, а также, вѣроятно, и въ ея глазахъ. Онъ съ мягкой настойчивостью снялъ ея руки со своихъ плечъ. Ему хотѣлось сказать, что ему больно, что все такъ случилось, но слова звучали рѣзко даже, мысленно. И онъ не сказалъ ничего.

Констанція нѣсколько секундъ сидѣла, глядя на него, взвѣшивая въ умѣ положеніе и напряженно стараясь разгадать, что значитъ его молчаніе.

— Вы не любите меня?—спросила она наконецъ.

Съ минуту Дикки казалось, что молчаніе отвѣтитъ за него, но потомъ онъ почувствовалъ, что это было бы трусостью, и, честно глядя ей прямо въ глаза, произнесъ:

— Нѣтъ.

Она поднялась на ноги, оправила платье и надвинула шляпу.

— Такъ пойдемъ изъ этого проклятаго лѣса,—сказала она.

Дикки пошелъ за ней. У него было такое чувство, какъ-будто весь міръ вокругъ рушится и готовъ обратить его въ прахъ.

Съ англ. пер. М. Славинская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

(Farfui).

Романъ Лучіано Цукколи.

(*Продолженіе*) [1]).

XIII.

Морелла почувствовала себя свободной.

Грубость мужа, его возмутительное отношеніе къ ней развязывали ей руки: не было оскорбленія, слишкомъ жестокаго для того, чтобъ отомстить за *эту* обиду. Она убѣдилась теперь, что Лоренцо видитъ въ ней только вещь, предметъ, игрушку: это ясно доказывали событія послѣднихъ дней—и то, что онъ купилъ домъ и переселился въ него, даже не предупредивъ ея, хотя жить, вѣдь, въ этомъ домѣ главнымъ образомъ придется *ей*, и его скотское обращеніе съ ней—то, что онъ избилъ ее, какъ какой-нибудь пьяный мужикъ. До этого онъ никогда еще не доходилъ; словно сама Судьба ослѣпляла его, чтобы порвать послѣднюю связь между нимъ и его женой. Морелла даже не страдала; она была почти рада этой обидѣ, поднявшей въ ея душѣ невыразимое отвращеніе къ мужу.

Не успѣлъ Лоренцо перешагнуть черезъ порогъ, съ силой захлопнувъ за собою дверь, какъ Морелла вскочила съ постели, подбѣжала къ большому простѣночному зеркалу и жадно принялась разглядывать себя.

Она некрасива?.. Вправду ли она такъ некрасива, какъ говоритъ Лоренцо? Сейчасъ это было для нея всего важнѣе. Изъ всей этой гнусной сцены слова «драная кошка» больнѣе всего врѣзались ей въ память. Неужели она такъ дурна? То

---

[1]) См. янв., стр. 190.

отходя отъ зеркала, то приближаясь, она изучала себя съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ.—На лицѣ ни пятнышка, ни морщинки; вотъ развѣ несоотвѣтствіе смуглаго цвѣта лица съ свѣтлыми волосами и свѣтлыхъ волосъ съ глазами tanné слишкомъ бьетъ въ глаза—можетъ быть, эти ярко-алыя губы неумѣстны на худомъ, удлиненномъ лицѣ... и фигура слишкомъ тонка.

Она пошла къ двери, заперла ее двойнымъ поворотомъ ключа и въ одно мгновеніе раздѣлась донага, и снова подошла къ зеркалу.

Красивой—нѣтъ, красивой ее назвать нельзя: раздѣтая, она кажется дѣвочкой; шея худая, съ выступающими косточками ключицъ; грудь маленькая; животъ едва намѣченъ, ноги длинныя; бока тонкіе; спина черезчуръ выгнута—безспорно, она некрасива.

Она одѣлась не спѣша, медлительно, смиренно.

Но ей вспомнилась при этомъ одна фраза, отъ которой душа ея всколыхнулась гордостью. «Это желѣзный человѣкъ, въ броню одѣтый». А ее этотъ желѣзный человѣкъ сдѣлалъ своимъ другомъ, съ ней подѣлился своимъ горемъ, ей повѣрилъ свою тайну. Не потому, что она красива—нѣтъ, но потому, что онъ почувствовалъ, что она можетъ понять его и спрятать въ своемъ сердцѣ драгоцѣнное признаніе; что она некрасива—это для него неважно—онъ смотритъ на нее другими глазами...

* * *

На слѣдующее утро, къ первому завтраку, когда всѣ собрались въ большой залѣ, Морелла вышла веселая, улыбающаяся.

День обѣщалъ быть чудеснымъ; солнце играло на стеклахъ шафраннаго цвѣта и на кобальтовыхъ розеткахъ, бросая на полъ причудливыя полосы, лазурныя и золотыя; однако жъ, прохлада, принесенная недавней грозой, все еще держалась, и въ длинныя до полу окна-двери трепетно бились миріады листочковъ, колеблемыхъ вѣтромъ. То тамъ, то здѣсь, то дальше, то ближе, настойчиво кричала какая-то птица.

Эдоардо, здороваясь съ Мореллой, былъ пораженъ ея видомъ, такъ мало согласовавшимся съ веселой улыбкой: она была страшно блѣдна, и безсонная ночь обвела ея глаза темными ободками.

Эдоардо никогда раньше не доводилось подмѣтить грубость обращенія Лоренцо съ женой—просто потому, что у него не было на это времени: онъ никогда не проводилъ съ ними нѣ-

сколько дней подрядъ; но теперь поведеніе друга казалось ему такимъ возмутительнымъ, а его манера разсказывать кабацкіе анекдоты въ присутствіи дамъ была для него такой неожиданностью, что его уваженіе и привязанность къ Лоренцо за эти дни изрядно охладѣли.

Въ первый же день пріѣзда Эдоардо замѣтилъ, что Морелла плакала съ досады на нелѣпую покупку, сдѣланную Лоренцо безъ ея вѣдома и совѣта, а сегодня утромъ, очевидно, случилось что-то посерьезнѣе, судя по виду Мореллы и упорному дутью Лоренцо, который ни разу не обратился къ женѣ ни съ однимъ словомъ.

Не укрылись и отъ Изидоры всѣ эти детали, и она бросила сестрѣ взглядъ, полный самой нѣжной ласки.

— Что мы сегодня будемъ дѣлать? Я предлагаю прогулку послѣ обѣда,—сказалъ Лоренцо.

— Отлично,—сказалъ Федерико:—идемте къ Кривому Дубу; Эдоардо, кажется, тамъ еще не былъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, не былъ,—подтвердилъ Фальконаро.

— Далеко очень,—возразила Морелла.

— Велимъ запречь лошадей,—сказалъ Лоренцо, глядя въ свою тарелку,—пару гнѣдыхъ въ плетеную коляску, а Феба въ кабріолетъ.

— И Эдоардо будетъ править Фебомъ,—предложилъ Федерико.

— Ну, вы, господа, какъ знаете, а я низачто не сяду въ этотъ вашъ кабріолетъ,—объявила Изидора.

— Въ кабріолетѣ поѣду я,—рѣшительно заявила Морелла.

— Ты? такая трусиха!?—смѣясь, вскричала Изидора.

— Трусость можно оставить дома,—сухо возразила Морелла.

— А онъ съ норовомъ, этотъ вашъ Фебъ?—освѣдомился Эдоардо.

— Пустое. У моей жены всѣ съ норовомъ—и лошади, и люди,—презрительно усмѣхнулся Лоренцо.—Онъ немного капризенъ, но, когда чуетъ надъ собой твердую руку, сразу смиряется.

— Лошади такъ мало меня пугаютъ, что я охотно ѣду на Фебѣ,—замѣтила Морелла.—Хотите меня?

— Хочу,—улыбнулся въ отвѣтъ Эдоардо.

— Подумайте, господа: вѣдь возвращаться придется ужъ при лунномъ свѣтѣ,—встревожилась Изидора:—лошадь можетъ испугаться чего-нибудь...

— Это вопросъ рѣшенный.—И Морелла поднялась изъ-за стола, въ знакъ того, что разговаривать больше не о чемъ.— Фальконаро и я ѣдемъ въ кабріолетѣ, а вы всѣ въ плетушкѣ. Надо же кому-нибудь ѣхать съ Фальконаро—не пошлете же вы его на прогулку въ одиночествѣ. А женщина, хотя бы она и немногаго стоила, на прогулкѣ все же болѣе пріятная спутница, чѣмъ мужчина.

— Удивительное перерожденіе!—наивно замѣтилъ Федерико.—Морелла не боится больше лошадей.—Морелла не боится грозы...

Молодая женщина быстро отвернулась къ окну, но сестра ея, тоже подмѣтившая перемѣну, задумалась надъ этими словами.

И вправду Морелла словно переродилась: она уже не останавливалась, какъ прежде, передъ маленькими затрудненіями, которыя прежде испугали бы ее; она отрѣшилась отъ тысячи страховъ, свойственныхъ чувствительнымъ и нервнымъ женщинамъ; мало того, въ ней появилась какая-то небывалая живость, быстрота движеній, отвага—и всегда это проявлялось въ присутствіи Эдоардо, когда нужно было вмѣстѣ съ Эдоардо предпринять что-нибудь такое, что еще недѣлю назадъ она назвала бы опаснымъ...

Изидора крѣпче стиснула губы, смущенная навязчивой мыслью, которая не давала себя отогнать...

* *
*

Фебъ былъ шестилѣтній караковый жеребецъ, длинный и стройный, на стальныхъ ногахъ; пока его запрягали въ кабріолетъ, Эдоардо вышелъ на крыльцо и, увидавъ его, невольно вскрикнулъ отъ восхищенія. Безъ наглазниковъ, въ сбруѣ изъ некрашеной кожи, рысакъ былъ красивъ изумительно.

— Однако! Ты знаешь толкъ въ лошадяхъ,—сказалъ онъ Лоренцо.

Всѣ столпились вокругъ экипажа, дамы въ воздушныхъ лѣтнихъ платьяхъ, любуясь красавцемъ-конемъ съ огневыми глазами и раздутыми розовыми ноздрями.

— Ну, какъ ты его находишь?—спрашивалъ видимо довольный Лоренцо.—Феба я тоже купилъ у Маріано—въ прошломъ году, и недорого, потому что ему онъ не нравился.

— Бѣдняга Маріано! вѣчно онъ устраиваетъ невыгодныя для себя сдѣлки,—усмѣхнулся Эдоардо.

— А мы все отбираемъ у него,—тихонько вздохнула Морелла.

Эдоардо вскочилъ въ кабріолетъ, взялъ возжи и повернулся къ своей спутницѣ.

— Ты только его покрѣпче держи,—наставлялъ Лоренцо друга:—и увидишь—онъ помчится, какъ вѣтеръ. Впрочемъ, ты въ этомъ смыслишь больше меня. Женщины и лошади—это по твоей части.

У Мореллы, уже сидѣвшей рядомъ съ Фальконаро, заблестѣли глаза: ей вспомнилась Наташа, русская...—не хотѣлось повторить грязнаго слова—о которой давеча говорилъ Лоренцо... и она тряхнула головой, отгоняя назойливую мысль. И бросила сестрѣ и зятю:

— Мы поѣдемъ впередъ. До свиданія.

— Фальконаро, смотрите же, я надѣюсь на васъ!—крикнула имъ вслѣдъ Изидора.—Моя сестра въ вашей власти.

— Знаю,—откликнулся Эдоардо.—И не уйдетъ отъ меня.

И снова Морелла подумала, что въ иные моменты жизни всѣ слова имѣютъ двойной смыслъ, скрытое значеніе, словно ихъ подбираютъ нарочно. Давеча утромъ она сказала Фальконаро: «Хотите меня?» и только, когда уже сказала, фраза показалась ей неприличной. А теперь сестра ея сказала: «въ вашей власти», какъ будто она, Морелла, принадлежитъ этому человѣку, и опять невинная фраза показалась ей полной значенія.

Первое время и Морелла, и Эдоардо молчали.

Фебъ съ мѣста помчался стрѣлой, безпокойно прядая ушами, и они скоро обогнали другихъ. Лѣвой рукой Эдоардо зажалъ возжи; правой онъ могъ бы обнять Мореллу и привлечь ее къ себѣ на грудь. Оба почти одновременно почувствовали это и оба безмолвствовали, мысленно оправдываясь тѣмъ, что съ такой трудной лошадью не до болтовни.

Неожиданно Эдоардо съ улыбкой повернулся къ Мореллѣ:

— Да онъ чудесно бѣжитъ, этотъ Фебъ—не правда ли?

— Ну да, чудесно,—повторила Морелла.—Не слишкомъ ли скоро?

— Такъ лучше. А то бы мы пылили въ глаза ѣдущимъ сзади.

Дорога шла тихими рощами изумрудныхъ каштановъ. Солнце сѣло; изъ ущелій горъ вѣяло свѣжестью; вечерній вѣтерокъ шелестѣлъ листвой каштановъ.

Фебъ, мчавшійся во весь опоръ по ровному гладкому шоссе, въ лѣсу замедлилъ ходъ, такъ какъ здѣсь дорога поминутно дѣлала повороты. И съ каждымъ изгибомъ ея открывался новый

видъ: то цѣпь зеленѣющихъ горъ, четко вырисовывающаяся на безоблачномъ небѣ, то кусокъ бѣлой дороги, огибающей подножье холма, то густая дремучая чаща деревьевъ, казалось, смыкавшихся, чтобы скрыть въ тѣни своей листвы быстрый кабріолетъ.

— Боюсь, что на обратномъ пути для васъ будетъ слишкомъ свѣжо,—сказалъ Эдоардо.

— Я захватила шарфъ.

Но Эдоардо только засмѣялся, взглянувъ на этотъ шарфъ—тончайшій вуаль, затканный серебряными звѣздочками, легкій, какъ паутинка.

— Увѣряю васъ, его вполнѣ достаточно.

Не возражая, онъ правой рукою взялъ шарфъ изъ рукъ Мореллы и набросилъ его ей на плечи, нечаянно при этомъ коснувшись пальцами ея затылка.

— Онъ очень идетъ къ вамъ,—сказалъ онъ, взглянувъ на нее.—Вы всегда элегантны.

Морелла улыбнулась: наконецъ-то онъ обмолвился комплиментомъ. Положительно, онъ сталъ любезнѣе съ тѣхъ поръ, какъ началъ догадываться, какъ мучитъ ее своею грубостью Лоренцо; даже голосъ звучитъ какъ будто ласковѣе, когда онъ обращается къ ней. Онъ снялъ шарфъ съ ея плечъ и правой рукой легко бросилъ его ей на колѣни.

Говорить не хотѣлось обоимъ: близость, случайныя прикосновенія, полное одиночество въ лѣсу, гдѣ ихъ некому было увидѣть, снова будили въ обоихъ желаніе—безумное, неудержимое, какого никогда еще не испытывалъ Эдоардо, и Морелла, чувствуя, что воля ея парализована, что она не въ силахъ будетъ противиться, если онъ нагнется и поцѣлуетъ ее, выговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Убавьте ходу, прошу васъ. Мы слишкомъ опередили ихъ.

Онъ постепенно убавилъ ходу, и въ концѣ концовъ Фебъ пошелъ шагомъ. Они проѣзжали теперь черезъ дубовую рощу, межъ крѣпкихъ, могучихъ стволовъ; почва здѣсь была такая мягкая отъ перегнившихъ листьевъ, что стука колесъ почти не было слышно. Но зато явственно донесся звонъ бубенцовъ—гнѣдые нагоняли ихъ. Эдоардо натянулъ возжи и снова пустилъ Феба крупной рысью.

— Нѣтъ ужъ, нагнать себя мы не дадимъ.—Достаточно того, что они слышали бубенчики Феба. Вамъ непріятно?

— Нѣтъ, очень пріятно!—воскликнула Морелла, радостно подставляя лицо ласковой струѣ воздуха, словно цѣловавшаго

ея лобъ. И, понизивъ голосъ, съ волненіемъ, отъ котораго сердце ея застучало молоткомъ въ груди, спросила:

— Вы уѣзжаете?

Эдоардо не отвѣтилъ. Лошадь неожиданно бросилась въ сторону; сѣдокъ сильной рукой сдержалъ ее, снова погналъ и снова сдержалъ и, когда почувствовалъ, что сила на его сторонѣ, хлестнулъ ее кнутомъ, Фебъ подскочилъ, лягнулъ задней ногой, пытался было заартачиться, но не смогъ и, вмѣсто того, снова получилъ ударъ хлыстомъ и, почуявъ надъ собой опытную сильную руку, не посмѣлъ больше упрямиться и понесся, какъ вѣтеръ.

— Да, уѣзжаю,—сказалъ Эдоардо.

— Надолго?—спросила Морелла, спокойно слѣдившая за этой недолгой борьбой.

— Не знаю. Это будетъ зависѣть отъ хода дѣлъ, которыя я оставляю въ Миланѣ.

— Какъ это вы можете путешествовать долго, одни, безъ единаго друга?

— Въ дорогѣ всегда встрѣчаешь людей, съ которыми дружишься на четверть часа—этого вполнѣ достаточно.

— Вы въ Россію ѣдете?

— Въ Россію?—изумился Эдоардо.—Почему въ Россію?

— Какъ будто Федерико говорилъ...—пролепетала растерявшаяся Морелла.

— Федерико, положимъ, говорилъ о Норвегіи; но и относительно Норвегіи я не рѣшилъ еще; рѣшу въ моментъ отъѣзда; я, вѣдь, ѣду безъ опредѣленной цѣли, ради удовольствія ѣхать.

И, помолчавъ, онъ добавилъ:

— Жизнь бываетъ иной разъ тяжела, милый другъ.

Морелла не разспрашивала больше. Эдоардо назвалъ ее «милымъ другомъ»; никогда еще она не слыхала отъ него такихъ словъ, и эта нежданная ласка очень обрадовала ее.

— Вамъ не кажется, что жизнь тяжела?—повторилъ онъ.

Она кивнула головой въ знакъ согласія.

Они снова поѣхали шагомъ; Фебъ былъ весь въ мылѣ, съ пѣной у рта; и вскорѣ ихъ нагнали другіе. Оба экипажа поѣхали рядомъ.

— Какъ поживаешь, Морелла?—крикнула Изидора.

— Отлично, Дора.

— А Фебъ—хорошо велъ себя?

— Превосходно. Кротокъ, какъ овечка.

Лоренцо, удобно раскинувшійся въ коляскѣ на заднемъ сидѣньи, пробормоталъ восторженнымъ тономъ:

— Еще бы онъ у Эдоардо не былъ послушнымъ: одинъ дьяволъ всегда сладитъ съ другимъ. У него въ рукахъ и взбѣсившійся слонъ сталъ бы овечкой.

Изидора расхохоталась.

— Фальконаро! Фальконаро! Энцо поетъ вамъ хвалы.

— Какую-нибудь гадость разсказываетъ?

— Да нѣтъ же; онъ говоритъ, что вы всѣхъ покоряете.

Морелла, окутанная тѣнью благоуханнаго вечера, загадочно улыбнулась.

XIV.

Облака, легкія и прозрачныя, какъ большія шелковыя вуали, скользили по небу, порою, словно играя, набѣгали на луну, но не заслоняли ея свѣта. На поворотѣ дороги высокій кедръ гордо возносилъ свою вершину надъ низкорослыми сосѣдними деревьями, словно господствуя надъ всей окрестностью.

Морелла вглядывалась въ этотъ кедръ, какъ передъ тѣмъ она вглядывалась въ Эдоардо, сидѣвшаго между Лоренцо, который съ блаженнымъ видомъ сосалъ свою коротенькую трубочку, и Федерико, большими близорукими глазами сквозь очки разсматривавшимъ равнину, залитую луннымъ свѣтомъ.

Какъ этотъ кедръ средь низкой поросли выдѣлялся Эдоардо между этими двумя и большинствомъ другихъ мужчинъ силой характера, независимостью и замкнутостью жизни, гордо скрываемой отъ постороннихъ глазъ.

Въ лунномъ свѣтѣ весь пейзажъ преобразился. Склоны горъ и холмовъ и зеленыя долины превратились въ серебряныя пелены, на которыхъ очертанія деревьевъ выдѣлялись рѣзко и четко, словно съ рѣзкой четкостью рѣзныхъ изображеній.

Возвращеніе съ прогулки обошлось безъ всякихъ инцидентовъ.

Морелла накинула шарфъ на плечи, но не захотѣла помѣняться своимъ мѣстомъ въ кабріолетѣ съ сестрой, говоря:

— Ты боишься Феба. Теперь свѣтитъ луна, и лошадь можетъ испугаться.

Изидора отвѣтила тихимъ смѣхомъ, который былъ понятенъ Мореллѣ.

И они двинулись въ путь, но лошадь ни разу не испугалась, всю дорогу шла крупной, ровною рысью.

Лѣса и рощи, недвижные, въ лунномъ сіяніи стояли, какъ зачарованные. Лѣса казались безкрайными, деревья—какими-то таинственными существами съ перламутровыми туловищами и густой гривой, по которой скользили серебряные лучи.

Мѣстами дорога впереди будто смыкалась; путь преграждали какія-то фантастическія фигуры, исчезавшія, когда лошадь къ нимъ приближалась, то деревья плотной стѣной съ двухъ сторонъ обступали дорогу, то она шла паркомъ, межъ группъ различныхъ растеній. И отъ каждой издали вѣяло жутью: всюду мерещились гигантскіе косматые призраки, трупы, распростертые на землѣ, скопища вѣдьмъ; но вблизи, чары разсѣивались и, когда Фебъ проѣзжалъ мимо, деревья принимали обычныя свои очертанія; трупы оказывались лежавшими на землѣ стволами сваленныхъ бурей лѣсныхъ великановъ, а скопища скрюченныхъ горбатыхъ вѣдьмъ—просто причудливыми сплетеніями мирныхъ листьевъ и стволовъ.

— Вы никогда не читали Людвига Уланда?—неожиданно спросила Морелла.

— Уланда?—повторилъ Эдоардо, стараясь припомнить.— Ахъ, да, знаю. Мой учитель нѣмецкаго языка заставилъ меня однажды выучить наизусть стихи, отъ которыхъ у меня остался въ памяти только припѣвъ: Husch-husch! piff-paff! trara!

Морелла звонко расхохоталась.

— А вѣдь вѣрно. Это пѣсня о Бѣломъ Оленѣ; я тоже когда-то учила ее наизусть: Husch-husch! piff-paff! trara! Но вѣдь не одно же это написалъ Уландъ: у него есть много чудесныхъ балладъ: у насъ въ школѣ часто читали Уланда, и я очень люблю его.

— Это луна приводитъ вамъ на память баллады Уланда?— съ улыбкой глядя на нее, спросилъ Эдоардо.

— Да. У меня романическая голова—по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ.

— Какой вздоръ! Не болѣе романическая, чѣмъ у меня.

И прибавилъ, говоря какъ бы съ самимъ собой:

— Не романическая вы, а сильная и разсчетливая.

Морелла не отвѣтила, опредѣленіе понравилось ей; странно было только слышать его изъ устъ Фальконаро, и странно, что никто другой раньше не замѣчалъ этого.

Нѣкоторое время оба ѣхали молча, прислушиваясь къ нестройному оркестру кузнечиковъ и лягушекъ, наполнявшихъ своимъ неистовымъ кваканьемъ всю окрестность; насѣкомыя и пресмыкающіяся, явно сами упиваясь своимъ пѣніемъ, перекликались, перебивали другъ друга, останавливались передохнуть и снова принимались стрекотать и квакать, свободныя и счастливыя своей свободой среди приволья тихой, лѣтней ночи.

— Что же вы помните изъ вашего любимаго поэта?— спросилъ Эдоардо.

— Многое. Ну вотъ, напримѣръ: «Возвращеніе».

— Ахъ, это и я помню. Это прелесть.

Онъ пустилъ лошадь шагомъ и, повернувшись къ своей спутницѣ, вполголоса началъ декламировать:

„Ахъ, не сломися, мостикъ! зачѣмъ ты такъ дрожишь?
Утесъ, не вздумай рухнуть—ты страшно такъ грозишь.
Земля, не разступайся, не падай, сводъ небесъ.
Пока не доскачу я къ любимой, въ край чудесъ!“

Морелла чувствовала, какъ взглядъ его проникаетъ въ самую глубь ея души; она, дѣйствительно, была вся въ его власти, и онъ, какъ будто зная это, умышленно, отъ времени до времени, напоминалъ объ этомъ.

— Ѣдемте!—сказала она, взглядомъ показывая ему, чтобъ онъ подогналъ Феба.

Но Эдоардо не послушался, и тогда молодая женщина предложила:

— А я вамъ прочту другое—смотрите, какъ оригинально и какъ полно чувства:—«Мать и дитя». Мать говоритъ сыну (я не помню стихами): «Подыми глазки, мой мальчикъ. Тамъ, на небѣ, среди ангеловъ, блаженствуетъ твой младшій братикъ. Онъ никогда ничѣмъ не огорчалъ меня, и ангелочекъ унесъ его съ собой на небо». А ребенокъ отвѣчаетъ: «Научи меня, родная, какъ тебя мнѣ огорчить, чтобъ не могъ меня съ тобою Божій ангелъ разлучить». Не правда ли, какъ красиво и оригинально?

— У него только это и есть о дѣтяхъ?—спросилъ Эдоардо, лаская кончикомъ бича шею Феба.

— Н-нѣтъ, не только. Есть еще одно стихотвореніе: «На смерть ребенка», посвященное гибели младенческихъ жизней, которыя вспыхиваютъ и гаснутъ мгновенно, оставляя неизгладимый слѣдъ въ осиротѣлыхъ сердцахъ матери и отца. И другое, очень печальное, гдѣ онъ описываетъ послѣднія минуты умирающаго ребенка, скрашенныя пѣніемъ птички.

— Какая вы жестокая!—прервалъ ее Эдоардо.

И больше ужъ не смотрѣлъ на нее, сосредоточивъ все свое вниманіе на лошади и на тѣхъ кусочкахъ неба и пейзажа, которые, постепенно смѣняясь, появлялись у него передъ глазами.

Морелла и не подумала извиняться; откинувшись на спинку экипажа, сложивъ руки на груди, она то и дѣло украдкой поглядывала на Эдоардо, который сидѣлъ, нахмурясь и какъ-будто

позабывъ, что рядомъ съ нимъ молодая женщина и что они ѣдутъ черезъ очарованный лѣсъ. Высокіе вязы склонялись надъ ними такъ низко, что Мореллѣ порою приходилось отстранять вѣтви, чтобъ онѣ не задѣли ее по лицу.

Эдоардо неожиданно повернулся къ ней.

— Я хотѣлъ обвѣнчаться съ матерью моего мальчика,— выговорилъ онъ голосомъ, который сумѣлъ сдѣлать спокойнымъ:—Это была англичанка, съ которой я познакомился на Ривьерѣ: одинокая, богатая, свободная. Ребенокъ умеръ на второмъ году, отъ менингита—на рукахъ у матери. Вскорѣ послѣ того, она уѣхала, и врядъ ли мы когда-нибудь еще съ ней встрѣтимся. Въ смерти ребенка она почуяла коварную месть Судьбы. И мы разстались. Маленькій Рикардо похороненъ въ Бордигерѣ. Его мамаша въ прошломъ году вышла замужъ, въ Ливерпулѣ; я узналъ объ этомъ на-дняхъ; она сдѣлалась мистриссъ...

Но, вмѣсто того, чтобъ назвать имя, онъ пришелкнулъ языкомъ и пустилъ лошадь рысью. Потомъ снова повернулся къ Мореллѣ и закончилъ:

— Все, какъ видите, очень просто—гораздо проще, чѣмъ въ балладахъ Уланда.

Въ этихъ словахъ прозвучала не то иронія, не то насмѣшка, какъ-будто Эдоардо хотѣлъ отомстить ей за то, что его вынудили заговорить снова о своей утратѣ. Но это было неважно для Мореллы:—теперь она полностью владѣла его тайной, знала навѣрное, что Эдоардо больше не встрѣтится съ своей возлюбленной, и она не подаритъ ему другого сына.

И все же, ей надо было еще кое-что узнать, а времени оставалось немного. Завтра Эдоардо уѣзжаетъ вмѣстѣ съ ея мужемъ и возвращается въ Миланъ—случай возобновить этотъ разговоръ врядъ ли представится; значитъ, надо кончить его, сказать все, разъ навсегда...

— Почему же,—начала она осторожно,—если вы хотите имѣть ребенка, почему вы не женитесь?..

И, сама испугавшись этого совѣта, подсказаннаго элементарной логикой, поспѣшила прибавить, силясь улыбнуться:

— Правда, для того, чтобы имѣть ребенка, не обязательно жениться...

Если бъ ее, недѣлю тому назадъ, заставили произнести такую фразу при мужчинѣ, она скорѣе прикусила бы себѣ языкъ, чѣмъ сдѣлала это, но теперь ее толкала неудержимая сила. Такъ въ

жаркой битвѣ сыплешь удары за ударами, жестокіе, безудержные, безпощадные—поглощенный одною мыслью—о побѣдѣ.

— Мнѣ тоже кажется,—замѣтилъ Эдоардо.—Тѣмъ болѣе, что можно наскочить на дѣвушку, которая не любитъ дѣтей и не умѣетъ обращаться съ ними,

— Я знаю,—медленно выговорила Морелла, нанося новый ударъ,—я знаю столько матерей смѣшныхъ, или глупыхъ, или апатичныхъ, которыя не умѣютъ уберечь своихъ дѣтей ни отъ болѣзни, ни отъ гибели.

Она взглянула на Эдоардо, сидѣвшаго, выпрямивъ станъ, зажавъ возжи въ рукѣ и не сводя глазъ съ пугливой и капризной лошади, съ которой онъ справлялся такъ легко. И снова въ мозгу ея зашевелилась мысль, которой она въ первый моментъ стыдливо испугалась, но за нѣсколько часовъ такъ привыкла къ ней, что теперь отдавалась ей съ безстыдной радостью: мысль о сильномъ и прекрасномъ существѣ, которое могло бы родиться отъ нея и вотъ этого человѣка, непохожаго на всѣхъ другихъ, шедшаго въ жизни своей дорогой, ни у кого ничего не прося, все завоевывая.

Коляска стала нагонять ихъ неподалеку отъ Виллы Мора; ясно слышны были голоса Лоренцо и Федерико, отвратительно исполнявшихъ дуэтомъ какую-то неаполитанскую пѣсенку, и смѣхъ Изидоры надъ комическими варьяціями, вводимыми въ нее зятемъ.

— Дѣйствіе луннаго свѣта, — добродушно усмѣхнулся Эдоардо.—Поютъ кузнечики, поютъ лягушки, поютъ люди...

Запнулся на мгновеніе и, посмотрѣвъ на Мореллу, докончилъ:

— И сердце поетъ.

— Дивная, дивная луна!—порывисто вскричала молодая женщина.—Никогда еще я не видѣла ея такой прекрасной...

Послѣднюю часть дороги они ѣхали шагомъ; сзади отчетливо доносилось тяжелое дыханіе запыхавшихся гнѣдыхъ.

Когда они остановились у воротъ, Морелла быстро выскочила изъ кабріолета и побѣжала въ садъ, къ кустамъ жасмина, пахнувшимъ на нее острымъ пьянящимъ ароматомъ. Эдоардо нагналъ ее, пока другіе вылѣзали изъ коляски.

— Не уѣзжайте!—повелительно и страстно шепнула ему Морелла, бросая къ его ногамъ свой стыдъ и гордость.—Не уѣзжайте ни въ Россію, ни въ Норвегію. Это слишкомъ печально, слишкомъ далеко.

Въ эту яркую лунную ночь ей все вспоминались скорбные стихи Жоффруа Рюделя:

Любовь моя въ дальней странѣ,
Какъ рвусь я душою къ тебѣ...

Рука Эдоардо встрѣтилась на полдорогѣ съ ея рукой, протягивавшей ему вѣтку жасмина; въ полутьмѣ ея тонкая, гибкая фигура казалась недвижной, стройною колонкой...

— Вы поняли?—умоляюще спросила она, закрывая глаза.

Лучше бы она закрыла уши, чтобъ самой не слышать этихъ словъ, которыя ей диктовали судьба, инстинктъ и желаніе.

— Я не хочу, чтобъ вы уѣзжали. Оставайтесь въ Миланѣ. Жизнь еще можетъ быть и не тяжелой.

Онъ молча взялъ ея руку и молча крѣпко пожалъ ее. И тотчасъ же она побѣжала навстрѣчу другимъ, крича:

— Смотрите, какъ очарователенъ этотъ ночной жасминъ!.. Всѣ цвѣточки раскрылись. Поди сюда, Изидора. Дай, я приколю тебѣ вѣточку къ волосамъ.

И вдругъ расхохоталась, почти крича:

— Гушъ-гушъ. Пифъ-пафъ. Тра-ра.

Ея смѣхъ, ласкающій и мягкій, былъ такъ заразителенъ. Эдоардо невольно тоже разсмѣялся.

XV.

На другой день, уже послѣ отъѣзда Эдоардо и Лоренцо, небо заволоклось тучами; полилъ дождь и лилъ нѣсколько дней подрядъ, а вѣтеръ, сопровождавшій его, почти холодный, вѣялъ уже ранней осенью.

Федерико и обѣ дамы сидѣли дома и коротали время за игрой на бильярдѣ, писаніемъ писемъ знакомымъ, о которыхъ они въ солнечные дни и не вспоминали, и разговорами.

Морелла разыскала въ библіотекѣ своего любимаго Уланда, въ штутгардтскомъ изданіи, пріобрѣтенномъ ею, еще когда она была гимназисткой, и перечитала всѣ поэмы и баллады, нѣкогда населявшія ея дѣвичьи сны грезами о короляхъ и всадникахъ, о монахахъ и пѣвцахъ.

Съ тѣхъ поръ она не заглядывала въ его сочиненія и теперь ужъ не находила въ нихъ прежней привлекательности; Уландъ былъ ей милъ лишь потому, что она говорила о немъ съ Эдоардо.

Теперь, когда ее палила страсть, плохо сдерживаемая не-

терпѣливая жажда любовныхъ утѣхъ, страхъ передъ драмой, которую сама она вызывала, какъ мальчикъ, упрямо толкающій большую статую, знаетъ, что въ концѣ концовъ она упадетъ на него —теперь ей было не до суровой и наивной поэзіи Людвига Уланда.

Однажды Федерико засталъ въ гостиной обѣихъ сестеръ съ его балладами въ рукахъ; обѣ перебирали свои гимназическія воспоминанія и читали поочереди вслухъ, то Изидора, то Морелла. Федерико остановился послушать.

Баллада о «Слѣпомъ Королѣ» ему понравилась, особенно описаніе волшебнаго меча «Скрепъ», который, разрубая надвое непріятельскаго всадника, издавалъ дрожащій, странный звукъ.

— И мастера же нѣмцы на такія выдумки!—добродушно замѣтилъ онъ.—Ты отлично читаешь, Морелла.

Изидорѣ захотѣлось въ свою очередь прочесть что-нибудь мужу, и она выбрала отрывки изъ драмы, окрещенной поэтомъ «Франческа да Римино».

Черезъ минуту Федерико прервалъ ее:

— Ради Бога, перестань... Это какой-то бромъ... Я сейчасъ засну.

И ушелъ, ворча себѣ подъ носъ, съ такой комической разочарованностью, что сестры, смѣясь, захлопнули книги и больше уже не брались за нихъ.

Да и не слѣдовало класть на виду стихи, когда въ домѣ ждали Лоренцо, который, какъ всегда, долженъ былъ пріѣхать утромъ въ субботу: онъ, несомнѣнно, вышвырнулъ бы въ окно и «Слѣпого Короля», и «Франческу Риминойскую», ибо всякая литература, въ особенности, романтическая, была ему ненавистна.

На другой день онъ и пріѣхалъ, въ коляскѣ, запряженной парой лошадей и заваленной покупками, которыя онъ привозилъ массу каждую недѣлю, выполняя порученія Изидоры и Мореллы: сладостями, духами, туалетными принадлежностями, кипами матерій и модныхъ журналовъ, массой мелочей, ненужныхъ и необходимыхъ, чтобы наполнить безконечные досуги двухъ молодыхъ дамъ.

Онъ былъ, повидимому, въ духѣ и говорилъ безъ умолку, обращаясь также и къ Мореллѣ, словно позабывъ грубую сцену, разыгравшуюся между ними недѣлю тому назадъ, и рѣшительный отказъ жены.

— А Эдоардо,—объявилъ онъ, удобно располагаясь послѣ обѣда въ креслѣ-качалкѣ подъ большимъ тѣнистымъ вязомъ и

закуривая свою трубочку,—а Эдоардо, оказывается, не уѣхалъ. Я вчера встрѣтился съ нимъ на Биржѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что путешествіе его не состоится, такъ какъ у него слишкомъ много дѣлъ въ Миланѣ. Ужъ не знаю, какія у него могутъ быть дѣла въ городѣ лѣтомъ, въ такую жару.

— Тебѣ этого и знать не надо,—спокойно замѣтила Морелла.

— Довольно того, что *онъ* знаетъ,—смѣясь, добавила Изидора.

Морелла, стоявшая возлѣ сестры, взяла ее подъ руку и увлекла съ собой.

— Послушай,—рѣшительно заговорила она,—мнѣ нужно будетъ съѣздить на два дня въ Миланъ.—Надо же мнѣ взглянуть на этотъ злополучный домъ и сообразить, можно ли сдѣлать его уютнымъ и что для этого надо сдѣлать. Боюсь, что Энцо купилъ его исключительно ради того, что тамъ можно устроить фехтовальный залъ, а остальное все—одинъ сплошной ужасъ. Ты замѣтила: онъ самъ больше не говоритъ о немъ. Тамъ, навѣрное, всѣ комнаты придется чистить, ремонтировать, оклеивать новыми обоями и мало ли что еще; надо теперь же взять рабочихъ, чтобъ къ осени онъ былъ готовъ. Скажи ты Энцо, что мнѣ необходимо побывать въ Миланѣ, чтобъ заняться этимъ.

— Это вѣрно; ты права,—согласилась Изидора.—Надо, чтобы тамъ все было красиво и по твоему вкусу: времени терять нельзя.

Обѣ мелькомъ взглянули на Федерико, который, спустившись съ веранды, усѣлся возлѣ Лоренцо и о чемъ-то оживленно разговаривалъ съ нимъ.

— Ты только сегодня не заводи этого разговора, а то Энцо пойметъ, что я тебя просила. Лучше завтра. Тогда я въ понедѣльникъ утромъ могу уѣхать съ нимъ, а въ среду вернусь. А ты останешься здѣсь съ Федерико... Ладно.

Сестры ходили по дорожкѣ, обнявшись, словно школьницы во время перемѣны, повѣряющія другъ дружкѣ свои не всегда невинные секреты.

Морелла отъ времени до времени бросала пытливые взгляды въ сторону Лоренцо, который, въ свою очередь, бесѣдуя съ шуриномъ, то и дѣло посматривалъ на стройную фигуру жены.

А эта послѣдняя вдругъ умолкла и задумалась, соображая, какой бы предлогъ найти, чтобъ ускользнуть отъ него и на эту ночь. Но только такой предлогъ, который бы надолго разссорилъ

мужа и жену и положилъ конецъ всякимъ попыткамъ сближенія, чтобы не повторялись каждую недѣлю сцены, подобныя ужъ разъ пережитой, ибо, въ концѣ концовъ, Лоренцо можетъ, вѣдь, прибѣгнуть и къ насилію... тутъ нужна такая ссора, чтобъ у него самого надолго пропала охота искать сближенія съ женой.

И Морелла спрашивала себя, къ чему бы придраться, чтобъ затѣять ссору,—самое лучшее, при Изидорѣ и Федерико—чтобы фактъ вышелъ обиднѣе, раздоръ серьезнѣе.

Сестра оторвала ее отъ этихъ мыслей, спросивъ невиннымъ тономъ:

— Почему же это Фальконаро не уѣхалъ? Вѣдь онъ говорилъ, что собирается въ дальнее путешествіе—ты помнишь?

Морелла нахмурилась.—Почему же ты меня объ этомъ спрашиваешь? Развѣ ты не слышала, что сказалъ Энцо? Что у него дѣла въ Миланѣ, и потому онъ не уѣхалъ. Или ты думаешь, что Фальконаро избралъ меня своей повѣренной?

Но строгій взглядъ старшей сестры на этотъ разъ не смутилъ Изидоры: она только лукаво усмѣхнулась.

— Однако, вы очень подружились, когда онъ гостилъ у насъ. И вели долгія дружественныя бесѣды при лунномъ свѣтѣ, когда мы всѣ ѣздили къ Кривому Дубу.

— Ты ужъ не ревнуешь ли?—шутливо освѣдомилась Морелла.

Изидора, вмѣсто отвѣта, обняла ее, порывисто притянула къ себѣ и поцѣловала въ губы.

Но тотчасъ же сестры отшатнулись другъ отъ друга и невольно вздрогнули, услыхавъ гнѣвный голосъ Лоренцо, который, высунувшись изъ качалки, смотрѣлъ въ сторону виллы, сквозь трельяжъ изъ растеній.

— Это что такое!—кричалъ онъ.—Что за новости? Что ты тамъ дѣлаешь?.. Кто тебѣ позволилъ здѣсь шататься, маленькое чудовище?

Морелла вырвала руку у сестры и повернула назадъ, къ мужу.

— Убирайся прочь!—продолжалъ кричать Лоренцо, обращаясь къ кому-то невидимому.

И, нагнувшись, поднялъ съ дорожки камень.

— Чего ты кричишь?—спросила Морелла.

Брошенный камень со свистомъ пронесся въ воздухѣ, ударился о стволъ дерева, и, отлетѣвъ рикошетомъ, упалъ далеко въ траву. Зашелестѣли листья, выскочило изъ-за куста маленькое существо въ красномъ ситцевомъ платьицѣ, съ плачемъ метнулось въ сторону и скрылось за деревьями.

Польдо, уже много дней не видавшій своего покровителя, набрался храбрости и отправился искать его; постепенно, каждый день продвигаясь на нѣсколько шаговъ дальше, онъ добрался до самой виллы, держа подъ мышкою лошадку, теперь безхвостую и съ отлетѣвшими колесами; но синьоръ, котораго онъ издали принялъ за Эдоардо, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, принялся швырять въ него камнями, и ребенокъ убѣжалъ, перепуганный, ничего не понимающій.

— Какъ тебѣ не совѣстно?—вскричала Морелла, которая узнала Польдо и мгновенно вскипѣла гнѣвомъ.—Бросать камнями въ дѣтей! Развѣ ты не видишь, что это Польдо?

— Знаю, что Польдо. Ну такъ что же. Если онъ Польдо, такъ и позволить ему шататься здѣсь и всѣмъ соваться подъ ноги?

— Я тебя спрашиваю, Федерико,—съ горящими глазами повернулась Морелла къ зятю.—Я тебя спрашиваю: ну, развѣ не гнусность?.. Чтобы прогнать ребенка, запустить ему камнемъ въ голову.

— Даже въ голову?—смѣясь повторилъ Лоренцо.—Глупая! да ты развѣ не видѣла, гдѣ упалъ камень?

— Это случайность, что ты не попалъ—ты могъ бы ранить его,—упрямо твердила Морелла. -Польдо ходитъ сюда, потому что я ему позволила, а ты такъ напугалъ его. Это возмутительно!

— Напрасно позволяла: мужикамъ нечего сюда шататься!

—Захотѣла и позволила; и теперь пойду къ нему утѣшить его.

— Морелла! Не смѣй ходить!—крикнулъ Лоренцо.

— Непремѣнно пойду; бѣдный ребенокъ совсѣмъ напуганъ твоей грубостью—надо его успокоить.

— Морелла, не смѣй ходить!—повторилъ Лоренцо.

Федерико и Изидора, присоединившаяся къ остальнымъ, съ огорченіемъ и тревогой прислушивались къ спору, не смѣя вмѣшаться и принять чью-либо сторону

— Идемъ,—позвала Морелла сестру.— Пойдемъ, разыщемъ Польдо и посмотримъ, не упалъ ли онъ, не ушибся ли.

— Да что это, наконецъ, такое?—крикнулъ Лоренцо, уже не сдерживая гнѣва..—Что это за дурацкія выдумки! что за идіотская сантиментальность! Что онъ для тебя, этотъ лягушенокъ—сынъ твой, что ли? Скажите, пожалуйста, какая святыня неприкосновенная!.. Я пріѣзжаю къ тебѣ разъ въ недѣлю и не имѣю ни минуты отдыха.

— Да полно же вамъ!—нерѣшительно вступился Федерико, глядя то на Лоренцо, то на свою жену, то на Мореллу.—Нельзя же такъ преувеличивать. Вы оба...

— Нѣтъ, нѣтъ! Дай мнѣ сказать,—прервалъ его Лоренцо.—Ничего я не преувеличиваю. Увѣряю тебя, все это комедія. Это она нарочно. Ты ея не знаешь. Это комедіантка чистѣйшей воды. Ты многаго не знаешь...

Онъ вырвалъ изо рта трубочку, съ силой швырнулъ ее о землю и яростно выругался.

— До мальчишки ей столько же дѣла, сколько мнѣ. Если бъ ему свернули шею, она бы и не подумала заплакать,—продолжалъ Лоренцо.—Но ей надо было устроить мнѣ сцену, а случай былъ блестящій... Теперь она будетъ дуться на меня, до понедѣльника... А въ понедѣльникъ выйдетъ провожать меня веселая и радостная, а во вторникъ первая отошлетъ Польдо домой...

— Ты самъ не знаешь, что говоришь,—перебила Морелла.—Я люблю Польдо, потому что, вообще, люблю дѣтей и еще потому, что... И не могу молчать, когда ты дѣлаешь гадости...

Изидора, стоявшая рядомъ съ сестрой, испуганно дернула ее за рукавъ. Ей страшно было смотрѣть на Лоренцо: онъ весь побагровѣлъ; глаза его налились кровью и сверкали животной злобой...

— Прошу тебя, Изидора,—вскричалъ Лоренцо,—уведи ты отъ меня свою сестру къ Польдо, къ мужикамъ, куда хочешь—хоть ко всѣмъ чертямъ!

— Будетъ, Энцо!—перебилъ Федерико.—Не ругайся. Пойдемъ, лучше пройдемся.

— Не ругаться? Почему же ты не запретишь моей супругѣ говорить, что я дѣлаю гадости? Прошлую субботу она мнѣ въ лицо сказала, что я негодяй—такъ *ей* это можно? Ничего ты не знаешь, Федерико—ровно ничего... Повторяю тебѣ: все это комедія, заранѣе обдуманная и подготовленная, чтобы во время разыграть ее... Говорю тебѣ, Изидора: уведи отъ грѣха свою сестру: если она будетъ смотрѣть на меня съ этой своей саркастической усмѣшкой, я не ручаюсь за себя...

— Да, уйдемъ,—сказала Морелла.—Пусть останется одинъ, если онъ такой гадкій...

И она увлекла за собой Изидору, но до обѣихъ долетѣли еще послѣднія слова Лоренцо.

— Я ее въ послѣднее время совсѣмъ не понимаю. Ужъ не спятила ли она? Что это за новая фантазія—таскать къ себѣ вшивыхъ мальчишекъ, чтобъ они разоряли цвѣтникъ...

И, въ отвѣтъ ему, унылый голосъ Федерико, напрасно пытавшагося успокоить шурина.

— Будь же благоразуменъ, Энцо... Все это недоразумѣніе.

— Недоразумѣніе!.. Хорошенькое недоразумѣніе! Прошлую субботу она выгнала меня изъ своей спальни, какъ какую-нибудь бѣшеную собаку. Сегодня разыграла этотъ фарсъ, чтобъ я опять не смѣлъ прійти къ ней. Да что же это? Жена она мнѣ или нѣтъ?... Имѣю я или не имѣю права...

Морелла заткнула уши пальцами и побѣжала, чтобы не слышать больше. Она вихремъ неслась въ фруктовый садъ, словно ища въ немъ убѣжища и, когда увидала вишневое дерево, теперь ужъ безъ плодовъ, улыбнулась ему, бросилась на траву подъ нимъ и, сразу успокоившись, стала ждать сестру, оставшуюся позади.

Вскорѣ затѣмъ пришла и Изидора, блѣдная и огорченная.

— Какой онъ гадкій, твой Лоренцо! Зачѣмъ онъ такой?

Она боялась найти сестру въ слезахъ, блѣдной отъ гнѣва и обиды. И ошиблась—Морелла была спокойна, въ лицѣ ея была рѣшимость, глаза горѣли мрачнымъ огнемъ.

— Тѣмъ хуже для него!—воскликнула она.—Гадкій, низкій, отвратительный!..—Тѣмъ хуже для него. Самъ виноватъ. Не смѣй мнѣ больше говорить о немъ...

И, вспомнивъ о Польдо, воскликнула съ страннымъ смѣшкомъ:

— Бѣдный мальчуганъ! Ты видѣла, какъ зайчикомъ прыснулъ изъ кустовъ... Онъ, навѣрное, искалъ Фальконаро, который былъ ласковъ съ нимъ и подарилъ ему лошадку; а этотъ... смѣетъ швырять въ него камнями. Ты же видѣла, какой онъ чистенькій, хорошенькій и милый. Фальконаро такъ любилъ его... Пойдемъ отыщемъ его—хочешь...

XVI.

Три дня спустя Лоренцо Моро работалъ въ большомъ корридорѣ своей сыроварни.

Изъ провинціи къ нему пріѣхало нѣсколько купцовъ за товаромъ, и онъ, какъ всегда, лично наблюдалъ за продажей.

Двое «факини» ловко снимали съ высокихъ полокъ, тянувшихся вдоль стѣнъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ корридора, большіе

свѣтлые и плоскіе круги эмментальскаго сыра и, словно легкіе диски, вертя ихъ въ рукахъ, клали ихъ передъ покупателями.

Лоренцо втыкалъ сбоку въ каждый кругъ длинный, полый желѣзный вертелъ, извлекалъ оттуда «пробу»—тонкій, коническій кусочекъ сыра и давалъ отвѣдать купцамъ.

Широкоплечіе, пузатые, съ фіолетовымъ румянцемъ на щекахъ, пріѣзжіе купцы крикливо торговались, долго споря о качествѣ сыровъ и о цѣнѣ; отобранныя формы тутъ же взвѣшивали на вѣсахъ и отодвигали въ сторону; служащій, стоявшій позади Лоренцо, отмѣчалъ состоявшуюся продажу въ своемъ блокнотѣ, а факини уже торопливо тащили новыя партіи.

Лоренцо Моро страстно любилъ свое дѣло и превосходно изучилъ его—этому онъ былъ обязанъ своимъ состояніемъ. Ежедневно онъ обходилъ всѣ корридоры, гдѣ въ полумракѣ виднѣлись на полкахъ темные, лоснящіеся круги сыровъ, которыми славится городъ Реджіо, плоскія свѣтлыя формы эмменталя и красные шары голландскаго сыра, магазинъ, гдѣ сотнями лежали рядышкомъ формы горгонцола, въ ожиданіи барита и красной окиси желѣза, которые должны были подрумянить и укрѣпить ихъ корку, и кладовыя со сводами, гдѣ хранились большія глыбы золотисто-желтаго масла, покрытыя мокрой холстиной.

Служащіе и рабочіе на сыроварнѣ боялись строгаго хозяина и уважали его, видя, что и самъ онъ работаетъ не покладая рукъ, умѣло и упорно, то ведя переговоры съ прижимистыми купцами и плутоватыми посредниками, то у себя въ конторѣ, со служащими, надъ счетными книгами и кипами корреспонденціи.

Крупныя закупки, которыя онъ производилъ въ Швейцаріи, куда всегда самъ ѣздилъ выбирать товаръ и изучать усовершенствованные способы приготовленія сыра, всякій разъ оказывались удачными; но для того, чтобы расширить свою торговлю, ему пришлось много бороться съ конкурренціей другихъ маслодѣловъ, которые, чтобъ завоевать рынокъ и отбить покупателей, понижали цѣны явно въ убытокъ себѣ. Не имѣя большихъ запасныхъ капиталовъ, Лоренцо Моро не могъ торговать въ убытокъ себѣ и неоднократно рисковалъ обанкротиться—и не удалось бы ему устоять въ борьбѣ, если бъ не всегда готовая помощь друга, Эдоардо Фальконаро, который не разъ давалъ ему крупныя суммы въ долгъ за самые ничтожные проценты.

И противники мало-по-малу уступили, покоренные не столько упорствомъ и стойкостью Лоренцо, которыя не изу-

мляли ихъ, сколько этимъ неизсякаемымъ притокомъ денегъ, съ которымъ имъ не подъ силу было бороться.

Старожилы не слыхали, чтобъ Лоренцо унаслѣдовалъ отъ своего отца большое состояніе; каждую недѣлю они ждали извѣстія, что Моро обанкротился, или, по крайней мѣрѣ, значительно сократилъ производство—и каждую недѣлю Моро терпѣливо и упорно продавалъ свое масло по явно убыточной цѣнѣ.

Разговоровъ и толковъ по этому поводу было много; происхожденіе денегъ оставалось невыясненнымъ, но деньги были на-лицо, и люди, склонные преувеличивать, еще недавно утверждавшіе, что Лоренцо Моро наканунѣ банкротства, теперь кричали всюду, что въ его распоряженіи сказочные капиталы и конкуррировать съ нимъ нелѣпо.

Конкурренція была сломлена; вчерашніе враги съ восхищеніемъ преклонились передъ нимъ. Освобожденная отъ необходимости сбывать товаръ въ убытокъ, его торговля быстро расцвѣла; вывозъ масла и горгонцола въ Лондонъ, Вѣну и Петербургъ и поставка ихъ въ большія заграничныя колоніальныя торговли обезпечивала большіе барыши.

Эдоардо Фальконаро получилъ обратно съ лихвой всѣ свои деньги. Лоренцо Моро разбогатѣлъ.

И еще больше пристрастился къ своему дѣлу, къ дюжимъ коренастымъ рабочимъ, всегда лоснящимся отъ масла, и даже къ плутоватымъ и крикливымъ заѣзжимъ купцамъ, покупавшимъ у него сразу на большія суммы.

Онъ былъ всѣмъ благодаренъ за свою побѣду и нерѣдко любовался широкими полками, гнувшимися подъ тяжестью вкуснаго сыра, ноздреватаго и со слезой, какъ поэтъ любуется звучными, богатыми фантазіею строфами своихъ стиховъ.

Эта безкровная война между масломъ и сыромъ, все же, какъ водится, не обошлась безъ жертвъ; жертвой оказался Маріано Фриджеріо, который въ то время велъ такую же торговлю, какъ Лоренцо, и конкуррировалъ съ Лоренцо и, подстрекаемый другими, болѣе увлекающійся и менѣе благоразумный, чѣмъ другіе, затратилъ большія деньги, наготовилъ кучу масла и бросилъ его на рынокъ по убыточной цѣнѣ.

А такъ какъ кутежи и всякіе пороки, игра и женщины давно ужъ подорвали его состояніе, въ этой стычкѣ Маріано былъ нанесенъ рѣшительный ударъ и, вмѣсто Моро, обанкротился онъ.

Онъ переселился изъ рабочаго квартала возлѣ Тичинскихъ

зоротъ, внушавшаго ему невыразимое отвращеніе, и нѣкоторое время его видѣли въ обществѣ элегантно одѣтыхъ, но подозрительныхъ субъектовъ, и не менѣе подозрительныхъ женщинъ и промышленниковъ, занимавшихся невѣдомо какою отраслью промышленности.

Маріано недавно только перевалило за сорокъ.

Лицо у него было безкровное, изжелта-блѣдное, какъ варенная картошка; тѣло также истощенное малокровіемъ и кутежами, дряблое, вялое, съ развинченной походкой, съ жестами равнодушнаго скучающаго человѣка, и голосъ такой же тягучій, какъ походка.

Но, при всемъ томъ, отталкивающимъ онъ не былъ; у него были прекрасныя манеры; природный острый умъ, изощренный въ превратностяхъ его нелегкой жизни, питаемый далеко не заурядной наблюдательностью, сдобренный беззавѣтнымъ цинизмомъ, дѣлалъ его подчасъ весьма пріятнымъ собесѣдникомъ. Полное отсутствіе вѣры въ другихъ и въ себя самого изощряло его остроуміе; онъ зналъ, что ему недостаетъ воли и силы характера, и смѣялся надъ этимъ, но смѣялся также надъ «героями», въ родѣ Лоренцо Моро и Эдоардо Фальконаро.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ продалъ свой загородный домъ Лоренцо, онъ нерѣдко захаживалъ къ своему школьному товарищу,—посмотрѣть, во что превратитъ его этотъ «сырный Тамерланъ» и каждый разъ изводилъ его шуточками, колкостями и подтруниваньями, отъ которыхъ Лоренцо, не привыкшій играть словами и не умѣющій отвѣтить шуткой, злился, какъ быкъ, котораго кусаетъ докучливый и неуловимый комаръ.

— Какой ты теперь всегда озабоченный, Энцо,—щуря глаза, язвилъ Маріано.—Совсѣмъ ты растерялся съ этими хлопотами о домѣ. Не годишься ты въ домовладѣльцы. Смотри, ужъ сколько времени прошло, а ты всего только устроилъ внизу фехтовальный залъ. Правда, залъ чудеснѣйшій, надо сознаться. Какъ у меня тамъ выплясывали Нинетта и Зоя—«жареный Каштанъ», въ самыхъ легкихъ одеждахъ, лѣтомъ, подъ комариный оркестръ...

— Вотъ вернется въ городъ жена—такъ она все приведетъ въ порядокъ. Тогда увидишь, какъ все будетъ,—однажды возразилъ Лоренцо.

— Ну, еще бы: у твоей синьоры вкусъ хорошій—достаточно взглянуть на тебя.

Двадцать пять тысячъ лиръ, полученныхъ за домъ, лежали у него еще не тронутыми. Раздобывшись деньгами, Маріано и

не подумалъ расплатиться съ долгами—вѣдь это были честные долги, о которыхъ можно хоть кричать на площади, а для такихъ господъ, какъ Маріано, обязательно платить лишь такіе долги, въ которыхъ нельзя сознаться, которыхъ боятся и, расквитываясь, передаютъ деньги изъ рукъ въ руки подъ столомъ.

Ловко и быстро оборудованная продажа дома, избавивъ его отъ имущества, къ которому можно было бы предъявлять взысканія, обезпечила его отъ всякихъ докукъ въ этомъ смыслѣ, и на эти двадцать пять тысячъ лиръ онъ рѣшилъ попытать счастья на биржѣ, и онъ отправился посовѣтоваться по этому поводу съ Эдоардо Фальконаро.

Биржевой маклеръ не скрылъ своего изумленія и откровенно заявилъ, что для Маріано, увлекающагося и неосмотрительнаго, биржевыя спекуляціи весьма рискованны: тутъ можно въ одинъ мигъ потерять состояніе и покрупнѣй двадцати пяти тысячъ лиръ. Маріано гораздо лучше сдѣлалъ бы, если бъ началъ на эти деньги какое-нибудь небольшое торговое дѣло—какое ему больше по сердцу—ну, хоть бы антикварную торговлю, благо у него есть пристрастіе къ этому и художественный вкусъ. Но Маріано не остался доволенъ такимъ совѣтомъ. Онъ забралъ себѣ въ голову, что счастье должно же когда-нибудь улыбнуться ему, и, какъ неисправимый игрокъ, шелъ напроломъ. Отъ Эдоардо Фальконаро онъ отправился прямо къ Лоренцо, въ надеждѣ подбить его, болѣе простоватаго, на какую-нибудь совмѣстную биржевую спекуляцію и хорошо на ней заработать. Но и съ Лоренцо въ этотъ день ему не повезло. Онъ только сегодня вернулся въ городъ съ дачи, вмѣстѣ съ женой, и теперь ждалъ ее, чтобы вмѣстѣ итти обѣдать. И шутки Маріано болѣе обыкновеннаго раздражали его.

Не прошло и четверти часа, какъ у подъѣзда сыроварни остановился экипажъ, и въ корридорѣ, пропитанномъ влажнымъ запахомъ сыра и масла, появилась изящная, раскраснѣвшаяся отъ жары Морелла, вся въ бѣломъ, отъ шляпы до изящныхъ туфелекъ на высокихъ французскихъ каблукахъ. Съ Маріано она поздоровалась учтиво, но холодно и слегка надменно—она не могла простить ему, что, навязалъ Энцо свой домъ—и тотчасъ стала торопить мужа:

— Ѣдемъ. Фальконаро ждетъ насъ.

И такимъ ласкающимъ, бархатнымъ звукомъ вырвалось у нея это имя, что Маріано тотчасъ же насторожился. Онъ никогда не вѣрилъ, что Лоренцо любимъ своей женой—слишкомъ било въ глаза несходство между ними—и только злорадно разсмѣялся бы,

если бъ жена наставила ему рога, но ничуть не удивился бы. Но о Мореллѣ никто не смѣлъ сказать дурного слова; она не слыла кокеткой; у нея не было хвоста поклонниковъ; если мужъ и не удовлетворялъ ея запросовъ, она не жаловалась на это ни подругамъ, ни роднымъ, и была одною изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, о которыхъ пріятельницы не сплетничаютъ другъ дружкѣ на ушко.—Все это было извѣстно Маріано,—и все же этотъ неисправимый циникъ злорадно усмѣхнулся, услыхавъ голосъ Мореллы и увидавъ ея мечтательную, нѣжную улыбку, съ которой она произнесла имя Эдоардо Фалькóнаро.

— Ѣдемъ скорѣе. Фальконаро ждетъ насъ.—Эти слова запали ему въ память...

* * *

Странный былъ это обѣдъ. Эдоардо, шутившій, что теперь *онъ* принимаетъ у себя друга и его жену, заказалъ въ лучшемъ ресторанѣ все самое лучшее, но ни онъ, ни Морелла почти не дотрогивались до ѣды, подъ предлогомъ, что зной и духота черезчуръ истомили ихъ. Зато Лоренцо, наработавшійся за день, ѣлъ за трехъ и съ удовольствіемъ потягивалъ искрящееся льдистое шампанское, сдабривая ѣду своими излюбленными анекдотами, которыми Морелла на этотъ разъ не возмущалась, такъ какъ она ихъ не слышала.—Она ничего не видѣла и не слышала, кромѣ Эдоардо, ни о чемъ не могла думать, кромѣ завтрашняго дня. Улучивъ минутку, онъ шепнулъ ей: «Завтра, въ 12, на площади Собора». Она только опустила рѣсницы въ знакъ согласія, но сердце ея забилось такъ до боли радостно, что краска залила все ея лицо, до корней волосъ... И, тотчасъ же послѣ обѣда, отговорившись головною болью, уѣхала къ себѣ домой, на городскую квартиру, а Лоренцо отправился къ своему учителю фехтованія, посовѣтоваться съ нимъ о пріобрѣтеніи новыхъ рапиръ.

* * *

Въ эту ночь Морелла не сомкнула глазъ, но встала утромъ свѣжая какъ утро и радостная, какъ пѣніе птички въ цвѣтникѣ подъ окномъ ея спальни. Давно Лоренцо не видалъ ея такой милой и привѣтливой—она готова была обнять весь міръ и даже мужа—вѣдь сегодня, сегодня, ее ждетъ Эдоардо. Съ десяти часовъ утра она уже бѣгала по магазинамъ, присматривая мебель и матеріи для новаго дома, который вдругъ сталъ интересовать ее, и ровно въ двѣнадцать вышла на площадь Собора. И, возлѣ кіоска съ открытками, изображавшими Соборъ, встрѣтила Эдоардо

Фальконаро. Онъ спокойно и учтиво поздоровался и пошелъ съ ней рядомъ, говоря о какихъ-то пустякахъ. Морелла слушала, не слыша—сердце ея такъ стучало, что дыханіе спиралось въ горлѣ...

Они свернули въ улицу, потомъ въ другую... Морелла видѣла, какъ Эдоардо съ полнымъ самообладаніемъ и спокойствіемъ снялъ шляпу, здороваясь съ кѣмъ-то; потомъ они вошли подъ широкій сводъ воротъ, на стѣнахъ котораго было много мѣдныхъ щитковъ... Поднялись по лѣстницѣ налѣво; Эдоардо быстро обогналъ ее и пошелъ впередъ.

На лѣстницѣ никого не было.

Чувствуя, что ноги ея подкашиваются, молодая женщина переступила порогъ. И очутилась въ большой комнатѣ со спущенными шторами; ароматной прохладой пахнуло ей въ лицо...

И въ этомъ полумракѣ, безъ словъ, Эдоардо схватилъ ее за талію, какъ давно жданную, давно желанную добычу, которая сама жаждетъ быть пойманной, и властно сжалъ въ своихъ объятіяхъ...

И, съ тихимъ стономъ, губы ихъ сомкнулись въ такомъ яростномъ, безумномъ поцѣлуѣ, что по угламъ рта у обоихъ выступили капельки горячей алой крови...

XIX.

Биржевая операція, предпринятая Маріано на свой страхъ и рискъ, какъ и слѣдовало ожидать, не удалась и только поглотила большую часть оставшихся у него денегъ. И теперь онъ жилъ въ двухъ комнатахъ въ улицѣ Пассерелла—маленькихъ и плохо освѣщенныхъ, но заставленныхъ такимъ множествомъ мебели и всякихъ бездѣлушекъ, что онѣ напоминали скорѣе магазинъ, чѣмъ жилище праздношатающагося холостяка.

Все это были остатки прежней роскоши, которою послѣ банкротства Маріано уже лишенъ былъ возможности окружать себя; здѣсь онъ собралъ все, что можно было вывезти изъ проданнаго дома, до продажи, не слишкомъ опустошивъ его.

Такъ, напримѣръ, въ спальнѣ его, на мраморномъ каминѣ, фронталъ котораго, украшенный бахромой, поддерживали съ боковъ двѣ полногрудыхъ женщины, стояли вазы стариннаго китайскаго фарфора, съ золотыми арабесками по черному фону, дивной красоты, часы съ маятникомъ семнадцатаго вѣка, стройный постаментъ которыхъ состоялъ изъ двухъ переплетавшихся

между собою змѣй, и золотыя табакерки, инкрустированныя самоцвѣтными камнями, съ вставленными въ нихъ миніатюрами.

Посрединѣ комнаты стоялъ комодъ краснаго дерева, простой и стройный, на четырехъ колонкахъ, съ золоченой бронзовой рѣзьбой; а между окнами раскинулась огромная, мягкая, пуховая венеціанская кровать съ пологомъ, на колонкахъ, поддерживаемыхъ львиными лапами.

Всюду кругомъ, въ неописуемомъ безпорядкѣ, были наставлены вазы, бокалы, канделябры, ширмы и экраны, всевозможныя фигурки изъ бронзы и фарфора, изображающія по большей части объятія и поцѣлуи, стильныя кресла и рѣзные табуреты въ «деревенскомъ» стилѣ... все больше вещи, купленныя на аукціонахъ, вначалѣ по капризу, потомъ, все чаще, для того, чтобы выгодно перепродать ихъ, если представится случай...

Маріано занималъ, кромѣ этой комнаты, еще одну, носившую названіе салона—вѣроятно, потому, что въ ней не было кроватей, но точно также представлявшую собою безпорядочный складъ разрозненныхъ вещей, среди которыхъ были и очень цѣнныя, и лишенныя всякой художественной и прочей цѣнности, кромѣ удобства, какъ, напримѣръ, кожаный диванъ, по словамъ Маріано, предназначавшійся «спеціально для толстяковъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ одна изъ его случайныхъ подругъ разбила хрустальную вазу, причудливо изукрашенную золотой плетеной перевязью, на которой сидѣлъ выводокъ совъ, Маріано пересталъ водить къ себѣ на домъ женщинъ. И бралъ ихъ, когда нужно, въ кафе неподалеку.

«Кельнерши», прислуживавшія въ этомъ кафэ, были очень граціозны въ своихъ черныхъ платьяхъ, бѣлыхъ передничкахъ и кружевныхъ чепчикахъ. Любовницей Маріано была самая молодая изъ нихъ, Стелла Бонаретти, въ восемнадцать лѣтъ уже опытная по части любви и мужчинъ, но во всемъ остальномъ совсѣмъ невѣжественная, веселая, живая, хитренькая, порой подѣтски глупенькая.

Однажды вечеромъ Маріано преподнесъ ей такого рода мадригалъ:

— У васъ на спинѣ, душая моя, можно было бы написать: «Не дотрогиваться. Смертельная опасность».

— Ахъ полноте!—протянула она нараспѣвъ, какъ это дѣлаютъ миланскія дѣвушки изъ простонародья.—Что же это такое значитъ?

— Значитъ, что отъ васъ въ дрожь кидаетъ, что отъ васъ умереть можно.

— Значитъ, все равно, что электрическая женщина на ярмаркѣ возлѣ Генуэзскихъ воротъ?—объяснила самой себѣ Стелла.

Но, принимая во вниманіе, что среди посѣтителей кафе, либо разоренныхъ, либо подозрительныхъ, Маріано фигурировалъ въ качествѣ большого барина и свѣтскаго человѣка, дѣвушка сопротивлялась ему лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы показать ему, что она «не уличная», и, когда замѣтила, что онъ убѣдился въ этомъ и даже начинаетъ скучать этимъ, охотно сдалась.

Впрочемъ, онъ былъ съ ней милъ и надарилъ ей столько платьевъ и денегъ, сколько ей и во снѣ не снилось; ибо Стелла Бонаретти, дочь швейцара изъ дома въ улицѣ Санъ-Джіованни суль Муро, была скромная дѣвушка, безъ претензій, и теперь блаженствовала, видя, что всѣ товарки завидуютъ ей.

Маріано, съ своей стороны, былъ человѣкъ покладистый, благосклонно выслушивалъ ея клятвы въ вѣрности и требовалъ только одного,—чтобы его подруга не измѣняла ему съ другими завсегдатаями кафэ. Онъ не ревновалъ ея, не собирался отрывать ея отъ ея ремесла, «легкаго во всѣхъ смыслахъ», какъ онъ выражался, и когда уводилъ ее въ рабочіе часы, къ себѣ, или въ театръ, или куда-нибудь на балъ, всегда изъ своего кармана платилъ штрафъ хозяину кафэ.

Среди всего этого мелкаго люда: неудачливыхъ игроковъ, опустившихся франтовъ, молодыхъ людей «изъ хорошихъ домовъ», которые ходили къ кельнершамъ, чтобъ набить себѣ руку на женщинахъ и пр. и пр., Маріано пользовался большимъ уваженіемъ; онъ умѣлъ дать взаймы нѣсколько лиръ и позабыть о нихъ; это было даже ему полезно, давая возможность отказывать въ кредитѣ не возвратившимъ перваго займа.

Большую часть дня онъ проводилъ въ этомъ кафэ, терся между женскихъ юбокъ, зѣвалъ надъ кружкой пива, разсказывалъ подлинныя и выдуманныя авантюры изъ своей обильной приключеніями жизни, со всѣми былъ на ты, интересовался нелѣпыми затѣями одного, сочувствовалъ любовнымъ огорченіямъ другой, читалъ письма, получаемыя кельнершами отъ своихъ поклонниковъ, уходилъ и возвращался, обѣдалъ вмѣстѣ съ Стеллой, назначалъ свиданія въ этомъ же кафэ немногимъ изъ порядочныхъ людей, съ которыми онъ еще оставался въ дружбѣ, игралъ въ домино съ ворчливымъ старикомъ, всѣмъ покровительствовалъ и давалъ совѣты, отечески и равнодушно, не умѣя отрѣшиться

отъ сарказма въ голосѣ и рѣчи даже тогда, когда былъ вполнѣ искрененъ.

Продажа дома наполнила его бумажникъ, и онъ подарилъ своей возлюбленной дорогія серьги, еще повысившія его престижъ въ томъ кругу, гдѣ они вращались оба.

Стелла теперь серьезно полюбила его дѣйствительно, была ему вѣрна, и эта неожиданность вначалѣ поражала его, потомъ стала тревожить.

Но, все же, онъ не рвалъ съ ней, забавляясь тѣмъ, какъ она наклеивала носы старымъ и молодымъ мужчинамъ, пытавшимся отбить ее у Маріано—тѣмъ болѣе, что теперь Стелла, всегда нарядная, изящная и раздушенная, стала положительно аппетитна.

— Только бы она не забеременѣла!—думалъ Маріано, искоса поглядывая на нее, когда она спала, разметавъ черные волосы по подушкѣ.—Швейцариха съ улицы Санъ-Джіованни на Стѣнѣ ухитрилась же родить дочку—вотъ эту самую Стеллу; будемъ надѣяться, что дочка не пойдетъ по стопамъ матери.

И онъ держалъ дѣвушку въ постоянномъ страхѣ, пугая ее тѣмъ, что, если только она «затяжелѣетъ», онъ моментально броситъ ее.

— Ты представляешь себѣ, какой славный жуликъ родился бы отъ этого милаго союза «дѣвицы изъ кафэ» съ бариномъ? Я, какъ живого, вижу его передъ собою... И потомъ, говоря вообще, нѣтъ ничего гаже и животнѣе беременности.

Стелла Бонаретти растерянно таращила на него свои кофейные глаза, силясь уяснить себѣ его слова—ничего подобнаго она въ жизни своей не слыхала.

— Я—не муха: это мухи гадятъ, гдѣ ни сядутъ... Я не желаю оставлять за собой свинства... Поняла?.. Не вздумай произвести мнѣ на свѣтъ «кельнеренка», потому что я способенъ вышвырнуть его за окно.

Эту проповѣдь Маріано прочелъ дѣвушкѣ однажды ночью, когда онъ былъ болѣе обыкновеннаго раздражителенъ;—изъ привязанности къ ней и великодушія онъ иногда дѣлалъ снисхожденіе—бралъ Стеллу къ себѣ домой и позволялъ ей провести ночь на пышной венеціанской кровати.

Но Стелла, непрестанно памятуя горькую участь, постигшую ея предшественницу, которая осмѣлилась разбить вазу съ совами, ходила на цыпочкахъ, оглядываясь, и раздѣвалась съ невѣроятными предосторожностями, опасаясь локтемъ толкнуть какую-нибудь другую вазу, или ногой задѣть одну изъ фарфоровыхъ

фигурокъ, стоявшихъ на полу. Въ этой спальнѣ, внушавшей ей почтеніе и страхъ, она боялась даже дышать.

Въ эту ночь Стелла сидѣла въ уголкѣ, въ креслѣ временъ Савонароллы, полуобнаженная, такъ какъ она собиралась уже ложиться; такъ какъ Маріано, еще одѣтый, все читалъ ей наставленія, она прикрыла колѣни краснымъ шелкомъ, а ноги осторожно поставила на тигровую шкуру, съ наслажденіемъ ощущая подъ стопами мягкій, гладкій мѣхъ.

И, такъ сидя, слушала, поглядывая то на Маріано, то на непристойныя бронзовыя группы, то на роскошную постель, сама не зная, что изъ всего этого внушало ей наиболѣе почтенія и страха, и кивкомъ головы подтверждая отдѣльныя слова и фразы, казавшіяся ей особенно важными именно потому, что они были ей мало понятны.

Уже не въ первый разъ Маріано грозилъ ей; этими запугиваньями онъ мало-по-малу совершенно подчинилъ ее, сдѣлалъ ее кроткой и послушной; но и это раздражало его, ибо ему казалось, что вся ея доброта, любовь и преданность—только средство создать себѣ права на него и возвыситься въ его глазахъ, чтобы не быть прогнанной... И отъ этого еще хуже стращалъ ее, такъ, что запуганная дѣвушка, вѣчно боявшаяся не угодить ему, теперь и жила такъ, какъ она ходила въ этой странной спальнѣ:—на цыпочкахъ, озираясь вправо и влѣво, вѣчно дрожа отъ страха что-нибудь разбить—вазу, или любовь, чары или игрушку, грезы, статуэтку изъ китайскаго фарфора.

Особенно капризничалъ и раздражался Маріано въ тотъ день, когда онъ въ сыроварнѣ наткнулся на Мореллу Моро, заѣхавшую за Лоренцо, и услыхалъ этотъ бархатный голосъ, произносившій имя Фальконаро:

— «Ѣдемъ... Фальконаро ждетъ насъ».

Маріано сверкнулъ глазами; какъ молнія, блеснула въ его умѣ догадка.

— Ты слышалъ?—говорилъ онъ себѣ.—Понялъ?.. Фальконаро!—вездѣ и всюду Фальконаро!.. Эта красивая женщина—его любовница—или будетъ ею, если этого еще не случилось... А я-то, болванъ, удивлялся, почему Эдоардо помогалъ; онъ просто глаза ему засыпалъ золотомъ, а вмѣсто процентовъ взялъ его жену. Одной рукой помогаетъ, другой рога наставляетъ... А она милочка—ей богу! милочка... Вотъ это типъ женщины въ моемъ вкусѣ: бѣлокурая, худая, нервная, надменная—одна изъ тѣхъ интеллигентныхъ и горделивыхъ женщинъ, которыя способны на все... У Фальконаро все: и червонцы, и женщины, изящныя,

интеллигентныя; а у меня—только долги и дочь привратника, прилипшая ко мнѣ, какъ пластырь, который не знаешь, какъ сорвать... Только бы она не забеременѣла!.. Хорошо Фальконаро! онъ и этого не испугается—у него подъ рукой папаша—милѣйшій нашъ Лоренцо... Но, Богъ мой, какой же онъ болванъ, этотъ Лоренцо... Онъ и по сію пору воображаетъ, что Фальконаро давалъ ему взаймы столько денегъ исключительно ради того, чтобы сдѣлать его Наполеономъ масла... Какъ будто Фальконаро сколько-нибудь интересуется масломъ!.. Онъ и не замѣчаетъ, что Фальконаро исподтишка тянетъ у него изъ рукъ другое масло—и какое чудесное, нѣжное, вкусненькое!.. Бѣдный Лоренцо!.. Онъ себѣ потѣетъ и пыхтитъ въ жару въ своемъ вонючемъ складѣ, а женушка, чистенькая, вся бѣленькая, заѣзжаетъ за нимъ, чтобъ провести часочекъ съ Фальконаро—старымъ другомъ дома... Они себѣ переговариваются, телефонируютъ руками и ногами подъ столомъ, а онъ, что называется, свѣчку держитъ... А что, если сказать ему?.. Если открыть ему глаза?..

Эта мысль крѣпко засѣла въ его головѣ, и на другой день—въ этотъ самый часъ, когда Морелла впервые съ такою страстью отдавалась Эдоардо, Маріано, сидя въ кафэ послѣ обѣда, въ тѣни парусиноваго навѣса, смотрѣлъ на улицу, не видя ея, и разсуждалъ съ самимъ собою.

Послать къ дьяволу Мореллу, Эдоардо и Лоренцо, разстроить ихъ любовный дуэтъ, вызвать катастрофу тамъ, гдѣ обитали миръ и счастье—это казалось достойнымъ его начинаніемъ. Надо же выместить на комъ-нибудь обиду...

— Непремѣнно скажу ему... заставлю его понять... Но *что* я могу сказать?.. *что* я знаю?..

— Хочешь еще чего-нибудь?—заботливо спросила Стелла, подойдя къ его столику.

— *Какъ* мнѣ убѣдить его?.. Вѣдь я же ничего не знаю: я понялъ потому только, что я геніаленъ, и потому, что въ моей системѣ два и два даютъ четыре... Но это убожество потребуетъ, вѣдь, доказательствъ: изъ породы идіотовъ, лишенныхъ всякаго чутья...

— Хочешь еще чего-нибудь?—повторила Стелла, придвигаясь къ нему.

Она стояла передъ нимъ, такая чистенькая, въ изящномъ бѣленькомъ передничкѣ, съ сумочкой, подвѣшенной у кожанаго пояса, и улыбалась, неувѣренно и робко, сверкая бѣлизной зубовъ между полураскрытыми губами. Эдоардо смѣрилъ ее взглядомъ и презрительно усмѣхнулся:

— Ты напоминаешь мнѣ рекламу для какао. Я ухожу; мнѣ ничего не нужно, кромѣ того, чтобы уйти отсюда и чтобъ ко мнѣ не приставали.

— Ты въ дурномъ расположеніи духа, мой милый?—жалобно спросила Стелла.

— Скажите!.. какое открытіе!.. Я въ дурномъ расположеніи духа; это очевидно. Когда человѣкъ говоритъ, какъ я, онъ въ дурномъ настроеніи; если онъ броситъ въ тебя тарелкой, значитъ, у него настроеніе совсѣмъ скверное; если начнетъ стрѣлять въ тебя изъ револьвера—ну, значитъ, къ нему не подступайся... Я тебѣ не муха...

Онъ замѣтилъ, что это упоминаніе о мухѣ всегда огорчало и пугало дѣвушку—«потому ли, что напоминало ей о ночи, когда онъ пригрозилъ бросить ее, если она ему сдѣлаетъ кельнеренка», потому ли, что самое сравненіе пугало и тревожило ее своею необычностью. И когда Маріано хотѣлось сплавить ее, онъ всегда начиналъ ей доказывать, что «онъ» не муха.

Стелла, дѣйствительно, отошла, понуривъ голову и стараясь ступать безшумно, Маріано нахлобучилъ шапку и вышелъ на улицу, чтобы безъ помѣхи обсудить вопросъ о томъ, «какъ ему сказать и дать ему понять».

Но ничего не придумалъ ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе.

Лоренцо какъ-то вскользь сказалъ ему, что Морелла каждую недѣлю пріѣзжаетъ въ городъ на два дня, отъ понедѣльника до среды, и все хлопочетъ съ домомъ, передѣлывая все въ немъ по-своему; и Маріано захотѣлось взглянуть на свой прежній домъ и всѣ эти измѣненія и передѣлки: зачѣмъ—онъ самъ не зналъ; просто ему казалось, что посѣтить бывшее свое жилище было бы ему пріятно.

И въ одинъ прекрасный день онъ отправился туда, какъ разъ въ тѣ часы, когда обыкновенно онъ бродилъ по рынку и болталъ съ Лоренцо.

XX.

Этотъ его бывшій домъ тянулъ его къ себѣ неудержимо, какъ вещь, потерянная навсегда, брошенная по капризу и тщетно оплакиваемая. Маріано часто смотрѣлъ на него издали; онъ попрежнему былъ желтый, съ зелеными ставнями, но выкрашенъ заново, и оба цвѣта были теперь иного оттѣнка — мягче и блѣднѣе. Изъ-за невысокой ограды выглядывали милыя его

сердцу деревья, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ укрывавшія его подъ своей благодатной тѣнью.

Онъ вошелъ въ садъ, заглянулъ въ бассейнъ съ терракотовымъ бортомъ, обвитымъ плющемъ, полюбовался золотыми персиками, его любимыми, какъ и деревья, и направился къ дому.

Поколебавшись немного, переступилъ порогъ.

Налѣво отъ входной двери тянулся длинный залъ, прежде танцовальный, теперь фехтовальный; направо были двѣ комнаты—помѣщеніе для швейцара и его семьи.

Въ швейцары былъ произведенъ одинъ изъ рабочихъ Лоренцо, старый отставной капралъ-кавалеристъ, еще сильный и крѣпкій, преданный хозяину и не охотникъ болтать по-пусту. Его звали Адельмо, и онъ хорошо зналъ Маріано, еще съ той поры, когда этотъ послѣдній верховодилъ всѣми другими конкуррентами въ борьбѣ съ Лоренцо за господство на рынкѣ.

На лѣстницѣ, ступени которой были сплошь устланы мягкимъ ковромъ, прежнія перила были сняты и замѣнены новыми, кованаго желѣза, простыми и изящными. Внизу, по обѣ стороны, на двухъ приземистыхъ колонкахъ изъ мрамора съ розовыми жилками, красовались огромныя темныя вазы съ зелеными растеніями. Стѣны вдоль лѣстницы были украшены четырьмя панно тисненой кожи, изображающими Европу, Африку, Азію и Океанію.

— Что же Америки-то нѣтъ?—замѣтилъ Маріано, обращаясь къ швейцару, сопровождавшему его. — Вѣдь и она уже давно открыта.

Адельмо только усмѣхнулся въ отвѣтъ и забѣжалъ впередъ, чтобъ отворить дверь гостю.

— Кто же это завелъ всѣ эти новшества? — освѣдомился Маріано.

— Синьора. Она тутъ все вверхъ дномъ перевернула...

— Часто она бываетъ здѣсь?

— Каждую недѣлю пріѣзжаетъ, раза по два, но всего на нѣсколько минутъ, только взглянуть. За рабочими смотрю я, и мнѣ поручено слѣдить за тѣмъ, чтобы были выполнены всѣ приказанія.

Маріано отъ удивленія даже остановился посрединѣ лѣстницы.

Какъ же такъ? Лоренцо говорилъ ему, что Морелла каждую недѣлю два-три дня проводитъ въ городѣ, столько у нея хлопотъ съ устройствомъ дома; а, между тѣмъ, сюда она заглядываетъ

всего на нѣсколько минутъ, разокъ-другой въ недѣлю. Гдѣ же она проводитъ остальное время? И что ей дѣлать лѣтомъ въ городѣ, если не слѣдить за поставщиками и рабочими?

А швейцаръ тѣмъ временемъ говорилъ:

— Я и вчера ее поджидалъ, да не дождался. Можетъ, сегодня заѣдетъ.

— Фальконаро! Фальконаро! Фальконаро! — сквозь зубы бормоталъ Маріано.

Въ первомъ этажѣ къ лѣстницѣ примыкала большая передняя, еще совсѣмъ пустая и съ голыми стѣнами, за которой слѣдовали гостиная и столовая. Направо были комнаты Лоренцо, налѣво комнаты Мореллы.

Маріано узналъ свой длинный концертный рояль, прямоугольный столъ съ инкрустаціей изъ перламутра; диваны, обитые золотой парчей съ розоватыми цвѣтами, но въ комнатѣ Мореллы стояла уже другая мебель, въ стилѣ Людовика XIV, ненавистномъ Маріано. Двери были сдѣланы со сводами, а карнизы передѣланы подъ стать стилю всей обстановки.

— Но, если она рѣшила все дѣлать въ этомъ стилѣ,— не удержался отъ замѣчанія Маріано,—столъ съ инкрустаціей, и эти диваны, да и рояль сюда ужъ не подходятъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ швейцаръ.—И рояля, и стола, и дивановъ синьора не хочетъ брать къ себѣ.

— Правильно.

— И хозяинъ ихъ не хочетъ, потому, говоритъ: на рояли я не играю, а остальное для меня слишкомъ роскошно...

— Опять-таки правильно,—повторилъ Маріано.—Разъ они никому не нужны, вернули бы ихъ мнѣ...

Маріано посидѣлъ на диванѣ, подошелъ къ роялю, нѣжно погладилъ рукой его блестящую зеркальную поверхность, пробормоталъ:

— Бѣдняжка!..

— А это барынина спальня,—пояснилъ швейцаръ, распахивая двери въ самомъ концѣ коридора,—она еще не совсѣмъ готова.

Морелла выбрала для себя комнату, гдѣ прежде помѣщался Маріано, самую свѣтлую, самую спокойную, съ двумя окнами, выходящими въ садъ, какъ на Вилла Мора; только тамъ спальня ея, въ стилѣ имперіи, была вся блѣдно-зеленая, а эта обита матеріей сиреневаго цвѣта, на которомъ рѣзко выдѣлялась роскошная, большая, цвѣта кремъ, кровать, съ огромнымъ балдахиномъ и тяжелыми бархатными занавѣсками, тоже кремовыми,

поддерживаемыми толстыми съ золотомъ шнурами. Возвышеніе, на которомъ стояла кровать, было обнесено рѣзною деревянной балюстрадой, по обѣ стороны которой стояли кресла, одного цвѣта съ обивкой стѣнъ.

На полу Маріано увидалъ мраморныя амфоры съ отдѣлкой изъ зеленой бронзы и рѣзные деревянные канделябры, подъ стать балюстрадѣ, а въ углу бѣлоснѣжную шкуру огромнаго медвѣдя.

— Здѣсь еще карнизовъ не хватаетъ,—объяснялъ Адельмо,—и панелей для стѣнъ, съ медальонами посерединѣ и бахромой вдоль цоколя, да еще...

— Но, вѣдь, на это годъ уйдетъ, чтобы все сдѣлать, какъ она хочетъ,—перебилъ его Маріано.—А, пока-то, гдѣ же она живетъ и гдѣ ночуетъ?

— Въ своей квартирѣ на Віа Бильи. Она почти нетронута; здѣсь вся мебель новая.

— Денегъ какая уйма потрачена!—сокрушенно бормоталъ Маріано.—И на ерунду. Я бы лучше Людовика XIV послалъ на эшафотъ, вмѣсто Людовика XVI, за его стиль. Но, позвольте, здѣсь была дверь... Куда же она дѣвалась?

— Синьора велѣла снять ее для того, чтобъ эти двѣ комнаты непосредственно сообщались одна съ другой; а подъ ванную она возьметъ другую комнату, которая прежде служила рабочимъ кабинетомъ.

— Непосредственно сообщались?—повторилъ Маріано.—Съ кѣмъ же сообщаться, если тамъ никто не спитъ? Кого же Лоренцо намѣревается помѣстить въ этой комнатешкѣ?

— Комнаты хозяина по другую сторону...

— Но, вѣдь, это же не комната—это коробочка,—продолжалъ Маріано, заглядывая въ крохотную комнатку.—И, разумѣется, тоже будетъ въ стилѣ Людовика XIV. Потолокъ уже передѣланъ... А мило—право!.. Словно сводъ небесный... или пологъ колыбели...

Онъ хлопнулъ себя по лбу, озаренный мыслью, подсказанной ему случайнымъ словомъ. Ну, разумѣется... иначе быть не можетъ... ясно, на кого разсчитаны всѣ эти приготовленія...

— Нѣтъ сомнѣнія: она беременна,—думалъ Маріано.—Послѣ Людовика XIV — ребенокъ... Поистинѣ, всѣ женщины похожи другъ на друга... По крайней мѣрѣ, Стелла не знаетъ иного Людовика, кромѣ кухоннаго мужика изъ своего кафэ. Онъ, положимъ, не четырнадцатый, но посуду моетъ изрядно... Такъ

вотъ оно что! Беременна... А милѣйшій Лоренцо сидитъ себѣ, посиживаетъ въ складѣ, буравя на пробу сыры...

Адельмо теперь показывалъ ему столовую и гостиную, которыя онъ въ первый разъ лишь бѣгло осмотрѣлъ, но Фриджеріо уже не слышалъ его. Это швырянье деньгами раздражало его; нѣкоторыя вещи, бросившіяся ему въ глаза, какъ, напримѣръ, стѣнной шкафчикъ, удивительно изящный и простой, съ аллегоріей войны и мира на дверцѣ, или старинное зеркало въ дубовой рѣзной рамѣ съ позолотой должны были стоить бѣшеныхъ денегъ, и ему было обидно, что они будутъ служить лишь мимолетному капризу той, кого онъ считалъ любовницей Эдоардо Фальконаро.

Въ былыя времена, когда его еще не терзала вѣчная нужда въ деньгахъ и не принижала связь съ вульгарной женщиной, онъ оцѣнилъ бы эту роскошь; но теперь онъ на каждомъ шагу вынужденъ былъ сравнивать ту жизнь, которую онъ самъ велъ, съ жизнью той, которая, если и не была любовницею Эдоардо, то, все же, была женой Лоренцо, его соперника и побѣдителя въ борьбѣ.

Того самаго Лоренцо, которому онъ, въ минуту слабости и малодушія, испугавшись того, что кредиторы прижали его къ стѣнѣ, продалъ этотъ домъ чуть не за полцѣны, какъ незадолго до того продалъ ему чудеснаго коня совсѣмъ ужъ за безцѣнокъ.

И домъ его, съ этимъ вторженіемъ стиля Людовика XIV, сталъ неузнаваемъ... А, вѣдь, онъ любилъ свой домъ, любилъ и мебель, которая теперь здѣсь никому не нравилась... И Маріано вышелъ изъ него задумчивый и грустный, понуривъ голову, и долго еще оглядывался на простенькій, изящный фасадъ дома и слегка волнистую линію верхушекъ деревьевъ въ саду.

— Прійти къ тебѣ сегодня вечеромъ?—спросила его Стелла, когда онъ вернулся въ кафэ обѣдать.

— Конечно, приходи; жду тебя.

Онъ пообѣдалъ съ большимъ аппетитомъ и разсказалъ нѣсколько анекдотовъ, отъ которыхъ животики надрывали его пріятели, сидѣвшіе за сосѣдними столиками.

Потомъ, когда смерклось, пошелъ домой ждать Стеллу.

Вышелъ онъ, насвистывая, съ папироской въ зубахъ, заложивъ руки въ карманы, а тросточку повѣсивъ на руку.

Стелла явилась вскорѣ послѣ двѣнадцати, радуясь тому, что ея возлюбленный былъ сегодня такъ къ ней милостивъ и перспективѣ провести ночь на широкой и удобной венеціанской кровати, внушавшей ей безграничное восхищеніе.

Но, переступая порогъ, споткнулась обо что-то и вся похолодѣла, сообразивъ, что это, навѣрное, что-нибудь хрупкое, такъ какъ отъ одного прикосновенія ея ноги оно откатилось въ уголъ и, очевидно, разбилось, судя по грохоту... Навѣрное, какая-нибудь ваза—что же другое можетъ быть, кромѣ вазы... и, можетъ быть, тоже съ совами...

И, увидя Маріано, поднимающагося съ кресла, бѣдная дѣвушка, не имѣя мужества пойти навстрѣчу грозѣ, повернулась, выскочила за двери, захлопнула ихъ за собою и помчалась внизъ по лѣстницѣ...

Маріано, насвистывая, заперъ дверь и, со вздохомъ облегченія, расположился одинъ, со всѣми удобствами, на широкой двухспальной кровати.

XXI.

Въ тѣ дни, когда Морелла уѣзжала въ Миланъ, Изидора и Федерико снова начинали жить жизнью влюбленныхъ, или молодоженовъ, только - что вернувшихся изъ свадебнаго путешествія.

Въ ихъ безоблачно - чистыхъ сердцахъ влюбленныхъ, не имѣющихъ тайнъ другъ отъ друга, сохранилось достаточно нѣжности и молодости, чтобы, какъ дѣти, гоняться другъ за другомъ по дорожкамъ сада, перебрасываться еловыми шишками и съ размаху, прекращая войну, кидаться въ объятія другъ друга; и нерѣдко Изидора нарочно зацѣплялась платьемъ за терновникъ въ степи, чтобъ Федерико отцѣпилъ ее и при этомъ покрылъ ея шею и волосы мелкими, ласковыми поцѣлуями.

Одно разъединяло ихъ: оба были огорчены наступившей холодностью, почти враждебностью въ отношеніяхъ Мореллы и Лоренцо, которые почти не разговаривали между собой и явно избѣгали другъ друга, но Изидора во всемъ винила зятя, который не понималъ и не способенъ былъ понять своей жены; Федерико же винилъ Мореллу, которая не давала понять себя и упорно перетолковывала каждое слово, каждый шагъ своего мужа.

А Морелла тѣмъ временемъ стала неузнаваема; глаза ея сверкали, какъ вентуринскій камень съ золотыми искорками; она такъ быстро двигалась, такъ заразительно смѣялась, такъ весело шутила и вслухъ строила планы на будущее—словомъ, стала такъ непривычно экспансивна и такая «новая», что ни сестра, ни Федерико не смѣли даже намекнуть на недоразумѣнія между

нею и Лоренцо; и, каждый разъ, какъ она уѣзжала въ Миланъ, надѣялись, что она помирится съ мужемъ.

Въ Миланъ за шесть недѣль Морелла ѣздила шесть разъ, и каждый разъ дня на три. Она жадно пила изъ чаши любви невѣдомый ей дотолѣ волшебный напитокъ. И, такъ какъ поводомъ и оправданіемъ восхитительныхъ часовъ, которые они проводили вмѣстѣ, были хлопоты по ремонту и устройству дома, Морелла, въ концѣ концовъ, перестала ненавидѣть этотъ домъ, и суета и безпорядокъ, пока еще царившіе въ немъ, только забавляли ее.

Цѣлые дни въ Миланѣ проходили въ страстныхъ ласкахъ, въ объятіяхъ Эдоардо, нанявшаго квартирку въ глухой улицѣ Капуциновъ, что идетъ отъ моста у Венеціанскихъ воротъ, словно ручеекъ, отдѣлившійся отъ шумной рѣки жизни и заглохшій въ безмолвіи...

Эдоардо въ нѣсколько дней омеблировалъ эту квартирку и, чтобъ сгладить непріятное впечатлѣніе съ иголочки новой мебели, которая какъ-будто не столько служитъ хозяевамъ, сколько наблюдаетъ за ними, перевезъ туда всѣ вещи, привлекшія вниманіе Мореллы въ первый, незабвенный день ихъ любви.

Послѣ первой же встрѣчи влюбленныхъ квартирка стала уютной и какъ-будто обжитой.

Морелла забѣгала туда, приходила и уходила по нѣсколько разъ въ день, съ смѣлостью женщины, которая, очертя голову, отдалась своей любви, чувствуя въ себѣ силу отстоять ее и уберечь какою бы то ни было цѣной. Но демонъ ея страсти покровительствовалъ ей; знойное лѣто выгнало изъ города друзей и пріятельницъ, наиболѣе опасныхъ своимъ нескромнымъ любопытствомъ.

Правда, въ городѣ продолжали жить родители Мореллы, къ которымъ она отъ времени до времени заглядывала. Отецъ ея, Тито Барди, старикъ, суровый и упрямый, бережно хранилъ у себя, на-ряду съ чопорной декоративной мебелью, старый орѣховый столикъ, на которомъ онъ когда-то пересчитывалъ первыя стопки золота и серебра, нажитыхъ торговлей древностями, и все свободное время проводилъ въ креслѣ у орѣховаго столика, не покрытаго даже скатертью; для него этотъ столикъ воплощалъ собой все его славное прошлое, полное постепенно пріобрѣтаемой мудрости, и чтобъ не таскать его съ собой изъ города на дачу и съ дачи въ городъ, съ рискомъ превратить его въ щепки, отказался отъ выѣздовъ дачу. На этомъ столикѣ онъ ѣлъ, писалъ, игралъ

въ карты съ женой; на немъ и спалъ бы, если бъ не боялся во снѣ скатиться на полъ.

Онъ самъ пристроилъ дочерей, выдавъ ихъ замужъ—Мореллу за Лоренцо Моро, Изидору за Федерико Берарди,—исключительно на томъ основаніи, что, на его взглядъ, оба зятя подавали надежды разбогатѣть. Всѣ другія соображенія онъ находилъ излишними.

Жена его, Джина, ничего не значила въ домѣ; никто съ ней не считался; всѣ ея желанія и просьбы мужъ ея систематически вышучивалъ и отвергалъ; и тутъ она не посмѣла перечить Тито, хотя сама мечтала для дочерей о болѣе элегантныхъ и привлекательныхъ мужьяхъ. Она до смерти боялась мужа и, когда Морелла обратилась къ ней за помощью, мать отвѣтила ей только слезами и рыданіями.

Все время она повторяла:—«Ахъ, я боюсь!.. Боже мой, какъ я боюсь... Если бъ ты знала, дѣточка, какъ я боюсь»... и, когда испуганная дѣвушка стала допытываться, чего же именно она боится, Джина, въ концѣ концовъ, шепнула ей:—«Охъ, боюсь я, что ты не будешь ему вѣрна». И уже тогда въ душѣ Мореллы, очень мало знавшей о любви и бракѣ, сложилось убѣжденіе, что вѣрность—труднѣйшая изъ добродѣтелей.

И впослѣдствіи, когда Морелла стала женщиной и женой, каждый разъ, какъ она навѣщала родителей, мать неизмѣнно отводила ее въ сторону и, указывая украдкой на спину Лоренцо, шепоткомъ спрашивала: «Ты вѣрна ему?».. и, когда дочь глазами показывала, что «да», и утвердительно кивала головой, мать вздыхала съ облегченіемъ и больше уже ни о чемъ не спрашивала.

Тито былъ еще менѣе любознателенъ, чѣмъ его жена; онъ, вообще, не имѣлъ обыкновенія предлагать вопросы—онъ только высказывалъ свои мнѣнія. Каждой изъ дочерей онъ далъ въ приданое по двѣнадцати тысячъ лиръ въ годъ и былъ очень доволенъ обоими зятьями. Онъ любилъ ихъ за то, что оба они были скромные и простые—Федерико, всецѣло поглощенный управленіемъ большимъ имѣніемъ ломбардскаго князя, Лоренцо, съ головой ушедшій въ интересы своей торговли, оба не болтуны, не пустомели, не скряги и не расточители.

Вполнѣ понять другъ друга имъ было трудновато—слишкомъ мало общаго между антикварной торговлей, которой занимался Барди, и управленіемъ большимъ помѣстьемъ, или же производствомъ масла и сыровъ, изъ-за котораго Лоренцо велъ такую упорную борьбу съ своими конкуррентами; но нѣкоторыя

положенія для всѣхъ троихъ были незыблемы, какъ, напримѣръ, то, что надо работать много и не покладая рукъ, что необходимо имѣть крупную сумму денегъ про запасъ на случай разныхъ сюрпризовъ, которые можетъ преподнести жизнь или торговля—что политика и партійные споры—скучный и непріятный вздоръ, отъ котораго всѣ они старались держаться подальше.

И Тито, возсѣдая за своимъ историческимъ столикомъ, не разъ говаривалъ, что двухъ другихъ такихъ мужей не сыщешь въ цѣломъ свѣтѣ, и что оба они кончатъ жизнь милліонерами; а затѣмъ,—разговоры эти происходили обыкновенно вечеромъ—выпивалъ чашку теплаго молока и ложился спать.

Морелла часто теперь забѣгала посовѣтоваться со старикомъ относительно убранства дома. Однажды, когда мать шепоткомъ предложила ей обычный свой вопросъ: «А ты вѣрна ему?» указывая на кресло, въ которомъ обыкновенно сидѣлъ Лоренцо,—Морелла, еще не остывшая отъ поцѣлуевъ Эдоардо, энергичнѣе обыкновеннаго закивала головою.

Но Тито хмурился. Ему совсѣмъ не нравилось, что зять купилъ домъ за Тичинскими воротами.

— Далеко очень. Зимою, значитъ, совсѣмъ и не будемъ видѣться. И потомъ, говорятъ, Энцо, какъ только у него выдастся свободная минутка, бѣжитъ въ свой фехтовальный залъ и фехтуетъ до изнеможенія съ этимъ своимъ учителемъ. Я всегда недолюбливалъ фехтованія—чуть зазѣвался, долго ль до бѣды? На моихъ глазахъ сколько было случаевъ... Ты бы придержала муженька.

— Онъ меня не слушаетъ, папаша,—возразила Морелла, откусивъ кусочекъ цуката, которымъ угостилъ ее отецъ.

— Долженъ слушать. Когда ты разсуждаешь здраво, долженъ слушать. Итакъ, это дѣло рѣшенное: ты попридержишь муженька, а онъ не будетъ понапрасно махать шпагой по воздуху.

Морелла съ улыбкой посмотрѣла на отца, маленькаго и сухонькаго, совсѣмъ ушедшаго въ свое глубокое кресло. На столикѣ передъ нимъ лежалъ раскрытый каталогъ продажи художественныхъ коллекцій, и старикъ перелистывалъ его желтой, костлявой рукой. На минуту взоръ его остановился на изображеніи дарохранительницы тринадцатаго вѣка изъ золоченой мѣди, съ рѣзьбою и эмалью, за которую просили сто пятьдесятъ тысячъ лиръ.

— Красиво, какъ ты находишь?—спросилъ отецъ.

— Красиво, согласилась дочь. И поднялась прощаться.

Никогда еще она не чувствовала такъ ясно, какъ чужда она душой отцу и матери.

Одинъ всю жизнь прожилъ, чуждаясь страсти и всего, что относилось къ ней—настолько, что и люди казались ему неподвижными фигурками, изваянными художникомъ изъ того или другого поддающагося лѣпкѣ матеріала.

Всю жизнь онъ жилъ среди неодушевленныхъ предметовъ, превосходно изучивъ угасшіе вѣка; дочерей пристроилъ замужъ такъ же умѣло, какъ умѣлъ поставить вазу въ витринѣ, или задрапировать картину—и былъ бы очень удивленъ, и даже не повѣрилъ бы, если бъ ему сказали, что одна изъ его дочерей недовольна своей участью, что она измѣняетъ мужу, что въ тѣлѣ ея течетъ живая кровь, и ея мускулы и нервы жаждутъ поцѣлуевъ, кромѣ законныхъ...

Что касается матери,—если бъ не почтеніе къ родителямъ, которое внушали ей усиленно въ монастырской школѣ, Морелла не задумалась бы сказать о ней, что она дура; въ самыя трудныя минуты жизни ея энергія вытекала черезъ слезныя железки и расплывалась, такъ сказать, въ соленой влагѣ; она умѣла только говорить, что надо дѣлать, но сама неспособна была пальцемъ шевельнуть, чтобъ сдѣлать это, и потому никто съ ней не считался, и для нея самой міръ не существовалъ за предѣлами Віа Мороне, гдѣ она жила съ мужемъ уже тридцать лѣтъ. И всѣ, жившіе въ улицѣ Мороне, казались ей какими-то сказочными чудищами.

Тито Барди на прощанье преподалъ дочери еще нѣсколько наставленій относительно убранства дома, которое она взяла на себя.

— Я предпочелъ бы что-нибудь красивое, наше, итальянское,—говорилъ онъ. — Но ты женщина и не поймешь... Ну, какъ дѣла?

— Хорошо; кажется, все выйдетъ красиво.

— Будь осторожна. Изъ всѣхъ Людовиковъ стиль XIV-го наиболѣе распространенный; но потому-то и легко наткнуться на поддѣлку. Къ сожалѣнію, въ данный моментъ ничего въ этомъ стилѣ я не могу предложить тебѣ. Смотри, какъ бы тебя не надулъ кто-нибудь изъ моихъ коллегъ...

— Я буду осторожна, папаша.

— Смотри, какъ бы тебѣ не продали имитаціи за настоящее. Имитаціи— это секретъ нашего ремесла.

И онъ сладко вздохнулъ, по всей вѣроятности, вспомнивъ объ этомъ единственномъ секретѣ своего существованія.

XXII.

Въ концѣ шестой недѣли, когда домъ уже началъ принимать изысканный и барскій видъ, какой и хотѣла придать ему Морелла, она позвала обѣдать Эдоардо на новую квартиру.

— Приди взглянуть... Я скажу Лоренцо, что пригласила тебя. Ты ничего не имѣешь противъ?

Эдоардо улыбнулся и погладилъ голову, граціозно склонившуюся на его плечо.

— Приду, милая. Навѣрное, тамъ все красиво — художественный вкусъ у васъ въ семьѣ.

— Мы обѣдаемъ въ восемь. Приходи въ семь, — заключила Морелла.

Ровно въ семь Эдоардо былъ у нея. Лоренцо задержали въ складѣ, и Морелла поспѣшила повести своего милаго въ маленькую комнатку, примыкавшую къ ея спальнѣ.

Она была уже совсѣмъ готова. Круглая, съ куполомъ, вмѣсто потолка, съ желобчатыми колонками, заканчивавшимися легкими завитками, вся обитая голубымъ шелкомъ, съ болѣе темными полосами по болѣе свѣтлому фону, при чемъ каждая полоска была смягчена букетами чуть розоватыхъ цвѣтовъ, она, дѣйствительно, смотрѣла бомбоньеркой, а не комнатой, веселая, смѣющаяся, уютная, какъ колыбель.

Эдоардо прижалъ къ груди Мореллу и, цѣлуя ее, говорилъ:

— Ты создала шедевръ—я точно въ Версали... Но какъ же ты объяснила Лоренцо всѣ эти приготовленія?

Молодая женщина вздрогнула и пролепетала:

— Я должна была... мнѣ пришлось... Умоляю, не спрашивай меня ни о чемъ, Эдоардо.

Но тотчасъ же овладѣла собой и прибавила, уже болѣе твердымъ голосомъ:

— Я должна была объяснить ему... Эти приготовленія?..— капризъ, желаніе, надежда.

— Вы помирились?—нерѣшительно выговорилъ Эдоардо.

Морелла, не глядя на него, утвердительно кивнула головой.

— Значитъ, тебѣ нравится?—спросила она, стараясь овладѣть собой и озираясь кругомъ.

— Я же сказалъ, что это маленькій шедевръ. Вотъ—понравится ли ему.

Молодая женщина засмѣялась, звонко и увѣренно.

— Ему-то ужъ, навѣрное, понравится. Ему, бѣдняжкѣ, главное, чтобы быть возлѣ меня—остальное ему будетъ вначалѣ безразлично... Смотри, вотъ здѣсь, на этой стѣнѣ противъ двери, будетъ зеркало съ двумя амурами наверху, держащими корзину, полную цвѣтовъ... Оно заказано по рисунку моего отца и еще не готово. Какъ тебѣ кажется—пойдетъ сюда?

— Вы энергичнѣй всякаго мужчины, —отвѣтилъ Эдоардо, слегка повысивъ голосъ. — Однимъ мановеніемъ руки вы преобразили этотъ домъ.

Морелла, стоявшая спиною къ двери, поняла, что они не одни, повернулась и увидѣла на порогѣ мужа.

Она пошла ему навстрѣчу и протянула руку, которую тотъ горячо пожалъ.

— Готовитесь встрѣчать наслѣдника, — объяснилъ онъ Эдоардо.—Если это только не иллюзія Мореллы...

Эдоардо, не зная, что сказать, съ улыбкой поклонился Мореллѣ.

Молодая женщина, по нѣкоторымъ признакамъ, начала было надѣяться, но потомъ снова впала въ сомнѣніе. Врачъ, къ которому она обратилась, сказалъ ей, что, пока, еще нельзя быть увѣренной, и спросилъ, не бываетъ ли у нея головокруженій.

— А ты,—спросилъ Эдоардо, чтобы что-нибудь сказать,— какъ ты готовишься встрѣтить наслѣдника?

— Я? Я, прежде всего, равнодушенъ. Дѣти нравятся женщинамъ, потому что безъ дѣтей имъ нечѣмъ занять себя, а съ дѣтьми онѣ возятся, какъ съ куклами. И только, когда уже поздно, убѣждаются, что куклы и дешевле стоятъ, и не такъ надоѣдливы... Но это дѣло женское... Я своему наслѣднику оставлю въ наслѣдство свои гроши и умѣнье работать, если это будетъ мальчикъ; если явится дѣвчонка — ужъ это дѣло моей супруги подать ей добрый примѣръ своею жизнью...

Морелла подошла къ окну и, отвернувшись, смотрѣла въ садъ, чтобъ Лоренцо не замѣтилъ ея внезапнаго волненія.

— Ты сегодня красиво говоришь—усмѣхнулся Эдоардо.— Такъ, значитъ, деньги и добрые примѣры?—Такъ. Прекрасно. Но, все же, если это будетъ мальчикъ, что ты думаешь изъ него сдѣлать?

Въ это время на порогѣ появилась горничная, и Лоренцо возразилъ:

— Прежде всего, пойдемъ обѣдать. На пустой желудокъ такіе разговоры болѣе чѣмъ безполезны...

Столъ былъ накрытъ въ гостиной; электричество еще не было проведено и, на всякій случай, по концамъ стола были приготовлены два канделябра золоченой бронзы; недоставало и стильнаго сервиза, который Тито Барди обѣщалъ разыскать самолично, подлинный, и преподнести его дочери, въ качествѣ запоздалаго добавленія къ свадебнымъ подаркамъ.

Роскошныя вышивки съ узоромъ изъ львиныхъ пастей и золотыхъ цвѣтовъ такъ густо покрывали обивку мебели, что едва можно было различить блѣдно-палевый фонъ ея; и все убранство залы носило тотъ же помпезный характеръ стиля, перегруженнаго бахромою, галунами и затѣйливыми узлами изъ золотыхъ шнуровъ.

Эдоардо любовался Мореллой; среди всей этой роскоши ея гибкая фигура, бѣлокурые волосы, нѣсколько изможденное лицо, еще молодое и уже поблекшее подъ шкваломъ страсти, пылкое и вдумчивое, удивительно гармонировали съ подборомъ цвѣтовъ, со всѣмъ внутреннимъ смысломъ этой комнаты, и она чувствовала себя здѣсь, какъ рыба въ водѣ.

Зато Лоренцо, одѣтый въ темное, съ криво подвязаннымъ галстухомъ, явно чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, словно не у себя дома.

Лоренцо предпочелъ бы съ иголочки новенькую мебель, простую и удобную, но молчалъ и не препятствовалъ женѣ сорить деньгами. Вся эта тяжеловѣсная пышность давила и какъ бы угнетала его—но, вѣдь, онъ тогда, на дачѣ, сообщая Мореллѣ о покупкѣ дома, сказалъ, что разрѣшаетъ ей «всякія роскоши».

Правда, подъ «роскошами» онъ разумѣлъ совсѣмъ иное, чѣмъ то, что создала его жена, и его собственныя комнаты, обставленныя просто и удобно, внѣ всякихъ стилей, нравились ему гораздо больше.

— Итакъ, ты хочешь знать, чѣмъ бы я хотѣлъ видѣть своего сына,— первый возобновилъ разговоръ Лоренцо.—Во всякомъ случаѣ, только не купцомъ. Достаточно съ меня, и трудно разсчитывать, что сынъ мой встрѣтилъ въ жизни другого Эдоардо Фальконаро, который будетъ выручать его въ трудныя минуты. Двухъ такихъ Фальконаро въ мірѣ не сыскать.

Эдоардо недовольно покачалъ головой.

— Не говори пустяковъ.

— То-есть: какъ это «пустяковъ»? Ты что же, хочешь

убѣдить насъ (это меня-то и Мореллу?), что я не обанкротился бы, если бъ ты не раскрылъ для меня своего кошелька?.. или ты отрицаешь за мной право всѣмъ и каждому хвастать не только твоей дружбой, но и твоею дальновидностью въ дѣлахъ?.. Ну-ка, скажи...

— Будетъ, Энцо,—прервалъ его Фальконаро, раздраженный этими похвалами и изъявленіями благодарности.—Охота тебѣ вспоминать старое... неловко же человѣку, когда его хвалятъ въ лицо. Я далъ тебѣ денегъ взаймы—отлично; ты мнѣ ихъ вернулъ съ процентами—еще того лучше. Обыкновеннѣйшая торговая сдѣлка, ничего больше...

— Да полно тебѣ! Какая это сдѣлка. Это дружба, довѣріе, привязанность.

И онъ пустился въ пространнѣйшія разглагольствованія, приводя примѣры дружбы и проницательности Эдоардо.

Морелла слушала, съ виду спокойная, но въ душѣ терзаясь. Напрасно она пригласила Эдоардо; не слѣдуетъ теперь сводить ихъ вмѣстѣ; получилось ложное, нелѣпое, тягостное для всѣхъ положеніе, особенно тягостное для Эдоардо, который не можетъ не страдать отъ него.

Въ едва замѣтномъ дерганьи мускуловъ лица, въ мимолетной морщинкѣ, набѣжавшей на лобъ, прорѣзанный рубцомъ, въ нервномъ жестѣ, которымъ онъ пригладилъ прямые длинные усы, молодая женщина читала затаенное, умѣло скрытое страданіе, глухой протестъ, горечь сознанія, что теперь ужъ никогда нельзя будетъ говорить по-прежнему, искренно и свободно.

Захваченные вихремъ страсти, они упустили изъ виду, что имъ придется отказаться отъ того, что имъ обоимъ, съ ихъ властными и гордыми характерами, было всего дороже: искренности. И неожиданно очутились лицомъ къ лицу съ будущимъ, полнымъ увертокъ, лжи, двусмысленности, лицемѣрія, отъ котораго сердца ихъ на каждомъ шагу будутъ истекать кровью.

Молодая женщина впервые замѣтила это сегодня, и Эдоардо впервые почувствовалъ, чѣмъ имъ придется расплачиваться за мигъ чувственнаго безумія, за странную мечту о любви и о ребенкѣ...

Неожиданно Эдоардо, превосходно владѣвшій собою, разсмѣялся. Лоренцо, разнѣжась, говорилъ:

— Мы его сдѣлаемъ солдатикомъ... или морякомъ...

— Почему непремѣнно солдатикомъ? А если ему захочется пойти въ священники?

— Въ священники?!—Лоренцо даже кулакомъ стукнулъ по

столу.—Что ты такое говоришь! Неужели ты думаешь, что мой сынъ—сынъ Мореллы и Лоренцо Моро—можетъ имѣть такія мысли въ головѣ? Морелла, ты слышишь? Эдоардо думаетъ, что нашъ сынъ можетъ пойти въ монахи!

— Слышу,—коротко отвѣтила она.

— Я просто ставлю передъ тобою одну изъ комбинацій, какія можетъ иной разъ поставить жизнь. И убѣждаюсь, что и ты изъ тѣхъ жестокихъ отцовъ, которые рѣшаютъ участь своихъ дѣтей, словно назначеніе какого-нибудь товара... Да вотъ, примѣръ: если бы сынъ твой задумалъ сдѣлаться священникомъ, ты бы не допустилъ его... Почему? Да потому, вѣроятно, что тебѣ не нравятся священники. И потому только, что тебѣ они не по душѣ, ты не задумался бы произвести насиліе надъ душой своего сына...

— Я же не говорю, что я бы не допустилъ,—пробормоталъ Лоренцо, не умѣвшій спорить съ другомъ.—Но мнѣ было бы пріятно...

— А мнѣ больше всего непріятно было бы принудить своего ребенка избрать путь въ жизни, который ему самому не по душѣ. Я предоставилъ бы ему свободу выбора, позволилъ бы ему жить по-своему, посвятить себя искусству или ремеслу, смотря по тому, къ чему больше лежитъ его душа. Надъ своими дѣтьми мы не имѣемъ иныхъ правъ, кромѣ права давать совѣты, Все остальное—превышеніе власти и тираннія.

— Отлично,—пробормоталъ Лоренцо.—Я предоставлю ему право выбирать...

Но, видя, что споръ переходитъ на такую плоскость, на которой онъ не чувствуетъ твердой почвы подъ ногами, онъ рѣшилъ оборвать его буффонадой и началъ приподнимать бутылки, блюда, канделябры; потомъ нагнулся заглянуть подъ столъ...

— Чего ты ищешь?—спросилъ изумленный Эдардо.

— Мальчишку наслѣдника, изъ-за котораго мы ведемъ споръ. Гдѣ же онъ? Кто его видѣлъ?..

Эдоардо засмѣялся, но въ это время поднялъ глаза на Мореллу и замѣтилъ, что она сидитъ блѣднѣе скатерти.

— Прошу васъ,—пролепетала она:—перестаньте... Мнѣ нехорошо...

Мелкія капельки пота выступили у нея на лбу.

— Ничего, пройдетъ,—прошептала она.

Приподнялась, поднесла къ глазамъ трепетную руку, хотѣла встать—и откинулась безъ чувствъ на спинку стула.

Все это произошло такъ быстро, что Эдоардо и Лоренцо

не успѣли даже поддержать ее: Лоренцо первый выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ за сердечными каплями.

Эдоардо остался одинъ возлѣ Мореллы, полулежавшей безъ кровинки въ лицѣ, неподвижно, съ раскрытыми глазами.

Онъ понялъ; зачерпнулъ рукой воды изъ вазы со льдомъ и брызнулъ этой ледяной водой въ лицо Мореллѣ.

Она тотчасъ же закрыла глаза, опять открыла ихъ, глубоко перевела духъ и повернулась къ Эдоардо.

— Есть!—выговорилъ онъ.

Морелла улыбнулась.

Съ этого дня любовныя свиданія ихъ прекратились.

Переводъ съ итальянскаго З. Журавской.

*

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ БЕСѢДЫ.

I.

Идеализмъ Н. В. Станкевича.

Избранная молодежь тридцатыхъ годовъ XIX в., связанная, по выраженію Герцена «глубокимъ чувствомъ отчужденія отъ среды ихъ окружающей», какъ-то инстинктивно жалась другъ къ другу, образуя красивыя кристаллизаціи на сѣрой поверхности тогдашней русской жизни. Одной изъ такихъ кристаллизацій былъ кружокъ Н. В. Станкевича. «Станкевичъ», писалъ Бѣлинскій въ назиданіе М. А. Бакунину 12—24 окт. 1838 г. [1]), «никогда и ни на кого не налагалъ авторитета, а всегда для всѣхъ былъ авторитетомъ, потому что всѣ добровольно и невольно сознавали превосходство его натуры надъ своею». Дѣло именно въ личности, въ натурѣ Станкевича. Для Бѣлинскаго и его друзей Станкевичъ—«человѣкъ геніальный», который всегда будетъ показывать дорогу другимъ, «великая, геніальная душа», «божественная личность», сильная искренностью и глубиной своихъ переживаній, своей «голубиной простотой», своей «милой, непостижимо чудной непосредственностью» [2]). Съ именемъ Станкевича связана для насъ одна изъ интереснѣйшихъ главъ въ исторіи русской общественности и литературы.

Только-что появилось новое, значительно дополненное изданіе его переписки [3]).

Этотъ богатый матеріалъ даетъ намъ возможность наложить

---

[1]) Бѣлинскій. Письма. Редакція Е. А. Ляцкаго. Спб. 1914. Т. I, стр. 296.

[2]) Ibidem, т. I, 143, 241; II, 141, 151; I, 241, 248, 338.

[3]) *Переписка Николая Владиміровича Станкевича.* 1830—1840. Редакція и изданіе *Алексѣя Станкевича.* М. 1914. Стр. IX + 787. Цѣна 3 р.

нѣсколько дополнительныхъ красокъ на знакомый портретъ Н. В. Станкевича [1]).

«Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель», говорилъ нѣкогда Герценъ,—«Станкевичъ естественно долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе; его артистическій идеализмъ къ нему шелъ, это былъ побѣдный вѣнокъ, выступавшій на его блѣдномъ, предсмертномъ челѣ юноши». Такимъ обычно и представляется намъ «небесный» Станкевичъ. Но присмотримся ближе къ тому, какъ складывался и въ чемъ выражался его «артистическій идеализмъ».

Совершенно опредѣленно Станкевичъ ставилъ себѣ цѣлью—нравственное *самовоспитаніе* и выработку міросозерцанія, какъ необходимую подготовку къ трудной школѣ жизни. Три главныхъ фактора участвовали въ этомъ процессѣ самоопредѣленія: *религія, философія и историческая наука.* Само собою разумѣется, реальная жизнь не переставала давать свои поучительные уроки.

Въ одномъ изъ писемъ къ Т. Н. Грановскому (отъ 29 сент.—11 окт. 1836 г.; стр. 449—450) Станкевичъ кратко изложилъ исторію своей душевной жизни. До выхода изъ университета (въ 1834 г.) его интересовали по преимуществу искусства и эстетика, и онъ стремился сдѣлаться поэтомъ, «марая бумагу и вытягивая метафоры и пышныя фразы». Потерявъ вѣру въ свой поэтическій талантъ, онъ ищетъ другихъ занятій, болѣе отвѣчающихъ его призванію. Выборъ палъ на исторію, но довольно случайно. Станкевичъ признавался Грановскому: «Давай займусь!»—вотъ каковъ былъ этотъ выборъ! Что я въ ней видѣлъ? Ничего. Просто, это было подражаніе всѣмъ; вліяніе людей, которые не вѣрили теоріи; привычка къ недѣятельности, которая дѣлала страшнымъ занятіе философіею и изрѣдка обдавала какимъ-то холодомъ невѣрія къ достоинству ума. Шеллингъ, на котораго я напалъ почти нечаянно, опять обратилъ меня на прежній путь, къ которому привела было эстетика—и съ тѣхъ поръ болѣе и болѣе, при всей моей недѣятельности, я началъ сознавать себя» [2]). Несмотря на постоянныя возра-

---

1) Біографія Станкевича написана П. В. Анненковымъ: см. его книгу „Н. В. Станкевичъ“ (М. 1858), или „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. III (1881), или „Литературныя воспоминанія“ (1909).—Цѣльную характеристику Станкевича, главн. образомъ по письмамъ, далъ М. О. Гершензонъ въ „Исторіи молодой Россіи“ (М. 1908).

2) Ср. въ письмѣ къ брату Сашѣ отъ 8 марта—24 февр. 1838 г. (стр. 171) и въ письмѣ къ Невѣрову отъ 16 окт. 1834 г. (292).

женія ближайшаго друга, Я. М. Невѣрова, который именно и принадлежалъ къ людямъ, не вѣрившимъ теоріи, Станкевичъ отнынѣ дѣлаетъ *философію* главнымъ предметомъ изученія. Онъ болѣе не поэтъ, а философъ. Пользуясь перепиской, мы можемъ по годамъ и даже мѣсяцамъ возстановить послѣдовательную картину его работы.

Ученикъ проф. Павлова, младшій сверстникъ любомудровъ, Станкевичъ свой философскій стажъ неизбѣжно долженъ былъ начать съ Шеллинга. Еще студентомъ онъ слѣдитъ за русской философской полемикой, и отголоскомъ тогдашнихъ споровъ, происходившихъ между Павловымъ и Давыдовымъ, является слѣдующая фраза въ его запискѣ къ А. П. Ефремову (стр. 421): «Премудрость въ злохудожную душу не внидетъ, говорилъ Атенейскій философъ (П) Телеграфскому [Д)»[1]). Къ 1833 г. относится статья Станкевича «Метафизика»—первая попытка осмыслить свое философское міропониманіе. Но систематическія занятія философіей, дѣйствительно, начинаются у него лишь по окончаніи университетскаго курса. Иногда при участіи Клюшникова и Красова, но главнымъ образомъ одинъ, Станкевичъ старательно преодолѣваетъ философію Шеллинга. Съ сентября 1834 г. и до средины 1835 г., съ неизбѣжными, конечно, перерывами, онъ сидитъ за Шеллингомъ. Справиться съ нимъ Станкевичу было нелегко. Нашъ философъ уразумѣлъ «основныя идеи, сущность системы» Шеллинга, но еще «не понялъ вполнѣ его хода, его діалектики» (337). Тѣмъ не менѣе въ ноябрѣ 1835 г. онъ спѣшитъ перейти къ Канту, въ убѣжденіи, что авторъ «Критики чистаго разума» является фундаментомъ новой нѣмецкой философіи. Въ началѣ января 1836 г. Станкевичъ написалъ даже статью «о возможности философіи, какъ науки» (604). Статья, къ сожалѣнію, не сохранилась. Работа надъ Кантомъ оказалась еще болѣе трудной, чѣмъ надъ Шеллингомъ: Станкевичу недоставало элементарныхъ свѣдѣній по психологіи, и онъ жаждетъ найти человѣка, который могъ бы объяснить «темное въ Кантѣ»: хорошо бы какого-нибудь профессора семинаріи, или священника или даже семинариста. Съ Кантомъ Станкевичъ не разстается до весны 1836 г., найдя себѣ новаго, хотя малосвѣдущаго, товарища въ лицѣ М. А. Бакунина.

Ученіе о категоріяхъ рѣшительно замучило его, и 16 марта 1836 г. онъ сообщаетъ Я. М. Невѣрову (350): «перечиталъ

---

[1]) Объ этомъ эпизодѣ, см. въ моей книгѣ „Кн. В. Одоевскій", т. I, стр. 123—125.

читанное въ „Kritik der reiner Vernunft“, читаю въ ней новое: хочется ее поскорѣй окончить, чтобы заниматься чѣмъ-нибудь болѣе отраднымъ». Кантъ, повидимому, такъ и не былъ изученъ до конца, а вниманіе Станкевича уже весной 1836 г. привлекаетъ Фихте, именно его „Die Bestimmung des Menschen“. Это сочиненіе далеко не составляетъ всего Фихте [1]), но и оно давалось Станкевичу съ большимъ трудомъ. „Wissen“, сообщаетъ онъ М. А. Бакунину 21 апр. 1836 г. (605), «произвело мнѣ такой сумбуръ въ головѣ, возможность котораго я и не подозрѣвалъ». Не лучше подѣйствовала и глава „Glauben“. Станкевичъ охватилъ «цѣлый міръ призраковъ»; чуждой и мертвой показалась ему природа («призракъ меня самого»); «все было обманчиво, враждебно»; «всѣ утѣшительныя мысли жизни—подвигъ, искусство, знаніе, любовь—все теряло для меня значеніе—самъ не знаю, почему». «Только скорѣе въ деревню, въ поле, за дѣло и за гульбу!» восклицаетъ нашъ философъ (606). Наконецъ, Станкевичу удалось осилить Bestimmung des Menschen“, мало-помалу улегся хаосъ въ его головѣ, и онъ снова увидѣлъ въ своемъ сознаніи «зародышъ созданія», «возможность другой системы» (605), «помирился съ Шеллингомъ, не читавши, началъ лучше понимать Гегеля» (607). Это было сказано въ маѣ 1836 г. Имя Фихте мелькаетъ на страницахъ писемъ Станкевича до марта 1837 г. включительно. Но его мысль теперь все болѣе и болѣе приковывалъ къ себѣ Гегель. Ни шеллингіанцемъ, ни кантіанцемъ, ни фихтіанцемъ Станкевичъ пока не сдѣлался. Очередь за Гегелемъ. «Ни за кого другого не примусь», писалъ онъ Бакунину 22 окт. 1836 г. (619): «Онъ одинъ можетъ, кажется, удовлетворить меня». Съ марта 1836 г. Станкевичъ пытается черезъ Невѣрова выписать себѣ нѣмецкаго Гегеля, и въ ноябрѣ того же года онъ былъ уже счастливымъ обладателемъ 13 томовъ Гегеля. Но планомѣрное изученіе, по разнымъ причинамъ, не налаживалось. 12 авг. 1837 г. Станкевичъ писалъ Бѣлинскому изъ Воронежа (416): «Впрочемъ, я давно не читалъ Гегеля, прочту и получшѣю». Это не мѣшало ему горой стоять за новаго мыслителя и называть его враговъ «идіотами» (31 мая 1837 г., 629). Пристальная работа сама собою откладывалась до Берлина, куда онъ и выѣхалъ въ августѣ 1837 г. Дорогой, въ Кіевѣ, Станкевичъ «пугнулъ немножко» Максимовича, который позволилъ было себѣ «съ нѣкоторымъ презрѣніемъ» говорить о Гегелѣ (638). За границей онъ интимно сблизился съ

[1]) „Впрочемъ, это сочиненіе весьма недостаточно для узнанія его системы: оно только намекаетъ на нее“, писалъ самъ Станковичъ (606).

молодымъ профессоромъ Вердеромъ и подъ его руководствомъ принялся за Гегеля вплотную. По свидѣтельству Анненкова, онъ исписалъ «кипы тетрадей [1])», но, насколько можно судить по письмамъ, болѣзнь съ частыми переѣздами изъ города въ городъ и другіе интересы мѣшали работѣ: изученіе Гегеля также не было доведено до конца (проходилъ преимущественно логику, эстетику, философію права). Въ февралѣ 1838 г. однако Станкевичъ готовилъ для энциклопедическаго лексикона статью о Гегелѣ, прибавляя, впрочемъ, въ дружескомъ письмѣ къ Бакунину (656): «это не есть прямая, сердечная работа, хоть я съ удовольствіемъ принялся за нее—тутъ придется, по крайней мѣрѣ, намекнуть о многомъ, что еще не знаешь» [2]). Зато Станкевичъ полнѣе ознакомился теперь съ исторіей философіи: онъ читалъ Декарта, Спинозу (424, 428), Лейбница (162), „Wissenchaftslehre“ Фихте (656. Въ то же время онъ старается слѣдить за новыми теченіями. Въ августѣ 1839 г. онъ собирался навѣстить Шеллинга и Штрауса (434). Въ 1840 г. читаетъ Фейербаха, представителя лѣваго гегельянства. На послѣдній фактъ до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія. «Хотѣлось бы привезти съ собою нѣсколько вещей Фейербаха», пишетъ Станкевичъ Букунину изъ Рима отъ 19/7 мая 1840 г. (стр. 669—670): „Er hat eine gewaltige Natur, Etwas volles, ganzes in seinem Wesen, aber dies Feuer, diese Kraft führte ihn manchmal zu weit, so das er unconsequent wird und dem Schriftsteller, den er rezensirt, das vorwirft, was jener grade zu widerlegen sucht [3]).— Нельзя не удивиться, какъ глубоко иногда онъ схватитъ понятіе и какъ въ другомъ дѣтски запутается. Онъ глубокій чтитель Гегеля—называетъ его трезвымъ между пьяными—но требуетъ дальнѣйшаго хода. При всѣхъ его недостаткахъ, его весело читать. Въ немъ есть начало жизни, которое веселитъ. Es ist Etwas vom alten Schelling in ihm, aber ohne Fantasterey [4])“. Фейербахъ, который

---

[1]) *П. В. Анненковъ.* Воспоминанія и критич. очерки. ч. III, стр. 358.

[2]) 7 іюля—25 іюня 1839 г. Станкевичъ писалъ изъ Зальцбрунна Я. Н. Невѣрову (396—397): „Статью о Гегелѣ, не совсѣмъ оконченную, я оставилъ въ Берлинѣ, и ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ ее печатать. Это вышла бы дрянь, сухая и неровная схема энциклопедіи“. И тутъ же даетъ новое обѣщаніе когда-нибудь „изложить сжато содержаніе этой философіи“. „Но до этого далеко“. Плодомъ занятій Станкевича Гегелемъ была лишь статья „Объ отношеніи философіи къ искусству“ (1840).

[3]) Т. е. „У него могучая натура; въ его существѣ есть что-то полное, цѣльное, но этотъ огонь, эта сила иногда заводитъ его слишкомъ далеко, такъ что онъ дѣлается непослѣдовательнымъ и ставитъ въ упрекъ разбираемому писателю какъ разъ то, что тотъ старается опровергнуть“.

[4]) Т. е. „Въ немъ есть нѣчто отъ стараго Шеллинга, но безъ его фантастичности“.

въ сороковыхъ годахъ такъ много дастъ Герцену и далѣе ляжетъ въ основу философскаго міровоззрѣнія Чернышевскаго, навелъ и Станкевича на новыя мысли. Онъ вѣрно оцѣнилъ въ Фейербахѣ «начало жизни» и вмѣстѣ съ нимъ призналъ, что Гегелемъ не кончается возможное развитіе философіи. «Философія теперь», разсуждаетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Бакунину (672), «должна быть разработана и потомъ слита, такъ сказать, въ одну точку». Фейербахъ требуетъ начинать не съ «бытія», «мнимаго начала», а съ «идеи» и изъ нея выводить все. «Мысль яркая», продолжаетъ Станкевичъ (672), «но она приводитъ меня къ другой. Философія есть *наука* и, какъ всякая наука, работа, борьба ума съ предметомъ; она—ходъ отъ конечнаго къ абсолютному. Какъ скоро найдена идея, такъ въ ней совершилось fusion (т.-е. сліяніе). Идея, прозрачная себѣ самой, есть жизнь абсолютнаго; какъ мы дошли до идеи—намъ *не нужно* больше никакой науки; требуютъ, чтобъ показали жизнь *идей въ себѣ*, а не поскольку она постепенно объясняется еще незнающему. Нося жизнь въ себѣ, безъ этой борьбы, она есть самосозерцаніе, *блаженство*. Наука исчезла. Но изъ идеи можно построить жизнь, т.-е. идея непремѣнно становится *дѣломъ*, знаетъ свое дѣло и наслаждается имъ». Мысль брошюрки Цѣшковскаго «Prolegomena zur Historiosophie», что «наука должна перейти въ дѣло, исчезнуть въ немъ, справедлива. Теперь замѣтно это общее требованіе, связать тѣснѣе эти разбросанныя категоріи съ жизнью сердца, слить философію въ [1])... ощущеніе, чтобъ она была не въ головѣ, а въ крови, въ тѣлѣ, во всемъ существѣ. Я люблю это законное требованіе» (672—673) [2]). Станкевичъ собирался даже «работать по этой части» и написать «нѣсколько популярныхъ писемъ [3]).

Такимъ образомъ, Станкевичъ постепенно шелъ отъ системы къ системѣ, отъ Шеллинга и Канта къ Фейербаху. На протяженіи этого пути, очевидно, потерпѣлъ существенное измѣненіе и самый его взглядъ на природу философіи. Въ 1836 г. онъ горячо доказывалъ Невѣрову (367), что «философія не есть наука въ ряду наукъ», а въ 1840 г., познакомившись съ Фейербахомъ, онъ склоненъ приравнивать философію ко «всякой наукѣ». Гегелю Станкевичъ обязанъ былъ очень многимъ: онъ усваиваетъ его идеи о государствѣ, исторіи, красотѣ, любви и пр.; защищаетъ его отъ худого пониманія московскими гегельянцами (т.-е.

---

[1]) Одно слово въ письмѣ оторвано.

[2]) Ср. цитату изъ философскихъ замѣтокъ Станкевича, приведенную Анненковымъ (ч. III, стр. 376).

[3]) Кстати отмѣтимъ, что Станкевичъ читалъ и органъ молодыхъ гегельянцевъ, „Hallische Jahrbücher“ (1839 г., стр. 679; 1840, стр. 484).

Бакунинымъ и Бѣлинскимъ), борется съ его врагами, каковъ, напр., Шевыревъ. Но, очевидно, мы не имѣли бы основанія называть Станкевича 1837—1840 г.г. только гегельянцемъ. Для философскихъ занятій Станкевича характерно именно то, что онъ ни разу не былъ исключительнымъ послѣдователемъ одной какой-нибудь системы: философская догма не въ состояніи была сковать его гибкой и живой мысли; онъ не могъ впасть въ тотъ прямолинейный логизмъ, какой отличалъ, напр., Бакунина и противъ котораго возмутилась въ концѣ концовъ неистовая натура Бѣлинскаго [1]). Кромѣ того, Станкевичъ не могъ сдѣлаться адептомъ одной философской системы и по другимъ причинамъ, очень существеннымъ для пониманія его психологіи, какъ мыслителя.

Станкевичъ былъ глубоко убѣжденъ въ чрезвычайной важности философіи, которая, по его словамъ, вноситъ въ область знанія «одну всеобъемлющую идею», устанавливаетъ связь каждаго явленія съ жизнію цѣлаго міра» (письмо къ Грановскому отъ 29 сент.—11 окт. 1836 г. стр. 450) [2]). Изученіе философіи, доказывалъ онъ Невѣрову въ 1835 г. (338), необходимо «для того, кто желаетъ стать наравнѣ съ лучшими идеями нашего вѣка, понять торжество человѣческаго ума, его заслугу въ наше время». Надобно «провести мысль чрезъ всѣ мытарства діалектики», чтобы овладѣть результатомъ новой философіи (стр. 161, письмо отъ 29—17 окт. 1837 г.). Увѣровавъ въ философію, Станкевичъ усердно проповѣдуетъ ее Бакунину, Грановскому, Боткину. Но замѣчательно то, что, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ Станкевичъ не думалъ искать въ философіи абсолютной истины, которая должна бы открыть ему высшій смыслъ бытія. Прежде чѣмъ онъ приступилъ къ изученію философіи, его душа уже была насыщена идеализмомъ, витая въ чистыхъ сферахъ искусства и религіи. Заняться Шеллингомъ—для него значило вернуться «на прежній путь, къ которому привела-было эстетика», какъ свидѣтельствуетъ самъ Станкевичъ (171). Но выше эстетики и самой философіи стояла религія. Студентомъ Станкевичъ обнаруживаетъ высокое религіозное настроеніе. Стóитъ, напр., прочесть его письмо къ Невѣрову отъ 18 апрѣля 1834 г., которое онъ самъ называетъ «исповѣдью» другу передъ «исповѣдью обрядною» «О, другъ мой!» восклицаетъ онъ здѣсь (283): Я

---

[1]) Напр., въ письмѣ отъ 4 ноября 1835 г. (стр. 577) Станкевичъ возражаетъ Бакунину на его „логическія выходки противъ жизни“ и на излишнюю послѣдовательность въ „силлогизмахъ“.

[2]) Ср. въ письмахъ къ Невѣрову отъ 1836 г. (стр. 364—5, 367—8).

теперь понимаю религію! Безъ нея нѣтъ человѣка! Какой свѣтъ выходитъ для души, примиряющейся съ Божествомъ посредствомъ благихъ уставовъ религіи. Вся природа обновляется; тяжелые нравственные вопросы, не разрѣшимые для ума, рѣшаются безъ малѣйшей борьбы; жизнь снова одѣвается въ радужныя ткани, становится прекрасною и высокою!» Его idea fixa въ это время была мысль «о воспитаніи въ духѣ нравственности и религіи, о возможности поддержать ее и объ ускореніи всѣми силами человѣчества на пути его къ Царствію Божію, къ чести, къ вѣрѣ» (11 дек. 1834 г., стр. 304) [1]). Религіозныя сомнѣнія, которыя волновали умъ Бѣлинскаго уже въ 1834 г., были чужды Станкевичу. Имѣя въ виду какую-то «новую систему», усвоенную Бѣлинскимъ, Станкевичъ пишетъ ему (30 окт. 1834 г., стр. 408): «Между безконечностью и человѣкомъ, какъ онъ ни уменъ, всегда остается бездна, и одна вѣра, одна религія въ состояніи перешагнуть ее, одна она въ состояніи наполнить пустоту, вѣчно остающуюся въ человѣческомъ знаніи. Но та система хороша, которая не мѣшаетъ вѣрованіямъ, составляющимъ интегральную часть человѣческаго существа, и содержитъ побужденія къ добрымъ подвигамъ!» Такъ разсуждалъ Станкевичъ не только въ самомъ началѣ своего философствованія, но и далѣе: онъ исключаетъ всякую мысль о возможности коллизіи между философіей и религіей. Прямая задача философіи—укрѣпить вѣру: она не создаетъ верховной истины, а оправдываетъ ее; философскія системы—лишь методъ, путь, ведущій къ осознанію истины, уже данной въ религіи. Содержаніе исторіи философіи—«вѣчная истина, облекающаяся въ разныя одежды, соотвѣтственно вѣку и народу» (2 дек. 1835 г., стр. 341). Успокаивая Невѣрова, который косо посматривалъ на философскія увлеченія своего друга, Станкевичъ увѣрялъ его въ 1835 г.: «Я себѣ составилъ свои понятія о истинѣ философскихъ системъ: она условная—все основано на методѣ... И не столько манитъ меня рѣшеніе вопросовъ, которые болѣе или менѣе рѣшаетъ вѣра, сколько самый *методъ*, какъ выраженіе послѣднихъ успѣховъ ума!» (317, 341). «Я не думаю», писалъ онъ Бакунину 24 ноября 1835 г. (594), «что философія окончательно можетъ рѣшить всѣ наши важнѣйшіе вопросы, но она приближаетъ къ ихъ рѣшенію; она зиждетъ огромное зданіе, она показываетъ человѣку цѣль жизни и путь къ этой цѣли, расширяетъ умъ его». Канту Станкевичъ ставитъ въ заслугу не только то, что онъ указалъ «новую

---

[1]) Ср. въ письмѣ отъ 19 сент. 1834 г. (290—291).

задачу философамъ» («отыскать начало и возможность знанія»), но и то, что онъ «навсегда оградилъ религію отъ ударовъ свободнаго мышленія» (10 ноября 1835 г., стр. 337; ср. стр. 584). «А упрочить религію можетъ одна философія», говорилъ Станкевичъ Невѣрову въ 1835 г. (338). «Я вѣрю, но хочу навсегда оградить и упрочить вѣру умомъ», повторилъ онъ ту же мысль М. А. Бакунину 24 ноября 1835 г. (595). Философія, пишетъ Станкевичъ Бакунину 15 дек. того же года (598), «единственное средство въ наше время воззвать человѣка къ религіи и самоотверженію». Вѣра есть первое данное, но она должна быть сознательной: однимъ умомъ, безъ содѣйствія философской мысли, «не разрѣшить сомнѣній, не рѣшить вопросовъ сердца». «Развѣ вѣрованіе не есть мысль, мысль, одобряемая цѣлымъ разумѣніемъ, которое невольно и безотчетно сознаетъ свое единство съ ней?» Разумъ «хочетъ согласить всѣ свои отдѣльныя знанія, всѣ вѣрованія». (364, 365; письмо къ Невѣрову отъ 21 сент. 1836 г.). «Царство истины—царство Божіе» (366). Въ періодъ увлеченія Шеллингомъ Станкевичъ полагалъ, что выше возможна одна только ступень—«проникновеніе этой системы религіею, или же религіи этой системою. Она можетъ развиться въ чистое христіанство» (письмо отъ 28 марта 1835 г., стр. 317). Поэтому онъ радуется, что система Фихте подвинула его «къ утѣшительной мысли безсмертія» (605—606; письмо къ Бакунину отъ 21 апр. 1836 г.). И, наоборотъ, «холодомъ» пахнуло на него отъ Гегеля, когда онъ изъ «Исторіи философіи» Рейнгольдта узналъ, будто тотъ «отвергаетъ безсмертіе» (письмо отъ 7 ноября 1836 г.; стр. 624) [1]). Въ 1839 г. Станкевичъ имѣлъ случай бесѣдовать съ докторомъ Карове, авторомъ книги «Papismus und Humanität». Затронули и интересующій насъ вопросъ. Человѣку, разсуждаетъ Станкевичъ (679), свойственно «непреодолимое стремленіе слить, наконецъ, мысль со всѣми ея переходами въ одно цѣлое, непосредственное, чувство, какъ въ амебѣ цѣлый procédé сливается въ окончательную формулу, и жить *цѣлою натурою*. Иначе, что такое была бы философія? Религія есть требованіе философіи, но философія должна кончить тѣмъ, чѣмъ начала; первая есть стремленіе, въ другой должно быть обладаніе (я говорю объ окончательной формѣ философіи); а что такое *обладаніе*, когда нѣтъ стремленія, любви?» Философію порождаетъ религія. Это—общій законъ. Религія вмѣстѣ съ искусствомъ подготовила психологическую почву и для философіи

---

[1]) Ср. о Штурѣ (425).

Станкевича. Душа молодого идеалиста поглощала философскія идеи, какъ земля всасываетъ влагу. Происходитъ ассимиляція философскаго идеализма съ идеализмомъ религіознымъ. Процессъ протекаетъ безболѣзненно, безъ рѣзкихъ эксцессовъ, безъ острыхъ угловъ. «Мѣра и гармонія была въ природѣ Станкевича», вѣрно замѣтилъ Анненковъ. (Воспоминанія и критич. очерки, ч. III, стр. 327). Въ результатѣ—*синтезъ религіи и философіи* съ преобладаніемъ этическаго момента, *созданіе цѣльной религіи жизни.*

По-прежнему Станкевичъ продолжаетъ исполнять «благіе уставы религіи». Такъ, въ Карлсбадѣ онъ посѣщаетъ обѣдню (16 окт. 1837 г.; стр. 390); 24 ноября 1837 г. служитъ въ русской церкви Берлина «молебенъ за здоровье маменьки» (34); въ 1838 г. въ Берлинѣ же заказываетъ заупокойную службу по случаю смерти дяди (77); говѣетъ и проситъ у родителей прощенія «во всѣхъ грѣхахъ» (изъ Берлина отъ 4 апр.—23 марта 1838 г., стр. 52) и пр. Но религіозное сознаніе Станкевича, просвѣтленное философскимъ созерцаніемъ, высоко поднимается надъ внѣшнимъ культомъ и частными вѣроисповѣдными различіями. Посѣщеніе кіевопечерской лавры въ августѣ 1837 г. (по дорогѣ за границу) не вызвало въ немъ благоговѣйнаго настроенія (4, 535—6). Въ дѣтствѣ, начитавшись Патерика, онъ носился съ мыслью «когда-нибудь уйти потихоньку изъ дому и пойти въ монахи», а теперь, признается онъ Л. А. Бакуниной, «одинъ видъ монаховъ наводитъ на меня мрачное, непріятное расположеніе» (536). Къ мощамъ онъ прикладывается для того, «чтобы ближе разсмотрѣть ихъ» (ibid.). За границей Станкевичъ старательно вникаетъ въ смыслъ протестантизма и католицизма. Въ 1839 г. въ Эмсѣ онъ присутствуетъ на богослуженіи въ протестантской церкви; слова церковныхъ пѣсней «полны простоты и любви; человѣкъ здѣсь веселится божественнымъ, какъ своимъ, а не падаетъ, не страшится, какъ чего-то чуждаго, гнетущаго, съ которымъ онъ связанъ какою-то непостижимою для него самого необходимостью» (683). Но «протестантизмъ, сдѣлавшійся положительною религіею, выдумавшій себѣ непреложные догматы—есть явленіе прозаическое въ высочайшей степени» (изъ Рима, 25 марта 1840 г.; стр. 695). Этимъ, по мнѣнію Станкевича, и объясняется тотъ фактъ, что многіе протестанты «съ поэтическою душою» принимаютъ католическую вѣру. «Когда не воспитана свобода ума, сила души, въ себѣ ищущей своей опоры и своего счастія, когда не очищена голова, не пріучена къ отчетливости, а неопредѣленные страстные порывы волнуютъ

все существо, манятъ его въ лучшій, болѣе свободный, поэтическій міръ—тогда невольно человѣкъ обращается къ прежнему его небу, населенному живыми существами съ ихъ индивидуальностію, гдѣ царствуетъ лицо, любимое съ дѣтства, кроткое, любящее, гдѣ вѣчно юная дѣва (dar ewig Weibliche) ходатайствуетъ за людей, и гдѣ, въ какихъ-то полудуховныхъ сферахъ, кажется, снится какой-то чудный сонъ!» (695). Станкевичъ понимаетъ такую наивную, поэтическую вѣру, но онъ уже успѣлъ воспитать въ себѣ «свободу ума», его голова «очищена» и пріучена «къ отчетливости», а душа ищетъ опоры въ себѣ самой. Поэтому католицизмъ не соблазняетъ его. «Нѣтъ, возвратъ къ католицизму невозможенъ!» восклицаетъ онъ въ письмѣ изъ Карлсбада отъ 15—2 окт. 1837 г. (543): «Нѣтъ ни католиковъ, ни протестантовъ—должны быть христіане, а это значитъ—люди!» [1]). Есть своя прелесть и въ готическомъ храмѣ протестантовъ, и въ католическомъ храмѣ, но, замѣчаетъ Станкевичъ, «моя вѣра, если такъ можно назвать ее, требуетъ другого храма». «Искусство и религія—предчувствуютъ то божество, которому мы поклоняемся въ духѣ и истинѣ». (Дневникъ подъ 9 — 21 сент. 1837 г., стр. 750, 751). 17 янв. 1837 г. онъ писалъ Люб. Ал. Бакуниной (стр. 505): «Мнѣ жалка, досадна немощная и суевѣрная молитва о земномъ благѣ, факирство и труженичество, земные поклоны и путешествія по святымъ мѣстамъ съ какою-нибудь опредѣленною просьбою къ угоднику. Но молитва, какъ порывъ души къ своему вѣчному чистому началу, какъ стремленіе отдохнуть въ вѣчной любви — эта молитва для меня священна и тотъ подлъ, кто ея не уважаетъ. Эта молитва очищаетъ человѣка, освящаетъ его мысли, разрѣшаетъ въ гармоніи его горе и радость; это жизнь въ высшей сферѣ, куда нельзя перенестись произвольно, живое ощущеніе Бога въ сердцѣ, соединеніе съ Нимъ, и весь нашъ подвигъ въ томъ, чтобъ всю жизнь сдѣлать молитвою — молитвою безъ словъ, но съ полнымъ ощущеніемъ Божества. Пока мы этого не достигли, будемъ благодарны и къ рѣдкимъ минутамъ, въ которыя намъ бываетъ доступна эта лучшая жизнь».

«Я люблю убѣжденіе чистое, вѣру, дружную съ разумомъ!» сказалъ Станкевичъ еще въ 1835 г. (стр. 582). Въ письмѣ отъ 27—15 янв. 1838 г. онъ успакаиваетъ отца, что его религія

[1]) Ср. еще сужденія Станкевича о католицизмѣ на стр. 339, 542—543, 581, 582, 523, 676—677, 683, 678, 712, 750—1. (Объ іезуитскомъ коллегіумѣ—123). Они пріобрѣтаютъ особый интересъ, если мы вспомнимъ идеи Чаадаева въ его знаменитомъ философскомъ письмѣ, напечатанномъ въ „Телескопѣ“ за 1836 г.

«тверда», «чиста, чужда суевѣрія и непоколебима» (41). Это — чистое, одухотворенное христіанство. Шевыревъ, который «молится опредѣленному», «чтитъ *преданіе, данное*», «съ своимъ страхомъ божіимъ, больше язычникъ, нежели онъ думаетъ, и какой? язычникъ до-греческій, поклонникъ фетишей, чтитель мумій!» (25 марта 1840 г., изъ Рима; стр. 695).

Молитва Станкевича была сильна «вѣрой въ благость Провидѣнія» (506). «Es herrscht eine allweise Güte über die Welt», любилъ онъ повторять, особенно въ молодые годы [1]). При самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ онъ не перестаетъ вѣрить, что все устраивается къ лучшему [2]). Міровая жизнь есть гармонія, Провидѣніе — благостно, и Богъ — высшая любовь. Религія Станкевича, какъ конечный выводъ изъ философскихъ и религіозныхъ предпосылокъ, есть свѣтлая *религія любви*.

Любви Станкевичъ придаетъ широкое и всеобъемлющее значеніе: она — основное зиждущее начало жизни, «сущность жизни», и потому высшая истина. Этому учатъ и философія и евангеліе. Еще въ 1833 г., въ «Моей метафизикѣ» Станкевичъ горячо развивалъ идею любви, какъ космической силы. Спустя два года онъ писалъ Бакунину 24 ноября 1835 г. (592): «Ты понимаешь меня, ты понимаешь, что такое мой Богъ. Онъ тамъ, гдѣ два или три во Имя Его! Можетъ быть, настанетъ часъ, когда и не два и не три, но весь міръ соберется во Имя Его. Тогда мы ощутимъ Его въ сердцѣ; тогда будемъ едино съ Нимъ, какъ Сынъ его, проповѣдавшій намъ любовь. Она — основное чувство природы». Начинаясь, какъ химическій процессъ въ царствѣ неорганическомъ, развиваясь далѣе въ царствѣ растеній и животныхъ, любовь въ человѣкѣ получаетъ высшее значеніе, совершенствуясь по мѣрѣ историческаго роста человѣчества. «Христіанство, понимаемое во всей чистотѣ его, есть *ученіе любви*». Люди могутъ по разному понимать и переживать любовь; «для меня она — религія; для меня она — жизнь, жизнь такая, какою будетъ жить преображенное человѣчество, воздухъ, которымъ будетъ дышать оно... Она должна быть источникомъ подвига, какъ религія. Но до этого состоянія надобно возвыситься» [3]). Свое личное существованіе нужно слить съ

---

[1]) Въ 1833 г. (217, 237), въ 1834 г. (303), въ 1835 г. (317), въ 1837 г. (543). Ср. въ письмѣ отъ 15 сен. 1833 г. (249) разсужденія о „Мудрой Благости".

[2]) Въ 1835 г. (329), въ 1837 г. (525—526, 530, 533, 534—5), въ 1838 г. (186, 551, 553, 77—78, 80—81, 83, 72). Но жалобы на коварную судьбу—въ письмѣ отъ 15 февр. 1836 г. (стр. 347—8)

[3]) Ср. въ 1835 г. (582, 583); въ 1836 г. (609); въ 1837 г. (372, 512—513, 548—549, 625—626).

«вѣчною, общею жизнію»: «Если бъ каждый изъ насъ, вмѣсто человѣка, сталъ человѣчествомъ—не о чемъ печалиться» (письмо къ Л. А. Бакуниной отъ 23 апр. 1837 г., стр. 526). Естественно, что Станкевичъ отрицательно относился къ заботамъ о сохраненіи *народности*. «Чего хлопочутъ люди о народности?» читаемъ въ его дневникѣ подъ 25—13 сент. 1837 г. (стр. 754): «Надобно стремиться къ человѣческому, *свое* будетъ по неволѣ. Во всякомъ искреннемъ непроизвольномъ актѣ духа невольно отличается *свое*, и чѣмъ ближе это *свое* къ общему, тѣмъ лучше»...[1]).

По мнѣнію Станкевича, народъ долженъ развивать свою самобытную личность, но на основѣ общечеловѣческихъ началъ. Эту идею примѣняетъ онъ и къ отдѣльному индивидууму. «Идеаломъ жизни» является «счастье, независимое отъ міра сего, полное забвеніе *себя* въ общей роскошной любви», но и «жизнь въ *себѣ*» (12 апр. 1837 г., стр. 524). Антиномія общаго и личнаго, рода и индивидуума разрѣшается живымъ чувствомъ человѣка и его свободною волею. Индивидуумъ не долженъ налагать на себя никакого внѣшняго ига: его идеалы должны быть результатомъ органическаго переживанія, а дѣйствія—актами свободнаго волеизъявленія. Въ сферѣ личной жизни, гдѣ столько опутывающихъ человѣка мелочей и недоразумѣній, Станкевичъ горькимъ опытомъ пришелъ къ принципу: «дѣлай такъ, чтобы во всемъ, что ты сдѣлаешь, былъ ты таковъ, какъ въ самомъ дѣлѣ, за слѣдствія отвѣчаетъ Саваоѳъ!» (1839 г., стр. 682; ср. на 687 стр.). «Тяжкое повиновеніе долгу, наложенному извнѣ—есть благородная ошибка; ...ошибка—ибо это отреченіе не сопровождается внутреннимъ единствомъ бытія, гармоніею, которая запечатлѣваетъ всякое совершенство, всякое дѣло Божіе. Самоотверженіе любви, самоотверженіе по внутреннему голосу души, самоотверженіе, которымъ питается и радуется чистое сердце—вотъ жизнь религіозная, ибо въ ней есть любовь! Тогда жизнь для другого есть жизнь для себя, потому что сердце истомилось, умерло бы внѣ этой жизни, потому что другая для него невозможна. Все наше достоинство—въ приближеніи къ этой жизни, въ очищеніи, въ возвышеніи себя до этой любви» (изъ письма къ М. А. Бакунину отъ 21 іюня 1836 г.; стр. 609—610).

Въ этихъ словахъ формулирована та *проблема личности*, которая долго не давалась Бѣлинскому, которую Герценъ и реалисты шестидесятыхъ годовъ отстаивали подъ терминомъ «эгоизмъ». Мудрость жизни заключается въ умѣніи сохранять внут-

---

[1]) О любви къ отечеству см. также въ письмѣ къ родителямъ отъ 27—15 янв. 1838 г. (стр. 41).

реннюю гармонію бытія. А она—удѣлъ тѣхъ, кто смогъ освободить себя отъ внѣшняго авторитета гетерономныхъ принциповъ, «долгъ» превратить въ актъ свободнаго хотѣнія и философскія категоріи связать съ жизнью сердца. Пусть руководителемъ человѣка будетъ «живое, дѣйствительное чувство» (683). «Прекраснодушіе» и излишнее «рефлектированіе» убиваютъ душевную энергію. «Дѣйствительность есть поприще настоящаго, сильнаго, человѣка—слабая душа живетъ въ Jenseits, въ стремленіи и въ стремленіи неопредѣленномъ» (1838 г., стр. 650). Нужно просто и бодро, при полномъ дневномъ свѣтѣ смотрѣть въ глаза жизни и жить конкретной дѣйствительностью, развивая въ себѣ «чувство реальности» («sentiment de réalité», 562) [1]). Нашъ идеалистъ пуще всего боится потерять почву подъ ногами, боится, какъ бы существованіе человѣка не превратилось въ призрачную фантасмагорію. Въ ранней молодости, бывало, онъ лелѣялъ въ себѣ безплотныя грезы и увѣрялъ себя: «Nur der Irrthum ist das Leben» (224). Да и впослѣдствіи онъ зналъ надъ собой власть мечты, которая сулитъ человѣку «чудеса». Но, по природѣ своей, Станкевичъ въ сущности врагъ фантазированія и мистики. Чувство живой дѣйствительности всегда было сильно въ немъ и съ теченіемъ времени только укрѣплялось. Еще въ 1833 г. онъ не безъ основанія назвалъ себя «ненавистникомъ фантастическаго» (243). Если человѣкъ подпадаетъ подъ власть «темныхъ ощущеній», это признакъ «болѣзненнаго состоянія души» (1837 г., стр. 513). Въ 1837 г. онъ рѣшительно отрекается отъ той малой доли «мистицизма», какая была въ его жизни и убѣжденіяхъ (387). «Слава Богу, что я не мистикъ», восклицаетъ онъ въ 1839 г. (677): «иначе, давно убѣдился бы, что Провидѣніе имѣетъ какой-нибудь особый планъ на мой счетъ, для котораго считаетъ нужнымъ дѣлать мнѣ всякія помѣхи». И вѣру онъ любитъ «дружную съ разумомъ» (1835, стр. 582). Мистицизмъ, какъ противоположность «вѣрному стройному мышленію», онъ готовъ поставить въ одинъ рядъ съ самоубійствомъ, развратомъ и другими проявленіями «больного несчастнаго вѣка» (1836, стр. 368). Европейскій мистицизмъ вызываетъ его полное осужденіе [2]).

---

[1]) Ср. въ 1835 г. (стр. 575), въ 1836 г. (366, 617), въ 1837 г. (158, 371—2, 383, 384, 625—6, 639, 723), въ 1838 г. (453, 454, 462. 464, 473, 562, 645, 655), въ 1840 г. (685, 687). Совѣты сестрѣ въ 1837 г. (стр. 30, 158), въ 1838 г. (170, 177) и въ 1839 г. (199—201). Совѣты брату и въ 1838 г. (стр. 171—172). Объ ожиданіи „чудесъ"—347—348, 349—350, 547.

[2]) О книгѣ ясновидящей Преворстъ—стр. 339, 581, 582 (1835 г.); о католицизмѣ Шеллинга и Эшенмайера—стр. 339, 582 (1835 г.), о Бадерѣ—

Порою Станкевичу было жутко погружаться въ лабиринтъ самой нѣмецкой философіи: ему страшно было очутиться наединѣ съ «міромъ скелетовъ» (492), съ тѣми метафизическими призраками, какими столь богата идеалистическая философія. Мы видѣли, какъ мучительно переживалъ онъ систему Фихте, обезцѣнившую въ его глазахъ міръ конкретныхъ явленій. «Да и какъ можно», писалъ онъ В. П. Боткину уже 6 февр.—25 янв. 1839 г. (стр. 492), «вдругъ оторваться отъ всего, присѣсть и выводить категоріи? Повѣрь, только голова спутается. Мышленіе требуетъ покоя, душевной гармоніи, мысль должна возвращаться въ свою цѣлость, набираться силъ въ наслажденіи искусствомъ, въ дѣйствительномъ мірѣ. Боже мой! какъ сухи и безполезны нелѣпыя, безпокойныя, отвлеченныя занятія!» (Ср. въ 1838 г. на стр. 175).

Въ высшей степени примѣчательно то, что философіей Станкевичъ занимался всегда параллельно съ *исторіей*. Напрасно думаютъ [1]), что какъ только онъ углублялся въ философію, тотчасъ же бросалъ исторію. Напротивъ, Станкевичъ строго держался взгляда, что изученіе философіи непремѣнно должно сопровождаться работой по исторіи. Исторія и философія—двѣ основныхъ дисциплины. Если Грановскому Станкевичъ совѣтуетъ оплодотворять исторію философіей (446—447, 450, 615—616), то для себя и Бакунина онъ считаетъ безусловно необходимымъ въ философскія абстракціи вносить коррективъ въ видѣ реально-историческихъ фактовъ. «Твердо займись философіею и исторіею», совѣтуетъ Станкевичъ М. А. Бакунину 24 ноября 1835 г. (595): «Это двѣ основныхъ, человѣческихъ наукъ. Сколько я знаю себя, онѣ первыя, которыми я долженъ овладѣть». «Не оставляй ради Бога исторіи», писалъ онъ тому же лицу нѣсколько раньше (15 ноября 1835 г., стр. 587): «Безъ нея знаніе будетъ слишкомъ сухо и мертво. Съ единствомъ идей надобно соединить разнообразіе фактовъ — вотъ идеалъ знанія; тогда онъ будетъ поэзіею». «Такимъ образомъ опытное знаніе пойдетъ рядомъ съ умозрѣніемъ и принесетъ плодъ. Насъ не убьютъ факты безъ жизни, безъ значенія; мы не утратимъ человѣческихъ чувствъ въ отвлеченномъ абсолютѣ, но перенесемъ идеалъ въ жизнь и дадимъ жизнь идеалу»

стр. 582, 705, 706 (1835 г., 1840), о мистицизмѣ Фр. Шлегеля—стр. 381—2 (1837 г.), о Штиллингѣ—стр. 346 (1836 г.), о „какой-то мистической книгѣ“ стр. 751 (1837 г.).

1) Напримѣръ Р. В. Ивановъ-Разумникъ („Исторія русской литературы XIX в.“, изд. т-ва „Міръ“, вып. IV, стр. 264—265).

(2 ноября 1835 г., 576). Что можетъ быть опредѣленнѣе и краснорѣчивѣе этихъ словъ [1])!

И, дѣйствительно, Станкевичъ буквально до конца своей жизни старательно занимался исторіей, внося историческій элементъ въ изученіе самой философіи. *Историзмъ* вообще нужно признать одной изъ самыхъ яркихъ чертъ тридцатыхъ годовъ [2]), и Станкевичъ принадлежалъ къ тѣмъ, кто вполнѣ осозналъ важность историзма, какъ основного научнаго принципа и какъ мѣру всѣхъ вещей. Его Sehnsucht къ историческому (1839 г., стр. 682) есть вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ реальному. Станкевичъ умѣетъ понимать важность всего конкретно-историческаго и цѣнность культурныхъ благъ, создаваемыхъ исторіей человѣчества. На Кавказѣ онъ чувствуетъ себя какъ-то не по себѣ. Величавая, но дикая страна не приблизила его къ пониманію первобытной красоты, того извѣчнаго, что сквозь лживую культуру провидѣли Пушкинъ, Лермонтовъ и особенно Толстой. (Впрочемъ, однажды и Станкевичъ отмѣтилъ «противуположность нашей перехитренной гражданственности», 612). Больше всего Станкевичу бросалась въ глаза некультурность края, и онъ не сразу даже получилъ способность наслаждаться прелестью кавказскихъ горъ (стр. 354—355, 356—357, 358, 361, 413, 612, 613, 531). Иное дѣло его заграничныя впечатлѣнія. Здѣсь путешественникъ въ своей сферѣ культурныхъ интересовъ и переживаній. Вездѣ обильная пища для его наблюдательности и размышленій. И Станкевичъ живо воспринимаетъ явленія европейской жизни, то и дѣло сравнивая ее съ русской (напр. стр. 15—16, 20, 52, 69, 82, 111, 116, 181, 383—384, 407, 684; 29, 36, 39).

Какъ это нерѣдко наблюдается у идеалистовъ (напр., у кн. В. Ѳ. Одоевскаго), въ общественно-политическихъ воззрѣніяхъ Станкевичъ консервативенъ. «Демагоги всего менѣе могутъ сбить меня съ толку», увѣрялъ онъ отца въ 1838 г. (стр. 41): «я уважаю человѣческую свободу, но знаю хорошо, въ чемъ она состоитъ, и знаю, что первое условіе для свободы есть законная власть». Примѣръ—Германія (ср. на 455 стр.)

Да собственно политическая жизнь интересовала его крайне слабо (382, 70, 99). Жизнь въ ея подлинной сущности вообще не легко поддавалась его воспріятію, многое прямо ускользало

---

[1]) Ср. еще въ 1835 г., (стр. 338—341, 594); въ 1836 г. (стр. 446—447) въ 1838 г. (стр. 464, 470—471, 645).

[2]) Станкевичъ, по его словамъ, приведеннымъ нами выше, занялся исторіей изъ „подражанія всѣмъ“. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ важную роль сыграло вліяніе Невѣрова.

отъ его взора, слишкомъ привыкшаго устремляться ввысь; роковымъ образомъ онъ не замѣчалъ важнѣйшихъ проявленій общественной неправды [1]). Но онъ явно стремится познать дѣйствительную жизнь, чтобы самому принять въ ней активное участіе и, находясь на чужбинѣ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ потребность не отрываться отъ среды, въ которой придется дѣйствовать, т.-е. отъ семьи, общества и страны. «Отечество и семейство есть почва, въ которой живетъ корень нашего бытія», говорилъ онъ (въ 1839 г., стр. 112; стр. на 73 стр. и въ письмѣ къ Боткину отъ 1839 г., стр. 491). А Гегель научилъ его, что «сфера государства есть одно спасеніе отъ субъективныхъ Launen, что здѣсь человѣкъ находитъ себѣ Halt—опору» (686). Станкевичъ горѣлъ желаніемъ быть полезнымъ, хотѣлъ реализовать въ какой-нибудь дѣятельности свои знанія и идеалы «хоть по службѣ, хоть учеными трудами» (въ 1836 г., стр. 607) [2]).

Онъ не исключалъ возможности и того, что превратится, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, въ помѣщика, и съ этой цѣлью за границей между прочимъ слушалъ лекціи по сельскому хозяйству и присматривался къ экономическому быту Германіи (напр., стр. 21—22, 44—5, 57, 61, 66—67, 69—70, 74—75, 79, 118, 86, 88, 94—5, и пр). Но болѣе всего Станкевичъ мечталъ о возможности содѣйствовать духовному воспитанію своихъ соотечественниковъ. Проходя тяжелую школу нѣмецкой философіи, онъ думалъ тѣмъ самымъ облегчить трудъ своихъ преемниковъ («потерпимъ за будущее поколѣніе») и быть полезнымъ современникамъ, внушая имъ «высокія убѣжденія, сознаніе

---

1) Характерно для идеализма вообще и для Станкевича въ частности слѣдующее. Художникъ Марковъ закидалъ Станкевича „философскими вопросами и сомнѣніями» и между прочимъ утверждалъ, что существованіе одного голоднаго нищаго разрушаетъ „гармонію природы". Его требованія, разсуждаетъ Станкевичъ въ письмѣ къ Фроловымъ отъ 7 апр. 1840 г. (707 стр.), „не эгоистическія": „Тутъ трудно отвѣчать что-нибудь, тутъ помогаетъ характеръ, помогаетъ невольная вѣра, основанная на знаніи разумнаго начала... Я никогда почти не дѣлаю себѣ такихъ вопросовъ. Въ мірѣ господствуетъ духъ, разумъ: это успокаиваетъ меня насчетъ всего". Вообще говоря, Станкевичъ мирился и съ крѣпостнымъ правомъ, и съ бюрократизмомъ, и съ системой откуповъ (его отецъ между прочимъ занимался и откупами). Ср. отзывы о мужикахъ—на стр. 548, 181, 29. Впрочемъ, Невѣровъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Р. Стар., 1883, № 11, стр. 419) передаетъ, что въ 1838 г. Станкевичъ высказывался въ томъ смыслѣ, что русскому народу нужно давать образованіе и подготовлять освобожденіе его отъ крѣпостной зависимости.

2) См. въ 1834 г. (298, 303, 305); въ 1835 (стр. 315, 322, 323, 327, 329, 410, 574, 312, 315, 340, 586—7); въ 1836 г. (стр. 353, 604, 608); въ 1837 (стр. 384); въ 1838 (164, 662—3); въ 1840 (стр. 698). О значеніи службы—573—574. 662—663.

своего достоинства, христіанскія истины» (10 ноября 1835 г., стр. 338) [1]).

Подобно другимъ идеалистамъ, Станкевичъ не разъ упрекаетъ свое время въ излишней преданности матеріальнымъ интересамъ, считаетъ его «больнымъ несчастнымъ вѣкомъ» (368), но все-же вѣритъ въ его возрожденіе. «Если въ нашемъ народѣ, писалъ онъ Невѣрову 19 окт. 1836 г. (стр. 367), «практическій элементъ пробладаетъ надъ прочими, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы должны были вѣчно подлаживать рассѣйскому человѣку, мѣрить и обмѣривать заодно съ нимъ, а напротивъ, слѣдуетъ то, что должны пробудить въ немъ человѣческую сторону, которая заснула подъ звукъ валдайскаго колокольчика, подъ говоръ ярмарокъ». Желѣзныя дороги очень нужны, но только «какъ средство къ умственному развитію» (367) [2]). Быть полезнымъ людямъ вовсе не значитъ указывать «средства къ пропитанію, къ спокойному житью, къ удобствамъ жизни, къ эгоистическому образованію, которое бы умножало удовольствія жизни (1835 г., стр. 338). Нѣмецкіе бюргеры живутъ культурнѣе, чѣмъ русскіе. Тѣмъ не менѣе это то же «мѣщанство»: «Если бъ эту жизнь дополнить большею любовью къ искусству, любовью вообще, немножко сбавить разсчетливости—это были бы люди» (въ 1837 г., стр. 542). Эпизодъ съ Булгаковымъ, который влюбился въ актрису и умеръ въ сумасшедшемъ домѣ (618—619), далъ Станкевичу поводъ для общихъ размышленій о своемъ времени (19 окт. 1836 г., стр. 368): «Больной, несчастный вѣкъ!! Но въ его ранахъ столько прекраснаго, столько человѣческаго, что невольно вѣрится въ скорое исцѣленіе міра. Вездѣ порывы святаго чувства, вездѣ бороба съ подлою жизнью; самоубійство, развратъ, мистицизмъ—все это кипитъ въ старой Европѣ и проситъ обновленія, а духъ жизни уже вѣетъ въ уголкахъ ея; вѣрное, стройное мышленіе объясняетъ людямъ ихъ назначеніе, возстановляетъ убѣжденія и обѣщаетъ возрожденіе».

Ранняя смерть застигла Станкевича на порогѣ его приготовленій къ практической жизни. Позволительно, разумѣется, передъ его преждевременной могилой предаваться тѣмъ же сомнѣніямъ, какими Пушкинъ сопровождаетъ свое повѣствованіе о смерти Влад. Ленскаго. Но въ исторію Станкевичъ перешелъ, какъ благородный идеалистъ съ тонко организованной душой,

---

[1]) Ср. въ письмахъ 1835 г. (стр. 341, 594).

[2]) Вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ идеалистами 30-хъ годовъ обычно связывался съ общимъ вопросомъ о «нашемъ практическомъ вѣкѣ». Ср. въ моей книгѣ о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ, т. I, ч. I, стр. 571. Сужденія станкевича о жел. дорогахъ на стр. 61, 100, 74—75.

стремившійся смотрѣть «на все sub specie aeternitatis» (674). Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ выразилъ желаніе предстать на Божій судъ въ то мгновеніе, когда душа «чужда земныхъ заботъ, просвѣтлена лучемъ преображенья и жизнію небесною живетъ». Судьба не отказала ему въ этой послѣдней наградѣ. Даже тѣнь земной пошлости не успѣла лечь на его свѣтлый образъ. Современники (Бѣлинскій, Грановскій, Герценъ), все это поколѣніе рефлектирующихъ людей, любовно слѣдили за спокойнымъ, гармоническимъ ростомъ Станкевича, учились у него мудрымъ принципамъ жизни и навсегда сохранили о немъ благоговѣйную память. Познакомившись въ 1858 г. съ перепиской Станкевича въ изданіи Анненкова, Л. Н. Толстой восторженно писалъ гр. Александрѣ Андр. Толстой: «Никогда никого я такъ не любилъ, какъ этого человѣка, котораго никогда не видалъ. Что за чистота, что за нѣжность, что за любовь, которыми онъ весь проникнутъ,—и такой человѣкъ мучился всю жизнь и умеръ въ мученіяхъ» [1]). То же изданіе Анненкова побудило Добролюбова, человѣка иной общественной среды и иного идеальнаго склада, чѣмъ Станкевичъ, посвятить ему большую и сочувственную статью. Авторъ закончилъ ее слѣдующими прекрасными словами: «Кто признаетъ важность естественнаго, живого, свободнаго развитія индивидуальности человѣка, тотъ пойметъ и значеніе Станкевича, какъ въ самомъ себѣ, такъ и для общества. Мы, съ своей стороны, прибавимъ здѣсь одно: если бы во всякомъ обществѣ большинство состояло изъ людей, подобныхъ Станкевичу, то не было бы никакой необходимости ни въ этой пресловутой борьбѣ, ни въ мукахъ и страданіяхъ, на которыя такъ любятъ вызывать всѣхъ порядочныхъ людей люди слишкомъ утилитарные».

П. Сакулинъ.

1) Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой. Стр. 114.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

I.

Много лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось плыть въ лодкѣ съ двумя товарищами по пустынной полярной рѣкѣ. Послѣ многихъ дней утомительнаго плаванія мы добрались, наконецъ, до того мѣста, гдѣ въ Колыму впадаетъ Омолонъ. Когда-то на этой рѣкѣ жили три громадныхъ юкагирскихъ рода, но, когда мы прибыли на Омолонъ, отъ трехъ клановъ осталось лишь восемнадцать человѣкъ. Когда мы пристали, на берегу не было никого. Вытащивъ карбасъ, мы отправились разыскивать ураса, т. е. шалаши дикарей. Если бы мы не такъ устали, если бы впереди не было еще ста пятидесяти верстъ до ближайшаго поселка,—мы, какъ всѣ рѣдкіе проѣзжіе, предпочли бы лучше миновать это несчастное племя. Кругомъ насъ были высокіе густые тальники, изъ-за которыхъ ничего не было видно. Вдругъ къ намъ навстрѣчу съ радостными криками выбѣжало человѣкъ двѣнадцать подростковъ, стариковъ, дѣтей. Иные схватили насъ подъ-руки, другіе помогали понести вещи... Вотъ въ тальникахъ показались коническіе шалаши, изъ вершинъ которыхъ валилъ дымъ. Насъ съ почетомъ ввели въ чумъ получше и побольше. Полетѣли на полъ медвѣжьи и оленьи шкуры, чтобы намъ мягче было сидѣть. Женщины, звеня панцырями изъ громадныхъ выпуклыхъ бляхъ, ставили нашъ чайникъ къ огню... Почему же отъ этого сердечнаго пріема у насъ болѣзненной жалостью сжималось сердце, странное чувство сдавливало горло и мы употребляли усиліе, чтобы не проявить того отвращенія, которое зародилось въ насъ, какъ только увидѣли этихъ добродушныхъ дикарей? Эти несчастные—ходячіе трупы. У одного вмѣсто носа гнилая яма, у другого глаза въ страшныхъ, гнойныхъ орбитахъ, у третьяго отвалились губы и желтые, гнилые зубы напоминаютъ черепъ... Побѣдители завезли сюда въ XVII вѣкѣ страшную болѣзнь, которая здѣсь сочеталась иногда съ еще болѣе ужаснымъ страданіемъ, съ «великой хворостью», или проказой.

И на другое утро, очутившись снова на широкой, пустынной рѣкѣ,—я думалъ: «Какъ могутъ человѣческія существа мириться съ *такою* жизнью? Какъ терпятъ они страшное существованіе, для выраженія котораго блѣдны самыя яркія слова наиболѣе богатаго языка?» Въ двадцать четыре года такъ трудно понять простой фактъ, который выясняется много лѣтъ спустя, когда поживешь и насмотришься на все! Только впослѣдствіи мы постигаемъ, что человѣкъ привыкаетъ *ко всякому* разложенію заживо: физическому и моральному; что къ самому ужасному несчастью, если оно перманентно, можно «притерпѣться».

«Привыкла» Англія и къ войнѣ. Кажется теперь уже, что она идетъ отъ вѣка; кажется, не было и времени, когда можно было проѣхать изъ Лондона въ Берлинъ въ 22 часа; когда люди не ликовали, прочитавъ о томъ, что въ двѣ минуты пущены ко дну двѣ тысячи человѣкъ; когда вся Европа напоминала громадную фабрику въ полномъ ходу. Лондонъ приспособился, «прижился» какъ-то къ войнѣ. Въ лавкахъ торгуютъ, конторы и банки открыты, а въ театрахъ ставятъ драмы и обозрѣнія. Но сколько-нибудь внимательный наблюдатель откроетъ поразительныя перемѣны въ англійской жизни. И онѣ ограничиваются не только тѣмъ, что въ витринахъ выставлены портреты генерала Китченера да афиши, вызывающія волонтеровъ, такъ какъ отечество находится въ опасности; не только тѣмъ, что на улицахъ на каждомъ шагу встрѣчаются солдаты и что въ театрахъ даютъ патріотическія пьесы, во время которыхъ стрѣляютъ, поютъ гимнъ и машутъ флагами. Англія — классическая страна свободы. Послѣдняя является не декораціей, не торжественнымъ пунктомъ конституціи, а повседневной *привычкой*. Англичане не думаютъ о благахъ свободы, какъ не думаютъ о воздухѣ, которымъ дышатъ. Свобода англичанина ограничена только свободой его ближняго. И вотъ впервые послѣ революціи Англія живетъ подъ законами военнаго времени. Мы не можемъ оставить Англію безъ паспорта; изъ оффиціальной *London Gazette* мы узнаемъ, что власти, ради общественной безопасности, въ любой моментъ могутъ экспропріировать землю, водопроводы, газовые заводы, электрическія станціи, зданія вообще, оружіе и взрывчатыя вещества. Власти могутъ указать обывателямъ, когда имъ быть дома... Все это такъ ново для англичанъ! Надо прибавить впрочемъ, что въ свободной странѣ, гдѣ привыкли считаться съ правами индивидуумовъ, даже военное положеніе примѣняется въ разсчетѣ причинить возможно меньше стѣсненія обывателямъ. Тотъ фазисъ, когда люди, имѣющіе чрезвычайно широкія полномочія, стремятся не только «use, but abuse» ихъ, еще не наступилъ...

И, несмотря на то, что англичане притерпѣлись къ войнѣ и «привыкли» къ ней, они продолжаютъ глубоко интересоваться вопросомъ: изъ-за чего произошла страшная катастрофа? Какъ это случилось, что именно въ XX вѣкѣ, когда, по увѣренію многихъ, всѣ границы между народами должны были стереться, началась самая страшная въ исторіи война? И катастрофа до такой степени ужасна, что меня не удивляютъ нѣкоторыя мнѣнія, проникнутыя самымъ мрачнымъ пессимизмомъ, которыя мнѣ приходится выслушивать. Познакомлю читателей съ однимъ такимъ мрачнымъ взглядомъ, принадлежащимъ пріятелю-профессору. Когда въ XVIII вѣкѣ произошло ужасное землетрясеніе въ Португаліи, оно разрушило не только Лиссабонъ, но также и вѣру въ метафизическое начало, являющееся олицетвореніемъ трансцендентальной справедливости. «Если дѣйствительно начало это караетъ за грѣхи, то въ чемъ же именно провинились десятки тысячъ младенцевъ, погибшихъ подъ развалинами Лиссабона?»—со скорбью спрашивали усомнившіеся. Тщетно впослѣдствіи на этотъ вопросъ пытался отвѣтить самый блестящій защитникъ традиціи Жозефъ де Местръ. «Безъ всякаго сомнѣнія, въ Лиссабонѣ погибли младенцы, какъ погибли они также въ Геркуланумѣ въ 79 году нашей эры или если хотите, во время потопа... Городъ возмутился; граждане вырѣзали представителей законной власти, заперли крѣпостныя ворота и отбиваются отъ солдатъ, посланныхъ королемъ. Но вотъ мятежный городъ взятъ штурмомъ. Король приказываетъ срыть стѣны и отнимаетъ у города всѣ его привилегіи. Никто не осудитъ этотъ приговоръ подъ предлогомъ, что вмѣстѣ съ виновниками пострадали неповинные, запертые въ городѣ, — продолжаетъ Жозефъ де Местръ.—Не будемъ смѣшивать двухъ разныхъ вопросовъ. Городъ наказанъ за свои преступленія; не будь этихъ послѣднихъ, онъ не пострадалъ бы. Если вы все-таки спросите, почему невиновные были наказаны вмѣстѣ съ преступниками, то я скажу, что не обязанъ отвѣчать на этотъ вопросъ... Если предопредѣлено, что извѣстное число дѣтей должно погибнуть, то я не вижу, почему имъ не все равно, умрутъ ли они раньше или позже? Проникнетъ ли кинжалъ въ сердце человѣка или просочится кровь въ мозгъ его,—послѣдствіе будетъ одно и то же:—смерть. Но въ первомъ случаѣ мы говоримъ, что человѣкъ умеръ насильственной смертью. Для верховнаго начала нѣтъ, однако, насильственной смерти. Стальной клинокъ, вонзенный въ сердце, такая же болѣзнь, какъ и маленькая затвердѣлость, которую мы называемъ полипомъ. Изъ дѣтей, убитыхъ въ Лиссабонѣ, половина все равно умерла бы въ раннемъ возрастѣ.

И несмотря на всѣ эти хитроумныя соображенія, основные

вопросы, поставленные Вольтеромъ въ знаменитой поэмѣ «На разрушеніе Лиссабона», остались безъ отвѣта:

„Pourquoi donc souffrons-nous sous un maître équitable!
Voilà le noeud fatal qu'il fallait délier".

(Почему же мы страдаемъ подъ властью справедливаго повелителя? Вотъ роковой узелъ, который надлежало бы развязать).

Знаменитый писатель со скорбью указываетъ на груды дѣтскихъ тѣлъ, лежащія подъ развалинами:

„Direz-vous en voyant cet amas de victimes:
Dieu s'est vengé; leur mort est le prix de leurs crimes?
Quel crime, quelle faute ont commis ces enfants
Sur le sein maternel écrasés et sanglants?"

(Вы скажете при видѣ всѣхъ этихъ грудъ жертвъ: «кара Господня!» Смерть эта лишь наказаніе за преступленіе. Но какое же преступленіе; какой же грѣхъ могли совершить эти младенцы, раздавленные и окровавленные у материнской груди?). И послѣдствія этихъ вопросовъ извѣстны,—продолжалъ мой пріятель-профессоръ: лиссабонское землетрясеніе разрушило не только громадный городъ, но еще міровоззрѣніе. Рухнула вѣра въ абсолютно справедливаго судью, воздающаго каждому по заслугамъ. Но человѣчество не можетъ жить безъ вѣры, поэтому оно увѣровало въ себя, въ золотой вѣкъ, стоящій впереди, въ собственный прогрессъ, въ то, что оно отъ понятія «Homo homini *lupus* est» неукоснительно идетъ къ принципу «Homo homini *deus* est». И теперь все еще непостигаемая катастрофа, обрушившаяся пять мѣсяцевъ тому назадъ, произвела въ умахъ такой же переворотъ, какъ лиссабонское землетрясеніе въ 1755 году. Тогда рухнула вѣра въ абсолютно справедливаго судью, а теперь — въ золотой вѣкъ, въ благодѣтельный прогрессъ, въ мудрость и цѣлесообразность той формы общежитія, для охраненія которой приносятся такія жертвы; той формы, которая, по мнѣнію Гегеля, является «божественной волей, воплощенной въ человѣческой волѣ», «обнаруженнымъ разумомъ» и «олицетвореніемъ безконечнаго». И теперь, передъ лицомъ всѣхъ ужасовъ, произведенныхъ во имя «олицетворенія безконечнаго», невольно возникаетъ вопросъ: если «обнаруженный разумъ» приводитъ къ войнѣ, охватившей три континента; если поразительный прогрессъ техники примѣняется только для созданія болѣе совершенныхъ орудій разрушенія; если теперь за горизонтами этой войны видно, быть можетъ, уже зарево предстоящей борьбы еще болѣе ужасной,— то зачѣмъ все это? Зачѣмъ все это? Зачѣмъ накоплять вѣками культурныя и идейныя цѣнности, чтобы ихъ разрушили однимъ выстрѣ-

ломъ изъ шестнадцатидюймовой пушки»? Что потеряло бы человѣчество, если бы оно снова разбѣжалось по лѣсамъ?

Такъ скорбно спрашиваютъ нѣкоторые пессимисты.

II.

Но все-таки, какимъ образомъ могло выйти, что три континента охвачены войной? Четыре года тому назадъ вышла замѣчательная книга Нормана Энджеля «The Great Illusion», выдержавшая въ Англіи много изданій и переведенная на всѣ европейскіе и многіе азіатскіе языки. Авторъ анализируетъ общепринятыя теоріи, что военная мощь и политическое значеніе даютъ націи коммерческія и соціальныя преимущества; что богатство и благоденствіе беззащитныхъ народовъ дѣлаетъ ихъ приманкой для сильныхъ сосѣдей, у которыхъ можетъ явиться стремленіе къ захвату; что каждое государство должно вооружаться для защиты собственной независимости. Норманъ Энджель оспариваетъ эти теоріи, принятыя всѣми какъ аксіомы, и доказываетъ, что онѣ основаны на оптическомъ обманѣ. Авторъ утверждаетъ, что военная мощь и политическое значеніе не даетъ націи никакихъ торговыхъ преимуществъ; что одна нація экономически не можетъ захватить богатства другой страны или уничтожить ихъ и что завоеватель не въ силахъ обогатиться на счетъ завоеваннаго и подчиненнаго народа. Для доказательства того, что кажется парадоксомъ, авторъ напоминаетъ, что богатство всѣхъ экономически цивилизованныхъ странъ основано на кредитѣ и на торговомъ договорѣ. Если побѣдитель попытается конфисковать богатства, основанныя на кредитѣ, то они не только исчезнутъ, не оставивъ ничего въ рукахъ захватчика, но своимъ паденіемъ причинятъ ему также громадные убытки. Такимъ образомъ,—доказывалъ Норманъ Энджель,—если только побѣдитель не желаетъ причинить себѣ страшные убытки, онъ долженъ всячески оберегать собственность побѣжденнаго. Такимъ образомъ, побѣда въ экономическомъ отношеніи становится безплодной. Вотъ почему въ отношеніи кредита положеніе маленькихъ и незащищенныхъ государствъ лучше, чѣмъ первоклассныхъ европейскихъ державъ [1]).

Въ силу тѣхъ же причинъ, идея, будто присоединеніе новыхъ территорій увеличиваетъ національныя богатства, является оптическимъ обманомъ,—продолжаетъ Норманъ Энждель,—ибо богат-

---

[1]) До войны трехпроцентныя бельгійскія бумаги стоили 96, а германскія—82, норвежскія $3^1/_2$ проц.—102, а русскія—81.

ства завоеванной области остаются въ рукахъ ея населенія. Когда Германія присоединила Эльзасъ, ни одинъ нѣмецъ не сталъ отъ этого богаче хотя бы на марку. Норманъ Энджель доказывалъ также, что система международныхъ финансовъ такъ усложнилась и такъ переплетена съ торговлей и промышленностью, что побѣдителю невыгодно трогать и торговлю побѣжденнаго народа. Въ дѣйствительности, политическое вліяніе и военная мощь государства нисколько не содѣйствуютъ торговлѣ и промышленности его, ибо маленькія государства, не имѣющія ни политическаго значенія, ни громадной арміи, успѣшно конкуррируютъ съ первоклассными военными державами. Швейцарскіе и бельгійскіе товары, напримѣръ, вытѣснили англійскіе фабрикаты на канадскомъ рынкѣ. Норвегія, пропорціонально населенію, имѣетъ большій коммерческій флотъ, чѣмъ Великобританія.

Такъ доказывалъ Норманъ Энджель въ своей книгѣ, переведенной на всѣ европейскіе языки,... и отвѣтомъ на доводы, кажущіеся неотразимыми, явилась общеевропейская война, первопричиной которой является стремленіе къ захвату территорій и торговли. Необходимость такой войны доказывалась въ Германіи въ продолженіе многихъ лѣтъ. «Политическое положеніе германской имперіи ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствуетъ первенствующему значенію германской цивилизаціи и экономическому вліянію германизма за границей,—пишетъ генералъ фонъ-Бернгарди въ своей послѣдней книгѣ, вышедшей послѣ нашумѣвшаго трактата «Германія и ближайшая война» [1]).

«Несмотря на тройственный союзъ, положеніе Германіи въ Европѣ почти невыносимо. Мы задыхаемся въ загородкѣ. Мы окру-

---

[1]) Эта книга, которая теперь въ рукахъ у всѣхъ, несомнѣнно, безслѣдно исчезнетъ вмѣстѣ съ дымомъ послѣдняго выстрѣла на войнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ тотъ, кто въ „нормальное“ время станетъ читать такое произведеніе, какъ „Германія и ближайшая война“. Когда я впервые познакомился съ нею, мнѣ припомнился апашъ Тото Ларипетъ, воспѣтый Брюаномъ. То былъ самый отчаянный головорѣзъ во всемъ кварталѣ Вильстъ. Тото Ларипетъ кончилъ очень печально:

„La dernièr'fois que l'ai vu,
Il avait l'torse à moitié nu,
Et le cou pris dans la lunette,
A la Roquette“,—

говоритъ его подруга. Если бы Тото Ларипетъ вмѣсто того, чтобы покончить такъ трагически, былъ внезапно произведенъ въ прусскіе генералы и если бы ему предложили изложить свое міровоззрѣніе, основанное на тезисѣ „кошельки существуютъ, чтобы я ихъ отбиралъ, а глотки—для того, чтобы я ихъ рѣзалъ“, то получилось бы, вѣроятно, нѣчто въ родѣ первыхъ трехъ главъ книги фонъ-Бернгарди.

жены Англіей, Франціей и Россіей, тремя врагами, тѣсно сплотившимися теперь. И каждый разъ, когда мы пытаемся увеличить нашу мощь, мы наталкиваемся на рѣшительное сопротивленіе со стороны трехъ сплотившихся странъ. Эти три государства въ такой степени сковали силы Италіи въ Средиземномъ морѣ, что она лишь въ слабой степени можетъ помочь Германіи въ случаѣ войны. Только Австро-Венгрія вѣрно стоитъ рядомъ съ нами. Три государства стремятся или къ расчлененію Турціи, или къ чрезмѣрному ослабленію ея, а между тѣмъ, Оттоманская имперія является естественнымъ участникомъ тройственнаго союза. Для Германіи въ высшей степени важно сохранить Турцію и сдѣлать ее сильной. Въ силу военныхъ и экономическихъ причинъ Турція необходима намъ какъ въ мирное время, такъ и въ случаѣ войны. Гибель Турціи или крайнее ослабленіе ея немедленно будетъ имѣть очень невыгодные результаты для насъ. Германія занимаетъ неблагопріятное положеніе, какъ континентальная и какъ міровая держава,—продолжаетъ генералъ фонъ-Бернгарди.—Въ дѣйствительности нельзя даже говорить о Германіи, какъ о міровой державѣ. Хотя экономическое значеніе германизма всюду на земномъ шарѣ очень возрасло вслѣдствіе престижа, пріобрѣтеннаго Германіей во время успѣшныхъ войнъ, но какъ міровая держава мы можемъ дѣйствовать лишь въ тѣхъ немногихъ колоніяхъ, которыми владѣемъ съ согласія Англіи. Цѣнность и величина этихъ колоній не соотвѣтствуютъ ни значенію Германіи, какъ фактора въ цивилизаціи, ни ея экономическимъ нуждамъ, ни численности населенія и стремительному росту его. Кромѣ того при настоящемъ положеніи дѣлъ (NB. Книга написана за нѣсколько мѣсяцевъ до войны) сообщеніе Германіи съ ея колоніями можетъ быть прервано во всякій моментъ. Въ такомъ случаѣ Германія будетъ совершенно безпомощна. Взглянувъ на колоніальныя владѣнія Англіи, Франціи и даже маленькой Бельгіи, мы убѣдимся, что Германія совершенно обойдена при распредѣленіи территоріи на земномъ шарѣ... Конечно, мы не можемъ сравнивать нашихъ колоній,—продолжаетъ генералъ Бернгарди,—съ владѣніями Англіи. Послѣдняя пріобрѣла свои колоніи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, тогда какъ Германія—лишь послѣ 1870 года. Однако, сравнивъ колоніальныя пріобрѣтенія, сдѣланныя Германіей послѣ 1870 года съ территоріями, присоединенными Франціей за тотъ же періодъ,—если мы вспомнимъ притомъ, что Франція была побѣждена Германіей и уступила послѣдней первенствующее мѣсто въ Европѣ,—мы едва-ли можемъ гордиться нашими колоніальными успѣхами. Даже маленькая Бельгія дѣйствовала успѣшнѣе, чѣмъ мы послѣ франко-прусской войны. Послѣ 1870 года Франція соз-

дала вторую въ мірѣ колоніальную имперію, занявъ территоріи, открытыя и изслѣдованныя германцами. Бельгія пріобрѣла Конго, протяженіе котораго равно всѣмъ германскимъ колоніямъ, взятымъ вмѣстѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, Конго имѣетъ громадное значеніе. Совсѣмъ недавно Германія дозволила Франціи захватить въ высшей степени цѣнную колонію Марокко. Согласіе Германіи обусловливалось какъ враждебнымъ отношеніемъ Англіи, такъ и неутомимой энергіей Франціи, переступившей всѣ трактаты и проявившей готовность начать войну въ случаѣ необходимости. Въ обмѣнъ Германія получила кусокъ французскаго Конго, который, согласно оффиціальному разъясненію, не имѣетъ никакой цѣнности и, вѣроятно, не будетъ имѣть ея, если Германія не пріобрѣтетъ прилегающей испанской колоніи. Марокко могло бы быть для насъ здоровой колоніей, а мы получили нездоровую территорію, непригодную для колонизаціи. Исходъ марокканскаго кризиса ясно свидѣтельствуетъ о плачевномъ положеніи Германіи, какъ міровой державы,—продолжаетъ фонъ-Бернгарди.—Каждый разъ когда Германія пытается пріобрѣтать колоніи, необходимыя вслѣдствіе численности населенія и экономическаго значенія страны,—ей неизмѣнно представляется на выборъ или сражаться съ объединенными врагами, или подчиниться волѣ тройственнаго соглашенія, господствующаго надъ міромъ. Въ этомъ союзѣ враговъ преобладающую роль играетъ Англія, направляющая политику тройственнаго соглашенія. Врядъ ли необходимо доказывать,—продолжаетъ генералъ фонъ-Бернгарди,—что подобное положеніе дѣлъ не можетъ быть терпимо больше великою и гордою націею, обладающею военною мощью и геніальной цивилизаціей. Прежнее положеніе дѣлъ невыносимо. Наше чувство раздраженія должно быть еще сильнѣе, если мы вспомнимъ все значеніе Германіи, какъ фактора цивилизація и промышленности, если мы вспомнимъ также стремительный приростъ населенія. По увѣренію генерала фонъ Бернгарди, промышленные и политическіе соперники Германіи отнюдь не являются лучшими колонизаторами, чѣмъ она. Правда, Франція сдѣлала очень много въ Алжирѣ и въ Тунисѣ, но въ дѣйствительности она не заселила эти колоніи, представляющія собою только торговыя станціи, которыя снабжаютъ, кромѣ того, метрополію солдатами. Такъ какъ населеніе Франціи не увеличивается, а, напротивъ, даже уменьшается; такъ какъ французы, кромѣ того, большіе «домосѣды», не любящіе переселяться, то, по мнѣнію Бернгарди, колоніи имъ совершенно не нужны.

«Теперь обратимся къ Англіи,—продолжаетъ генералъ фонъ-Бернгарди.—Въ прошломъ Англія представляла собою великую колонизаторскую силу. Даже и теперь Великобританія знаетъ, какъ

съ необыкновенной энергіей открыть новыя территоріи». И тѣмъ не менѣе, увѣряетъ нашъ авторъ, англичане совершенно не умѣютъ распространять европейскую цивилизацію въ территоріяхъ, находящихся подъ британскимъ флагомъ. «Кромѣ того англійская цивилизація, послѣ всего, крайне одностороння». Другое дѣло германская цивилизація! «полагаясь вполнѣ на германскую военную силу и на германскую цивилизацію,—продолжаетъ генералъ фонъ-Бернгарди,—мы, нѣмцы, должны всѣми силами стремиться къ пріобрѣтенію мірового политическаго главенства, подобающаго намъ. Въ этомъ стремленіи мы, внѣ сомнѣнія, встрѣтимъ энергичное сопротивленіе; но мы твердо должны уяснить себѣ слѣдующее. Мы не удержимъ нашего положенія, если не постараемся стать міровой державой. Намъ предстоитъ выборъ между прогрессомъ и упадкомъ. За ослабленіемъ нашего политическаго значенія неминуемо послѣдуетъ экономическая гибель. Переизбытокъ нашего населенія будетъ еще больше усиливать чужія націи, что поведетъ и къ интеллектуальному вырожденію Германіи. Такимъ образомъ и умственный прогрессъ Германіи находится въ прямой зависимости отъ того, будетъ ли она міровой державой или же нѣтъ. Если Германія останется только континентальной державой; если ея существованіе, какъ страны, владѣющей колоніями, будетъ находиться въ зависимости отъ милости Англіи,—Германія снова займетъ то—второстепенное значеніе, которое она имѣла до 1866 года,—предвѣщаетъ фонъ-Бернгарди. Девизомъ Германіи должно стать—«Міровая власть или гибель». У насъ нѣтъ альтернативы [1]). Итакъ, по мнѣнію фонъ Бернгарди, представляющаго собою всю Германію, создавшую европейскую войну, «Германія должна расшириться территоріально и стать міровой державой. Она должна добыть территоріи, необходимыя все увеличивающемуся населенію, и обезпечить германизму и германскому уму вліяніе въ мірѣ, подобающее имъ» [2]). «Чтобы обезпечить германизму тотъ престижъ, на который онъ имѣетъ право, и чтобы добыть германскому уму, германскому труду и германскому идеализму то вліяніе, которое имъ подобаетъ,—говоритъ фонъ-Бернгарди.—мы должны стать твердой ногой на землѣ и создать всюду базы для распространенія германской цивилизаціи». Отъ фонъ-Бернгарди, Трейчке и Дельбрюка читатель впервые узнаетъ, что «умъ» и «идеализмъ» тоже требуютъ для своего распространенія пушку шестнадцатидюймовку.

По схемѣ фонъ-Бернгарди (собственно говоря, Трейчке) ходъ

---

[1]) Ib., стр. 60.

[2]) У меня подъ руками только англійскій переводъ книги Бернгарди „Britain as Germany's vassal" стр. 51—59.

исторіи представляется въ такомъ видѣ. Въ то время, какъ формировались великія европейскія государства, Германія всецѣло была занята «идеализмомъ»: религіозными войнами, борьбой съ турками, отпоромъ испанцамъ и французамъ, стремившимся къ міровому владычеству. Вслѣдствіе всего этого Германія не могла удѣлить много вниманія европейской политикѣ и не приняла участія въ раздѣлѣ земного шара. Только въ послѣднія десятилѣтія Германія удосужилась заняться матеріалистическими дѣлами, какъ ея сосѣди. Тогда она пріобрѣла «нѣсколько жалкихъ колоній, ни въ коемъ случаѣ не удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ страны». Германіи необходимы такія колоніи, которыя не только приняли бы излишекъ ея населенія, но составили бы также съ метрополіей совершенно независимый въ экономическомъ отношеніи міръ. «Наши колоніи совершенно не соотвѣтствуютъ экономическому значенію Германіи, и эта диспропорція становится тѣмъ поразительнѣе, если мы сравнимъ ихъ съ владѣніями другихъ государствъ». Конечно, можно было бы развить германскія колоніи, говоритъ Бернгарди. Въ такомъ случаѣ онѣ могли бы доставить метрополіи болѣе сырья и поглощать больше фабрикатовъ, чѣмъ теперь, но колоніи, которыми Германія владѣетъ теперь, не могутъ сдѣлать ее экономически независимой отъ другихъ странъ [1]). Германія въ доставкѣ сырья всецѣло зависитъ отъ другихъ странъ,—скорбитъ фонъ-Бернгарди. Она вынуждена даже покупать за границей часть необходимаго хлѣба. У Германіи нѣтъ также такихъ обезпеченныхъ рынковъ для своихъ товаровъ, какъ у Англіи. Въ настоящее время германскія колоніи могутъ поглощать только часть фабрикатовъ, присланныхъ метрополіей. Великія державы стараются отгородиться таможенной стѣной отъ нѣмецкихъ товаровъ, чтобы такимъ образомъ поощрить отечественную промышленность. «Для Германіи обладаніе открытыми рынками становится вопросомъ жизни или смерти». Затѣмъ населеніе Германіи дѣйствительно увеличивается. Черезъ десять лѣтъ оно будетъ равняться 80 милліонамъ. «Намъ необходимы колоніи, пригодныя для заселенія». «Германскій народъ слишкомъ поздно постигъ все значеніе хорошихъ колоній для національной цивилиза-

1) Мы видимъ тутъ знакомое положеніе, высказанное англійскими протекціонистами. Они утверждали, что, огородившись таможенной стѣной, Британская имперія можетъ стать самостоятельнымъ экономическимъ міромъ: колоніи посылаютъ метрополіи все сырье и являются потомъ рынкомъ для всѣхъ фабрикатовъ, присланныхъ метрополіей. Цѣлый рядъ экономистовъ блестяще доказалъ невозможность такого идеала. Теперь за нимъ гоняется Германія. Но у Англіи уже есть колоніи, тогда какъ Германія должна еще добыть ихъ, чтобы устроить экономическій микрокосмосъ.

ціи,—говоритъ Бернгарди.—Въ колоніяхъ націи возрождаются. Тамъ возникаютъ новые очаги національной цивилизаціи, пріобрѣтающіе громадное вліяніе». «Въ интересахъ цивилизаніи всего міра Германія *должна* расширять свои колоніальныя владѣнія. Только такимъ образомъ политически объединятся нѣмцы, живущіе теперь въ разныхъ странахъ. Только тогда, когда у Германіи будетъ обширная колоніальная имперія, весь міръ признаетъ, что германская цивилизація является наиболѣе необходимымъ факторомъ прогресса. Мы должны поэтому *всѣми силами* стремиться къ пріобрѣтенію колоній, ибо намъ необходимо сохранить для Германіи милліоны нѣмцевъ. Они должны имѣть надъ собою германское небо и вести жизнь, подобающую нѣмцамъ».

III.

Идеалы эти могутъ быть осуществлены только войною. Война, это біологическій законъ, это—орудіе прогресса, это выживаніе наиболѣе сильнаго, т. - е. наиболѣе приспособленнаго, наиболѣе талантливаго. Прежде всего необходима война съ Англіей, забравшей себѣ всѣ колоніи; затѣмъ надо разгромить окончательно Францію и свести счеты съ славянскимъ міромъ. «Германія должна оградить себя отъ смѣшенія съ чужими низшими расами,—говоритъ фонъ-Бернгарди.—Я имѣю въ виду, по преимуществу, славянъ. Борьбу съ ними Германія вела раньше и будетъ вести еще. То будетъ борьба не только въ цѣляхъ самозащиты, но чтобы отстоять также западную цивилизацію отъ славянскаго потопа... Русскіе и поляки,—увѣряетъ прусскій генералъ,—не имѣютъ собственной цивилизаціи, чтобы обогатить западныя націи новыми, плодотворными идеями. Если русскіе и поляки имѣютъ подобіе цивилизаціи, то обязаны нѣмцамъ. Славянскіе народы, однако, не въ состояніи были впитать цивилизацію, дарованную имъ нѣмцами, а тѣмъ болѣе не въ силахъ претворить ее въ нѣчто оригинальное. Балканскіе же славяне къ тому еще не имѣютъ нравовъ, которые сколько-нибудь могли бы быть сравнены съ западно-европейскими. Даже ихъ религія скорѣе напоминаетъ идолопоклонство и имѣетъ поэтому очень небольшое облагораживающее вліяніе. Такимъ образомъ, увеличеніе славянскаго вліянія въ центральной Европѣ и на Западѣ можетъ имѣть только гибельный результатъ для прогресса человѣчества, — говоритъ фонъ - Бернгарди. Плодами славянства являются нравы балканскихъ государствъ, русская революція, нигилизмъ, погромы и русское варварство» [1]). Тамъ, гдѣ нѣмцы

[1]) Ib., стр. 77.

имѣютъ своими подданными славянъ, нужно дѣйствовать круто, и Германія должна всѣми силами, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, раздавить польскую національность на восточной границѣ... Для міра въ высшей степени важно сохраненіе германской расы въ возможной чистотѣ. Вотъ, почему, стремясь къ этому, не слѣдуетъ слишкомъ нѣжничать съ поляками». И, читая эти хвастливыя рѣчи, мнѣ припоминаются ядовитыя насмѣшки Гейне надъ самохвальствомъ пруссаковъ.

„Ich bin kein Römling, ich bin kein Slaw;
Ein deutscher Esel bin ich“,

съ гордостью заявляетъ прусскій оселъ («Я не римлянинъ, не славянинъ, а нѣмецкій оселъ»).

Разсмотримъ основные тезисы прусскаго Eseltum'a (по терминологіи Гейне), выставленные раньше. «Война—біологическая необходимость первой важности». «Война — родоначальникъ всего»,— цитируетъ Бернгарди Гераклита. «Древніе мудрецы задолго до Дарвина постигли всю важность борьбы за существованіе». «Въ силѣ заключается верховное право, а споръ о томъ, что такое право, рѣшается мечемъ,—говоритъ идейный вдохновитель прусскаго милитаризма Трейчке.—Война даетъ рѣшеніе, вѣрнѣе, біологически, такъ какъ оно основано на природѣ вещей». «Въ войнѣ и въ правѣ на войну человѣчество обладаетъ цѣнностью, которою дорожитъ больше, чѣмъ религіей, чѣмъ своей промышленностью или соціальнымъ комфортомъ. Въ войнѣ человѣкъ цѣнитъ силу, дающую возможность одной жизни подняться надъ другою; силу, дающую возможность стремиться къ идеалу»,—такъ говоритъ въ своихъ нашумѣвшихъ лекціяхъ профессоръ Крэмбъ, воспитавшійся въ Германіи и находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ прусской исторической школы [1]). Сколько-нибудь внимательный анализъ убѣдитъ насъ, что «біологическое» объясненіе войны не выдерживаетъ критики. Начать съ того, что Бернгарди, Трейчке и другіе, толкуя дарвиновскій законъ, смѣшиваютъ понятія «наиболѣе приспособленный» и «наиболѣе сильный» (Дарвинъ говоритъ, что въ борьбѣ за преобладаніе одерживаетъ верхъ «the fittest», т.-е. наиболѣе приспособленный, а не «the strongest», т.-е. наиболѣе сильный). Когда Бернгарди говоритъ о «выживаніи въ борьбѣ наиболѣе приспособленнаго», онъ подразумѣваетъ, конечно, льва, орла, акулу, совершенно упуская изъ вида микроорганизмы, процвѣтающіе на арктическихъ ледяныхъ поляхъ да въ глубинахъ океана. Онъ забываетъ про низшіе организмы, пережившіе всѣ ве-

---

[1]) *Prof. J. A. Cramb*, „Germany and England“, London, 1914. Стр. 60.

ликіе геологическіе перевороты послѣ вторичнаго періода. Какой-нибудь переднежаберный моллюскъ изъ отряда prosobranchiata выжилъ, тогда какъ чудовищный по силѣ ихтіозавръ давнымъ-давно исчезъ. Въ дѣйствительности, наиболѣе слабые организмы оказываются наиболѣе «приспособленными», въ особенности, если они умѣютъ группироваться [1]). Выживаніе, однимъ словомъ, находится въ очень слабой зависимости отъ элемента силы. Эволюція, т.-е. послѣдовательное развитія, тоже не состоитъ въ вырабатываніи силы. Въ мірѣ низшихъ животныхъ война, конечно, является біологической необходимостью, но это совсѣмъ не означаетъ, что побѣда обезпечена всегда самому сильному, иначе эволюція вынесла бы впередъ не слабаго первобытнаго антропоида, а, скажемъ, его современника—чудовищнаго диплодока. Низшія животныя никогда не убиваютъ «изъ лихости»: они воюютъ ради удовлетворенія голода. Генералъ фонъ-Бернгарди, конечно, знаетъ этотъ фактъ и вноситъ такую поправку: «Только человѣкъ любитъ и воюетъ во всѣ времена года». Самое поверхностное знакомство съ естественной исторіей убѣдитъ насъ, что природа не только не считаетъ силу необходимымъ факторомъ прогресса, но всячески уничтожаетъ ее: «лихія» животныя, т.-е. эмуники, быстро исчезаютъ на землѣ. Война, конечно, *не біологическій* законъ. Будь дѣйствительно правда, что наиболѣе воинственный народъ является также и наиболѣе приспособленнымъ къ жизни, и если бы дѣйствительно было вѣрно, какъ говоритъ Трейчке, что умирающій народъ ищетъ всѣми силами мира, тогда какъ талантливый и молодой народъ всегда готовъ взяться за мечъ, — то Бернгарди долженъ былъ бы уступить титулъ «величайшей страны въ мірѣ» Венецуэлѣ, воюющей чуть ли не постоянно.

Перейдемъ теперь къ вопросу о колоніяхъ. Трейчке, а за нимъ фонъ-Бернгарди, доказываютъ, что Германія должна отнять у Англіи территоріи, необходимыя первой, прежде всего, чтобы удержать «подъ германскимъ небомъ» приростъ нѣмецкаго населенія. Для этого надобны, конечно, колоніи, лежащія не подъ тропиками, гдѣ европейцы не могутъ жить и размножаться. Такимъ образомъ, величайшая и богатѣйшая колонія Англіи—Индія не годится для тѣхъ цѣлей, о которыхъ говоритъ Бернгарди. Остаются, значитъ, Канада, Австралія, Новая Зеландія и Южная Африка. И вотъ теперь, когда все населеніе этихъ колоній поспѣшило по собственной иниціативѣ на помощь къ метрополіи, невольно возникаетъ вопросъ. Предположимъ, разгромленная Англія вынуждена будетъ уступить Германіи

---

[1]) Это обстоятельство увлекательно выяснено П. А. Кропоткинымъ въ его книгѣ „Mutual Aid“.

и Канаду, и Австралію, и Южную Африку. Какимъ образомъ Германія думаетъ удержать свои новыя владѣнія за морями? Какими средствами она надѣется превратить въ «очагъ нѣмецкой цивилизаціи», скажемъ, Австралію и при помощи чего «небо» Новой Зеландіи станетъ «нѣмецкимъ небомъ»? Самоуправляющіяся британскія колоніи принадлежатъ Англіи не потому, что она умѣетъ ихъ удержать сильной рукой, а потому, что сами колоніи хотятъ составлять часть имперіи. Классическимъ примѣромъ можетъ служить Южная Африка. Нѣмцамъ удалось создать тамъ мятежъ, во главѣ котораго стали такіе видные дѣятели, какъ Деветъ, Бейерсъ и Морицъ. Германія возлагала громадныя надежды на мятежъ, такъ какъ англійскихъ войскъ нѣтъ въ Южной Африкѣ теперь; но именно вслѣдствіе того, что большинство населенія желаетъ быть подъ британскимъ флагомъ, съ возстаніемъ справились сами буры. И въ настоящій моментъ мятежъ кончился. По теоріи Трейчке и Бернгарди, Германія не только должна захватить колоніи, но и *онѣмечить* населеніе. Другими словами, она должна продѣлать надъ французами въ Канадѣ, надъ англичанами въ Новой Зеландіи и надъ голландцами въ Южной Африкѣ такіе же эксперименты, какъ надъ поляками въ Познани или надъ французами въ Эльзасѣ. Эксперименты эти, какъ извѣстно, не удались. Такимъ образомъ, мечта Германіи стать наслѣдницей Британской имперіи должна остаться мечтой, даже если допустить, что Англія будетъ разгромлена. При всемъ желаніи, Германія не можетъ дать самоуправляющимся англійскимъ колоніямъ того, чего сама не имѣетъ. Сомнительно также, чтобы Германія могла удержать Индію, если бы имперія моголовъ досталась, какъ военная добыча. Населеніе Индіи имѣетъ основанія жаловаться на англичанъ; но оно увѣрено, что подъ ихъ владычествомъ жить все-таки лучше, чѣмъ подъ властью другой страны. Къ тому же Англія теперь дала обѣщанія индусамъ, которые знаютъ, что Британская имперія всегда платитъ по своимъ политическимъ векселямъ.

Можетъ ли колоніальная имперія, если Германія добудетъ ее, вообще принести ей какую-нибудь матеріальную выгоду? Норманъ Энджель отмѣчаетъ тотъ фактъ, что колоніи не приносятъ Англіи прибыли. «Предположимъ даже, что Германія, послѣ пріобрѣтенія новой колоніальной имперіи, захочетъ извлекать изъ нея матеріальную выгоду, какъ это дѣлали Испанія и Португалія. Можетъ ли случиться,—спрашиваетъ Норманъ Энджель,—что Германіи, не имѣющей колоніальнаго опыта, удастся осуществить политику, отъ которой Великобританія вынуждена была отказаться сто лѣтъ тому назадъ? Возможно ли, что Германія сумѣетъ заставить свои колоніи, чтобы онѣ платили въ какой-нибудь формѣ контрибуцію? Не слѣ-

дуетъ забывать, что контрибуцію придется выжимать изъ населенія, привыкшаго къ свободной жизни и отличающагося по языку, по культурѣ и по нравамъ отъ нѣмцевъ. Ни одинъ авторитетъ не станетъ утверждать, что въ наше время возможно съ выгодою для метрополіи обложить спеціальнымъ налогомъ какую-нибудь часть имперіи, населенную европейцами» [1]). Тотъ же авторъ доказываетъ, что нѣмцы, оставляющіе родину, отнюдь не стремятся быть непремѣнно подъ «германскимъ небомъ». «За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ число нѣмцевъ, переселившихся въ Соединенные Штаты, превышаетъ число англичанъ, переселившихся въ британскія колоніи. По статистикѣ въ Соединенныхъ Штатахъ теперь отъ 10—12 милліоновъ нѣмцевъ. Совершенно вѣрно то, что нѣмцы не живутъ тамъ подъ своимъ флагомъ, но вѣрно также и то, что они не только не сокрушаются, а, напротивъ, радуются по этому поводу. Подавляющее большинство германскихъ эмигрантовъ не желаетъ, чтобы страна, куда они переселяются, въ политическомъ отношеніи была похожа на страну, которую они покидаютъ».

Въ журналѣ «World» за 1910 годъ появилась очень интересная статья Афлано, «Тоска по родинѣ у переселенцевъ». «Изъ европейскихъ народовъ нѣмцы меньше всѣхъ подвержены этой болѣзни, — говоритъ авторъ. — Нѣмецъ очень сильно привязанъ къ семейному очагу, но онъ нисколько не страдаетъ, если этотъ очагъ устроенъ далеко отъ родины. Повидимому, главной заботой переселенцевъ это—избавиться отъ солдатчины. И въ глазахъ нѣмца-переселенца сознаніе, что онъ избавился отъ нея, представляетъ достаточное вознагражденіе за потерю родины. Я встрѣтилъ колонію нѣмецкихъ рыбаковъ на озерѣ Тао (Tahoe) въ Калифорніи. Сосны на склонахъ Sierra Nevada должны были бы навѣвать нѣмцамъ постоянныя воспоминанія о родныхъ горахъ; но колонисты радовались свободѣ и ни разу не вспомнили родину» [2]).

IV.

Итакъ, сколько-нибудь внимательный анализъ покажетъ намъ, что страшная катастрофа, обрушившаяся на три континента, является результатомъ погони Германіи за призракомъ. Дальнѣйшій анализъ выяснилъ бы намъ, что не дальше какъ въ іюлѣ подавляющее большинство дѣловой Германіи, т.-е. заводчики (кромѣ тѣхъ, которые заинтересованы въ приготовленіи оружія), фабриканты, банкиры и

---

1) *Norman Angell*, «The Great Illusion», стр. 95.

2) „Home-Sickness among the Emigrants", „World", july, 1910.

негоціанты страшились войны и были противъ нея. Кто же втянулъ въ такомъ случаѣ Германію въ войну? «Единственной партіей въ Германіи, глубоко заинтересованной въ томъ, чтобы великое столкновеніе произошло,—является юнкерская партія и ихъ политическіе друзья,—пишетъ отецъ новѣйшаго англійскаго соціализма Гайндмэнъ.—Юнкеры представляютъ собою послѣднюю военную касту, оставшуюся на земномъ шарѣ. Она видѣла опасность съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны юнкеры видѣли, какъ постепенно возрастаетъ политическое значеніе капиталистовъ, къ которымъ императоръ началъ даже лучше относиться, чѣмъ къ кастѣ. Государство всячески оказывало капиталистамъ покровительство. Пошлины на привозные сельско-хозяйственные продукты и контроль надъ арміей не являлись, по мнѣнію касты, достаточнымъ вознагражденіемъ за пошатнувшееся политическое значеніе. Юнкеры, кромѣ того, были недовольны тѣмъ, что цари капитала являлись соперниками даже при дворѣ. По мнѣнію касты, ея положеніе ухудшалось съ каждымъ годомъ. Тогда юнкеры напрягли всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь снова захватить всю власть въ полномъ объемѣ. Милитаристы ждали только случая, чтобы сдѣлать рѣшительное выступленіе и захватить въ свои руки власть не только надъ Германіей, но и надъ всей Европой. Все было пущено въ ходъ, чтобы добиться успѣха. Юнкерскій классъ имѣлъ на своей сторонѣ также прусскихъ профессоровъ, находившихъ философскую оболочку для примитивныхъ стремленій къ власти.

«Война стала также необходимостью для касты юнкеровъ въ виду роста соціалъ-демократіи въ Германіи,—полагаетъ Гайндмэнъ.—Ибо, хотя соціалъ-демократія находится въ прямомъ антагонизмѣ къ германскому капитализму, но она относилась еще болѣе враждебно (такъ, по крайней мѣрѣ, думали юнкеры) къ милитаризму. И въ силу того, что соціалъ-демократія враждебно относится къ капитализму, нѣмцы разсчитали, что, въ случаѣ войны, крупный капиталъ, а также средняя буржуазія будутъ находиться на сторонѣ касты. Ни капиталисты, ни средняя буржуазія не питаютъ особенной любви къ юнкерамъ и къ ихъ кастѣ; не относились они также особенно горячо къ мысли о войнѣ. Вполнѣ возможно,—говоритъ Гайндмэнъ,—что самъ Вильгельмъ II и его болѣе трезвые совѣтники, видя, какъ Германія стремительно богатѣетъ и прогрессируетъ въ мирное время, сомнѣвались, чтобы большіе успѣхи могли бы быть осуществлены такимъ рискованнымъ средствомъ, какъ война. Война эта является послѣднимъ усиліемъ прусскаго милитаризма удержать свое вліяніе въ Германіи при помощи завое-

ваній новыхъ территорій и присоединенія ихъ. Юнкеры теряли почву подъ ногами. Война же является ходомъ, при помощи котораго можно не только взять всю ставку, но потребовать еще. И война была систематически подготовлена съ этою именно цѣлью». Гайндмэнъ [1]) указываетъ на то, что въ Англіи капиталисты были тоже противъ войны. «Миръ былъ выгоденъ для расширенія торговли Германіи,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Гайндмэнъ.—Миръ былъ болѣе выгоденъ также и Россіи. Миръ содѣйствовалъ укрѣпленію французской республики. Въ Великобританіи всѣ желали мира», и тѣмъ не менѣе началась самая страшная война, какую только зналъ когда-либо свѣтъ. Въ этомъ, быть можетъ, заключается главный трагизмъ случившагося.

Діонео.

ИЗЪ АМЕРИКИ.

Война и американскіе рабочіе. Война и соціалисты. Отношеніе американской прессы къ войнѣ. Съ кѣмъ общественное мнѣніе Америки? Обращеніе Вильсона къ конгрессу. Нѣмцы объ американской точкѣ зрѣнія. Война и промышленная жизнь въ Америкѣ. Уроки войны: агитація милитаризма въ Соединенныхъ Штатахъ).

I.

Въ самомъ началѣ войны на одной изъ главныхъ улицъ Нью-Іорка можно было наблюдать интересную процессію. Около полутора тысячъ женщинъ въ траурныхъ, бѣлыхъ и черныхъ, платьяхъ шли стройными рядами, медленно и молча. Черезъ нѣсколько дней такая же, приблизительно, процессія состоялась и въ Питсбургѣ,

---

1) *H. M. Hyndman*, „Socialism, Materialism and the War". *English Review*, December. 1914. стр. 65—67.

Такъ Америка протестовала противъ войны, противъ ея ужасовъ. Если принять во вниманіе, что въ заатлантической республикѣ свыше 120-ти милліоновъ населенія и что формы проявленія общественныхъ настроеній здѣсь совершенно свободны, этотъ «протестъ» просто-на-просто придется скинуть со счета. Въ американскихъ настроеніяхъ по поводу войны протесту противъ нея, повидимому, нѣтъ совершенно мѣста.

Ярче всего этотъ протестъ, конечно, могъ бы быть выраженъ въ выступленіяхъ рабочихъ и соціалистической партіи. Но въ работахъ послѣдняго конгресса американской федераціи труда, состоявшагося недавно въ Балтиморѣ, вопросу о войнѣ было удѣлено чрезвычайно мало вниманія. Фактъ этотъ не лишенъ значительности, если принять въ разсчетъ, что на конгрессъ съѣхались представители почти двухъ милліоновъ американскихъ рабочихъ. Что касается американской соціалистической партіи, то пока-что почти всѣ ея выступленія по поводу войны ограничились лишь организаціей международнаго митинга въ Нью-Іоркѣ, съ участіемъ Вандервельде, и публичными выступленіями вождя американской партіи, М. Хилквита. На митингъ съ участіемъ Вандервельде, пріѣхавшаго въ Америку въ составѣ бельгійской делегаціи, собрался почти весь цвѣтъ американскихъ соціалистовъ. Вождь бельгійской партіи, нынѣ министръ и посланный отъ короля Альберта къ президенту Вильсону, Вандервельде былъ встрѣченъ такой длительной и бурной оваціей, которая лучше всего въ состояніи характеризовать, съ кѣмъ въ настоящей битвѣ народовъ симпатіи американскихъ соціалистическихъ дѣятелей. Вѣдь Вандервельде самъ въ своей рѣчи заявилъ, что на этотъ разъ онъ является къ своимъ друзьямъ не какъ предсѣдатель международнаго соціалистическаго бюро, а какъ членъ бельгійскаго правительства и бельгійской миссіи.

Публичныя лекціи Хилквита, на тему о войнѣ и соціализмѣ, въ которыхъ вождь американской партіи сдѣлалъ попытку, на-ряду съ понятіями международной солидарности и соціализма, конструировать также и понятіе отечества, которое, по его словамъ, соціалистамъ совсѣмъ не чуждо, тоже не даютъ возможности точно характеризовать позицію американской соціалистической партіи. Безусловно критическое положеніе, въ которое нынѣ попали соціалисты почти всѣхъ странъ, сдѣлало и языкъ ихъ изданій, и рѣчи ихъ вождей во многомъ напоминающими рѣчи и языкъ дипломатическихъ дѣятелей. Такихъ недомолвокъ и дипломатическихъ ухищреній полны рѣчи и американскихъ соціалистовъ. Больше всего имъ не хочется, очевидно, обидѣть германскихъ товарищей, поведеніе которыхъ въ такой степени сыграло въ руку кайзеру. Но все же симпатіи американцевъ

живы и дѣйственны, и мало голосовъ, сохраняющихъ полнѣйшій нейтралитетъ.

Нейтралитетъ, какъ извѣстно,—это оффиціальная формула, выражающая позицію, занятую Новымъ Свѣтомъ по отношенію къ возникшему въ Европѣ конфликту. Эта формула съ первыхъ же дней войны была строжайше преподана изъ Вашингтона для общаго руководства въ республикѣ. Она прозвучала и въ отвѣтахъ президента Вильсона, съ одной стороны, Вильгельму, когда послѣдній вздумалъ-было апеллировать къ американскому общественному мнѣнію по поводу нарушеній нормъ международнаго права, якобы допущенныхъ его противниками,—и съ другой,—бельгійской депутаціи, пріѣзжавшей въ Вашингтонъ жаловаться на подвиги германской арміи.

Формула—формулой, а жизнь—жизнью. Голоса противъ войны,—въ Америкѣ одинокіе и слабые голоса. Почти вся страна рѣшительно и опредѣленно встала на сторону союзниковъ, противъ Германіи. Таковы настроенія американскаго народа, таковъ голосъ выступленія американской прессы. Газеты, выходящія здѣсь ежедневно по нѣскольку разъ и расходящіяся въ милліонахъ экземпляровъ, чутко прислушиваются къ мнѣніямъ своихъ читателей. Газета въ Америкѣ почти всегда «business»,—предпріятіе, въ которомъ продается лишь то, что̀ нравится покупателямъ. Но, въ свою очередь, позиція, прессой уже занятая, непрерывно растетъ въ своей популярности, захватывая все новые и новые, доселѣ къ вопросу индифферентные круги читателей.

Съ самыхъ же первыхъ дней войны почти вся американская пресса, всѣ эти безчисленныя «The New Jork Times», «The Sun», «The World», «The Ivening Journal» и проч., и проч. опредѣленно встали на точку зрѣнія симпатіи къ союзникамъ. Недавняя анкета, произведенная издающимся въ Нью-Іоркѣ еженедѣльникомъ «Literary Digest»,—онъ выходитъ, кажется, и въ Лондонѣ,—подвела итоги и полностью выразила это явленіе. Редакція журнала разослала редакторамъ американскихъ газетъ и журналовъ опросный листъ съ просьбою отвѣтить, кому они симпатизируютъ изъ воюющихъ сторонъ. Получено было 367 отвѣтовъ. Въ нихъ 105 редакторовъ высказались въ пользу союзниковъ, 20—въ пользу Германіи и 242 оказались нейтральными. 105 противъ 20,—это достаточно выразительно. Тѣмъ болѣе выразительно, когда представляешь себѣ, что скрывается и за той формулой нейтралитета, за которой укрылось такое количество дѣятелей американской печати.

Мнѣ, при чтеніи анкеты, вспомнился одинъ эпизодъ, недавно происшедшій со мною въ Нью-Іоркѣ. По ходу моей работы мнѣ пришлось познакомиться съ дѣятельностью одного изъ здѣшнихъ муни-

ципальныхъ учрежденій. Я сидѣлъ съ директоромъ въ его рабочемъ кабинетѣ, и мы вели бесѣду, весьма далекую отъ злобы дня. На стѣнѣ висѣла карточка съ обычнымъ теперь въ американскихъ учрежденіяхъ предупрежденіемъ: No words about the war. We are neutral. (Ни слова о войнѣ. Мы нейтральны). Но мой собесѣдникъ, въ концѣ-концовъ, все-таки не вытерпѣлъ. «Скажите,—началъ онъ послѣ небольшой паузы,—неужели же нѣмцы побѣдятъ! Вы—русскій, вамъ это виднѣе, ваша армія на полѣ сраженія... Какъ вы думаете, чѣмъ это кончится?»

На стѣнѣ все еще висѣла карточка съ лаконическимъ и строгимъ предупрежденіемъ, но мой собесѣдникъ, серьезный и сдержанный джентльменъ, уже не видѣлъ ея. Она исчезла для насъ. Мы оба волновались, оба много говорили, не выдержавъ «нейтралитета», нынѣ обязательнаго для американцевъ и ихъ гостей. Таковъ, мнѣ кажется, и нейтралитетъ вышеупомянутыхъ американскихъ издателей. Серьезные, дѣловые люди, получивъ анкетный листокъ, задумались на мгновеніе,—вѣдь время—деньги,—и, вспомнивъ спасительную формулу Вильсона, бросили своему секретарю: «Отвѣтьте имъ, что мы нейтральны». Это сотворила такъ сказать шуйца, а десница, по всей вѣроятности, въ это же самое время заказывала очередныя статьи и передовицы противъ Германіи и ея угрозъ культурному міру.

Теперь эти симпатіи американскаго народа нашли себѣ новое, высокое и благородное выраженіе. Событіе дня — обращеніе президента Вильсона къ соединенному засѣданію обѣихъ палатъ конгресса 8-го декабря с. г. Когда дежурный адъютантъ доложитъ кайзеру объ этой рѣчи президента С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, повелителю Германіи придется убѣдиться въ существованіи словъ, которыя бьютъ сильнѣе, чѣмъ даже нѣмецкіе «чемоданы». Америка продолжаетъ, конечно, соблюдать строгій нейтралитетъ, и президентъ на дѣлѣ наложилъ даже запрещеніе на нѣкоторые военные заказы для Европы... Но маска все же сброшена, и подлинное лицо заатлантической республики предстало передъ міромъ. Въ его строгихъ и спокойныхъ чертахъ рѣшительное осужденіе политики воинствующаго милитаризма.

«Мы живемъ въ мирѣ со всѣмъ міромъ,—заявилъ президентъ, обращаясь къ конгрессу.—Мы не проявляли зависти ни въ области промышленныхъ отношеній, ни въ областяхъ другой мирной работы. Мы въ дружбѣ со всѣми народами міра, потому что мы не угрожаемъ никому, не домогаемся ничьихъ владѣній и не желаемъ никому гибели. Наша дружба можетъ быть воспринята, и всѣ ее воспринимаютъ безъ оглядки и осторожности, потому что мы предлагаемъ ее съ открытымъ сердцемъ, съ намѣреніями, которыя не въ состоя-

ніи возбудить никакихъ вопросовъ и ничьей подозрительности. Въ этомъ наше величіе, и мы должны быть горды имъ и стараться быть достойными его».

Въ этихъ сдержанныхъ и сильныхъ словахъ подлинное лицо современной Америки, ея credo въ вопросахъ международной вѣры. Народы Европы и Японія готовятъ гробъ германскому милитаризму; Америка заколачиваетъ въ него гвозди.

Сейчасъ передо мной небезинтересное свидѣтельство тому, какъ относятся къ этому нѣмцы. Нѣмецкій инженеръ и крупный промышленный дѣятель, Dr. J. E. Junge, совмѣстно съ издателемъ «Hungarian American Reformed Sentinel» и «Hungarian Daily»,—Dr. Acel'емъ, были приглашены американскимъ журналомъ «The Outlook» освѣтить вопросъ съ германской точки зрѣнія. Въ послѣдней книжкѣ журнала ихъ статьи напечатаны подъ общимъ заголовкомъ: «America and the world war from the german point of view»,—«Америка и міровая война съ германской точки зрѣнія».

«Не согласно со здравымъ смысломъ, обычно столь присущимъ Соединеннымъ Штатамъ,—пишетъ Dr. Junge,—вводить моральныя сужденія абстрактной юстиціи (!) въ разрѣшеніе международныхъ разногласій. Веденіе военныхъ дѣйствій съ ними ничего общаго не имѣетъ». «Я отстраняюсь,—пишетъ Dr. Acel, — отъ обсужденія той этической проблемы, на которой основана американская точка зрѣнія. Поступаетъ ли Германія справедливо или нѣтъ,—не въ этомъ дѣло. Но, можетъ быть, *интересы* [1]) Соединенныхъ Штатовъ требуютъ побѣды Германіи и униженія Японіи и Англіи. *Поэтому, американская политика ошибочна, съ точки зрѣнія интересовъ будущаго. А недосмотръ въ политикѣ въ большей степени непростителенъ, чѣмъ преступленіе»* [2]).

Передъ читателями, такимъ образомъ, два принципа международной политики. Принципъ интереса, который можетъ привести къ преступленію, и принципъ миролюбиваго, дружескаго отношенія къ сосѣднимъ націямъ, который, какъ полагаютъ нѣкоторые, можетъ привести къ «недосмотру». «Недосмотръ въ политикѣ болѣе непростителенъ, чѣмъ преступленіе»,—такъ думаютъ германскіе дѣятели и остаются съ своимъ мнѣніемъ въ полномъ одиночествѣ среди народовъ культурнаго міра.

II.

Такъ откликнулась Америка на міровыя событія. Гроза, съ блескомъ молній и громовыми ударами, проносится надъ Европой,

---

[1]) Вездѣ курсивъ подлинника. *А. З.*

[2]) „The Outlook", Dec. 9, 14.

но отзвуки ея слышны и за океаномъ. Никогда еще не было распри, болѣе кровавой и ужасной, но не было еще до сихъ поръ и такой близости между народами, при которой судьба одного съ быстротой электрическаго тока отзывается на судьбѣ прочихъ. Война немедленно же отозвалась на цѣломъ рядѣ сторонъ американской жизни и поставила передъ Америкой рядъ новыхъ практическихъ задачъ.

Когда надъ Европой разразились первые удары, сразу же нарушились торговыя отношенія между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ и закрылась нью-іорская фондовая биржа,—центральный нервъ почти всего американскаго дѣлового міра. Цѣлый рядъ предпріятій, живущихъ импортомъ или экспортомъ въ Европу, вынужденъ былъ прекратить свои операціи. По оффиціальнымъ даннымъ, за первый мѣсяцъ войны,—за августъ,—импортъ, по сравненію съ іюлемъ, понизился, приблизительно на 19%, а экспортъ на 29% [1]). Газеты запестрѣли замѣтками объ увольненіяхъ служащихъ и рабочихъ. Это еще въ большей степени усилило безработицу, которая и раньше давала себя чувствовать въ С.-Штатахъ.

Такое положеніе, конечно, могло быть только временнымъ. Разрывъ промышленныхъ отношеній между странами Европы и цѣлый рядъ экстренныхъ потребностей, вызванныхъ войной, вскорѣ же долженъ былъ заставить воюющія стороны и нѣкоторые изъ нейтральныхъ рынковъ обратиться къ услугамъ Америки. Среди общей разрухи она до сихъ поръ сохранила еще въ неприкосновенности свой добывающій и обрабатывающій аппаратъ. Недаромъ, въ одной изъ первыхъ своихъ статей, посвященныхъ войнѣ, Каутскій пророчилъ, что отнынѣ къ Америкѣ перемѣстится центръ тяжести міровой торговли.

Оффиціальныя данныя показываютъ, какъ быстро и энергично промышленный организмъ Америки справился съ нанесенною ему раной. За сентябрь мѣсяцъ, по сравненію съ августомъ, экспортъ повысился уже почти на 42%, превзойдя свыше чѣмъ на два милліона долларовъ сумму экспорта въ іюлѣ,—въ послѣднемъ мѣсяцѣ мира. Не говоря о военныхъ заказахъ, вывозъ однихъ только съѣстныхъ припасовъ увеличился за сентябрь въ два раза, сравнительно съ сентябремъ прошлаго года. Свѣжаго мяса было вывезено въ 11 разъ, а консервовъ въ 8 разъ больше, по сравненію съ прошлымъ годомъ. За октябрь и ноябрь данныя еще не появились, но газеты все время пестрятъ замѣтками объ экстренныхъ заказахъ на десятки милліоновъ долларовъ, о спѣшномъ принятіи на работы десятковъ тысячъ еще недавно разсчитанныхъ

---

[1]) Montly Summary of Commerce and Finance of the United States.

рабочихъ. Замѣтки эти идутъ изо дня въ день и въ совокупности своей,—впредь до оффиціальнаго подсчета,—несомнѣнно характеризуютъ большой подъемъ американской производительной энергіи [1]).

«Война разрушила у воюющихъ не только средства обмѣна,—заявилъ Вильсонъ въ своемъ обращеніи къ конгрессу,—но и само производство. Она похитила въ Европѣ громадное количество людей и средствъ; никогда еще потери не были такъ велики и ужасны. Близко время,—а, можетъ быть, оно уже и наступило,—когда нѣкоторыя изъ европейскихъ государствъ не будутъ въ состояніи изготовлять для себя даже самое необходимое, а раньше это было для нихъ легкимъ и обычнымъ дѣломъ. Во всякомъ случаѣ, они будутъ нуждаться въ нашей помощи, въ различныхъ услугахъ съ нашей стороны въ большей степени, чѣмъ когда бы то ни было. И мы должны быть готовы къ этому. Въ равной степени обращаются къ намъ и тѣ государства, которыхъ Европа обычно снабжала безчисленнымъ количествомъ различныхъ промышленныхъ продуктовъ, которые имъ необходимы и безъ которыхъ невозможно ихъ экономическое развитіе. Теперь они получаютъ лишь самую незначительную долю изъ того, что къ нимъ раньше ввозилось. Въ особенности это справедливо относительно нашихъ сосѣдей, относительно большихъ и малыхъ государствъ Центральной и Южной Америки».

Президентъ отмѣтилъ далѣе сравнительную слабость внѣшней торговли и коммерческаго флота Соединенныхъ Штатовъ и выразилъ надежду, что конгрессъ съ надлежащимъ вниманіемъ отнесется къ этимъ важнымъ вопросамъ дня. Эта часть президентской рѣчи встрѣтила самый горячій откликъ въ промышленной американской средѣ. Еще почти за два мѣсяца до этой рѣчи, въ одной изъ книжекъ «American Exporter» мнѣ пришлось увидѣть двѣ каррикатуры на промышленныя злобы дня. Одна изображала дѣвицу экзотическаго типа, сидящую въ кокетливой позѣ, слегка прикрывшись зонтикомъ. Надпись поясняетъ: «Южно-американскій рынокъ, вслѣдствіе войны совершенно отрѣзанный отъ Европы». Къ дѣвицѣ подби-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, фабриканты изъ штата New-Jersey должны изготовить мундиры изъ матеріи „хаки". Матеріи потребуется свыше милліона ярдовъ. Чикагскія фирмы заключили рядъ контрактовъ о спѣшной поставкѣ грузовыхъ автомобилей, лопатъ, кирокъ, стальныхъ вилъ и разныхъ инструментовъ. Автомобилей заказано на 2.500.000 долларовъ. Одна изъ Нью-Іоркскихъ фирмъ получила аналогичныхъ заказовъ на 24.000.000 долларовъ. Изъ Россіи здѣсь заказано около милліона паръ солдатскихъ сапогъ. Четыре милліона паръ заказано въ Мильвоки. Чикагскія мясныя фирмы работаютъ ночью и днемъ, выполняя заказы на консервы. Фирма Libbey and Mc-Neil выполнила, со времени объявленія войны, заказовъ уже на 38.000.000 долл. И такъ далѣе,—до безконечности.

рается «дядя Сэмъ», съ увѣсистымъ сундучкомъ въ одной рукѣ и съ букетомъ цвѣтовъ,—въ другой, а внизу поясненіе: «Now that she's alone» («Теперь, когда она одна»)—подпись.

Другой рисунокъ изображаетъ Европу въ пламени и борьбѣ, а въ сторонкѣ съ озабоченнымъ лицомъ, съ пилой въ рукахъ, неустанно работаетъ все тотъ же дядя Сэмъ. И на всемъ, что онъ успѣлъ уже сдѣлать, сплошныя надписи: business, business—торговыя дѣла, торговыя дѣла [1]).

По тщательно опредѣленнымъ даннымъ объ импортѣ въ государства Южной Америки, оказывается, что Европа ввозитъ въ нихъ на 660.000.000 долларовъ ежегодно, изъ которыхъ 180.000.000 приходится на долю Германіи, нынѣ почти совершенно отрѣзанной отъ этого рынка, и 404.000.000—на долю прочихъ воюющихъ сторонъ. Надо полагать, слѣдовательно, что изъ этого на долю «наслѣдующей» С.-Америки достанется довольно лакомый кусокъ [2]).

Таковъ, въ общихъ чертахъ, сегодняшній день промышленной Америки. Передъ нею открывается рядъ рынковъ, отъ которыхъ она не отойдетъ, конечно, и съ наступленіемъ мира. Надо думать, что усилятся сношенія Америки и съ Россіей, если, конечно, будутъ улажены недоразумѣнія, которыя еще недавно привели къ разрыву русско-американскаго договора.

Когда наступитъ надлежащей часъ, изъ Америки, по всей вѣроятности, зазвучатъ голоса о мирномъ посредничествѣ. Этого требуетъ еще кое въ чемъ уцѣлѣвшій дипломатическій этикетъ, и въ этомъ смыслѣ уже дѣлались заявленія изъ Вашингтона. Но чтобы голоса эти до времени звучали очень горячо, въ этомъ, мнѣ кажется, можно сильно усомниться. Каждый день военныхъ дѣйствій приноситъ американскимъ милліонерамъ все новые и новые заказы... И съ этимъ добровольно разстаться они врядъ ли захотятъ.

III.

Европейскій конфликтъ, въ такой сильной степени отразившійся на промышленной жизни Америки, вызвалъ здѣсь, кромѣ того, цѣлое общественное движеніе въ пользу усиленія вооруженныхъ силъ страны. Въ этомъ отношеніи громадное вліяніе оказалъ фактъ германскаго набѣга на Бельгію, какъ иллюстрація къ тезису: сила выше права. Агитація милитаризма въ Америкѣ началась съ

---

[1]) „American Exporter", October, 1914. New-Iork.

[2]) Bulletin of the Pan-American Union, September. 1914 г.

выступленія Рузвельта со статьею въ «Outlook'ѣ». То, что случилось съ Бельгіей,—писалъ ех-президентъ,—точно также могло бы случиться и съ нами, при аналогичныхъ обстоятельствахъ, хотя мы были бы въ состояніи показать, что продѣлать съ нами это—опасно. Если бы какая-либо военная сила изъ Стараго Свѣта, европейская или азіатская, будучи вовлечена въ войну, сочла бы это для себя необходимымъ и *безопаснымъ* [1]), то она овладѣла бы Панамскимъ каналомъ, такъ же точно, какъ германцы овладѣли Бельгіей и Люксембургомъ, или японцы, въ свое время,—Кореею» [2]).

«Одинъ изъ главныхъ уроковъ этой войны для насъ,—писалъ далѣе Рузвельтъ,—можетъ быть выраженъ въ простой поговоркѣ: «Говори нѣжно и припасай большую палку» («Speak softly and carry a big stick»). Вооруженныя силы республики слѣдуетъ пересмотрѣть и увеличить».

Статья произвела впечатлѣніе. Чтобы усилить его, Рузвельтъ выступилъ на большомъ митингѣ съ горячей рѣчью на эту тему. Его заявленіе, что онъ самолично видѣлъ секретные планы нападенія на Америку, произвели колоссальное впечатлѣніе, хотя ораторъ, конечно, не счелъ возможнымъ указать, гдѣ и когда онъ это видѣлъ. Планы, по его словамъ, принадлежали двумъ державамъ, и американское общественное мнѣніе относитъ ихъ къ Германіи и Японіи. При обнаружившейся нынѣ германской драчливости здѣсь считаютъ возможнымъ, что, среди прочихъ проектовъ, въ нѣмецкомъ генеральномъ штабѣ разрабатывался вопросъ и объ Америкѣ; если не для настоящаго «дѣла», такъ по крайней мѣрѣ, чтобы потѣшить воображеніе: что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть привлекательнѣе мечты объ единой *міровой* Германской Имперіи, съ кайзеромъ во главѣ... Что касается Японіи, то очень многіе американскіе дѣятели предсказываютъ въ скоромъ будущемъ обострѣніе американо-японскихъ отношеній.

Какъ бы то ни было, съ легкой руки Рузвельта агитація милитаризма въ Америкѣ стала шириться и расти. Въ полномъ согласіи съ его рѣчами составленъ и послѣдній отчетъ генеральнаго штаба американской арміи. Согласно этому отчету, къ 15-му ноября 1914 года армія Соединенныхъ Штатовъ состояла изъ 4.572 офицеровъ и 84.444 солдатъ. Если исключить изъ этого числа войска, несущія службу въ крѣпостяхъ, полевая армія С.-Штатовъ составляетъ всего лишь 52.000 солдатъ.

---

1) Курсивъ подлинника. *А. З.*

2) Theodore Roosevelt: The world war, its tragedies and its lessons. «The Outlook», September, 23, 1914 г.

«Великій водный путь Панамскаго канала,—пишетъ начальникъ штаба,—не можетъ быть защищенъ нами настоящими или проектируемыми для помѣщенія тамъ гарнизонами, если у насъ не будетъ возможности быстро доставить на мѣсто подкрѣпленія. То же и въ отношеніи Филиппинъ... Смѣшно предполагать, что мы можемъ сохранить за собою Аляску, держа тамъ гарнизонъ въ 500 человѣкъ... Наконецъ, всѣ военные дѣятели сознаютъ, что предполагаемый гарнизонъ на Гавайскихъ островахъ далеко ниже того минимума, который необходимъ для отраженія серьезной атаки, если не имѣть на велико-океанскомъ побережіи достаточно войска для немедленной отправки ихъ въ случаѣ начала военныхъ дѣйствій».

Какъ ни могущественъ американскій флотъ, онъ,—по мнѣнію генеральнаго штаба,—безъ поддержки сильной сухопутной арміи, былъ бы не въ состояніи выдержать натискъ первокласснаго непріятеля. У послѣдняго было бы такъ много пунктовъ для высадки, что и самый сильный флотъ могъ бы оказаться недостаточнымъ.

Вся эта агитація, всѣ эти данныя, въ томъ или иномъ видѣ почти ежедневно фигурирующія на столбцахъ газетъ, привели очень быстро къ возникновенію Лиги для усиленія вооруженій въ Америкѣ. Основаніе этой Лиги было заложено съ мѣсяцъ тому назадъ на спеціальномъ совѣщаніи почти полутораста видныхъ американскихъ дѣятелей. О томъ, какое настроеніе царило на этомъ собраніи, лучше всего можетъ свидѣтельствовать одна изъ произнесенныхъ тамъ рѣчей.

«Представьте себѣ,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ,—что Англія разбита, и у Нью-Іорка появляется большой флотъ. Отъ насъ требуютъ, чтобы мы разрѣшили ему пройти черезъ долину Гудзона, для нападенія на Канаду. Мы отказываемъ, ссылаясь на то, что мы нейтральны. Но мы видѣли примѣръ, какъ нѣкоторыя государства считаются съ нейтралитетомъ другихъ странъ. Допустимъ, что пришедшій достаточно силенъ, чтобы ворваться на нашу территорію, и что американцы попытаются остановить его походъ. Въ этомъ случаѣ нетрудно представить себѣ, что рядъ прибрежныхъ незащищенныхъ городовъ по Гудзону превратится въ груду развалинъ. Недавно одинъ изъ военныхъ авторитетовъ Германіи заявилъ, что съ нахожденіемъ для нѣмецкаго флота угольной станціи у американскаго побережья нѣмцамъ нетрудно будетъ разгромить американскіе прибрежные города и сокрушить республику. Наша мощь должна быть такова, чтобы непріятель и не мечталъ о сокрушеніи и уничтоженіи нашихъ прибрежныхъ городовъ».

Трудно, конечно, разобрать, гдѣ въ этой рѣчи кончаются тѣ возможности, на которыя всегда должно разсчитывать, и гдѣ начинается полетъ явно взбудораженной фантазіи. Къ тому же—„Теперь царствуетъ Марсъ»—какъ недавно, на столбцахъ одной изъ берлинскихъ газетъ («Tag»), заявилъ генералъ фонъ-Динсфуртъ, и ничто не мѣшаетъ вчерашней пламенной фантазіи превратиться сегодня въ печальную дѣйствительность. Изображаетъ же Уэлльсъ, въ своемъ романѣ «Война въ воздухѣ», нашествіе нѣмцевъ на Нью-Іоркъ и бомбардировку съ воздуха этого величайшаго въ мірѣ космополитическаго центра. Одна надежда, что дни настоящей войны будутъ послѣдними днями германскаго милитаризма. А въ противномъ случаѣ, если этого потребуютъ «реальные интересы», что же имъ можетъ помѣшать? Мораль, право? На это прекрасно отвѣтитъ тотъ же ген. фонъ-Динсфуртъ: «Насъ могутъ называть гуннами, вандалами, варварами, дикарями,—какъ кому угодно. Намъ это только смѣшно».

«А вдругъ...» теперь, послѣ тѣхъ возможностей, которыя обнаружила Европа, это звучитъ уже сильнымъ аргументомъ. И въ томъ самомъ собраніи, гдѣ была произнесена вышеприведенная рѣчь, редакторъ «Army and Navy Journal», полк. Чорчъ, произнесъ рѣчь о состояніи американскихъ полевыхъ и береговыхъ укрѣпленій. Всѣмъ членамъ совѣщанія были розданы карточки съ изреченіемъ: «Если мы хотимъ обезпечить себѣ миръ,—самое могущественное условіе для нашего преуспѣянія,—нашимъ сосѣдямъ должно быть хорошо извѣстно, что мы во всякое время готовы къ войнѣ».

Въ этихъ словахъ—идеологія возникшаго движенія. Оно становится столь значительнымъ и замѣтнымъ, что президентъ Вильсонъ долженъ былъ отмѣтить его въ своемъ послѣднемъ обращеніи къ конгрессу. Съ каждымъ днемъ прибываютъ къ этому движенію новые сторонники, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все рѣшительнѣе выступаютъ и его противники. Изъ первыхъ заслуживаетъ вниманія выступленіе Гомперса, предсѣдателя Американской Федераціи Труда, на митингѣ національной гражданской федераціи. «Отъ имени американскаго рабочаго класса,—сказалъ Гомперсъ,—я заявляю, что мы не думаемъ о разоруженіи. Рабочій классъ желалъ бы избѣжать бремени войны, если бы она была намъ навязана. Но, въ то же время, если бы кто-либо изъ насъ, выйдя изъ этой залы, встрѣтилъ хулигана съ ружьемъ,—онъ постарался бы схватить его и обезоружить и, въ случаѣ необходимости, сталъ бы даже стрѣлять въ него». Противъ милитаристической агитаціи, считая ее въ значительной степени вздорной, на дняхъ, на митингѣ въ Нью-Іоркѣ выступилъ ех-президентъ Тафтъ.

Кампанія милитаризма, въ своемъ развитіи, болѣе или менѣе ясно намѣтила три тезиса: во-первыхъ, настоящее состояніе американской арміи и флота таково, что страна не можетъ себя считать въ полной безопасности отъ чьего-либо вражескаго нашествія; во-вторыхъ, слѣдуетъ увеличить составъ постоянной наемной арміи, не измѣняя общихъ основъ свободнаго участія гражданъ въ дѣлѣ національной обороны, и въ-третьихъ,—такъ звучатъ лишь отдѣльные, незначительные голоса,—необходимо установить, въ той или иной формѣ, обязательную воинскую повинность. Президентъ Вильсонъ въ своемъ обращеніи къ конгрессу отвѣтилъ на всѣ эти три пункта.

Онъ рѣшительно разошелся со всѣми дѣятелями милитаристической кампаніи. «Странѣ преподносились свѣдѣнія, не соотвѣтствующія истинѣ,—заявилъ онъ. Мы заботливо относимся къ вопросамъ національной обороны и не забываемъ о лежащей на насъ великой отвѣтственности». Онъ ясно и категорически высказался противъ плановъ увеличенія постоянной арміи. «Во всякое время національной опасности,—утверждалъ президентъ,—всѣ наши надежды возлагаются не на постоянную армію и даже не на резервы, а на ополченіе изъ гражданъ, обученныхъ и способныхъ носить оружіе. Къ тому же не сухопутная армія, а могучій флотъ—наша естественная оборона, военныя суда—наши крѣпости. То, что нѣкоторые изъ насъ проявляютъ нервность и возбужденность,—еще не поводъ для коренныхъ перемѣнъ».

«Мы никогда не имѣли и, поскольку мы останемся вѣрны нашимъ принципамъ и идеаламъ, мы никогда не будемъ имѣть большую постоянную армію. Насъ спрашиваютъ, готовы ли мы для самозащиты. Мы отвѣчаемъ съ полнѣйшей увѣренностью: да, до послѣднихъ предѣловъ. И все-таки мы не обратили Америку въ военный лагерь, и не заставили нашу молодежь проводить лучшіе годы ея жизни въ солдатской тренировкѣ».

Газеты указываютъ, однако, что президентскихъ завѣреній имъ совершенно недостаточно для того, чтобы разсѣять тревогу и сомнѣнія, возникшія въ странѣ. Какъ бы то ни было, если въ первой части своего обращенія къ конгрессу Вильсонъ выступилъ противъ милитаризма воинствующаго,—то во второй онъ не менѣе рѣшительно выступилъ и противъ того его типа, который настаиваетъ на усиленіи вооруженій, исходя исключительно изъ интересовъ самозащиты и мира. Обѣ стороны продолжаютъ еще бороться и въ конгрессѣ, и въ печати, и въ митинговыхъ рѣчахъ. Быть можетъ, рѣшительная схватка между ними предстоитъ на слѣдующихъ президентскихъ выборахъ.

А. І. Закъ.

ИЗЪ БОЛГАРІИ.

(Болгарскій нейтралитетъ).

Не берусь предсказывать, когда и какъ найдетъ Болгарія возможнымъ и нужнымъ ликвидировать, наконецъ, свой пресловутый «нейтралитетъ». Не берусь указывать и путь, который вѣрнѣе всего ведетъ къ этой ликвидаціи; который могъ бы положить конецъ болгарскимъ колебаніямъ; заставилъ бы Болгарію занять, наконецъ, опредѣленное мѣсто въ бушующемъ вокругъ нея великомъ міровомъ конфликтѣ. Это чисто практическій вопросъ, которымъ занимаются дипломаты и отвѣтственные политики. Пусть же они и отвѣчаютъ на него, если могутъ. Моя задача иная. Я хотѣлъ бы указать читателю на тѣ причины, которыя лежатъ въ основѣ смущающихъ его болгарскихъ колебаній и сомнѣній, на ту специфическую болгарскую психологію, которою объясняется—если не оправдывается—этотъ на русскій взглядъ непонятный, противоестественный, чуть ли не преступный болгарскій нейтралитетъ.

Ставлю вопросъ такъ, какъ его принято ставить въ Россіи, какъ его ставятъ чуть ли не ежедневно въ многочисленныхъ газетныхъ статьяхъ и какъ его совсѣмъ недавно поставилъ въ своихъ открытыхъ письмахъ г. Леонидъ Андреевъ:

Почему «славянская Болгарія» такъ откровенно, такъ беззастѣнчиво измѣняетъ «славянству»? Почему она не только не спѣшитъ на помощь изнемогающей въ непосильной борьбѣ Сербіи, но, напротивъ, съ какимъ-то злораднымъ торжествомъ привѣтствуетъ ея «гибель»? Почему она, освобожденная русскою кровью, въ этотъ грозный часъ великихъ испытаній не спѣшитъ на зовъ своей освободительницы?..

Посмотримъ, прежде всего, что отвѣчаютъ на эти вопросы сами болгары. Эти отвѣты не разъяснятъ намъ всей загадки, но они все-таки помогутъ намъ разобраться въ ней.

Чаще всего и категоричнѣе всего болгары объясняютъ свой нейтралитетъ и свое безучастіе въ бушующей вокругъ нихъ борьбѣ своею «ненавистью» къ Сербіи. «Мы не можемъ—говорятъ они—органически не можемъ сочувствовать и помогать сербамъ. Ихъ коварство лишило насъ плодовъ великихъ усилій и неисчислимыхъ жертвъ, понесенныхъ страною въ балканской войнѣ. За спиною нашихъ войскъ, желѣзною стражею стоявшихъ на Чаталджѣ и Бу-

лаирѣ, измѣнническими сговорившись съ неславянскими Румыніею и Греціею, они отняли у насъ Македонію, которую годомъ раньше сами торжественнымъ договоромъ признали безспорно болгарскою. Отнявъ ее, они установили въ этой несчастной странѣ режимъ террора и преслѣдованій, грозящій ея болгарскому населенію полнымъ уничтоженіемъ. Можемъ ли мы забыть, простить имъ это? Можемъ ли мы сочувствовать такимъ «союзникамъ», которые, къ тому же, не проявляютъ съ своей стороны ни малѣйшаго желанія поправить причиненное намъ зло? Нѣтъ, это невозможно, и со стороны Россіи прямо таки безжалостно жестоко требовать отъ насъ такого самоотреченія! Довольно того, что мы ихъ не трогаемъ!»...

Не подлежитъ сомнѣнію, что озлобленіе противъ сербовъ здѣсь очень велико. Болгаринъ, вообще, умѣетъ ненавидѣть. Но серба онъ ненавидитъ особенно страстно, пожалуй еще страстнѣе, чѣмъ ненавидитъ румына или грека, чѣмъ ненавидѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ турка. Не только болгарскій политиканъ-интеллигентъ, но и рядовой болгарскій крестьянинъ, не захочетъ добромъ протянуть руку «коварному сосѣду», котораго онъ обвиняетъ чуть ли не во всѣхъ своихъ несчастіяхъ послѣдняго времени, съ которымъ всего годъ тому назадъ онъ такъ ожесточенно бился подъ Криволакомъ и на берегахъ Брѣгальницы. Въ этомъ смыслѣ, ненависть къ Сербіи, увы, не выдумка и не предлогъ только. Это факторъ, съ которымъ нельзя было бы не считаться, если бы дѣло шло только о Сербіи,—который былъ бы самою серьезною помѣхою всѣмъ планамъ и комбинаціямъ, въ основѣ которыхъ лежала бы помощь сербамъ или, хотя бы, активное сотрудничество съ сербами.

Но, вѣдь, если говорить фактически, а не гипотетически, то придется признать, что такихъ плановъ и комбинацій никто болгарамъ и не предлагалъ до сихъ поръ. Во всякомъ случаѣ русская дипломатія подобныхъ требованій къ Болгаріи не предъявляла Если и шла рѣчь о «помощи сербамъ», то эта помощь предполагалась не въ видѣ вооруженнаго содѣйствія противъ австрійцевъ, а лишь въ видѣ пропуска черезъ болгарскую территорію военныхъ и иныхъ матеріаловъ для Сербіи изъ Россіи и благожелательнаго нейтралитета по отношенію къ Румыніи и Греціи въ случаѣ ихъ выступленія противъ Австріи. А такая форма «помощи», очевидно, могла бы отлично ужиться съ самою неподдѣльною ненавистью. Достаточно, чтобы она казалась выгодною.

Во-вторыхъ, даже болгарскіе націоналисты допускаютъ, что, если бы сербы раскаялись въ своихъ прегрѣшеніяхъ противъ Болгаріи и исправили причиненное ей въ Букарестѣ зло,—иными словами, если бы они возвратили болгарамъ часть Македоніи—прошлое

могло бы быть забыто, и болгарская помощь Сербіи оказалась бы возможною. Значитъ, они сами признаютъ, что ненависть къ Сербіи не является какимъ-то непреодолимымъ препятствіемъ къ сотрудничеству съ нею; что въ этомъ сотрудничествѣ нѣтъ элемента психологической невозможности. Разъ своевременныя и достаточныя уступки со стороны Сербіи могли устранить ее со всѣми ея послѣдствіями, надо было только добиться этихъ уступокъ. А эта задача, очевидно, не была выше рессурсовъ дипломатіи, которая могла бы взять на себя благодарную роль посредницы между двумя братскими, хотя и разссорившимися, народами.

Въ-третьихъ, наконецъ, какъ бы ни была остра сербо-болгарская распря, она, все-таки, тонула въ томъ громадномъ міровомъ конфликтѣ, который открыло вмѣшательство въ австро-сербскій споръ Россіи съ ея союзниками, съ одной стороны, Германіи, съ другой. Этотъ конфликтъ стодвинулъ далеко на задній планъ вопросъ объ участи Сербіи. Онъ поднялъ такую массу культурныхъ и политическихъ проблемъ первостепенной важности для всего человѣчества, что чисто-мѣстный «македонскій» вопросъ отступилъ передъ ними далеко назадъ. Притомъ одна изъ этихъ проблемъ, проблема окончательной ликвидаціи европейской Турціи, ближайшимъ образомъ интересовала собою Болгарію. Она открывала передъ нею заманчивую перспективу возврата Адріанополя и восточной Ѳракіи, возстановленія границы Эносъ-Мидія, отвоеванной въ Лондонѣ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя утерянной въ Царьградѣ. Въ то же самое время она открывала естественный выходъ ея силамъ, которыя—скажемъ—было бы трудно направить на защиту «вѣроломной» Сербіи, но которымъ было бы совершенно естественно добивать, вмѣстѣ съ русскими, традиціоннаго врага, Турцію.

Всѣ эти соображенія слишкомъ очевидны, чтобы ихъ можно было игнорировать даже въ средѣ крайнихъ болгарскихъ сербофобовъ. И дѣйствительно, объясненіе болгарскаго невмѣшательства «ненавистью къ Сербіи» и свѣжею памятью «междусоюзнической войны», звучавшее такъ сильно въ началѣ конфликта, видимо, теряетъ свою убѣдительность по мѣрѣ его развитія. Оно начинаетъ казаться недостаточнымъ даже самимъ болгарамъ. И тѣмъ настойчивѣе и громче раздается теперь на ихъ устахъ другой мотивъ: недовѣріе болгаръ къ Россіи и ея обѣщаніямъ.

Недовѣріе къ Россіи—не новость въ болгарской политикѣ. Но никогда, кажется, не было его здѣсь такъ много, какъ теперь. Имъ въ той или иной мѣрѣ охвачена чуть не вся болгарская интеллигенція, которая до сихъ поръ еще продолжаетъ видѣть въ злокозненности русской дипломатіи одну изъ главныхъ причинъ всѣхъ бол-

гарскихъ несчастій: и отказа сербовъ отъ союзнаго договора, и вызванной этимъ отказомъ междусоюзнической войны, и румынскаго и турецкаго нашествій, и послѣдовавшихъ за ними Букарестскаго и Царьградскаго договоровъ. Несмотря на всѣ разоблаченія зеленыхъ, оранжевыхъ и всякихъ иныхъ книгъ, это убѣжденіе засѣло крѣпко въ болгарскія головы. Его всячески поддерживаетъ вліятельная руссофобская печать. Въ немъ видятъ чуть ли не главный пунктъ своей программы націоналистическія партіи. На него и ссылаются они, оправдывая свою политику нейтралитета и безучастія въ разразившемся міровомъ конфликтѣ.

Ходъ ихъ разсужденій приблизительно таковъ: Россія,—говорятъ они,—была арбитромъ между нами и сербами. Ея подпись скрѣпляла нашъ договоръ съ ними. И однако, что сдѣлала она, когда сербы отказались отъ этого договора и предъявили намъ свои ни на чемъ не основанныя требованія? Одного ея слова было бы достаточно, чтобы образумить сербовъ, но она не только не сказала этого слова, но, напротивъ, устами покойнаго Гартвига, какъ будто поощряла сербскія претензіи. И когда въ результатѣ этихъ претензій разразилась война, Россія не сдѣлала ничего, чтобы остановить набросившихся на насъ турокъ и молчаливымъ свидѣтелемъ присутствовала при нашемъ ограбленіи въ Букарестѣ и Царьградѣ. Насъ карали за «непослушаніе», но самая безпощадность кары доказывала, что дѣло было не только въ непослушаніи. Намъ мстили за дерзкое поползновеніе на независимость, за Родосто и Адріанополь, за наши мечты о «великой Болгаріи», созданіе которой не входило болѣе въ планы русской дипломатіи. Насъ приносили въ жертву «великой Сербіи», которая съ нѣкотораго времени заняла наше прежнее мѣсто въ ея балканской политикѣ, на которую сыпались теперь ея милости... Можемъ ли мы послѣ этого тяжкаго опыта довѣрять Россіи, когда она обѣщаетъ намъ какія-то неопредѣленныя «компенсаціи, широко отвѣчающія нашимъ національнымъ аспираціямъ»? И даже, если бы эти обѣщанія были вполнѣ искренни, гдѣ у насъ гарантія, что ихъ исполнятъ, что отъ нихъ не откажутся, какъ въ свое время отказались отъ сербо-болгарскаго договора? Наконецъ, если бы даже Россія оказалась вѣрною до конца своему слову, кто намъ поручится, что ея рѣшенію подчинятся сербы?.. При такихъ условіяхъ,—заключаютъ болгары,—мы не можемъ довольствоваться голыми обѣщаніями, какъ бы они ни казались заманчивыми и щедрыми. Намъ нужна «реальная гарантія», каковою можетъ быть формальное разрѣшеніе теперь же, предварительно, занять болгарскими войсками Македонію»...

Эти аргументы падаютъ на благодарную почву и оказываютъ

свое дѣйствіе. Даже сравнительно умѣренные и благоразумные элементы, даже патентованные руссофилы поддаются ихъ вліянію. Поскольку въ нихъ сказывается настроеніе, несомнѣнно существующее—пожалуй, даже, преобладающее—въ извѣстной политической средѣ, они, конечно, имѣютъ свое значеніе. Но это значеніе преимущественно отраженное. Сами по себѣ они не выдерживаютъ серьезной критики, тѣмъ болѣе, что то недовѣріе къ Россіи, выраженіемъ котораго они являются, ограничивается, въ сущности, болгарскою интеллигенціею и полуинтеллигенціею. Широкая народная масса и теперь чужда его. Да и среди интеллигенціи это недовѣріе не идетъ такъ далеко, чтобы распространяться на все тройственное «соглашеніе»! Обѣщанія Россіи давно уже контрасигнованы ея союзниками, Франціею и, особенно, Англіею, престижъ которой на Балканахъ и, въ частности, въ Болгаріи остается во всей своей былой силѣ. Такъ что съ этой стороны все обстоитъ благополучно: гарантія—на-лицо, и, повидимому, вполнѣ достаточная. Что же касается предполагаемаго упрямства Сербіи, которая не захочетъ подчиниться совѣтамъ русско-англо-французскаго ареопага, то это опасеніе крайнихъ сербофобовъ едва-ли раздѣляется отвѣтственными болгарскими политиками.

Болѣе реальнымъ основаніемъ выжидательной политики представляется истощеніе страны, усталость послѣ двухъ тяжелыхъ войнъ. На этотъ мотивъ часто ссылаются и самые искренніе руссофилы, не только за страхъ, но и за совѣсть болѣющіе душою подъ тяжестью упрековъ, идущихъ по болгарскому адресу изъ Россіи. И онъ, несомнѣнно, имѣетъ свое значеніе. Страна, дѣйствительно, устала. Ея рессурсы, и общіе, и технически-военные, дѣйствительно, растрачены. Она понесла массу жертвъ и тяжкихъ лишеній всякаго рода. При такихъ условіяхъ перспектива новой войны не можетъ не пугать, не казаться ужасною. И тѣ, кто сознаетъ, или хотя бы чувствуетъ, этотъ ужасъ, естественно, хотятъ покоя и отдыха, мечтаютъ о «нейтралитетѣ до конца», пугаются одной мысли о возможности его нарушенія. Такимъ настроеніемъ охвачены широкіе общественные круги. Оно преобладаетъ въ провинціи, господствуетъ въ деревнѣ, которая по традиціи сочувствуетъ Россіи и отъ души желаетъ ей успѣховъ и побѣды, но которая не хочетъ и слышать о какихъ бы то ни было «авантюрахъ», хочетъ одного,—чтобы ее оставили въ покоѣ.

Но въ томъ-то и бѣда, что это настроеніе, рѣшительно господствующее въ народныхъ массахъ, далеко не раздѣляется политиканствующею интеллигенціею. И болѣе всего чужды ему именно тѣ націоналистическіе элементы, на которые опираются и которыми

пользуются, какъ своимъ орудіемъ, правящіе круги. Тутъ, напротивъ, бросается въ глаза избытокъ силъ и энергіи, яркая неудовлетворенность, громко требующая смѣлаго и немедленнаго дѣйствія съ цѣлью возстановленія попранной въ Букарестѣ справедливости и скорѣйшаго осуществленія «національныхъ идеаловъ». Тутъ все кипитъ страстью борьбы и риска; раздаются угрозы по адресу противниковъ и соперниковъ; слышатся горячіе призывы къ мести; ведется настойчивая агитація въ пользу смѣлыхъ выступленій: оккупаціи Македоніи, Добруджи и т. п. Тутъ, очевидно, совершенно не чувствуютъ усталости, не считаются съ истощеніемъ силъ и т. п. Въ этой сферѣ—а она, повторяю, и является въ данномъ случаѣ рѣшающею—и усталость, и истощеніе фигурируютъ скорѣе, какъ удобный предлогъ, чѣмъ какъ реальный мотивъ. Во всякомъ случаѣ, въ нихъ, очевидно, не видятъ какого-нибудь непреодолимаго препятствія къ активному выступленію, если послѣднее кажется выгоднымъ и своевременнымъ. Все, значитъ, сводится къ тому, каково должно быть это выступленіе для того, чтобы признать его возможнымъ, чтобы даже на немъ настаивать, его требовать.— Оккупація Македоніи? Превосходно! Болгарскіе націоналисты готовы на нее хоть сейчасъ. И если они къ ней не приступаютъ, то не потому, чтобы этому мѣшали усталость и истощеніе, а потому, что при данныхъ обстоятельствахъ это могло бы повлечь за собою слишкомъ опасныя усложненія дипломатическаго и политическаго характера. Дружественный нейтралитетъ по отношенію къ Сербіи? Никоимъ образомъ! И опять-таки не изъ-за истощенія и усталости—такой нейтралитетъ никакими непосредственными опасностями Болгаріи и не грозилъ бы,—а только потому, что это означало бы переходъ Болгаріи на сторону тройственнаго «соглашенія». А къ такому переходу Болгарія еще не готова,—не готова политически и дипломатически, а не физически.

Наконецъ, въ оппозиціонныхъ кругахъ нерѣдко приходится слышать и такое, специфически партійное объясненіе упорнаго нежеланія болгарскаго правительства даже обсуждать вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ Болгарія могла бы открыто пойти съ «соглашеніемъ». «Правительство либеральной концентраціи,—говорятъ вамъ,—было призвано ко власти, какъ правительство открыто и послѣдовательно австрофильское. Австрофильская программа—его единственный *raison d'être*. Отказъ отъ этой программы для него равносиленъ самоубійству,—для него и для партій, на которыя оно опирается»...

А иные идутъ еще дальше и шепотомъ прибавляютъ: «Правительство не можетъ идти съ «соглашеніемъ», потому что оно

связано совершенно опредѣленными ангажементами съ тройственнымъ союзомъ»...

Сказать правду, этимъ соображеніямъ—особенно въ послѣдней редакціи—я придаю минимальное значеніе. Они слишкомъ отзываются специфически болгарскою партійностью, чтобы относиться къ нимъ серьезно. Къ тому же за ними нѣтъ и объективно установленныхъ фактовъ, если не считать знаменитаго «письма 23 го іюня», отправленнаго царю Фердинанду тремя лидерами нынѣ правящей либеральной коалиціи. Этому письму, въ которомъ рѣшительно осуждается русская политика и Болгаріи настойчиво рекомендуется единственно спасительная политика сближенія съ Австріею, принято придавать характеръ цѣлой программы. Въ сущности, это значитъ оказывать ему слишкомъ много чести. Это не столько программа, сколько бутада, до извѣстной степени объясняемая обстоятельствами, при которыхъ она была произнесена. «Письмо 23-го іюня было написано въ моментъ, когда самъ Даневъ, шефъ болгарскихъ руссофиловъ, призналъ свою руссофильскую политику «обанкротившеюся»; когда всѣ въ Болгаріи винили Россію и въ отказѣ Сербіи отъ договора, и въ нашествіи румынъ и, вообще, во всѣхъ бѣдахъ, обрушившихся тогда на несчастную страну. Авторы письма лишь придали положительно австрофильскую форму этому отрицательному руссофильскому настроенію. И сдѣлали они это не столько потому, что повиновались глубокому внутреннему убѣжденію, сколько потому, что такое выступленіе сулило имъ власть.

Какъ извѣстно, они не ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Мѣсто ушедшаго Данева было скоро занято кабинетомъ «либеральной концентраціи», въ которомъ тремъ авторамъ письма принадлежала руководящая роль. Цѣль была достигнута, и, повидимому, все на этомъ и окончилось. Никакихъ «формальныхъ ангажементовъ» съ Австріею могло не послѣдовать и, надо думать, не послѣдовало. Министерскіе посты принесли съ собою и фактическую освѣдомленность, притуплявшую руссофобскіе предразсудки, и сознаніе отвѣтственности, ограждавшее отъ авантюръ. И, сама собою, политика «сближенія съ Австріею» смѣнилась политикою «нейтралитета», сначала, можетъ быть, и припахивавшаго австрофильскимъ душкомъ, но постепенно превратившагося въ тотъ «честный, лойяльный и строгій» нейтралитетъ, котораго правительство Радославова придерживается и по сей день.

Итакъ, есть полное основаніе думать, что никакихъ «формальныхъ ангажементовъ» съ Австріею у болгарскаго правительства нѣтъ. Что же тогда остается? Моральный ангажементъ? Партійная программа? Декларацiи оффиціозовъ? Все это, конечно, имѣется, и

имѣется въ болѣе, чѣмъ достаточномъ, количествѣ. Но какой же «реальный политикъ» будетъ придавать этимъ невѣсомымъ цѣнностямъ рѣшающее значеніе въ практической политикѣ? Особенно въ Болгаріи, гдѣ «политическій реализмъ» обрѣтается въ такомъ почетѣ у всѣхъ партій. И, конечно, Радославовъ, Геннадіевъ и Топчевъ—реалисты не хуже другихъ. Практическій интересъ для нихъ важнѣе «программнаго доктринерства», и, если понадобится, они безъ всякаго колебанія подчинятъ ему и свои партійные интересы, и свои личные руссофобскіе предразсудки. Наконецъ, при всемъ своемъ руссофобствѣ они, все-таки, остаются прежде всего болгарскими патріотами. И если бы очевидный національный интересъ потребовалъ разрыва съ любезной сердцу Австріей и перехода на сторону нелюбимой Россіи, они, конечно, нашли бы въ себѣ достаточно патріотизма, чтобы принести ему и эту жертву. Если они не сдѣлали этого до сихъ поръ, то только потому, что еще не убѣждены въ своевременности такой жертвы, въ ея выгодности или необходимости...

Такимъ образомъ, всѣ объясненія болгарской пассивности, даваемыя самими болгарами, приходится признать недостаточными. Ни «ненависть къ Сербіи», ни «усталость и истощеніе» послѣ двухъ тяжелыхъ войнъ, ни «недовѣріе къ Россіи» или «нищенскій характеръ» обѣщаемыхъ ею компенсацій, ни, наконецъ, формальные или, хотя бы, моральные «ангажементы», которые связывали бы настоящее болгарское правительство съ Австріею и австрофильскою политикою, не исчерпываютъ вопроса о причинахъ болгарскаго безучастія. Все это мотивы болѣе или менѣе частичнаго характера, могущіе казаться рѣшающими лишь для той или иной среды, для тѣхъ или иныхъ общественныхъ и политическихъ круговъ. Ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ секретомъ всеобщей убѣдительности, не отвѣчаетъ общеболгарской психологіи. Въ ней остается кое-что, чего они не покрываютъ даже въ своей совокупности. Это нѣчто есть страхъ передъ неизвѣстностью, боязнь риска, связанная съ отсутствіемъ увѣренности въ томъ или иномъ исходѣ великой міровой войны.

Никто не обладаетъ такою увѣренностью, и всякій боится прогадать, соединивъ свою судьбу съ судьбою одной изъ воюющихъ сторонъ. А вдругъ именно она окажется побѣжденною! Отъ этого страха не свободенъ никто. Всѣ, безъ различія партій и направленій, симпатій и предубѣжденій, отдаютъ ему сознательную или безсознательную дань. Даже самые искренніе руссофилы, люди вполнѣ убѣжденные въ томъ, что «интересы Болгаріи тождественны съ интересами ея освободительницы», что «болгарскія ружья не стрѣ-

ляютъ противъ русскихъ», и что, поэтому, «смѣшно даже спрашивать, съ кѣмъ, съ Австріею или съ Россіею, пойдетъ, въ концѣ концовъ, болгарскій народъ»,—даже они предпочли бы, чтобы этотъ рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, дѣйствительно, «въ концѣ концовъ», чтобы онъ былъ отложенъ до того момента, когда шансы побѣдителя—само собою, Россіи—опредѣлятся вполнѣ. Съ другой стороны, даже тѣ, «реальные политики», которые прекрасно понимаютъ, что «безъ услугъ нѣтъ и награды», и что, поэтому, злоупотребленіе выжидательною тактикою таитъ въ себѣ опасность «пропущеннаго момента» и, значитъ, «утерянныхъ компенсацій», даже они предпочитаютъ рискъ ожиданія риску смѣлаго и, можетъ быть, преждевременнаго выступленія. Въ этомъ всеобщемъ страхѣ, какъ бы не проґадать, и лежитъ разгадка неизмѣнной популярности, которою пользуется во всѣхъ слояхъ болгарскаго общества и народа пресловутая политика нейтралитета,—«строгаго и лойяльнаго нейтралитета», какъ здѣсь принято выражаться. Въ немъ же объясненіе того всеобщаго и страстнаго раздраженія, которое вызываетъ здѣсь всякій намекъ на «авантюру», которымъ неизмѣнно встрѣчаютъ широкіе общественные круги суетливую агитацію націоналистовъ, даже когда предметомъ ея является «оккупація Македоніи», о которой всѣ мечтаютъ, но которую никто почти не мыслитъ иначе, какъ «съ разрѣшенія великихъ державъ»...

Въ немъ, наконецъ, надо видѣть главную причину тѣхъ колебаній и поворотовъ въ общественномъ настроеніи, которые приходится отмѣчать здѣсь въ связи съ колебаніями и поворотами военнаго счастья во Фландріи, въ Галиціи или Польшѣ. Успѣваютъ нѣмцы, и мѣстные австрофилы поднимаютъ голову: желтая и націоналистическая печать усиливаетъ свой вой противъ Россіи, громче и восторженнѣе поетъ гимны Австріи и настойчивѣе требуетъ отъ своего правительства смѣлыхъ выступленій въ защиту болгарскихъ національныхъ интересовъ. Успѣваютъ союзники, и боевики австрофильства поджимаютъ хвостъ, и ихъ злобные вопли начинаютъ заглушаться славословіями руссофиловъ, восхваляющихъ русскую доблесть и требующихъ отъ правительства поскорѣе столковаться съ Россіею объ условіяхъ совмѣстнаго выступленія противъ общаго врага, въ защиту славянства и Болгаріи. И всякіе такіе повороты въ общественномъ настроеніи неизмѣнно совпадаютъ съ соотвѣтствующими оборотами военнаго счастья на поляхъ битвъ. Сами болгары, можетъ быть, и не замѣчаютъ этой любопытной зависимости, но стороннимъ наблюдателямъ болгарской жизни она бросается въ глаза. Иные ее одну и видятъ, ей одной и придаютъ рѣ-

шающее значеніе для опредѣленія характера и направленія болгарской политики. «Напрасно ваша дипломатія старается, — говорилъ мнѣ недавно одинъ изъ такихъ наблюдателей.—Никакими обѣщаніями и никакими угрозами не удастся ей выманить Болгарію изъ ея нейтралитета, пока ваши войска не одержатъ, наконецъ, рѣшительной побѣды надъ нѣмцами. А тогда дѣло сладится само собою. Болгарія пойдетъ съ вами и безъ вашихъ уговариваній»...

Это, можетъ быть, сказано слишкомъ категорично; но извѣстная доля правды тутъ, несомнѣнно, есть. Боязнь риска если и не опредѣляетъ собою всей болгарской психологіи, то, во всякомъ случаѣ, входитъ въ нее однимъ изъ постоянныхъ и важныхъ элементовъ. И съ этимъ надо будетъ считаться, пока не опредѣлятся шансы побѣды въ великой воинѣ.

Но не будетъ ли тогда поздно? спроситъ читатель. Не упадетъ ли тогда и цѣна болгарскаго выступленія на политической биржѣ? Увы, это—тотъ фатальный вопросъ, передъ которымъ уже и теперь стоитъ въ недоумѣніи «болгарскій нейтралитетъ»...

Но тутъ мы вступаемъ въ область практической политики, которая не входитъ въ рамки нашей статьи.

И. КАЛИНА.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

— Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ Изданіе министерства юстиціи, три тома. (Петроградъ, 1914).
— А. Ѳ. Кони. Отцы и дѣти судебной реформы. Къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ (1914).
— Исторія русской адвокатуры. Томъ первый. I. В. Гессенъ. Адвокатура, общество и государство. Изданіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ (Москва, 1914).
— Г. А. Джаншіевъ. Сборникъ статей. Къ юбилею судебной реформы. Подъ редакціей В. П. Обнинскаго (Москва, 1914).
— П. Н. Обнинскій. Сборникъ статей. Къ юбилею судебной реформы. Подъ редакціей В. П. Обнинскаго (Москва, 1914).

Въ нашу литературу, оскудѣвшую подъ вліяніемъ войны, исполнившееся въ ноябрѣ прошлаго года пятидесятилѣтіе судебныхъ уставовъ внесло временное, но весьма замѣтное оживленіе. Каждая изъ посвященныхъ ему или вызванныхъ имъ книгъ, поименованныхъ

выше, можетъ считаться цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго суда — цѣннымъ, конечно, въ различной степени и съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Остановимся прежде всего на монументальномъ, по объему, изданіи министерства юстиціи. Комиссія, имъ завѣдывавшая, старалась, — какъ видно изъ предисловія, — «сочетать серьезность научнаго изслѣдованія, коимъ обусловлена и полная свобода критики, съ доступностью литературнаго изложенія». Авторы статей, вошедшихъ въ составъ изданія, «старались избѣгать полемики и не входили въ разборъ различныхъ контроверзъ при изложеніи и обсужденіи различныхъ сторонъ нашего судебнаго строя и процессуальныхъ порядковъ... Первымъ десятилѣтіямъ послѣ реформы въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ отведено болѣе широкое мѣсто, нежели тѣмъ, которые ближе къ нашему времени. То, что служитъ еще злобою дня, не есть достояніе исторіи. Время для оцѣнки этихъ явленій еще не наступило. Это—область публицистики, а не исторіи». Цѣль изданія опредѣлена такъ: «изобразить съ возможною полнотою причины и ходъ судебной реформы, а равно примѣненіе судебныхъ уставовъ и развитіе или измѣненіе институтовъ нашего процессуальнаго права въ теченіе истекшаго пятидесятилѣтія».

Итакъ, изданіе министерства юстиціи, по мысли его руководителей и составителей, должно было дать русскому обществу — или русскому юридическому міру—*исторію* судебныхъ уставовъ, и притомъ исторію *научную*, написанную съ *полной свободой критики*. Возможно ли, однако, исполненіе такой задачи, разъ-что она ставится правительственнымъ вѣдомствомъ, и притомъ однимъ изъ тѣхъ, которыя играли—и больше чѣмъ когда-либо играютъ теперь—боевую роль въ нашей государственной жизни? Возможно ли безпристрастное изложеніе, тѣмъ болѣе—безпристрастная оцѣнка, когда рѣчь идетъ о прошломъ, такъ тѣсно связанномъ съ настоящимъ? *Злобою дня*, которую составители разбираемой книги вознамѣрились устранить изъ своего труда, является на каждомъ шагу *примѣненіе*, *измѣненіе*, *развитіе* процессуальныхъ порядковъ, — и все это должно быть изображено на пространствѣ цѣлаго пятидесятилѣтія. Правда, въ предисловіи сдѣлана попытка провести демаркаціонную черту между болѣе отдаленными десятилѣтіями, служащими *достояніемъ исторіи*, и болѣе близкими, входящими въ сферу *публицистики*; но во что же обращается, въ такомъ случаѣ, обѣщанная, безъ пріуроченія къ опредѣленному времени, *возможная полнота*?... Если въ предисловіи, на протяженіи нѣсколькихъ страницъ, нетрудно подмѣтить столь рѣзкія противорѣчія, то не объясняется ли это именно отсутствіемъ гармоніи между свой-

ствомъ предпріятія и положеніемъ его исполнителей? Одно изъ двухъ: или составленіе *исторіи* судебныхъ уставовъ слѣдовало поручить учрежденію, стоящему въ сторонѣ отъ политической борьбы [1]), напр. ученому обществу или коллегіи профессоровъ, выбранныхъ юридическими факультетами университетовъ,—или же министерство юстиціи должно было взять на себя изготовленіе ихъ *лѣтописи,* т.-е. изготовленіе исчерпывающе полнаго обзора внѣшнихъ событій въ жизни новаго суда: законодательныхъ актовъ, съ ихъ мотивами и послѣдующими разъясненіями, неосуществившихся законопроектовъ, важнѣйшихъ административныхъ мѣръ, статистическихъ данныхъ по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ судебной дѣятельности. Настоящее изданіе нельзя подвести ни подъ ту, ни подъ другую норму. Подробный разборъ всѣхъ его частей, весьма различныхъ по характеру и далеко не равноцѣнныхъ, вышелъ бы за предѣлы журнальной замѣтки; я ограничусь нѣсколькими примѣрами, подтверждающими сказанное выше.

Одною изъ лучшихъ частей сборника, несомнѣнно, слѣдуетъ признать статью барона А. Э. Нольде: «Отношенія между судебной и административной властями и судьба основныхъ началъ судебныхъ уставовъ въ позднѣйшихъ законодательствахъ». Она отличается и сравнительной полнотой, и сравнительной независимостью сужденій. И въ ней, однако, нетрудно замѣтить немаловажные дефекты. Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Судебно-административная реформа 1889 г.», остается необъясненнымъ, какимъ образомъ министръ юстиціи Н. А. Манассеинъ обратился изъ противниковъ реформы въ ея сторонника. На стр. 693—694 (т. II) изложены его возраженія противъ проекта гр. Д. А. Толстого, а на стр. 697 мы видимъ его уже въ составѣ меньшинства, высказавшагося за этотъ проектъ. Трудно предположить, чтобы въ архивахъ министерства юстиціи не сохранилось данныхъ, которыя могли бы бросить нѣкоторый свѣтъ на это превращеніе. Другой, еще болѣе существенный пробѣлъ можно было бы пополнить и безъ справки въ архивахъ. Когда въ 1894 г., по иниціативѣ министра юстиціи Н. В. Муравьева, предпринятъ былъ пересмотръ судебныхъ уставовъ, первый отдѣлъ учрежденной съ этой цѣлью комиссіи былъ названъ «отдѣломъ мѣстныхъ учрежденій», и въ кругъ его задачъ было включено разсмотрѣніе вопроса о томъ, «не нужно ли измѣнить постановку судебной части въ новыхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ» (т.-е. судебную компетенцію земскихъ начальниковъ). Прошло около

[1]) Таково, если я не ошибаюсь, было мнѣніе меньшинства Госуд. Думы, когда разсматривался вопросъ объ ассигнованіи средствъ на настоящее изданіе.

года—и этотъ вопросъ исчезъ изъ программы комиссіи; первый отдѣлъ получилъ наименованіе «отдѣла общихъ вопросовъ», которое прежде носилъ упраздненный теперь отдѣлъ пятый, и объ измѣненіи положенія 12 іюня 1889 г. не было больше и рѣчи [1]). Въ статьѣ барона Нольде не только не разъяснена причина этого поворота, но о немъ даже вовсе не упомянуто. А между тѣмъ, неужели не интересно было бы узнать, что̀ отсрочило на цѣлыхъ двадцать лѣтъ устраненіе одного изъ самыхъ тяжкихъ золъ, постигшихъ русское крестьянство?.. Напрасно было бы искать въ статьѣ бар. Нольде, да и въ другихъ статьяхъ сборника, исторіи того законодательнаго акта, которымъ возвѣщенъ конецъ судебной власти земскихъ начальниковъ. Правда, законъ 1912 г. о мѣстномъ судѣ относится къ тому недавнему времени, которое, съ точки зрѣнія составителей сборника, входитъ въ область публицистики; но что сказать о картинѣ, въ которой не нашлось мѣста для событія первостепенной важности только потому, что оно слишкомъ близко къ «злобѣ дня»? Развѣ нельзя было изложить главные фазисы въ движеніи закона, не касаясь вызванныхъ имъ «контроверзъ», но отмѣчая такіе крупные факты, какъ сохраненіе сословнаго крестьянскаго суда, вопреки первоначальному мнѣнію министерства юстиціи, вопреки рѣшенію Госуд. Думы? Въ тѣхъ границахъ, къ которымъ оно сведено, изданіе министерства юстиціи перестаетъ быть тѣмъ, что̀ обѣщаетъ его заглавіе: обзоромъ пятидесятилѣтняго существованія судебныхъ уставовъ.

Къ числу наиболѣе интересныхъ и полныхъ отдѣловъ статьи барона Нольде принадлежатъ тѣ, которые касаются несмѣняемости судей и гласнаго суда; они существенно пополняютъ сказанное по этому предмету въ статьяхъ г. Лазаренко объ основныхъ началахъ судоустройства (т. I, стр. 408—442) и г. Ширкова объ общихъ основаніяхъ нашего уголовнаго процесса (т. I, стр. 598—602). Но имъ недостаетъ одного, весьма существеннаго элемента: статистическихъ данныхъ. Баронъ Нольде привелъ много отдѣльныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ дѣятельность высшаго дисциплинарнаго присутствія и могущихъ служить оправданіемъ закона 20-го мая 1885 г.; но онъ не даетъ свѣдѣній о томъ, сколько разъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, это присутствіе воспользовалось предоставленною ему властью. Не приведено у него и такихъ постановленій присутствія, которыя могли бы освѣтить оборотную сторону медали,—а на мысль о существованіи такой стороны наводитъ многое въ статьѣ барона Нольде.

---

[1]) См., внутреннія обозрѣнія въ №№ 10 „Вѣстн. Евр.“ за 1894 г. и № 1 за 1897 г.

Не освѣщено цифрами и примѣрами и значеніе чрезвычайнаго права, предоставленнаго министру юстиціи закономъ 1887-го года по предмету закрытія дверей засѣданія.

Въ составѣ сборника нѣтъ отдѣла, въ которомъ была бы послѣдовательно изложена внѣшняя исторія судебныхъ уставовъ. Для ознакомленія съ нѣкоторыми ея періодами приходиться, поэтому, обращаться къ разнымъ статьямъ—и все-таки не всегда находить въ нихъ искомое. Нельзя, напримѣръ, составить себѣ полнаго понятія о дѣятельности комиссіи Н. В. Муравьева, роль которой такъ характерна и такъ важна для пониманія теченій, долго тяготѣвшихъ и до сихъ поръ, отчасти, тяготѣющихъ надъ жизнью русскаго суда. Въ статьѣ г. Мокринскаго о судѣ присяжныхъ (т. II, стр. 157) сказано, что рѣшительный поворотъ въ отношеніи оффиціальныхъ сферъ къ присяжному суду наступилъ въ 1894 г., послѣ созваннаго Н. В. Муравьевымъ совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ. Это не точно: уже послѣ совѣщанія, въ 1895 и 1896 г.г., особенно обострился походъ противъ суда присяжныхъ, и прекращеніе—или замираніе его—можно отнести лишь къ концу 1896 г., когда вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи комиссіи... Совершенно обойдены молчаніемъ предположенія комиссіи объ учрежденіи присяжныхъ особаго состава, до сихъ поръ сохраняющія нѣкоторое значеніе, такъ какъ по-прежнему продолжаетъ существовать судъ съ участіемъ сословныхъ представителей.

Что изданіе министерства юстиціи не обошлось безъ полемики и «контроверзъ»—объ этомъ свидѣтельствуетъ въ особенности статья Э. И. Берендтса: «Связь судебной реформы съ другими реформами императора Александра II» (т. I, стр. 286 сл.). Уже въ самомъ ея началѣ встрѣчаются выраженные докторальнымъ тономъ афоризмы весьма спорнаго характера. «Абсолютная монархія не препятствуетъ ни безпристрастному, ни скорому, ни даже гласному суду... Напротивъ, неограниченная власть монарха только и можетъ быть твердой, если законъ, какъ выраженіе воли самодержавной верховной власти, имѣетъ своимъ проводникомъ судъ независимый и сообразующійся исключительно съ волею самодержца, воплотившеюся въ словахъ закона». Нѣсколько дальше авторъ полемизируетъ заднимъ числомъ съ «прогрессистами» шестидесятыхъ годовъ, объясняя ихъ сочувствіе суду присяжныхъ, между прочимъ, возможностью для послѣднихъ оправдывать подсудимаго даже при доказанности совершеннаго имъ преступнаго дѣянія—и забывая, что такую возможность еще недавно признавали и одобряли высокопоставленныя должностныя лица, ничего общаго съ «прогрессистами» не имѣющія. Какъ и нововременскій фельетонистъ, онъ подчеркиваетъ,

въ пику давно сошедшимъ со сцены «радикаламъ», что многіе дѣятели судебной реформы вышли изъ старыхъ дворянскихъ гнѣздъ и привилегированныхъ учебныхъ заведеній. Связь между «лжеученіями» и пожарами начала 60-хъ годовъ г. Берендтсъ принимаетъ какъ нѣчто не требующее доказательствъ. Столь же несомнѣнна въ его глазахъ зловредность открытыхъ въ то время и почти тотчасъ же закрытыхъ воскресныхъ школъ. Въ главѣ объ отношеніи суда къ печати г. Берендтсъ цитируетъ рѣчь прокурора спб. судебной палаты по дѣлу Жуковскаго и Пыпина и соглашается съ нимъ, что суду въ дѣлахъ печати приходится оцѣнивать не только субъективную виновность подсудимыхъ, но и «объективный вредъ, который даннымъ произведеніемъ печати можетъ быть нанесенъ общежитію». Отличается ли все это обѣщанною въ предисловіи «серьезностью научнаго изслѣдованія»?.. Свободна ли отъ контроверзъ послѣдняя страница въ статьѣ И. Г. Щегловитова: «Новыя попытки измѣнить постановку присяжнаго суда въ Западной Европѣ» (т. II, стр. 160—196), гдѣ онъ столь же коротко, какъ и категорично, рѣшаетъ вопросъ о непригодности суда присяжныхъ къ дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ и о преступленіяхъ печати? Весьма мало согласуется съ общими началами, высказанными въ предисловіи, и статья Е.В.Васьковскаго: «Адвокатура» (стр. 250—280). Собственно исторіи адвокатуры, со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, посвящены здѣсь только двѣ страницы (258—260); затѣмъ идетъ критика организаціи адвокатуры, не столько въ Россіи, сколько въ Западной Европѣ, при чемъ проводится излюбленная мысль автора о необходимости ввести у насъ раздѣленіе адвокатовъ на двѣ категоріи, соотвѣтствующія французскимъ avocats и avoués или англійскимъ barristers и sollicitors (это не контроверза?). Чтобы подтвердить эту мысль, автору нужно доказать прогрессирующую деморализацію адвокатовъ. И съ этимъ онъ справляется весьма быстро, но какъ? Съ одной стороны—цифрами дисциплинарныхъ взысканій, наложенныхъ, въ теченіе *одного* года, *шестью* (изъ девяти) совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ; съ другой—приведеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ совѣты черезчуръ снисходительно отнеслись къ осужденнымъ ими присяжнымъ повѣреннымъ. Первый способъ доказательства очень мало убѣдителенъ: цифры взяты только за одинъ годъ, и самыя взысканія не сгруппированы по степени ихъ тяжести. Сколько бы ни было сдѣлано предостереженій и даже выговоровъ, свидѣтельствовать о «деморализаціи» сословія—или какой-нибудь его части—они не могутъ; о ней можно было бы говорить, и то лишь съ большими оговорками (основанными на формулѣ: «въ семьѣ не безъ урода»), только при значительномъ учащеніи такихъ

тяжкихъ взысканій, какъ временное запрещеніе практики и исключеніе изъ сословія. Второй способъ доказательства сводится къ нулю ничтожнымъ числомъ фактовъ, извлеченныхъ г. Васьковскимъ изъ совѣтскихъ отчетовъ: ихъ всего четырнадцать, и изъ нихъ больше половины (8) касаются казанскаго совѣта. Изъ харьковскаго отчета взято два факта, изъ остальныхъ четырехъ отчетовъ — по одному. Этимъ путемъ ничего доказать нельзя не только въ «серьезномъ научномъ изслѣдованіи», но даже въ газетной статьѣ.

Заканчивая неизбѣжно неполный отзывъ объ изданіи министерства юстиціи, я считаю долгомъ указать на одно безспорное его достоинство: проведенное во многихъ статьяхъ съ большою полнотою сравненіе нашихъ судебныхъ уставовъ съ западно-европейскими процессуальными кодексами, какъ дѣйствовавшими въ 60-хъ годахъ, такъ и современными.

Какъ нельзя болѣе кстати вышла въ свѣтъ, ко дню пятидесятилѣтія судебныхъ уставовъ, книга А. Ѳ. Кони: «Отцы и дѣти судебной реформы», изящно изданная, украшенная художественно-исполненными портретами. Въ ея составъ вошли характеристики судебныхъ дѣятелей, заимствованныя изъ другихъ, раньше появившихся сборниковъ статей А. Ѳ. Кони; но, соединенныя вмѣстѣ, онѣ производятъ особенно сильное впечатлѣніе, бросаютъ особенно яркій свѣтъ на цѣлую эпоху. Эта эпоха между нами давно стала достояніемъ исторіи; немного осталось ея свидѣтелей, единицами считаются участники ея работъ, не сошедшіе еще со сцены. Тѣмъ болѣе дорого свидѣтельство одного изъ ея «дѣтей» («отцовъ» больше нѣтъ на свѣтѣ), обладающаго даромъ художественнаго воспроизведенія лицъ, людей и событій. При жизни далеко не всѣ «отцы» судебной реформы были оцѣнены по достоинству. По-истинѣ трагической была судьба тѣхъ изъ нихъ, передъ которыми были закрыты открытыя ими для другихъ двери; инымъ пришлось прервать съ любовью и успѣхомъ начатое дѣло и если не безмолвно, то безсильно смотрѣть на постепенную его порчу; другіе, привыкшіе вести, лицомъ къ лицу, борьбу за право, должны были заканчивать свой вѣкъ въ отстаиваніи, бумажнымъ путемъ и среди глубокой тайны, безпрестанно нарушаемаго закона. Если имъ будетъ уплачена потомствомъ часть долга, въ которомъ, безъ вины виноватые, остались передъ ними современники, то это будетъ, въ значительной степени, заслугой А. Ѳ. Кони. Статьи, посвященныя имъ С. И. Зарудному, Н. И. Стояновскому, В. А. Арцимовичу—настоящіе памятники, воздвигнутые на ихъ могилахъ. И можно только

порадоваться тому, что они соединены теперь на одномъ общемъ кладбищѣ.

Между біографіями «отцовъ судебной реформы» всего замѣчательнѣе, какъ и слѣдовало ожидать, тѣ, въ которыя внесено авторомъ всего больше личныхъ воспоминаній. Слова историка звучатъ съ удвоенной силой, когда они являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, словами друга. Недаромъ въ книгѣ А. Ѳ. Кони занимаетъ всего больше мѣста статья о Д. А. Ровинскомъ; недаромъ ею и начинается книга. А. Ѳ. часто вспоминаетъ слова поэта: «тебя, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ». Д. А. Ровинскій былъ его первой любовью въ судебномъ мірѣ; онъ встрѣтился съ нимъ почти при самомъ вступленіи на новую дорогу—новую не только для нихъ обоихъ, но и для всей Россіи. И А. Ѳ. Кони сохранилъ на всю жизнь неизгладимый слѣдъ этой встрѣчи. Много лѣтъ спустя ихъ опять соединила общая работа въ сенатѣ, и близость къ Ровинскому позволила А. Ѳ. узнать и оцѣнить въ немъ не только своеобразно глубокаго юриста, не только рѣдко добраго и правдиваго человѣка, но и выдающагося дѣятеля въ области искусства. Много чувства вложено А. Ѳ. и въ біографіи Н. И. Стояновскаго и В. А Арцимовича. Какъ тонко и какъ горячо, напримѣръ (стр. 116—117), онъ защищаетъ перваго отъ недружелюбныхъ замѣчаній, предметомъ которыхъ онъ бывалъ иногда въ концѣ своей жизни—и съ какою нѣжною чуткостью рисуетъ нравственный обликъ второго! Послѣднія строки статьи объ Арцимовичѣ—настоящее стихотвореніе въ прозѣ.

Вновь написаны для книги А. Ѳ. Кони небольшое предисловіе, объясняющее цѣль ея изданія, и обширное послѣсловіе, изображающее, въ сжатыхъ чертахъ, судьбы судебныхъ уставовъ со времени ихъ изданія до настоящей минуты. Какъ много печальнаго въ этихъ судьбахъ, какъ много понесено потерь и какъ мало сдѣлано пріобрѣтеній, какъ далеко еще и теперь хотя бы до простого возстановленія величавой постройки, возведенной полвѣка тому назадъ—это показано авторомъ съ большою яркостью. Неполнымъ кажется намъ только послѣдній отдѣлъ ретроспективнаго обзора, касающійся уже не судебныхъ уставовъ, а тѣхъ, отъ кого зависитъ ихъ примѣненіе. А. Ѳ. Кони видитъ, что «въ общемъ личный составъ судебныхъ учрежденій уже не тотъ, исполненный энергіи и горделивой вѣры въ свое дѣло составъ шестидесятыхъ и первой половины семидесятыхъ годовъ; кое-гдѣ въ новые мѣха просачивалось старое вино, кое-кто преждевременно устаетъ и утрачиваетъ широту и независимость взглядовъ; органическая связь между отдѣльными судебными учрежденіями слабѣетъ, рутина то тамъ, то тутъ пытается

усѣсться на мѣстѣ живого дѣла, быстрота производства замѣняетъ глубину и достоинство спокойствія; иногда служеніе призванію уступаетъ стремленію къ служебному повышенію; чуждая правосудію злоба дня просачивается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ отправленіе послѣдняго, и подчасъ образъ судебнаго дѣятеля затемняется образомъ судейскаго чиновника»... Намѣтивъ идеальные типы судьи, и обвинителя и защитника, указавъ необходимость правильнаго и вдумчиваго обращенія съ обвиняемыми, потерпѣвшими и свидѣтелями, уваженія къ наукѣ и къ свободѣ слова, стойкости въ борьбѣ за правосудіе, авторъ констатируетъ растущее въ послѣднее время противорѣчіе между тѣмъ, что̀ должно быть, и тѣмъ, что̀ есть. Все это совершенно вѣрно; но достаточно ли освѣщены причины противорѣчія, омрачающаго настоящее и внушающаго опасенія за будущее? А. Ѳ. Кони упоминаетъ вскользь о «вліяніи нѣкоторыхъ явленій, крайне нежелательныхъ въ процессуальной практикѣ и весьма прискорбныхъ въ служебныхъ отношеніяхъ»; но что это за вліянія—остается невыясненнымъ. Читатель «послѣсловія», если онъ мало знакомъ съ современною политическою жизнью, можетъ подумать, что главный источникъ упадка судебныхъ нравовъ—«не разъ подмѣченная особенность русскаго общества быстро нагрѣваться, но не долго хранить въ себѣ пріобрѣтенный жаръ». Эта особенность несомнѣнно существуетъ, не разъ—напр. въ половинѣ семидесятыхъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ,—она давала себя чувствовать и по отношенію къ порядкамъ, созданнымъ судебными уставами; но не ею объясняется кризисъ, переживаемый теперь судебнымъ міромъ. Онъ стоитъ въ непосредственной связи съ колебаніями между старымъ и новымъ, не прекращающимися со времени измѣненія нашего государственнаго строя—колебаніями, въ которыхъ побѣда до сихъ поръ почти всегда оставалась на сторонѣ стараго. Стремленіе обратить судъ въ орудіе власти, подчинить его вліянію судебной администраціи, «очистить» его отъ элементовъ, не поддающихся «внушеніямъ», проявлялось и раньше, всегда внося много печальнаго въ судебную жизнь—но никогда не достигало такой силы, какъ въ послѣдніе годы. Многое происходитъ, конечно, за кулисами, но нѣтъ недостатка и въ попыткахъ возвести практику на степень теоріи, принципіально обосновать новую судебную политику не имѣющую ничего общаго съ воззрѣніями и чаяніями «отцовъ судебной реформы». Для нихъ руководящимъ девизомъ судебной дѣятельности служили слова: «правда и милость»; теперь «непреложными началами», на которыхъ долженъ покоиться судъ, провозглашаются государственность и національность. Разбирая, въ свое время, рѣчь министра юстиціи, произнесенную въ

засѣданіи Государственной Думы 28-го мая 1913 г. [1]), я старался показать, что никакого точнаго, для всѣхъ одинаково яснаго представленія слово *государственность* не вызываетъ. Въ эффиціальныхъ сферахъ оно выражаетъ собою рядъ пережитковъ закончившагося историческаго періода, несогласованныхъ и несогласуемыхъ съ новыми учрежденіями. Переносимое въ судебный міръ, оно становится источникомъ сдѣлокъ съ совѣстью. Суду, озабоченному стремленіемъ къ «государственности», неизбѣжно приходится думать о томъ, не окажется ли его рѣшеніе идущимъ въ разрѣзъ съ господствующимъ и обязательнымъ ея пониманіемъ. Во имя государственности,—такъ могутъ разсуждать судьи,—слѣдуетъ быть до крайности строгимъ ко всему, не укладывающемуся въ рамки господствующей, въ данную минуту, правительственной системы, а русскому суду («русскому» въ кавычкахъ) слѣдуетъ относиться съ особымъ недовѣріемъ къ не-русскимъ обывателямъ... Въ томъ же засѣданіи Думы были приведены—и остались безъ опроверженія—факты увольненія судей по прошеніямъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ подано не было... Послѣсловіе къ книгѣ А. Ѳ. Кони заканчивается выраженіемъ желанія, чтобы *внуки* судебной реформы прониклись завѣтами ея *отцовъ* и примѣромъ ея *дѣтей*. Всецѣло раздѣляя это желаніе, я думаю, что исполнимымъ оно станетъ только тогда, когда воскреснетъ и восторжествуетъ прежній взглядъ на «непреложныя начала суда».

Адвокатура—одно изъ созданій судебной реформы. Ея исторія менѣе сложна, въ обозрѣніе ея полувѣкового прошлаго легче внести полноту и единство. Книга І. В. Гессена составляетъ, притомъ, только часть обширнаго труда, задуманнаго совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ и исполняемаго подъ руководствомъ избранной ими комиссіи. За вышедшимъ первымъ томомъ должны послѣдовать еще три; къ общей исторіи адвокатуры будутъ присоединены очеркъ сословной организаціи присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, обзоръ другихъ видовъ адвокатуры, разборъ вопросовъ адвокатской этики, и въ заключеніе даны будутъ мемуары и біографіи адвокатовъ. Если эта программа будетъ выполнена до конца, передъ русскимъ обществомъ раскроется широкая картина, интересная не для однихъ только юристовъ. Съ самаго своего учрежденія присяжная адвокатура была однимъ изъ ферментовъ, противодѣйствовавшихъ застою, вносившихъ движеніе въ общественную жизнь, иногда на-

---

1) См. статью: „Новыя непреложныя начала суда“ въ № 7 „Вѣстн. Евр.“ за 1913 г.

рушавшихъ тишину, слишкомъ похожую на спокойствіе кладбища. Въ ея сильныхъ, какъ и въ ея слабыхъ сторонахъ отражались черты русскаго характера — отражались тѣмъ ярче, чѣмъ меньше было вообще способовъ и путей для личной и коллективной иниціативы. Примѣровъ этому можно найти немало уже въ трудѣ І. В. Гессена— и ихъ будетъ, конечно, еще больше въ слѣдующихъ томахъ, детально и разносторонне иллюстрирующихъ дѣятельность адвокатуры и адвокатовъ.

Когда, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, началось нетерпѣливое ожиданіе судебной реформы, неизбѣжной, но все еще не получавшей опредѣленныхъ очертаній, особымъ сочувствіемъ и вниманіемъ пользовались у насъ двѣ ея стороны: судъ присяжныхъ и адвокатура. Содѣйствовала этому, безъ сомнѣнія, политическая задняя мысль, связывавшаяся съ обоими учрежденіями. Образованному меньшинству—тому меньшинству, которому, по словамъ М. Е. Салтыкова, въ сороковыхъ годахъ Гизо былъ болѣе ненавистенъ, чѣмъ Дубельтъ, — было хорошо извѣстно, что судъ присяжныхъ входилъ въ составъ оппозиціонныхъ программъ недавняго общеевропейскаго движенія, что изъ среды адвокатовъ вышли многіе борцы за политическую свободу. Правда, во Франціи господствовалъ бонапартизмъ, торжеству котораго не помѣшали ни присяжные, ни адвокаты; но лучшіе изъ послѣднихъ оставались вѣрными своимъ традиціямъ, и между знаменитыми *пятью*, составлявшими тогда всю оппозицію законодательнаго корпуса, трое были адвокаты. Именно въ это время, притомъ, слава защитниковъ свободы, которую стяжали англійскіе адвокаты конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, озарила мгновеннымъ лучемъ Эдвина Джемса, отстоявшаго передъ судомъ одного изъ враговъ наполеоновскаго деспотизма. Само собою разумѣется, что не одинъ только политическій ореолъ привлекалъ тогда къ адвокатурѣ прогрессивную часть русскаго общества; для нея было ясно значеніе представительства въ гражданскомъ, защиты— въ уголовномъ процессѣ, ясна невозможность правильно организованнаго суда безъ правильно организованной адвокатуры. Понятно, поэтому, какое впечатлѣніе произвела въ 1859 г. статья, низводившая адвокатуру на степень орудія лжи и обмана [1]). Авторъ этой статьи и впослѣдствіи, при обсужденіи основныхъ положеній судебной реформы, выступившій принципіальнымъ противникомъ адвокатуры,—проводилъ ту мысль, что изъ двухъ сторонъ въ граждан-

[1]) Теперь нѣтъ причины скрывать, что авторомъ этой статьи, подробно изложенной въ книгѣ І. В. Гессена, былъ Николай Петровичъ Семеновъ, членъ редакціонныхъ комиссій и оберъ-прокуроръ одного изъ департаментовъ сената.

скомъ процессѣ только одна можетъ имѣть добросовѣстнаго адвоката, другими словами—что безусловно справедливымъ можетъ быть только одно толкованіе спорнаго вопроса, и поддерживать другое—значитъ совершать сознательное и безнравственное покушеніе на чужое право. Самъ авторъ не брался рѣшить, чѣмъ можетъ быть замѣнена столь зловредная сила, но выражалъ надежду, что «русская народность сама способна изобрѣсти себѣ учрежденіе, основанное на ея духѣ и удовлетворяющее всѣмъ потребностямъ окончательнаго благоустройства Россіи». Переносясь мысленно въ ту отдаленную эпоху, я вспоминаю, что, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ появленія статьи г. Семенова, въ только-что основанномъ кружкѣ молодыхъ юристовъ, поставившихъ себѣ задачей приготовленіе къ дѣятельности въ реформированномъ, гласномъ судѣ, происходило въ первый разъ «пробное судоговореніе» по гражданскому дѣлу. Рѣчь шла о томъ, теряетъ ли свою силу, по смыслу нашего свода гражданскихъ законовъ, наемный договоръ на квартиру, если домъ перешелъ, по купчей крѣпости, въ собственность другого лица (иными словами, примѣнимо ли на нашей почвѣ нѣмецкое правило: Kauf bricht Miethe). Каждый изъ ораторовъ—однимъ изъ нихъ былъ я,—былъ глубоко убѣжденъ не только въ закономѣрности, но и въ справедливости поддерживаемаго имъ мнѣнія; котораго же изъ нихъ, если бы споръ шелъ передъ настоящимъ судомъ, слѣдовало бы обвинить въ безнравственности и предать уголовному суду?... Слишкомъ уже далекъ отъ истины и жизни былъ тезисъ г. Семенова, и камнемъ преткновенія на пути къ учрежденію адвокатуры онъ не оказался; но что-то отъ него все-таки уцѣлѣло и ожило въ новой формѣ, когда, лѣтъ пятнадцать спустя, поднялся походъ противъ «софистовъ XIX-го вѣка».

Только теперь, когда мы знаемъ, съ какими предубѣжденіями встрѣтился новый судъ—а вмѣстѣ съ нимъ и адвокатура—на своемъ многострадальномъ вѣковомъ пути, съ какими врагами, внутренними и внѣшними, ему приходилось имѣть дѣло, — только теперь можно оцѣнить по достоинству высоту волны, на гребнѣ которой вошла въ русскую жизнь судебная реформа. Въ 1857 г. еще свѣжи были въ памяти слова императора Николая: «пока я буду царствовать, Россіи не нужны адвокаты», и самый вопросъ объ организаціи адвокатуры могъ быть поставленъ только съ особаго Высочайшаго разрѣшенія—а пять лѣтъ спустя рѣшено было въ принципѣ созданіе самоуправляющагося сословія, двумя годами позже закрѣпленное судебными уставами. Достигнувъ своего апогея, волна быстро стала спадать. Постройка, въ части, отведенной адвокатурѣ, осталась незаконченною; но если ничего не было сдѣлано для оффиціальнаго ея за-

вершенія, то въ теченіе многихъ десятилѣтій не встрѣчали препятствій внутреннія работы, предпринимавшіяся самими обитателями зданія. Ходатайства сословія оставлялись безъ вниманія, нерасположеніе къ нему принимало порою острыя формы; опасность казалась настоятельной и близкой [1]), но въ концѣ концовъ все оставалось по-старому. Много разъ испытывала адвокатура и охлажденіе общественнаго мнѣнія, но всегда наступали обстоятельства, примирявшія съ нею ея противниковъ,—конечно, за исключеніемъ непримиримо тенденціозныхъ. Никогда, кажется, нападенія на нее въ печати не достигали такой остроты, какъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ; но вслѣдъ затѣмъ наступила долгая полоса политическихъ процессовъ, показавшая наглядно, какую трудную—и совершенно безкорыстную—работу выносятъ на своихъ плечахъ представители гонимаго и унижаемаго сословія. То же самое повторилось, при нѣсколько другой обстановкѣ, четверть вѣка спустя. Такого ожесточеннаго похода противъ адвокатовъ, какъ предпринятый Е. Л. Марковымъ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка въ печати не велось, но въ самомъ сословіи появились зловѣщіе признаки разлада и упадка. Въ его же средѣ началась и реакція противъ нихъ; такъ называемая «молодая адвокатура» показала наглядно, какъ много можетъ сдѣлать, даже въ самыя трудныя минуты народной жизни, юридическая помощь, руководимая высокимъ представленіемъ о призваніи адвоката. Затѣмъ опять возобновились политическіе процессы, въ небываломъ прежде числѣ и при небывало трудныхъ условіяхъ—и опять адвокатура оказалась на высотѣ положенія, тѣмъ болѣе тяжелаго, что къ дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ присоединились безчисленныя дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ печати.

Съ этимъ новѣйшимъ періодомъ исторіи адвокатуры совпадаютъ такія явленія, о которыхъ не было рѣчи въ самыя тяжелыя эпохи русской доконституціонной жизни. «Разъясненіями» сената, вопреки многолѣтней, никѣмъ не оспаривавшейся практикѣ, признано, что совѣты не въ правѣ утверждать уставы адвокатскихъ консультацій и что указъ 8 ноября 1889-го года, поставившій вступленіе евреевъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ въ зависимость отъ усмотрѣнія министра юстиціи, примѣнимъ и къ евреямъ, желающимъ вступить въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Московская судебная палата постановила закрыть комитетъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, болѣе двадцати пяти лѣтъ дѣйствовавшій открыто и безпрепятственно, а теперь оказавшійся

[1]) Особенно грозной она была въ 1878 г., послѣ оправданія Вѣры Засуличъ (см. представленіе министра юстиціи въ Госуд. Совѣтъ, напечатанное цѣликомъ впервые на стр. 238—242 книги І. В. Гессена).

лишеннымъ права на существованіе. Дѣло присяжнаго повѣреннаго Гиллерсона показало, что адвокатъ можетъ быть судимъ и наказанъ за защитительную рѣчь, произнесеніе которой не вызвало ни перерыва, ни замѣчаній со стороны предсѣдательствовавшаго на судѣ. Необезпеченнымъ является столь важное въ уголовномъ процессѣ право адвоката объясняться наединѣ съ защищаемымъ имъ подсудимымъ; необезпечена и тайна этихъ объясненій. На адвокатурѣ отражается, очевидно, тотъ кризисъ въ судебномъ мірѣ, въ судебныхъ нравахъ, о которомъ я говорилъ выше, по поводу книги А. Ѳ. Кони. Когда пройдетъ этотъ кризисъ, когда для суда и для всего связаннаго съ судомъ наступятъ новыя условія, соотвѣтствующія требованіямъ новаго государственнаго строя и новой политической жизни, тогда возобновится само собою нормальное развитіе русской адвокатуры [1]).

Никто въ нашей литературѣ не сдѣлалъ такъ много для ознакомленія общества съ генезисомъ новаго суда, какъ безвременно умершій Г. А. Джаншіевъ. Горячо преданный всѣмъ «великимъ реформамъ» шестидесятыхъ годовъ, исторіи—и защитѣ—которыхъ, постоянно расширяемой и пополняемой, онъ посвятилъ значительную часть своей трудовой жизни, онъ относился съ особымъ интересомъ къ преобразованію судебныхъ учрежденій, съ которыми его роднила принадлежность къ адвокатурѣ. Большой благодарности заслуживаетъ, поэтому, московское издательство «Задруга», выпустившее къ юбилею судебной реформы сборникъ статей Джаншіева, темы которыхъ прямо или косвенно касаются судебъ русскаго суда. Бо̀льшая часть этихъ статей («Основы судебной реформы», «Д. Н. Замятнинъ», «С. И. Зарудный и судебная реформа») правильнѣе было бы назвать изслѣдованіями, и по объему и по полнотѣ содержанія; они всѣ появились въ свое время отдѣльными книгами, но соединеніе ихъ въ одно цѣлое можно только привѣтствовать. Не потеряла своего значенія и перепечатанная въ сборникѣ брошюра Джаншіева: «Веденіе неправыхъ дѣлъ»; вопросъ, о которомъ въ ней идетъ рѣчь, до сихъ поръ возбуждаетъ большіе споры. Статья: «Какъ мы судили» интересна уже потому, что наши присяжные засѣдатели очень рѣдко дѣлились и дѣлятся впечатлѣніями, вынесенными ими изъ залы суда—а между тѣмъ оглашеніе

---

[1]) Одновременно съ книгой І. В. Гессена вышла первая часть книги Д. Н. Бородина: „Историческій очеркъ русской адвокатуры“; но такъ какъ она заключаетъ въ себѣ только краткій обзоръ положенія адвокатуры въ другихъ государствахъ и три небольшія главы, составляющія какъ бы введеніе ко всему дальнѣйшему, то говорить о ней теперь было бы преждевременно.

ихъ могло бы бросить много свѣта на дѣятельность все еще недостаточно оцѣненнаго у насъ учрежденія.

Изъ числа «отцовъ» судебной реформы въ нашей литературѣ особенно посчастливилось Д. Н. Замятнину, С. И. Зарудному и В. А. Арцимовичу. О первыхъ двухъ мы имѣемъ монографіи А. Ѳ. Кони и Г. А. Джаншіева [1]); послѣднему, кромѣ превосходнаго этюда А. Ѳ. Кони, воздвигнутъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, цѣлый памятникъ въ видѣ книги, подробно излагающей всѣ фазисы и стороны его судебной дѣятельности. На одинаковую высоту исторія, по всей вѣроятности, эти три имени не поставитъ. Д. Н. Замятнина эпоха реформъ застала уже пожилымъ, утомленнымъ жизнью человѣкомъ; собственнаго творчества въ нее онъ не внесъ, но не мѣшалъ творчеству другихъ, поддерживалъ ихъ лучшія стремленія—и это обезпечиваетъ за нимъ сравнительно скромное, но почетное мѣсто въ исторіи его времени. Его возвысила та властная роль, которую ему пришлось сыграть въ не имъ созданномъ и не имъ руководимомъ дѣлѣ. С. И. Зарудный и В. А. Арцимовичъ, наоборотъ, сами творили, сами двигали впередъ великое дѣло; на какое бы мѣсто ни поставила ихъ судьба, они съумѣли бы наложить на него свою печать. Съ этой точки зрѣнія мы ставимъ трудъ Г. А. Джаншіева о Зарудномъ выше труда его о Замятнинѣ.

Степень извѣстности, достающаяся на долю государственныхъ дѣятелей, не всегда соотвѣтствуетъ ихъ заслугамъ; несоразмѣрно большая по отношенію къ однимъ, она бываетъ несоразмѣрно малой по отношенію къ другимъ. И это объясняется, сплошь и рядомъ, не преднамѣренной несправедливостью, а просто недостаточностью матеріала или случайною недоступностью его для изслѣдователя даннаго времени или даннаго событія. Не всѣмъ крупнымъ работникамъ судебной реформы посчастливилось найти такихъ біографовъ, какъ А. Ѳ. Кони или Г. А. Джаншіевъ. Назовемъ, для примѣра, одного изъ нихъ: покойнаго А. А. Книрима. Въ гражданскомъ отдѣленіи комиссіи, составлявшей судебные уставы, онъ сыгралъ роль едва-ли менѣе крупную, чѣмъ С. И. Зарудный, но въ подробностяхъ она осталась мало извѣстной, и теперь прошло уже слишкомъ много времени, чтобы можно было надѣяться на пополненіе образовавшагося такимъ образомъ пробѣла въ исторіи нашей судебной реформы [2]).

---

[1]) Д. Н. Замятнину посвящена, кромѣ того, обширная статья г. Куломзина, появившаяся въ ноябрьской книжкѣ „Журнала Министерства Юстиціи“ за 1914 г.

[2]) Попытку воздать должное недостаточно оцѣненнымъ заслугамъ дѣлаетъ одинъ изъ сотрудниковъ изданія министерства юстиціи, г. Бли-

Къ сборнику трудовъ Г. А. Джаншіева приложены портретъ автора, статья о немъ А. Ѳ. Кони и переписка, происходившая между ними въ 1882—96 г.г.

Тѣмъ же издательствомъ «Задруга» выпущено къ юбилею судебной реформы другое, столь же цѣнное изданіе: сборникъ статей П. Н. Обнинскаго, мирового посредника перваго призыва, мирового судьи, прокурора, идеалиста чистой воды, всегда хранившаго вѣрность лучшимъ завѣтамъ шестидесятыхъ годовъ.

Первая статья сборника не имѣетъ прямого отношенія къ судебной реформѣ, но было бы чрезвычайно жаль, если бы она не вошла въ его составъ—въ такихъ яркихъ краскахъ и такихъ симпатичныхъ тонахъ изображена въ ней борьба съ калужскими крѣпостниками, которую вели молодые сотрудники губернатора (В. А. Арцимовича). И все же она оставляетъ печальное впечатлѣніе; невольно приходитъ на мысль, насколько счастливѣе могла бы быть судьба русскаго народа, если бы настроеніе, сдѣлавшее возможнымъ освобожденіе крестьянъ, не уступило такъ скоро мѣсто другому, прямо противоположному. Изобразивъ ходъ крестьянскаго дѣла въ Калужской губерніи при Арцимовичѣ и показавъ причины довѣрія, пріобрѣтеннаго мировыми посредниками перваго призыва, П. Н. Обнинскій восклицаетъ: «Довѣріе это было драгоцѣннымъ капиталомъ, но онъ былъ растраченъ въ то самое время, какъ только-что сталъ давать громадные проценты, растраченъ ломкою закона въ разъяснительныхъ циркулярахъ и смѣною дѣятелей, свято исполнявшихъ его». Въ другой статьѣ: «Наканунѣ новаго суда», Обнинскій разсказываетъ возмутительный случай съ его дѣдомъ, глубоко запечатлѣвшійся въ его памяти, хотя ему было тогда только шесть лѣтъ.

новъ, посвятившій въ своей статьѣ: „Ходъ судебной реформы 1864 года“ особую главу“. Къ вопросу „о дѣятеляхъ судебной реформы“. Едва-ли ее можно назвать удачной. Авторъ настаиваетъ на томъ, чего никто никогда не отвергалъ: на роли императора Александра II-го, безъ согласія котораго реформа не могла быть ни предпринята, ни приведена къ благополучному концу (и это съ достаточною яркостью подчеркнуто, напр., Г. А. Джаншіевымъ на стр. 39—40 „Основъ судебной реформы“), на иниціативѣ вел. князя Константина Николаевича въ судебныхъ преобразованіяхъ по морскому вѣдомству, значеніе которыхъ также стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и спора. Затѣмъ г. Блиновъ называетъ гр. Д. Н. Блудова, который, по своему возрасту и давно сложившимся взглядамъ, не могъ явиться истиннымъ преобразователемъ суда; В. П. Буткова, вліяніе котораго, какъ признаетъ самъ г. Блиновъ, давно отмѣчено Н. И. Стояновскимъ, А. Ѳ. Кони и многими другими и не шло далѣе тактичной и умѣлой поддержки дѣйствительныхъ работниковъ; наконецъ, кн. П. П. Гагарина, облегчавшаго, въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, движеніе судебной реформы, но ничего не внесшаго въ ея сущность.

Ночной обыскъ у больного старика по никѣмъ не провѣренному доносу, продолжительный арестъ при самой тяжелой обстановкѣ, невозможность добиться преслѣдованія доносчика и ставшихъ на его сторону властныхъ лицъ—такова картина, рисуемая Обнинскимъ и невольно наводящая на мысль, что не всѣ прелести старыхъ порядкомъ отошли въ прошедшее и послѣ введенія новаго суда... Изъ остальныхъ статей, вошедшихъ въ составъ сборника, особенно выдаются тѣ, которыя касаются земскихъ начальниковъ, пришедшихъ на смѣну мировыхъ судей. Параллель, проводимая здѣсь между тѣми и другими, принадлежитъ къ числу самыхъ сильныхъ обвинительныхъ актовъ противъ судебно-административныхъ учрежденій, созданныхъ въ 1889 г.

Нельзя не пожалѣть, что время появленія въ печати отдѣльныхъ статей Обнинскаго редакціею сборника большею частью не отмѣчено; его можно опредѣлить лишь приблизительно, на основаніи содержанія статей. Весьма интересно, напримѣръ, было бы знать, когда именно написана и напечатана статья: «Откуда идетъ деморализація нашей адвокатуры?» (повидимому, она относится къ началу 90-хъ годовъ). Статья: «Область изслѣдованія въ предварительномъ и судебномъ слѣдствіи» вызвана, по всей вѣроятности, извѣстнымъ въ свое время, но теперь забытымъ дѣломъ московскаго нотаріуса Назарова.

Къ сборнику приложены портретъ П. Н. Обнинскаго и статья о немъ А. Ѳ. Кони.

К. Арсеньевъ.

СЛѢДСТВІЕ О БАЛКАНСКИХЪ ВОЙНАХЪ.

Извѣстный институтъ международнаго мира, учрежденный американскимъ милліардеромъ Карнеги, назначилъ особую комиссію для изслѣдованія причинъ и условій послѣднихъ балканскихъ войнъ. Въ составъ комиссіи вошли два нѣмецкихъ профессора—Редлихъ и Шюкингъ, сенаторъ баронъ д'Этурнель де-Констанъ, депутатъ Годаръ, издатель лондонскаго «Economist» Франсисъ Херстъ, журналистъ Брэльсфордъ, членъ нашей Государственной Думы П. Н. Милюковъ и американскій профессоръ Самюэль Даттонъ. Подъ руководствомъ своего президента, д'Этурнеля де-Констана, комиссія въ іюлѣ 1913 года приступила къ своей задачѣ и, несмотря на

встрѣченныя затрудненія, исполнила ее съ большою добросовѣстностью. Она объѣздила мѣстности, служившія театромъ военныхъ дѣйствій, побывала въ Сербіи, Греціи, Македоніи, Турціи, Ѳракіи, Болгаріи, вездѣ собирала нужные матеріалы и свидѣтельскія показанія, подвергла ихъ систематической обработкѣ и приготовила обстоятельный отчетъ, который и напечатала въ видѣ объемистой книги въ 400 страницъ [1]).

Составители отчета не предвидѣли еще, что вслѣдъ за балканскими войнами разгорится несравненно болѣе грозный пожаръ, который охватитъ почти всю Европу, и потому въ своихъ выводахъ и итогахъ они остаются на прежней точкѣ зрѣнія довѣрчиваго и благожелательнаго пасифизма. Странно читать теперь характерныя строки вступительной статьи д'Этурнеля де-Констана: «Что окончательно приводитъ къ упадку идею вооруженнаго мира—это то, что въ настоящее время великія державы очевидно не расположены воевать. Каждая изъ нихъ,—Германія, Франціи, Англія, Соединенные Штаты, сознаетъ ту несомнѣнную истину, что богатѣйшія страны наиболѣе теряютъ отъ войны, и всѣ націи прежде всего желаютъ мира. Это настолько вѣрно, что двѣ балканскія войны принесли намъ новое чудо—активное и искреннее соглашеніе великихъ державъ, которыя, измѣнивъ свою тактику, сдѣлали все возможное для локализаціи враждебныхъ дѣйствій на Балканахъ и заботливо охраняли миръ, которому сами угрожали тридцать пять лѣтъ тому назадъ, во время берлинскаго конгресса. Мы могли бы эту эволюцію общественнаго настроенія и правительствъ приписать отчасти новому умственному воспитанію, которое мы стараемся распространить, но будемъ держаться фактовъ. Требованія всеобщаго соперничества, увеличенныя средства сообщенія, протесты плательщиковъ податей, боязнь соціализма и неизвѣстности, болѣе реально заставляли правительства задумываться, чѣмъ всякія увѣщанія». Въ дѣйствительности, эволюція правительствъ и солидарнаго съ ними общественнаго мнѣнія направлялась по совершенно другому пути, и доводы пасифицистовъ вовсе не существовали для тѣхъ элементовъ, отъ которыхъ всецѣло зависятъ вопросы войны и мира. Именно послѣ двухъ балканскихъ войнъ военные дѣятели Германіи и Австро-Венгріи стали рѣшительно готовиться къ роковой развязкѣ, отъ которой должны были отклонять ихъ всевозможныя фактическія и логическія соображенія. Но сила и вліяніе военной касты, вдохно-

---

[1]) Carnegie Endowment for International Peace. Report of the Comision to inquire into the causes and conduct of the Balcan wars. Washington, 1914.

вляемой такими правителями, какъ Вильгельмъ II, не входили въ кругъ изслѣдованій комиссіи Карнеги.

Разсужденія комиссіи о причинахъ балканскихъ войнъ вносятъ, конечно, мало новаго въ международно-политическую сторону вопроса, болѣе ярко освѣщенную позднѣе документами нашей «Оранжевой книги»; интересны только указанія на различныя формы и проявленія страстной взаимной борьбы небольшихъ національностей, переплетающихся между собою на Балканскомъ полуостровѣ. Когда эти народы, испытавшіе на себѣ бѣдствія вѣкового турецкаго гнета, соединились во имя освобожденія своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, они достигли такихъ ошеломляюще-быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ, которые поразили могущественную, но разъединенную Европу. Казалось, что съ Турціею покончено, что гордіевъ узелъ разрубленъ и что остается только занять Константинополь; но всѣ эти великолѣпные результаты подверглись сомнѣнію и отчасти уничтожились при возникшей распрѣ побѣдителей. «Вторая война,—говоритъ авторъ вступительной статьи,—была только началомъ новыхъ войнъ, или, вѣрнѣе, постоянной внутренней войны, самой худшей изъ всѣхъ, войны религій, расъ, войны одного племени противъ другого, человѣка противъ человѣка, брата противъ брата. Народы соперничаютъ между собою въ искусствѣ вытѣснять и «денаціонализировать» сосѣда. Турки во всякомъ случаѣ остаются въ Европѣ. Потерянъ Адріанополь, стоившій огромныхъ человѣческихъ жертвъ; Македонія была могилою, а превратилась въ адъ; Ѳракія разбита на куски; Албанія, возведенная на степень княжества, является несчастнѣйшимъ объектомъ притязаній Австріи, Сербіи, Черногоріи, Греціи и Италіи. Церкви и школы борются между собою, пользуясь меньшею свободою, чѣмъ при турецкомъ режимѣ». Въ особой главѣ о національномъ вопросѣ на Балканахъ высказываются между прочимъ нѣкоторыя общія мысли, соотвѣтствующія обычнымъ взглядамъ прогрессивной печати. «То законное національное чувство, которое внушаетъ акты героизма, и извращенный, вызывающій націонализмъ, ведущій къ преступленію, представляютъ собою два тѣсно связанныя состоянія коллективнаго ума. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ эти умственныя состоянія однородны, но ихъ соціальная цѣнность измѣняется въ зависимости отъ объекта, къ которому они направлены. Мы признаемъ справедливыми и законными, мы даже превозносимъ подвиги и манифестаціи, которыми національность защищаетъ свое существованіе. Мы постоянно говоримъ о «правомъ дѣлѣ» угнетенныхъ національностей, или народностей, ищущихъ выхода изъ поставленныхъ имъ

преградъ. Но, когда тѣ же національности переходятъ отъ защиты къ нападенію и вмѣсто обезпеченія своего собственнаго существованія начинаютъ посягать на существованіе другой національной индивидуальности, онѣ совершаютъ нѣчто недозволенное, даже преступное». Бухарестскій трактатъ, санкціонировавшій незаконныя посягательства побѣдившихъ народностей, не можетъ и не долженъ сохранить свою силу, если считается желательнымъ установленіе прочнаго мира на Балканахъ. Признаніе вѣроисповѣдной и школьной автономіи есть первое условіе такого умиротворенія; но какъ этого достигнуть—неизвѣстно, и объ этомъ ничего не говорится въ книгѣ.

Собранные комиссіею матеріалы касаются, главнымъ образомъ, способовъ веденія войны. Большинство сообщаемыхъ фактовъ, особенно относительно второй балканской войны, производитъ впечатлѣніе сплошного ужаса. Противники откровенно ставятъ себѣ цѣлью истребить непокорное иноплеменное населеніе, выжигаютъ села и деревни, разрушаютъ города, убиваютъ плѣнныхъ и раненыхъ, насилуютъ женщинъ и дѣвочекъ, проявляютъ неслыханную жестокость въ обращеніи съ безоружными жителями,—и если регулярныя войска не участвуютъ въ этихъ звѣрствахъ, то они предоставляютъ совершеніе ихъ мѣстнымъ или пришлымъ башибузукамъ, туркамъ, албанцамъ, отрядамъ добровольцевъ, четникамъ или комитаджіямъ. Греки требовали отъ македонскихъ болгаръ, чтобы они вернулись къ прежнимъ временамъ и сдѣлались опять греками, такъ какъ вся страна была нѣкогда греческою; а несогласныхъ они заранѣе объявляли врагами, съ которыми будетъ поступлено по всей строгости военныхъ законовъ. Сербы заявляли македонцамъ, что отъ нихъ требуется «обратное» присоединеніе къ сербской народности, которой принадлежала страна въ эпоху царя Стефана Душана; мѣстнымъ болгарамъ предлагалось отречься отъ экзархата, примкнуть къ общей греческой церкви, отказаться отъ употребленія родного языка и превратиться постепенно въ сербовъ, или же выселиться на чужбину. Въ свою очередь, болгары принуждали отуреченныхъ болгаръ, «помаковъ», отречься отъ мусульманства и сдѣлаться опять православными болгарами. Наиболѣе безжалостно дѣйствовали греки, при несомнѣнномъ руководящемъ участіи ихъ регулярной арміи и ея вождей. Король Константинъ, въ телеграммѣ отъ 12 іюля 1913 года, сообщая представителямъ иностранныхъ державъ о преступныхъ дѣйствіяхъ болгарскихъ солдатъ въ Демиръ-Гиссарѣ, предупреждалъ «весь цивилизованный міръ», что онъ, король, «къ великому своему сожалѣнію, находитъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ репрессаліямъ, съ цѣлью внушить виновни-

камъ спасительный страхъ и заставить ихъ задуматься, прежде чѣмъ вновь совершать подобныя жестокости». Болгары—заключалъ король—«превзошли всѣ ужасы, совершавшіеся ихъ варварскими полчищами въ прошломъ, и доказали этимъ, что они не имѣютъ права быть причисленными къ цивилизованнымъ народамъ». Греческіе офицеры и солдаты вполнѣ раздѣляли чувства, выраженныя въ этой оффиціальной депешѣ, и не признавали за болгарами никакихъ человѣческихъ правъ. Многія сообщенія о звѣрствахъ болгаръ и сербовъ оказывались впослѣдствіи невѣрными или страшно преувеличенными; но факты, касающіеся грековъ, большею частью подтверждались документально, и обычныя попытки свалить отвѣтственность за нихъ на другія народности не имѣли успѣха. Не мало «звѣрскихъ» разсказовъ было пущено въ ходъ греческими патріотами и офицерами черезъ посредство довѣрчивыхъ иностранныхъ корреспондентовъ. Такъ, напр., въ парижскомъ «Temps» было сообщено объ убійствѣ болгарами греческаго епископа въ Дойранѣ; два мѣсяца спустя,—замѣчаетъ составитель отчета, — мы видѣли его вполнѣ здоровымъ и повидимому живымъ». Была отслужена панихида по епископѣ Кавалы, — говорится далѣе, — а впослѣдствіи паства привѣтствовала его въ Салоникахъ. Корреспондентъ той же газеты писалъ, что онъ лично присутствовалъ при погребеніи сересскаго архіепископа, который былъ варварски изувѣченъ, прежде чѣмъ быть убитымъ. Этотъ прискорбный инцидентъ, по словамъ составителя отчета, «не заставилъ, однако, почтеннаго прелата прервать исполненіе своихъ обязанностей, которыя онъ исполняетъ и понынѣ». Въ оффиціозной греческой брошюрѣ сообщалось, что около города Сереса найдены были тѣла четырехъ греческихъ нотаблей, и между ними трупъ директора Восточнаго банка; въ подтвержденіе дѣлалась ссылка на свидѣтельства австрійскаго и итальянскаго консуловъ въ Салоникахъ. Между тѣмъ членъ комиссіи, посѣтившій Сересъ, имѣлъ удовольствіе видѣть этого директора банка, г. Гинэ, живымъ и здоровымъ и пользоваться его гостепріимствомъ. Греческіе дипломаты распространяли въ европейскихъ столицахъ достовѣрное будто бы извѣстіе, что въ карманахъ плѣнныхъ болгарскихъ солдатъ находились часто отрѣзанные женскіе пальцы и уши. Авторитетнымъ источникомъ этого свѣдѣнія была корреспонденція въ лондонскомъ «Times». Члены комиссіи видѣли автора въ Салоникахъ; это былъ греческій журналистъ, помощникъ или замѣститель корреспондента «Times». Онъ самъ не видѣлъ отрѣзанныхъ пальцевъ и ушей, но слышалъ о нихъ отъ греческихъ солдатъ. Въ сообщеніяхъ главнаго штаба греческихъ войскъ не упоминалось объ этой исторіи, и ей трудно было придавать значеніе, такъ

какъ плѣнные болгары едва-ли стали бы хранить при себѣ уличающіе ихъ предметы, въ родѣ чужихъ ушей или пальцевъ. Сами греки утверждали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвратившіяся турецкія власти заставляли жителей подписывать заявленіе о томъ, что всѣ ужасающія безчинства, совершенныя турками, были совершены болгарскою арміею при ея уходѣ. Подобныя «документальныя» удостовѣренія служили впослѣдствіи главнымъ обвинительнымъ матеріаломъ противъ болгаръ, и этимъ объясняется также многочисленность такого рода обвиненій. Между прочимъ, въ газетахъ говорилось, что при занятіи Адріанополя болгарскими войсками городъ былъ преданъ грабежу и значительное количество домовъ разрушено, а въ подробномъ письмѣ баронессы Икскуль къ М. М. Ковалевскому, напечатанномъ цѣликомъ въ приложеніи (стр. 338—341), сказано слѣдующее: «Я прибыла въ Адріанополь на третій день послѣ вступленія въ него болгаръ, и первымъ моимъ впечатлѣніемъ послѣ осмотра города было глубокое удивленіе при видѣ господствовавшаго повсюду порядка, несмотря на то, что полицейскія силы состояли только изъ тридцати человѣкъ; улицы были переполнены двигающимися взадъ и впередъ войсками, находившимися, повидимому, въ радостномъ настроеніи по поводу одержанной побѣды, безъ малѣйшаго оттѣнка обиды для побѣжденныхъ». При посѣщеніи мечети султана Селима, въ качествѣ сестры милосердія, баронесса не замѣтила въ храмѣ никакихъ признаковъ разрушенія или безпорядка; все оставалось, повидимому, въ обычномъ видѣ. Она четыре раза была въ Адріанополѣ въ теченіе первыхъ пятнадцати дней болгарской оккупаціи, но ничего не слышала о томъ, что болгарскіе солдаты совершали акты насилія, грабежа или какіе бы то ни было эксцессы; «въ первый день произошли отдѣльные случаи грабежа, но они были сурово прекращены и болѣе не повторялись». Это, однако, не значитъ, что болгары вообще не повинны въ жестокостяхъ по отношенію къ туркамъ, сербамъ и грекамъ. Опустошенія цѣлыхъ «непріятельскихъ» районовъ, повальныя избіенія жителей, систематическіе грабежи и разбои, насилія надъ женщинами практиковались въ большей или меньшей мѣрѣ всѣми участниками второй балканской войны; но пальму первенства въ этомъ отношеніи, повторяемъ, слѣдуетъ признать за греками. Одинъ греческій офицеръ въ бесѣдѣ съ членомъ комиссіи такъ формулировалъ свою точку зрѣнія: «Когда вы имѣете дѣло съ варварами, вы должны сами вести себя какъ варвары. Ничего другого они не понимаютъ». Комиссія напечатала рядъ солдатскихъ писемъ, захваченныхъ въ почтовыхъ мѣшкахъ одного изъ греческихъ полковъ; въ этихъ письмахъ съ наивнымъ цинизмомъ сообщаются просто невѣроятные

факты. «Эта война очень тягостна, — пишетъ нѣкій солдатъ: — мы сожгли всѣ деревни, покинутыя болгарами; изъ 1.200 плѣнныхъ, взятыхъ въ Нигритѣ, осталось въ тюрьмахъ только сорокъ два человѣка, и вездѣ, гдѣ мы были, мы не оставляли въ живыхъ ни одного изъ этой расы».... «Здѣсь, въ Врондѣ (Броди)—пишетъ другой—я взялъ пятерыхъ болгаръ и одну дѣвушку изъ Сереса. Дѣвушка была убита, и болгары также пострадали. Мы выкололи имъ глаза, пока они были живы». «...Всѣ болгарскія села сожжены нашими войсками, и жители истребляются безъ пощады. Невозможно описать, что происходитъ».... «Мы сожгли все—жилища и людей. Болгаръ мы избиваемъ. Какъ это жестоко!» «По приказу короля, мы предаемъ огню всѣ болгарскія селенія, потому что они разрушили нашъ красивый городъ Сересъ, также Нигриту и разныя греческія села. Мы оказались болѣе жестокими, чѣмъ болгары. Мы насилуемъ каждую дѣвушку»... «Мы не беремъ въ плѣнъ, а убиваемъ, ибо таковъ приказъ», и т. д., и т. д. Число убитыхъ такимъ образомъ безоружныхъ людей опредѣлялось тысячами и десятками тысячъ. Для избѣжанія неминуемой гибели населеніе покидало родныя мѣста, превращаясь въ безпомощныя толпы нищихъ, въ томъ числѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Отъ болгаръ бѣжали турки, сербы и греки; отъ сербовъ и грековъ спасались болгары, и эти повальныя бѣгства жителей принимали размѣры какого-то новаго, безсмысленно жестокаго переселенія народовъ. А дипломатія великихъ державъ не дѣлала даже попытки напомнить напр. правительству Греціи, что военные приказы, о содержаніи которыхъ даетъ понятіе упомянутая выше телеграмма короля Константина, находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ основными началами международнаго права и не могутъ быть допущены со стороны культурныхъ народовъ.

Въ отчетѣ комиссіи Карнеги имѣется также отдѣлъ, посвященный вопросу о нарушеніяхъ международнаго права во второй балканской войнѣ; но слова о правѣ звучатъ какъ-то странно при обсужденіи событій и фактовъ, свидѣтельствующихъ о звѣрскихъ инстинктахъ человѣческой природы. Истолкователи международнаго права и теперь обречены на безнадежное безсиліе при видѣ новыхъ, ежедневно совершающихся ужасовъ великой міровой войны,—и благородные защитники и проповѣдники общаго мира, участвующіе въ учрежденіяхъ американскаго филантропа, едва-ли могутъ сохранить вѣру въ скорое осуществленіе своихъ идеаловъ.

Л. Слонимскій.

СПЕКТАКЛЬ ВЪ ПАМЯТЬ ЛЕРМОНТОВА.

„Къ погибшимъ люди справедливы...“
„...Мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ...“

Лермонтовъ.

Вопреки всѣмъ предположеніямъ и опасеніямъ, грандіозный спектакль, устроенный Литературнымъ Фондомъ въ память Лермонтова, по случаю сотой годовщины его рожденія, вышелъ удачнымъ, праздничнымъ. Среди скудости и сѣрости современныхъ художественныхъ впечатлѣній этотъ своеобразный вечеръ выгодно выдѣлялся свѣжестью замысла и красотой выполненія. Изящно, даже роскошно, стильно поставленная драма «Два брата», до сихъ поръ еще не игранная, романсы на слова поэта въ исполненіи артистовъ имп. театровъ и, наконецъ, феерическій, полный граціозной элегической поэзіи, балетъ М. М. Фокина, воплотившій пророческій «Сонъ» Лермонтова, были истинно-художественнымъ чествованіемъ памяти поэта, воскресили его духъ.

Особенный интересъ представляетъ драма «Два брата», малоизвѣстная, благодаря сценѣ, зажившая новою жизнью. Со сцены вѣяло мятежной, огненной лермонтовской стихіей, и публика, пришедшая въ театръ нехотя, словно лишь затѣмъ, чтобы отдать долгъ поэту, постепенно наэлектризовывалась. Весь вечеръ, вмѣстѣ съ красотой поэзіи Лермонтова, неотвязно волновала мысль о жестокости его преждевременнаго конца, о фатальности этой гибели, предчувствованной самимъ поэтомъ и воспѣтой во многихъ стихотвореніяхъ.

Драматическія произведенія Лермонтова, не безъ основанія, относятся изслѣдователями къ числу слабѣйшихъ. Въ этой области у поэта все—только опыты; но въ нихъ ярко сквозитъ геніальность.

«Два брата» написаны въ 1836 году въ Петроградѣ, по возвращеніи изъ Москвы, написаны очень торопливо подъ непосредственнымъ побужденіемъ излить волновавшія поэта впечатлѣнія и чувства. По словамъ самого Лермонтова, сюжетъ драмы почерпнутъ имъ изъ «происшествія, случившагося съ нимъ въ

Москвѣ» [1]). Крайній субъективизмъ драмы дѣлаетъ ее особенно интересной въ историко-литературномъ отношеніи, ибо здѣсь мы можемъ видѣть въ сыромъ, первоначальномъ видѣ тотъ матеріалъ, который, путемъ дальнѣйшей обработки и обобщеній, послужилъ основой для созданія общечеловѣческаго типа Печорина въ «Героѣ нашего времени».

Самъ Лермонтовъ былъ недоволенъ своей драмой, что̂ и побудило его попытаться использовать тотъ же сюжетъ въ повѣствовательной формѣ. Онъ принялся писать романъ «Княгиня Лиговская», но вскорѣ охладѣлъ къ нему, оставивъ его неоконченнымъ. Это недовольство «пробами» доказываетъ, что занимавшій поэта сюжетъ, просто, еще не созрѣлъ, независимо отъ той или иной формы его обработки. Всѣ три произведенія стоятъ въ тѣсной генетической связи. Субъективность, даже портретность печоринскаго прототипа, Александра Радина, показываетъ, какую большую роль играло субъективное начало въ созданіи лермонтовскаго сверхчеловѣка. Александръ Радинъ не только принадлежитъ къ одному типу натуръ съ Печоринымъ, но и психологически ему близокъ, высказываетъ однѣ и тѣ же мысли, болѣетъ тѣми же сомнѣніями. Самохарактеристика героя въ разговорѣ съ Вѣрой (во 2 дѣйствіи: «Да, такова была моя участь со дня рожденія... Всѣ читали на моемъ лицѣ какіе-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали,—и они родились...» и т. п.) цѣликомъ перенесена Лермонтовымъ въ романъ «Герой нашего времени».

Театръ—лучшее испытаніе для пьесы. Успѣхъ несовершеннаго произведенія Лермонтова на сценѣ доказываетъ, что оно, по существу, драматично. Сквозь слабую, мѣстами совсѣмъ неудачную игру актеровъ, проглядывали истинные облики лермонтовскихъ героевъ, получившихъ на сценѣ живую плоть. Частные промахи исполненія, недостаточная разработка ролей и другіе случайные недочеты не лишали дѣйствующихъ лицъ жизни и не обезцвѣтили авторскаго замысла. Главный исполнитель, г. Константиновъ, далеко не передалъ всей сложности и всего трагизма личности Александра Радина, но, съ любительской чуткостью, нашелъ для своей роли вѣрный тонъ. Его Радинъ, мѣстами недоигранный, мѣстами переигранный, былъ все же живое лицо, въ общемъ вѣрное авторскому замыслу: не

---

[1]) См. у Висковатова: „М. Ю. Лермонтовъ, жизнь и творчество", стр. 234 (при рихтеровскомъ собр. соч. Лермонтова, т. VI). Тамъ же Висковатовъ съ полной убѣдительностью опровергаетъ мнѣніе другихъ комментаторовъ Лермонтова о принадлежности „Двухъ братьевъ" къ числу раннихъ его произведеній (1831 г.) и на основаніи внутреннихъ и внѣшнихъ признаковъ пріурочиваетъ ихъ къ 1836 г.

злодѣй, не порочный человѣкъ, какимъ его иногда хотятъ видѣть, а мятежный неудачникъ, подобно Демону и Печорину. Это человѣкъ, одаренный особенною чувствительностью и большими силами, заглушающій въ проявленіяхъ мести и злобы свою душевную неудовлетворенность. Любовь Вѣры представляется ему райскимъ блаженствомъ, и онъ хитростью и коварствомъ добивается ея, но оказывается, что на его долю достается только преходящее—страсть, минутное опьяненіе, а любовь предназначена другому—родному брату. Этотъ братъ является счастливымъ соперникомъ и въ любви отца, явно предпочитающаго Александру Юрія за его «веселый открытый нравъ». У Александра—ничего открытаго, все замкнуто, и это даетъ поводъ предполагать въ немъ дурное. Если бъ Радинъ былъ злодѣй, онъ не искалъ бы пониманія и оправданія у любимой женщины.—«Какъ?.. Неужели и ты? и ты не нашла во мнѣ ничего благороднаго?»—Еще большее тяготѣніе къ благородству и добродѣтели у другого дѣйствующаго лица лермонтовской драмы—у грѣшной Вѣры. Мало опытная артистка, г-жа Коваленская, вѣрно намѣтила этотъ образъ, такой своеобразный и сложный у Лермонтова, но въ передачѣ его оказалась совершенно безпомощной. Ея безсиліе въ наиболѣе выигрышныхъ для артистки моментахъ невольно заставляло представлять себѣ, что могла бы сдѣлать Коммиссаржевская изъ этой лермонтовской «модернистки», съ ея противорѣчивыми порывами, обусловленными чисто женской импульсивностью и пассивностью. Но и г-жѣ Коваленской удалось возбудить сочувствіе къ обаятельному облику этой несчастной женщины, въ которой ложь такъ освящена страданіемъ, что почти равноцѣнна истинѣ. Лермонтовская Вѣра, въ концѣ концовъ, попадаетъ въ тотъ же заколдованный кругъ, что и Пушкинская Татьяна.—Я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна...—Хотя одна мысль о томъ, что всю жизнь придется слышать голосъ этого «другого», приводитъ ея душу въ содроганіе... Итогъ у обѣихъ героинь одинаковъ. Но какъ различны ихъ пути и натуры!

В. Н. Давыдовъ создалъ красивый образъ изъ своей коротенькой, незначительной роли отца Радина, моралиста-старовѣра, обожающаго младшаго сына, похожаго на умершую жену. Г. Горинъ-Горяиновъ, хотя нѣсколько и окарикатурилъ князя Лиговскаго, но далъ пластичный, живой образъ, наглядно показывающій, въ какую бездну тьмы втолкнула сама себя на всю остальную жизнь несчастная Вѣра. Въ ходульномъ внѣшнемъ исполненіи г. Юрьева все же проглядывала природа Юрія Радина. Чувствовалось, что недостаточно читать описаніе этого страстнаго, нѣжнаго романтическаго юноши; для того, чтобы понять его, надо его видѣть краснѣющимъ и блѣднѣющимъ, неистовствующимъ, вспыхивающимъ изъ-за

каждаго препятствія и неудачи. Это съ несомнѣнностью доказываетъ драматическую природу «Двухъ братьевъ».

Послѣдовавшіе за пьесой концертъ и балетъ были не обычнымъ «дивертисментомъ», а естественнымъ дополненіемъ къ ней. Присутствовавшіе на этомъ интересномъ спектаклѣ должны были унести съ собою чувство благодарности къ устроителямъ за интимно-праздничное общеніе съ геніальнымъ поэтомъ.

Е. Колтоновская.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австрійская дипломатія и графъ Берхтольдъ. — Политика нейтралитета въ Италіи и Румыніи. — Отношеніе Болгаріи къ Россіи. — Англо-американскіе споры.—Германскіе способы борьбы противъ Англіи.

Въ началѣ января новаго стиля удалился со сцены одинъ изъ главныхъ оффиціальныхъ устроителей и виновниковъ настоящей европейской войны, австро-венгерскій министръ двора и иностранныхъ дѣлъ, графъ Берхтольдъ. По обыкновенію, отставка его мотивировалась чисто-личными причинами, но всякій понимаетъ, что политическая роль графа Берхтольда давно окончилась.

Что представлялъ собою графъ Берхтольдъ? Это былъ типичный австрійскій дипломатъ, соединявшій внѣшній аристократизмъ и свѣтскій блескъ съ полнымъ внутреннимъ ничтожествомъ. Никогда еще вѣнскій кабинетъ не доходилъ до такого жалкаго паденія, какъ въ періодъ роковыхъ переговоровъ, приведшихъ къ катастрофѣ. Съ формальной стороны выступала на первый планъ Австро-Венгрія, а говорить и дѣйствовать отъ ея имени предоставлено было Германіи. Австрійская дипломатія отсутствовала въ эти страшные дни, когда по кажущейся ея иниціативѣ рѣшались судьбы великихъ и малыхъ европейскихъ народовъ; глава дипломатическаго вѣдомства былъ въ отъѣздѣ, и представитель Россіи, хлопотавшій объ отсрочкѣ предъявленнаго Сербіи ультиматума, могъ добиться только рѣзкаго отрицательнаго отвѣта министра по телеграфу изъ Ишля. Съ этого момента графъ Берхтольдъ фактически пересталъ исполнять обязанности руководителя внѣшней политики Австро-Венгріи, и его функціи перешли всецѣло въ руки берлинскихъ союзниковъ.

Непосредственныя сношенія съ вѣнскимъ кабинетомъ были закрыты для Европы; графъ Берхтольдъ какъ будто отстранился отъ дѣлъ и уступилъ мѣсто своимъ германскимъ коллегамъ. На всѣ запросы и предложенія, адресованныя въ Вѣну, отвѣчали фонъ-Яговъ, Бетманъ-Голльвегъ и иногда самъ Вильгельмъ II. Такое внезапное добровольное отреченіе правительства великой державы отъ своей собственной самостоятельности и отвѣтственности въ международныхъ дѣлахъ и притомъ въ моментъ исключительной важности—составляетъ небывалый фактъ въ новѣйшей политической исторіи. Германскіе правители, подъ видомъ посредничества, откровенно брали на себя рѣшеніе вопросовъ, касающихся Австро-Венгріи,—вопросовъ о пріемлемости или непріемлемости для нея извѣстныхъ предложеній великихъ державъ, а сама Австро-Венгрія была обречена на молчаніе.

Какъ могъ руководящій австрійскій министръ согласиться на такую унизительную, постыдную роль? Бросивъ воинственный вызовъ Россіи, онъ спрятался за спиною чужого, хотя и союзнаго правительства и поставилъ въ невозможное положеніе не только имперію Габсбурговъ, но и ея представителей за границею. Австрійскіе послы въ Парижѣ, Лондонѣ и Петроградѣ были почти совершенно устранены отъ важнѣйшихъ дипломатическихъ сношеній по дѣламъ Австро-Венгріи; по этимъ дѣламъ велись переговоры не съ ними, а съ германскими дипломатами. Кабинетамъ тройственнаго согласія приходилось обращаться съ своими примирительными предложеніями не къ графамъ Сечени, Сапари и Менсдорфу, а къ фонъ-Шену, князю Лихновскому и графу Пурталесу. Австрійскіе представители не знали, какъ себя вести, въ виду игнорированія ихъ отечественною дипломатіею, уступившею свои права Берлину; они даже не знали въ точности, когда и съ какого момента началось состояніе войны съ государствами, въ которыхъ они были аккредитованы, и потому оставались на своихъ мѣстахъ дольше, чѣмъ допускало приличіе,—какъ это было, напр., съ графомъ Сечени въ Парижѣ. Вѣнскій кабинетъ чувствовалъ себя какъ бы неспособнымъ осуществить задуманный планъ, угрожавшій міровой войною, и графъ Берхтольдъ стушевался передъ фонъ-Яговомъ.

Австрійская дипломатія всегда отличалась необыкновенною гибкостью своихъ пріемовъ. Высокомѣрная по отношенію къ слабымъ, она становится покорною и пассивною передъ несомнѣнно болѣе сильными, побѣдоносными союзниками. Заботы о престижѣ монархіи занимаютъ много мѣста въ сношеніяхъ съ Сербіею, но исчезаютъ передъ могущественною Германіею, и самъ императоръ Францъ-Іосифъ не споритъ, когда ему отводятъ мѣсто простого ассистента Вильгельма II. Все-таки предшественники графа Берхтольда,

подчиняясь авторитету Берлина, соблюдали извѣстный декорумъ, и напр. баронъ Эренталь, добившись отступленія Россіи въ боснійскомъ вопросѣ при помощи Германіи, возвысилъ репутацію вѣнскаго кабинета; но графъ Берхтольдъ не сумѣлъ избѣгнуть внѣшняго приниженія имперіи въ моментъ вызывающихъ дѣйствій противъ Сербіи и Россіи, — подобно тому, какъ позднѣе не избѣгла такого приниженія Турція, вынужденная напасть на Россію по внушенію и подъ руководствомъ Германіи.

Самъ по себѣ графъ Берхтольдъ—личность слишкомъ безцвѣтная, чтобы останавливать на себѣ вниманіе; можно сказать, что онъ попалъ въ государственные люди только благодаря своей знатности и богатству. Какъ царедворецъ и аристократъ, онъ свободенъ былъ отъ обязанности имѣть свои самостоятельныя политическія или иныя убѣжденія, и ему не трудно было, послѣ обычныхъ успѣховъ въ высшемъ русскомъ обществѣ въ качествѣ австрійскаго посла въ Петроградѣ (до февраля 1912 года), взять на себя иниціативу рѣзко-враждебнаго шага противъ Россіи по желанію придворно-военныхъ круговъ, вдохновляемыхъ Вильгельмомъ II. Исполнивъ данное ему порученіе, онъ могъ уже уйти, и запоздалая отставка его никого не удивила. На его мѣсто назначенъ человѣкъ другого типа, опытный политическій дѣятель, бывшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имперскимъ министромъ финансовъ и администраторомъ Босніи, баронъ Стефанъ Буріанъ, одинъ изъ вліятельныхъ друзей и единомышленниковъ венгерскаго министра-президента графа Тиссы. Австрійская политика, не только внѣшняя, но и внутренняя, все болѣе проникается венгерскимъ духомъ и пріобрѣтаетъ характеръ,— какъ принято теперь выражаться,—„мадьярской оріентаціи". Замѣчается какъ будто стремленіе избавиться отъ германской опеки или по крайней мѣрѣ ограничить ея притязанія, — но оно возникло слишкомъ поздно для того, чтобы привести къ какому-нибудь положительному результату. Австрійцамъ легко было начать войну, но какъ прекратить ее или довести до конца—зависитъ уже не отъ нихъ.

Положеніе государствъ, близко заинтересованныхъ въ балканскихъ дѣлахъ и тѣмъ не менѣе сохраняющихъ до сихъ поръ свой нейтралитетъ, продолжаетъ служить предметомъ оживленныхъ толковъ и горячей полемики въ европейской печати. Выступитъ ли Италія противъ Австро-Венгріи и когда именно? Вмѣшается ли въ войну Румынія? Предприметъ ли что-нибудь Болгарія? По этимъ вопросамъ написаны уже груды газетныхъ статей, произнесено множество рѣчей, читаны обстоятельные доклады, а никакого практи-

ческаго результата не видно. Дипломаты и публицисты убѣдительно доказываютъ, что Италія непремѣнно должна вмѣшаться для пріобрѣтенія итальянскихъ земель Австро-Венгріи, и съ этимъ соглашается и правительство, въ лицѣ министра-президента Саландры; это настроеніе одобряется и парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ,—и, однако, итальянцы не двигаются съ мѣста. То же самое и еще въ большей степени происходитъ въ Румыніи: тамъ дѣйствуютъ не только туземные общественные дѣятели и патріоты, но и могущественныя иностранныя вліянія, и неустанно выставляются разные вѣские доводы въ пользу скорѣйшей оккупаціи Трансильваніи,—и все-таки страна не выходитъ изъ своего нейтралитета. Такъ же точно и Болгарія старательно держится въ сторонѣ отъ событій, въ которыхъ могла бы участвовать съ несомнѣнною для себя выгодою.

Чѣмъ объяснить это упорное господство нейтралитета при явномъ преобладаніи національныхъ патріотическихъ чувствъ и стремленій, направленныхъ къ активному вмѣшательству? Мы думаемъ, что доказывать необходимость немедленнаго выступленія той или другой державы, съ цѣлью принять участіе въ войнѣ и получить свою долю добычи,—занятіе довольно безплодное, никому не нужное, иногда только напрасно раздражающее отвѣтственныхъ дѣятелей и представителей заинтересованной націи. Война—слишкомъ тяжелое и страшное предпріятіе, чтобы рѣшиться на нее безъ крайней нужды и безъ твердой увѣренности въ отсутствіи всякаго риска для государства. Чтобы промѣнять спокойный нейтралитетъ на тревожныя и разорительныя военныя дѣйствія, требуются прежде всего два условія: во-первыхъ, ясное сознаніе того, что наступилъ рѣшительный моментъ, пропускъ котораго можетъ привести къ потерѣ возможныхъ плодовъ вмѣшательства, и во-вторыхъ, твердое убѣжденіе въ томъ, что успѣхъ безусловно обезпеченъ и что вмѣшательство не связано ни съ какимъ рискомъ. Ни одного изъ этихъ условій не имѣется еще на-лицо при настоящемъ ходѣ войны. Италія считаетъ, что она всегда успѣетъ занять сосѣднія области съ итальянскимъ населеніемъ, и ей нѣтъ повода торопиться съ этимъ дѣломъ; напротивъ, чѣмъ позже она приступитъ къ оккупаціи, тѣмъ лучше и выгоднѣе будетъ для страны, тѣмъ дешевле обойдется вмѣшательство и тѣмъ меньше будетъ въ немъ элементъ риска,—если, конечно, осуществится предполагаемый окончательный разгромъ Австро-Венгріи. Пока монархія Габсбурговъ не разгромлена вполнѣ и безповоротно, до тѣхъ поръ Италія не выйдетъ изъ своего нейтралитета. Это кажется несомнѣннымъ, несмотря на всѣ воинственныя разсужденія отдѣльныхъ итальянскихъ патріотовъ. Разумѣется, для державъ тройственнаго согласія было бы въ высшей степени

важно привлечь Италію къ немедленному вооруженному участію въ войнѣ, чтобы добиться скорѣйшей побѣды надъ врагомъ; но итальянцы предпочитаютъ вмѣшаться только тогда, когда австрійцы будутъ окончательно разбиты другими, безъ ихъ помощи. Всѣ споры о нейтралитетѣ вызываются, собственно, различіемъ исходныхъ точекъ зрѣнія, при оцѣнкѣ совершающихся событій. Одни имѣютъ въ виду достиженіе извѣстныхъ національныхъ цѣлей съ возможно меньшими затратами и усиліями; другіе желали бы ускорить и обезпечить успѣшный исходъ войны путемъ привлеченія свѣжихъ крупныхъ силъ, которыя могли бы сразу дать перевѣсъ противникамъ Австро-Венгріи. Первые хотятъ дѣйствовать навѣрняка, ничѣмъ не рискуя; вторые готовы идти на извѣстныя жертвы, чтобы облегчить разрѣшеніе великой исторической задачи, издавна волнующей итальянцевъ. Практическіе государственные люди Италіи стоятъ на первой точкѣ зрѣнія, идеалисты и иностранцы—на второй. А такъ какъ текущая итальянская политика направляется практическими государственными людьми, а не патріотически настроенными журналистами, то соблюденіе прежняго нейтралитета остается пока руководящимъ принципомъ итальянской дипломатіи.

Если Италія, какъ великая держава, имѣетъ еще возможность выбора между разными направленіями своей внѣшней политики, то Румынія поставлена нѣсколько иначе и такого свободнаго выбора не имѣетъ. Она должна считаться съ желаніями и требованіями своихъ могущественныхъ сосѣдей, и она не можетъ прямо выступить противъ Австро-Венгріи, пока послѣдняя не подверглась надлежащему разгрому. Она вынуждена одинаково остерегаться преждевременнаго сближенія съ тою или другою группою воюющихъ державъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствія заинтересованныхъ правительствъ. Въ сущности строгій нейтралитетъ есть единственный надежный якорь спасенія для Румыніи во время такой войны, какъ настоящая. Только послѣ того какъ окончательно выяснятся общіе результаты главныхъ военныхъ операцій, Румынія можетъ разсчитывать нанести Австро-Венгріи послѣдній сокрушительный ударъ вторженіемъ своихъ войскъ въ ея предѣлы; раньше она на это не рѣшится,—насколько позволено судить по поведенію и рѣчамъ ея правящихъ лицъ. Говорятъ о попыткахъ ея соглашенія съ Италіею, съ цѣлью одновременнаго начала военныхъ дѣйствій; но ни одна изъ сторонъ не желаетъ стѣснять себя заранѣе, тѣмъ болѣе, что и международное положеніе ихъ неодинаково. Поэтому возлагать серьезныя надежды на скорое вмѣшательство Румыніи и Италіи въ войну было бы неосторожно, хотя осуществленіе такого вмѣшательства было бы крайне желательно для державъ тройственнаго согласія и особенно для Россіи.

Для насъ, однако, наибольшій интересъ представляетъ поведеніе Болгаріи, которая имѣла бы очень много основаній къ тому, чтобы относиться съ безусловнымъ сочувствіемъ къ дѣйствіямъ русскихъ войскъ противъ Австро-Венгріи и Турціи. Но въ Болгаріи существуетъ разладъ между правящимъ классомъ и народными массами: правящія лица, начиная съ царя Фердинанда и его семьи, склоняются явственно и демонстративно на сторону австрійцевъ, а большинство населенія сохраняетъ вѣрность традиціоннымъ симпатіямъ къ Россіи. Въ письмѣ изъ Болгаріи, помѣщенномъ въ настоящей книжкѣ, подробно излагаются тѣ обстоятельства, которыя возбудили противъ насъ значительную часть общественнаго мнѣнія страны; но для русскаго читателя остается неяснымъ, почему собственно болгары считаютъ Россію отвѣтственною за событія, въ которыхъ она совершенно неповинна.

Всѣ несчастья Болгаріи послѣ ея блестящихъ военныхъ успѣховъ вызваны, какъ извѣстно, внезапнымъ нападеніемъ ея арміи на Сербію въ ночь на 17 іюня 1913 года, изъ-за возникшаго спора о Македоніи. Болгары начали братоубійственную войну потому, что царь Фердинандъ и генералъ Савовъ, по наущенію австрійской дипломатіи, пожелали разрѣшить македонскій вопросъ силою, а не третейскимъ судомъ Россіи, какъ условлено было по союзному договору 29 февраля 1912 года; они не послушались настоятельнаго и рѣшительнаго предостереженія, даннаго имъ по телеграфу изъ Петрограда, и обнаружили явное недовѣріе къ русскому арбитражу и къ доброжелательнымъ русскимъ совѣтамъ. Они потерпѣли жестокую неудачу, лишились почти всѣхъ своихъ пріобрѣтеній, потеряли не только Македонію, но Адріанополь и Ѳракію, и часть своей прежней территоріи, захваченную румынскими войсками, и вынуждены были подписать соотвѣтственный мирный трактатъ въ Бухарестѣ 28 іюля (10 августа) 1913 года. Дѣйствительно, съ побѣжденною Болгаріею поступлено было чрезвычайно сурово, но что могла сдѣлать противъ этого Россія? Вмѣшаться въ войну для защиты болгаръ отъ послѣдствій ихъ собственныхъ роковыхъ ошибокъ—значило бы вызвать вмѣшательство другихъ державъ и зажечь, быть можетъ, тотъ міровой пожаръ, котораго надо было избѣжать во что бы то ни стало. Россія не имѣла возможности ни остановить обратное нашествіе турокъ на Ѳранію и Адріанополь, ни воспрепятствовать движенію румынской арміи въ предѣлы болгарской территоріи, ни помѣшать бухарестскимъ мирнымъ переговорамъ, приведшимъ къ подписанію болгарскими уполномоченными невыгоднаго для нихъ трактата. Всѣ эти печальныя событія, послѣдовавшія за второю балканскою войною, происходили внѣ контроля русской дипломатіи, вопреки ея

настойчивымъ усиліямъ, и никакъ не могли быть предотвращены постороннимъ вмѣшательствомъ. Румынія подчинялась тогда скорѣе австро-германскому, чѣмъ русскому вліянію, и никакими мирными увѣщаніями нельзя было бы удержать ее отъ захвата давно намѣченной болгарской добычи. Очень можетъ быть, что наша дипломатія находила справедливыми нѣкоторыя изъ первоначальныхъ претензій Сербіи и не возражала противъ мысли о пересмотрѣ сербско-болгарскаго договора 29 февраля 1912 года; но эти первоначальныя сербскія притязанія не шли далѣе небольшихъ территоріальныхъ перемѣнъ, относительно которыхъ не трудно было бы столковаться при нѣкоторомъ взаимномъ пониманіи и доброжелательствѣ. Болгарскіе правители почему-то съ самаго начала отнеслись безусловно отрицательно къ замѣчаніямъ и доводамъ Сербіи, и оставляли ихъ даже безъ всякаго отвѣта; они не хотѣли допустить, чтобы эти замѣчанія и доводы обсуждались при разсмотрѣніи спора третейскимъ судомъ; оттого они и уклонились отъ русскаго арбитража и рѣшились прибѣгнуть къ оружію противъ бывшихъ союзниковъ. Это было великимъ несчастьемъ для Болгаріи, но Россія тутъ ни при чемъ.

Нейтральныя государства вообще не страдаютъ отъ войны, а даже извлекаютъ изъ нея значительныя выгоды, доставляя воюющимъ націямъ и особенно Германіи необходимые имъ товары по возвышенной цѣнѣ. Эта торговля съ нейтральными имѣетъ громадное значеніе для нѣмцевъ, лишенныхъ подвоза сырыхъ продуктовъ изъ Америки и другихъ странъ; но она несомнѣнно нарушаетъ интересы державъ, находящихся въ войнѣ съ Германіею, и потому встрѣчаетъ энергическое противодѣйствіе со стороны Англіи. Важнѣйшіе предметы общаго потребленія объявлены контрабандою, и доставка ихъ въ германскіе порты не допускается англичанами; они могутъ быть привозимы только окольнымъ путемъ, черезъ пограничныя съ Германіею нейтральныя страны—Нидерланды и Данію, или черезъ посредство Швеціи и Норвегіи. Оттого цифры привоза въ эти страны, какъ и вывоза изъ Америки, возросли въ колоссальныхъ размѣрахъ, сравнительно съ предыдущимъ годомъ; такъ, за сентябрь и октябрь 1913 года привезено американской мѣди въ Италію 6.800.000 ф., въ Нидерланды—1.300.000, въ Швецію—2.800.000, въ Норвегію—ничего, а въ соотвѣтствующіе мѣсяцы 1914 года, въ Италію—25 милл., въ Нидерланды—12.200.000, въ Швецію—6.700.000, въ Норвегію—8.200.000. Въ общемъ, за мѣсяцы войны, до половины декабря, привезено въ Италію мѣди изъ Соединенныхъ Штатовъ на 21 милл.

фунтовъ больше, чѣмъ въ соотвѣтствующій періодъ 1913 года. Нельзя, конечно, предположить, что Италія, Швеція и Норвегія внезапно почувствовали потребность въ непомѣрно увеличенныхъ запасахъ мѣди и что эти запасы они пріобрѣтали для собственныхъ надобностей; всѣмъ было хорошо извѣстно, что мѣдь крайне нужна германцамъ для боевыхъ снарядовъ и что они испытываютъ большой недостатокъ въ этомъ металлѣ. Очевидно, мѣдь привозилась въ нейтральные порты только для того, чтобы оттуда попасть на мѣсто назначенія—въ Германію. Естественно, что англійскіе наблюдательные крейсеры задерживали американскіе пароходы, направлявшіеся съ этимъ сомнительнымъ грузомъ въ нейтральныя гавани; американцы протестовали, но не могли помѣшать уводу своихъ судовъ въ британскіе порты для надлежащаго осмотра. Такъ какъ остановка движенія торговыхъ кораблей причиняла ихъ владѣльцамъ крупные убытки, то неоднократно высказывалось пожеланіе, чтобы осмотръ производился въ открытомъ морѣ, безъ увода въ портъ. Однако, во многихъ случаяхъ нельзя было довольствоваться бѣглымъ поверхностнымъ осмотромъ груза, и англичане не могли отказаться отъ преслѣдованія контрабанды изъ уваженія къ американцамъ.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ заступилось за интересы своей внѣшней торговли и въ концѣ прошлаго года дважды обращалось къ лондонскому кабинету съ дипломатическими нотами, въ которыхъ настоятельно излагались и поддерживались жалобы американскихъ гражданъ. Въ послѣдней нотѣ, отъ 29 (16) декабря, выражена даже серьезная просьба не медлить отвѣтомъ и отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ возбужденнымъ вопросамъ, для поддержанія добрыхъ и близкихъ отношеній между обѣими странами. Британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, поспѣшилъ исполнить желаніе вашингтонскаго кабинета и далъ предварительный, возможно обстоятельный отвѣтъ, съ обѣщаніемъ представить впослѣдствіи болѣе точныя фактическія данныя въ подтвержденіе своихъ доводовъ. Англія отстаиваетъ свое право контролировать нейтральную торговлю, служащую интересамъ непріятеля, и этого права не отрицаютъ и американцы. Споръ ведется въ дружескомъ тонѣ, и нѣкоторыя британскія разъясненія признаются вполнѣ справедливыми. Англія не можетъ допустить, чтобы нейтральныя страны снабжали Германію средствами для продолженія войны и въ томъ числѣ земледѣльческими и пищевыми продуктами; американцы противъ этого не спорятъ, но возстаютъ противъ задержанія торговыхъ судовъ по одному подозрѣнію въ томъ, что грузъ предназначенъ для непріятельской страны. Они ссылаются также на мнѣніе лорда Сольсбери, который утверждалъ, что пищевые про-

дукты составляютъ контрабанду только при прямомъ назначеніи ихъ для войскъ противника; но примѣнять это ограничительное правило на практикѣ—значило бы совсѣмъ отказаться отъ цѣлесообразныхъ мѣръ борьбы противъ контрабанды. Съ этимъ, въ сущности, согласны и американскіе публицисты. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ очень сильная и вліятельная нѣмецкая партія, состоящая преимущественно изъ промышленныхъ дѣятелей германскаго происхожденія; эти дѣятели пользуются защитою американскихъ торговыхъ интересовъ для возбужденія вражды противъ Англіи и вносятъ непріязненный элементъ въ полемику, которая до послѣдняго времени имѣла чисто-дѣловой характеръ. Разумѣется, торгово-промышленные интересы имѣютъ огромное значеніе для американцевъ и занимаютъ главное мѣсто въ заботахъ ихъ правительства; а въ вопросѣ о военной контрабандѣ эти американскіе интересы, несомнѣнно, противоположны британскимъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, изъ 773 американскихъ пароходовъ, слѣдовавшихъ въ нейтральные порты съ начала войны, только 45 было отведено англичанами для разсмотрѣнія и провѣрки ихъ грузовыхъ документовъ призовымъ судомъ. Это—процентъ незначительный, но вполнѣ достаточный для того, чтобы парализовать американскую торговлю съ нейтральными странами Европы. Въ концѣ концовъ, Англіи придется сдѣлать нѣкоторыя уступки: прежде всего она должна будетъ позаботиться, чтобы процедура задержанія и осмотра кораблей отнимала меньше времени, такъ какъ до сихъ поръ проходили недѣли и мѣсяцы отъ момента задержанія до рѣшенія участи даннаго груза.

Независимо отъ этихъ непріятныхъ споровъ о контрабандѣ, американцы имѣютъ еще и другіе поводы быть недовольными Англіею. Имъ предстояло блестящее, чрезвычайно выгодное дѣло—пріобрѣтеніе нѣмецкихъ океанскихъ пароходовъ, задержанныхъ войною въ американскихъ гаваняхъ и принадлежащихъ германскимъ пароходнымъ компаніямъ; владѣльцы предлагали продать эти пароходы на льготныхъ условіяхъ американскому правительству или отдѣльнымъ американскимъ капиталистамъ или акціонернымъ компаніямъ, и задуманная комбинація легко осуществилась бы, если бы не предвидѣлось вѣскихъ возраженій со стороны Англіи. Теперь эти громадные, роскошно устроенные германскіе пароходы стоятъ безъ дѣла, опасаясь выйти въ море, а при переходѣ въ собственность Соединенныхъ Штатовъ или отдѣльныхъ американскихъ предпринимателей они увеличили бы собою численность американскаго торговаго флота, тогда какъ нѣмцы выручили бы свои затраченные капиталы. Правительство президента Вильсона внесло въ конгрессъ проектъ закона, которымъ оно уполномочивается выпустить свидѣ-

тельства государственнаго казначейства на сумму въ тридцать милліоновъ долларовъ (около 60 милл. рублей) для пріобрѣтенія или сооруженія крупныхъ коммерческихъ судовъ и для образованія съ этою цѣлью акціонерной компаніи, въ которой главнымъ участникомъ было бы правительство. При обсужденіи этого билля высказывались большія сомнѣнія относительно его принципіальной обоснованности и практической осуществимости; по общему правилу, переходъ торговыхъ кораблей воюющей страны въ руки нейтральныхъ владѣльцевъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ, если онъ совершился уже послѣ начала военныхъ дѣйствій. Это правило ясно выражено и въ лондонской декларацiи, опредѣляющей условія морской торговли въ военное время. Нѣмецкіе океанскіе пароходы, купленные Соединенными Штатами, не перестали бы быть германскими для англичанъ и подлежали бы законному захвату въ открытомъ морѣ, въ качествѣ непріятельскихъ судовъ, хотя бы они шли подъ американскимъ флагомъ. Въ виду подобной перспективы сторонники билля не имѣютъ шансовъ провести его въ первоначальномъ видѣ, и весь планъ, выработанный и пущенный въ ходъ германофилами подъ прикрытіемъ американскаго патріотизма, потерпѣлъ неудачу. Для провѣрки высказанныхъ по этому поводу юридическихъ доводовъ сдѣланъ былъ пробный практическій опытъ: одинъ изъ американскихъ дѣльцовъ германскаго происхожденія купилъ пароходъ «Dacia», принадлежащій нѣмецкой компаніи, и внесъ его въ списки американскаго торговаго флота. Пароходъ принялъ грузъ хлопка и отправился въ плаваніе подъ американскимъ флагомъ, по направленію въ Бременъ. Будетъ ли онъ захваченъ англичанами, когда встрѣтится имъ на пути? Американскіе германофилы думаютъ, что Англія не рѣшится вызывать раздраженіе Соединенныхъ Штатовъ своими крутыми мѣрами противъ американскаго судоходства и откажется на этотъ разъ отъ суроваго прямолинейнаго примѣненія своихъ принциповъ; но, судя по категорическимъ предупрежденіямъ изъ Лондона, разсчеты американскихъ нѣмцевъ едва-ли оправдаются. Какова бы ни была судьба парохода «Dacia», всѣ остальные германскіе пароходы, находящіеся въ американскихъ гаваняхъ, обречены на бездѣйствіе до окончанія войны.

Нѣмецкая партія въ Соединенныхъ Штатахъ стоитъ за миръ, и съ этой стороны она могла бы пріобрѣсть популярность въ народѣ, безусловно миролюбивомъ; но она требуетъ не просто возстановленія мира, а мира почетнаго для Германіи, при чемъ не скрываетъ своихъ честолюбивыхъ притязаній, несовмѣстимыхъ съ жизненными интересами другихъ державъ—Англіи, Франціи и Россіи. Преуве-

личенныя претензіи и явно нелѣпыя домогательства, поддерживаемыя нѣмецкими патріотами со свойственною имъ безтактною грубостью, отталкиваютъ отъ Германіи американское общественное мнѣніе, и традиціонныя политическія связи съ Англіей не ослабѣли въ Соединенныхъ Штатахъ подъ вліяніемъ усердной—даже черезчуръ усердной—германофильской пропаганды въ печати, въ правительственныхъ сферахъ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Между тѣмъ Германія сильно нуждается въ сочувствіи нейтральныхъ государствъ и должна была бы очень и очень дорожить сохранившимися еще въ нихъ симпатіями къ нѣмецкому народу, при настоящихъ тяжелыхъ для нея обстоятельствахъ. Насколько трудно теперь положеніе имперіи, затѣявшей безумную борьбу противъ всей почти Европы, можно видѣть по тѣмъ крайнимъ мѣрамъ, къ какимъ прибѣгаетъ германское правительство для нанесенія наиболѣе чувствительныхъ ударовъ предполагаемымъ виновникамъ всѣхъ бѣдствій нѣмцевъ—англичанамъ. Съ одной стороны, Германія насылаетъ на Англію свои воздушные корабли, «цеппелины», бросающіе бомбы въ мирныхъ жителей открытыхъ беззащитныхъ городовъ, а съ другой—въ отместку за блокаду своихъ береговъ британскими морскими силами, она объявляетъ прибрежныя воды Великобританіи и Ирландіи состоящими въ районѣ военныхъ дѣйствій и, слѣдовательно, закрытыми для иностранныхъ нейтральныхъ судовъ. Бросаніе бомбъ въ безоружныхъ людей, женщинъ и дѣтей, производимое систематически подъ общимъ руководствомъ графа Цеппелина, должно будто бы пугать воображеніе англичанъ и заставить ихъ смириться передъ мощью Германіи, а на самомъ дѣлѣ оно вызываетъ негодованіе во всемъ культурномъ мірѣ, какъ проявленіе безсмысленной и безцѣльной жестокости, не имѣющей никакой связи съ ходомъ военныхъ дѣйствій. Говорятъ, что графу Цеппелину обѣщанъ княжескій титулъ, если ему удастся совершить побѣдоносный набѣгъ или налетъ на Лондонъ, и старый нѣмецкій изобрѣтатель, котораго Вильгельмъ II когда-то провозгласилъ величайшимъ человѣкомъ современной эпохи, торопится исполнить варварскую мечту своего повелителя. Такого рода подвиги не принесутъ славы ни ему, ни его монарху, и если нѣмецкая печать восторгается ими или оправдываетъ ихъ, то это кладетъ на нее позорное пятно, которое ничѣмъ не смоется.

Другая мѣра—объявленіе блокады британскихъ береговъ—производитъ впечатлѣніе чего-то несерьезнаго, въ виду явной невозможности осуществить эту мѣру на практикѣ. Безсильная сравнительно съ Англіею въ открытомъ морѣ, Германія дѣлаетъ вызовъ не только англичанамъ, но и всѣмъ нейтральнымъ націямъ,—вызовъ, со-

вершенно не соотвѣтствующій ея средствамъ и ея дѣйствительному международному положенію. Однако, этотъ оффиціально возвѣщенный актъ германскаго морского вѣдомства далеко не можетъ считаться невиннымъ или безразличнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Онъ даетъ Германіи право посылать подводныя лодки въ прибрежныя британскія воды, топить тамъ всѣ встрѣчающіеся нейтральные корабли, разбрасывать мины и ставить всевозможныя преграды торговому судоходству,—т.-е. въ сущности заниматься морскимъ разбоемъ, отъ котораго больше всего страдали бы граждане нейтральныхъ государствъ. О какомъ-либо подобіи дѣйствительной блокады тутъ не можетъ быть и рѣчи, ибо фактически нѣмцы безсильны предпринять что-нибудь противъ британскаго побережья; они только злоупотребляютъ терминологіей международнаго права, чтобы открыто вступить на путь пиратства. Само собою разумѣется, что Англія сумѣетъ принять свои мѣры противъ разбойничьихъ плановъ германскаго военнаго вѣдомства и что международное ея судоходство избѣгнетъ предположенныхъ сокрушительныхъ ударовъ Германіи: въ этомъ одинаково заинтересованы всѣ культурные народы, не исключая и тѣхъ, которые до сихъ поръ относились къ нѣмцамъ сочувственно. Продолжая угрожать противникамъ и всей Европѣ, Германія въ то же время вынуждена сама признать свое состояніе близкимъ къ положенію осажденной крѣпости, какъ видно изъ принятыхъ мѣръ относительно пріобрѣтенія въ собственность государства всѣхъ имѣющихся въ странѣ запасовъ хлѣба и обязательной экономіи въ употребленіи пищевыхъ продуктовъ населеніемъ. Находясь такимъ образомъ, по собственному признанію, въ состояніи дѣйствительной блокады, она объявляетъ блокаду Англіи, и съ точки зрѣнія нейтральныхъ государствъ этотъ странный шагъ представляется лишь актомъ злобнаго безсилія.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Засѣданія думской бюджетной комиссіи.—Выступленія крайнихъ правыхъ.—Общеземскій союзъ и курское земство.—Характерный финалъ.—А. М. Колюбакинъ †.

«Государственная Дума»—такъ вѣщалъ представитель правыхъ въ бюджетной комиссіи, г. Замысловскій,—«призвана къ тому, чтобы работать въ мирное время. Въ военное время задача законодательныхъ учрежденій—создать подъемъ духа во всемъ населеніи, и это дороже критики». Справедливо въ этомъ замѣчаніи, только одно: въ военное время трудно осуществима сложная, продолжительная законодательная работа, обнимающая собою всѣ отрасли государственнаго управленія и народной жизни. Слишкомъ отвлечено въ другую сторону вниманіе правительства и общества; слишкомъ велики требованія минуты, чтобы заглядывать далеко въ будущее. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы прекратиться должна была всякая законодательная дѣятельность, умолкнуть всякая критика. Нѣтъ такого момента, когда безусловно опаснымъ можно было бы считать свободное слово—а сказать его, сдержанно и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетно, призвано именно народное представительство. «Подъемъ духа» не создается искусственно, да о созданіи его у насъ, въ настоящую минуту, незачѣмъ и хлопотать; онъ имѣется на-лицо съ первыхъ дней войны, во всѣхъ частяхъ страны, во всѣхъ слояхъ населенія; имъ было вызвано единодушіе, проявленное Думой въ засѣданіи 26-го іюля. Теперь нужно не повтореніе произнесенныхъ тогда рѣчей; гораздо нужнѣе критика, не только раскрывающая, но и предупреждающая ошибки. Касаясь частностей, она лучше всякихъ громкихъ фразъ свидѣтельствуетъ объ искренности поддержки, оказываемой въ общемъ и цѣломъ. Особенно полезной ее слѣдуетъ признать у насъ, въ виду недостаточно еще опредѣлившихся требованій и условій новаго государственнаго строя. Яркимъ доказательствомъ этому служатъ многіе эпизоды преній въ бюджетной комиссіи.

Въ первомъ засѣданіи комиссіи И. В. Годневъ (лѣвый октябристъ) обратилъ вниманіе на то, что повышеніе налоговъ и

сокращеніе кредитовъ, произведенныя за силою ст. 87 законовъ основныхъ, не могутъ считаться основанными на твердыхъ титулахъ и должны быть разсматриваемы какъ части смѣты, подлежащія свободному измѣненію со стороны законодательныхъ учрежденій. Другими словами, мѣры, принятыя по ст. 87-ой, *законами* въ полномъ смыслѣ этого слова признаваемы быть не могутъ. Прямо противоположное мнѣніе высказалъ государственный контролеръ П. А. Харитоновъ (заступавшій отсутствующаго министра финансовъ); онъ утверждалъ, что мѣры, проведенныя по ст. 87, ничѣмъ, пока онѣ не отмѣнены, не отличаются отъ законовъ и наравнѣ съ послѣдними могутъ служить титулами для взиманія доходовъ и производства расходовъ. Такого же взгляда держался, повидимому, и предсѣдатель комиссіи, М. М. Алексѣенко, ничего не возразившій государственному контролеру. Два дня спустя И. В. Годневъ, поддержанный на этотъ разъ А. И. Шингаревымъ, повторилъ сказанное имъ 12-го января—и опять встрѣтилъ тѣ же возраженія со стороны П. А. Харитонова. Съ твердостью, которой нельзя не отдать полную справедливость, И. В. Годневъ остался вѣренъ своему ceterum censeo—и въ засѣданіи 15-го января положеніе дѣлъ радикально измѣнилось. М. М. Алексѣенко призналъ, что законный титулъ, создаваемый ст. 87-ою, недостаточенъ: кредиты, связанные съ этою статьею, должны быть исключены изъ росписи и отнесены на свободную наличность. Съ этимъ согласился и П. А. Харитоновъ. «Правда,—замѣтилъ онъ,—такое отнесеніе представляетъ нѣкоторыя неудобства, но зато избѣгается формальное недоразумѣніе». Покинутую правительствомъ точку зрѣнія пытался отстоять г. Замысловскій, ссылаясь (какъ оказалось потомъ—совершенно ошибочно) на практику третьей думы и пугая тѣмъ, что вычеркиванье кредитовъ можетъ показаться нарушеніемъ единства между правительствомъ и Думой; но П. А. Харитоновъ не поддался испугу, и г. Замысловскій заявилъ, что если правительство согласно съ предложеніемъ предсѣдателя бюджетной комиссіи, то и онъ не возражаетъ противъ него.

Болѣе яркую иллюстрацію къ тезису о необходимости и пользѣ критики нельзя было бы, кажется, и придумать. Представимъ себѣ, что въ военное время, какъ требующее только «подъема духа» и устраняющее несовмѣстимую, будто бы, съ такимъ подъемомъ критику, было бы найдено невозможнымъ созывать народное представительство или сами народные представители обрекли бы себя, по рецепту г. Замысловскаго, на роль статистовъ, дѣлающихъ жесты и повторяющихъ восторженныя междометія. Въ наше государственное право, безъ того столь несовершенное, проникъ бы, почти незамѣченнымъ и

вовсе не оспореннымъ, крайне опасный принципъ, извращающій понятіе о законѣ. Признавать закономъ мѣру, основанную на ст. 87-ой, значитъ идти прямо въ разрѣзъ съ буквой и духомъ нашего законодательства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе хотя бы на терминологію ст. 87-ой, тщательно избѣгающей примѣнять къ предусматриваемымъ ею *мѣрамъ* названіе *закона*. Еще яснѣе ст. 86-ая, по которой *никакой новый законъ* не можетъ послѣдовать безъ одобренія Госуд. Совѣта и Госуд. Думы, и ст. 94-ая, по которой *законъ* не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона; между тѣмъ, для отмѣны (или, какъ совершенно правильно выражается ст. 87, для «прекращенія дѣйствія») *мѣры*, основанной на ст. 87-ой, достаточно непринятія ея одною изъ законодательныхъ палатъ. Что можно противопоставить этимъ неопровержимымъ фактамъ? Включеніе ст. 87 въ главу, озаглавленную: «О законахъ»? Но къ правилу обыкновенно всегда пріурочиваются исключенія; къ ст. 86-ой, точно и категорически опредѣляющей способъ изданія закона, естественно было присоединить указаніе условій, при которыхъ рядомъ съ закономъ—или даже на мѣсто закона—можетъ быть поставленъ временный его суррогатъ. Мѣрѣ, принятой по ст. 87-й, недостаетъ главнаго признака закона: твердости, устойчивости, постоянства. Вызываемая—при точномъ соблюденіи регулирующихъ ее правилъ,—чрезвычайными, преходящими условіями, она не можетъ служить такой твердой точкой опоры для вытекающихъ изъ нея распоряженій, какъ настоящій законъ. «Бронированныхъ» расходовъ у насъ безъ того слишкомъ много; увеличивать ихъ число тѣмъ пріемомъ, противъ котораго возсталъ И. В. Годневъ, значило бы доводить ограниченіе правъ народнаго представительства до такихъ предѣловъ, которыхъ не имѣлъ въ виду законодатель. Есть истины на столько очевидныя, что передъ настойчивой и ясной ихъ формулировкой долженъ сложить оружіе всякій добросовѣстный противникъ. Конечно, отказъ отъ однажды заявленнаго мнѣнія требуетъ извѣстнаго мужества, которое и было проявлено, въ данномъ случаѣ, П. А. Харитоновымъ; но признаніе ошибки—не вина, а заслуга. Что касается до отступленія г. Замысловскаго, то мы, конечно, знали, что съ измѣненіемъ взгляда правительства часто измѣняется, ipso facto, взглядъ его сторонниковъ; но обыкновенно эта перемѣна не оглашается тотчасъ же во всеобщее свѣдѣніе... Соглашеніе, достигнутое въ бюджетной комиссіи Госуд. Думы, нашло отголосокъ и въ финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта. Когда предсѣдатель ея, М. Д. Дмитріевъ, поставилъ вопросъ объ отнесеніи доходовъ и расходовъ, обусловленныхъ введеніемъ новыхъ

налоговъ по ст. 87-ой, на свободную наличность, государственный контролеръ, повторивъ, что въ роспись не должны быть включаемы спорные кредиты, предложилъ финансовой комиссіи не возражать противъ постановленія думской бюджетной комиссіи, и финансовая комиссія безъ преній съ этимъ предложеніемъ согласилась.

Если бюджетной комиссіи удалось достигнуть соглашенія съ правительствомъ по принципіальному вопросу, относящемуся къ пониманію и примѣненію ст. 87-й, то невольно возникаетъ сожалѣніе о томъ, что новые налоги, вызванные войною и прекращеніемъ продажи водки, не были проведены, въ нормальномъ порядкѣ, черезъ законодательныя учрежденія. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Госуд. Дума, въ трудную минуту государственной и народной жизни, не отказала бы правительству въ необходимыхъ средствахъ, а источники ихъ были бы, можетъ быть, опредѣлены съ большею цѣлесообразностью. Какъ правильно указалъ въ бюджетной комиссіи А. И. Шингаревъ, добавки къ существующимъ налогамъ, не всегда, притомъ, удачно задуманныя (это призналъ, при послѣдующихъ преніяхъ, и П. А. Харитоновъ, по отношенію къ налогу на желѣзнодорожные грузы), могли бы быть съ большою пользою для населенія замѣнены введеніемъ подоходнаго налога. Въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ противъ него едва-ли рѣшились бы возражать обычные, систематическіе его противники, и въ нашей финансовой системѣ былъ бы, наконецъ, сдѣланъ тотъ рѣшительный шагъ впередъ, необходимость котораго еще тридцать лѣтъ тому назадъ была признана министромъ финансовъ Н. Х. Бунге. Правда, членъ Думы П. Н. Крупенскій заявилъ въ бюджетной комиссіи, что проектъ подоходнаго налога, пролежавшій въ Думѣ безъ движенія семь лѣтъ, никогда черезъ Думу не пройдетъ, ибо это налогъ соціалистическій; но одно дѣло выступать съ такими заявленіями теперь, когда доходную смѣту найдено возможнымъ пополнить безъ обращенія къ подоходному налогу, и совсѣмъ другое было бы возстать противъ него, если бы онъ былъ введенъ правительствомъ въ составъ смѣты, какъ необходимая ея составная часть, какъ главное средство предупрежденія дефицита. Едва-ли, при такихъ условіяхъ, у тѣхъ общественныхъ классовъ, представительство которыхъ беретъ на себя г. Крупенскій, хватило бы рѣшимости вынести на свѣтъ противоположность между ихъ узко понятыми интересами и насущными нуждами страны. Введеніе подоходнаго налога состоялось бы подъ давленіемъ войны—а однажды введенный, онъ сразу пустилъ бы глубокіе корни. Если правительство находило неудобнымъ установленіе подоходнаго налога въ порядкѣ 87-ой статьи, оно могло бы внести его, мѣсяца 3—4 тому

назадъ, на разсмотрѣніе Думы, созвавъ ее на короткій срокъ и воспользовавшись законопроектомъ, изготовленнымъ думскою финансовою комиссіею. Принятый большинствомъ Думы, онъ былъ бы, въ силу тѣхъ же условій, принятъ и Госуд. Совѣтомъ; обойденнымъ оказался бы и второй подводный камень, виднѣющійся въ фарватерѣ давно задуманной, но не двигающейся съ мѣста реформы.

Въ силу широко распространеннаго у насъ обычая пугать «страшными словами», своего рода «металлами» и «жупелами» (смотри «Тяжелые дни» Островскаго), къ подоходному налогу давно уже приклеенъ ярлычекъ: «соціалистическій», а для усугубленія страха дѣлается ссылка на мнимые факты. Для опроверженія послѣднихъ достаточно справки съ текстомъ законопроекта; она показываетъ, напримѣръ, что подоходный налогъ, вопреки увѣренію г. Крупенскаго, предполагается распространить и на доходы отъ либеральныхъ профессій. Что касаетси до «ярлыка», то объясненіе ему слѣдуетъ искать, вѣроятно, въ «прогрессивности» проектированнаго подоходнаго налога: самое обложеніе дохода—фактъ слишкомъ обычный въ нашей земской практикѣ, чтобы онъ могъ испугать самаго боязливаго землевладѣльца. Но вѣдь прогрессивность—начало, уже усвоенное нашимъ заквнодательствомъ: оно введено, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ, изданное въ такую эпоху, на которую меньше всего можетъ пасть подозрѣніе въ наклонности къ «субверсивнымъ» началамъ. Этого достаточно, чтобы доказать невозможность—и несправедливость — прямолинейной и неуклонной пропорціональности въ налоговомъ дѣлѣ. Или, можетъ быть, нѣчто «соціалистическое» усматривается въ порядкѣ взиманія подоходнаго налога, предполагающемъ возможность проникновенія оффиціальнаго ока въ сферу денежныхъ и имущественныхъ дѣлъ, съ которой неохотно снимается покровъ непроницаемой тайны? Но вѣдь неприкосновенность этого покрова нарушается и при взысканіи промысловаго налога, ни съ чьей, кажется, стороны не навлекавшаго на себя подозрѣніе въ «соціалистичности». Да и вообще, не пора ли отказаться отъ попытокъ устрашенія знаменемъ соціализма? Давно ли подъ это знамя подводилось, напримѣръ, страхованіе рабочихъ, въ разныхъ его видахъ—и не помѣшало же это проникновенію его въ русское законодательство. Не въ рукахъ соціалистовъ было управленіе Англіей, когда въ ней впервые былъ введенъ подоходный налогъ; ничего общаго съ соціализмомъ не имѣли прусское министерство и прусская палата депутатовъ, когда въ 1891 г. былъ установленъ нынѣ дѣйствующій въ Пруссіи подоходный налогъ. И если во Франціи прошелъ черезъ обѣ палаты, послѣ упорнѣйшаго сопроти-

вленія, законъ о подоходномъ налогѣ, то это является не торжествомъ соціализма, а запоздалой побѣдой справедливости и здраваго смысла надъ своекорыстной оппозиціей вліятельныхъ общественныхъ элементовъ, иныхъ, по своему составу, чѣмъ тѣ, которые у насъ не хотятъ и слышать о реформѣ, но одинаково съ ними не желающихъ поступаться, ради общей пользы, сколько-нибудь замѣтною частью своего матеріальнаго благосостоянія. Напомнимъ, наконецъ, что законопроектъ о подоходномъ налогѣ, обрекаемый г. Крупенскимъ на неминуемую неудачу, внесенъ въ Думу министерствомъ Столыпина и что отъ него не отказывается и нынѣшній кабинетъ. Не получаетъ ли, затѣмъ, аргументъ о его «соціалистичности» нѣсколько комическій оттѣнокъ?

Въ томъ же (второмъ) засѣданіи бюджетной комиссіи г. Замысловскій произвелъ нападеніе на союзы, образованные органами земскаго и городского самоуправленія съ цѣлью облегченія бѣдствій, причиняемыхъ войною. Онъ говорилъ о союзахъ общеземскомъ и общегородскомъ, какъ о «самочинныхъ учрежденіяхъ», которымъ правительство «почему-то выдаетъ ссуды». На какихъ основаніяхъ и въ какихъ размѣрахъ это дѣлается? — спрашивалъ онъ представителей министерства. П. А. Харитоновъ удовлетворилъ его любопытство, назвавъ суммы, выданныя союзамъ; сказалъ ли государственный контролеръ что-нибудь объ «основаніяхъ» выдачи — это изъ отчетовъ о засѣданіи комиссіи не видно. Едва-ли, однако, и былъ нуженъ отвѣтъ, разумѣющійся самъ собою: тяжесть минуты, переживаемой Россіею, такъ велика, что драгоцѣнны всѣ виды личной и, тѣмъ болѣе, коллективной помощи—а успѣшность дѣятельности обоихъ союзовъ извѣстна всѣмъ и каждому. Понятіе о «самочинныхъ учрежденіяхъ», какъ о чемъ-то безусловно вредномъ и опасномъ, отошло въ прошедшее, вмѣстѣ съ породившимъ его государственнымъ строемъ. И что это за «самочинность», оффиціально признанная, оффиціально поддерживаемая, оффиціально контролируемая? Конечно, во главѣ обоихъ союзовъ стоятъ, если можно такъ выразиться, «почти кадеты», и къ этому не могутъ равнодушно относиться представители крайнихъ правыхъ, рѣшительно ничего не создавшихъ въ дѣлѣ общественной помощи жертвамъ войны; но не тактичнѣе ли было бы съ ихъ стороны не выступать съ открытымъ выраженіемъ чувствъ, имѣющихъ столь мало общаго съ проповѣдуемымъ ими «подъемомъ духа»?

Итакъ, юридическіе взгляды правыхъ партій получили яркое освѣщеніе въ первомъ выступленіи г. Замысловскаго, экономическіе ихъ взгляды—въ заявленіи г. Крупенскаго, политическіе—во второмъ выступленіи г. Замысловскаго. Оставалось только обнаружить

съ достаточною яркостью «правый» образъ мыслей въ сферѣ иностранной политики—и эту задачу исполнилъ г. Левашевъ. Въ отчетѣ о засѣданіи комиссіи сказано глухо, что онъ предложилъ рядъ вопросовъ изъ области внѣшней политики, но смыслъ этихъ вопросовъ не трудно угадать по данному на нихъ отвѣту, изложенному въ отчетѣ такъ: «министръ иностранныхъ дѣлъ, отвѣчая г. Левашеву, между прочимъ, замѣтилъ, что Англія несетъ больше тяготъ, чѣмъ ей слѣдуетъ, и отношеніе между всѣми союзниками болѣе чѣмъ безупречно». Не менѣе характерны и непосредственно затѣмъ послѣдовавшіе вопросы П. Н. Милюкова и отвѣты С. Д. Сазонова, выяснившіе рѣшимость правительства продолжать борьбу, въ единеніи съ союзниками, до полнаго пораженія врага. Очевидно, успокоительный характеръ правительственныхъ заявленій долженъ былъ разсѣять впечатлѣніе, которое могли произвести вопросы г. Левашева. Чтобы вполнѣ понять этотъ инцидентъ, необходимо припомнить сообщеніе г. Савенко, появившееся недавно въ націоналистической газетѣ («Кіевлянинѣ»). По словамъ этого свидѣтеля, выступающаго, въ данномъ случаѣ, противъ «своихъ» и потому вполнѣ достовѣрнаго, «предательская» противоанглійская кампанія ведется въ кругахъ, «всегда кичившихся своимъ патріотизмомъ и считавшихъ его своею монополіей». Цѣль кампаніи—капитуляція передъ Германіей; побужденія ея г. Савенко, ссылаясь на какую-то записку, циркулирующую въ Петроградѣ и имѣющую «извѣстный успѣхъ», опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «Разгромъ Германіи равносиленъ разгрому идей монархизма и консерватизма. Торжество Англіи и Франціи будетъ торжествомъ идей политическаго демократизма и радикализма, которыя послѣ разгрома Германіи широкой волной разольются по всей Европѣ и захлестнутъ и наше отечество». Записка доказываетъ это тѣмъ, что наши лѣвыя партіи жаждутъ побѣды надъ Германіей. А правыя партіи, значитъ, ея не жаждутъ?.. Болѣе характерной иллюстраціи къ настроенію крайнихъ правыхъ нельзя себѣ и представить—и съ этой точки зрѣнія записку, содержаніе которой огласилъ г. Савенко, можно признать далеко не безполезной. Она показываетъ воочію, какая бездна себялюбія таится подъ покровомъ громкихъ фразъ о любви къ родинѣ, о преданности правительству. Лучше униженіе передъ врагомъ (и какимъ врагомъ!), лучше громадныя жертвы, ничѣмъ не вознагражденныя и не отмщенныя, чѣмъ возможность поворота въ сторону демократіи (т.-е. крестьянства) и радикализма (т.-е. свободы)! Пародируя извѣстную формулу: «périssent les colonies plutôt qu'un principe», авторы записки могли бы воскликнуть: «пускай напрасно льетъ свою кровь русское войско,

пускай напрасно страдаетъ русскій народъ, ли бы только не потерпѣлъ ущерба дворянско-помѣщичій принципъ, лишь бы не были умалены обезпечиваемыя имъ выгоды»... При свѣтѣ, отбрасываемомъ запиской, особенно ясной становится совокупность требованій, заявленныхъ правыми членами бюджетной комиссіи: не ограничивайте область, не уменьшайте силу внѣ-думскаго законодательства! Не посягайте на доходы землевладѣльцевъ! Не допускайте «самочинныхъ учрежденій»! Не полагайтесь на дружбу союзниковъ и не содѣйствуйте слишкомъ полному ихъ торжеству!.. Нужно надѣяться, что всѣ эти требованія не будутъ забыты послѣ заключенія мира...

Кстати о «самочинныхъ учрежденіяхъ». Оказывается, что если со стороны центральнаго правительства они встрѣтили сочувствіе и поддержку, то на мѣстахъ, кое-гдѣ, противъ нихъ былъ предпринятъ походъ и сдѣланы были попытки заподозрить и уронить ихъ въ глазахъ власти. Въ курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи—единственномъ, не примкнувшемъ къ обще-земскому союзу,—г. Марковъ 2-ой (небезизвѣстный лидеръ крайнихъ правыхъ въ Госуд. Думѣ) не только превозносилъ, въ ущербъ союзу, мѣстную земскую организацію, но и позволялъ себѣ намекать на отсутствіе гарантій въ правильномъ употребленіи расходуемыхъ союзомъ суммъ [1]). Курскій губернаторъ (тоже небезизвѣстный, еще со времени бытности его въ Тамбовской губерніи) г. Муратовъ, на-дняхъ назначенный членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны заявилъ министерству, что «отлично налаженное курскимъ земствомъ дѣло можетъ сократиться изъ-за недостатка средствъ, если правительство, широко и свободно пришедшее на помощь земскому союзу и союзу городовъ, не придетъ на помощь и курскому земству, какъ союзу совершенно чистыхъ, честныхъ и искренно преданныхъ людей». И ходатайство губернатора было уважено: курскому земству была назначена весьма крупная субсидія. Между тѣмъ, уже въ земскомъ собраніи раздались голоса, шедшіе въ разрѣзъ съ оптимизмомъ г.г. Маркова и Муратова. Гласный Шевелевъ заявилъ, что въ курскихъ земскихъ лазаретахъ больные и раненые лежатъ иногда вмѣсто коекъ на полу или на койкахъ безъ досокъ и съ выпирающими крючьями. То же самое подтвердилъ, отъ имени ревизіонной комиссіи, гласный кн. Барятинскій. Прошло нѣсколько недѣль—и самъ г. Марковъ выступилъ въ земскомъ собраніи съ обвиненіемъ предсѣдателя губернской земской управы, г. Раппа, въ

---

1) Отвѣчая, въ думской бюджетной комиссіи, г. Замысловскому, государственный контролеръ удостовѣрилъ, что контроль надъ расходами обоихъ союзовъ осуществляется командировкой особыхъ лицъ въ органы союзовъ.

томъ, что онъ, вмѣстѣ съ губернаторомъ, далъ правительству ложныя цифры, чтобы получить пособіе въ милліонъ рублей. Въ докладѣ г. Раппа было сказано, что губернское земство содержитъ 2.950 хирургическихъ коекъ, а на самомъ дѣлѣ оно содержитъ ихъ только 1.200. Чтобы получить цифру 2.950, г. Раппъ, по словамъ г. Маркова, къ 1.200 койкамъ губернскаго земства прибавилъ 1.750, содержимыхъ уѣздными земствами на свои средства и даже на средства частныхъ лицъ! Въ то же самое время въ газетахъ появились сообщенія о томъ, какъ дѣйствовала въ щигровскомъ уѣздѣ комиссія по пріему въ войска лошадей, состоявшая подъ предсѣдательствомъ г. Маркова. Этихъ свѣдѣній мы не приводимъ, потому что не знаемъ, насколько они достовѣрны; но достаточно и фактовъ, оглашенныхъ въ земскомъ собраніи, чтобы судить о правильности параллели, проведенной г. Марковымъ между «самочинными учрежденіями» и несамочинной курской земской организаціей, столь пышно восхваленной бывшимъ курскимъ губернаторомъ. А вѣдь крайняя правая печать, гордясь своими курскими союзниками, ссылкою на ихъ доблесть отвѣчала тѣмъ газетамъ, которыя подчеркивали бездѣйствіе правыхъ организацій среди плодотворной общественной работы, вызванной войною.

Возвращаемся къ думской бюджетной комиссіи. Какъ ни отрывочны, какъ ни неполны свѣдѣнія о происходившихъ въ ней преніяхъ, они свидѣтельствуютъ о значеніи даже мимолетныхъ лучей свѣта, брошенныхъ, благодаря свободному слову, на разныя стороны государственной жизни. Несомнѣнную важность имѣютъ, съ этой точки зрѣнія, указанія А. Ф. Керенскаго на необходимость содѣйствія кооперативнымъ организаціямъ, замѣчанія В. И. Дзюбинскаго и А. Ф. Керенскаго по поводу стѣсненій, встрѣчаемыхъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ снабженіи госпиталей книгами и періодическими изданіями (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ изъ всѣхъ газетъ въ госпитали допускается одна только «Земщина»!), возраженія И. В. Годнева противъ порядка покупки дома для предсѣдателя совѣта министровъ, указанія А. И. Шингарева на недостаточное привлеченіе монастырей къ расходамъ на военныя надобности. При нормальныхъ условіяхъ всѣ эти наброски соединились бы въ внушительную картину, но и въ настоящемъ своемъ видѣ они напоминаютъ о тѣхъ колоссальныхъ задачахъ, которыя станутъ на очередь съ окончаніемъ войны.

Заключеніе занятій бюджетной комиссіи дало еще одинъ дополнительный штрихъ къ характеристикѣ крайнихъ правыхъ. Въ докладѣ предсѣдателя комиссіи, прочитанномъ въ послѣднемъ ея засѣданіи (24 января), проведена совершенно правильная мысль, что

увеличеніе тяготъ государственнаго обложенія, произведенное, на основаніи ст. 87-ой, финансовыми мѣропріятіями правительства, распредѣлилось между различными классами населенія неравномѣрно, и, быть можетъ, *даже съ нѣкоторой невыгодой для менѣе состоятельныхъ классовъ*. Г. Замысловскій предложилъ исключить изъ доклада подчеркнутыя нами слова. Его никто не поддержалъ и предложеніе его было отклонено всѣми голосами противъ четырехъ. Усердное охраненіе сословныхъ интересовъ не отступаетъ, такимъ образомъ, даже передъ попыткою замолчать несомнѣнный фактъ — и притомъ фактъ первостепенной важности, изъ котораго докладъ бюджетной комиссіи выводитъ необходимость «податного преобразованія на началахъ уравнительности и справедливости». Уравнительность и справедливость—вотъ чего не хотятъ, вотъ чего боятся, какъ огня, единомышленники г. Замысловскаго.

Въ «Рѣчи» отъ 27 января напечатана слѣдующая телеграмма изъ Варшавы, подписанная полковникомъ Б.: «21 января геройски погибъ при атакѣ штабсъ-капитанъ Александръ Михайловичъ Колюбакинъ». Безвременно погибла крупная сила; не стало человѣка, отъ котораго можно было ожидать многаго. Широкой публикѣ А. М. Колюбакинъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ членовъ третьей Государственной Думы, въ составъ которой онъ вошелъ, какъ одинъ изъ трехъ депутатовъ отъ второй куріи города Петербурга. Не забыта, конечно, и причина его выхода изъ Думы: онъ былъ осужденъ къ тюремному заключенію за рѣчь, произнесенную имъ во время выборной агитаціи, и попалъ, такимъ образомъ, въ число тѣхъ «не лишенныхъ правъ, но безправныхъ», о которыхъ говорится ниже, въ статьѣ: «Вопросы внутренней жизни». Его «безправность» была тяжелымъ ударомъ не только для партіи, къ которой онъ принадлежалъ, но и для всѣхъ, кому дороги убѣжденные защитники права и свободы. Пишущій эти строки встрѣчался съ А. М. Колюбакинымъ на земскихъ съѣздахъ 1905-го года. Его увлекательное краснорѣчіе шло прямо отъ души и проникало въ душу. Чувствовалось, что говоритъ человѣкъ, глубоко убѣжденный и готовый постоять за свои убѣжденія. Условія русской дѣйствительности до сихъ поръ мало благопріятствовали такимъ людямъ—а между тѣмъ именно они нужны для той громадной работы, которая предстоитъ Россіи въ ближайшемъ будущемъ.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Война и поступленія въ сберегательныя кассы.—Наслѣдство, принятое новымъ министромъ народнаго просвѣщенія.—„Холодное“ отношеніе въ интересамъ провинціи.—За кулисами вѣдомства.—Вопросы адвокатуры.—Помощники присяжныхъ повѣренныхъ.—Не лишенные правъ, безправные граждане.—Освобожденіе Петрограда отъ освѣтителей-концессіонеровъ.—Усердіе сверхъ разума и мѣры.

Въ переживаемую великую, освободительную отъ ига милитаризма, войну, одна за другой раскрываются картины и одинъ за другимъ обнаруживаются факты, заставляющіе приходить въ изумленіе. Кто повѣрилъ бы годъ или пять лѣтъ тому назадъ, если бы ему сказали, что въ итогѣ шести мѣсяцевъ безпримѣрной, по напряженію народныхъ силъ, войны явится никогда небывалое увеличеніе сбереженій въ низшихъ слояхъ населенія? Кто повѣрилъ бы, что, несмотря на отвлеченіе отъ производительнаго труда громадной массы рабочихъ рукъ, на затрудненія въ перевозкѣ грузовъ и на вздорожаніе предметовъ первой необходимости, крестьяне, рабочіе и мелкіе торговцы, словомъ, тѣ классы, которые пользуются услугами сберегательныхъ кассъ, увеличатъ свои сбереженія въ теченіе декабря 1914 года на сумму, въ *сорокъ одинъ* разъ превышающую увеличеніе сбереженій въ декабрѣ 1913 года?

Въ первомъ засѣданіи бюджетной комиссіи Госуд. Думы, замѣститель министра финансовъ, государственный контролеръ, сообщилъ слѣдующія цифры. Въ декабрѣ 1913 года вклады въ сберегательныя кассы увеличились на 700 тысячъ рублей, а въ декабрѣ 1914 года—на 29.100 тысячъ. За первую недѣлю января 1914 года въ тѣ же кассы поступило 300 тысячъ рублей, за первую недѣлю января 1915 года—15.300 тысячъ. Общее поступленіе за 1914 годъ, сравнительно съ поступленіемъ за 1913 г., увеличилось съ 13 до 84 милліоновъ рублей. Иначе, какъ феерическими, назвать эти цифры совершенно невозможно.

Такой приливъ народныхъ сбереженій ярче яркаго свидѣтельствуетъ объ экономической мощности страны и создаетъ тѣмъ большую увѣренность въ побѣдоносномъ исходѣ войны. При немъ падаютъ опасенія финансовыхъ затрудненій и возможно съ полнымъ спокойствіемъ повторять лозунги: «война должна быть доведена до конца», «гнѣздо милитаризма должно быть разрушено». Онъ пока-

зываетъ, что страна, въ лицѣ народныхъ массъ, обладаетъ вполнѣ достаточными силами, чтобы безболѣзненно переносить и въ будущемъ вызываемыя войной экономическія потрясенія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ феерическій приливъ поступленій въ сберегательныя кассы свидѣтельствуетъ и о другомъ. Какъ ничто до сихъ поръ, онъ развернулъ во всю необъятную ширь значеніе закрытія кабаковъ и отказа отъ «пьянаго бюджета». Война ведется внутри страны, и главная масса расходуемыхъ на войну колоссальныхъ средствъ должна, естественно, во-первыхъ, оставаться дома и, во-вторыхъ,—проходить черезъ руки городскихъ рабочихъ и стомилліонной крестьянской деревни. И изумительно не то, что черезъ ихъ руки прошли многіе лишніе милліоны, а то, что часть этихъ милліоновъ въ ихъ рукахъ осѣла. Однѣ уплаты за взятыхъ по мобилизаціи лошадей и пайковыя выдачи семьямъ запасныхъ представляютъ сотни милліоновъ рублей. Но въ томъ и дѣло, что на пути кругооборота денегъ, проходящихъ черезъ руки трудовыхъ классовъ, стояли казенныя винныя лавки, которыя ихъ поглощали въ обмѣнъ на алкоголь. Винная монополія, какъ насосъ, перекачивала обратно въ казну всѣ поступавшія въ населеніе изъ казны деньги, захватывая, вмѣстѣ съ излишками и сбереженіями, пресловутую послѣднюю мужицкую копѣйку. Возвращаясь въ казну, деньги затѣмъ осаждались, но уже въ рукахъ твердыхъ, недоступныхъ дѣйствію насоса, спеціально приспособленнаго для захвата трудовыхъ грошей,—въ рукахъ капиталистовъ и дѣльцовъ. Время войны всегда было у насъ тѣмъ временемъ, когда всевозможными предпринимателями составлялись милліонныя состоянія. Что дастъ въ этомъ отношеніи нынѣшняя война, гадать, пожалуй, еще рано. Но приливъ денегъ въ сберегательныя кассы,—это одинъ фактъ, связанный съ войной и обусловленный закрытіемъ кабаковъ, а отсутствіе прилива въ кассы частныхъ кредитныхъ установленій, гдѣ сосредоточиваются сбереженія состоятельныхъ классовъ,—другой.

Результатъ закрытія кабаковъ наводитъ на рядъ мыслей о томъ, что ждетъ трудовые классы по окончаніи войны и что долженъ дать волшебный опытъ, какъ для ихъ быта, такъ равно для главнѣйшихъ интересовъ страны, живущей крестьянской деревней. Народное пьянство было всегдашнимъ основнымъ аргументомъ правового сліянія крестьянства съ другими сословіями. Излюбленнымъ доводомъ крѣпостниковъ и въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и въ восьмидесятыхъ, было утвержденіе, что 19-е февраля 1861 года дало крестьянамъ одну свободу,—свободу идти въ кабакъ. Изъ пьянства выводилась распущенность деревни, и пьянствомъ она иллюстрировалась. Изъ пьянства и распущенности—

необходимость «властной руки». Изъ необходимости «властной руки»—неизбѣжность особыхъ крестьянскихъ установленій и обособленнаго правового строя, возводящаго безправіе въ правовой догматъ. Отзвукъ тѣхъ же самыхъ соображеній и доводовъ неизмѣнно раздавался съ крайнихъ правыхъ скамей въ новыхъ законодательныхъ учрежденіяхъ—да и только ли съ «крайнихъ» правыхъ?—всякій разъ, когда такъ или иначе ставился вопросъ о крестьянахъ. И въ условіяхъ обновленнаго государственнаго строя оказалось «несвоевременнымъ» распространеніе на крестьянъ компетенціи общихъ судовъ и дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ. Спросите любого праваго земца, почему онъ горячо отстаиваетъ «дворянское» земство. Едва-ли не первое, на что онъ сошлется, будутъ слова: «крестьяне пропьютъ и школы, и больницы».

Безповоротно принятое рѣшеніе «навсегда» закрыть казенные кабаки и никогда болѣе не возвращаться къ «пьяному бюджету», какъ бы ни были рѣшены по окончаніи войны вопросы о пивѣ и о виноградномъ винѣ, — вырываетъ изъ рукъ реакціи дававшій ей побѣду аргументъ. Деревня и городскія окраины, освобожденныя отъ высасывавшей изъ нихъ всѣ здоровые экономическіе и моральные соки отравы, съ той же быстротой, съ какой полились вклады въ сберегательныя кассы, сблизятся съ другими классами въ культурномъ и бытовомъ отношеніяхъ. И какъ только кончится война, передъ законодательными учрежденіями встанетъ неотложная ни на минуту задача правового уравненія крестьянъ. Должно надѣяться, что тогда, наконецъ, замолкнутъ голоса все еще не вытравленнаго пережитка,—голоса дворянъ-крѣпостниковъ.

По поводу назначенія новаго главы вѣдомства народнаго просвѣщенія, «Земщина» выражала надежду, что «графъ Игнатьевъ поостережется сладкаго пѣнія прогрессивныхъ сиренъ, и то оздоровленіе школы, которое путемъ громадныхъ трудовъ и напряженныхъ усилій начало осуществляться при Л. А. Кассо, не будетъ сведено на-нѣтъ при его преемникѣ».

Опасенія «Земщины», въ первой половинѣ, едва-ли основательны. «Прогрессивныя сирены»,—преимущественно той условной прогрессивности, которую представляютъ собою октябристы,—дѣйствительно отнеслись къ назначенію гр. Игнатьева съ нескрываемымъ чувствомъ полнаго удовлетворенія. Но опытъ послѣднихъ лѣтъ достаточно, полагаемъ, засвидѣтельствовалъ, насколько слабую воздѣйствующую силу на высшихъ представителей администраціи имѣетъ даже такое «прогрессивное пѣніе». Что же касается второй

половины опасеній, то, не предугадывая будущаго, нельзя, однако, не сказать, что тревога руководителей «Земщины» понятна. И при пріемѣ чиновъ министерства, и на первомъ пріемѣ просителей, и въ объясненіяхъ, данныхъ бюджетной комиссіи Государственной Думы, гр. Игнатьевъ характерно подчеркнулъ нѣкоторыя весьма типичныя черты «оздоровленія» школы и вѣдомства просвѣщенія,— того «оздоровленія», въ которомъ Л. А. Кассо принадлежала честь «громадныхъ трудовъ и напряженныхъ усилій», но не начала осуществленія, а приближенія его къ конечному результату. По свойству этихъ чертъ, онѣ таковы, что тотъ, кто ихъ хоть разъ подчеркнулъ, уже тѣмъ самымъ опредѣлилъ свое отрицательное къ нимъ отношеніе.

Графъ П. Н. Игнатьевъ, принимая высшихъ чиновъ вѣдомства, просилъ «разсматривать всѣ поступающія въ министерство ходатайства съ точки зрѣнія возможности ихъ удовлетворенія». Конечно, такая «точка зрѣнія», въ приложеніи къ ходатайствамъ и даже къ простымъ обращеніямъ, поступающимъ во всякаго рода и ранга административныя учрежденія, составляетъ прописную истину. На то и существуютъ административныя учрежденія, чтобы удовлетворять нарождающіяся потребности жизни. Съ другой стороны, разъ возбуждается ходатайство, то естественно, казалось бы, считать, что оно, доколѣ не доказано противное, есть слѣдствіе дѣйствительной потребности, а не фантазіи или преступнаго подкопа подъ «устои». Въ министерствѣ же народнаго просвѣщенія, «какъ отлично извѣстно и частнымъ лицамъ, и особенно органамъ земскаго и городского самоуправленія, уже давно почитается верхомъ государственной мудрости «разсмотрѣніе» ходатайствъ прямо съ противоположной «точки зрѣнія». Въ мартирологѣ отклоненныхъ земскихъ ходатайствъ, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ ходатайствамъ, такъ или иначе связаннымъ съ дѣломъ народнаго образованія. Со времени еще гр. Д. А. Толстого, въ вѣдомствѣ просвѣщенія систематически гибли всѣ начинанія и исканія земства въ области образованія, какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго. Одни министры, какъ А. Н. Шварцъ, замыкались отъ ходатайствъ неподвижнымъ и въ теченіе многихъ десятилѣтій не двигавшимся закономъ. Другіе замыкались безбрежно неопредѣленными «видами правительства». Но въ резолютивныхъ частяхъ отвѣтовъ на ходатайства первые сходились со вторыми и вторые съ первыми. Лишь въ короткое время управленія вѣдомствомъ графа И. И. Толстого и П. М. фонъ-Кауфмана можно было съ надеждой на успѣхъ просить объ открытіи реальнаго училища или гимназіи, о снятіи всевозможныхъ запретовъ и о выдачѣ разрѣшеній на то, чего безъ разрѣшенія министерства сдѣлать нельзя.

Политическая и педагогическая подозрительность — основная черта, проходящая красной нитью черезъ дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія. И каждое обращаемое въ министерство ходатайство оцѣнивается тамъ, прежде всего, со стороны возможности его отклоненія. Совершенно такое же отношеніе усвоило вѣдомство къ законодательнымъ предположеніямъ и пожеланіямъ Государственной Думы. Оно не шло навстрѣчу Думѣ даже въ дѣлѣ введенія всеобщаго обученія. Оно не разъ заявляло, что широко ассигнуемыя на это дѣло въ его распоряженіе средства чрезмѣрны. Въ министерствѣ просвѣщенія властвуетъ и царитъ канцелярія болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Графъ Игнатьевъ совершенно правильно адресовалъ слова о «холодномъ отношеніи Петрограда къ интересамъ провинціи» чинамъ ввѣреннаго ему министерства. Именно оно въ такомъ отношеніи къ провинціи особенно повинно. Петроградская канцелярія, всезнающая, всемогущая, считающая себя призванной всѣмъ и всѣми командовать, ни въ одномъ вѣдомствѣ не дѣйствуетъ съ той рѣшительной и все стремящейся пресѣчь энергіей, какъ въ вѣдомствѣ просвѣщенія. А между тѣмъ, нужды просвѣщенія—на мѣстахъ, въ провинціи—суть самыя жизненныя и самыя болѣзненныя. «Холодное» отношеніе къ провинціи министерства внутреннихъ дѣлъ или министерства финансовъ имѣетъ обычнымъ слѣдствіемъ замедленіе въ удовлетвореніи той или другой административной или финансовой потребности. «Холодное» же отношеніе министерства народнаго просвѣщенія,—только «холодное», безъ всякой даже примѣси политической подозрительности,—на цѣлые годы лишаетъ населеніе возможности давать дѣтямъ образованіе и цѣлыя поколѣнія оставляетъ безъ необходимыхъ въ жизни знаній.

Въ газетахъ сообщалось, что новый министръ народнаго просвѣщенія, съ первыхъ же дней по вступленіи въ должность, заинтересовался вопросомъ о родительскихъ комитетахъ и приказалъ представить ему справку о всѣхъ изданныхъ по поводу комитетовъ распоряженіяхъ. Въ данномъ отношеніи, въ немъ дѣйствительно сказался провинціалъ, не привыкшій смотрѣть на потребности школы сквозь призму министерской канцеляріи. Какъ предсѣдатель земской управы, предводитель дворянства и затѣмъ губернаторъ, онъ можетъ знать и, должно надѣяться, знаетъ, насколько жизненна потребность сближенія средней школы съ семьей и насколько искусственнымъ поводомъ упраздненія родительскихъ организацій служили политическія соображенія. Одновременно въ печати былъ отмѣченъ другой штрихъ изъ первыхъ шаговъ гр. Игнатьева. 15 января онъ лично принялъ всѣхъ желавшихъ его видѣть просителей. Въ другомъ

вѣдомствѣ это, само собою разумѣется, не обратило бы на себя ничьего вниманія, но въ вѣдомствѣ просвѣщенія это составило чуть не событіе. Чтобы удостоиться личнаго пріема у Л. А. Кассо, нужно было пройти долгій искусъ пріемовъ у товарищей министра, да и къ нимъ попасть было не легко.

Пресѣкающая «точка зрѣнія» на возбуждаемыя ходатайства, «холодное отношеніе» къ интересамъ провинціи, нежеланіе подпускать къ средней школѣ семью и личное огражденіе главы вѣдомства отъ просителей даютъ, конечно, далеко еще неполную характеристику принятаго гр. Игнатьевымъ наслѣдства. Въ этомъ наслѣдствѣ есть, напримѣръ, и такой фактъ, о которомъ въ засѣданіи бюджетной комиссіи Госуд. Думы напомнилъ И. В. Годневъ. Министерство стремилось провести штаты высшихъ учебныхъ заведеній помимо проекта новаго университетскаго устава. Дума на это согласилась лишь послѣ того, какъ товарищъ министра ее завѣрилъ, что проектъ устава будетъ представленъ не позже марта 1914 года. Когда же штаты были приняты, то со стороны министерства послѣдовало заявленіе: учебное вѣдомство настолько рѣзко расходится съ Госуд. Думой, что вносить университетскій уставъ нѣтъ смысла. Въ томъ же засѣданіи бюджетной комиссіи новому министру пришлось выслушать напоминанія о закрытыхъ библіотекахъ, о заграничныхъ семинаріяхъ, объ отношеніяхъ, установившихся, на почвѣ циркуляровъ послѣдняго времени, между земскими учрежденіями и инспекторами народныхъ училищъ, и т. п.

Графъ Игнатьевъ категорично заявилъ въ бюджетной комиссіи, что онъ разсчитываетъ на поддержку Думы и надѣется выполнить возложенную на него задачу въ согласіи съ Думой. Не часто приходится Думѣ выслушивать подобныя заявленія отъ министровъ. И понятно, что эти слова были встрѣчены апплодисментами. Относительно устава высшихъ учебныхъ заведеній гр. Игнатьевъ сказалъ, что разрѣшеніе этого вопроса не можетъ быть «ни отложено, ни обойдено». Такъ смотрѣли на вопросъ министры народнаго просвѣщенія, пришедшіе въ министерство со стороны: П. С. Ванновскій, гр. И. И. Толстой и П. М. фонъ-Кауфманъ. Профессора же—Шварцъ и Кассо—смотрѣли иначе. Ни одинъ чуждый по своей предшествующей дѣятельности вѣдомству просвѣщенія министръ не вносилъ въ учебное дѣло столько реакціонной ломки, сколько ея внесъ Л. А. Кассо. Когда онъ былъ назначенъ, отмѣчалось, что, будучи профессоромъ, онъ сторонился политики и стоялъ внѣ политическихъ теченій, не примыкая ни къ одному изъ нихъ, даже въ «свободный» и въ «предсвободные» годы. А на посту министра онъ былъ самымъ страстнымъ политикомъ, не знавшимъ границъ въ преслѣдованіи

своихъ политическихъ противниковъ въ профессорской средѣ. Л. А. Кассо лишній разъ подтвердилъ, что никто у насъ такъ страстно не отдается политикѣ, какъ тѣ, кто принципіально отвергаютъ политику. Гр. Игнатьевъ также не представляетъ собою опредѣленной политической величины, въ смыслѣ принадлежности къ какой-либо политической партіи. Но онъ не началъ своей новой дѣятельности съ заявленія, что политика ему чужда, и это даетъ надежду, что управленіе имъ министерствомъ не будетъ вызывать восторженныхъ привѣтствій со стороны круговъ, близкихъ къ «Земщинѣ» и къ «Русскому Знамени».

11-го января въ одной изъ петроградскихъ газетъ были напечатаны письма одного изъ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія. Не называя ни имени автора, ни имени адресата, этихъ писемъ не можемъ, однако, не отмѣтить, ибо они завершаютъ характеристику наслѣдства, которое оставилъ Л. А. Кассо своему преемнику. Изъ писемъ, написанныхъ тѣмъ слогомъ, какимъ пишутъ штабные писаря, узнаемъ, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, при Л. А. Кассо, возможно было не только полученіе «мѣстъ», но даже занятіе «поста», «единственно», какъ сознавался авторъ, «благодаря любезности» лица, не имѣвшаго ни тѣни служебнаго отношенія къ министерству. «Благодаря любезности» этого лица занимающіе «постъ» чины получали командировки, ордена и денежныя награды. «Сегодня—пишетъ авторъ въ одномъ изъ писемъ—получилъ 400 рублей и считаю своимъ пріятнымъ долгомъ васъ сердечно отблагодарить за ваше любезное содѣйствіе этому дѣлу». Въ томъ же письмѣ онъ передаетъ просьбу нѣкоего преподавателя, который «проситъ мѣсто инспектора». По поводу полученія ордена, авторъ опять приноситъ «искреннѣйшую благодарность» тому же лицу, заявляетъ, что онъ «этимъ отличіемъ исключительно обязанъ вашему содѣйствію» и обѣщаетъ «всѣми силами стараться оправдать тѣ ожиданія, которыя вы имѣли въ виду, рекомендовавъ меня на эту должность».

Министръ, какъ и всякій человѣкъ, конечно, можетъ имѣть интимныя стороны жизни. И, когда въ прошломъ году Л. А. Кассо переживалъ тяжелый драматическій моментъ, никто изъ политическихъ противниковъ не бросалъ въ него камнемъ. Но теперь оказывается, что онъ не умѣлъ отграничивать личныя отношенія отъ служебныхъ распоряженій и дѣйствій, или не имѣлъ для того достаточной силы воли. Въ итогѣ онъ допускалъ вмѣшательство въ свои служебныя распоряженія, и допускалъ его въ тѣхъ формахъ, которыя заклеймилъ Щедринъ и которыя казались уже отошедшими въ далекое прошлое...

Вопросы, касающіеся адвокатуры, какъ-то періодически привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе; то они забываются, то, наоборотъ, вдругъ дѣлаются очередными и злободневными. Въ послѣднее время напомнили объ адвокатахъ три факта: закрытіе московскою судебною палатой комитета помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, разъясненіе сената, въ силу котораго лицо, судившееся по ст. 129 угол. улож. и не оправданное судебнымъ приговоромъ, не можетъ вступить въ сословіе присяжной адвокатуры, и процессъ, разбиравшійся въ Петроградѣ, на которомъ въ роли «подсудимыхъ» были предсѣдатель, его товарищъ и всѣ члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

По терминологіи учрежденія судебныхъ установленій, присяжные повѣренные суть одна изъ категорій лицъ, «состоящихъ при судебныхъ мѣстахъ». И какъ условія вступленія въ число присяжныхъ повѣренныхъ, такъ равно организація ихъ въ видѣ особаго сословія, если и не съ исчерпывающей полнотой, то, во всякомъ случаѣ, съ достаточной опредѣленностью указаны въ законѣ. Но каково юридическое положеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и даже кто они такіе—законъ отвѣта не даетъ. Въ учрежденіи судебныхъ установленій имъ не пожертвовано ни одной статьи. О нихъ лишь мелькомъ, одинъ разъ, упоминается, какъ о лицахъ, занимающихся судебной практикой «подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ». Хотя буквальный текстъ этого «упоминанія» и не исключаетъ вывода, что законъ одинаково допускаетъ и личный, и сословный патронатъ, но въ магистратурѣ господствуетъ взглядъ, что допускается только первый, и именно этотъ взглядъ, въ сущности, лежитъ въ основѣ опредѣленія московской судебной палаты.

Если патронатъ есть личное дѣло того присяжнаго повѣреннаго, при которомъ данный стажьеръ состоитъ помощникомъ, то ни о какой корпоративной организаціи помощниковъ, само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи. И въ первые годы по введеніи судебныхъ уставовъ были даже такіе примѣры, что совѣты, не считая себя въ правѣ подвергать помощниковъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, направляли возбужденныя о нихъ дисциплинарныя дѣла къ патронамъ. Но вскорѣ выяснилось, что личный патронатъ не обезпечиваетъ надлежащей подготовки помощниковъ. И по мѣрѣ того, какъ росло число присяжныхъ повѣренныхъ и число помощниковъ ихъ, росла настоятельная необходимость поставить дѣло подготовки будущихъ присяжныхъ адвокатовъ, какъ общее дѣло всей адвокатуры округа. Создались конференціи, создались органы самоуправленія помощниковъ, — общія собранія и вы-

борные комитеты или комиссіи. Въ Петроградѣ организація помощниковъ вылилась въ существующія нынѣ формы еще въ 1874 году. Въ Москвѣ конференціи и комитетъ помощниковъ были первоначально созданы въ 1878 году, но съ 1890 года ихъ дѣятельность была совѣтомъ прервана, и возродились они въ 1898 году (см. I. Гессенъ, «Упраздненіе организаціи помощниковъ прис. повѣренныхъ», «Право», № 2).

Что организація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ сложилась на началахъ самоуправленія, въ этомъ едва-ли кто бы то ни было можетъ усмотрѣть ненормальность. Было бы дико обратное, если бы самоуправляющееся сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, пришедшее къ признанію необходимости сословнаго патроната, пыталось воспитывать адвокатскую молодежь на отрицаніи началъ автономіи и выборовъ. Но въ отношеніи главныхъ функцій дѣятельности органовъ самоуправленія помощниковъ,—въ отношеніи наложенія дисциплинарныхъ взысканій и принятія вновь поступающихъ,—совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, по крайней мѣрѣ въ Петроградѣ, никогда не уступалъ своего права контролировать всѣ рѣшенія и дѣйствія комиссіи помощниковъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи дѣлъ этого рода комиссія всегда была лишь совѣщательнымъ, такъ сказать, органомъ при совѣтѣ, содѣйствующимъ въ собираніи предварительныхъ данныхъ и матеріала для рѣшенія дѣлъ совѣтомъ.

Съ формальной точки зрѣнія, московская судебная палата, очевидно, основывалась на томъ, что ни о конференціяхъ, ни о комитетахъ, ни о комиссіяхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ нигдѣ въ законѣ не говорится и, значитъ, они существовать не могутъ. И, конечно, было бы нормальнѣе, если бы весь вопросъ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ и, въ частности, о ихъ корпоративномъ бытѣ получилъ разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Но на это разсчитывать въ ближайшее время невозможно: даже сословная организація присяжныхъ повѣренныхъ, хотя она и установлена закономъ, существуетъ далеко не повсемѣстно. Съ закрытіемъ же комиссій и комитетовъ помощниковъ «въ порядкѣ надзора», какъ сдѣлала московская судебная палата, рухнетъ дѣло, созданное жизненной потребностью, которая завѣрена сорокалѣтнимъ опытомъ. Въ петроградскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ свыше тысячи присяжныхъ повѣренныхъ и около тысячи помощниковъ въ каждомъ. При такой массѣ патроновъ и стажьеровъ, личный патронатъ уже абсолютно никакой гарантіи представлять не можетъ, ни въ отношеніи подготовки помощниковъ, ни въ отношеніи ихъ нравственныхъ качествъ. Иначе смотрятъ въ адвокатской

средѣ лишь г.г. Шмаковы и Алексѣевы, пользующіеся каждымъ случаемъ, чтобы нарушить сложившіяся традиціи жизни сословія, къ которому имѣютъ честь принадлежать и котораго упорно покидать не желаютъ.

Рѣшеніемъ по дѣлу тифлисскаго помощника присяжнаго повѣреннаго Георгадзе соединенное присутствіе сената распространило на право вступленія въ присяжную адвокатуру то толкованіе послѣдствій осужденія за дѣянія, влекущія праволишенія, но въ данномъ конкретномъ случаѣ, по состоявшемуся приговору суда, ихъ не повлекшія, которое уже восемь лѣтъ примѣняется въ отношеніи права участія въ выборахъ въ Государственную Думу и по мѣстному самоуправленію. По буквѣ закона, это распространеніе имѣетъ оправданіе въ томъ, что въ учрежденіи судебныхъ установленій принята ограничительная формула, совершенно однородная съ формулами положенія о выборахъ въ Думу, городового положенія и положенія о земскихъ учрежденіяхъ. И, слѣдовательно въ юридическомъ смыслѣ, коснувшееся адвокатуры разъясненіе отнюдь не заключаетъ въ себѣ никакого новшества и вызываетъ возраженія ровно постольку, поскольку представляется болѣе чѣмъ спорной правильность толкованія того же ограниченія въ приложеніи къ избирательному праву.

Но со стороны бытовой запретъ вступать въ присяжные повѣренные лицамъ, которыя, какъ г. Георгадзе, много лѣтъ тому назадъ, въ студенческое время, понесли наказаніе, не сопряженное ни съ какимъ правоограниченіемъ, но за дѣяніе, за которое судъ могъ назначить лишеніе правъ, представляется фактомъ, во-первыхъ, до сихъ поръ мѣста не имѣвшимъ, а, во-вторыхъ, такимъ, который можетъ повлечь за собою исключеніе изъ присяжной адвокатуры немалаго числа заслуженныхъ и лучшихъ ея представителей. Ибо разъ стать на почву аналогіи, то нельзя проводить различія между правомъ вступать въ присяжные повѣренные и правомъ сохранять полученное до судебнаго приговора званіе.

Среди членовъ первой Государственной Думы, осужденныхъ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, было нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ. По отбытіи ими наказанія, въ одномъ изъ судебныхъ округовъ, гдѣ обязанности совѣта несетъ окружный судъ, возникъ вопросъ, нынѣ разрѣшенный въ ограничительномъ смыслѣ соединеннымъ присутствіемъ сената. Судъ тогда присяжнаго повѣреннаго изъ сословія исключилъ, но судебная палата, куда дѣло поступило по жалобѣ исключеннаго, опредѣленіе суда отмѣнила. И послѣ того, вплоть до настоящаго момента, подобный вопросъ ни разу нигдѣ не возбуждался. Поводовъ же его возбужденія было весьма и весьма

много. Надо полагать, слѣдовательно, что и совѣты, и окружные суды, и судебныя палаты имѣли, если не формально-юридическія, то бытовыя основанія его не возбуждать. Создалась давность практики и вмѣстѣ съ нею коррективъ не закона, а толкованія, явившагося въ извѣстный политическій моментъ и въ явной связи съ политическими соображеніями. Разрушеніе этого корректива съ болѣзненностью можетъ отозваться на адвокатурѣ.

Мобилизація и война показали, насколько вообще страдаетъ глубокимъ внутреннимъ противорѣчіемъ тезисъ сената, допускающій, что могутъ быть лица, не лишенныя правъ по суду и въ то же время ограниченныя въ правѣ участвовать въ государственныхъ, сословныхъ, земскихъ и городскихъ выборахъ, въ правѣ поступать на государственную гражданскую службу и т. п. Всякое правоограниченіе за совершенное дѣяніе, изъ какого бы законодательнаго акта оно ни истекало, налагаетъ на лицо печать недовѣрія. Законъ, по толкованію сената, объявляетъ лицамъ, которыя могли быть присуждены къ праволишенію, но присуждены къ нему не были, что они не достойны быть по выборамъ членами Думы и Государственнаго Совѣта, или земскими и городскими гласными, или чиновниками гражданской службы, или присяжными повѣренными. А въ отношеніи права состоять на государственной службѣ, имѣющей наиболѣе почетный характеръ,—на военной службѣ въ офицерскомъ званіи и въ самый важный моментъ такой службы, во время войны,—законъ ничего подобнаго имъ не говоритъ. Тотъ самый г. Георгадзе, котораго судебная палата и сенатъ признали недостойнымъ быть присяжнымъ повѣреннымъ, если онъ отбывалъ воинскую повинность и получилъ чинъ прапорщика запаса, — не ограниченъ въ правѣ командовать на войнѣ взводомъ, ротой, эскадрономъ.

Такихъ «безправныхъ» офицеровъ сейчасъ на войнѣ, въ войскѣ, не одинъ и не два. Членъ первой Думы отъ Петрограда, осужденный за выборгское возваніе, восемь лѣтъ былъ не лишеннымъ правъ безправнымъ гражданиномъ. Вспыхнула война, и законъ ему сказалъ, что онъ не лишенъ чести вступить офицеромъ въ армію. Членъ третьей Думы тоже отъ Петрограда,—геройски погибшій 21 января,—осужденный за сказанную рѣчь, пять лѣтъ былъ въ одинаковомъ положеніи. А какъ отставной офицеръ, онъ вступилъ въ среду военныхъ офицеровъ. Такіе офицеры не ограничены въ правѣ получать за боевыя отличія чины и ордена, остаться на военной службѣ по окончаніи войны и занять въ войскѣ высшія командныя должности. А служба гражданская, адвокатура, участіе въ какихъ бы то ни было выборахъ, для такихъ лицъ пожизненно закрыты, ибо когда-то, давнымъ-давно, въ отношеніи ихъ могли наступить такія юридическія

послѣдствія дѣяній, которыя, однако, не наступили. Законъ не можетъ базироваться на такомъ недопустимомъ внутреннемъ противорѣчіи. И отсюда юридическая логика обязываетъ заключить, что пониманіе закона, нынѣ распространенное и на право вступленія въ присяжные повѣренные, въ корнѣ неправильно.

Въ наслѣдствѣ, доставшемся четвертой Думѣ отъ третьей, есть возникшій въ порядкѣ думской иниціативы законопроектъ объ измѣненіи положенія о выборахъ въ томъ смыслѣ, чтобы подобное толкованіе не могло долѣе имѣть мѣста. Въ третьей Думѣ законопроектъ движенія не получилъ. Но въ одномъ частномъ случаѣ, въ законѣ о страхованіи рабочихъ, Дума приняла иную ограничительную для избирательнаго права формулу. По этому закону устраняются отъ участія въ выборахъ «приговоренные судомъ къ наказанію, влекущему за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія». И включеніе въ законъ этой новой формулы, параллельно съ сохраненіемъ въ другихъ законодательныхъ актахъ старой, подвело, такъ сказать, фундаментъ подъ толкованіе сената. При такихъ условіяхъ, только въ законодательномъ порядкѣ можетъ послѣдовать упраздненіе созданной сенатскою практикою категоріи нелишенныхъ правъ безправныхъ гражданъ. Должно надѣяться, что ярко обнаруженная въ связи съ войной логическая недопустимость существованія въ государствѣ такой категоріи гражданъ будетъ при этомъ имѣть рѣшающее значеніе.

На процессѣ, возбужденномъ противъ петроградскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ присяжнымъ повѣреннымъ Алексѣевымъ, долго останавливаться не стоитъ. Исключенный совѣтомъ адвокатъ, затѣмъ въ званіи присяжнаго адвоката судебной палатой возстановленный, обвинялъ совѣтъ въ разглашеніи рѣшенія о его исключеніи. Не приводя въ частной жалобѣ абсолютно никакихъ доказательствъ предъявленнаго обвиненія, онъ заявлялъ, что усматриваетъ въ дѣйствіяхъ совѣта «признаки шантажа (?) и диффамаціи». Лишенное малѣйшихъ основаній обвиненіе окончилось тѣмъ, чѣмъ оно должно было окончиться: оправдательнымъ приговоромъ, послѣ минутнаго совѣщанія суда. Но совѣтъ, все-таки, былъ «подъ судомъ». Только едва-ли это дало г. Алексѣеву хотя бы удовлетвореніе чувства тщеславія. Много онъ говорилъ на судѣ, подчеркивая, что судебная палата отмѣнила опредѣленіе совѣта о его исключеніи и стараясь закрывать глаза на мотивы рѣшенія палаты, которая, не входя въ разсмотрѣніе существа дѣйствій, послужившихъ для совѣта поводомъ его исключить, признала, что эти дѣйствія не носили профессіональнаго характера, а касались его частной жизни. Говорилъ онъ о «безнравственности» петроградскаго совѣта, о

«безнравственности» и «преступности» всего адвокатскаго сословія. И слушавшій его по долгу защитника, предсѣдатель совѣта новаго состава, Н. П. Карабчевскій, съ полнымъ основаніемъ отвѣтилъ ему вопросомъ: «такъ не лучше ли снять съ себя значекъ, уйти изъ этого сословія?»

Послѣ двухъ лѣтъ предварительнаго обсужденія въ разнообразныхъ комиссіяхъ, вопросъ о выкупѣ электрическихъ предпріятій, наконецъ, внесенъ на разрѣшеніе петроградской городской думы. Въ ближайшіе дни дума должна сказать окончательно, будетъ ли въ 1917 году произведенъ выкупъ предпріятій бельгійскаго общества и общества «Геліосъ», а въ 1918 году—общества 1886 года. Въ отношеніи предпріятій послѣдняго общества, нынѣ возникъ, по иниціативѣ московской городской думы, еще другой вопросъ,—о секвестрѣ. Но будутъ ли предпріятія этого общества, въ виду обстоятельствъ военнаго времени, секвестрованы или нѣтъ,—для разрѣшенія вопроса о выкупѣ это не имѣетъ значенія.

По договорамъ, заключеннымъ въ свое время городомъ со всѣми тремя обществами, въ 1917 и 1918 г.г. наступаютъ сроки, когда городъ пріобрѣтаетъ право взять предпріятія въ свои руки, но за плату, которая разсчитывается въ видѣ ренты, соотвѣтственной получаемому акціонерами чистому доходу. По истеченіи еще двадцати лѣтъ предпріятія поступаютъ въ собственность города безвозмездно. Такимъ образомъ, съ финансовой стороны дилемма представляется въ слѣдующемъ видѣ: выгодно ли для городской кассы производить платный выкупъ, или слѣдуетъ отдать предпочтеніе оставленію дѣла за концессіонерами въ ожиданіи того момента, когда его можно будетъ взять безплатно? Рента, по подсчетамъ, равняется четыремъ съ половиною милліоновъ рублей въ годъ. Оборудованіе же предпріятій бельгійскаго общества и общества «Геліосъ» находится въ состояніи полной негодности для дальнѣйшей эксплоатаціи. И только оборудованіе предпріятій общества 1886 года допускаетъ эксплоатацію безъ немедленныхъ крупныхъ затратъ.

Выкупъ, слѣдовательно, связанъ съ очень большими денежными тратами на приведеніе въ порядокъ оборудованія и съ обязательствомъ платить огромную ренту за передаваемое негодное имущество. Въ этомъ заключается основное возраженіе противъ выкупа. Но та эксплоатація, которой общества подвергаютъ населеніе столицы, вынужденное пользоваться ихъ услугами, конечно,—пересиливаетъ всѣ разсужденія о кассовой выгодности и невыгодности. А потому, если бы на предстоящія двадцать лѣтъ общества требовали сохраненія за ними

права на нынѣшнія тарифныя ставки, то относительно выкупа не возникало бы никакихъ сомнѣній. Представители обществъ это отлично сознаютъ и соглашаются на довольно широкое измѣненіе условій договоровъ, принимая на себя, между прочимъ, обязательство не позже двухъ мѣсяцевъ со дня отказа города отъ выкупа понизить плату за освѣщеніе на 0,5 коп. и затѣмъ дѣлать дальнѣйшія періодическія скидки.

Такимъ образомъ, выкупу противополагаетея оставленіе дѣла за концессіонерами на льготныхъ, сравнительно съ нынѣшними, для города и для потребителей электрической энергіи основаніяхъ. Кромѣ того, опредѣлились еще два возможныхъ способа разрѣшенія вопроса. Во-первыхъ, оставить концессіи за бельгійскимъ обществомъ и за обществомъ «Геліосъ» и выкупить лишь предпріятія общества 1886 года, какъ находящіяся въ значительно болѣе исправномъ состояніи, и во-вторыхъ, выкупа не производить, съ обществами въ соглашенія о новыхъ договорахъ не вступать, а выстроить свою городскую станцію и подавать потребителямъ электрическую энергію на началахъ конкурренціи съ концессіонерами.

Первый изъ этихъ двухъ возможныхъ способовъ, хотя онъ встрѣчаетъ немало сторонниковъ, полагаемъ, долженъ быть отвергнутъ по простому соображенію этическаго свойства. Дѣйствительно, если встать на этотъ путь, то получится, что неисправному контрагенту городъ дастъ премію за неисправность, а контрагента, болѣе исправнаго, за сравнительную исправность накажетъ отнятіемъ дѣла. Что же касается конкурренціи съ концессіонерами, то такія предпріятія, какъ желѣзныя дороги, водопроводъ или подача электрической энергіи безусловно исключаютъ ея цѣлесообразность. Нѣтъ смысла проводить двѣ параллельныя желѣзнодорожныя линіи и также точно—укладывать два кабеля на одной улицѣ. Каждый конкуррентъ будетъ полностью нести расходы предпріятія, которые, въ концѣ концовъ, въ двойномъ размѣрѣ лягутъ на потребителя. И, конечно, конкурренты города, и теперь слившіеся уже въ синдикатъ, не остановятся ни передъ чѣмъ, чтобы побѣдить городское самоуправленіе въ неравной борьбѣ. Предсѣдатель правленія петроградскаго общества электрическихъ сооруженій, г. Мандель, разославшій гласнымъ думы, съ цѣлью убѣдить ихъ въ невыгодности для города выкупа, особую записку, недаромъ рисуетъ заманчивую перспективу: безъ обязательства платить ренту, построить городскую станцію, проложить свою сѣть и приступить къ веденію дѣла на началахъ конкурренціи. «Городская станція—пишетъ онъ—будетъ нормальнымъ и здоровымъ предпринимателемъ, на-ряду съ другими электрическими обществами, безъ многомилліонныхъ долговъ въ пользу праводате-

лей-концессіонеровъ». Г. Мандель понимаетъ и знаетъ, что городъ какъ конкуррентъ, опасности для синдиката акціонерныхъ обществъ, которые уже имѣютъ готовую сѣть, не представляетъ.

Скидки съ тарифа, на которыя такъ предупредительно идутъ концессіонеры, также точно являются лишь средствомъ затуманить вопросъ къ вящшей выгодѣ забившихъ тревогу директоровъ электрическихъ обществъ. Особенно характерно, въ данномъ отношеніи, предложеніе черезъ два мѣсяца послѣ отказа отъ выкупа уменьшить плату за освѣщеніе на 0,5 коп. Концессіонеры примѣняютъ чисто - торгашескій пріемъ заманиванія, грубо разсчитанный на обывательскую психологію. Пока-что, выкупъ можетъ давать однѣ надежды, и къ тому же такія, для осуществленія которыхъ нужно терпѣливо ждать не менѣе трехъ-пяти лѣтъ. А общества предлагаютъ чуть не съ завтрашняго дня пониженіе платы. И обыватель естественно склоненъ забыть прошлыя обиды, притѣсненія и кабалу. Но гласные думы обязаны стоять выше обывательской психологіи. Они не имѣютъ права продавать интересы города за чечевичную похлебку. Они должны открытыми глазами смотрѣть на то, чѣмъ компенсируется готовность концессіонеровъ торопливо идти на скидки.

Пользованіе электрической энергіей для освѣщенія и особенно для техническихъ надобностей есть такое новое дѣло, въ которомъ изобрѣтательность не только не сказала послѣдняго слова, но, въ сущности, еще только говоритъ первыя слова. Дѣло съ каждымъ днемъ непрерывно совершенствуется, и расходы эксплоатаціи понижаются. Какія усовершенствованія явятся черезъ двадцать, даже черезъ десять лѣтъ, конечно, неизвѣстно, но что они явятся—въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. И тѣ условія, которыя представляются заманчивыми для обывателя въ 1915 году, спустя десять лѣтъ, можно сказать съ увѣренностью, будутъ условіями кабалы. Телефонъ существуетъ въ Петроградѣ лѣтъ тридцать. Первоначально годовой абонементъ стоилъ пятьсотъ рублей. И если бы тогда явился концессіонеръ, который предложилъ бы отдать ему предпріятіе за годовую плату въ сто рублей съ аппарата, то обывательская психологія несомнѣнно бы сочла его благодѣтелемъ. А между тѣмъ, теперь абоненты Петрограда платятъ всего только пятьдесятъ рублей въ годъ, и при этой платѣ городъ еще имѣетъ солидный чистый доходъ. Двадцать лѣтъ въ такомъ дѣлѣ, какъ подача электрической энергіи, срокъ колоссально большой и закабалять на него городъ во власть предпринимательской алчности изъ-за полукопѣечной выгоды, получаемой черезъ два мѣсяца, прямо безразсудно.

Какъ примѣръ того, что городу принятіе въ свои руки электрическихъ предпріятій принесетъ убытокъ, концессіонеры выдвигаютъ «гибкость» системы спеціальной тарификаціи,—системы, которую они примѣняютъ широко и которую городъ примѣнять не станетъ. Да, городу, конечно, будетъ неприлично дѣлить потребителей энергіи на привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Но изъ-за одной системы спеціальной тарификаціи, бороться противъ которой въ порядкѣ надзора почти немыслимо, слѣдуетъ, не взирая ни на какія заманчивыя предложенія, рѣшить въ положительномъ смыслѣ вопросъ о выкупѣ. Ибо практическій результатъ системы состоитъ въ томъ, что рядовые обыватели оплачиваютъ пониженную дальше себѣстоимости подачу энергіи для нуждъ правительственныхъ учрежденій и наиболѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятій. На шею тѣхъ же рядовыхъ обывателей ложатся, въ концѣ концовъ, и обычные, при системѣ спеціальныхъ тарифовъ, «накладные расходы».

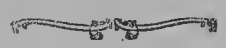
Сомнѣвающимся въ цѣлесообразности и необходимости выкупа рекомендуемъ прочесть записку г. Манделя. Она разсѣетъ всѣ сомнѣнія. Г. Мандель не жалѣетъ обществъ, представителемъ которыхъ онъ выступаетъ. Онъ не обинуясь признаетъ, что городъ получитъ негодныя станціи со старыми механизмами, «совершенно ненужными», и называетъ выкупъ, сопровождаемый уплатой его довѣрителямъ восьми-процентной ренты на положенный въ дѣло капиталъ, «рискованной спекуляціей». Словомъ, онъ такъ краснорѣчиво защищаетъ отъ самого себя интересы города, что или приходится его признать великимъ безсребренникомъ, мечтающимъ, въ прямой ущербъ своимъ довѣрителямъ, облагодѣтельствовать городъ, или же приходится ему просто не повѣрить. А такъ какъ заподозрѣвать г. Манделя въ недобросовѣстномъ отношеніи къ довѣреннымъ ему интересамъ нѣтъ основанія, то первое отпадаетъ и остается второе.

Чтобы продолжать веденіе дѣла въ теченіе двадцати лѣтъ, обществамъ предстоитъ затратить на замѣну старыхъ «совершенно ненужныхъ» механизмовъ тѣ же самые сорокъ милліоновъ рублей, какъ и городу, если послѣдуетъ рѣшеніе произвести выкупъ. И при этомъ обществамъ надо еще будетъ въ теченіе двадцати лѣтъ произвести полную амортизацію какъ новыхъ сорокамилліонныхъ затратъ, такъ и прежнихъ, представляющихъ цѣнность, приносящую четыре съ половиною милліона рублей въ годъ дохода. Почему же для города выкупъ есть «рискованная спекуляція», а общества такъ страстно желаютъ дѣло сохранить за собой? Откуда увѣренность у концессіонеровъ, что и при новыхъ, менѣе для нихъ выгодныхъ условіяхъ договора, они въ теченіе двадцати лѣтъ получатъ такую

прибыль, которая покроетъ необходимыя новыя затраты и прекращеніе громадной ренты? Если они имѣютъ такую увѣренность, то почему увѣренности въ гораздо болѣе скромномъ масштабѣ не можетъ имѣть городское самоуправленіе, не обязанное срочно, по истеченіи двадцати лѣтъ, ликвидировать дѣло? Увѣренность обществъ покоится на ростѣ потребленія электрической энергіи. Г. Мандель, въ своей запискѣ, высказываетъ сомнѣніе, что значительный приростъ потребленія электрической энергіи «дѣйствительно осуществится». Если бы это было такъ, то онъ не писалъ бы записки.

Городская дума устояла отъ соблазновъ трамвайныхъ концессіонеровъ, и опытъ въ короткое время доказалъ, насколько выгодно трамвайное дѣло. Принятіе въ свои руки дѣла подачи электрической энергіи представляется еще менѣе рискованнымъ. Не умѣнье частной предпріимчивости приспособляться къ условіямъ потребленія и не «гибкость» системы спеціальныхъ тарифовъ обезпечиваютъ выгодность электрическихъ предпріятій, а причины иного порядка: новизна дѣла, ростъ техническихъ усовершенствованій и ростъ потребленія энергіи. Есть еще возраженія, вытекающія изъ несовершенства аппарата, ведущаго городское хозяйство. Утверждаютъ, что населенію отъ перехода дѣла въ руки города легче не станетъ. Нельзя не сказать, однако, что какъ ни несовершенна нынѣшняя организація городского самоуправленія, интересы населенія ему, все-таки, ближе, чѣмъ г. Манделю и акціонерамъ-иностранцамъ. Чувство обиды отъ сознанія, что въ обмѣнъ на ренту будетъ получено дѣло, приведенное въ состояніе негодности, необходимо превозмочь. Эта рента есть расплата за старыя ошибки. И чѣмъ скорѣе расплата будетъ произведена, тѣмъ лучше.

В. Кузьминъ-Караваевъ.



ПАМЯТИ Н. А. УМОВА *).

Всего два мѣсяца тому назадъ мы посвятили вечеръ воспоминаніямъ о нашемъ незабвенномъ Иванѣ Ивановичѣ Боргманѣ, и опять передъ нами горестная вѣсть о смерти одного изъ наиболѣе выдающихся нашихъ товарищей, бывшаго профессора Московскаго

*) Сокращенная рѣчь, читанная въ засѣданіи отдѣленія физики Русскаго Физико-Химическаго Общества 12 янв. 1915 г.

университета, Николая Алексѣевича Умова, скончавшагося 2 января сего года на 69-омъ году жизни. Невольно и прежде всего, приходитъ въ голову обстоятельство, игравшее одинаковую роль въ жизни этихъ двухъ славныхъ ученыхъ. Ивана Ивановича можно назвать строителемъ и создателемъ того физическаго института, въ которомъ мы сейчасъ находимся; Николай Алексѣевичъ построилъ физическій институтъ Московскаго университета. Оба они оставили послѣ себя эти памятники, которые еще долгіе годы будутъ напоминать потомству о тѣхъ, трудами которыхъ они были созданы.

Дѣятельность покойнаго Николая Алексѣевича протекала вдали отъ насъ, въ Одессѣ и въ Москвѣ. Мы видѣли его при нашихъ поѣздкахъ, встрѣчая съ его стороны всегда ласковый и сердечный пріемъ; мы были рады и счастливы, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, когда мы съ благодарностью, съ наслажденіемъ и съ величайшею для насъ пользою могли слушать его глубокомысленныя рѣчи. Мы знакомились съ его многочисленными, удивительно разнообразными учеными работами, какъ теоретическими, такъ и экспериментальными, но мы все-таки не имѣемъ возможности дать сколько-нибудь полную картину его дѣятельности и всесторонне освѣтить обликъ этой выдающейся и на рѣдкость симпатичной личности. Я, прежде всего, спѣшу указать на одну характерную черту его, опять-таки общую, какъ ему, такъ и нашему Ивану Ивановичу: два мѣсяца тому назадъ, мы указывали на стойкость убѣжденій нашего руководителя и друга Ивана Ивановича, не допускавшую ни колебаній, ни компромиссовъ, и мы всѣ хорошо знаемъ, что этими высокими душевными качествами обладалъ и покойный Николай Алексѣевичъ, который предпочелъ всѣмъ пожертвовать и уйти, и не пожелалъ молча соглашаться съ тѣмъ, что противорѣчило его убѣжденіямъ, что его свѣтлой и честной душѣ представлялось недопустимымъ.

Заимствую нѣкоторыя біографическія данныя изъ статьи, повидимому, написанной самимъ Николаемъ Алексѣевичемъ. Онъ родился въ 1846 г. въ Симбирскѣ. Его отецъ, который былъ врачемъ и занимался собираніемъ естественно-историческихъ коллекцій, познакомилъ его съ анатоміей. Окончивъ курсъ въ 1-й московской гимназіи, Николай Алексѣевичъ поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета, который окончилъ въ 1867 г. со степенью кандидата. Намѣреваясь поступить въ Петроградскій Технологическій институтъ и желая предварительно познакомиться съ практикою техническихъ производствъ, онъ работалъ нѣкоторое время на вагоностроительномъ заводѣ Вильямса и Бухтѣева. Въ Технологическомъ институтѣ онъ пробылъ, вольнослушателемъ,

только два мѣсяца, такъ какъ былъ оставленъ при Московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ физики. Въ Москвѣ Николай Алексѣевичъ преподавалъ физику во 2-й женской гимназіи и читалъ лекціи физики на женскихъ Лубянскихъ курсахъ. И здѣсь мы видимъ врядъ ли случайную одинаковость въ дѣятельности Ивана Ивановича и Николая Алексѣевича: оба они, только-что вступивъ на учительское поприще, посвящали часть своего труда преподаванію серьезной науки любознательной женской молодежи.

Въ 1871 г. Н. А. былъ избранъ доцентомъ Новороссійскаго университета, а затѣмъ экстраординарнымъ и ординарнымъ профессоромъ. Въ Одессѣ онъ преподавалъ свыше 22-хъ лѣтъ. Это время совпало съ расцвѣтомъ физико-математическаго факультета Новороссійскаго университета, гдѣ работали Сѣченовъ, Мечниковъ и др. Въ 1893 г. Н. А. возвратился въ Московскій университетъ, гдѣ сперва читалъ общую физику студентамъ-медикамъ и теоретическую физику студентамъ-математикамъ, а послѣ смерти профессора А. Г. Столѣтова замѣнилъ его на каѳедрѣ экспериментальной физики. Въ теченіе 18-ти лѣтъ онъ состоялъ профессоромъ Московскаго университета; чтеніе лекцій онъ прекратилъ въ 1911 году, одновременно съ нашими товарищами по наукѣ, П. Н. Лебедевымъ, А. А. Эйхенвальдомъ, П. П. Лазаревымъ и др.

Беззавѣтно преданный наукѣ, за всѣми успѣхами которой онъ слѣдилъ до послѣднихъ дней своей жизни, Николай Алексѣевичъ много работалъ; это видно изъ длиннаго списка его научныхъ статей, какъ экспериментальныхъ, такъ и теоретическихъ. Послѣднія количественно значительно преобладали надъ работами экспериментальными. Нѣтъ возможности нынѣ же составить полный списокъ ученыхъ трудовъ покойнаго Н. А.; приходится ограничиться тѣми работами, на которыя онъ самъ указываетъ въ упомянутомъ біографическомъ очеркѣ, составленномъ въ 1900 г., и на тѣ изъ работъ, вышедшихъ послѣ 1900 г., которыя удалось собрать благодаря любезному содѣйствію нѣкоторыхъ членовъ нашего общества.

Первая работа, которую онъ самъ упоминаетъ, а можетъ быть и вообще первое его напечатанное изслѣдованіе, имѣетъ чисто-теоретическій характеръ. Какъ видно изъ протоколовъ засѣданій Московскаго математическаго общества, оно было упомянуто, какъ вновь поступившее, 20-го декабря 1869 г., а читано 21 марта 1870 г. Его заглавіе: «Законы колебаній въ неограниченной средѣ постоянной упругости»; оно напечатано въ «Математическомъ Сборникѣ», т. 5, 1870 г., рядомъ съ работами Н. В. Бугаева, І. И. Сомова, Н. Я. Со-

нина и В. Я. Цингера. Про это первое изъ намъ извѣстныхъ изслѣдованій Н. А. можно сказать: «ex ungue leonem». Вопросъ о распространеніи поперечныхъ и продольныхъ колебаній въ упругой средѣ поставленъ очень широко и разобранъ весьма остроумно.

Не приводимъ составленнаго нами списка его научныхъ работъ, имѣвшихъ весьма спеціальный характеръ. Онъ содержитъ 34 названія. Изъ этого, во всякомъ случаѣ, далеко неполнаго списка видно, что большинство работъ покойнаго Николая Алексѣевича относилось къ вопросамъ физики теоретической и притомъ къ весьма различнымъ ея отдѣламъ. Онѣ обнаруживаютъ глубокое знакомство съ предметомъ, талантливую и всегда интересную постановку новыхъ проблемъ и умѣніе широко пользоваться математическимъ анализомъ. Экспериментально покойный занимался растворами, въ особенности явленіями диффузіи, вопросомъ о поляризаціи свѣта при диффузномъ отраженіи и еще нѣкоторыми другими изслѣдованіями, повидимому въ связи съ теоретическими изысканіями въ соотвѣтствующихъ областяхъ.

Я позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ работъ. «Весьма любопытна, напр., вторая изъ работъ, напечатанныхъ въ Матем. Сборникѣ»—«Теорія взаимодѣйствій на разстояніяхъ конечныхъ и т. д.», 1872 г., хотя она нынѣ уже можетъ представлять интересъ только историческій. «Цѣль предлагаемаго труда», говоритъ авторъ въ началѣ, «заключается въ сведеніи явленій взаимодѣйствія тѣлъ на конечныхъ разстояніяхъ на явленія въ *средѣ*, ихъ окружающей. Эту среду я назову *промежуточной средой*». Въ основѣ выводовъ автора лежитъ мысль, что всякая энергія, которая намъ представляется потенціальной, въ дѣйствительности есть кинетическая энергія движенія частицъ промежуточной среды, и ему удается приложить свою теорію къ явленіямъ электростатики и электродинамики.

Работа Н. А. «О стаціонарномъ движеніи электричества на проводящихъ поверхностяхъ произвольнаго вида» была представлена Кирхгофомъ Берлинской академіи наукъ и напечатана въ ея Извѣстіяхъ.

Въ обширномъ экспериментальномъ изслѣдованіи «Диффузія воднаго раствора поваренной соли», на докладѣ котораго мнѣ случайно пришлось присутствовать въ Одессѣ, авторъ пользуется методомъ плавающихъ внутри жидкости, т.-е. взвѣшенныхъ шариковъ; всего было приготовлено 70 шариковъ различной средней плотности. Особое вниманіе было обращено на возможныя колебанія температуры. Теоретически авторъ выводитъ рядъ законовъ, не зависимыхъ отъ той или другой гипотезы о сущности явленій диффузіи.

Въ позднѣйшей работѣ Н. А. описываетъ остроумный сифонный диффузіометръ, дѣйствіе котораго основано на измѣненіи плотности, а слѣд. и вѣса жидкости, по мѣрѣ увеличенія въ ней концентраціи растворенного вещества.

Весьма красивыя и эффектныя цвѣтовыя явленія описаны въ работѣ «Методъ объективнаго изображенія свойствъ поляризованнаго свѣта» (1899). Потокъ прямолинейно поляризованныхъ лучей падаетъ на отражающую поверхность стекляннаго конуса (отверстіе 68°) по направленію его оси. Получается свѣтлое кольцо съ двумя противоположно расположенными темными промежутками. Кварцевая пластинка, вращающая плоскость поляризаціи, поставленная на пути лучей, даетъ блестящую цвѣтную фигуру, подробно описанную. Другой рядъ опытовъ производится при помощи мутныхъ срединъ.

Въ 1904 г. Н. А. предложилъ пользоваться, какъ экраномъ для проекцій матовой стеклянной пластинкой, покрытой тонкимъ слоемъ серебра. Нынѣ примѣняемые матовые металлическіе экраны появились, повидимому, позже.

Какъ внимательно покойный слѣдилъ за новѣйшими фазами эволюціи нашей науки, видно изъ цѣлаго ряда его послѣднихъ работъ. Такъ, въ 1909 г. появилась его статья «Анализъ формулъ дисперсіи», въ которой онъ разсматриваетъ формулы, данныя Фохтомъ въ его книгѣ «Магнито- и электро-оптика». Въ 1910 г. Н. А. публикуетъ статью о принципѣ относительности и доказываетъ, что формулы Лоренца единственныя, согласныя съ этимъ принципомъ, которому онъ даетъ своеобразную и общую формулировку. Въ 1912 г. онъ примѣняетъ свои выводы къ уравненію распространенія волнъ. Наконецъ, онъ публикуетъ (1914) статью «Возможный смыслъ теоріи квантъ», въ которой высказываетъ гипотезу о различной степени чувствительности эѳира по отношенію къ неупорядоченнымъ движеніямъ матеріальныхъ системъ.

Намъ извѣстно, что Николай Алексѣевичъ въ послѣдніе годы очень много занимался вопросомъ объ измѣненіи поляризаціи свѣта при диффузномъ отраженіи. Здѣсь онъ открылъ новыя явленія и далъ имъ теоретическія объясненія. Но, къ сожалѣнію, работа не окончена, въ особенности ея теоретическая часть, которою Н. А. усиленно занимался въ послѣднее время. Экспериментальная часть изложена въ двухъ статьяхъ. Въ первой (1905 г.) авторъ указываетъ на вліяніе поглощенія свѣта на степень поляризаціи отраженныхъ лучей и описываетъ рядъ новыхъ опытовъ. Онъ проектируетъ изображеніе нити лампы Нернста черезъ николь и систему призмъ à vision directe на плоскую поверхность окрашеннаго тѣла

и изслѣдуетъ при помощи пластинки Савара диффузно отраженный свѣтъ. Всегда оказывается, что сильно поглощаемые лучи остаются въ значительной степени поляризованными, между тѣмъ какъ другіе почти вполнѣ деполяризуются. Эти результаты были подтверждены работами Д. Хмырова и Н. Златовратскаго (1906), а также изслѣдованіемъ Наврата, напечатаннымъ въ Извѣстіяхъ Вѣнской Академіи Наукъ. Въ 1912 г. появилась вторая обширная работа Николая Алексѣевича. Онъ изслѣдовалъ и схематически изобразилъ спектры лучей, отраженныхъ отъ 185-ти окрашенныхъ тѣлъ, въ томъ числѣ различныхъ красокъ, искусственно приготовляемыхъ, а также окрашенныхъ поверхностей растеній и животныхъ. Подробно описанъ и изображенъ сложный приборъ, которымъ онъ пользовался. Падающіе лучи были или естественные, или поляризованные. Нѣтъ возможности подробнѣе описывать результаты этой замѣчательной работы. Въ тѣсной связи съ нею находится статья объ изслѣдованіи свѣта планетъ, въ особенности для опредѣленія присутствія на нихъ хлорофилла. Здѣсь Н. А. описываетъ свой методъ и предлагаетъ астрономамъ заняться соотвѣтствующимъ изслѣдованіемъ.

Покончивъ бѣглый обзоръ нѣкоторыхъ изъ научныхъ работъ Николая Алексѣевича, я обращаюсь къ той сторонѣ его дѣятельности, которая была для него особенно характерна, рѣзко выдѣляла его въ нашей средѣ и дѣлала его для насъ всѣхъ особенно дорогимъ и желаннымъ гостемъ. Я имѣю въ виду его глубоко-философское отношеніе ко всѣмъ отдѣльнымъ фазамъ той грандіозной эволюціи научной мысли въ области физическихъ явленій, свидѣтелями которой мы были за послѣдніе годы. Н. А. обладалъ рѣдкимъ талантомъ быстро охватывать сущность господствовавшаго въ данный моментъ міровоззрѣнія и міропониманія, производить анализъ тѣхъ, иногда глубоко скрытыхъ, причинъ, которыя приводили къ возникновенію новыхъ гипотезъ и теорій, и затѣмъ, путемъ остроумнаго синтеза, изображать итоги новыхъ эволюцій науки. Этотъ талантъ съ особою яркостью обнаруживался въ тѣхъ рѣчахъ, которыя имъ были прочитаны въ общихъ собраніяхъ различныхъ съѣздовъ и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Мы здѣсь не имѣемъ возможности сейчасъ представить полный списокъ этихъ рѣчей. Надо думать, что наши московскіе товарищи соберутъ и издадутъ ихъ отдѣльной книгой. Всѣмъ намъ, однако, хорошо извѣстны слѣдующія его четыре рѣчи:

«Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ», произнесенная въ общемъ собраніи IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей 4-го января 1894 г. въ Москвѣ.

«Физико-механическая модель живой матеріи», читанная

въ первомъ общемъ собраніи XI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей 20-го декабря 1901 г. въ Петроградѣ.

«Характерныя черты и задачи современной естественно-исторической мысли», читанная въ общемъ собраніи II-го Менделѣевскаго съѣзда 21 декабря 1911 г. въ Петроградѣ.

«Эволюція физическихъ наукъ и ея идейное значеніе», произнесенная на общемъ собраніи Перваго всероссійскаго съѣзда преподавателей физики, химіи и космографіи 29-го декабря 1913 г. въ Петроградѣ.

Весьма вѣроятно, что подобныхъ же рѣчей было произнесено Николаемъ Алексѣевичемъ еще не малое число. Но сейчасъ мы можемъ указать только на одну:

«О культурной роли физическихъ наукъ», читанной на учредительномъ собраніи Общества изученія и распространенія Физическихъ наукъ, 18 ноября 1912 г. въ Москвѣ.

Рѣчь на общемъ собраніи Перваго всероссійскаго съѣзда преподавателей физики, химіи и космографіи была послѣднею изъ подобныхъ его рѣчей, и онъ самъ, въ письмѣ на имя предсѣдателя распорядительнаго комитета съѣзда, заявилъ, что публичное выступленіе его сильно утомляетъ и что онъ далѣе уже не будетъ принимать на себя трудной задачи составленія и чтенія рѣчей на публичныхъ собраніяхъ. Мы всѣ слышали, или по крайней мѣрѣ читали эту послѣднюю рѣчь, въ которой съ особенной силой и яркостью выразились глубина мысли, всеобхватывающій синтезъ, блестящая форма изложенія и обиліе оригинальныхъ и, подчасъ, смѣлыхъ мыслей. Недаромъ съѣздъ, при самомъ его открытіи, избралъ Николая Алексѣевича своимъ предсѣдателемъ, «какъ одного изъ старѣйшихъ профессоровъ физики, глубокаго мыслителя и славнаго ученаго». Я не останавливаюсь на разборѣ упомянутыхъ его рѣчей, которыя намъ всѣмъ хорошо знакомы; въ нихъ удивительно переплетаются ясное, популярное изложеніе итоговъ чисто-научной работы съ ея философскою оцѣнкою, дающею ей новое, часто весьма неожиданное освѣщеніе и открывающею новые, любопытные горизонты.

Объ общественной дѣятельности Николая Алексѣевича мы имѣемъ лишь скудныя и отрывочныя свѣдѣнія. Здѣсь, на первомъ мѣстѣ, слѣдуетъ указать на его дѣятельность, какъ редактора замѣчательнаго научно-популярнаго журнала «Научное Слово», выходившаго въ 1903, 1904 и 1905 годахъ. Между сотрудниками мы здѣсь находимъ имена В. К. Цераскаго, И. М. Сѣченова, И. Н. Мечникова и др. Перу самого Н. А. принадлежатъ статьи: Значеніе опытныхъ наукъ; Недоразумѣнія въ пониманіи природы; Эволюція

атома; Изъ исторіи союза науки и техники; Сергѣй Николаевичъ Трубецкой. Очень и очень жаль, что этотъ журналъ, къ которому Н. А. съумѣлъ привлечь, какъ сотрудниковъ, большое число блестящихъ именъ, такъ скоро прекратилъ свое существованіе.

Николай Алексѣевичъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ, которыми такъ богата Москва. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ состоялъ предсѣдателемъ, какъ, напр., въ Обществѣ изученія и распространенія Физическихъ наукъ, возникшемъ при его главномъ участіи. Петроградскіе физики съ глубокою скорбью узнали о кончинѣ искренно чтимаго товарища, глубокаго знатока нашей науки, такъ охотно всегда соглашавшагося украшать своими мастерскими рѣчами тѣ съѣзды, которые ими устраивались. И мы никогда не забудемъ имени и свѣтлаго облика Николая Алексѣевича Умова, славнаго ученаго, глубокаго мыслителя и стойкаго борца за свѣтъ, за правду и за справедливость.

О. Д. Хвольсонъ.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Шестой мѣсяцъ войны).

I.

Въ теченіе истекшаго мѣсяца на большомъ протяженіи нашего западнаго фронта царило затишье. Это затишье не надо, конечно, понимать въ смыслѣ отсутствія боевыхъ дѣйствій, а въ томъ смыслѣ, что эти боевыя дѣйствія не имѣли рѣшительнаго характера, не являлись результатомъ попытокъ вызвать серьезное рѣшеніе. Достигнувъ еще въ первыхъ числахъ декабря линіи рѣкъ Бзуры и Равки, германскія войска не сумѣли развить достигнутаго ими успѣха и были задержаны на этой линіи. Атаки, ведшіяся противъ нашихъ позицій на Бзурѣ и Равкѣ въ первой половинѣ декабря, продолжались и во второй половинѣ этого мѣсяца и всю первую половину января. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти атаки велись крупными силами, такъ напр. въ одномъ изъ сообщеній штаба Верховнаго Главнокомандующаго упоминается, что при одной атакѣ въ районѣ Гумина германцами было введено въ дѣло до шести пѣхотныхъ полковъ, т.-е. приблизительно полторы дивизіи. Для частной атаки, это очень крупныя силы, и данный случай являлся въ теченіе мѣ-

сяца не единственнымъ. Но, предпринятыя этими крупными силами атаки все-таки носили частный, разрозненный характеръ, въ нихъ не было замѣтно выполненія какого-нибудь одного опредѣленнаго плана, не было видно желанія вызвать во что бы то ни стало рѣшеніе. Потерпѣвъ неудачу на одномъ участкѣ фронта, германцы возобновляли свои попытки на другомъ участкѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ опять вернуться къ первому, и въ теченіе мѣсяца они перепробовали своими атаками почти всѣ пункты нашихъ позицій вдоль Бзуры и Равки. Въ общемъ, однако, германскія атаки на Бзурѣ во второй половинѣ декабря и въ первой половинѣ января не носили такого упорнаго и стремительнаго характера, какъ раньше. Главное свое вниманіе германцы перенесли съ Бзуры на нижнее теченіе Равки.

На Бзурѣ имъ не удалось достигнуть никакихъ, даже скромныхъ, частныхъ успѣховъ. Они не только не могли утвердиться на правомъ берегу Бзуры, но не могли даже вытѣснить русскія войска, удержавшіяся на лѣвомъ берегу этой рѣки, у деревни Витковице. Въ районѣ Сохачева германцы тоже не продвинулись въ теченіе мѣсяца впередъ, и въ нашихъ позднѣйшихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ упоминается объ обстрѣлѣ нами германскихъ батарей, стоявшихъ у деревни Альтанка, въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Сохачева. Только въ области южнѣе Сохачева, гдѣ Бзура течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, а Равка наоборотъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, и гдѣ правые берега этихъ рѣкъ вдаются клиномъ на западъ,—только тутъ германцамъ удалось достигнуть нѣкоторыхъ, да и то очень скромныхъ, частныхъ успѣховъ. Они сумѣли перейти на правый берегъ нижней Равки и утвердиться приблизительно на линіи деревень Суха, Боржимовъ, Гуминъ и Воля-Шидловецка, т.-е. продвинулись версты на 3—4 къ востоку отъ Равки. Въ этомъ районѣ они и вели въ теченіе всего мѣсяца наиболѣе упорныя атаки. Тутъ они чаще всего пытались прорвать линію нашего расположенія, вводя при этомъ въ дѣло наиболѣе крупныя силы, но въ концѣ концовъ все-таки дальнѣйшаго успѣха они не имѣли. Эти названія Суха, Боржимовъ, Гуминъ фигурировали въ нашихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца и на той же линіи, гдѣ бои шли въ серединѣ декабря, тамъ они продолжались и въ серединѣ января и никакихъ сколько-нибудь существенныхъ измѣненій въ расположеніи сторонъ здѣсь не послѣдовало. Переправа германцевъ на правый берегъ Равки только выпрямила нѣсколько фронтъ нашего расположенія, но не вдавила его на востокъ.

Далѣе къ югу отъ района Болимова между Болимовскимъ

шоссе и Варшаво-Вѣнской ж. д., тамъ, гдѣ на обѣихъ сторонахъ Равки находятся большіе лѣса, военныя дѣйствія въ теченіе мѣсяца носили вялый характеръ и сводились преимущественно къ артиллерійской перестрѣлкѣ и къ частнымъ атакамъ преимущественно близъ линіи желѣзной дороги. Здѣсь германцамъ совершенно не удалось продвинуться на востокъ, и фронтъ боевыхъ столкновеній шелъ по самой Равкѣ, мѣстами же, какъ у деревни Самице, мы, по крайней мѣрѣ временно, занимали лѣвый берегъ этой рѣки. Совершенно разрозненными являлись также боевыя столкновенія къ югу отъ Варшаво-Вѣнской ж. д., происходившія здѣсь приблизительно по линіи Равки (Каміонъ, Долецъ, Новый Дворъ). Немного большее оживленіе замѣчалось въ районѣ города Равы, но все-таки и тутъ боевыя дѣйствія не получили широкаго развитія.

Область, прилегающая къ Пилицѣ, привлекавшая къ себѣ въ серединѣ декабря такъ много вниманія и бывшая въ то время ареной упорныхъ боевъ, постепенно утратила свое значеніе, и боевыя столкновенія тутъ совершенно замерли. Послѣднія, упоминавшіяся въ этомъ районѣ географическія названія показываютъ, что и здѣсь никакихъ замѣтныхъ измѣненій въ расположеніи сторонъ не послѣдовало. То же приблизительно приходится сказать и про весь обширный участокъ нашего боевого фронта къ югу отъ Пилицы. Отбивъ къ серединѣ декабря упорныя атаки австрійцевъ, направленныя преимущественно на наше положеніе на нижнемъ теченіи Ниды, и оттѣснивъ противника всецѣло на правый берегъ этой рѣки, мы не предпринимали здѣсь рѣшительнаго наступленія впередъ; австрійцы же чувствовали себя безсильными возобновить прежнія атаки. Въ виду этого на всемъ этомъ фронтѣ велись преимущественно артиллерійскіе бои, разнообразившіеся иногда ружейной перестрѣлкой и, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, приводившіе къ прямымъ атакамъ.

То же затишье установилось и на галиційскомъ фронтѣ. Здѣсь къ серединѣ декабря наступленіе австрійцевъ и въ западной Галиціи, и на карпатскомъ фронтѣ было окончательно сломлено. Австрійцы, поддержанные нѣкоторыми германскими частями, были отбиты, понеся громадныя потери не только убитыми и ранеными, но и плѣнными. Одно время въ серединѣ декабря можно было думать, что мы наканунѣ новаго наступленія съ нашей стороны, и было немало отдѣльныхъ упоминаній о поспѣшномъ отступленіи австрійцевъ и объ ихъ энергичномъ преслѣдованіи съ нашей стороны, но боевыя дѣйствія въ широкомъ масштабѣ здѣсь скоро замерли и обѣ стороны закопались на укрѣпленныхъ позиціяхъ, не подвигаясь почти въ теченіе цѣлаго мѣсяца ни взадъ, не впередъ. Бомбардировка австрійцами изъ тяжелыхъ орудій г. Тарнова и попытка австрійцевъ

атаковать наши позиціи у мѣстечка Радловъ на лѣвомъ берегу Дунайца ниже Тарнова, являлись чуть ли не самыми крупными событіями на галиційскомъ фронтѣ въ теченіе всего мѣсяца. Даже частичныя атаки здѣсь повторялись очень рѣдко.

При извѣстномъ затишьѣ на главномъ фронтѣ большое развитіе получили операціи на второстепенныхъ направленіяхъ, одинаково на правомъ и на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія. На крайнемъ правомъ флангѣ въ восточной Пруссіи военныя операціи носили довольно вялый характеръ, но въ промежуточномъ районѣ, на такъ называемомъ Млавскомъ направленіи и на правомъ берегу нижней Вислы, боевыя дѣйствія развивались очень оживленно.

Вообще этотъ районъ является совершенно второстепеннымъ и, такъ сказать, безплоднымъ для наступленія одинаково и съ нашей, и съ германской стороны, поэтому тутъ одинаково и германцы и мы держали сравнительно незначительныя силы, въ составъ которыхъ входило довольно много кавалеріи, вслѣдствіе чего положеніе сторонъ здѣсь было болѣе неустойчиво, чѣмъ на какихъ-нибудь другихъ участкахъ нашего фронта. Здѣсь въ теченіе полугода почти непрерывно происходило передвиженіе войскъ: то русскія войска вторгались въ предѣлы восточной Пруссіи и оттѣсняли противника до линіи Лаутенбургъ-Сольдау-Нейденбургъ, или еще далѣе къ сѣверу, то, наоборотъ, германцы спускались къ югу и занимали Цѣхановъ и Праснышъ съ тѣмъ, чтобы черезъ короткое время отдать ихъ обратно. Это постоянное передвиженіе взадъ и впередъ, для характеристики котораго иногда употреблялось выраженіе «танцуютъ кадриль», продолжалось почти-что до конца декабря. Съ этого времени здѣсь стала замѣчаться какъ бы нѣсколько большая устойчивость въ положеніи сторонъ и развитіе боевыхъ дѣйствій въ болѣе опредѣленномъ направленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ употреблявшееся прежде выраженіе «млавское направленіе» перестало быть вполнѣ точнымъ. Прежде боевая дѣятельность сосредоточивалась здѣсь, дѣйствительно, вдоль желѣзной дороги, идущей отъ Варшавы на Млаву. Теперь на этомъ узкомъ направленіи установилось извѣстное равновѣсіе, но зато боевыя дѣйствія стали развиваться въ болѣе западномъ районѣ, въ западныхъ уѣздахъ Плоцкой губерніи. Въ этомъ уголку западной Польши до самаго послѣдняго времени сколько-нибудь серьезныхъ столкновеній совсѣмъ не было. Тутъ, прежде всего, нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, а кромѣ того попытки наступленія вдоль праваго берега Вислы съ нашей стороны приводили насъ къ Торну и другимъ крѣпостямъ нижней Вислы, а германское наступленіе въ этомъ направленіи выводило бы къ Новогеоргіевску; иными словами, ни та, ни другая стороны не имѣли никакого осно-

ванія выбирать этотъ районъ для сколько-нибудь серьезныхъ операцій. Но къ концу декабря положеніе дѣлъ здѣсь нѣсколько измѣнилось въ зависимости отъ обстановки, получившейся въ лѣвобережной Польшѣ. Лѣвый флангъ германской арміи, дѣйствовавшій на Бзурѣ и Равкѣ, упирался въ Вислу. Эта рѣка представляетъ, несомнѣнно, очень серьезное естественное препятствіе и до извѣстной степени можетъ служить прикрытіемъ фланга, но только до извѣстной степени. Все-таки переправы черезъ Вислу возможны во многихъ мѣстахъ, и русскія войска, сосредоточенныя на правомъ берегу Вислы, ниже впаденія Бзуры, могутъ служить угрозой германскимъ арміямъ, оперирующимъ на лѣвомъ берегу. До тѣхъ поръ, пока русскія войска занимали слабыми силами кордонное положеніе на правомъ берегу Вислы, они, разумѣется, должны были ограничиваться наблюденіемъ и не могли предпринять ничего болѣе серьезнаго. Но съ конца декабря русскія войска на правомъ берегу Вислы повели наступленіе въ сѣверо-западномъ и въ западномъ направленіяхъ, и заняли сперва г. Серпецъ, а затѣмъ мѣстечко Скемпе. Здѣсь образовался въ дополненіе къ прежнему млавскому фронту, обращенному на сѣверъ, новый фронтъ, обращенный на западъ и шедшій по линіи Скемпе—Добржинъ (на правомъ берегу Вислы). Здѣсь наши войска занимали по отношенію къ германскимъ силамъ, дѣйствовавшимъ на лѣвомъ берегу Вислы, положеніе далеко выдвинутаго впередъ на западъ уступа, потому что линія Скемпе—Добржинъ проходитъ приблизительно на 60 верстъ западнѣе линіи нижней Бзуры. Положеніе германцевъ усложнялось еще тѣмъ, что Добржинъ находится всего въ 15 верстахъ отъ Влоцлавска, гдѣ желѣзная дорога Варшава—Торнъ подходитъ вплотную къ Вислѣ. Между тѣмъ эта желѣзная дорога является главной питательной артеріей для германскихъ армій, стоящихъ на Бзурѣ. Достаточно было бы простого перерыва движенія по этой дорогѣ, чтобы привести въ большой безпорядокъ все дѣло снабженія германскихъ армій, и эта угроза постоянно висѣла надъ германцами, до тѣхъ поръ, пока мы занимали прочно правый берегъ Вислы и въ частности линію Добржинъ—Скемпе. Переправа же большими силами на лѣвый берегъ Вислы въ тылъ лѣваго германскаго фланга имѣла бы, разумѣется, еще большее значеніе. Всѣмъ этимъ и объясняется повышенный интересъ къ правому берегу Вислы, обнаруживавшійся въ теченіе мѣсяца, какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны германцевъ.

На крайнемъ лѣвомъ нашемъ флангѣ нами велось энергичное наступленіе въ Буковинѣ. Послѣ занятія Черновицъ русскія войска овладѣли всей юго-восточной Буковиной, а затѣмъ продвинулись на

западъ, заняли г. Кимполунгъ, подошли къ укрѣпленной австрійской позиціи у Якобени (немного сѣвернѣе Дорна-Ватры) и овладѣли переваломъ у Кирлибабы, выводящимъ въ Трансильванію. Сколько-нибудь серьезное сопротивленіе австрійцы оказали намъ только на самой границѣ Буковины въ районѣ западнѣе Кимполунга. Боевыя столкновенія здѣсь еще не закончены.

Къ серединѣ января фронтъ соприкосновенія между нашими войсками и непріятельскими шелъ приблизительно по слѣдующей линіи. Въ восточной Пруссіи г. Пилька-аленъ, затѣмъ р. Ангерапъ, раздѣлявшая германскія и русскія войска, линія Мазурскихъ озеръ (г. Лётценъ, область между озерами Невентинъ и Шпирдингъ, г. Ломбровкенъ, Іоганисбургъ), далѣе южная часть восточной Пруссіи къ востоку отъ р. Росоги, мѣстечко Хоржеле въ сѣверной части Плоцкой губ., Праснышъ, станція Конопка на Млавской ж. д., Родзановъ, Бѣжунь, Скемпе, Добржинъ, р. Висла отъ Добржина до Вышегрода, Бзура, Равка до г. Равы, Нове-Място, Иновлодзь, Опочна, линія Ниды (притокъ Вислы), Дунаецъ и его притокъ Бяла до области нѣсколько южнѣе Тухова, затѣмъ мѣстечко въ предгорьяхъ Карпатъ, Горлице, Кремпна, Тылова, Яслиска, Болигродъ, Ужокскій перевалъ, Нижнее-Веречке и перевалъ Бескидъ, селеніе Майданка и западная граница Буковины. Такимъ образомъ фронтъ въ теченіе всего мѣсяца почти не потерпѣлъ никакихъ измѣненій.

Лишь въ серединѣ января стало замѣчаться нѣкоторое оживленіе на этомъ фронтѣ и началось перемѣщеніе на его флангахъ. Въ восточной Пруссіи намѣтилось наступленіе съ нашей стороны, ведшееся одновременно въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, русскія войска наступали отъ Пелькаллена въ сѣверо-западномъ направленіи и оттѣснили противника до линіи Мальвишкенъ—Ласденень, гдѣ германцы заняли какъ бы фланговую позицію по отношенію ко всему нашему расположенію въ восточной Пруссіи. Съ другой стороны, велось наступленіе на Тильзитъ съ сѣвера, приведшее насъ къ занятію станціи Погегенъ (прямо къ сѣверу отъ Тильзита) и содержащее въ себѣ угрозу обхода съ тыла германскихъ позицій у Мальвишкена и Ласденена.

На противоположномъ направленіи въ Карпатахъ первыми перешли въ наступленіе наши противники, поведшіе атаки на широкомъ фронтѣ отъ Яслиски до Майданки. Въ началѣ декабря австрійское наступленіе, побудившее насъ къ отходу отъ Кракова, велось черезъ западные Карпатскіе проходы, главнымъ образомъ черезъ Дуклинскіе, и почти не распространялось на районъ восточнѣе Яслиски. Теперь, наоборотъ, австрійцы отказались отъ наступленія въ запад-

ныхъ Карпатскихъ проходахъ, а сосредоточили силы на восточныхъ проходахъ. Яслиска раньше находилась на крайнемъ правомъ флангѣ ихъ активнаго фронта, теперь къ этому мѣстечку пріуроченъ крайній лѣвый флангъ того же фронта, и главныя австрійскія силы сосредоточены теперь на восточной половинѣ этого фронта, преимущественно на дорогахъ, ведущихъ отъ Ужгорода къ Самбору (черезъ Ужокскій перевалъ) и отъ Мункача къ Стрыю (черезъ деревню Нижнее Веречке и перевалъ Бескидъ). Прежнія попытки австрійскаго наступленія изъ-за Карпатъ были частью общаго наступленія всѣхъ германо-австрійскихъ армій, теперь австрійцы ведутъ изолированное наступленіе. Они за послѣднее время не получили такихъ значительныхъ подкрѣпленій, которыя позволили бы имъ просто удлинить фронтъ на 160 верстъ къ востоку (разстояніе отъ Яслиски до Майданки). Поэтому, сосредоточивъ значительныя силы въ восточныхъ Карпатахъ, они должны были не только ослабить свой фронтъ на другихъ участкахъ, но и допустить наличность на этомъ фронтѣ совсѣмъ незаполненныхъ мѣстъ. Фронтъ противниковъ потерялъ прежнюю непрерывность и цѣлостность, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылся большій просторъ для маневра въ его чистомъ видѣ.

Первыя указанія на австрійское наступленіе изъ-за Карпатъ относятся къ 9-му и 10-му января. Постепенно разростаясь, боевыя столкновенія приняли здѣсь характеръ общаго сраженія, далеко еще не законченнаго въ настоящій моментъ.

Такое же затишье, какъ и на востокѣ, царило и на всемъ западномъ театрѣ войны. Здѣсь по-прежнему активной наступающей стороной являлись союзники, но ихъ наступленіе не носило общаго характера и ограничивалось чисто мѣстными цѣлями. Мѣстами союзникамъ удавалось добиться довольно существенныхъ успѣховъ, какъ напр. занятія г. С.-Жоржа на Изерѣ и г. Ла-Бассе, гдѣ германскія позиціи были выдвинуты дальше всего на западъ, но эти успѣхи такъ частными успѣхами и остались, и до сихъ поръ союзниками не предпринято сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ развить ихъ и перейти въ общее наступленіе. Такой же частный характеръ носили и немногочисленныя попытки германцевъ вести наступленіе преимущественно въ районѣ р. Энъ. Здѣсь имъ тоже удалось добиться частнаго успѣха въ окрестностяхъ Суасона, но на общую обстановку на западномъ театрѣ войны этотъ успѣхъ вліянія не имѣлъ. На западѣ, какъ и на востокѣ, отдѣльные бои нерѣдко отличались большимъ упорствомъ, даже ожесточенностью и сопровождались громадными потерями. Такъ, за три дня (12—14 января) германцы потеряли до 20.000 человѣкъ. Повторныя атаки шли непре-

рывно, иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней, но всѣ эти атаки были частными боями, не преслѣдовавшими въ своей совокупности какой-нибудь одной общей цѣли и по которымъ трудно судить о какомъ-нибудь послѣдовательно проводимомъ планѣ съ той или другой стороны. Особенно упорные и ожесточенные бои происходили въ Аргоннахъ и Эльзасѣ, гдѣ бои неоднократно доходили до штыковыхъ схватокъ и гдѣ тѣмъ не менѣе ни та, ни другая сторона почти не имѣла возможности продвинуться впередъ.

Раньше затишье на западномъ театрѣ войны склонны были объяснять выжиданіемъ хода событій на восточномъ театрѣ. Теперь, когда затишье одновременно господствовало и на западномъ и на восточномъ театрахъ войны, было видно, что оно имѣетъ подъ собою какія-то общія причины. Эти причины сводятся прежде всего къ тому, что обѣ стороны въ теченіе прежнихъ совершенно исключительныхъ по упорству и по числу участниковъ боевъ въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ, въ значительной степени растратили свои силы, понеся колоссальныя потери, и въ то же время не добились опредѣленнаго рѣшенія. Обѣ стороны нуждались не только во временномъ отдыхѣ, но и въ значительномъ пополненіи силъ, въ подвозѣ свѣжихъ подкрѣпленій. Вотъ этому сосредоточенію новыхъ силъ и былъ посвященъ преимущественно истекшій мѣсяцъ, и въ ожиданіи такихъ подкрѣпленій рѣшительныя боевыя дѣйствія были пріостановлены. Полгода войны не дали опредѣленнаго рѣшенія, и впереди предстоитъ еще новая кампанія, какъ бы новая война, быть можетъ, еще болѣе крупная по своимъ размѣрамъ, чѣмъ въ предыдущіе мѣсяцы. Обѣ стороны къ этой кампаніи готовятся, но шансы на успѣхъ въ настоящее время въ значительной степени измѣнились по сравненію съ начальными недѣлями войны. Тогда Германія могла произвести мобилизацію и сосредоточеніе своихъ силъ съ гораздо большей быстротой, чѣмъ ея противники. Для новаго сосредоточенія силъ, для привлеченія подъ знамена массъ людей, не прошедшихъ раньше военной службы, Германія не имѣетъ какого-либо преимущества по сравненію съ нами, французами или англичанами. Наоборотъ, тутъ есть извѣстное преимущество на сторонѣ союзниковъ. Англія доканчиваетъ формированіе своихъ новыхъ армій, которыя, повидимому, появятся на западномъ театрѣ войны въ февралѣ мѣсяцѣ. Эти пять новыхъ армій дадутъ союзникамъ подкрѣпленіе въ 500 тысячъ человѣкъ въ дополненіе къ дѣйствующимъ уже во Франціи 200 тысячамъ англійскихъ войскъ. Эти новыя арміи образованы сплошь изъ волонтеровъ, хорошо обученныхъ въ теченіе полугодія, прошедшаго съ начала войны, съ превосходной экипировкой и вооруженіемъ и

снабженныхъ всѣмъ нужнымъ. Это будутъ не только перволинейныя, но первоклассныя войска, какихъ, пожалуй, ни одно другое изъ воюющихъ государствъ не въ состояніи въ данный моментъ выставить въ поле. Въ дополненіе къ этимъ новымъ арміямъ формируются еще территоріальныя войска и резервныя арміи, и въ общей сложности англійское военное министерство имѣетъ въ виду довести въ случаѣ надобности составъ дѣйствующихъ англійскихъ силъ до 2 милліоновъ людей. Это, конечно, будетъ не скоро, но массовыя подкрѣпленія англичане получатъ въ непродолжительномъ времени. Готовитъ новыя подкрѣпленія и Франція, въ видѣ территоріальной арміи и обучаемаго теперь контингента новобранцевъ 1914—1915 года. Въ Россіи доканчиваетъ свое обученіе контингентъ новобранцевъ 1914 года, производится призывъ новобранцевъ 1915 года, созваны нѣкоторые возрасты ополченія перваго разряда. Новобранцы 1914—1915 г. представляютъ уже сами по себѣ громадную массу, способную влиться въ перволинейныя войска и значительно ихъ усилить. Со стороны Германіи тоже происходитъ въ настоящее время усиленная подготовка и формированіе новыхъ войсковыхъ частей. Запасы людей, которые имѣются въ распоряженіи Германіи, еще очень велики. У нея остается еще не тронутымъ до 4 милліоновъ ландштурмистовъ, но это уже сплошь необученные люди, такъ какъ весь обученный ландверъ и обученная часть ландштурма уже включены въ ряды дѣйствующихъ армій. Затѣмъ эти 4 милліона въ значительной степени состоятъ изъ людей, либо непринятыхъ на военную службу по нѣкоторымъ физическимъ недостаткамъ, либо уже достигшихъ довольно почтеннаго возраста. Изъ этихъ 4 милліоновъ людей можно сформировать еще очень многочисленную армію, но это уже сплошь будутъ арміи, состоящія не только изъ второлинейныхъ, но и изъ второсортныхъ войскъ. На сторонѣ союзниковъ въ данномъ случаѣ будетъ, несомнѣнно, довольно значительный численный перевѣсъ, а кромѣ того этотъ численный перевѣсъ дополняется качественнымъ превосходствомъ готовящихся англійскихъ и русскихъ подкрѣпленій по сравненію съ ландштурмными частями, формируемыми теперь въ Германіи. Конечно, всѣ эти новыя подкрѣпленія будутъ двинуты въ дѣло не сразу. И съ той и съ другой стороны возможны попытки использовать ихъ по частямъ, и, вслѣдствіе этого, установившееся въ теченіе мѣсяца затишье, вѣроятно, будетъ непродолжительно. Но окончательное рѣшеніе будетъ достигнуто только послѣ того, какъ одна изъ сторонъ истратитъ всѣ свои силы.

II.

Въ противоположность затишью на главныхъ театрахъ войны, боевыя дѣйствія на кавказскомъ фронтѣ носили очень энергичный и рѣшительный характеръ. Турецкая попытка наступленія, начатая еще въ предыдущемъ мѣсяцѣ, продолжала развиваться и кончилась полной неудачей. Планъ, выработанный турками, былъ очень сложенъ и не лишенъ извѣстнаго остроумія. Они задумали очень запутанный маневръ, сводившійся къ цѣлому ряду обходныхъ движеній. Часть ихъ силъ, именно 11-й корпусъ долженъ былъ задерживать наши войска, дѣйствовавшія на Эрзерумскомъ направленіи, и привлекать ихъ вниманіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительныя силы, состоявшія изъ 9-го и 10-го турецкихъ корпусовъ, предприняли наступленіе въ Ольтинскомъ направленіи, при чемъ, занявъ г. Ольты, большая часть турецкихъ войскъ свернула на востокъ и юго-востокъ и ударила на Сарыкамышъ въ обхватъ съ тыла праваго фланга нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Эрзерумскомъ направленіи. Меньшая часть войскъ, дѣйствовавшихъ въ Ольтинскомъ направленіи, продолжала свой путь прямо къ Ардагану и встрѣтила отпоръ со стороны русскихъ у Мерденека. Но въ это самое время турецкія войска, сосредоточенныя въ Зачорохскомъ краѣ и состоявшія изъ 1-го корпуса, предприняли новый обходъ нашихъ войскъ и овладѣли Ардаганомъ. Намъ приходилось ликвидировать турецкое наступленіе по частямъ. Прежде всего намъ удалось отнять у турокъ обратно Ардаганъ, затѣмъ мы нанесли туркамъ тяжелое пораженіе у Сарыкамыша. Дѣйствовавшіе здѣсь два турецкихъ корпуса, 9-й и 10-й, были совершенно разбиты, при чемъ 9-й корпусъ былъ уничтоженъ почти полностью и потерялъ весь свой штабъ въ лицѣ корпуснаго командира и начальниковъ всѣхъ трехъ дивизій, попавшихъ въ плѣнъ. Для того, чтобы облегчить отступленіе 10-го и остатковъ 9-го корпусовъ, 11-й турецкій корпусъ предпринялъ энергичное наступленіе у Караургана и на смѣну многодневнымъ сарыкамышскимъ боямъ пришли столь же многодневные караурганскіе бои, въ которыхъ, кромѣ 11-го корпуса, принимали участіе отступавшіе 10-й и остатки 9-го корпуса. Всѣ бои кончились новымъ пораженіемъ турецкихъ войскъ и затѣмъ ихъ отходомъ въ предѣлы Турціи въ направленіи къ Эрзеруму. Русскія владѣнія были совершенно очищены отъ турокъ, и здѣсь въ концѣ концовъ установилось приблизительно такое же положеніе сторонъ, которое имѣлось до начала турецкато наступленія. Параллельно шло очищеніе отъ турецкихъ частей Зачорохскаго края. Вся область между нижнимъ Чорохомъ и Чернымъ моремъ уже очищена отъ турокъ при поддержкѣ на-

шего черноморскаго флота, бомбардировавшаго нѣкоторыя прибрежныя мѣстечки, а вмѣстѣ съ тѣмъ русскія войска заняли Арданучъ, захваченный турками еще въ началѣ ноября мѣсяца.

Турецкія войска, дѣйствовавшія въ западномъ Закавказьѣ и состоявшія изъ 1, 9, 10, 11 и части 6-го (а по другимъ свѣдѣніямъ 4-го) корпусовъ, были не только разбиты, но и на половину уничтожены. Это явилось единственнымъ результатомъ турецкаго отступленія, если только не считать выигрышемъ для турокъ очищенія нами значительной части Алашкертской долины и нашего отхода съ такъ называемаго ванскаго направленія, вынужденнаго необходимостью сосредоточенія нашихъ силъ на западныхъ участкахъ границы. Нашимъ отходомъ съ ванскаго направленія турки воспользовались для болѣе энергичнаго наступленія въ персидскомъ Азербейджанѣ. Наступленіе это было начато ими еще раньше черезъ персидскіе округи, лежащіе къ югу отъ озера Урмія и въ обходъ Урміи съ восточной стороны. Нашъ отходъ съ ванскаго направленія далъ имъ возможность вторгнуться въ Азербейджанъ не только съ юга, но и съ запада. Турки захватили Тавризъ, главный городъ сѣверо-западной Персіи, но воспользоваться этимъ успѣхомъ они не сумѣли. Само собою разумѣется, что о серьезномъ наступленіи турецкихъ войскъ черезъ Азербейджанъ въ наши владѣнія не могло быть и рѣчи. Вѣдь туркамъ здѣсь приходилось опираться на такіе города, какъ Багдадъ, Ванъ, Мосулъ, отстоящіе отъ Тавриза на много сотъ верстъ, не соединенные съ нимъ не только желѣзными, но и сколько-нибудь хорошими грунтовыми дорогами, и поэтому турецкія войска, находящіяся въ Тавризѣ, не могли пополнить своихъ запасовъ и не могли разсчитывать на прибытіе подкрѣпленій въ сколько-нибудь близкомъ времени. Врядъ ли, конечно, турки и думали о возможности вторженія, въ этомъ направленіи, въ русскіе предѣлы, и ихъ планы, повидимому, не шли далѣе того, чтобы открыть путь къ курдскимъ шайкамъ для вторженія въ Россію. Но и этотъ планъ не удался, и турецкое пребываніе въ Тавризѣ оказалось непродолжительнымъ. 17 января Тавризъ уже былъ взятъ нашими войсками. Въ итогѣ турецкое наступленіе не только ничего не дало для турокъ и для ихъ союзниковъ-германцевъ, но, обезсиливъ турокъ, оно сдѣлало лишь наше положеніе на Кавказѣ еще болѣе прочнымъ, чѣмъ раньше. О возможности повторенія турецкаго наступленія въ широкомъ масштабѣ въ ближайшемъ будущемъ не можетъ быть и рѣчи, потому что главныя подкрѣпленія къ туркамъ могутъ подойти не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

При затишьѣ на западномъ театрѣ войны значительное развитіе получили военныя дѣйствія въ воздухѣ и на морѣ. Истекшій мѣсяцъ ознаменовался первой попыткой германскихъ цеппелиновъ напасть на Англію. Германскіе цеппелины, вылетѣвшіе изъ Германіи и пролетѣвшіе черезъ Голландію и Сѣверное море, появились надъ Ярмутомъ, Кингсъ-Линомъ и въ окрестностяхъ королевскаго дворца въ Сендрингемѣ и бросили здѣсь бомбы. Причиненный ими ущербъ былъ неизмѣримо меньше, чѣмъ ущербъ, причиненный крейсерской бомбардировкой Гартльпула и Скарборо, но впечатлѣніе отъ этого налета было, конечно, большое, потому что Ярмутъ или Кингсъ-Линъ отстоятъ отъ Германіи не ближе, чѣмъ Лондонъ, и возможность набѣга на Кингсъ-Линъ демонстрировала возможность набѣга на Лондонъ. Вторая попытка цеппелиновъ, повторенная черезъ нѣсколько дней, не имѣла однако успѣха.

Еще менѣе удачной была попытка повторить морской набѣгъ на берега Англіи. 11 января германская крейсерская эскадра, въ составѣ трехъ линейныхъ крейсеровъ—«Дерфлингеръ», «Зейдлицъ» и «Мольтке» и броненоснаго крейсера «Блюхеръ», въ сопровожденіи нѣсколькихъ маленькихъ крейсеровъ и миноносцевъ, вышла въ море по направленію къ берегамъ Англіи. Но ей не удалось приблизиться къ Англіи. Она была встрѣчена въ открытомъ морѣ англійской развѣдочной эскадрой и принуждена была спасаться бѣгствомъ. Англійская эскадра состояла изъ трехъ крейсеровъ, сверхдредноутовъ—«Лайонъ», «Тайгеръ» и «Принцессъ-Ройяль» и двухъ линейныхъ крейсеровъ—«Ньюзелендъ» и «Индомитебль», не считая маленькихъ крейсеровъ и истребителей. Англійскіе крейсера превосходили германскіе не только численностью, но и своимъ вооруженіемъ. Изъ германскихъ крейсеровъ лишь одинъ «Дерфлингеръ» имѣлъ 12-ти-дюймовыя орудія, вооруженіе «Зейдлица» и «Мольтке» состояло изъ 11-ти-дюймовыхъ орудій, а вооруженіе «Блюхера» только изъ орудій 8-дюймоваго калибра. Изъ британскихъ крейсеровъ три первыхъ имѣли артиллерію калибра въ $13^1/_2$ дюймовъ, два остальныхъ — 12-дюймовую. Въ водоизмѣщеніи отдѣльныхъ судовъ и въ скорости опять-таки значительный перевѣсъ былъ на сторонѣ англичанъ. Германской эскадрѣ ничего не оставалось иного, какъ сдѣлать попытку спастись бѣгствомъ, что однако удалось ей лишь отчасти. Преслѣдующіе германцевъ англійскіе крейсера вынудили противника къ бою, въ результатѣ котораго крейсеръ «Блюхеръ» погибъ, одинъ небольшой крейсеръ «Кольберъ» по частнымъ свѣдѣніямъ тоже потопленъ, два линейныхъ крейсера получили тяжелыя поврежденія, а англичане не потеряли ни одного судна и сколько-нибудь значительныя поврежденія изъ англій-

скихъ крейсеровъ получилъ только «Лайонъ» и истребитель «Метеоръ».

Потеря «Блюхера», бывшаго однимъ изъ лучшихъ германскихъ броненосныхъ крейсеровъ и, пожалуй, даже одного изъ лучшихъ броненосныхъ крейсеровъ додредноутнаго типа во всемъ мірѣ, является очень тяжелой потерей для германскаго флота. Германскій флотъ былъ особенно бѣденъ броненосными крейсерами, которыхъ у нихъ числилось къ началу войны только 13; затѣмъ въ первые же дни послѣ объявленія войны вступилъ въ строй крейсеръ «Дерфлингеръ» и въ настоящее время, вѣроятно, уже готовъ еще новый крейсеръ «Лютцовъ». Но изъ этихъ 15 крейсеровъ 5 уже погибли («Блюхеръ», «Шарнгорстъ», «Гнейзенау», «Іоркъ» и «Фридрихъ Карлъ») «Гебенъ», находящійся въ настоящее время въ Константинополѣ, по крайней мѣрѣ на половину потерянъ для германцевъ. Они могутъ располагать теперь въ Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ лишь 9 крейсерами, считая въ томъ числѣ «Лютцова» и не исключая изъ счета даже такое устарѣлое судно, какъ броненосный крейсеръ «Фюрстъ Бисмаркъ», не развивавшій даже въ лучшіе свои годы скорости свыше 19 узловъ. Англія имѣла къ началу войны 43 броненосныхъ крейсера, затѣмъ ввела въ строй еще одинъ крейсеръ и потеряла изъ ихъ числа только 5 («Кресси», «Хогъ», «Абукиръ», «Монмузсъ» и «Гудъ-Гопъ»), такъ что теперешнее соотношеніе англійскихъ броненосныхъ крейсеровъ къ германскимъ равняется 39 къ 9, не говоря уже про превосходство отдѣльныхъ англійскихъ крейсеровъ надъ германскими.

Между тѣмъ для германцевъ броненосные крейсера въ настоящее время особенно дороги. Отказавшись отъ открытой борьбы за господство на морѣ и держа всѣ свои броненосцы подъ защитой береговыхъ укрѣпленій, Германія возлагала всѣ надежды на крейсерскія операціи и на набѣгъ противъ береговъ Англіи. Но въ настоящее время крейсерскія операціи почти прекратились вслѣдствіе того, что дѣйствовавшіе въ открытомъ океанѣ германскіе крейсеры почти всѣ уже истреблены англичанами. Возобновить же эти операціи при отсутствіи прочной морской базы у Германіи на Великомъ, Индійскомъ и Атлантическомъ океанахъ—весьма трудная задача. Набѣги на берега Англіи могутъ производиться броненосными крейсерами или по крайней мѣрѣ при ихъ дѣятельной поддержкѣ. Германскіе легкіе крейсера вооружены очень слабой артиллеріей (4-дюймоваго калибра), и поэтому съ ними могутъ сражаться (не въ одиночку, конечно) съ шансами на успѣхъ даже большіе англійскіе истребители, не говоря уже про суда другого ранга. Броненосцы, конечно, являются малопригодными для набѣга, вслѣдствіе своей

громоздкости и недостаточной быстроты хода. Поэтому для набѣга германцы могутъ употреблять почти исключительно броненосные крейсера. Такихъ крейсеровъ у Германіи осталось въ настоящее время только 9, но изъ нихъ 4—«Князь Бисмаркъ», «Принцъ Генрихъ», «Принцъ Адальбертъ» и «Роонъ», не обладаютъ достаточной быстротой хода и потому должны быть сброшены со счета. Остается 5 новыхъ линейныхъ крейсеровъ—«Лютцовъ», «Дерфлингеръ», «Зейдлицъ», «Мольтке» и «Фонъ-деръ-Таннъ», къ которымъ можно было раньше присоединить «Блюхеръ», теперь погибшій. Потеря «Блюхера» является поэтому потерей одного изъ шести наиболѣе нужныхъ для германцевъ судовъ.

Потерпѣвъ неудачу съ крейсерскими набѣгами, германцы повторили подобную же попытку съ подводными лодками. Одна лодка, проникнувъ въ Ламаншъ, напала тамъ на пароходы «Такамару» и «Икарія», а другая успѣла пробраться даже въ Ирландское море, гдѣ и потопила три англійскихъ парохода недалеко отъ Ливерпуля и Флитвуда. Германскій военный министръ, адмиралъ Тирпицъ, еще раньше грозилъ блокировать все англійское побережье съ помощью подводныхъ лодокъ, взрывать всѣ британскія торговыя суда и отрѣзать Англію отъ всякаго подвоза. Но удачный набѣгъ одной подводной лодки отнюдь не можетъ считаться хотя бы первымъ шагомъ къ осуществленію такой блокады. Прорывъ подводной лодки къ Ливерпулю по дальности разстоянія, по трудностямъ, которыя пришлось преодолѣвать на пути, по мужеству и искусству, проявленнымъ экипажемъ лодки, можно признать своего рода подвигомъ. Но именно отсюда и слѣдуетъ, что подобные набѣги не могутъ быть пріемомъ регулярной, повседневной борьбы. Англійской торговлѣ была бы страшна лишь правильная блокада, но подводныя лодки на что-либо подобное неспособны.

На Балканскомъ театрѣ войны въ теченіе мѣсяца никакихъ серьезныхъ событій не было. Вытѣснивъ въ ноябрѣ австрійскую армію изъ сербскихъ предѣловъ, сербская армія не могла все же предпринять наступленія въ предѣлы Австріи и ограничилась наблюденіемъ за безопасностью своихъ границъ. Австрійцы не предпринимали пока новой попытки наступленія въ Сербію, и идущіе слухи о томъ, что Австрія готовитъ новую громадную армію въ 400 тысячъ человѣкъ для вторженія въ Сербію, являются весьма сомнительными. Во всякомъ случаѣ никакихъ объективныхъ указаній на наличность такой новой арміи и на ея готовность вторгнуться въ предѣлы Сербіи до сихъ поръ не было.

А. Оглинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— „Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову". Юбилейный сборникъ. М. 1914. Стр. 384 Цѣна 2 р. 25 к.

Александръ Закржевскій. Лермонтовъ и современность. Кіевъ. 1915. Стр. 153. Цѣна 1 р.

Литература о Лермонтовѣ, вызванная его столѣтнимъ юбилеемъ, весьма не обширна, что легко объясняется войною. Вышеназванныя книги, очевидно, возникли гораздо раньше и представляются въ этой литературѣ едва-ли не наиболѣе значительными и по объему, и по содержанію.

«Вѣнокъ Лермонтову» составленъ изъ статей нѣсколькихъ московскихъ спеціалистовъ по исторіи литературы, и для изучающихъ Лермонтова детально многое представитъ здѣсь значительный интересъ. Въ первой статьѣ сборника, принадлежащей проф. П. Н. Сакулину, подъ заглавіемъ «Земля и небо въ поэзіи Лермонтова», устанавливается основная тенденція въ общемъ развитіи настроеній поэта: авторъ видитъ ее въ постепенномъ отрѣшеніи поэта отъ религіозно-философскаго дуализма, въ постепенномъ оправданіи земли, въ признаніи поэтомъ самоцѣнности жизни. Н. Бродскій освѣщаетъ творчество Лермонтова, какъ «поэтическую исповѣдь русскаго интеллигента 30—40-хъ годовъ». Въ статьѣ интересны сближенія лермонтовскихъ настроеній съ мотивами забытыхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ поэтовъ, его современниковъ, въ родѣ Хомякова, Шевырева, Башилова и др.; совпаденія между «Думой» и чаадаевскимъ письмомъ и другія также подтверждаютъ тѣсную духовную связанность Лермонтова съ широкимъ кругомъ тогдашней передовой интеллигенціи. Статья И. Соловьева говоритъ о «поэзіи одинокой души», какъ объ одномъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ поэзіи Лермонтова. Слѣдующая статья (г. Шувалова) о «религіи Лермонтова» кое-въ-какихъ деталяхъ существенно разногласитъ со вступительной статьею проф. Сакулина и слѣдуетъ Мережковскому въ освѣщеніи религіозныхъ настроеній поэта, въ то время, какъ Сакулинъ съ Мережковскимъ полемизируетъ. Н. Мендельсонъ разбиваетъ народные мотивы въ творчествѣ Лермонтова. Интересна слѣ-

дующая статья «Поэтика Лермонтова» (В. Фишера), съ многими любопытными замѣчаніями о процессѣ творчества поэта и объ особенностяхъ всѣхъ поэтическихъ средствъ поэта. И. Розановъ въ статьѣ «Отзвуки Лермонтова» устанавливаетъ, тщательнымъ подборомъ сходныхъ образовъ и совпаденій въ выраженіяхъ и т. п., насколько широко было вліяніе Лермонтова на длинный рядъ поэтовъ, его современниковъ и преемниковъ, не исключая Майкова, Фета и др., до современныхъ Бальмонта, Брюсова и пр.—Съ нѣкоторыми частностями этой статьи можно и не согласиться, напр. относительно утвержденія, что Некрасовъ очень мало зависѣлъ отъ Лермонтова. Можно было бы умножить указанныя въ статьѣ сближенія между обоими поэтами; такъ сбойдено значительное совпаденіе въ построеніи между «Журналистомъ, читателемъ и писателемъ» и «Поэтомъ и гражданиномъ»,—при основномъ покаянномъ мотивѣ въ обоихъ произведеніяхъ исповѣди поэтовъ. Вообще вліяніе Лермонтова по своей широтѣ и глубинѣ оказывается необыкновенно сильнымъ и разностороннимъ, и до сихъ поръ вопросъ о немъ ждетъ болѣе подробнаго обслѣдованія. Кое-что новаго удается сказать и авторамъ двухъ заключительныхъ статей сборника, пишущимъ о вліяніяхъ на Лермонтова русской и европейской литературы, г. Шувалову и проф. М. Н. Розанову. Послѣдній въ дополненіе къ очень извѣстнымъ байроническимъ чертамъ въ творчествѣ Лермонтова устанавливаетъ еще несомнѣнное вліяніе на душу Лермонтова идей Руссо.

Въ общемъ «Вѣнокъ Лермонтову» нѣсколько академиченъ, интересъ книги далекій отъ современныхъ настроеній. Въ противоположность этому, книга г. Закржевскаго написана со свойственной ему горячкой и увлеченіемъ. Онъ съ жаднымъ волненіемъ и интересомъ спѣшитъ связать духовныя волненія и настроенія нашихъ дней съ Лермонтовымъ, и съ большою страстностью сближаетъ богоборчество Лермонтова съ идеями Ницше и Достоевскаго и съ бурной реакціей современной души на вопросы о смыслѣ міра и жизни. Несомнѣнно, многіе читатели найдутъ въ этой книгѣ, написанной съ обычными достоинствами и недостатками г. Закржевскаго, съ энтузіазмомъ и шумными преувеличеніями, отраженія собственныхъ душевныхъ мученій, и, можетъ быть, глубже и интимнѣе почувствуютъ творчество Лермонтова.

Въ обѣихъ книгахъ, несомнѣнно, выразилось съ новою силою, какая крупная величина Лермонтовъ, и до какой степени не изжито еще его колоссальное творчество.

Ч. В—скій.

— Алкей и Сафо. (Собраніе пѣсенъ и лирическихъ отрывковъ въ переводѣ Вячеслава Иванова. М. 1914. Ц. 1 р. 25 к.).

Книгоиздательство М. и С. Сабашниковыхъ продолжаетъ энергично развивать свою дѣятельность по изданію на русскомъ языкѣ крупнѣйшихъ памятниковъ міровой литературы. Изъ области античной литературы издателями уже выпущены въ свѣтъ Софоклъ, Овидій, Лукрецій, Маркъ Аврелій. Недавно вышелъ новый выпускъ; онъ содержитъ дошедшіе до насъ стихотворенія и стихотворные фрагменты двухъ великихъ лесбосскихъ поэтовъ, Алкея и Сафо, въ переводѣ г. Вячеслава Иванова.

Крупная и пріятная особенность перевода, — что онъ сдѣланъ размѣрами подлинниковъ. Размѣры эти чрезвычайно прихотливы и трудны. Такой первоклассный мастеръ русскаго стиха, какъ Фетъ, считалъ подобные размѣры неосуществимыми на русскомъ языкѣ и, напр., въ переводахъ своихъ изъ Горація даже не пытался сохранять размѣры подлинниковъ. И недавно еще В. Я. Брюсовъ высказывалъ сомнѣніе, возможно ли въ нашей поэзіи созданіе античныхъ размѣровъ. Мы думаемъ, переводы г. Иванова доказываютъ, что возможно. Намъ представляется безупречною такая, напр., сапфическая строфа:

Мнится мнѣ: какъ боги, блаженъ и воленъ,
Кто съ тобой сидитъ, говоритъ съ тобою,
Милой въ очи смотритъ и слышитъ близко
Лепетъ умильный.

Или такіе асклепіады:

Сохнетъ, други, гортань,—дайте вина! Звѣздный ярится Песъ.
Пекла лѣтняго жаръ тяжекъ и лютъ; жаждетъ, горитъ земля.
Не цикада — пѣвецъ! Ей ни по чемъ этотъ палящій зной:
Все звенитъ да звенитъ, въ чащѣ вѣтвей, стрекотомъ жесткихъ
крылъ.

Неудачными, страннымъ образомъ, оказываются иногда какъ разъ такіе размѣры, которые, казалось бы, не представляютъ никакихъ трудностей.

Выше горъ златой храмъ.
Музъ соборъ святой, къ намъ!

Всякій прочтетъ эти стихи, какъ анапестъ, и, только справившись съ подлинникомъ, узнаетъ, что нужно ихъ читать, какъ хорей. Впрочемъ, такихъ неудачныхъ стиховъ немного.

Среди эллинскихъ поэтовъ Алкей и Сафо выдаются удивительною простотою, ясностью и сдержанностью языка. Въ этомъ они

очень походятъ на Пушкина. «Я васъ любилъ. Любовь еще, быть можетъ, въ моей душѣ угасла не совсѣмъ. Но пусть она васъ больше не тревожитъ: я не хочу печалить васъ ничѣмъ». Простыя, обыденныя слова, обыденнѣйшіе обороты рѣчи,—а какая въ нихъ сила и какая красота! То же и у обоихъ лесбосскихъ поэтовъ. Вотъ эта-то ихъ простота составляетъ постоянный камень преткновенія для переводчика. Ясная прозрачность, легкость и простота языка никогда не принадлежали къ числу достоинствъ Вячеслава Иванова. Напротивъ, онъ неизмѣнно велерѣчивъ, теменъ и приподнятъ. Эти качества, къ сожалѣнію, цѣликомъ сказываются и въ его переводахъ.

Сохранилось, напр., два стиха Алкея, въ которыхъ онъ такъ обращается къ Сафо: «Фіалкокудрая, чистая, съ нѣжною улыбкою Сафо! Хочу кой-что сказать тебѣ, но мнѣ мѣшаетъ стыдъ». И вотъ въ какіе напыщенные выкрики превращаетъ г. Ивановъ эти пушкински-простыя слова Алкея:

Святая Сафо!
Съ нѣжной улыбкой Сафо!
Съ кудрями цвѣта
Темной фіалки, Сафо!
Слетѣть готово
Съ устъ осмѣлѣвшихъ слово...
Но стыдъ промолвить
Мнѣ запрещаетъ слово!

Есть у Сафо стихъ: «Придите, Музы, покинувъ золотой».. [Храмъ? Домъ отца? — неизвѣстно: отрывокъ состоитъ изъ одного этого стиха]. Г. Ивановъ переводитъ его вышеприведеннымъ двустишіемъ:

Выше горъ златой храмъ.
Музъ *соборъ святой*, къ намъ!

Что осталось среди этихъ гиперболъ отъ простыхъ словъ Сафо?

Не отказался г. Вяч. Ивановъ и отъ своей извѣстной склонности ко всякаго рода архаизмамъ, неологизмамъ и простонароднымъ оборотамъ. Переводы его пестрятъ такими словами, какъ «зане», «златой», «градъ», «бранникъ», «лирникъ», «щекотъ славій», «утицы», «зерцало» и т. п. Причудливая смѣсь торжественно-архаическихъ, вновь сочиненныхъ и простонародныхъ словъ и выраженій составляетъ характерную особенность собственной поэзіи Вячеслава Иванова, но нисколько не характерна ни для Алкея, ни для Сафо. Ихъ языкъ — обыкновенный, современный имъ разговорный языкъ, лишь съ очень незначительными слѣдами вліянія эпической поэзіи, съ одной стороны, народной пѣсни, — съ другой. Чи-

тая переводы г. Иванова, всякій скажетъ: «сразу видно, что это — Вячеславъ Ивановъ». [Было бы много лучше, если бы можно было сказать: «сразу видно, что это—Алкей и Сафо».

Чрезвычайно непріятное впечатлѣніе производятъ русскія народныя выраженія, которыя переводчикъ вкладываетъ въ уста лесбосскихъ поэтовъ. Алкей говоритъ у г. Иванова про свою «буйную голову», Сафо спрашиваетъ: «аль кого другого возлюбило сердце»? и вотъ какимъ языкомъ говоритъ въ своихъ свадебныхъ пѣсняхъ:

Яблочко, сладкій наливъ, разрумянилось тамъ, на высокой
Вѣткѣ,—на самой высокой, всѣхъ выше оно. *Не видали?*
Знать, на верхушкѣ его? Аль видали,—да взять—не достали.

«Взять—не достали»,—это же, наконецъ, даже не по-русски!

У Алкея и особенно у Сафо нѣкоторыя стихотворенія, несомнѣнно, носятъ характеръ народной пѣсни,—что, повидимому, и побудило г. Иванова ввести въ свой переводъ указанные народные обороты. Но обороты эти,—всѣ эти «аль видали», «буйныя головы», «зятекъ», «женишокъ»,—придаютъ переводамъ характеръ не народной пѣсни вообще, а *русской* народной пѣсни. Только русская молодайка, а не гречанка Сафо можетъ спрашивать: «Знать, не видали? Аль видали, да не достали?» Заставлять говорить древне-эллинскихъ поэтовъ подобнымъ языкомъ, это — такая безвкусица, о которой не можетъ быть двухъ мнѣній.

Отношеніе переводчика къ дошедшимъ текстамъ лесбосскихъ поэтовъ также вызываетъ рядъ возраженій. Нерѣдко г. Ивановъ соединяетъ въ одно стихотвореніе нѣсколько фрагментовъ, дошедшихъ въ отдѣльности, если въ ихъ содержаніи есть что-либо общее. Пріемъ, по нашему мнѣнію, совершенно непозволительный. Отъ Сафо, напр., кромѣ нѣсколькихъ крупныхъ пѣсенъ, сохранилось около сотни фрагментовъ въ 1 — 2 стиха; а написала она девять книгъ стихотвореній. Что удивительнаго, если нѣкоторая общность содержанія окажется у отрывковъ, взятыхъ, можетъ быть, изъ совсѣмъ различныхъ стихотвореній? Если бы отъ Пушкина до насъ дошли такіе же жалкіе отрывки, какъ отъ Сафо, и мы стали слѣдовать пріемамъ г. Иванова, то получили бы сколько угодно стихотвореній въ такомъ, напр., родѣ:

Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Вотъ мельница,—она ужъ развалилась;
Прервали свой голодный ревъ [колеса?]...

Но какую цѣнность имѣютъ такого рода реставраціи? И не больше ли проявили бы мы уваженія къ памяти поэта, если бы дали читателю сохранившіеся отъ него отрывки въ томъ именно видѣ, въ какомъ они до насъ дошли?

Къ сожалѣнію, свобода переводчика въ обращеніи съ текстомъ переводимыхъ поэтовъ идетъ еще дальше. Сохранился, напр., такой стихъ Сафо: «Геллы дѣтолюбивѣе». Отъ комментаторовъ мы узнаемъ, кто такая была эта Гелла. И вотъ какъ «переводитъ» стихъ Сафо г. Ивановъ:

Есть преданье на Лесбосѣ:
Дѣва, рано умершая,
Гелла чадолюбивая,
Къ дѣтямъ по-душу крадется
Въ часъ ночной.

Въ примѣчаніи въ концѣ книги переводчикъ сообщаетъ: «Два слова подлинника развиты въ небольшое стихотвореніе изъ попутныхъ сообщеній древнихъ комментаторовъ». Такому стихотворенію гораздо приличнѣе фигурировать въ собраніи сочиненій Вячеслава Иванова, а не Сафо.

Но здѣсь переводчикъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ о тѣхъ добавленіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ къ тексту. Въ другихъ случаяхъ нѣтъ и этого. Отъ свадебныхъ пѣсенъ Сафо сохранился такой отрывокъ: «Какъ гіацинтъ, который въ горахъ пастухи попираютъ ногами, и къ землѣ пурпурный цвѣтокъ»... Можно представить, сколько угодно, догадокъ, что именно хотѣла сказать Сафо своимъ образомъ,— немало догадокъ и высказывается. Высказываетъ свою догадку и переводчикъ, но не въ примѣчаніи, а вводитъ ее въ самый текстъ, заставляя думать читателя, что именно таково значеніе образа у самой Сафо:

Дѣвичья воля, прости! ты, дѣвственность! Никнетъ, растоптанъ,
Въ горныхъ лугахъ, на пастушьей тропѣ, гіацинтъ пурпуровый...

У Алкея есть такой стихъ: «о, я несчастная! Обрушиваются на меня всѣ самыя жестокія бѣды!» Г. Ивановъ переводитъ:

Не изжить золъ,
Не избыть бѣдъ!
На роду, знать,
Молодой мнѣ
Горе мыкать!

Что же это такое? Откуда попалъ сюда отрывокъ изъ Кольцова? Откуда это фаталистическое настроеніе, на которое въ подлинникѣ нѣтъ даже отдаленнаго намека? Развѣ же такъ можно?

Кстати отмѣтимъ, что со стороны стихотворной техники этотъ же переводъ г. Вяч. Иванова представляетъ изумительнѣйшій стихотворный tour de force. Въ подлинникѣ отрывокъ написанъ іоническими стопами: два короткихъ слога и за ними два долгихъ. Какъ передать такой размѣръ на русскомъ языкѣ, гдѣ нѣтъ долгихъ и краткихъ гласныхъ, а есть только ударенія? Попробуйте громко прочесть первые четыре стиха перевода г. Иванова,—и вы увидите, что размѣръ,—казалось бы, на нашемъ языкѣ совершенно невозможный,—переданъ безукоризненно: стихи невозможно прочесть иначе, какъ размѣромъ іонической стопы.

Толкованіе переводчикомъ нѣкоторыхъ текстовъ вызываетъ полнѣйшее недоумѣніе, и можно пожалѣть, что г. Ивановъ не мотивировалъ этихъ своихъ толкованій, а ограничился общимъ замѣчаніемъ: «Знатокамъ точка зрѣнія переводчика на чтеніе и смыслъ темныхъ мѣстъ понятна и безъ поясненій». Мы очень сомнѣваемся, чтобъ и знатокъ понялъ безъ поясненій точку зрѣнія г. Иванова на чтеніе хотя бы слѣдующихъ отрывковъ.

Сафо говоритъ: «Кому я такъ много даю, тѣ причиняютъ мнѣ всего больше мукъ». Г. Вяч. Ивановъ переводитъ:

... *На кого я взглядомъ*
Пристальнымъ взгляну, тотъ и ранитъ сердце.

Кого ни встрѣтитъ Сафо, стоитъ ей только пристально на него взглянуть,—и она получаетъ отъ него рану въ сердце. Что это значитъ? И мы недоумѣваемъ, какія основанія были у переводчика именно такъ понять текстъ. И ужъ рѣшительнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, что никакихъ основаній не было придавать другому отрывку Сафо тотъ смыслъ, который придаетъ переводчикъ. Сафо говоритъ: «Я не знаю, на что рѣшиться: двѣ мысли у меня». Это колебаніе нерѣшительной женщины у г. Иванова превращается въ глубокую, трагическую раздвоенность души:

Въ сердцѣ помысла два
И двѣ воли... Чего бѣжать?

Однимъ словомъ: «Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust». Если даже слово θέω переводить «бѣгу» [что наврядъ ли вѣрно], то все-таки получится только невинное: «не знаю, чего бѣжать: двѣ мысли у меня». Между тѣмъ, въ одной изъ своихъ недавнихъ статей, г. Ивановъ прямо опирался на этотъ стихъ, доказывая наличность глубокой раздвоенности въ душѣ Сафо.

Въ одномъ прелестномъ четырехстишіи Сафо обращается къ своей ученицѣ Дикѣ (очевидно, той самой, которая въ другомъ отрывкѣ названа полнымъ именемъ «Мнасидика»), предлагаетъ ей

надѣть на роскошные волосы вѣнокъ, нарвавъ для него вѣтокъ укропа: Хариты любятъ цвѣты, и отворачиваются отъ тѣхъ, кто безъ цвѣтовъ. По мнѣнію г. Иванова, рѣчь идетъ здѣсь о Дике, богинѣ справедливости. И вотъ во что превращается у него это стихотвореніе:

ГИМНЪ ПРАВДѢ.

О, Правда! вплетать любо тебѣ зелень живую въ кудри,
И гибкія ты нѣжной рукой вѣтви кустовъ ломаешь.
Зане веселитъ, Правда, тебя, въ кругѣ Харитъ блаженныхъ,
Весенній уборъ! Кто жъ не вѣнчанъ, тотъ не угоденъ вышнимъ.

Строгая дѣва Дике, дочь Зевса, возсѣдающая на тронѣ рядомъ съ великимъ отцомъ и творящая свой грозный судъ, — образъ, совершенно чуждый кругу божествъ, въ которомъ живетъ Сафо. И совершенно невозможно представить себѣ эту величественную богиню въ кругѣ легкомысленныхъ Харитъ и старающеюся угодить вышнимъ своимъ вѣнкомъ изъ укропа.

Книгѣ предпосланъ интересный и содержательный вступительный очеркъ, принадлежащій перу переводчика и заключающій въ себѣ характеристику обоихъ поэтовъ.

В. Вересаевъ.

— В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ. Москва. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. MCMXIV. Стр. II + 314 + 1 табл. Цѣна 2 руб.

Некрасовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ корифеевъ русской литературы, для изученія жизни и творчества которыхъ сдѣлано пока сравнительно очень мало. Между тѣмъ въ послѣдніе годы интересъ и симпатіи къ этому поэту, несомнѣнно, возродились и расширились. Возродились они въ средѣ дѣятелей новѣйшей литературы, приносившихъ въ лицѣ Бальмонта, Бѣлаго, Брюсова и др., дань восторженнаго уваженія поэту, казалось бы, безконечно далекому отъ модернизма, а также чрезвычайно расширяются въ растущей средѣ демократіи, по мѣрѣ того, какъ въ нее проникаетъ интересъ къ литературѣ. Поэтому книгу г. Евгеньева и вообще появленіе новыхъ работъ и новыхъ матеріаловъ о Некрасовѣ, конечно, приходится горячо привѣтствовать. Во взаимодѣйствіи интересовъ къ поэту, со стороны читателей и изслѣдователей, въ свою очередь растетъ и множится глубокое дѣйственное значеніе его творчества.

Книга г. Евгеньева не является монографическимъ изслѣдованіемъ, посвященнымъ Некрасову, а лишь сборникомъ и сводкой статей и замѣтокъ о Некрасовѣ, разсѣянныхъ авторомъ за послѣдніе два-три года во многихъ журналахъ и газетахъ. Сборникъ раздѣленъ на двѣ части. Въ первой, подъ названіемъ «Изъ жизни Н. А. Некрасова», собраны статьи, освѣщающія нѣкоторые пункты біографіи поэта. Здѣсь, на основаніи печатныхъ и довольно многочисленныхъ, разысканныхъ г. Евгеньевымъ, неизданныхъ матеріаловъ, даются свѣдѣнія изъ семейной хроники рода Некрасовыхъ; довольно подробно говорится объ отцѣ Некрасова, о годахъ ученія поэта въ ярославской гимназіи, о жизни и писаніяхъ Некрасова въ началѣ сороковыхъ годовъ и, наконецъ, объ отношеніяхъ его, какъ издателя и редактора «Современника», къ сотрудникамъ. Въ статьяхъ второй части сборника, подъ заглавіемъ «Н. А. Некрасовъ и русская общественность», авторъ стремился, говоря его словами, «выяснить основы общественнаго міросозерцанія Некрасова въ связи съ его отношеніемъ къ тремъ главнымъ факторамъ русской жизни—народу, интеллигенціи и правительственной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить, какое отношеніе къ себѣ возбуждала поэзія Некрасова со стороны каждаго изъ этихъ факторовъ».

Авторъ съ большой любовью относится къ предмету своего изслѣдованія. Для освѣщенія каждаго намѣченнаго имъ вопроса въ этой области онъ добросовѣстно привлекаетъ во всей детальности всѣ ему доступные и извѣстные матеріалы. Благодаря этому, этюды иногда чрезмѣрно растянуты излишними обширными цитатами тамъ, гдѣ было бы достаточно простой ссылки. Съ другой стороны, авторъ, однако, бываетъ очень скупъ, именно въ ознакомленіи читателей съ тѣми неизданными матеріалами, которые находятся въ его распоряженіи. Такъ, на пространствѣ всей книги разсѣяны упоминанія объ автобіографическихъ замѣткахъ поэта, которыя онъ диктовалъ предъ смертью и которыя находятся въ рукахъ г. Евгеньева. Кажется—всего естественнѣе было бы опубликовать эти замѣтки въ полномъ ихъ составѣ, и потомъ въ своихъ этюдахъ какъ угодно ссылаться и цитировать этотъ важный документъ. Вмѣсто того г. Евгеньевъ предпочитаетъ оглашать его по крохотнымъ кусочкамъ, выдергивая ихъ по мѣрѣ надобности для своихъ статей. Высоко интересныя признанія Некрасова читателю приходится буквально вылавливать на страницахъ, занятыхъ или извѣстнымъ уже матеріаломъ, или соображеніями и повтореніями общеизвѣстнаго характера.

Во всякомъ случаѣ, въ книгѣ г. Евгеньева разсѣяно много интересныхъ страницъ документальнаго характера. Приводимыя имъ

выдержки изъ неизданныхъ замѣтокъ Некрасова, изъ ненапечатанныхъ стихотвореній, варіанты и новыя стихотворенія, а также письма — все это представляетъ живой интересъ для тѣхъ, кому дорога каждая строчка поэта, каждое новое указаніе на страницы и мелочи его, до сихъ поръ во многомъ столь загадочной, жизни.

Нѣкоторыя соображенія и догадки г. Евгеньева нельзя считать безусловно вѣрными. Такъ сомнительна, отстаиваемая имъ, принадлежность Некрасову стихотворенія «Притча» и въ особенности стихотворенія «Шарманка». Относительно «Притчи», Некрасовъ могъ бы быть признанъ только по одному-двумъ выраженіямъ въ ней; по стиху пьеса нѣсколько напоминаетъ Лаврова. Въ отношеніи «Шарманки» самъ г. Евгеньевъ, ссылаясь на С. А. Венгерова, говоритъ о возможности, что эта пьеса принадлежала В. Р. Зотову. Намъ писалъ покойный Мельшинъ-Якубовичъ, что Зотовъ весьма обижался, когда слышалъ, что его, въ свое время популярную, «Шарманку» приписываютъ Некрасову.

Весьма интересна глава о читателяхъ Некрасова въ настоящее время въ простонародной средѣ. Здѣсь выросъ и множится новый поклонникъ поэта, съ восторженнымъ умиленіемъ принимающій его слово.

Книга, безъ сомнѣнія, понадобится всѣмъ изучающимъ Некрасова. Жаль поэтому, что авторъ не составилъ указателя упоминаемыхъ въ книгѣ именъ и произведеній, чѣмъ крайне затруднилъ пользованіе ею.

Въ заключеніе должно выразить пожеланіе, чтобъ матеріалы о Некрасовѣ и его строки были опубликованы авторомъ не въ разсыпанномъ видѣ.

Ч. В—скій.

— Земля. Сборникъ пятнадцатый. М. 1914 г.

«Гвоздемъ» сборника является пьеса Арцыбашева: «Война», уже успѣвшая, при своей постановкѣ, вызвать цѣлую бурю. Эта буря—явное недоразумѣніе, ибо ничѣмъ особеннымъ, среди другихъ произведеній Арцыбашева, его новая пьеса не выдѣляется. Она написана литературно, талантливо, хотя и съ обычною для Арцыбашева схематичностью и нѣкоторыми ненужными подчеркиваніями. Дѣйствующимъ лицамъ нельзя отказать въ живости и яркости, несмотря на то, что они, какъ всегда, служатъ иллюстраціями авторскихъ тенденцій. Въ основѣ авторскаго замысла затаена излюбленная арцыбашевская идея о безсмысленной жестокости жизни. Война лишь случайный и очень удобный поводъ для ея доказательства. Въ пер-

вомъ дѣйствіи, радужными, даже нѣсколько приторными красками нарисована изысканная картина безмятежнаго и безоблачнаго человѣческаго счастья. Блаженствуетъ вся семья — отцы радуются на дѣтей и каждый изъ дѣтей счастливъ по-своему. Всѣ веселы и находятъ, что «хорошо жить на свѣтѣ», «иногда даже черезчуръ хорошо»... Въ роскошной рамкѣ весенней природы воркуютъ двѣ пары: молодые супруги и женихъ съ невѣстой. Но вотъ объявляется война, и все это летитъ кувыркомъ, отъ сладкаго благополучія не остается и слѣда. Мужчины уходятъ на войну, кто по долгу службы, кто добровольно, но всѣ уходятъ съ готовностью, чуть не съ радостью, съ большимъ подъемомъ—какъ и въ дѣйствительности (тонъ современнаго общественнаго настроенія, вообще, схваченъ Арцыбашевымъ очень вѣрно). Уходитъ, между прочимъ, идеалистъ Доуэ, который, кромѣ своей скрипки, ничего не любитъ (не любитъ даже женщинъ, къ удивленію другого героя пьесы); общій энтузіазмъ разбудилъ въ немъ патріота, и онъ, поручивши возлюбленную скрипку знакомымъ, идетъ воевать и умирать. А оставшіеся, по настроенію, дѣлятся на двѣ разныя половины. Одни—высоко патріотичны и, какъ глава семьи, отставной полковникъ, убѣждены, что во время войны люди «не имѣютъ права говорить о своей личной жизни, не имѣютъ права разсуждать». «Мы всѣ должны идти и умирать, не разсуждая!.. Я старикъ, но если понадобится, то пойду безъ всякихъ разсужденій, потому что моя жизнь нужна для всей Россіи! Что такое ты въ сравненіи съ Россіей?!»—кричитъ онъ дочери. Но дочь, у которой ушелъ на войну мужъ, и слышать не хочетъ про Россію.—У меня есть своя жизнь! Я никого не трогаю... Пусть моя жизнь маленькая, ничтожная, но я не хочу, чтобы коверкали мою жизнь! Не хочу!—Таково мнѣніе другой половины, но это половина женская, а женщины для Арцыбашева, вообще, второй сортъ. Характерно, что излюбленная идея индивидуализма на этотъ разъ высказывается у Арцыбашева женщиной; не значитъ ли это, что индивидуализмъ уже занимаетъ у него второстепенное мѣсто? Хотя самъ Арцыбашевъ и отрекается отъ «женофобскихъ тенденцій», но онѣ у него существуютъ, и онъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы выразить свой взглядъ на женщину, какъ существо ограниченное, коварное, жестокое и развратное. Но теперь онъ дѣлаетъ это устами самой героини. («Я развратная, гадкая и подлая!» Эта грубая противоестественная самохарактеристика—самое слабое мѣсто пьесы). Несмотря на любовь къ мужу, героиня пьесы не безъ благосклонности относится и къ своему поклоннику, князю. Она сама сознается, что могла бы и измѣнить мужу, если бы притязанія князя были настойчивѣе... Этотъ параллельный романъ развивается авторомъ съ самаго начала

пьесы; война, разлучившая супруговъ, только усилила его, но на развязку его авторъ, обыкновенно очень прямолинейный и смѣлый, все-таки не рѣшился (заключительная ремарка, что героиня, при видѣ искалѣченнаго мужа, падаетъ безъ чувствъ «на руки князя», ничего еще не доказываетъ, намекаетъ лишь на возможности), да «развязка» и не была нужна Арцыбашеву. Низменность женской природы и такъ выставлена съ достаточной яркостью... Война, съ ея героическимъ подъемомъ, дала для этого удобный поводъ.

Въ сборникѣ, кромѣ «Войны», помѣщены еще: вторая часть «Ямы» Куприна, говорить о которой удобнѣе по ея окончаніи (оно обѣщано въ слѣдующемъ сборникѣ), и коротенькая лирическая пьеса Крашенинникова «Плачъ Рахили». Послѣдняя написана прекраснымъ языкомъ съ хорошо выдержаннымъ библейскимъ колоритомъ, но ея замыселъ—искусственъ. О замыслѣ съ достаточной ясностью говоритъ авторское предисловіе. «Много разъ я перечитывалъ въ Библіи небольшой эпизодъ Іакова и Рахили, и всегда казалось мнѣ, что въ эпическомъ спокойствіи ея нѣсколькихъ словъ, удѣленныхъ жизни этихъ первыхъ людей, была скрыта драма женской души. Еще я думалъ, что драма эта останется вѣчно новой,—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока основы семейнаго уклада не перестроятся заново и въ міръ не войдетъ—еще непонятная и непризнанная—единая, недѣлимая любовь. Безконечною цѣпью идутъ женщины за Рахилью въ ея поруганной любви; и плачъ Рахили—плачъ тысячъ жизней и горе ея—«горе одно, горе великое»... — Между библейской простотой нравовъ и современной взвинченностью и сложностью—цѣлая бездна и сближеніе ихъ не можетъ не быть натяжкой. Особенно искусственно звучатъ авторскія мысли въ устахъ Рахили, пророчествующей о томъ, что за нею пойдутъ «плачущія и обманутыя въ любви». Въ этомъ вычурномъ торжественномъ финалѣ («Умеръ Іаковъ, мой возлюбленный! Здравствуетъ Іаковъ, мужъ мой!») есть что-то, напоминающее надрывные вопли Пшибышевскаго.

Е. Колтоновская.

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА «ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ».

Въ минувшемъ январѣ исполнилось 25-лѣтіе существованія издающагося въ Москвѣ журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Столь продолжительное служеніе лучшимъ идеаламъ общества при суровыхъ условіяхъ русской дѣйствительности заслуживаетъ быть отмѣченнымъ съ нѣкоторыми подробностями.

Журналъ основанъ извѣстнымъ московскимъ дѣтскимъ врачомъ и общественнымъ дѣятелемъ Егоромъ Арсеньевичемъ Покровскимъ. Первая книжка «Вѣстника Воспитанія» вышла въ январѣ 1890 года. Е. А. Покровскій состоялъ редакторомъ-издателемъ журнала до октября 1895 года—до дня своей кончины, послѣ чего, по желанію покойнаго, «Вѣстникъ Воспитанія» сталъ издаваться и редактироваться докторомъ Н. Ф. Михайловымъ. Вначалѣ въ редактированіи журнала принималъ участіе Е. Д. Синьцкій, впослѣдствіи прив.-доц. ярославскаго демидовскаго лицея, а съ августа 1897 года и до настоящаго времени редакторомъ журнала состоитъ бывшій завѣдующій статистическимъ бюро полтавскаго губернскаго земства Ю. А. Бунинъ. Журналъ до 1901 года выходилъ 8 разъ въ годъ, а съ этого года 9 разъ, при чемъ въ журналѣ, кромѣ статей педагогическаго характера, стали помѣщаться научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства—въ виду ихъ связи съ вопросами педагогики.

При редакціи Е. А. Покровскаго цѣлью журнала ставилось—«распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ».

Новая редакція формулировала задачу журнала иначе, а именно: «выясненіе вопросовъ воспитанія и образованія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности».

Различіе этихъ формулировокъ устанавливало и разницу между характеромъ и направленіемъ журнала въ два періода его существованія.

Е. А. Покровскій всѣ вопросы воспитанія и образованія старался поставить въ связь съ научными естественно-историческими данными, и здоровое, правильное развитіе подростающихъ поколѣній считалъ достижимымъ при совмѣстной работѣ врачей съ педагогами. Признавая извѣстное значеніе въ дѣлѣ воспитанія за этическими, эстетическими и иными принципами, Е. А. отводилъ имъ въ журналѣ второстепенное мѣсто. Что касается различныхъ системъ воспитанія и образованія, ихъ постановки и проч., то въ этомъ отношеніи редакція считала наиболѣе полезнымъ предоставить страницы своего журнала представителямъ различныхъ взглядовъ для всесторонняго уясненія истины. Главное вниманіе журнала удѣлялось тогда физическому и дошкольному воспитанію, но рядомъ съ этимъ въ «Вѣстникѣ Воспитанія» было много статей, посвященныхъ средней и начальной школѣ и внѣшкольному образованію. Въ первые же годы редакція сгруппировала многочисленный составъ сотрудниковъ, въ

числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть извѣстныхъ педагоговъ В. П. Острогорскаго, Д. Д. Семенова и др., видныхъ врачей В. О. Португалова, проф. И. А. Сикорскаго, проф. Ф. Ф. Эрисмана и проч., дѣтскихъ писателей Кота-Мурлыки, А. В. Круглова, Кл. Лукашевичъ и т. д.

При новой редакціи главное вниманіе было обращено на выясненіе различныхъ теорій воспитанія и образованія, на новыя теченія въ педагогикѣ (экспериментальная педагогика, свободное воспитаніе, принципы общественности и трудовое начало въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и проч.). Важное значеніе журналъ придавалъ научнымъ даннымъ индивидуальной и коллективной психологіи и въ особенности вліянію соціальной среды, примыкая въ этомъ отношеніи къ школѣ такъ-называемой «соціальной педагогики».

Слѣдя за различными видами образованія и за школами всѣхъ ступеней и разрядовъ, «Вѣстникъ Воспитанія» былъ сторонникомъ принциповъ свободы, равноправія и демократизма, широкаго просвѣщенія народныхъ массъ, самостоятельности и объединенности педагогическаго персонала и т. д. и стремился къ тому, чтобы воспитаніе и образованіе строилось на разумныхъ педагогическихъ началахъ, а не въ угоду тѣмъ или инымъ политическимъ, націоналистическимъ или клерикальнымъ тенденціямъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» журналъ слѣдилъ не только за педагогическими сочиненіями, учебниками и дѣтской литературой, но и за вновь выходящими книгами по различнымъ отраслямъ знанія, искусства и литературы.

Текущія явленія въ различныхъ областяхъ народнаго образованія у насъ и за-границей освѣщались въ «хроникѣ», которой редакція стремилась придать характеръ обозрѣній съ тѣми или иными руководящими положеніями.

Для обозрѣнія дѣла образованія и воспитанія въ другихъ странахъ, кромѣ данныхъ педагогической литературы, журналъ пользуется услугами заграничныхъ корреспондентовъ.

Время отъ времени въ журналѣ появлялись беллетристическія произведенія (большею частью переводныя) и литературно-педагогическія воспоминанія.

Изъ многочисленныхъ статей непедагогическаго характера слѣдуетъ упомянуть проф. И. И. Мечникова, проф. И. Г. Оршанскаго и др. Съ 1897 года до самой своей кончины въ декабрѣ 1910 г. обзоръ дѣтской и народной литературы велъ Н. Н. Златовратскій. За послѣдніе мѣсяцы въ «Вѣстникѣ Воспитанія» помѣщались статьи, посвященныя міровой борьбѣ народовъ. Въ этихъ статьяхъ отмѣчалось, что, кромѣ главнѣйшей задачи—обороны отечества, усилія

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки